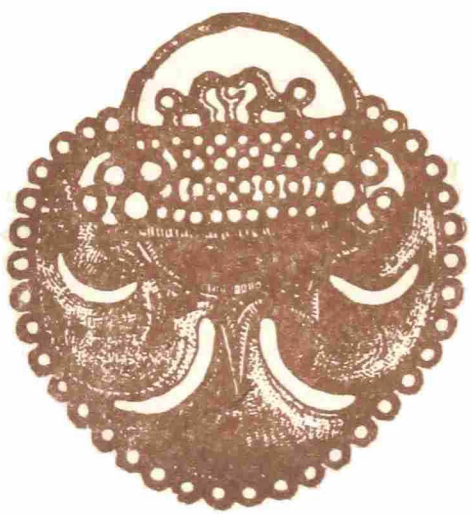
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4

1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1988 4

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. РЫБАКОВ (главный редактор)
И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. П. Любин,
В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора), **А. А. Формозов, В. П. Шилов**

СОДЕРЖАНИЕ

Телегин Д. Я. (Киев). Раскопки в Ясиноватке (о переодизации могильников мариупольского типа) 5
Потехина И. Д. (Киев). Краниологические материалы из неолитического могильника Ясиноватка на Днепре 18
Черняков И. Т., Никитин В. И. (Киев, Николаев). Металлические украшения с пуансонным орнаментом ямной и катакомбной культур 26
Андреев Ю. В. (Ленинград). Дворец и «город» на Крите во II тыс. до н. э. 37
Кузнецова Т. М. (Москва). Зеркала в погребальном обряде сарматов . . 52
Вагнер Г. К. (Москва). К 1000-летию начала русской архитектуры (по материалам археологии) 62
Медынцева А. А. (Москва). Оклады «корсунских» икон из Новгорода 67

Публикации

Филатова В. Ф. (Петрозаводск). Мезолитическое поселение Оровнаволок XII 78
Татаринов С. И. (Артемовск). Сезонное жилище горняков-металлургов эпохи бронзы у сел. Пилипчатино в Донбассе 96
Безуглов С. И. (Ростов-на-Дону). Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье 103
Минжулин А. И. (Киев). Защитное вооружение воина-лучника V—IV вв. до н. э. из кургана у сел. Гладковщина (реставрация и научная реконструкция) 116
Мошинский А. П. (Москва). Погребальный обряд некрополя IV—III вв. до н. э. у поселка Заозерное (Крым) 127

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1988 г.

Анфимов Н. В. (Краснодар). Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани 138
Мирошина Т. В., Державин В. Л. (Москва). Сарматские погребения из могильника Веселая Роща III 146
Оболдуева Т. Г. (Москва). Курганы на арыке Джун 157
Пронин Г. Н. (Москва). Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины 169
Васильев Б. Г. (сел. Старая Ладога). К истории фресок церкви Георгия в Старой Ладоге 181
Фомин А. В. (Москва). Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. 187

Заметки

Волошин В. С. (Целиноград). Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка 3 (Центральный Казахстан) 199
Сериков Ю. Б. (Нижний Тагил). Голокаменская мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья 203
Михайлов Б. Д. (Мелитополь). Курган эпохи ранней бронзы вблизи Каменной Могилы 209
Шарафутдинова Э. С., Каминский В. Н. (Ленинград, Краснодар). Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье 214
Очир-Горяева М. А. (Ленинград). Клык кабана с зооморфными изображениями из могильника «Заханата» Калмыцкой АССР . . . 221
Сагдуллаев А. С. (Ташкент). К вопросу о второй столице Согдианы 223
Давыдова А. В., Миняев С. С. (Ленинград). Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника 230
Залесская В. Н. (Ленинград). Два раннесредневековых глиняных светильника из Северного Причерноморья 233
Воронина Р. Ф. (Москва). Мордовская височная привеска с грузиком и спиралью 237
Тимофеева Т. П. (Владимир). Реконструкция древнего карниза притвора Георгиевского собора XIII в. 241
Седов Вл. В. (Москва). О происхождении псковских храмов XIV—XV вв. с прямоугольными боковыми абсидами 248

Критика и библиография

Винокур И. С. (Каменец-Подольский). *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев, 1984 . . 252
Пряхин А. Д. (Воронеж). Проблематика срубной культурно-исторической общности в сборниках Куйбышевского педагогического института («Культуры бронзового века Восточной Европы». Куйбышев, 1983; «Срубная культурно-историческая общность». Куйбышев, 1985) 254
Кольцов Л. В. (Москва). *O. Soffer.* The Upper Palaeolithic of the Central Russian Plain. New York; Toronto, 1985 263
Каминский В. Н. (Краснодар). *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986 272
Пуздровский А. Е. (Симферополь). Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки. Полтава, 1985; Памятники древнеегипетского искусства в собрании Полтавского краеведческого музея: Каталог выставки. Полтава, 1986 282

Хроника

Джорбенадзе В. А. (Тбилиси). Симпозиум по поливной полихромной керамике 284
Ольховский В. С., Завьялов В. И. (Москва). Конференция «Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ» 286
Федоров-Давыдов Г. А. (Москва). Научно-практический семинар «Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XIV вв.» 293
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1988 год 296

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1988 4

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
B. A. RYBAKOV

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Telegin D. Y. (Kiev). Diggings of the Yasinovatka Burial Ground and Periodisation of the Burial Grounds of the Mariupol Type 5
Potekhina I. D. (Kiev). Anthropological Materials from the Yasinovatka Burial Ground 18
Chernyakov I. T., Nikitin V. I. (Kiev, Nikolaev). Metal Ornaments with Impressed Patterns of the Pit-Grave and Catacomb-Grave Cultures 26
Andreyev Y. V. (Leningrad). The Palace and the «Town» on the Crete in the Second Millennium B. C. 37
Kuznetsova T. M. (Moscow). Mirrors in the Sarmatian Burial Rite 52
Vagner G. K. (Moscow). A Millennium of Russian Architecture 62
Medyntseva A. A. (Moscow). The Setting of the «Chersonese» Icons from Novgorod 67

Publications

Filatova V. F. (Petrozavodsk). The Mesolithic Settlement of Orovnavolok XII 78
Tatarinov S. I. (Artemovsk). Season Dwellings of Miners-Metalmakers of the Bronze Epoch in Donbass 96
Bezuglov S. I. (Rostov-on-Don). A Late Sarmatian Burial of a Noble Warrior in the Steppe Belt of the Don Basin 103
Minzhulin A. I. (Kiev). Protective Armour of 5th-6th Century B. C. Archer from the Village of Gladkovshchina 116
Moshinsky A. P. (Moscow). The Burial Rite of the 4th-3rd-Century B. C. Necropolis at the Settlement of Zaozernoe 127
Anfimov N. V. (Krasnodar). A Hoard of Panticapaean Coins from Slavyansk on Kuban 138
Miroshina T. V., Derzhavin V. L. (Moscow). Sarmatian Burials from the Veselaya Roshcha III Burial Ground 146
Oboldueva T. G. (Moscow). The Mounds on the Jun Irrigation Canal . . . 157
Pronin G. N. (Moscow). Studies of the Sites of the Latter Half of the First Millennium A. D. in the Eastern Parts of the Novgorodian Land 169
Vasiliev B. G. (Staraya Ladoga). On the History of the Frescoes in St. George's Church in Staraya Ladoga 181
Fomin A. V. (Moscow). Property and Runic Sings on 10th—Century Imitation Coins 187

Notes

Voloshin V. S. (Tselinograd). Acheulian Bifaces from the Vishnevka 3 (the Central Kazakhstan) 199
Serikov Y. B. (Nizhny Tagil). The Golokamenskaya Shop and Its Place in the Mesolithic of the Central Trans-Urals Area 203

Mikhailov B. D. (Melitopol). An Early Bronze Mound at the Kamennaya Mogila Mound 209
Sharafutdinova E. S., Kaminsky V. N. (Leningrad, Krasnodar). Burial Ground of the End of the Late Bronze Epoch in the Trans-Kuban Area 214
Ochir-Goryaeva M. A. (Leningrad). A Boar Fang with Zoomorphic Images from the Zakhanata Burial Ground, Kalmyk ASSR . . . 221
Sagdullayev A. S. (Tashkent). On the Second Capital of Sogdiana . . . 223
Davydova A. V., Minyaev S. S. (Leningrad). A Belt with Bronze Plates from the Dyrestui Burial Ground 230
Zalesskaya V. N. (Leningrad). Two Early Mediaeval Clay Lamps from the Northern Pontic Area 233
Voronina R. F. (Moscow). A Mordovian Pendant with a Weight and a Spiral . 237
Timofeyeva T. P. (Vladimir). Reconstruction of the Ancient Cornice from St. George's Church of the 13th Century 241
Sedov V. V. (Moscow). The 14th-15th-Century Pskov Churches with Rectangular Side Apses 248

Reviews and Bibliography

Vinokur I. S. (Kamenets-Podolsky). *Gudkova A. V., Fokeev M. M.* Landtillers and Nomads in the Lower Danube in the 1st-4th Centuries A. D., Kiev, 1984 . . 252
Pryakhin A. D. (Voronezh). The Problems of the Timber-Grave Cultural-Historical Community in the Collections of the Kuibyshev Pedagogical Institute (The Bronze Age Cultures. Kuibyshev, 1983; The Timber-Grave Cultural-Historical Community. Kuibyshev, 1985) 254
Koltsov L. V. (Moscow). *O. Soffer.* The Upper Palaeolithic of the Central Russian Plain, New York; Toronto, 1985 263
Kaminsky V. N. (Krasnodar). *Miziev I. M.* Towards the Sources of Ethnic History of the Central Caucasus, Nalchik, 1986 272
Puzdrovsky A. E. (Simferopol). Monuments of the Material Culture of the Ancient and Mediaeval Poltava Area. An Exhibition Catalogue, Poltava, 1985; The Monuments of Early Egyptian Art in the Poltava Local Lore Museum. A Catalogue, Poltava, 1986 282

Chronicle

Jobernadze V. A. (Tbilisi). Symposium on Glazed Pottery (Tbilisi, 1985) . . . 284
Olkhovsky V. S., Zavyalov V. I. (Moscow). The Conference «The Economy and Culture of Pre-Class and Early Class Societies» (Moscow, 1986) 286
Fedorov-Davydov G. A. (Moscow). The Research and Practical Seminar on «The Northern Pontic Area and the Volga Basin in the Relationships between the East and West in the 12th-14th Centuries» 293
Contents of *Sovetskaya arkheologia* for 1988 296

Д. Я. ТЕЛЕГИН

РАСКОПКИ В ЯСИНОВАТКЕ
(о периодизации могильников мариупольского типа)

Более полувека тому назад Н. Е. Макаренко открыл и исследовал Мариупольский могильник, материалы которого привлекают внимание специалистов и до сих пор [1, с. 145]. За последние десятилетия на Украине изучен целый ряд новых памятников этого типа: могильники Никольский, Лысогорский, Васильевские, Вовнигские, Вильнянский, Дереивский и др. А в самое последнее время раскопано три новых могильника: Ясиноватский, Варваровский и Госпитальный Холм. По наличию керамики в некоторых из некрополей удалось установить их культурно-хронологическую принадлежность к надпорожско-приазовскому и черкасскому вариантам днепро-донецкой культуры [2, с. 258].

Одной из наиболее важных проблем в изучении могильников мариупольского типа являются их датировка и периодизация. В свое время Н. Е. Макаренко правильно отнес исследованный им могильник к неолитической эпохе. Такой же точки зрения затем придерживались и все исследователи памятников этого типа. Однако еще Н. Е. Макаренко отмечал разновременность погребений Мариупольского могильника, где им выделялись основная группа вытянутых на спине захоронений в яме-траншее и «приставленные» к ней отдельные скорченные на спине погребения. Последние в настоящее время нашли свое культурно-хронологическое место среди памятников новоданиловского типа раннего медного века юга Украины. Основная же группа погребений относится еще к заключительным этапам днепро-донецкого неолита Приазовья и Надпорожья. В настоящее время в Поднепровье, Приазовье и степном Крыму (Долинка) известно около 20 крупных некрополей, насчитывающих более тысячи захоронений.

Наличие большого количества погребенных в отдельных некрополях (нередко более 100), различие в погребальном ритуале и инвентаре свидетельствуют о довольно продолжительном периоде их функционирования как мест захоронений. Поэтому закономерной надо считать постановку вопроса об их периодизации. Первая попытка хронологического расчленения могильников мариупольского типа была предпринята еще в довоенные годы А. В. Добровольским [3], который на основании стратиграфии могильника Собачки говорил о двух периодах. К первому, более раннему он относил групповые могилы, а ко второму — одиночные захоронения. В 1953 г. схема хронологического расчленения этих памятников была предложена А. Д. Столяром [4, с. 16—37]. Несмотря на весьма ограниченный на то время материал всего шести некрополей, Столяр в общем правильно определил их хронологическую последовательность. Новые работы подтвердили отнесение к ранней группе этих памятников Марьевского и Ненасытецкого могильников, а к поздней — одиночных захоронений в Чаплях, Игрени 8 и др. Вызывает возражение лишь отнесение к числу ранних одиночных могил Собачек, уточняется также хронологическое взаимоотношение Вовнигских первого и второго могильников. При ограниченности стратиграфических наблюдений А. Д. Столяр каждый из могильников рассматривал в одной хронологической плоскости, что оказалось не совсем правильным.

Важным шагом в понимании обсуждаемого вопроса были раскопки Вильнянского могильника, что позволило наметить в его развитии два

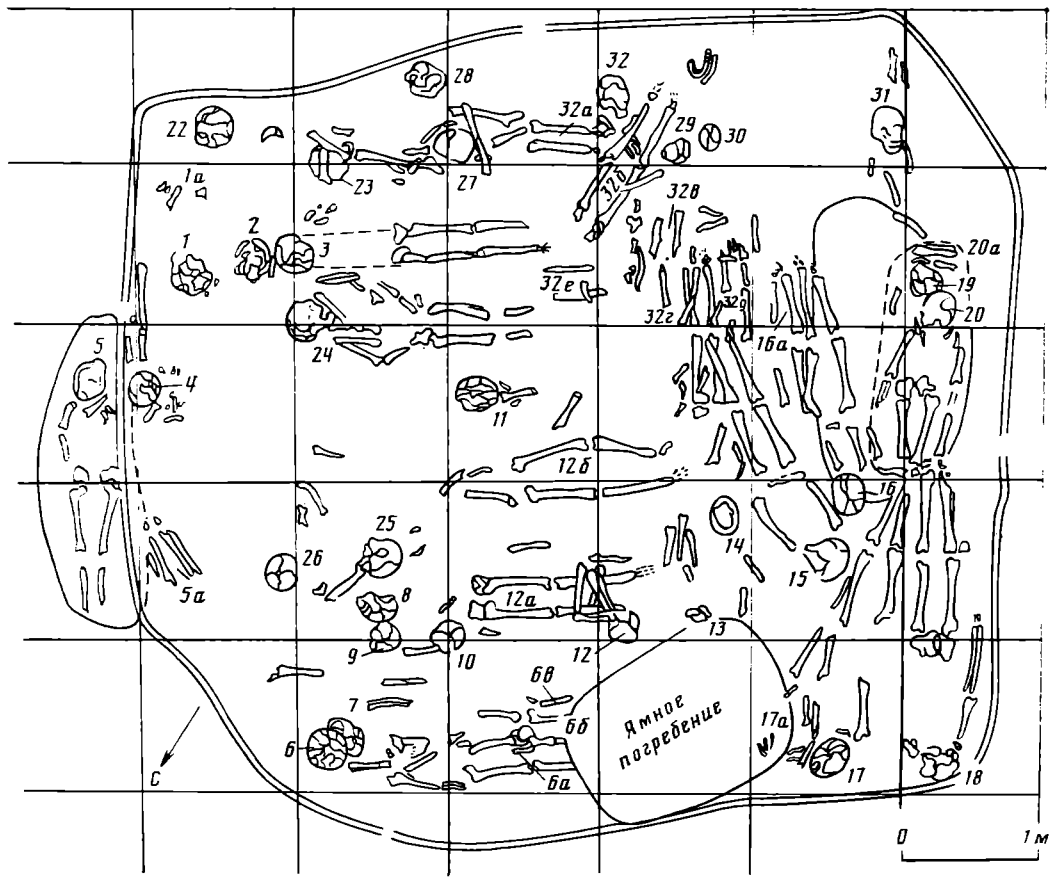


Рис. 1. Ясиноватский могильник. Первая расчистка. Яма Б

основных этапа [2, с. 176, 177]. Этот вывод, как и ряд иных заключений, нашел недавно хорошее подтверждение в стратиграфии Ясиноватского могильника, раскопанного автором.

Открытый А. В. Бодянским Ясиноватский могильник находится в Надпорожье, в 4 км северо-западнее с. Ясиноватка Вильнянского р-на Запорожской обл., и занимает небольшой отрог высокого левого берега Днепра на мысу балки Скелюватой, или Камянуватой. На противоположном берегу реки напротив могильника расположено село Вовниги Днепропетровской обл., где в 1952 г. М. Я. Рудинским был раскопан Вовнигский второй (правобережный) неолитический могильник.

Напротив балки Клагуза и чуть восточнее находился до затопления один из днепровских порогов — Вовнигский, где в период строительства Днепрогэса А. В. Добровольским были раскопаны две вовнигские неолитические стоянки — право- и левобережная.

Могильник Ясиноватка расположен на высоте около 10 м по отношению к современному уровню воды. Если учесть, что вода сейчас значительно поднята плотиной Днепрогэса, то в древности могильник находился на высокой террасе Днепра, где-то около 25—30 м от уреза воды.

Наслоения в районе могильника включают степной чернозем мощностью до 0,8 м, постепенно переходящий в бурую подпочву толщиной до 0,6 м. Последняя залегает на мощном слое лёсса светло-желтого цвета. Погребальные ямы были спущены со средней и нижней части подпочвы, т. е. с глубины около 1 м от современной поверхности. На этом уровне, прежде всего на фоне светлеющей подпочвы, вырисовывалось большое темно-красное пятно подквадратной формы. На его поверхности и вблизи него расчищены крупные камни поперечником до 0,8—1 м, которые иногда лежат небольшими скоплениями — по три-четыре. На месте отмеченного пятна затем была раскрыта основная коллективная усыпальница могильника — яма Б (рис. 1). Ниже под ней и к юго-западу от нее находилось еще семь относительно небольших, овальных в плане ям — А-1—7 (рис. 2).

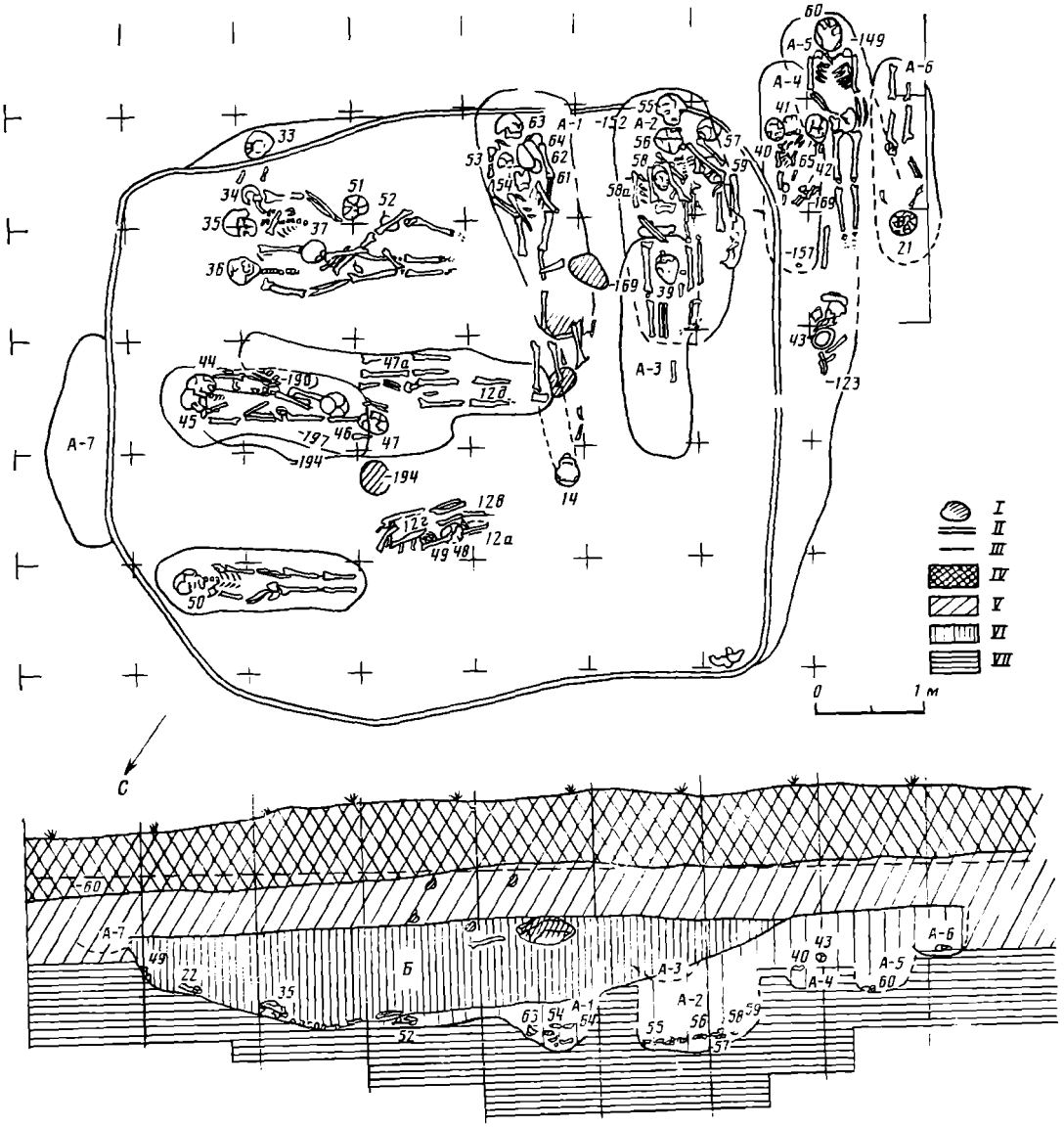


Рис. 2. Ясиноватка. План и профиль могильника. *I* — камни; *II*, *III* — контуры ям; *IV* — чернозем; *V* — подпочва; *VI* — заполнение ям; *VII* — лёсс

Всего в Ясиноватском могильнике обнаружено, судя по черепам, 68 погребений. Возраст определен И. Д. Потехиной для 64, в том числе: взрослых — 51, подростков — 4 и детей — 9. Среди взрослых установлено присутствие 36 мужских и 15 женских скелетов.

Сохранность костяков различная. Целых или сохранившихся в значительной степени, с черепом, скелетов было около 30. От значительной части костяков остались лишь кости их нижней половины при отсутствии черепа погребенного. Около 40 погребений представлены одиночными черепами, залегающими во вторичном положении. Разрушений предыдущих погребений как в ямах типа А, так и в «красной усыпальнице» очень много.

Обряд погребения в исследованном некрополе, как и во всех могильниках мариупольского типа, довольно устойчив. Все погребенные помещались в могилу в вытянутом положении, ноги прямые, руки чаще всего слегка согнуты в локтях, кисти на тазовых костях. Реже встречаются погребения, у которых руки прямые. Интересно отметить, что часть костяков, особенно в «красной усыпальнице», были сильно прогнуты вниз в области таза, когда череп и концы ног лежали на 12—15 см выше таза. Некоторые костяки очень сильно стиснуты с боков, особенно в плечах, ноги прижаты друг к другу. Очевидно, покойники были связаны, спеленаты или же втиснуты в очень узкую яму.

Ориентировка погребенных прослежена в 44 случаях, которая для разных групп оказалась неодинаковой (рис. 3). В ямах А-1—7 все покойники, за исключением одного (№ 21), были уложены головой к юго-востоку. В яме Б ориентация погребенных была иная; выделяются две группы: уложенные головой к северо-востоку и к северо-западу.

Выделенные три группы погребений в могильнике различаются и по иным признакам, прежде всего по характеру погребальных ям.

Погребения в овальных ямах типа А. Таких ям, как отмечалось, исследовано семь. Шесть из них (А-1—6) расположены к юго-западу от пятна «красной усыпальницы» Б или же перекрываются ею, яма А-7 находится северо-восточнее края усыпальницы. Контуры их прослежены на разной глубине — от 1,2 до 1,6 м в основании подпочвы (А-1, А-4, А-7) или начала лёсса (А-2, А-3, А-5). Стенки ям почти отвесные (рис. 2). Засыпка этих ям состояла из слабогумусированного лёсса (подпочвы). Сами скелеты, однако, почти во всех случаях довольно сильно посыпаны красной охрой, особенно в групповых могилах. При некоторых погребениях группы А, главным образом в крайних западных (№ 17, 18, 21, 43), охра почти совсем отсутствовала.

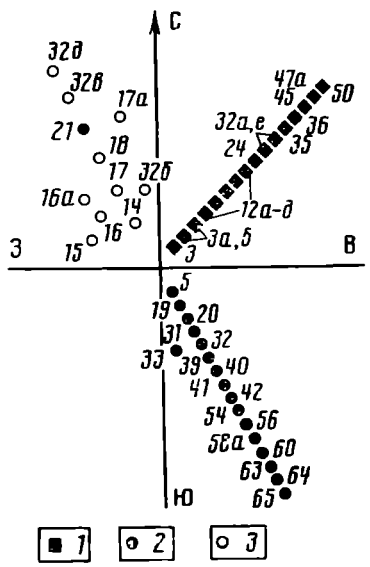


Рис. 3. Ясиноватский могильник. Ориентация погребенных групп Б-1 (*1*), *А* (*2*) и Б-2 (*3*)

Из 68 погребенных в Ясиноватском могильнике 21 скелет залегал в малых овальных ямах, а именно: в яме А-1 — шесть скелетов, в А-2 — семь, в ямах А-3, А-5, А-6 и А-7 было по одному скелету. Залегают они часто один над другим в несколько ярусов, обычно перерезая или повреждая предыдущие погребения при новом захоронении, поэтому здесь встречаются как целые костяки, так и отдельные черепа, а в засыпке ям много разрозненных костей, залегающих не в анатомическом порядке.

В яме А-1 сверху залегали три одиночных черепа взрослых индивидуумов: № 53 (ж. 20—25 лет) [1], 61, 62 и верхняя часть скелета № 54 (м.), а также значительное количество трубчатых костей человека, видимо, от тех же скелетов № 53, 61, 62, а ниже лежали друг над другом два непотревоженных костяка взрослых: № 63 — выше, а № 64 — ниже. Вся эта толща заполнения ямы с человеческими костями равнялась примерно 50 см. При скелете № 54 лежало семь подвесок из зубов оленя (рис. 4, *1*—*7*) и найден миниатюрный обломок ножевидной пластины из кремня. У грудной клетки № 63 обнаружена створка ракушки унио, а около локтевой кости левой руки № 64 — плохо сохранившееся костяное шило.

Весьма вероятно, что с ямой А-1 следует связывать и погребение № 32 (м. 40—45 лет), которое имело ту же ориентацию, что и все остальные захоронения, но залегало на 20 см выше их. Скелет № 32 поврежден, видимо, погребением № 32-б с северной ориентацией.

В яме А-2 обнаружено семь скелетов. Один полуразрушенный костяк взрослого (№ 31) лежал также сравнительно высоко, на 40—60 см выше остальных, а ниже — четыре одиночных взрослых черепа: № 55 (м. 25—30 лет), 57, 58 (м. до 20 лет), 59 (м. зрелый) и множество разрозненных костей человека, которые перекрывали и окружали два целых или почти целых скелета — № 56 и 58-а. Толща костяков здесь, таким образом, достигала почти 80 см. Около детского скелета № 56 найдены украшения: в районе груди и таза около 30 зубов вырезуба

[1] Здесь и далее: м.— мужчина, ж.— женщина, п.— подросток, р.— ребенок, в.— взрослый.

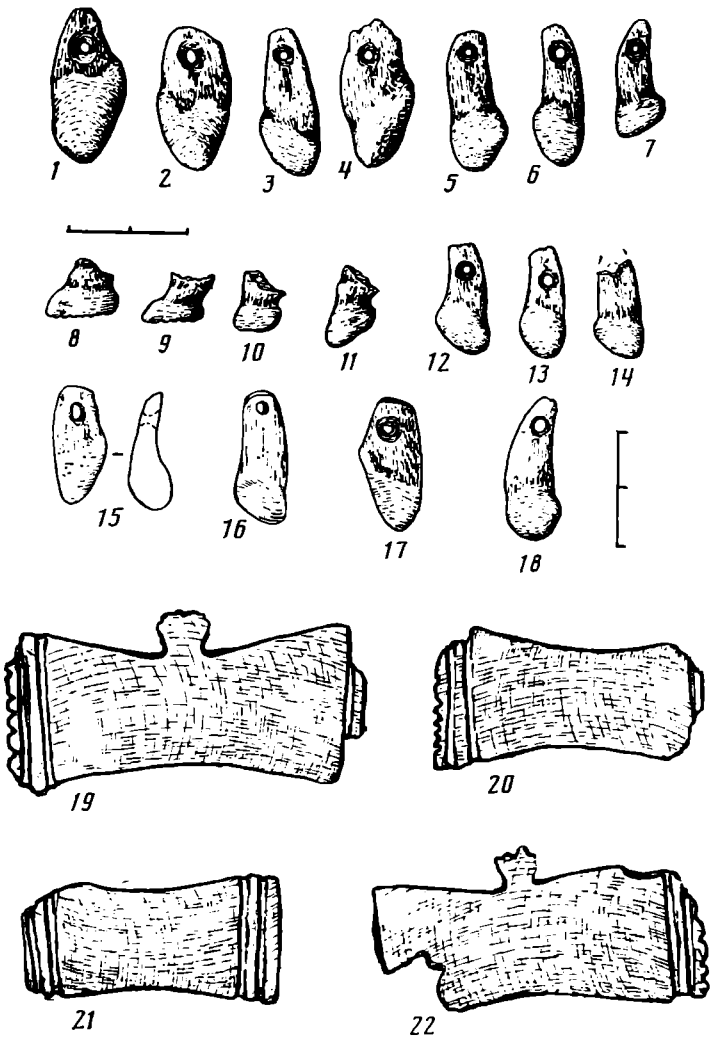


Рис. 4. Ясиноватский могильник. Подвески из зубов оленя (*1—7, 12—18*), глоточные зубы рыб карповой породы (*8—11*) при погребениях в ямах типа А и пластины из клыка кабана в яме Б (*19—22*)

(рис. 4, *8—11*), а у концов ног три подвески из зубов оленя (рис. 4, *9—14*).

В яме А-3 расчищены остатки одного взрослого погребенного № 39, около черепа которого найден зуб вырезуба. Яма А-3, видимо, перерезала край ямы А-2 (рис. 2).

В яме А-4 четыре целых или почти целых костяка, в том числе два детских: № 40 (7—8 лет) и 41 (6—7 лет), а также два взрослых: № 42 (ж. пожилая) и 65, которые лежали в два яруса (рис. 2). У стоп детского скелета № 40 найдена подвеска из зуба оленя (рис. 4, *18*), а около черепа № 65 — ножевидная пластина (рис. 5, *8*). Здесь найдено также 18 подвесок из зубов оленя (рис. 4, *16*, *17*).

В ямах А-5, А-6, А-7, как отмечалось, залегало по одному погребению — соответственно № 60 (е.), 21 (п.), 5 (м.), при которых находок не обнаружено.

Кроме описанных захоронений в ямах А-1—7 к этой же группе, видимо, следует отнести и групповое погребение взрослых № 19, 20, 20-а, где контуры ямы прослежены не полностью, а также погребение взрослого № 33, где яма вообще не отмечена. О принадлежности захоронений к этой группе могильника кроме их ориентации говорит факт прорезания скелета № 33 погребением № 34 из красной ямы Б. При погребениях № 19, 20, кроме того, найдены две подвески из зубов оленя (рис. 4, *15*) — типичные находки для ям типа А. Всего, таким образом, с ямами типа А связывается 25 скелетов.

Погребения в яме Б. Красное пятно коллективной усыпальницы зафиксировано при зачистке на глубине 1,2—1,3 м от современной поверх-

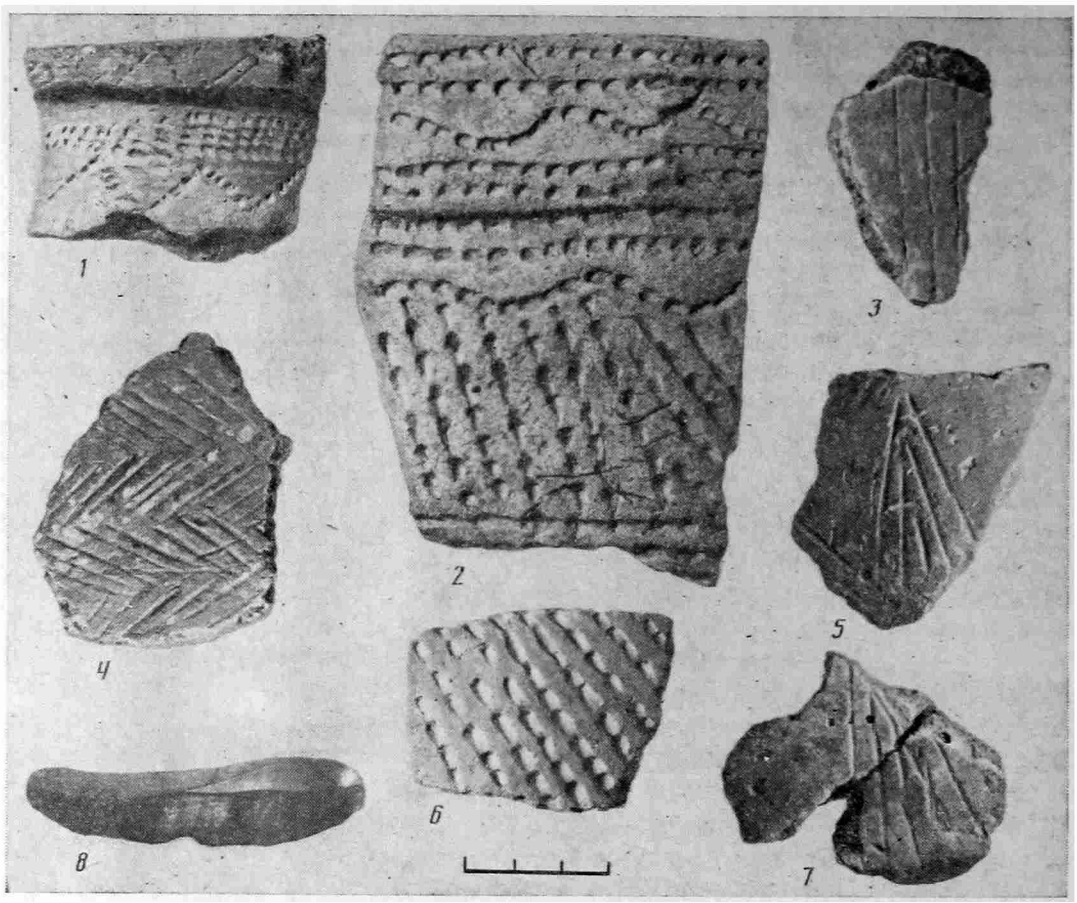


Рис. 5. Ясиноватка. Керамика из ямы Б (*1—7*) и кремневый нож (*8*) из ямы А-4

ности, т. е. в средней части подпочвы. Яма усыпальницы опускалась в лёссе на глубину до 0,8 м в центральной части, а к краям ее дно несколько повышалось, особенно в юго-западную сторону, где толща красного заполнения частично перекрывала ямы типа А (рис. 2).

В плане яма Б имела подквадратные очертания, размер ее 5,2× ×5,6 м. В северной ее части наслоения прорезаны погребением ямного времени, исследованным А. В. Бодянским ранее. Цвет красного заполнения ямы не всегда одинаков. В верхней части толщи оно более темное, а книзу светлее. На дне ямы, особенно в ее северо-восточной части, отмечены целые скопления ярко-красной краски. Местами они образуют пятна поперечником до 0,5 м, несколько углубленные в лёссовое светло-желтое дно ямы.

Всего в яме Б обнаружено более 40 скелетов и их остатков, которые, как отмечалось выше, по ориентации четко распадаются на две группы — Б-1 и Б-2.

Погребения группы Б-1 с северо-восточной ориентацией. Все они залегали в северо-восточной части ямы Б. Судя по черепам, их насчитывается 33, из которых останки только шести взрослых субъектов залегали в анатомическом порядке при наличии черепа: № 3, 24 (м. 35—40 лет), 35, 36, 45, 50. Остальные захоронения представлены только одиночными черепами: № 1 (ж. 25—30 лет); 1-а (р. 6—7 лет), 2,4 (в.), 6 (ж. 20—21 лет), 7 (м. 50—60 лет), 8 (ж. 40—45 лет), 9 (м.), 10 (м. 50—55 лет), 11 (м. 30—35 лет), 12 (п.), 22 (в.), 23 (м. 40—45 лет), 24 (м. 35—40 лет), 25 (в.), 26 (в.), 27 (м. 50—55 лет), 28 (в.), 34 (р. 5—6 лет), 37 (ж.), 44 (м.), 46 (м.), 47 (м.), 48 (в.), 49 (в.), 51 (в.), 52 (м.). Кроме того, в этой части ямы от10 костяков сохранилась в анатомическом порядке часть посткраниальных костей, по которым установлена ориентация и этих покойников. Всего, таким образом, в группе Б-1 16 захоронений с северо-восточной ориентацией. Много здесь обнаружено и одиночных разрозненных человеческих костей от разрушенных скеле-

тов. Разрушение последних происходило при многократных повторных захоронениях, что хорошо наблюдалось в нескольких случаях. Так, например, при сооружении ямы для погребения 35 был сильно поврежден скелет № 34, а скелет № 35 в свою очередь по длине перерезан ямой для погребения № 36. Несколько скелетов (12-д, 47-а и др.) было нарушено также при сооружении ямы для наиболее богатого находками погребения № 45. Местами погребения лежали в несколько ярусов — два или три. Три яруса погребений отмечено, например, в районе скелетов № 12, 12-а—д и черепов № 48, 49, где толщина слоя с костями достигала более 30 см.

В яме Б у большинства скелетов и их остатков, залегавших в красном заполнении усыпальницы, контуры индивидуальных ям не прослеживались.

Среди погребений группы Б-1 достоверно инвентарным оказалось всего одно — № 45. Здесь обнаружено 11 интересных украшений в виде нашивных пластин, вырезанных из эмали клыка кабана. Лежали все они в районе плечевой и проксимального конца лучевой и локтевой костей левой руки покойника. Пластины, очевидно, были нашиты на рукав одежды эмалью наружу. Это довольно крупные пластины (длина до 7,8 см), слегка изогнутые. По форме и орнаменту они неодинаковы (рис. 4, *19—22*). Три из них имеют вид «летящей бабочки с короной», на их концах имеются по две нарезки и зубцы. Пять длинных и средних пластин — с двумя нарезками на концах. Две такие же пластины кроме нарезок имеют на концах сформированные зубчики. Найден также фрагмент украшения, которое трудно отнести к какому-либо из типов. В засыпке погребения № 45 найдены также ножевидная пластина небольших размеров и обломок пластины с ретушью. Погребение № 45 с украшениями, изготовленными из эмали клыка кабана, в яме Б было, видимо, не единичное, так как в красном заполнении усыпальницы найдено еще четыре обломка таких изделий.

Заканчивая рассмотрение материалов из северо-западной части ямы Б, необходимо отметить также, что в ее красном заполнении на разной глубине найдено более 30 мелких кремневых орудий труда (пластины, скребки, трапеции, тупоспинные острия и др.) (рис. 6), а также около 20 фрагментов гребенчато-накольчатой керамики (рис. 5, *6*). Эти находки в культурно-хронологическом плане составляют, несомненно, одно целое. Достоверность такой увязки кремня и керамики может основываться на безупречных условиях залегания, где они приобретают значение замкнутого комплекса. Отметим также, что за пределами красного заполнения северо-восточной части ямы Б, в том числе и в ямах типа А, отмечены лишь единичные находки кремневых изделий, а керамика отсутствовала вообще. Описанный кремень и керамика находят ближайшую аналогию в таких поселениях Надпорожья, как Вовнигские стоянки (правобережная и левобережная), Собачки, Волчок и др., которые относятся к раннему этапу позднего неолита этого района [2, с. 67—73].

Погребения группы Б-2 с северо-северо-западной ориентацией. Все они залегали в юго-западной части ямы Б. Судя по черепам, здесь покоилось 10 погребенных, в том числе пять целых или почти целых костяков: № 14 (в.); 15, (м.); 16 (м.); 17 (в.); 18 (м.); столько же одиночных черепов: № 13 (м.); 29 (в.); 30 (р.); 38 (в.); 43 (ж.). Кроме того, здесь отмечено шесть случаев залегания посткраниальных костей человека в анатомическом порядке (№ 16-а, 17-а, 32-б—д), а также отдельные разрозненные трубчатые кости. Ориентация определена для 10 скелетов. Находок при погребениях группы Б-2 не обнаружено. В засыпке этой части ямы найдены лишь одна сравнительно широкая пластина из кремня в обломке и один мелкий отщеп.

Таким образом, в развитии Ясиноватского могильника, несомненно, можно выделить два хронологических типа — более ранний и поздний. Для первого из них характерны небольшие, овальной формы ямы засыпанные подпочвой, где обнаружены скелеты с юго-восточной ориента-

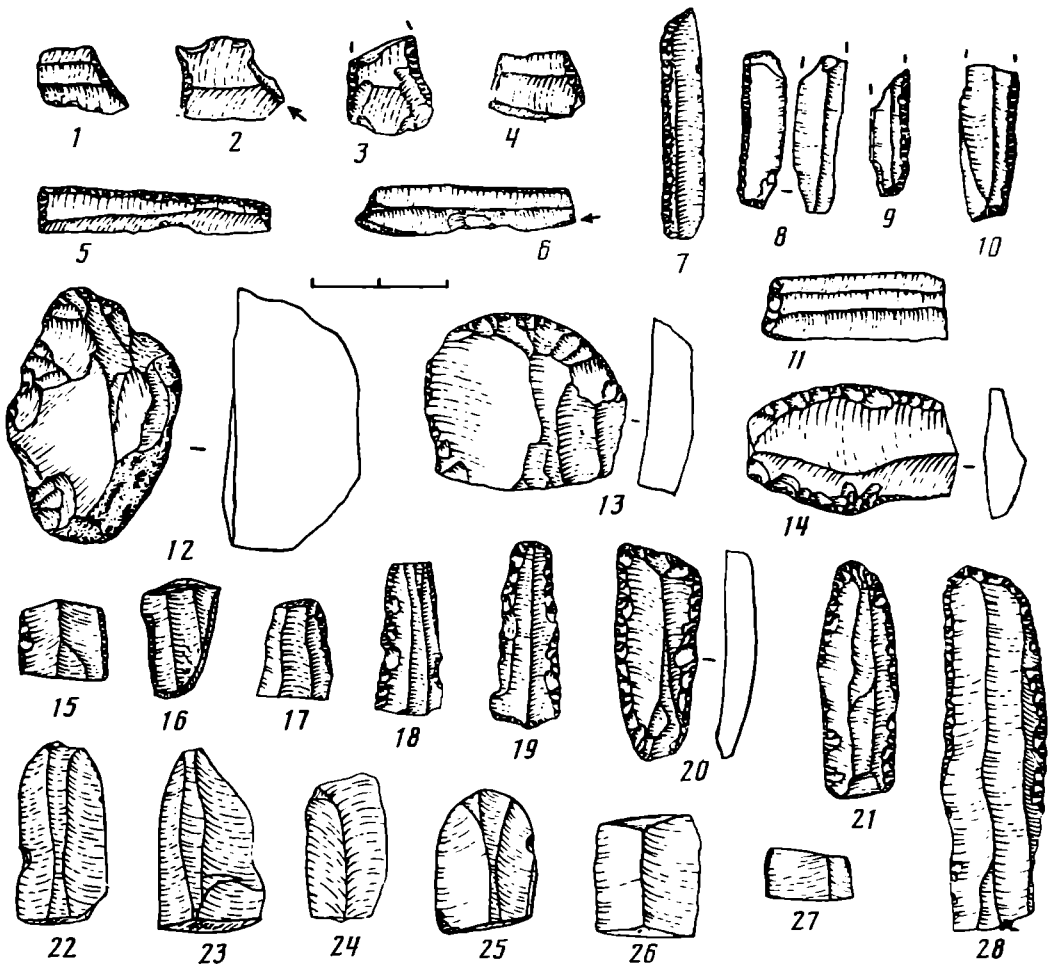


Рис. 6. Ясиноватка. Кремневые изделия из ямы Б

цией. При погребенных встречаются украшения в виде подвесок из зубов оленя и зубов рыб. Иногда этих украшений насчитывается здесь по нескольку десятков. Кремневых изделий здесь очень мало, а керамика отсутствует.

Второй этап исследованного некрополя характеризуется появлением прямоугольной в плане усыпальницы, сплошь засыпанной красной краской. Покойники здесь ориентированы головой на северо-восток (группа Б-1) и север — северо-запад (группа Б-2). При захоронениях Б-1 найдены украшения в виде пластин мариупольского типа из клыка кабана, а в засыпке собраны кремневые изделия и фрагменты гребенчато-накольчатой керамики. Погребения в яме Б, несомненно, более поздние по сравнению с могилами типа А.

Погребения первой группы в ямах типа А Ясиноватки по характеру погребальных ям, ритуалу и составу инвентаря находят ближайшие аналогии в могильниках Вильнянки (группа А), Вовниг 2, Капуловки, Васильевки 2, Марьевки и др. Прямые типологические параллели захоронениям в красной усыпальнице Б рассмотренного выше могильника ведут нас к таким некрополям, как Вовниги 1, Вильнянка (яма Б), Мариуполь, Лысая Гора, Никольское и др.

Для периодизации могильников мариупольского типа имеют значение и обнаруженные здесь находки: керамика, украшения, орудия труда и др., распределение которых на разных этапах в развитии могильников было различным (табл. 1).

Учитывая все изложенное, нам представляется возможным выделить в развитии могильников мариупольского типа три основных этапа: ранний (А), поздний (В) и позднейший (С), из которых два первых распадаются на два подэтапа (фазы) каждый А1-2, В1-2 (табл. 2).

Таблица 1

Типы погребальных ям и находки в погребениях могильников мариупольского типа (этапы A, B, C)

Абсолютный возраст	Этап	Могильник	Индексы										
			1	2	3	4		6	7	8	9	10	11
Середина IV тыс. до н. э.	C	Вильнянский (один п.)		+		+		+					+
		Дереивский (один п.)		+									+
		Чапли											
		Собачки (один п.)											
	2	Никольский, ямы Б, Д-3	+			+++	+	+++	++	+++	+++	+	
		Мариупольский				+++	+	+++	++	+		+	+
		Лысая Гора, ямы I—V				++		++	++	+++	+++		
	B	Дереивский, яма I		+		+	+	+	+		+		+
		Вовниги 1		+	+		+		+	+	+		+
		Ясиноватка, яма Б			++		+	+		+			
	1	Осиновка	+										+
		Вильнянский, ямы Б		+	+	+	+						
		Вовниги 2		+	+	+							+
	2	Капуловка		+									+
Начало IV тыс. до н. э.		Никольский, ямы В, Г	+	+		+							
		Ненасытец	+	+	+	+							
	A	Вильнянский, ямы A_1—	+	+++	+								
		Ясиноватка, ямы A_1—	+	+++	+								
		Васильевка 5	+		++								
	1	Марьевка	+		+								+
		Васильевка 2											
		Собачки, ямы 1, 2	+										

Примечание. Погребальные ямы округлой (*1*) или подпрямоугольной (*5*) формы; *2* — подвески из зубов оленя; *3*, *7* — кремневые изделия микролитического облика или крупные с двусторонней обработкой; *4* — кольцевые бусы из камня или раковин; *6* — пластины мариупольского типа; *8*, *9* — керамика, обнаруженная в виде отдельных фрагментов сосудов или их развалов; *10* — шаровидные бусы из кости; *11* — зубы рыб карповой породы.

Таблица 2

Периодизация могильников мариупольского типа и их синхронизация с поселениями днепро-донецкой культуры

Абсолютный возраст	Этап могильников	Надпорожье		Среднее Поднепровье		Орел, Северский Донец	Периодизация поселений
		могильник	поселение	могильник	поселение	могильник, поселение	
Середина IV тыс. до н. э.	С	Вильнянка III, Чапли II		Дереивка (одиночные погребения)	Успенка	Засуха, Александрия	III
	2 В	Никольский Б, Лысая Гора, Мариуполь	Средний Стог 1	Дереивка 1	Бузьки, Пищики		IIв
	1	Ясиноватка Б, Вовниги 1, Вильнянка Б, Осиповка	Собачки, Волчок				IIа
Начало IV тыс. до н. э.	2 А	Капуловка, Вовниги 2, Вильнянка А, Ясиноватка А, Ненасытец	Вовнигские стоянки				I
	1	Марьевка, Васильевка 2,5, Собачки 1,2	Игрень 8,6				

Ранний этап А. К этому этапу в развитии могильников мариупольского типа относится 10 некрополей полностью или в своей наиболее ранней части. Основным типом погребальных сооружений для этого этапа являются ямы-гнезда типа А, которые затем перерастают (часто, очевидно, сливаясь) в ряды-траншеи. Ямы-гнезда небольших размеров, в которых помещалось от одного до 10—11 погребенных; скелеты часто слегка окрашены. Засыпка ям над погребениями обычно имеет темно-серый цвет без примеси охры. Кремневый инвентарь мелкий микролитический. Тип украшений довольно стабильный — зубы рыб и подвески из зубов оленя, которые встречаются в значительном количестве. В более поздних памятниках этого типа появляются первые кольцевые пронизки из ракушек и гешира (рис. 7).

Керамика в могилах этапа А не обнаружена. Более ранний возраст погребений этапа А по сравнению с более поздним, в частности этапа Б, подтверждается стратиграфическими наблюдениями в Вильнянском, Ясиноватском и Никольском могильниках. В Вильнянском могильнике таких случаев отмечено два, когда погребения в овальных ямах типа А перекрывались красным заполнением подквадратных усыпальниц типа Б. То же, как мы видим, зафиксировано и в Ясиноватке, где под дном «красной усыпальницы» Б расчищено несколько овальных ям типа А. В Никольском могильнике пожарищный слой над ямой Б перекрывал край ямы В, а последняя частично прорезала край ямы Г. Яма В и южная часть ямы Г этого могильника относятся к типу А.

Судя по некоторым наблюдениям, погребения этапа А также не все были одновременны. Такое заключение вытекает прежде всего из анализа общего направления развития погребальных сооружений, где групповые ямы гнезда типа А, сливаясь, образуют ряды-траншеи. Исхо-

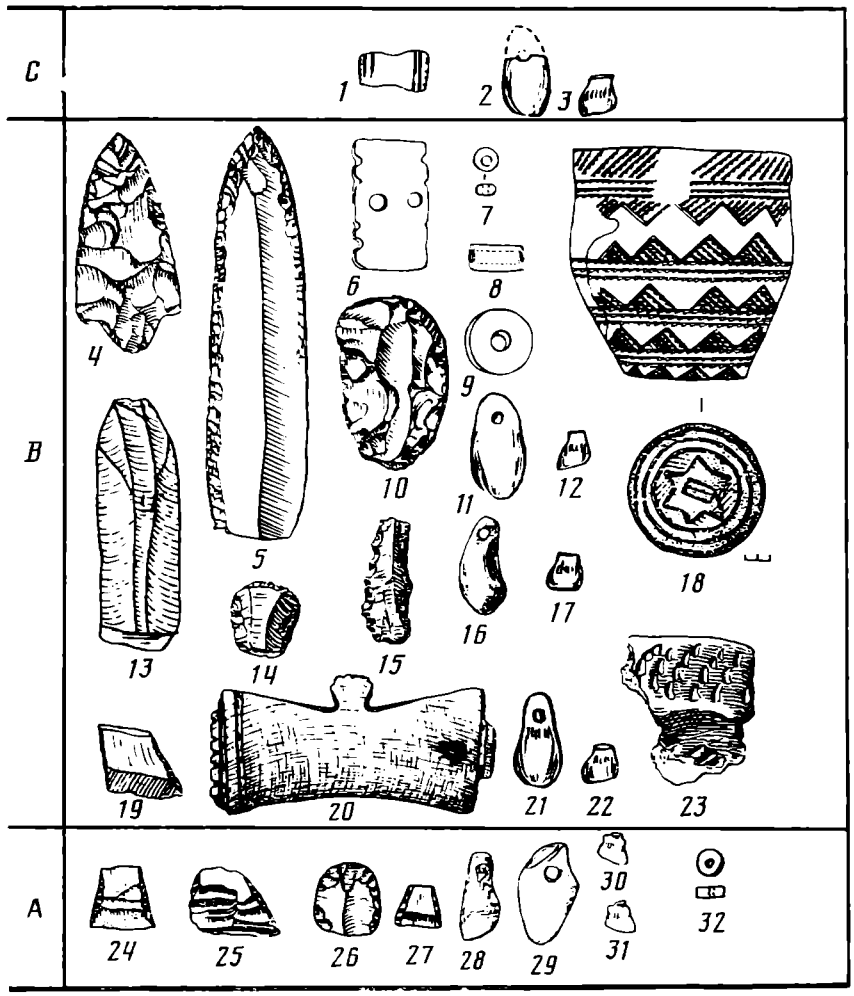


Рис. 7. Наиболее характерные находки из погребений первого (А), второго (В) и третьего (С) этапов развития могильников. *1—3, 6, 11, 12, 16, 17, 20—22, 28—31* — клык кабана, зубы оленя и рыб; *4, 5, 10, 13—15, 19, 24—27* — кремень; *7* — медь; *8, 9* — камень; *18, 23* — керамические изделия; *32* — ракушки. *1, 11, 12* — Дереивка; *2, 3* — Чапли; *4—8, 10, 18* — Никольское; *9* — Лысая Гора; *13, 20, 28, 29* — Ясиноватка; *14—17, 19* — Вовниги 1; *21, 22* — Вильнянка; *24—26, 30, 31* — Вовниги 2; *27* — Марьевка; *32* — Ненасытец

дя из этого можно предполагать, что ряды-траншеи, очевидно, были более поздними по сравнению с отдельными ямами-гнездами. Об этом же свидетельствует и появление при погребениях в рядах-траншеях кольцевых бус (Вовниги 2). Последние в более ранних ямах-гнездах типа А, за незначительным исключением (Никольский — яма Г; Ненасытец), не встречаются. Изложенное позволяет говорить о несколько более раннем возрасте погребений в ямах-гнездах без кольцевых бус (Собачки, Марьевка, Ясиноватка — ямы А, Вильнянка — ямы А, Васильевка 2,5) по сравнению с погребениями в рядах-траншеях (Вовниги 2, Капуловка, Дереивка — ямы-ряды III—VI). Первые мы относим к фазе А-1, а вторые — к фазе А-2. Впрочем, хронологическая граница между этими фазами не отличается четкостью, хотя она, безусловно, намечается.

Поздний этап В — время расцвета и совершенствования погребального ритуала могильников мариупольского типа, когда здесь появляются большие коллективные усыпальницы, возникает культ почитания предков, в частности сохранения их черепов. По погребенным справляется теперь какая-то тризна. Основным погребальным сооружением на этапе В являются большие ямы подпрямоугольных очертаний, как правило, наполненные останками скелетов и сплошь засыпанные порошком красной охры. Обычным явлением этого этапа становится нарушение при новых захоронениях уже находившихся там костяков, за исключением черепа, который лишь отсдвигался в дальний угол ямы. Возможно, в некоторых случаях, как это имело место в Осиновке, практикова-

лись и перезахоронения черепов в отдельных групповых ямах. В это время (очевидно, к концу этапа В) в погребальном ритуале заметное место отводится также огню (Никольское — ямы Б, З, Лысая Гора).

Инвентарь при погребениях, особенно в более поздних некрополях этого этапа, многочисленный и разнообразный (рис. 7, *4—23*). Кремневые изделия, если они присутствуют,— ножи и скребки на крупных «энеолитических» пластинах, такие же пластины без вторичной подправки, наконечники копий с двусторонней обработкой и др. Лишь в одном случае (Ясиноватка — яма Б) кремневый инвентарь имел мелкий микролитический характер. Заметно изменяется на этапе В и состав украшений. Зубы рыб и подвески из зубов оленя становятся редкими, а то и совсем не встречаются. Подвески из зубов оленя, например, совсем отсутствуют в усыпальницах Б и З Никольского могильника. Их очень мало обнаружено и в яме этого типа в Дереивке и Ясиноватке. И, наоборот, кольцевые бусы становятся весьма многочисленными. Они теперь имеют разные размеры и изготавливаются из различных материалов — камня, кости, ракушки. Характерным признаком погребений второго этапа является и распространение украшений в виде пластин мариупольского типа из клыка кабана. Последние, однако, присутствуют не во всех могильниках этапа В, что, возможно, также следует расценивать как хронологический показатель.

Керамика также встречается не во всех могильниках этого этапа. Ее совершенно нет еще в ямах типа Б Вильнянки, нет в Осиповке. В Ясиноватке и Вовнигах 1 появляются лишь отдельные фрагменты, а в наиболее поздних могильниках с коллективными усыпальницами уже присутствуют развалы целых сосудов (Дереивка — яма 1, Никольское, Лысая Гора). В двух последних случаях собраны остатки около 200 сосудов.

Таким образом, анализ материалов позднего этапа В свидетельствует о некоторой разновременности отдельных памятников, среди которых выделяются, мы говорили, два подэтапа (фазы). К фазе В-1 следует относить, очевидно, коллективные усыпальницы, где еще отсутствуют пластины мариупольского типа (Вильнянка — ямы Б, Вовниги 1). Видимо, к этой же фазе принадлежит и яма Б в Ясиноватке, где хотя и присутствуют в одном случае пластинки мариупольского типа, но состав кремня в засыпке ямы мелкий микролитический, т. е. явно ранний. Здесь также обнаружены только черепки, а развалы сосудов отсутствуют.

К фазе В-2 мы относим могильники Никольский (ямы Б, З), Лысогорский и Дереивский (яма 1), где обнаружены пластинки мариупольского типа разных типов, развалы неолитических сосудов. В двух случаях здесь (Никольский, Лысая Гора) отмечено применение в ритуале огня. По этому признаку к числу позднейших могильников этапа В, возможно, относятся и групповые захоронения черепов из Осиповки. Этот могильник, как и Мариупольский, находится на значительном расстоянии от основного района наших исследований; возможно, он отражает и некоторые локальные особенности. Что же касается Мариупольского могильника, то в своей основной части он, по нашим представлениям, относится ко второй фазе позднего этапа В могильников этого типа, но, возможно, не к самому ее концу.

Чтобы закончить характеристику особенностей заключительной фазы позднего этапа могильников, следует указать на появление среди погребального инвентаря каменных изделий типа булав, топоров и др., украшений из меди и золота и т. п. (Никольское, Мариуполь).

Позднейший этап С могильников рассматриваемого типа был временем их деградации и явного разложения. Исчезает основной признак этих памятников — коллективные усыпальницы, хотя парные могилы еще встречаются. Охры становится меньше. Одиночные захоронения, которые спорадически встречались и на предыдущих этапах А и В, теперь становятся господствующим типом захоронения. Погребальный инвентарь встречается крайне редко, и он весьма немногочислен (рис. 7,

1—3). При некоторых погребениях этого этапа встречены лишь зубы рыб и по одной подвеске из зубов оленя. В Дереивке при одиночных захоронениях найдена в одном случае низка кольцевых бус, а во втором — пластинка мариупольского типа. Последнее захоронение оказалось сидячим.

Хронологическое взаимоотношение одиночных погребений в могильниках мариупольского типа и погребений этапов А и В решается во многих случаях также на основании стратиграфических наблюдений, в частности при раскопках Собачковского, Дереивского, Вильнянского и других могильников. В Собачках, например, одно одиночное погребение (№ 4) полностью перекрывало групповую могилу № 1. В Дереивке такое же погребение (№ 134) перерезало ряд погребений VI ряда, с иной ориентацией покойников. Но наиболее явные доказательства позднего возраста одиночных могил зафиксированы в Вильнянском могильнике, где восемь одиночных захоронений залегало в верхней части подпочвы, т. е. выше всех прочих в могильнике, а два из них непосредственно перекрывали более ранние ямы типа А и Б. Интересно отметить, что и в основной яме Мариуполя среди верхних погребений также прослеживается явная тенденция к их индивидуализации.

В заключение несколько слов об абсолютном возрасте могильников мариупольского типа, которые датируются главным образом по наличию трипольских импортов и определениями радиокарбонным способом. Так, например, в «красной усыпальнице» (яма Б) Никольского могильника найден трипольский сосуд типа Борисовки, который относится примерно к середине IV тыс. до н. э. [5]. Этот хронологический репер мы берем для определения конца этапа В и начала этапа С могильников мариупольского типа. Следовательно, могильники этапа В и более ранние — этапа А должны относиться к первой половине IV тыс. до н. э. Не исключено, что наиболее ранние из них возникают еще в конце V тыс. до н. э. Что же касается позднейших одиночных погребений этапа С, то период их существования был, видимо, непродолжительным, и они исчезают уже где-то в самом начале второй половины IV тыс. до н. э. В целом, таким образом, исследуемые могильники датируются временем с конца V до начала второй половины IV тыс. до н. э. Эта датировка находит подтверждение в некоторых радиокарбонных датах, полученных в Киевской лаборатории по костям из могильников: Никольского — 3690±400 (Ки-523), Ясиноватского — 3700±700 (Ки-1171) и Осиповского — 3990±420 (Ки-519), 4125±125 (Ки-517) лет до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Макаренко М.* Мариупольський могильник. Київ, 1933.
2. *Телегин Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ: Наук. думка, 1968.
3. *Добровольский А. В.* Неолит Надпорожья//Архив ИА АН УССР. 1949. № 013.
4. *Столяр А. Д.* Мариупольский могильник как исторический источник//СА. 1955. Т. XXIII.
5. *Телегін Д. Я.* Радіокарбонне і археомагнітне датування трипільської культури//Археологія. 1985. № 52.

D. Y. Telegin

DIGGINGS OF THE YASINOVATKA BURIAL GROUND AND PERIODISATION OF THE BURIAL GROUNDS OF THE MARIUPOL TYPE

Summary

The author summarises the research on the periodisation and chronology of the Neolithic burial grounds of the Mariupol type (the Dnieper Donets culture). The stratigraphy of the Yasinovatka burial ground permits the conclusion that the entire period of functioning of these necropolises can be divided into three periods: the earliest (A), the later (B) and the latest (C). The first two periods can be divided into smaller stages: A_1 and A_2 and B_1 and B_2.

On the whole the burial grounds of the Mariupol type can be related to the late 5th and the early second half of the 4th millennium B. C.

И. Д. ПОТЕХИНА

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА ЯСИНОВАТКА НА ДНЕПРЕ

Антропологическая характеристика людей днепро-донецкой культуры стала известна в результате изучения многочисленных скелетных останков из крупных могильников мариупольского типа Васильевка II, Вогниги I, II, Вольнянка, Никольский, Дереивка в Поднепровье и других. Погребенные в них принадлежали к протоевропейскому кроманьонскому типу. Это были высокорослые люди [1] с крупным массивным черепом, преимущественно долихокранным, с очень широким, хорошо профилированным, иногда немного уплощенным лицом [2—5]. Особенности их строения позволили исследователям дать этому антропологическому типу специфическое наименование. В. В. Бунак [6, с. 181] назвал его вовнигским, И. И. Гохман [2, с. 175] — надпорожско-приазовским протоевропейским. Анализ краниологических серий из могильников Васильевка II, Дереивка привел исследователей к выводу об антропологической неоднородности днепро-донецкого населения. Так, И. И. Гохманом на материалах Васильевки II [2, с. 129—131] были выделены два краниологических типа — долихокранный и мезобрахикранный. Наличие долихокранного и прогнатного мезокранного типов было установлено в краниологических сериях Дереивского и Никольского могильников [5]. Существуют, однако, и другие мнения, согласно которым исследователи считают, что оснований для выделения типов в составе днепро-донецкого населения недостаточно [4, 7].

Новые антропологические материалы, полученные, в частности, при раскопках Ясиноватского могильника, позволяют нам вновь возвратиться к данному вопросу. Это тем более важно, что здесь получена безупречная стратиграфия в залегании разновременных погребений, относящихся к разным антропологическим типам. Стратиграфические наблюдения, анализ характера погребальных сооружений, засыпки ям, ориентации погребенных, инвентаря при них позволили исследователям Ясиноватского могильника выделить в его развитии два хронологических этапа (А и Б) и ряд подэтапов [8].

Количество погребенных, зафиксированных при раскопках, составляло 68, из них в овальных ямах (типа А) — 25, в «красной усыпальнице» (тип Б) — 43.

Поло-возрастной анализ показал, что в Ясиноватском могильнике были захоронены 36 мужчин, 15 женщин, 4 подростка и 9 детей в возрасте от четырех до девяти лет. Возраст четырех погребенных не определен. Демографическую структуру погребенных в Ясиноватке отражает ее пирамида смертности. Среди мужских погребений (рис. 1, *I*) хорошо заметна тенденция к постепенному увеличению смертности в возрасте от 20 до 50 лет. Затем наблюдается уменьшение числа доживающих до 60 лет. Очень узкая вершина пирамиды — показатель крайне редких случаев доживания мужчин до преклонных лет.

Правая часть пирамиды (рис. 1, *II*) отражает своеобразие в динамике смертности женщин. Она имеет очень широкое основание — почти 42% женщин умерли в возрасте 20—29 лет, что, очевидно, связано с интенсивным деторождением. Следующий возрастной промежуток — 30—39 лет связан с наименьшей смертностью женщин. Если исключить женскую группу 20—29 лет, то в целом для популяции «пиком» смертности был возраст 40—49 лет. В этот период умерло 33% мужчин и 25%

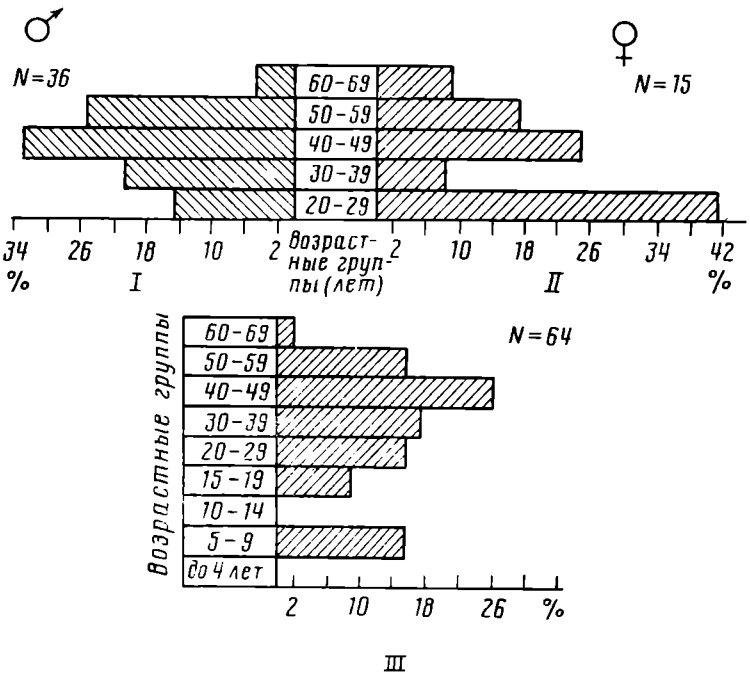


Рис. 1. Пирамида смертности могильника Ясиноватка. *I*— мужские погребения; *II* — женские погребения; *III* — вся популяция

женщин, или 26% всех погребенных (рис. 1, *III*).

Средний возраст смерти мужчин Ясиноватки составляет 42,8 года, женщин — 38,7 лет, всех погребенных с учетом детской смертности — 33,7 года, т. е. весьма высокий, что объясняется прежде всего отсутствием в могильнике погребений детей моложе 4 лет, а также возрастной группы 10—14 лет. В целом же полученные на материалах Ясиноватки данные о продолжительности жизни и смертности вполне соответствуют имеющимся представлениям о палеодемографии неолитических племен Поднепровья [9, 10].

В результате реставрационной работы мы получили серию из 27 черепов, т. е. около 40% погребенных в могильнике. Сохранность костей мозгового отдела удовлетворительная, но основания черепов часто отсутствуют, они имеются только у 3 черепов (№ 36, 44, 45).

Лицевая часть черепов сохранилась намного хуже. Необходимые измерения удалось сделать на 7 лицевых отделах. Нижняя челюсть сохранилась хорошо, за исключением суставных головок. Зубы также хорошо представлены, стертость их значительная. Ни одного случая зубной патологии не наблюдалось.

На 3 черепах обнаружены заслуживающие внимания повреждения. На левой теменной кости черепа № 18 имеется крупное отверстие размером 54×32 мм. Характер его краев и изломов свидетельствует о том, что отверстие было вырезано на черепе незадолго до смерти или вскоре после ее наступления. Среди осколков этого черепа найден также овальной формы вырезанный из кости «амулет» (?) размером 21×27 мм.

На черепе № 46 примерно в средней части сагиттального шва имеется овальное отверстие 16×6 мм древнего происхождения. Его воронкообразные края имеют следы долбления. Поскольку облитерации кости не замечено, можно предполагать, что отверстие было проделано на черепе незадолго до смерти и явилось ее причиной, или же было сделано уже после смерти. Возможно, это искусственная трепанация черепа, хотя локализация ее не типична. Трепанационное отверстие аналогичной локализации описано И. И. Гохманом на черепе из могильника Вовниги II, расположенного вблизи Ясиноватки [2, с. 141]. Случаи искусственной трепанации встречены также на черепах из мезолитического могильника Васильевка III и могильника Васильевка II неолитического времени [2, с. 25, 99].

На правой теменной кости черепа № 64 находится след от удара тяжелым тупым предметом — пролом 51×21 мм. Он имеет овальные очертания. Внутри его находились проломленные и чуть сросшиеся между собой осколки.

Серия состоит из 17 мужских и 10 женских черепов. Определение пола не вызвало затруднений. Мужские черепа довольно резко выделяются крупными размерами мозговой и лицевой частей черепа, толстыми костями свода, сильным развитием рельефа, в частности надбровья, надпереносья, сосцевидных отростков, височных линий. Степень развития надпереносья в среднем у мужских черепов оценивается, по Мартину, баллом 4,4, причем в ряде случаев степень развития этого признака достигает 6 баллов. Протяженность надбровных дуг весьма значительная (2,2 балла), хотя они и не заходят в область надглазничного треугольника. Сосцевидные отростки очень крупные, на мужских черепах степень их развития в среднем 2,9 балла.

Рельеф затылочной кости характеризуется своеобразными особенностями. Наблюдаются две его модификации на мужских черепах. Одна из них представляет собой развитый поперечный затылочный валик, образованный в области иниона сливающимися верхними выйными линиями (череп № 18). В другом случае (череп № 44) верхние выйные линии также очень сильно развиты и образуют раздвоенный валик, резко выступающий в латеральных частях и понижающийся в средней части, т. е. в области наружного затылочного бугра. В обоих случаях валики имеют вид сильно выступающих карнизов или козырьков. Описанные признаки свидетельствуют об усиленном рельефе затылочной кости, большом ее утяжелении, хотя в серии встретились и черепа с весьма слабым рельефом затылка. Аналогичные костные образования описаны на двух черепах из Вовнигинского правобережного могильника [2, с. 141]. Ясиноватские черепа отличаются очень крупными размерами мозговой коробки. Продольный диаметр мужских черепов варьирует в пределах величин большого и очень большого классов. Минимальное его значение — 182 мм относится к категории средних величин. Наибольшее значение — 210 мм выходит за пределы мирового максимума. В среднем для 18 черепов он составляет очень большую величину — 194,5 мм. Для женской серии также типичен очень большой продольный диаметр (средняя величина 183,4 мм). Минимальное значение — 174 мм относится к среднему классу размеров.

Намного сильнее варьирует поперечный диаметр черепа, особенно в мужской группе. В одном случае встретилось малое значение — 131 мм поперечного диаметра, максимальный поперечный диаметр достигает очень большой величины — 156 мм. В среднем серия характеризуется среднеширокой черепной коробкой (143,9 мм). В женской группе размах вариации лежит в пределах 133—148 мм при среднем значении 140,4 мм, что свидетельствует о большой ширине женских черепов.

Черепной указатель в мужской серии колеблется от 65,8 до 81,3, т. е. в серии встречаются все три формы мозговых коробок. Долихокранных черепов — 9, мезокранных — 6, брахикранный — 1. Женские черепа имеют следующее распределение форм черепных коробок: 3 черепа — долихокранные, 4 — мезокранные, 1 — брахикранный. Таким образом, женская группа намного менее длинноголовая, среднее значение черепного указателя в ней — 76,6, в мужской группе — 73,4.

Проекционный диаметр порион-брегма у мужских черепов 109—127 мм, у женских — 116—120 мм. В среднем женская серия отличается более высокими черепами. О крупных размерах черепов из Ясиноватки свидетельствуют также такие признаки, как длина основания черепа, наименьшая и наибольшая ширина лба, ширина основания черепа, ширина затылка. Все они имеют размеры, относящиеся к большому и очень большому классу величин. Значительных величин достигают на мужских черепах размеры горизонтальной окружности через офрион, поперечной и сагиттальной дуг.

Лицевой отдел Ясиноватских черепов можно характеризовать только по мужской группе, поскольку лица на женских черепах, за исключением некоторых признаков, не измерялись ввиду их фрагментарности. У мужских черепов скуловой диаметр изменяется в пределах только очень больших величин и размах вариации не очень велик: максимальный размер 156 мм (у черепа № 36), минимальный — 144 мм. Сильнее варьирует средняя ширина лица: от средних значений (96 мм) до очень больших (110 мм). Широтный краниофациальный указатель подчеркивает большую ширину лицевого отдела относительно ширины черепа: он в среднем больше 100 с вариацией 98,6—111,1. Верхняя ширина лица тоже характеризуется очень большими размерами. Этот признак варьирует незначительно — от 110 до 115 мм, и у всех черепов отличается от полученной средней не более чем на 2 мм. Высотные размеры лица — в пределах среднего и большого классов. По лицевым указателям черепа низколицые. Ширина орбиты от максилло-фронтале в среднем очень большая (45,0 мм). При этом высота орбиты (от 28,0 до 33,0 мм) в среднем очень малая (31,2 мм). Естественно, что по указателю (69,7) черепа являются очень низкоорбитными. Ширина и высота носа в среднем большие. По носовому указателю черепа мезоринные, хотя в серии есть 1 узконосый и 3 широконосых черепа. Вертикальная профилировка лица слабая или умеренная. Из 4 обследованных лицевых скелетов 1 — мезогнатный, 3 — ортогнатные. Назомалярный угол варьирует от 134 до 147°, а в среднем (140,8°) примерно соответствует величине его у современных европеоидных групп (140°). У 3 из 5 черепов величина угла превышает это значение, что говорит о некоторой тенденции к уплощенности лица в верхней части. Зигомаксиллярный угол в среднем равен 132,2°, причем у 2 из 5 черепов достигает 135 и 138°, указывая на довольно слабую горизонтальную профилировку средней части лицевого отдела. В целом же черепа из Ясиноватки, как и других древних серий с территории европейской части СССР, на которых отмечается уплощенность лицевого скелета, морфологически не сходны с монголоидными. Так же как и черепа из других неолитических могильников Поднепровья, их можно отнести к выделенному И. И. Гохманом надпорожско-приазовскому варианту протоевропейского типа.

Внутригрупповой анализ Ясиноватской серии показал, что население, оставившее этот некрополь, было неоднородным. Средние квадратические уклонения по 42% признаков в мужской серии и по 45% — в женской значительно превышают стандартные. В связи с этим Ясиноватская серия была разделена на две группы черепов в соответствии с их происхождением из погребальных сооружений двух типов: овальных ям (тип А) и коллективной «красной усыпальницы» (тип Б). Остановимся сначала на краткой характеристике черепов из овальных ям.

Мужские черепа (№ 55, 57, 60, 64) [1] (табл. 1, яма А) обладают большой массивностью и крупными размерами: очень большим (198,5 мм) продольным, средними значениями поперечного (140,3 мм) и высотного (от пориона — 115 мм) диаметров. Черепная коробка резко долихокранная (70,5). Лицо очень широкое (скуловой диаметр равен 147,5 мм), средней высоты, резко профилированное в горизонтальной плоскости (углы горизонтальной профилировки измерены на одном черепе). Орбиты очень низкие, нос — широкий.

Из 2 женских черепов, обнаруженных в ямах типа А (табл. 2), один (№ 19) — брахикранный (черепной указатель 81,6), другой имеет близкий к мезокрании черепной индекс (74,9). Значит, в овальных ямах с мужскими долихокранными черепами находились женские с более высоким черепным указателем.

Для сравнения между собой мужских и женских черепов из ям типа А, а также для того, чтобы выявить направление наметившихся различий между ними, были вычислены коэффициенты полового диморфизма

[1] Сюда относится еще череп № 63, но из-за посмертной деформации он не включен в подсчет средних.

Таблица 1

Сопоставление I и II краниологических типов Ясиноватки. Мужчины

№, по Мартину	Признаки	Яма А	Яма Б			Ямы А и Б, тип I
			суммарно	тип I	тип II	
1	Продольный диаметр	198,5 (4)	193,6 (13)	195,3 (6)	191,3 (7)	196,1 (10)
8	Поперечный диаметр	140,3 (3)	143,8 (13)	137,5 (6)	149,1 (7)	138,4 (9)
20	Ушная высота	115,0 (1)	120,3 (11)	122,0 (5)	118,8 (6)	120,8 (6)
8:1	Черепной указатель	70,5 (3)	74,6 (13)	70,4 (6)	78,0 (7)	70,4 (9)
9	Наименьшая ширина лба	104,0 (3)	102,8 (11)	100,0 (6)	106,2 (5)	101,3 (9)
10	Наибольшая ширина лба	117,7 (3)	122,2 (13)	116,5 (6)	127,0 (7)	116,9 (9)
11	Ширина основания черепа	131,5 (2)	131,8 (10)	127,0 (3)	133,9 (7)	128,8 (5)
12	Ширина затылка	111,5 (2)	112,8 (13)	110,7 (6)	114,6 (7)	110,9 (8)
23а	Горизонтальная окружность через офрион	532,0 (1)	543,1 (11)	538,0 (5)	547,3 (6)	537,0 (6)
45	Скуловой диаметр	147,5 (2)	149,0 (4)	146,0 (1)	150,0 (3)	147,0 (3)
46	Средняя ширина лица	98,5 (2)	103,3 (3)	110,0 (1)	100,0 (2)	102,3 (3)
48	Верхняя высота лица	70,0 (1)	75,5 (4)	72,0 (1)	76,7 (3)	71,0 (2)
48:45	Верхнелицевой указатель	46,7 (1)	50,7 (4)	49,3 (1)	51,7 (3)	48,0 (2)
45:8	Горизонтальный черепно-лицевой указатель	105,6 (2)	100,8 (4)	102,1 (1)	100,4 (3)	104,4 (3)
55	Высота носа	52,0 (2)	55,8 (4)	52,5 (1)	57,2 (3)	51,8 (3)
54	Ширина носа	27,2 (1)	28,0 (4)	28,1 (1)	28,0 (3)	27,7 (2)
54:55	Носовой указатель	52,8 (1)	50,4 (4)	54,6 (1)	49,0 (3)	53,7 (2)
51	Ширина орбиты	46,5 (2)	43,4 (4)	46,1 (1)	43,7 (3)	46,4 (3)
52	Высота орбиты	31,1 (2)	31,3 (4)	28,0 (1)	32,4 (3)	30,0 (3)
52:51	Орбитный указатель	67,3 (2)	70,9 (4)	60,7 (1)	74,2 (3)	65,1 (3)
SC	Симотическая ширина	8,1 (3)	9,5 (7)	8,25 (2)	9,9 (5)	8,2 (3)
SS	Симотическая высота	4,8 (1)	4,0 (6)	3,2 (2)	4,4 (4)	3,7 (3)
SS:SC	Симотический указатель	59,3 (1)	45,1 (6)	38,8 (2)	48,2 (4)	45,6 (3)
77	Назомалярный угол	134,0 (1)	142,5 (4)	147,0 (1)	141,0 (3)	140,5 (2)
—	Зигомаксиллярный угол	128,7 (1)	133,0 (4)	127,0 (1)	135,0 (3)	127,9 (2)

Таблица 2

Сопоставление I и II краниологических типов из могильника Ясиноватка. Женщины

№, по Мартину	Признаки	Яма А	Яма Б			Ямы А и Б, тип II
			суммарно	тип I	тип II	
1	Продольный диаметр	176,5 (2)	185,1 (8)	189,0 (2)	183,8 (6)	182,0 (8)
8	Поперечный диаметр	138,0 (2)	141,1 (7)	135,0 (2)	143,6 (5)	142,4 (7)
20	Ушная высота		119,3 (3)		119,3 (3)	119,3 (3)
8:1	Черепной указатель	78,3 (2)	76,1 (6)	71,7 (2)	78,2 (4)	78,2 (6)
9	Наименьшая ширина лба	95,0 (2)	98,6 (5)	102,0 (1)	97,8 (4)	96,8 (6)
10	Наибольшая ширина лба	120,5 (2)	118,7 (7)	116,0 (2)	119,8 (5)	120,1 (8)
11	Ширина основания черепа	117,0 (1)	131,8 (4)		131,8 (4)	129,0 (4)
12	Ширина затылка	109,0 (2)	110,0 (6)	103,0 (1)	112,2 (5)	111,3 (7)
23-а	Горизонтальная окружность через офрион	513,0 (1)	532,8 (6)	533,0 (2)	532,8 (4)	528,8 (5)

по основным признакам мозгового отдела. Оказалось, что преобладающее большинство признаков имеют значения коэффициентов, выходящие за пределы вариаций стандартных средних величин [11]. Путем пересчета размеров двух женских черепов на основании коэффициентов полового диморфизма были получены корригированные средние величины основных признаков «псевдомужских» черепных коробок (табл. 3).

Как видно из таблицы, корригированные женские черепа из ям типа А по сравнению с мужскими черепами из этого же типа ям характеризуются намного более коротким и более широким мозговым отделом черепа, выраженной мезокранией (черепной указатель корригированных черепов 77,3, мужских — 70,5). Корригированные черепа имеют также значительно большую ширину лба, основания черепа и затылка. Таким образом, результаты сопоставления мужской и «псевдомужской» серии, хотя и основываются на данных только мозговых отделов чере-

Таблица 3

Сопоставление мужских и корригированных женских черепов из ям типа А могильника Ясиноватка

№, по Мартину	Признаки	Мужчины, тип I	«Псевдомужчины», тип II
8	Продольный диаметр	198,5 (4)	185,1 (2)
1	Поперечный диаметр	140,3 (3)	143,1 (2)
8:1	Черепной указатель	70,5 (3)	77,3 (2)
9	Наименьшая ширина лба	104,0 (3)	98,0 (2)
10	Наибольшая ширина лба	117,7 (3)	125,3 (2)
11	Ширина основания черепа	131,5 (2)	137,8 (7)
12	Ширина затылка	111,5 (2)	121,4 (2)

Таблица 4

Распределение краниологических типов в ямах А и В и значения их черепных указателей

Тип I		Тип II	
яма А	яма Б	яма А	яма Б
Мужчины 70,5	Мужчины 70,4 Женщины 71,7	Женщины 78,3	Мужчины 78,0 Женщины 78,2

па, позволяют предположить наличие в ямах типа А черепов различных краниологических типов. При этом все мужские черепа относятся к долихокранному типу (I), женские — к мезокранному (II).

Перейдем к характеристике черепов из «красной усыпальницы». Мужские черепа — их 13 (№ 9—11, 15, 18, 23, 24, 27, 35—37, 44, 45) — в среднем уступают описанным выше мужским черепам из ям типа А в массивности костного рельефа, отличаются более широкой и высокой черепной коробкой (табл. 1, яма Б). Лицо также более широкое и высокое по абсолютным размерам, несколько уплощенное. Однако различия эти выражены нерезко и при статистической проверке оказались недостоверными. Поскольку ямы типа А и типа Б относятся к различным хронологическим этапам в существовании могильника, а различия между соответствующими группами черепов идут в сторону повышения черепного указателя и сопровождаются некоторым уменьшением (в среднем) массивности в более поздней группе, то эти различия можно было бы отнести за счет процесса эпохальной изменчивости. Этому, однако, противоречит тот факт, что в «красной усыпальнице» встретились черепа, имеющие, как и черепа из ям А, очень массивные кости свода, гребнеобразные верхние выйные линии (валики) на затылочной кости, а также выраженную долихокранию. Анализ на однородность мужских черепов из «красной усыпальницы» выявил в этой группе два морфологических компонента (табл. I, яма Б, типы I и II).

Первый из них включает 6 черепов (№ 11, 15, 18, 23, 44, 45). Им присущи: очень сильная степень развития надбровных дуг, надпереносья, особенно верхних выйных линий. Черепная коробка очень длинная (195,3 мм) и узкая (137,5 мм), высокая, резко долихокранная (черепной указатель 70,4). Лицо широкое — 146 мм, орбиты очень низкие, нос очень широкий, т. е. эти черепа обладают таким же комплексом признаков, как и серия черепов из ям типа А[2]. Это дает основания для объединения черепов из ям А и названных выше 6 погребений из ямы Б в рамках одного (I) краниологического типа. Правомерность такого объединения подтверждается статистически. При проверке методом X^2 мера совпадения между ними по 10 признакам соответствовала 0,99, что свидетельствует о сходстве сравниваемых групп.

[2] Исключение составляет уплощенность лица черепа № 44 (назомалярный угол 147°), о чем сказано ниже.

Иным комплексом признаков обладают остальные 7 черепов (№ 9, 10, 24, 27, 35, 36, 37) из «красной усыпальницы». Степень развития надпереносья, надбровных дуг, наружного затылочного бугра и сосцевидных отростков у них несколько меньшая (кроме черепа № 47), чем у черепов вышеописанного типа I. Они имеют мезокранную (среднее значение черепного указателя 78,0), высокую черепную коробку и очень широкий лоб. Лицо еще более широкое (150 мм), несколько уплощенное на обоих уровнях. Орбиты менее низкие, нос средней ширины.

В отличие от долихокранных черепов типа I их можно отнести к мезокранному типу II. Сопоставление выявленных в яме В двух типов по комплексу признаков методом X^2 показано очень мало сходства (мера совпадения $p=0{,}05—0{,}1$), т. е. различия между типом I и типом II статистически достоверны.

В яме типа Б, «красной усыпальнице» (табл. 2, яма Б) находились 8 женских черепов (№ 1, 2, 3, 7, 8, 28, 46, 50). Два из них резко долихокранные (№ 28, 46). Они имеют очень большой продольный и средний поперечный диаметр, очень широкий лоб, и, без сомнения, представляют собой тот же краниологический тип (I), что и долихокранные мужские черепа с широким, хорошо профилированным лицом. Остальные женские черепа (№ 1, 2, 3, 7, 8, 50) из «красной усыпальницы» отличаются иными пропорциями черепной коробки. Им присуща выраженная мезокрания при очень больших размерах продольного, поперечного диаметров и очень большой высоте. Судя по имеющемуся лицевому скелету (череп № 50), этой группе черепов характерны неширокие, по указателю — средневысокие орбиты и широкое, уплощенное в верхней части лицо. Такой же комплекс признаков имеют 7 мужских черепов (краниологический тип II) из этой же ямы, а также 2 описанных выше женских черепа из ямы А. Таким образом, в женской серии черепов из «красной усыпальницы» выявлены два краниологических типа, соответствующих I и II краниологическим типам мужской серии.

С целью получить дополнительные доказательства неоднородности серии, были вычислены коэффициенты полового диморфизма основных признаков черепной коробки для всей серии и отдельно для черепов из разных типов ям. В обоих случаях наблюдалось нарушение полового диморфизма, что является подтверждением морфологической разнородности этих групп.

Анализ ясиноватской краниологической серии позволяет констатировать в ней наличие двух антропологических типов. Первый характеризуется резкой долихокранией, очень большими размерами продольного и высотного при малых или средних размерах поперечного диаметров, очень широким, средней высоты, хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом. Нос широкий, орбиты очень низкие. Второй, мезокранный тип, имеет очень большие размеры продольного и поперечного диаметров при несколько меньшей высоте черепа, еще более широкое, высокое, несколько уплощенное лицо. Нос более узкий, орбиты несколько более высокие

Распределение этих краниологических типов в ямах А и Б Ясиноватского могильника и значения их черепных указателей приведены в табл. 4.

На ранних этапах использования могильника, когда захоронения осуществлялись в овальных ямах типа А, хорошо прослеживается долихокранный тип (I). Представлен он исключительно мужскими черепами. Мезокранный тип (II), связанный на этом этапе лишь с женскими черепными коробками, определяется на нашем материале несколько слабее. На более поздних этапах, когда для захоронений использовали «красную усыпальницу» (Б), I и II краниологические типы продолжают существовать, что хорошо выражено на мужских и женских черепах.

За время столь длительного (не менее 500-летнего) сосуществования антропологические типы не остаются неизменными. Так, тип I на этапе Б существования могильника приобретает некоторые новые для себя особенности, например уплощенность лица (череп № 44), признак, ха-

рактерный для всех черепов типа II. Возможно также, что появление у представителей типа II морфологических элементов, присущих черепам типа I (например, затылочного валика на черепе № 47), является результатом метисации двух типов.

Значение краниологических материалов из Ясиноватки состоит в том, что на них подтверждается наличие в составе днепро-донецкого населения двух краниологических типов: долихокранного и мезокранного. Установлено также, что указанные типы существовали одновременно на протяжении всего периода функционирования могильников мариупольского типа. Удалось проследить и динамику пропорций этих типов в направлении увеличения процента брахикранного типа (с 34% на этапе А до 58% на этапе Б) при соответственном уменьшении долихокранного. Обследование всего массива неолитических скелетов из могильников мариупольского типа показывает, что долихокранный вариант присутствует в сериях могильников Васильевка II, Вовниги I, II, Вольнянка, Никольское, Дереивка, Ясиноватка. Наличие мезокранного отмечено в сериях Васильевка II, Никольское, Дереивка, Капуловка, Ясиноватка, Васильевка V, Осиповка, Игрень [2; 3; 5; 12]. Долихокранный компонент, по-видимому, генетически связан с местным мезолитическим населением. Второй, мезокранный, очевидно, складывался в ареале древнейшей северо-европейской расы и продвинулся на юг с одной из миграционных волн.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дебец Г. Ф.* О физическом типе населения днепро-донецкой культуры//СА. 1966. № 1.
2. *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966.
3. *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973.
4. *Сурнина Т. С.* Палеоантропологический материал из Вольненского неолитического могильника//Тр. ИЭ. 1961. Т. LXXI.
5. *Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наук. думка, 1967.
6. *Бунак В. В.* Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас//Тр. ИЭ АН УССР. 1959. Т. XLIX.
7. *Алексеева Т. И.*//СЭ. 1966. № 11.— Рец. на кн.: Гохман И. И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966.
8. *Телегин Д. Я., Бодянский А. В., Козловский А. А., Балакин С. А., Нужный Д. Ю.* Отчет о раскопках и разведке экспедиции «Славутич-2» в Надпорожье в 1978 году//Архив ИА АН УССР. № 1978/7.
9. *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР//СА. 1972. № 1.
10. *Потехина И. Д.* К вопросу о продолжительности жизни человека каменного века на Украине//Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
11. *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. М.: Наука, 1964.
12. *Telegin D. Ya., Potekhina I. D.* Neolithic Cemeteries and Populations in the Dnieper Basin//BAR. Int. S. 1987. 383.

I. D. Potekhina

ANTHROPOLOGICAL MATERIALS FROM THE YASINOVATKA BURIAL GROUND

Summary

The author cites the results of the demographic (Fig. 1) and anthropological (Plates 1, 2) analysis of the materials from the Neolithic settlement of Yasinovatka on the Dnieper. The buried, who belonged to the Dnieper-Donets culture, were of the Nadporozhsky-Azov variant of the Proto-European type. The series revealed two craniological types from various burial constructions which corresponded to two chronological stages of the burial ground (Plates 3, 4, 6). The author has established the dynamics of the type towards a larger share of the brachycranial type and a corresponding decrease of the dolichocranial types.

И. Т. ЧЕРНЯКОВ, В. И. НИКИТИН

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ С ПУАНСОННЫМ ОРНАМЕНТОМ ЯМНОЙ И КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУР

В отличие от земледельческих культур Юго-Восточной Европы археологическая зона степных просторов Северного Причерноморья эпохи энеолита и бронзы отличается чрезвычайно редкими находками предметов изобразительного искусства, позволяющих проникнуть в духовный мир древних скотоводческих племен. Открытие каменных скипетров и антропоморфных стел в степных курганах лишь приподняли завесу над загадкой происхождения и содержания искусства своеобразных культур этой зоны [1, с. 82—106; 2, с. 103—108]. Великолепная находка Керносовского идола в Поднепровье [3, с. 36—76] показала на большие возможности новых открытий не только в области изучения первобытной монументальной скульптуры степных племен Восточной Европы, но и в исследовании идеологических представлений населения этого огромнейшего культурно-этнического массива, оказавшего большое влияние на все последующее развитие древнего искусства и мифотворчества народов Старого Света.

Настоящая статья посвящена публикации материалов двух погребений ямной и катакомбной культур из Южного Побужья, в которых обнаружены уникальные металлические украшения с пуансонным орнаментом. Анализ этих изделий и других подобных находок в синхронных погребениях раннебронзового века Северного Причерноморья и Северного Кавказа позволяют расширить круг предметов изобразительного искусства, находивших широкое применение в различных областях жизни степных племен, в частности для украшения деталей и предметов одежды.

Орнаментированные медные бляшки-обоймы обнаружены в 1982 г. И. А. Снитко в позднеямном погребении 12, впущенном в небольшую насыпь кургана 3 I курганной группы у с. Калиновка Жовтневого р-на Николаевской обл. Погребение находилось в 5,9 м северо-западнее центра кургана на глубине 1 м. Яма прямоугольной формы с закругленными углами (длина 1,45, ширина 0,95, глубина 1,1 м). Вдоль стенок прослежены остатки столбов, поддерживавших перекрытие могилы из дерева.

В погребальной камере находилось парное погребение женщины с ребенком. Скелет женщины лежал в скорченном положении на правом боку. Левая рука согнута в локте и кистью положена на таз. Правая в полусогнутом состоянии отведена в сторону. На ней лежал скелет ребенка 10—12 лет в скорченном положении на левом боку. Его руки вытянуты вдоль туловища. Оба скелета ориентированы головами на северо-восток (рис. 1, *1*). В области живота ребенка найдены развернутые друг к другу под углом торцевыми сторонами две медные бляшки-обоймы с пуансонным орнаментом (рис. 1, *2*, *5*). Их длина 7,5, ширина 3,5 см. Сверху на бляшках лежала костяная молоточковидная булавка, головка которой украшена косыми нарезами (рис. 1, *3*). Рядом с ней находился амулет-подвеска из просверленного клыка собаки или волка (рис. 1, *4*). Расположение предметов в погребении позволяет интерпретировать медные бляшки-обоймы как металлические наконечники для украшения кожаного поясного ремня (рис. 1, *6*).

Второе погребение с бляшками-обоймами относится к катакомбной культуре. Оно было исследовано В. И. Никитиным в 1983 г. Катакомб-

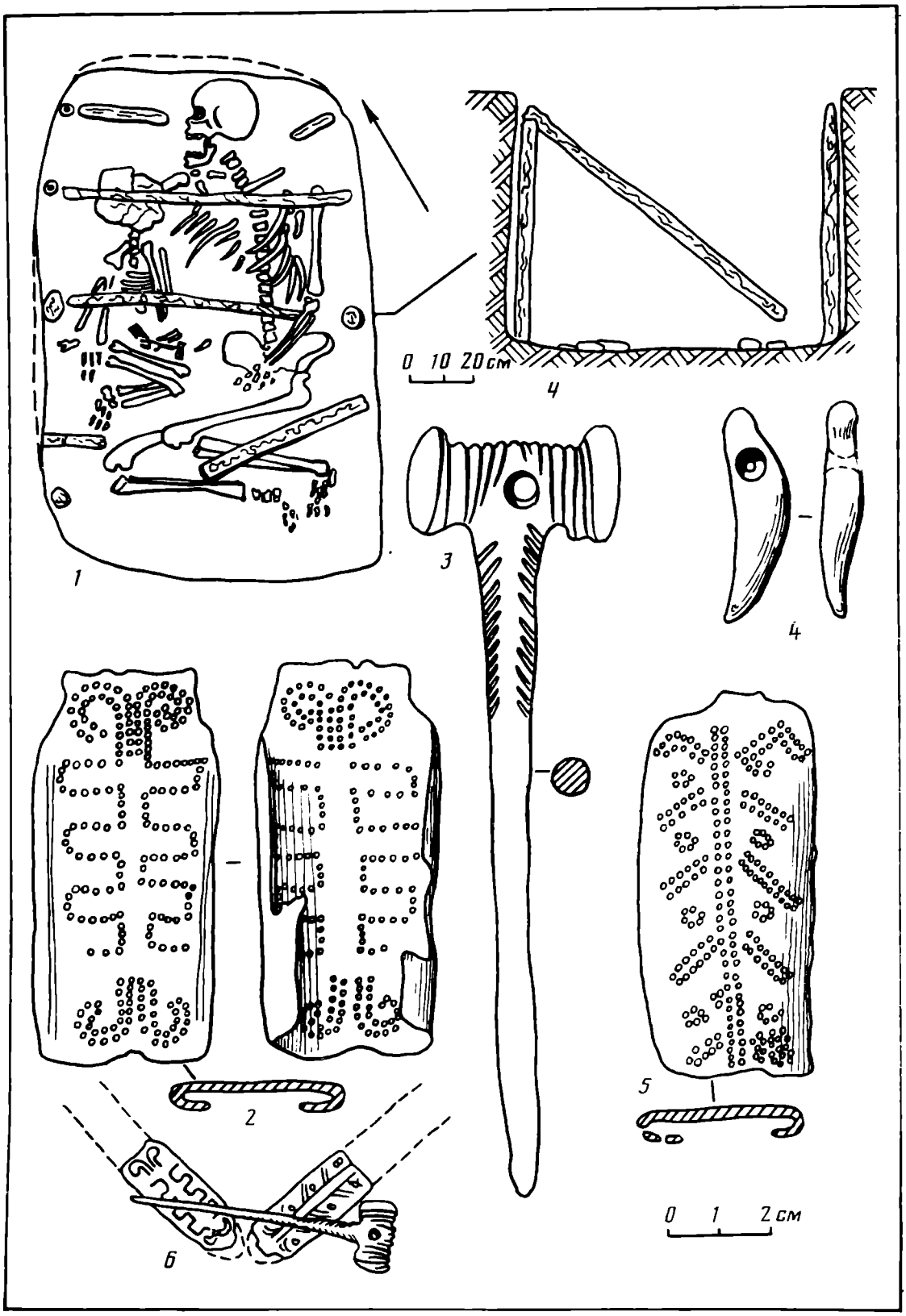


Рис. 1. Комплекс ямного погр. 12 кург. 3 из I курганной группы у с. Калиновка. *1* — план и разрез погребения; *2, 5* — медные пластинки-обоймы; *3* — костяная булавка; *4* — подвеска из клыка; *6* — реконструкция расположения медных пластин-обойм и костяной булавки на поясе

ное погр. 35 являлось впускным в кург. 4 ямной культуры II курганного могильника возле того же села Калиновка. Катакомба располагалась в 12 м юго-западнее центра кургана. Колодец имел овальную форму (1,65×1,4 м). Камера, также овальной формы, располагалась ниже дна колодца. Ее размеры 2,75×1,8 м, высота свода около 1,6 м. Вход в камеру был закрыт каменными плитами, размеры которых 0,57×0,3×0,12; 0,49×0,32×0,1; 0,58×0,41×0,1; 0,66×0,42×0,12; 0,8×0,45×0,14 м.

На дне камеры, закрытой подстилкой из травы, лежал скелет женщины в скорченном положении на левом боку, ориентированный головой на юго-запад (рис. 2, *17*, *18*). Левая рука вытянута вдоль туловища и кистью положена на бедро, правая слегка согнута и кистью положена на таз. В области грудной клетки и коленных суставов отмечены следы посыпки охрой. Возле ног погребенной находились остатки костей младенца. На костях женского скелета — следы от кожаной одежды. Возле скелета младенца найдено 11 копытец козы или овцы. В районе грудной клетки погребенной прослежены остатки тлена от деревянных коробочек небольшого размера, одна из которых наполнена бисерными бусинками, изготовленными из мелких косточек каких-то семян (рис. 2, *2*), костяными бусами (рис. 2, *3*, *4*), подвесками из зубов собаки (рис. 2, *9—16*). На запястье левой руки находился медный проволочный браслет с петлями на концах (рис. 2, *1*). Его диаметр 5,7 см. В засыпке ямы найдены три медные подвески с отверстиями (рис. 2, *7*, *8*, *11*). На грудной клетке погребенной лежали две медные бляшки-обоймы, украшенные пуансонным орнаментом (рис. 2, *5*, *6*). Их длина 9,4, ширина 4 см. На нижней стороне бляшек прослеживались остатки кожи от ремня. На концах бляшек сделаны отверстия для надежного крепления с ремнем.

Культурно-хронологическое определение позднеямного погр. 12 из кург. 3 не вызывает особых затруднений. Оно находилось в кругу таких же позднеямных впускных погребений небольшого кургана высотой около 1 м. К сожалению, центральное погребение оказалось разрушенным. Погребальная яма и обряд впускных погребений характерны для позднеямных погребений Северного Причерноморья, в том числе и Побужья. В одновременных ямных погребениях исследованного кургана найдены глиняные сосуды, позволяющие увереннее синхронизировать их с подобными погребениями Поингулья, которые О. Г. Шапошникова, В. С. Бочкарев, И. Н. Шарафутдинова выделили в V и VI типы (рис. 3, *1—4*) ямной культуры этого района [4, с. 17]. В них найдены молоточковидные булавки и медные круглые бляшки с пуансонным орнаментом.

Катакомбное погр. 35 из кург. 4 по погребальному сооружению относится к VII типу первой группы, по классификации катакомбной культуры С. Н. Братченко [5, с. 20]. Такие погребения получили наибольшее распространение среди погребений катакомбной культуры бахмутской и манычской групп, в Орельско-Самарском междуречье на левобережье Поднепровья [6, с. 18]. Широкие исследования курганов в Побужье и открытие значительного количества катакомбных погребений со своеобразной керамикой позволили О. Г Шапошниковой выделить в этом районе ингульскую катакомбную культуру [7, с. 6, 8]. Для последней основная форма погребального сооружения — катакомбы с круглыми входными колодцами и овальными в плане керамики. Господствующим обрядом в ингульской катакомбной культуре является вытянутое положение скелетов. Лишь для небольшой группы погребальных сооружений характерно скорченное положение скелетов на боку и применение в катакомбах прямоугольных колодцев.

Изучаемое катакомбное погребение у с. Калиновка, по-видимому, занимает промежуточное типолого-хронологическое положение между древнейшей группой погребений со скорченным положением скелетов в катакомбах с прямоугольными колодцами и позднейшей группой вытянутых погребений в катакомбах с круглыми колодцами. О сравнительной древности этого погребения и его синхронизации с позднеямными погребениями свидетельствуют не только находки близких по форме прямоугольных бляшек с пуансонным орнаментом, подвесок из клыков

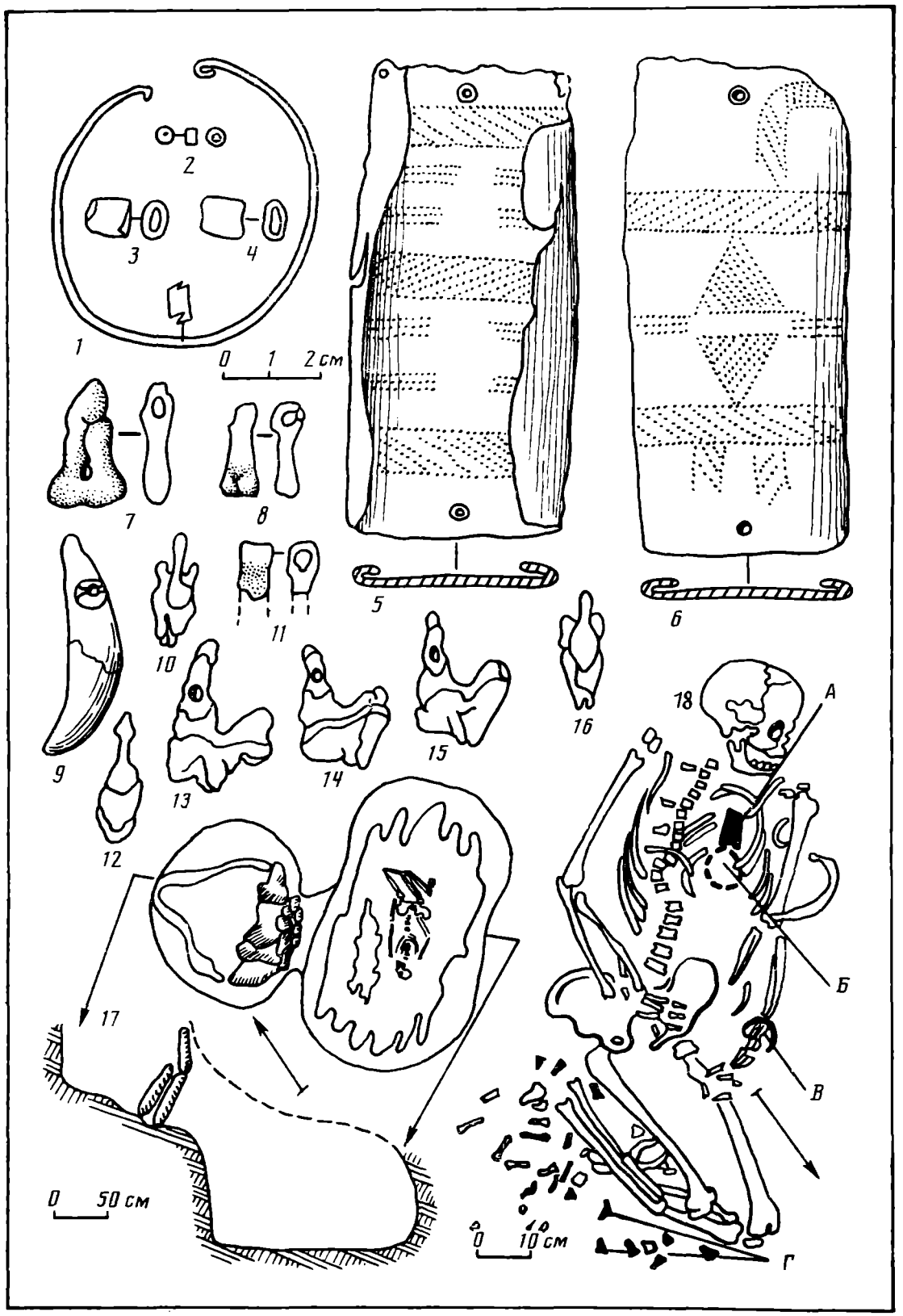


Рис. 2. Комплекс катакомбного погр. 35 кург. 4 из II курганной группы у с. Калиновка. *1* — медный браслет; *2* — бусины из семян; *3, 4* — костяные бусины; *5, 6* — медные пластины-обоймы; *7, 8, 11* — медные подвески; *9* — подвеска из клыка; *10, 12—16* — подвески из зубов; *17* — план и разрез погребения; *18* — план погребения с расположением предметов; *А* — медные пластины-обоймы; *Б* — деревянная шкатулка с бусами, подвесками из зубов, подвеской из клыка; *В* — медный браслет; *Г* — копыта козы

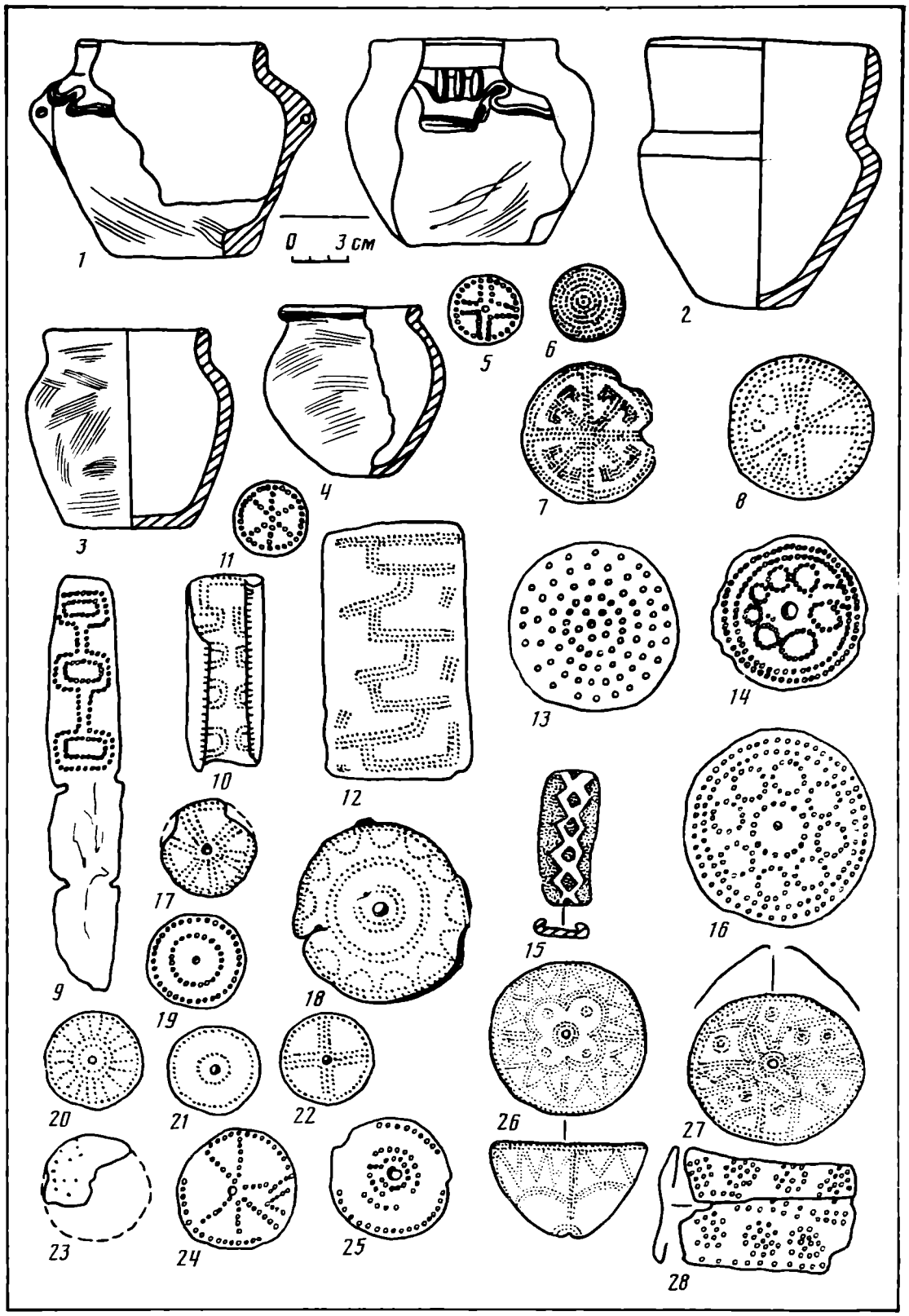


Рис. 3. Керамика из погребений ямной культуры в кург. 3 у с. Калиновка (*1—4*) и медные украшения с пуансонным орнаментом (*5—28*), *1, 4* — погр. 4; *2* — погр. 8; *3* — погр. 6; *5, 11* — Лола; *6—8* — Отрадный; *9, 10* — Аккермень; *12* — Болотное; *13, 14, 16* — Новогригорьевка; *15* — Приморское; *18* — Смела; *17* — Усть-Джегутинская; *19—20* — Архара; *21* — Чограй I; *22* — Чограй III; *23* — Ремонтное; *24, 25* — Чограй II; *26* — Ногир; *27* — Суворовская; *28* — Нальчик

собаки-волка, но и стратиграфическое место погр. 35 под позднеямным погр. 34 в кург. 4.

Изучение представленных материалов дает возможность наметить новые аспекты в изучении истории проникновения катакомбных племен в районы Северного Причерноморья, в частности в Побужье, взаимоотношений ямной и катакомбной культур, когда фиксируется несколько волн переселения представителей катакомбных племен с востока, постепенном изменении погребальных сооружений, инвентаря, появление ямных и катакомбных погребений со свойственными им погребальными сооружениями, но примерно одинаковым набором погребального инвентаря [8, с. 45, 46; 9, с. 35, 36].

В синхронизации с другими памятниками раннебронзового века и определении хронологии ямного погр. 12 особое место занимает находка молоточковидной булавки. Исследователи, изучавшие такие булавки, датировали их в широком диапазоне от середины III тыс. до н. э. до XV—XIV вв. до н. э. [10, с. 80; 11, с. 94; 12, с. 42—47; 13, с. 11—17]. Западной границей распространения костяных молоточковидных булавок в степях Северного Причерноморья является Южное Побужье. Единственная находка молоточковидной булавки западнее обнаружена в кургане у с. Старые Биляры под Одессой, исследованного А. Г. Загинайло в 1984 г. Исходя из принятых датировок позднеямных погребений и периода проникновения племен катакомбной культуры в Северо-Западное Причерноморье, нам представляется более обоснованным отнесение указанных погребений к первой четверти II тыс. до н. э. [14, с. 9]. В ямных и катакомбных погребениях Северо-Западного Причерноморья не обнаружены костяные молоточковидные булавки и глиняные курильницы [15, с. 54—57], столь характерные в погребениях этих культур в более восточных районах степей Восточной Европы. Последнее вместе с отличительным керамическим комплексом свидетельствует об особом культурно-этническом содержании позднеямной культуры и сравнительно позднем характере проникновения племен катакомбной культуры в западную часть степей Северного Причерноморья. В Южном Побужье молоточковидные булавки встречаются главным образом в позднеямных погребениях [4, с. 15—17].

Для нас наибольший интерес представляют находки орнаментированных медных бляшек в примерно синхронных ямном и катакомбном погребениях из курганов у с. Калиновка. Они относятся к редко встречающимся в погребениях типам прямоугольно-удлиненных бляшек-обойм, применявшихся для украшения концов кожаного пояса. Бляшки изготовлены из прокованного листа меди почти прямоугольной формы, длинные боковые стороны которого завернуты для соединения с ремнем. Орнаментация бляшек выполнена нанесением точечных ударов в ряд чеканом (пуансоном) — прием, широко распространенный уже на самых ранних этапах обработки металла человеком во многих древних культурах эпохи энеолита и бронзового века. С помощью точечных ударов пуансоном с тыльной стороны пластинок наносились довольно сложные изображения. На одной из бляшек-обойм из ямного погребения у с. Калиновка выбито изображение трехсоставной фигуры, заканчивающейся на обеих концах волютообразными, или «рогатыми», завитками, сделанными двойной линией точек (рис. 1, *2*). Сама фигура выполнена однорядной линией точек и состоит из трех узких прямоугольников, расположенных почти на равном расстоянии друг от друга. Они соединены по середине двумя параллельными линиями точек.

Семантика таких совершенно схематических изображений на данном этапе не поддается окончательной разгадке. Можно только заметить, что трехсоставное изображение антропоморфизированного вида как-то перекликается с изображением трехфигурных великанов на трипольском сосуде из Петрен [16]. Изображениями трех человеческих фигурок в пуансонной технике считает орнаментальный сюжет на круглой бляхе из погр. 1 кург. 1 у ст. Суворовской А. Л. Нечитайло [17, с. 68]. Волютный, или «рогатый», мотив часто присутствует на керамике ка-

такомбных погребений [5, с. 39]. Возможно, он является отражением каких-то конкретных символов антропоморфизированного рогатого божества, многочисленные изображения которого хорошо известны на древнем Востоке.

На второй пластинке из указанного погребения по середине выдавлена вертикальная полоса, состоящая из двух параллельных линий точек, от которой наискось вниз нанесено четыре отростка также из двух линий точек. Пятый отросток направлен вверх и изогнут в виде крыла. Между отростками с двух сторон изображены кружки (рис. 1, *5*). В общей схеме это изображение сходно с рисунком так называемых ребер на задней стороне некоторых стел ямного времени [1, с. 82, рис. 53, *2*]. Следует подчеркнуть, что благодаря наличию выступа на верхней узкой стороне бляшек они приобретают антропоморфные очертания, сходные с каменными антропоморфными стелами этого времени. Изображение на второй бляшке из ямного погребения у с. Калиновка может трактоваться и как изображение священного дерева с висящими венками — распространенного сюжета индоевропейской мифологии.

Бляшки из катакомбного погр. 35 кург. 4 у с. Калиновка имеют также удлиненно-прямоугольную форму и орнаментированы параллельными полосами, составленными из однорядных линий точек, пространство между которыми заполнено рядами косых линий, составленных из точек, выбитых пуансоном (рис. 2, *5*, *7*). На одной бляшке сделаны три широкие полосы (две по краям и одна по середине), между которыми нанесено по две узкие полосы из тройного ряда точек, разомкнутых по середине (рис. 2, *5*). На второй бляшке в центре изображен ромб, от которого отходят узкие полосы из тройного ряда точек. У вершин ромба проведены две широкие горизонтальные полосы из двух линий точек, пространство между которыми заполнено косыми линиями, составленными из точек, выбитых пуансоном. От верхней полосы вверх отходят две изогнутые линии, несколько напоминающие «рогатый» мотив на бляшках из погребения ямной культуры. От нижней широкой полосы к низу выбиты две вертикальные, отделенные друг от друга полосы, заполненные косыми линиями (рис. 2, *6*). Вполне вероятно, что они изображают ноги. Подобное изображение, возможно, тоже можно связывать с «рогатым» антропоморфным божеством. Интересно, что аналогичная передача ног двумя полосами известна и на некоторых антропоморфных стелах [2, с. 104].

Элементы, семантика и закономерности построения изображений в памятниках ямной и катакомбной культур еще слабо изучены и лишь будущие находки и специальные исследования могут внести ясность в наши догадки о схематических изображениях на медных бляшках, выполненных в пуансонной технике, возможности которой в изобразительном искусстве, естественно, были крайне ограничены.

Кроме калиновской находки, прямоугольные бляшки-обоймы с пуансонным орнаментом известны в катакомбном погребении курганного могильника Аккермень II (рис. 3, *9*, *10*), в катакомбном погребении из кургана у г. Приморск Запорожской обл. (рис. 3, *15*), на Северном Кавказе (рис. 3, *28*) и др. [18, с. 70, рис. 66, *7*, *8*; 19, с. 77, рис. 8; 20, с. 290, рис. 67]. В орнаменте бляшек из Аккерменя видны сходные элементы с орнаментом первой бляшки калиновского ямного погребения, а в орнаментике северокавказской находки — второй бляшки того же погребения. На бляшке из катакомбного погребения у г. Приморска изображена цепочка ромбов, один из которых изображен аналогично ромбу на бляшке из калиновского катакомбного погребения. Все это свидетельствует не о случайном выборе орнаментальных элементов в оформлении калиновских бляшек, а об установившейся определенной традиции, распространенной на обширной территории. Кроме поясных прямоугольных медных бляшек, в погребениях катакомбной культуры известны и большие нагрудные бляхи подобной формы. Одна из них найдена В. Н. Корпусовой в погр. 28 кург. 14 у с. Болотное в Крыму (рис. 3, *12*).

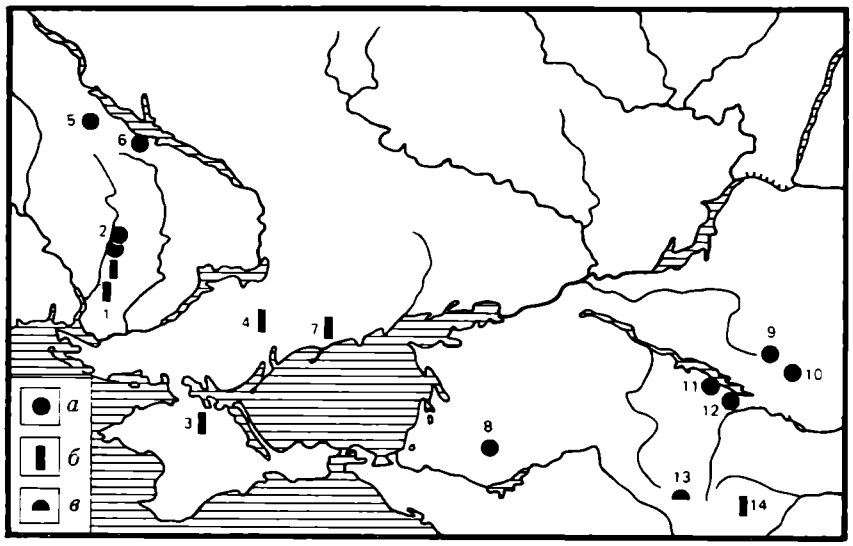


Рис. 4. Карта распространения украшений с пуансонным орнаментом в степных культурах Восточной Европы. *1* — Калиновка; *2* — Отрадный; *3* — Болотное; *4* — Аккермень; *5* — Смела; *6* — Новогригорьевка; *7* — Приморское; *8* — Усть-Джегутинская; *9* — Архара; *10* — Лола; *11* — Чограй II; *12* — Чограй III; *13* — Суворовская; *14* — Нальчик; *а* — круглые бляшки; *б* — прямоугольные бляшки; *в* — вогнутые бляшки

Остальные находки орнаментированных пуансоном металлических бляшек связаны с иным типом — круглой формы. В Северном Причерноморье их находки отмечены в ямных погребениях — погр. 9 кург. 36 (рис. 3, *7*, *8*), погр. 22 кург. 16 (рис. 3, *6*) у Отрадного в Поингулье [4, с. 14, рис. 6, *9*, *17*], в кургане (рис. 3, *18*) близ Смелы [21, с. 198, рис. 24, 9], у с. Новогригорьевка (рис. 3, *13*, *14*, *16*) в Поднепровье [22, с. 118]. Т. Б. Попова связывала происхождение и распространение круглых бляшек с расселением катакомбных племен с территории Северного Кавказа [22, с. 118]. Центром их производства также считает Северный Кавказ и А. Л. Нечитайло [17, с. 69].

В. А. Сафронов обратил внимание на частое нахождение вместе с таким типом бляшек молоточковидных булавок и попытался обосновать хронологию их бытования аналогиями в ближневосточных памятниках [23, с. 104—110; 24, рис. 250, *40*]. К приведенным ранее аналогиям добавим также находки таких бляшек в Киннерете и Библосе в Восточном Средиземноморье [25, рис. 263, *C*, 273, *B*]. Картографирование находок круглых металлических бляшек с пуансонным орнаментом на территории Восточной Европы показывает, что в основной регион входит и Северный Кавказ с прилегающими калмыцкими степями (рис. 4).

Общим признаком всех круглых бляшек разных размеров является отверстие для крепления в центре. Мотивы изображений — круг, колесо — связаны, по всей вероятности, с солнечной символикой. Концентрические круги из линий точек, выдавленных пуансоном, нанесены на бляшках из Отрадного, Новогригорьевки, Ремонтного, Чограя (рис. 3, *6*, *13*, *25*) и др. [20, с. 229, рис. 5, *4*, *6*, 11, 18, *5*]. Сочетание косо расходящихся лучей и кругов характерно для бляшек из Лолинского, Архаринского и Чограйского могильников (рис. 3, *11*, *17*, *20*, *24*). На поверхности бляшек из Отрадного и Чограя изображен прямой крест, обведенный кругом (рис. 3, *5*, *22*). Более сложный орнамент из прямого креста и перекрещивающихся «лабрисов», или головок молоточковидных булавок, нанесен на бляшке из Отрадного (рис. 3, *7*). Средняя часть украшений из Отрадного и Новогригорьевки, кроме изображений больших кругов по краю бляшек, заполнена небольшими кольцами из точек, возможно, символизирующих «бег солнца по небосводу» (рис. 3, *8*, *14*, *16*). Как видим, символика пуансонных изображений на круглых бляшках носит довольно устойчивый характер и связана в основном с культом солнца.

Металлические украшения ямной и катакомбной культур с пуансонным орнаментом были распространены на довольно широкой территории от калмыцких степей и Северного Кавказа до Южного Побужья. Применение одинаковых форм, техники и элементов орнаментации свидетельствует о тесных связях древнего населения, существовании отдельных центров изготовления таких украшений. Пуансонная техника орнаментации и сходные элементы в оформлении бляшек находят аналогии в оформлении курильниц точечным орнаментом, сделанном при помощи вдавливаний полой тростинки, а также изображении концентрических кругов на посуде катакомбной культуры, племена которой были наиболее вероятными распространителями подобных украшений с территории Северного Кавказа [26, с. 31—46; 27, с. 32, рис. 25, *2*, *67*, *11*; 28, с. 156—164]. В этом районе, как уже отмечалось, известно наибольшее количество находок круглых бляшек с пуансонным орнаментом, что, вероятно, и определяет их северокавказский центр производства.

Распространение прямоугольных бляшек-обойм для ремней связано с Приазовьем, Поднепровьем и Южным Побужьем, что, по-видимому, указывает на иной центр производства этих украшений. Антропоморфизация пуансонных изображений и форм бляшек в Южном Побужье, как и большое количество находок антропоморфных стел в ямных погребениях на западе причерноморских степей [29, с. 32, 33], может быть связана с контактами и воздействием на идеологию степных племен трипольской земледельческой культуры, где зафиксирован особенно мощный пласт антропоморфизированных божеств [30, с. 241].

В связи с изучением металлических украшений ямной и катакомбной культур, публикацией хорошо зафиксированных комплексов из курганных могильников у с. Калиновка Николаевской обл. появилась возможность высказать некоторые соображения об интерпретации отдельных деталей одежды и предметов, изображенных на каменных стелах эпохи энеолита и бронзы. Так, представляются непременным атрибутом одежды степных племен поясные ремни, изображение которых имеется на многих стелах. Концы ремней, как показывают калиновские погребения, иногда украшались медными бляшками-обоймами с пуансонным орнаментом определенного символического содержания, связанного с религиозными представлениями древних людей. Расположение ременных бляшек на грудной части скелета в катакомбном погребении у с. Калиновка можно связывать с изображениями наплечных ремней, спускающихся на грудь, на стеле из Бая-де-Криш [1, с. 82, рис. 53, 6].

Интерпретация посоховидного предмета за поясом, как пастушеской палки, возможно, ошибочна [2, с. 105]. На стелах из Натальевки, Арканцево, Новочеркасска и Бая-де-Криш скорее всего изображена молоточковидная или посоховидная булавка, которая в данном случае служила соединяющим элементом двух концов кожаного пояса. С поясной частью погребенных связываются и находки круглых бляшек, конусообразных ворворок на Северном Кавказе (рис. 3, *26*, *27*). Особенно интересные экземпляры найдены в погр. 1 кург. 1 у ст. Суворовской [31, рис. 4, *7*], погр. 11 кург. 1 могильника Ногир [32, с. 92, рис. 2, *5*]. Функциональное назначение круглых бляшек и конусообразных ворворок ранней бронзы пока не определено. Возможно, конусообразные бронзовые ворворки бронзового века и аналогичные им по форме золотые загадочные предметы скифской эпохи имели одинаковое назначение.

Серия ямных и катакомбных погребений с металлическими украшениями позволяет предполагать более широкое использование металла для бытовых и культовых нужд уже в эпоху раннего бронзового века. Сравнительная редкость и некоторая необычность сопровождающего другого инвентаря, например подвески из зубов, выделяют такие погребения в число особых. Обращает на себя внимание, что оба погребения с металлическими бляшками из калиновских могильников, представляют собой парные погребения женщин с детьми. По мнению

Л. С. Клейна, такие погребения связаны с высоким рангом погребений детей с кормилицами [33]. Если эта гипотеза подтвердится на изучении большой серии погребений, то в таком случае металлические украшения с пуансонным орнаментом для поясов вместе с несколько необычным набором погребального инвентаря в парных погребениях женщин с детьми ямной и катакомбной культур выступают атрибутами определенного социально-племенного ранга погребенных, занимавших высокое место в социально-культовой племенной организации степного скотоводческого населения рубежа III—II тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
2. *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980.
3. *Крылова Л. П.* Керносовский идол//Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
4. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула//Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
5. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
6. *Ковалева И. Ф.* Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1983.
7. *Шапошникова О. Г* Ингульская культура//Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород, апрель 1978 г. Ужгород, 1978.
8. *Евдокимов Г Л.* О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье//Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. 3—6 декабря 1979 г. Донецк, 1979.
9. *Смирнов А. М.* Еще раз о происхождении раннекатакомбных памятников//Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. Киев, апрель 1981 г. Киев: Наук. думка, 1981.
10. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы//МИА. 1960. № 93.
11. *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка//АСГЭ. 1967. Вып. 9.
12. *Сафронов В. А.* Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок//КСИА. 1973. Вып. 134.
13. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение костяных молоточковидных булавок//КСИА. 1975. Вып. 142.
14. *Черняков И. Т* Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья//Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. 3—6 декабря 1979 г. Донецк, 1979.
15. *Черняков І. Т.* Курильниця доби бронзи з Південного Побужжя//Археологія. 1974. Вип. 13.
16. *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита//СА. 1965. № 1. № 2.
17. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка, 1978.
18. *Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф.* та ін Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень»//АП. 1960. Т. 8.
19. *Михайлов Б. Д.* Курган епохи бронзи біля м. Приморське//Археологія. 1976. Вип. 20.
20. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа//Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М.: Знание, 1974.
21. *Häusler A.* Die Graber der älteren Öckergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten. B., 1976.
22. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры Северного Причерноморья во втором тыс. до н. э.//Тр. ГИМ. 1956. Вып. 24.
23. *Сафронов В. А.* Датировка Бородинского клада//Проблемы археологии. Вып. 1. Л., 1968.
24. *Schaeffer K. F. A.* Stratigraphic compareе et chronologic de l'Asie Occidentale. L., 1948.
25. *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte Kupferzeit. B. 4. (Tafeln). München, 1974.
26. *Иерусалимская А. А.* Курильница бронзового века из предкавказских степей в собрании Эрмитажа//СГЭ. 1975. Вып. 12.
27. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 2. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978.
28. *Егоров В. Г* Классификация курильниц катакомбной культуры//Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.

29. *Довженко Н. Д.* О локальных особенностях антропоморфных стел эпохи ранней бронзы в Бугско-Днепровском междуречье//Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. Киев: Наук. думка, 1981.
30. *Черныш Е. К.* Идеологические представления и памятники искусства трипольских племен//Энеолит СССР. Археология СССР. М.: 1982.
31. *Нечитайло А. Л.* Суворовский курганный могильник. Киев: Наук. думка, 1979.
32. *Николаева Н. А.* Периодизация кубано-терской культуры. Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху//Катакомбные культуры Северного Кавказа: Межвузовский сборник. Орджоникидзе: Изд-во Сев.-Осет. ун-та, 1981.
33. *Клейн Л. С.* Ямные и катакомбные погребения Калмыкии//Проблемы археологии Приуралья и Поволжья: Тез. докл. конф. Куйбышев, 1976.

I. T. Chernyakov, V. I. Nikitin

METAL ORNAMENTS WITH IMPRESSED PATTERNS OF THE PIT-GRAVE AND CATACOMB-GRAVE CULTURES

Summary

A burial of the pit-grave culture (No. 12) of a woman and a child was found in Mound 3 at the village of Kalinovka (Zhovtnevoe District, Nikolaev Region), on the left bank of the Yuzhny Bug River. The child's leather belt was tipped with copper plates carrying stamped images of a horned man and a tree (Fig. 16.). Mound 4 contained burial No. 35 of a woman and a child of the catacomb-grave culture. Two copper stamped plates designed to tip a leather breast belt were among other grave goods (Fig. 2). Similar rectangular ornaments of leather belts were found in burials of other steppe cultures of the turn of the second millennium B. C. in the Northern Pontic and the Northern Caucasus areas. The mound burials of that time contained also round stamped plates which carried the symbols of the solar cult (Fig. 3). When mapped the finds point to the Northern Caucasus as the centre where round plates were produced and to the Northern Pontic steppe where rectangular plates were made (Fig. 4).

Ю. В. АНДРЕЕВ

ДВОРЕЦ И «ГОРОД» НА КРИТЕ ВО II ТЫС. ДО Н. Э.

Принято считать, что критская, или минойская цивилизация эпохи бронзы была по преимуществу цивилизацией дворцов [1], поскольку именно дворцы выполняли в минойском обществе функции интегрирующих, структурообразующих центров, без которых вся эта специфическая социальная система просто не смогла бы существовать. Основной точкой отсчета, с которой начинается история этой древнейшей из всех европейских цивилизаций, обычно считается рубеж III—II тыс. до н. э., т. е. время, когда, согласно почти общепринятому сейчас мнению, в различных местах на территории Крита появились первые дворцы. Как полагают многие археологи и историки архитектуры [1, с. 195 сл.; 2, с. 87; 3, с. 68 сл.], уже тогда сложилась в своих основных чертах принципиальная схема дворцового ансамбля, все основные элементы которого были компактно сгруппированы вокруг большого центрального двора, вытянутого по стрелке компаса с севера на юг. Однако все попытки найти хотя бы отдаленные прототипы такого рода построек среди архитектурных памятников Крита и вообще Эгейского мира, относящихся к эпохе ранней бронзы или к III тыс. до н. э., до сих пор не увенчались успехом [4, с. 92; 5, с. 148; 6, с. 261; 7, с. 48]. Многие авторы (первым из них был никто иной, как сам А. Эванс, первооткрыватель минойской культуры) заключают отсюда, что и дворцы, и вся связанная с ними цивилизация появились на Крите внезапно в результате то ли прямого заимствования каких-то чужеземных, скорее всего восточных архитектурных образцов, то ли прибытия на остров каких-то новых этнических групп, носителей новой более высокой культуры [8, ч. I, с. 269; 9, с. 77; 10, с. 118 сл.; 11, с. 238 сл.].

В сущности, эта концепция построена в значительной мере по методу обратной проекции: дворцовая архитектура периода расцвета минойской цивилизации с ее наиболее характерными особенностями просто переносится в прошлое к самым истокам этой цивилизации и уже здесь находит свое объяснение как некий изначально заданный исторический феномен. Но если сама по себе эта операция не требует особенно большого труда от тех, кто ее осуществляет, найти конкретные археологические подтверждения ее правомерности — задача гораздо более сложная.

До начала 60-х годов, когда появились первые сообщения о результатах работы экспедиции Д. Леви в Фесте, уверенность в принципиальной однотипности «старых» и «новых» дворцов покоилась преимущественно на смелых реконструкциях начальных стадий в истории кносского дворца, содержавшихся в первом томе знаменитой книги А. Эванса «Дворец Миноса» [12, с. 134]. Однако внимательное знакомство с текстом этого сочинения может убедить лишь в том, что автор просто «угадал» очертания первых дворцовых зданий, вглядываясь в

[1] Поселения, примыкающие к критским дворцам, не исключая и самого Кносса, все еще очень слабо изучены археологически. Сейчас практически невозможно определить их точные размеры, конфигурацию, планировку и т. д., что крайне затрудняет также и их типологическую характеристику. Полагая, что минойские поселения эпохи бронзы, так же как и поселения материковой Греции и островной зоны Эгейского мира, едва ли успели достичь в своем развитии стадии настоящего города, мы используем этот термин в данной статье, только заключая его в кавычки.

план позднего дворца и особенно не заботясь о конкретном археологическом подтверждении своих догадок. Это в равной степени относится и к так называемой инсульной схеме древнейшего дворца и ко всем последующим фазам его развития. В сущности, в книге Эванса отсутствуют какие-либо систематические обоснования сделанных им реконструкций, а предлагаемые им датировки отдельных частей дворцового комплекса производят впечатление полной произвольности [ср. 13, с. 230]. К тому же, после того как Л. Палмер в ряде своих работ, специально посвященных этой проблеме, наглядно продемонстрировал недостаточную корректность (чтобы не сказать — полную несостоятельность) эвансовской стратиграфии применительно к позднеминойскому или, может быть, уже микенскому дворцу Кносса [11, 14], едва ли можно полагаться на хронологические выкладки прославленного английского археолога, относящиеся к гораздо более ранним этапам в истории дворцового комплекса.

Уже после второй мировой войны (в 50-х годах) большую сенсацию вызвали открытия, сделанные итальянской археологической экспедицией под руководством Д. Леви в Фесте. Сам Леви и его сотрудники были твердо уверены в том, что им удалось освободить от позднейших напластований западный фасад «старого дворца» Феста и непосредственно примыкающий к нему так называемый театральный, или западный двор [15, 16]. В действительности раскопки итальянских археологов вскрыли лишь небольшую часть какого-то крупного архитектурного комплекса или, может быть, нескольких комплексов, предшествовавшего «новому дворцу» Феста на занимаемой им территории. Подлинные размеры и планировку всего этого здания сейчас невозможно установить. Мы не знаем, как далеко простиралось на восток и на север то, что принято считать «западным крылом» протодворца, существовал ли уже в это время центральный двор[2] и что находилось к востоку, северу и югу от него. Иначе говоря, в нашем распоряжении нет никаких данных, которые позволили бы утверждать, что дворцовый ансамбль Феста, морфологически более или менее адекватный возникшему здесь позднее ансамблю «нового дворца», возник и существовал уже в первые века II тыс. до н. э.

В Маллии строительные остатки того, что обычно называют «первым дворцом», были обнаружены лишь в некоторых местах под полами «нового дворца» в основном с помощью зондирования или небольших локальных раскопок в отдельных помещениях [17, с. 188; 18, с. 80 сл.]. Было бы рискованно утверждать, что это были интегральные элементы именно дворцового ансамбля, типологически предвосхищающего «новый дворец», а не остатки обычных жилых домов или же какого-то крупного архитектурного комплекса, еще не ставшего дворцом в обычном понимании этого слова[3].

В Като Закро, четвертом по счету дворцовом центре Крита, строительный и всякий иной материал, датируемый периодом «старых дворцов», представлен еще хуже, чем в Маллии [20, с. 140 сл.; 21, с. 236]. Никакими фактами, которые могли бы свидетельствовать о том, что дворец существовал здесь уже в это время, мы не располагаем.

Нам неизвестна также и точная дата (или даты) постройки «новых дворцов». 1700 г. до н. э.— год великого землетрясения или какой-то другой катастрофы, уничтожившей «старые дворцы», вслед за которой, по мнению целого ряда авторов, на тех же самых местах началось

---

[2] Портик с деревянными колоннами на базах из цветного камня, который, возможно, обрамлял с запада центральный двор, согласно указаниям Леви [16, с. 9], появляется лишь в третьей строительной фазе, или между 1700 и 1550 гг. до н. э.

[3] Проблема местонахождения «старого дворца» Маллии еще более осложнилась после того, как М. Пурса открыл в западной части поселения в 150 м от «нового дворца» большой архитектурный комплекс (так называемый квартал Мю), который и по занимаемой им площади (около 2,5 тыс. м²) и по ряду других признаков вполне может быть отнесен к категории зданий протодворцового типа [19, с. 178 сл.; 20 с. 129 сл.].

строительство «новых дворцов», может быть принят лишь как весьма условная хронологическая веха, разделяющая две очень неточно очерченных эпохи в истории минойского Крита.

Сопоставляя сбивчивые и зачастую очень неясные показания археологов, обследовавших отдельные дворцы, мы вслед за покойным Сп. Маринатосом склоняемся к мысли, что даже самые древние из них, например дворец в Кноссе, едва ли могли быть построены задолго до 1600 г. до н. э. [22, с. 33; см. также 23, с. 22]. Правда, в этом случае возникает слишком большой (продолжительностью около столетия) временной разрыв между «новыми» и «старыми дворцами», что плохо согласуется с общепринятым представлением об их принципиальной однотипности. Однако, если попробовать отказаться от этой в значительной мере дискредитированной концепции, становится возможной более разумная и упорядоченная логическая организация известных нам немногочисленных фактов. Так, можно предположить, что существовавшие в Кноссе, Фесте, Маллии и Като Закро постройки протодворцового типа (мегалокомплексы) после разрушившей их катастрофы около 1700 г. несколько раз перестраивались или отстраивались заново в течение СМIII периода. Однако от всех этих конструкций, как и от их предшественников более раннего времени (СМI—II периодов), сохранились лишь незначительные следы (таковыми, видимо, могут считаться «немногие гипотетические части Кносского дворца», по определению Маринатоса; базы колонн, поддерживающих портик, который, возможно, окаймлял с запада центральный двор Фестского дворца, хотя датировка его далека от абсолютной точности), поскольку основная их часть была, по всей видимости, уничтожена в процессе сооружения «новых дворцов» на рубеже XVII—XVI вв. до н. э. или даже после этой даты. Правда, архаические мегалокомплексы, если и не в первоначальной своей форме, то, во всяком случае, близкой к первоначальной, могли после ряда перестроек и модификаций сохраниться в некоторых других поселениях, расположенных на периферии главных дворцовых центров. К этой категории «несостоявшихся дворцов», вероятно, могут быть причислены такие сооружения, как так называемая царская вилла в Агиа Триаде и некоторые другие «городские» и «сельские виллы», расположенные в различных частях Крита.

Все же при таком большом сдвиге во времени, если предположить, что принципиальная схема дворцового ансамбля появилась впервые на Крите не в конце III или начале II тыс. до н. э., как думает сейчас большинство авторов, так или иначе касавшихся этой проблемы, а примерно четырьмя столетиями позже, сам характер ее генезиса остается для нас во многом загадочным. Можно допустить, что она постепенно отрабатывалась и совершенствовалась в течение все того же СМIII периода в каком-нибудь одном из будущих дворцовых центров или же в нескольких сразу. Но никаких следов такого постепенного развития однажды удачно найденной идеи мы нигде не обнаруживаем. Возможно, более близок к истине Дж. Грэхем [13, с. 229 сл.], полагающий, что план дворцового ансамбля уже в более или менее готовом виде впервые возник в мозгу «некоего критского Дедала», который играл при дворе Миноса примерно ту же роль, что и великий зодчий Имхотеп при дворце фараона Джосера. Скорее всего это произошло в Кноссе, где был создан самый большой и самый сложный из всех известных нам архитектурных комплексов этого рода. Поразительное единообразие принципиальной схемы всех четырех дворцов при довольно большой вариативности в размещении и устройстве отдельных частей здания, их одинаковая ориентация по сторонам света, использование в их планировке одних и тех же строительных модулей (так называемого минойского фута) — все эти факты в их совокупности заставляют думать, что возникновение дворцовых ансамблей было результатом реализации широкой строительной программы, направляемой из одного центра, которым, по всей видимости, был все тот же Кносс [13, с. 224 сл., 236].

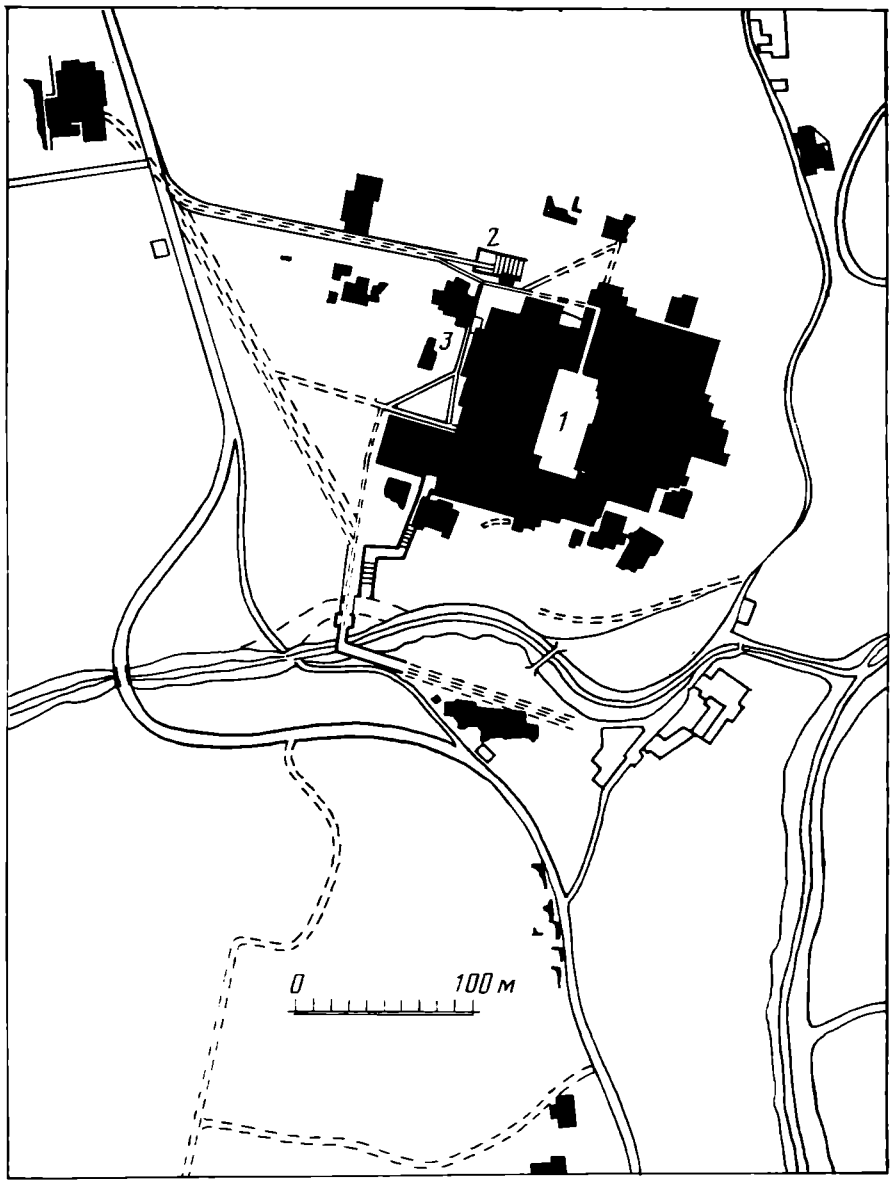


Рис. 1. Центральная часть Маллии (ПМ I период). *1* — «новый дворец»; *2* — «Агора»; *3* — жилые кварталы к западу от дворца

Подтверждением этой догадки служат недавние открытия в Маллии и Като Закро. В обоих этих поселениях наблюдается явное несоответствие ориентации дворцового комплекса и подступающих к нему с севера «городских кварталов» (рис. 1, 2). В результате создается впечатление, что как в том, так и в другом случае дворец был насильственно «втиснут» в уже сложившийся ранее план поселения как некое инородное, чуждое данной архитектурной и социальной среде тело. Это особенно хорошо заметно на плане Като Закро. Хаотичность и аморфность застройки жилых кварталов, свидетельствующие о явном нежелании владельцев отдельных домов считаться с какими-либо правилами или заранее заданным планом, здесь резко контрастируют с четким геометризмом линий и общей упорядоченностью дворцового ансамбля. Дворец и «город» здесь явно игнорируют друг друга. Судя по всему, строители дворца вообще не принимали в расчет исторически сложившуюся планировку поселения, а просто расчистили место для воздвигаемого ими здания, как прорубают просеку в лесу. Действительно, археологический материал периода «старых дворцов» встречается на территории северного квартала Закро почти повсеместно, из чего можно заключить, что расположенные здесь дома в основных чертах повторяют застройку этого района, сложившуюся уже в начале II тыс. до н. э.

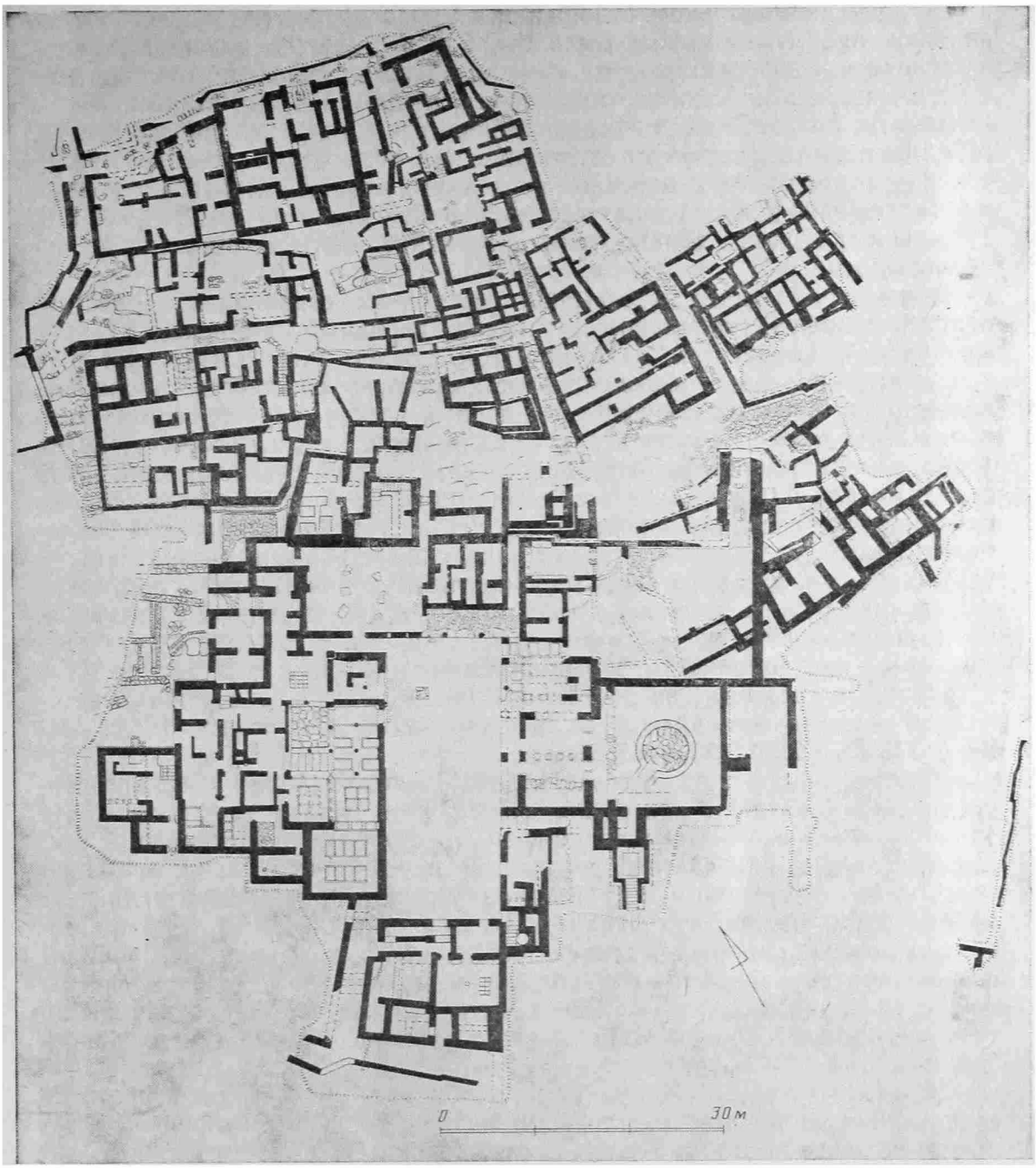


Рис. 2. Центральная часть Като Закро (ПМ I период). «Новый дворец»

Таким образом, у нас есть некоторые основания полагать, что из четырех известных сейчас дворцов, по крайней мере, два — дворцы Като Закро и Маллии были сознательно смоделированы как уменьшенные копии большого Кносского дворца и внедрены прямо в центр двух крупных поселений, скорее всего на место существовавших здесь ранее мегалокомплексов или жилищ местной знати, возможно, снесенных перед самой постройкой дворцов. Столь радикальное перекраивание исторически сложившейся планировки целых поселений, естественно, могло быть осуществлено только в условиях централизованного государства, управляемого достаточно сильной властью монархического или, может быть, олигархического типа. По всей видимости, ко времени постройки дворцов в Маллии и Като Закро такое государство уже сложилось на Крите и, вероятно, охватывало весь или, по крайней мере, большую часть острова.

Достаточно ясно выраженная однотипность планировки четырех дворцовых комплексов, более или менее строго соблюдаемая идентичность основных ее элементов могут указывать на их близость друг дру-

гу и в функциональном отношении. Грубо упрощая существо этой сложной проблемы, можно было бы, как это обычно делается, квалифицировать Кносский дворец как резиденцию верховного правителя Крита — царя Миноса или, может быть, целой династии Миносов, если следовать позднейшей мифологической традиции, дворцы же Феста, Маллии и Като Закро соответственно как резиденции местных правителей — наместников и вассалов верховного владыки Крита, возможно, принадлежавших к тому же царскому роду, что и он сам [24, с. 119, 129]. Однако одним только этим назначение дворцов, конечно, не исчерпывалось.

В последнее время завоевывает все больше сторонников представление о полифункциональном характере дворцовых комплексов. Такого мнения придерживается, например, Дж. Грэхем [13, с. 235], который следующим образом объясняет чрезвычайную сложность дворцовой планировки, представляющейся, на первый взгляд, случайной и хаотичной: «...Мы должны помнить, что эти дворцы служили множеству целей (одновременно). Они были не просто резиденцией суверена. Они были складами для царских богатств; факториями для производства высококачественных изделий, используемых царем; святилищами, где поклонялись богам, под опекой которых находился царь; административными учреждениями, где хранились государственные документы и протекала ежедневная рутина управления; возможно, также судебными палатами, где монарх вершил суд над своими подданными. В дополнение (ко всему этому) они должны были выражать могущество и достоинство царя и содержать средства для достойного приема и угощения важных посетителей как отечественных, так и зарубежных» (см. также [2, с. 241; 24; с. 118 сл., 222 сл; 25, с. 67 сл.]).

Можно предполагать, что эта характеристика в целом довольно верно передает истинное положение вещей, хотя нельзя не заметить, что акценты в ней все же сильно смещены в сторону традиционного восприятия дворца как частной резиденции царя. Однако, даже если признать вместе с Грэхемом и другими авторами, в принципе разделяющими его точку зрения, что функции, выполняемые дворцом в жизни минойского общества, были, действительно, столь многообразны, если не сказать «универсальны», мы все равно не можем обойти стороной неизбежно возникающий в этой связи вопрос: что же все-таки следует считать первичным основным ядром этого сложного комплекса разнородных функций?

Учитывая ту чрезвычайную роль, которую обычно играет в процессе становления первичных цивилизаций того же типа, что и минойская, религия, которая выступает здесь в качестве интегрирующего и консолидирующего фактора [26, ч. I, с. 148 сл.], а также типичное для таких цивилизаций совмещение светской и духовной власти в руках одних и тех же лиц, мы уже a priori должны были бы признать, что критские дворцы были в первую очередь своеобразными ритуальными комплексами, а уже вслед за этим крупными хозяйственными и административными (политическими) центрами. В пользу этой гипотезы говорит ряд соображений общего порядка. Укажем на некоторые из них.

Как известно, на Крите до сих пор не удалось найти никаких монументальных сооружений культового характера[4]. Это довольно странно, если учесть широкое распространение построек такого рода в ближайших к Криту районах восточного Средиземноморья (Малая Азия, Сирия, Египет), а отчасти также и западного (Мальта) [4, с. 110]. Сопоставления такого рода невольно наводят на мысль, что именно дворцы и заменяли в минойской архитектуре практически отсутствующие храмы[5].

---

[4] Почти все известные сейчас минойские святилища, как публичного, так и частного (домашнего) характера, отличаются очень скромными размерами [27; 28, с. 158 сл.]. Монументальное святилище на горе Юктас (к югу от Кносса) может считаться скорее исключением из общего правила [2, с. 159 сл.; 20, с. 110 сл.].

[5] Уже Эванс квалифицировал Кносский дворец как святилище par excellence. Как жилище «царя-жреца» (Priest-King), непосредственно связанного с великой минойской

С другой стороны, можно вспомнить, что именно храмы первоначально были во многих районах Передней и Юго-восточной Азии, а также Мезоамерики главным средоточием как духовной, так и светской власти, практически предвосхищая почти все основные функции появившихся позднее дворцов. Так, очевидно, можно объяснить принципиальную однотипность дворцовой и храмовой архитектуры, не столь уж редкие случаи совмещения признаков постройки того и другого рода в одном архитектурном комплексе, наконец, ярко выраженные (даже и в сравнительно позднее время) сакральные функции дворцов, что позволяет считать их особой разновидностью святилищ [32, с. 389, 403, 405, 451; 33, с. 131, 133]. Важно принять во внимание также еще и то, что дворцы вообще едва ли могли быть построены, если бы их строители (а скорее всего это были простые земледельцы и ремесленники, созванные из окрестных поселений) не воодушевлялись мыслью о том, что они строят дом для своего верховного божества. Всякое иное объяснение появления столь значительных архитектурных сооружений в обществе, еще далеко не порвавшем с традициями первобытнообщинного строя, представляется малоубедительным [25, с. 69; ср. 34, с. 46].

Косвенное указание на преимущественно сакральную природу дворцовых ансамблей можно видеть в самом их местоположении. Этот важный аспект проблемы был обстоятельно исследован американским историком архитектуры В. Скалли [35, с. 11 сл.]. Путем внимательного изучения ландшафтов Кносса, Феста, Маллии и Гурнии он пришел к заключению, что выбор места для постройки дворца, а также его ориентация по сторонам света обычно определялись следующими моментами. 1. Дворец, как правило, располагается в замкнутой со всех сторон долине, размеры которой могут быть различными, но конфигурация (вытянутый в длину прямоугольник) остается всегда одной и той же. Скалли называет этот тип ландшафта «естественным мегароном». 2. На осевой линии дворца к северу или югу от него обычно можно видеть округлый или конический холм, а на некотором расстоянии от него на той же самой линии гору с раздвоенной вершиной.

Как считает Скалли, в понимании самих минойцев все эти детали ландшафта были наполнены глубокой религиозной символикой и воспринимались ими как неоспоримое свидетельство присутствия самой великой богини — «матери-земли», в лоне которой и располагался дворец. Архитектура дворца должна была мыслиться в этом случае всего лишь как искусственное дополнение к тем естественным архитектурно-скульптурным формам, которые были созданы вокруг него самой природой. Как памятник синтетического сакрального искусства минойский дворец может быть понят лишь в тесной связи с ландшафтной архитектурой. Основное назначение дворца, по мысли Скалли, заключалось в том, чтобы служить постоянно меняющейся сценой и декорациями для сложного ритуального действа, разыгрывавшегося в его дворах, коридорах, внутренних покоях. Само это действо, в котором американский исследователь видит усложненную модификацию древних пещерных обрядов эпохи палеолита, было тесно связано с идеей лабиринта и включало в себя длительное движение процессии адорантов по бесконечным коридорам дворца, постоянные переходы из тьмы на свет и обратно, всевозможные испытания, которым подвергались участники шествия (в их число могли входить, например, «игры с быками», по всей видимости, устраивавшиеся в центральном дворе дворца). Сама планировка дворца, детали его внутреннего убранства как бы отразили в себе и запечатлели на долгое время основные перипетии этой праздничной церемонии или, скорее, целого цикла таких церемоний. Отсюда такие непременные элементы дворцовой

богиней в качестве живого воплощения ее консорта и сына в одно и то же время, он и не мог быть ничем иным, кроме совместного храма этой божественной пары [8, 12]. Эта концепция в различных ее модификациях неоднократно воспроизводилась в литературе, дожив вплоть до нашего времени [4, с. 110 сл.; 24, с. 125, 162; 25, с. 68 сл.; 26, ч. I, с. 157; 29, с. 82 сл.; ср. 30, с. 189, 416; 31 с. 153 сл.].

планировки, как лабиринтообразные переходы, открытый двор, павильон, украшенный колоннами, и крипта с подпорным столбом.

Концепция Скалли заключает в себя ряд спорных или неясных моментов, на которых мы сейчас не будем останавливаться. Возможно, религиозные функции минойского дворца выступают в ней в несколько гипертрофированном виде. Однако в ней есть, безусловно, и рациональное зерно, каковым может считаться идея гармонической сбалансированности дворцовой архитектуры с формами окружающего ландшафта, сбалансированности не столько эстетического (хотя этот момент, несомненно, также учитывался), сколько религиозно-символического порядка. Едва ли случайно, что наиболее значительные минойские горные святилища или peaksanctuaries, как их называют в англоязычной литературе, были открыты на г. Юктас, расположенной точно на оси Кносского дворца к югу от него, на Иде, занимающей точно такое же положение по отношению к Фестскому дворцу, только в противоположном направлении, и на Дикте, господствующей над долиной Маллии [31, с. 12 сл.] (см. также [13, с. 75, № 3; 36, с. 257 сл.]).

Как указывает Б. Рутковский [37, с. 13 сл.], специально занимавшийся этой проблемой, первые культовые сооружения на вершинах гор появляются на Крите уже в течение СМIII периода. Польский автор связывает это новшество с растущей заинтересованностью критских царей в распространении своего влияния на местные святилища. Со временем эта тенденция могла привести к институционализации культа в этих святилищах «посредством назначения постоянных жрецов, которые были блюстителями священного места и представителями царской власти». Одновременно среди общей массы горных святилищ начинают выделяться некоторые особенно богатые и хорошо устроенные. Примерами могут служить уже упоминавшееся святилище на Юктасе, где все пространство вокруг вершины горы было обнесено массивной циклопической стеной, а также святилища на Петсофе (близ Палекастро), Траосталосе (близ Като Закро) и в некоторых других местах. Во всех этих святилищах «подчинение центральной власти и превращение из мест локального сельского значения в места, имевшие общее значение для всех групп общества», завершилось, согласно указаниям того же автора, в хронологических рамках того же СМIII периода. Между тем именно СМIII период может, по ряду признаков, быть квалифицирован как время окончательного вызревания критской дворцовой архитектуры или, точнее, самой идеи дворцового ансамбля.

Таким образом, возникновение дворцов и устройство горных святилищ могут быть представлены как звенья одной цепи или же как два разных, но вместе с тем и тесно связанных между собой проявления одного и того же процесса своеобразной «религиозной революции», главным итогом которой была широкая интеграция и реинституционализация древних родовых культов, слияние их в новые общекритские, общегосударственные культы (ср. [26, ч. I, с. 143 сл.]).

Можно предположить, далее, что толчком, вызвавшим эту «революцию», стала грандиозная сейсмическая катастрофа рубежа XVIII—XVII вв. до н. э., в результате которой были уничтожены практически все большие и малые поселения минойского Крита. Колоссальное стихийное бедствие могло натолкнуть религиозное сознание монойцев на мысль о необходимости обращения к каким-то новым, более могущественным божествам и об устройстве для них новых, еще не виданных святилищ. Ответом на эту потребность, по-видимому, и стало создание системы ритуальных комплексов, расположенных частью за пределами поселения в горах, частью внутри самого поселения. Несмотря на пространственную удаленность, они мыслились как части мистически связанного целого с более или менее четким распределением сакральных функций внутри системы, хотя о характере этих функций мы можем сейчас лишь догадываться. В некоторых отношениях эта комбинация двух типов святилищ напоминает систему ритуальных сооружений, бытовавших у древних майя: храм-пирамида (очевидно, искусственная замена священной горы)

и храм-дворец обычно с обширным внутренним двором или же «стадионом» для ритуальных игр [38, с. 158 сл.].

В литературе иногда высказывается мнение, согласно которому непосредственное обследование дворцов будто бы не подтверждает гипотезу о преимущественно сакральном характере этих сооружений. Действительно, находки культовой утвари на территории дворцов встречаются сравнительно редко и, как правило, лишь в некоторых определенных местах, которые как по своему содержимому, так и по некоторым конструктивным признакам могут быть отнесены к категории святилищ или же специальных хранилищ священной утвари. Эти в общем довольно немногочисленные и скромно оформленные помещения почти ничем не отличаются от обычных домашних святилищ, открытых в некоторых «городских» домах и «загородных виллах». Мало вероятно, чтобы они могли использоваться как места для отправления какого-то официального культа [27, с. 222 сл.]. Что же касается так называемых крипт и люстральных бассейнов, то их назначение остается пока неясным. В принципе они могли использоваться и для каких-нибудь житейских надобностей. Так, крипты могли служить обычными погребами или кладовыми, люстральные же бассейны, возможно, использовались просто для умывания. Эту мысль последовательно проводит и отстаивает в своей книге «Культовые места в Эгейском мире» Б. Рутковский [27, с. 120, 230 сл.]. В результате предпринятых им изысканий он приходит к выводу, что в минойских дворцах вообще «не было никаких регулярных постоянных мест для совершения религиозных церемоний» (упоминавшиеся выше домашние святилища могли устраиваться где угодно и, видимо, легко перемещались с места на место) [27, с. 222]. Главные места для поклонения богам находились, согласно Рутковскому, «не в городах и деревнях..., но прямо в сельской местности: в горных святилищах, пещерах и сельских священных оградах» [27, с. 231, 259].

Не вдаваясь в специальный разбор этой весьма своеобразной и как будто не получившей сколько-нибудь широкой поддержки концепции, укажем лишь на некоторые моменты, явно идущие вразрез с построениями Рутковского (сам он эти моменты либо вообще игнорирует, либо пытается истолковать в духе своей теории. Относительная скудость ритуальной утвари, найденной как во дворцах, так и за их пределами — «в частных домах», не должна нас удивлять. Напротив, она вполне закономерна: при каждой новой катастрофе обитатели дворцов, вероятно, стремились спасти и унести с собой, в первую очередь, священные предметы, особенно, разумеется, те из них, которые имели наибольшую материальную и художественную ценность. Эти же предметы неизбежно становились главным объектом вожделения грабителей, обшаривавших заброшенные дворцы. Наконец, многие из них могли просто погибнуть во время пожаров и землетрясений. Уцелели лишь некоторые образцы такого рода утвари в основном благодаря тому, что в первые же минуты катастрофы они оказались заблокированными где-нибудь в подвальных помещениях дворца или виллы и остались поэтому одинаково недоступными как для своих хозяев, так и для пришедших позже грабителей. Рутковский совершенно сбрасывает со счета этот важный момент.

Точно так же пренебрегает он и другим, неоднократно отмечавшимся в литературе обстоятельством: в сущности, мы имеем лишь весьма смутные и неясные представления о расположении, устройстве и использовании верхних помещений дворцов. И в Кноссе (за исключением некоторых частей восточного крыла, составляющих так называемый жилой квартал) и в Фесте, и в Маллии, и в Като Закро по настоящему изучен и обследован лишь нижний цокольный этаж дворца, судя по всему, игравший в его жизни далеко не первостепенную роль. Согласно мнению, разделяемому целым рядом специалистов, его наиболее важные парадные залы, предназначенные для всякого рода торжественных церемоний и приемов, должны были находиться на втором и, может быть, на третьем не сохранившихся этажах дворцового комплекса. Там же могли располагаться и главные дворцовые святилища, являвшиеся средоточием

официального культа, возможно, стояли большие (в рост человека или более) изображения богов [13, с. 31]. Нельзя не считаться также и с тем фактом, что сама продолжительность функционирования дворцов в качестве крупных ритуальных комплексов была, по-видимому, не особенно значительной. Во всяком случае, она не идет ни в какое сравнение с продолжительностью использования крупнейших греческих святилищ более позднего времени. Соответственно и отложения, сохранившие следы культовой деятельности, не могли здесь быть столь же мощными, как в этих последних.

Конечно, во всех догадках такого рода, вызванных стремлением заполнить пробелы в имеющейся в нашем распоряжении скудной и неполноценной информации, есть определенный элемент риска. Мы располагаем, однако, и другими достаточно вескими свидетельствами, подкрепляющими позицию тех исследователей, мнение которых пытается оспаривать Рутковский. Такими свидетельствами, могут считаться фрески, украшающие стены внутренних помещений Кносского дворца. Если исключить из их числа так называемого собирателя шафрана и некоторые анималистические мотивы вроде известной росписи, изображающей дельфинов и морских рыб, в спальне («будуаре») «жилого квартала», то практически все остальные фрески, о сюжете которых мы можем получить хотя бы приблизительное представление по сохранившимся фрагментам, изображают сцены, так или иначе связанные с кругом обрядовых церемоний и ритуалов. Таковы, например, сцены шествия адорантов, представленные на фресках «коридора процессий», сцена ритуального танца женщин (жриц?) на одной из так называемых миниатюрных фресок, многократно повторяющиеся сцены минойской тавромахии и многие другие сюжеты.

Разумеется, было бы совершенно недопустимой модернизацией памятников древнего искусства, если бы мы попытались истолковать эти росписи как образцы «реалистической жанровой живописи» с сюжетами из жизни «большого света». Можно предполагать, что в понимании самих минойцев существовала некая мистическая связь между фресками и теми реальными событиями, которые они воспроизводили. Весьма вероятно, что их основное назначение заключалось в том, чтобы закреплять и усиливать магический эффект обрядового действа. Само размещение фресок в пределах дворца вне видимой связи с идентифицированными помещениями святилищ может означать, что весь этот сложный архитектурный комплекс мыслился как своеобразный священный округ типа теменов позднейших греческих святилищ. Сообразно с этим священнодействия могли устраиваться в любой части дворца, не исключая, вероятно, и его так называемого жилого квартала в восточном крыле.

По существу же весь уклад жизни дворцовой элиты был «насквозь ритуализирован», т. е. подчинен строгим обрядовым предписаниям подобно тому, как это можно было наблюдать во дворцах Египта, государства хеттов и других стран Передней Азии (ср. [39]). Сакральная природа дворца проявляла себя также в разного рода священных символах, которыми были украшены его стены и, видимо, также крыши. Сюда относятся знаки лабриса (двойной секиры), изображения так называемых рогов посвящения, щитов в виде восьмерки и т. д. [29, с. 82].

Внимательный анализ планировки четырех известных нам сейчас дворцовых ансамблей убеждает в том, что во всех этих четырех случаях главным структурообразующим элементом был центральный двор. Как считает Дж. Грэхем, постройка каждого из дворцов начиналась именно с разбивки центрального двора с тем, чтобы в дальнейшем, используя четыре его стороны «как основные линии, развить вовне различные кварталы дворца» [13, с. 73, 226 сл.]. Дворец, таким образом, рос изнутри, не вписываясь в четкие рамки какого-то заранее заданного контура, чем, по-видимому, и объясняется известная неупорядоченность его наружных фасадов. Вероятно, с точки зрения самих минойских зодчих, это были даже не фасады в собственном значении этого слова, а, напротив, задние стекла, отгораживающие дворец от окружающего его города, тогда как собственно фасадной стороной считались внутренние стены, выхо-

дившие на центральный двор [13, с. 238 сл.; 24, с. 120]. Отсюда же проистекает, наверное, и очевидное пренебрежение, высказываемое теми же архитекторами, к решению проблемы «стыковки» «города» и дворца. Почти повсеместно, как это хорошо видно на планах раскопанных частей поселений в Кноссе, Фесте, Маллии и Като Закро (рис. 1—4), «частные дома» практически вплотную подступают к наружным стенам дворца, причем нигде, за исключением разве что западных дворов Феста и Кносса, не видно даже попыток удержать эту беспорядочную массу жилой застройки на «почтительном удалении» от дворцового здания или же хотя бы эстетически сбалансировать одно с другим.

Являясь структурным ядром дворцового ансамбля в плане его архитектурной организации, центральный двор неизбежно должен расцениваться как такое же ядро и в плане функциональном, причем чисто эстетические соображения здесь явно должны были отступить на задний план перед соображениями утилитарного порядка [13, с. 238]. Но что могло быть главным назначением этого двора? Использование этого большого открытого пространства для чисто хозяйственных нужд представляется маловероятным [13, с. 73]. В этом случае должна была бы наблюдаться гораздо более значительная вариативность в устройстве самих дворов и соответственно окружающих их дворцов. Между тем, как указывает Грэхем [13, с. 74 сл.] дворы, по крайней мере, трех дворцов: в Кноссе, Маллии и Фесте (теперь к ним, видимо, без особых колебаний можно добавить и дворец в Като Закро), «отличаются удивительным сходством, которое в некоторых отношениях доходит почти до тождества». Это сходство заключалось в том, что все три двора были вымощены каменными плитами, снабжены одним или несколькими портиками (вероятно, с верхними галереями), устроенными вдоль длинных сторон двора, размещались на оси, идущей строго с севера на юг по стрелке компаса, и имели одинаковые размеры — около 24 м в ширину и 52 м в длину. «Эта стандартизация,— заключает Грэхем свои наблюдения,— могла означать, что двор был построен для каких-то определенных целей, подобно футбольному полю или теннисному корту». Сам Грэхем специально рассматривает вопрос о функциях центрального двора в одном из разделов своей книги и в конце концов склоняется к мысли, что его основное назначение заключалось в том, чтобы служить «ристалищем» для участников минойской тавромахии [13, с. 73 сл.].

Некоторые конструктивные особенности в устройстве центральных дворов, например некое подобие барьера, ограждающее портик на северной стороне двора в Малии, загадочная каменная платформа в северо-западном углу двора в Фесте и другие детали того же рода, как будто подтверждают эту догадку американского исследователя, тем более что найти другое подходящее место, где могли бы устраиваться игры с быками, в самих дворцах или их ближайших окрестностях пока не удалось. Тем не менее устройство коррид, видимо, все же не было единственным raison d'etre центрального двора, обусловившим в высшей степени своеобразную планировку критских дворцов. Ведь и сама минойская коррида была, насколько мы можем сейчас о ней судить, лишь одним из «актов», хотя, вероятно, из числа наиболее важных, узловых в составе годичного цикла обрядовых празднеств, призванных стимулировать плодородие земли и поддерживать весь мир в состоянии гармонии и равновесия. Можно предполагать, что не только тавромахия, но и многие другие важные эпизоды этого цикла разыгрывались именно во внутреннем дворе (ср. [13, с. 74; 27, с. 232]). По существу, уже одного этого было бы достаточно, чтобы считать весь дворец священным местом, и если даже не постоянным обиталищем богов, как многие восточные и позднейшие греческие храмы, то во всяком случае местом, где они могли «являться» своим почитателям.

Грэхем, как нам думается, справедливо обращает внимание на известную автономность центрального двора по отношению к самому дворцу [13, с. 74] В принципе он мог существовать даже и за пределами дворца, как это было, например, в Гурнии, или же вообще без дворца, во

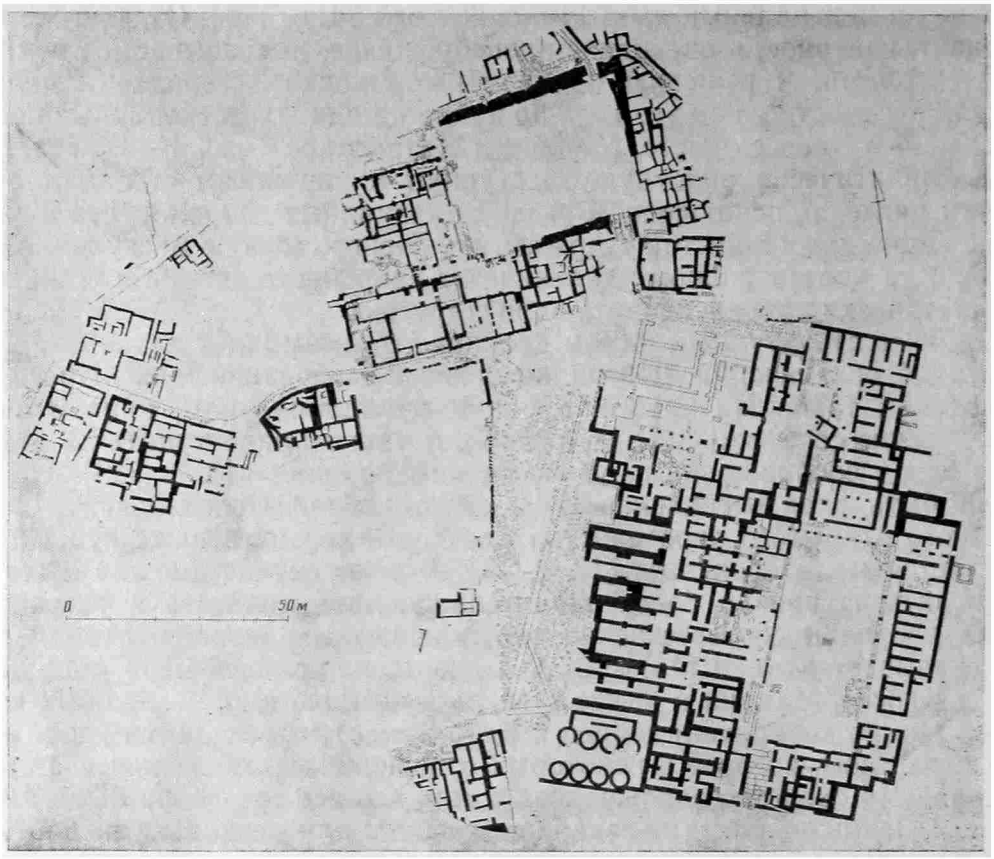


Рис. 3. Центральная часть Кносса (ПМ I—II период). *1* — дворец

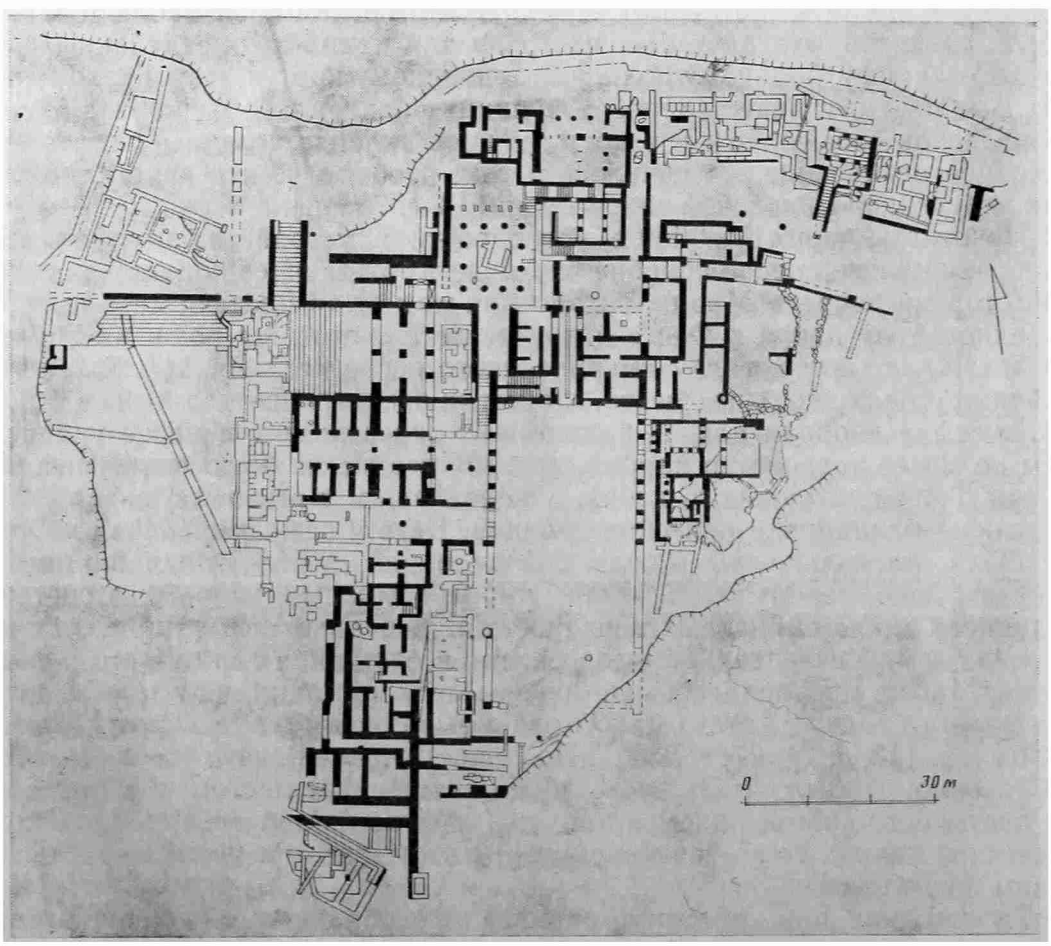


Рис. 4. «Новый дворец» Феста (ПМ I период)

всяком случае, без каких-либо видимых его признаков. Чтобы проиллюстрировать последнюю из этих возможностей, Грэхем ссылается на ПМ поселение в Плати (район Ласити, восточный Крит), где было открыто некое подобие прямоугольного двора или площади, расположенной то ли между несколькими блоками домов, то ли внутри одного жилого комплекса (на этот вопрос не удалось найти сколько-нибудь ясного и однозначного ответа ввиду незавершенности раскопок.

Нам кажется, однако, что гораздо более яркий пример ситуации такого рода, на первый взгляд, парадоксальной, а по существу вполне естественной, дает так называемый политический центр Маллии СМ I—II периодов. Образующая его структурную основу «агора» своими пропорциями и устройством (ограда из ортостатов, наличие, по крайней мере, одного портика с западной стороны) довольно близко напоминает центральный двор «нового дворца» Маллии, а размерами даже несколько его превосходит (рис. 1). При этом никаких следов сооружений дворцового типа в непосредственной близости от «агоры» обнаружить не удалось, а существование «старого дворца» примерно на том же месте, где будет позднее построен «новый», остается, как было уже указано, в высшей степени проблематичным.

Если предположить, что первый дворцовый ансамбль появился в Маллии лишь где-то на рубеже XVII—XVI вв. до н. э., историческая преемственность этих двух сооружений — ансамбля «агоры» и «нового дворца» становится вполне вероятной. Как указывает первооткрыватель «агоры» А. Ван Эффантер, с наступлением эпохи «новых дворцов» она приходит в упадок и, видимо, перестает использоваться в соответствии со своим первоначальным назначением [40, с. 143]. Не означает ли это, что функции, некогда принадлежавшие «агоре», теперь перешли к структурно во многом повторяющему ее центральному двору маллийского дворца?

Если попытаться несколько иначе сформулировать ту же самую мысль, придав ей еще большую заостренность, мы могли бы, пожалуй, сказать, что дворец узурпировал общинную ритуальную площадку, сделав ее своей интегральной частью и наглухо изолировав от всего остального поселения в черте своих же собственных стен (ср. [41, с. 107, 238]). К этому можно еще добавить, что и сам дворцовый ансамбль по-настоящему определился и приобрел свою классическую законченную форму только после этого акта узурпации. Иначе говоря, создатель первого дворца, которым был, по всей видимости, «дворец Миноса» в Кноссе, должен был ориентироваться в своих проектах на достаточно древний архитектурный канон общинного ритуального комплекса (Маллия дает нам сейчас лишь наиболее яркий образец такого комплекса, хотя нет никаких оснований считать его единственным).

Основная идея этого «минойского Имхотепа» (или Дедала), отчасти, возможно, инспирированная восточными образцами, заключалась, по-видимому, в том, чтобы замкнуть этот комплекс сплошным кольцом дворцовых построек, создав, таким образом, некое подобие обособленного священного города внутри уже существующего поселения. Такое решение проблемы генезиса дворцовой архитектуры представляется нам в настоящий момент наиболее естественным и логичным.

При всем своем первостепенном и даже определяющем значении для общей структуры дворцового ансамбля центральный двор был лишь частью довольно сложной системы взаимосвязанных дворов, каждый из которых мог сообразно с обстоятельствами служить местом, где разыгрывались обрядовые действа. Особый интерес в этом плане представляют западные дворы Кносского и Фестского дворцов с их расположенными под углом друг к другу «театральными лестницами» и «церемониальными тротуарами» (рис. 3, 4). В отличие от центрального двора эти дворы были непосредственно связаны с окружающими дворец «городскими кварталами» и, очевидно, открыты для более или менее широкого доступа, в особенности в праздничные дни. Западные дворы в Кноссе и в Фесте, таким образом, еще сохраняли свое прежнее значение «зоны контактов» между представителями аристократической дворцовой элиты и мас-

сой «городского» населения, в чем можно видеть формально известную уступку традициям общинной (племенной?) солидарности, а по сути — стремление той же элиты оставить за собой важное средство манипуляции сознанием масс. Появляясь перед народом во время праздничных церемоний, «люди дворца», естественно, старались держаться обособленно от него. Для этой цели, видимо, и были устроены на «театральных площадках» Кносса и Феста ряды ступеней, скорее всего использовавшихся подобно сидениям или местам для стояния зрителей на греческих стадионах и в театрах. Их сравнительно небольшая вместимость (не более нескольких сот человек) [6] показывает, что они предназначались только для немногочисленной «избранной» части общества, отнюдь не для массового зрителя. Тем не менее устраивавшиеся здесь церемонии, по всей видимости, еще сохраняли свой традиционный характер массовых обрядовых действ эпохи первобытнообщинного строя. К участию в них, вероятно, допускались и рядовые общинники, хотя «ведущие партии», а также и общая «режиссура» в этих «спектаклях» скорее всего были закреплены за «людьми дворца».

Принципиально иной характер, надо полагать, носили ритуальные собрания, происходившие в центральных дворах тех же дворцов. Поскольку проникнуть в них извне можно было только через посредство сложной системы коридоров, собрания эти, по всей видимости, уподоблялись своеобразным «закрытым спектаклям», на которые допускались только обитатели самого дворца и специально приглашенные почетные гости из числа местной и чужеземной знати. Для широких масс «простонародья» доступ на них был закрыт. Можно предполагать, что именно здесь на центральном дворе — этой sacra sacrorum дворца разыгрывались наиболее важные и вместе с тем самые загадочные, окруженные глубокой тайной ритуалы минойского культа, например мистические сцены эпифании «великой богини», изображения которых мы видим на многочисленных критских печатях, или же выступления одетых в маски танцоров, изображающих божественного быка Минотавра. Глухие отзвуки того мистического ужаса, который вызывали у непосвященных эти обряды, и само место, где они происходили, дошли до нас в греческом мифе о Тезее.

Суммируя наши наблюдения над основными особенностями структуры дворцового ансамбля, мы можем определить ее как по преимуществу интровертивную, т. е. обращенную вовнутрь, а не наружу, замкнутую на самое себя (ср. [13, с. 74]). Эта форма архитектурной организации пространства как бы материализовала в себе ту сложную систему социально-психологических связей, которая составляла основу жизнедеятельности зрелого минойского общества. В значительной мере места, занимаемые в этой системе как отдельными индивидами, так и целыми социальными группами, зависели от распределения ролей в многоступенчатой иерархии ритуальных циклов разных уровней социальной значимости: родовых, общинных и общегосударственных.

Размежевание двух основных зон ритуальной деятельности: одной открытой, расположенной на стыке дворца и «города», и другой закрытой, находящейся в самом сердце дворцового комплекса, как нельзя более ясно отражает резко расширившийся разрыв между экзотерическими и эзотерическими элементами минойской религиозной обрядности, чему, несомненно, должен был сопутствовать быстрый рост религиозного профессионализма, в свою очередь, влекущий за собой усиление и усложнение статусных различий внутри общественного целого. Конечным итогом этих процессов, насколько можно о них судить, основываясь на аналогиях, взятых из истории других однотипных обществ, было, по всей видимости, образование иерархически организованной жреческой элиты или особой касты священнослужителей, монопольно распоряжавшейся всеми основными культами минойского государства.

---

[6] Согласно расчетам Эванса, кносская театральная площадка должна была вмещать около 500 человек [8, ч. II, с. 585].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lloyd S., Müller H. W., Martin R.* Ancient Architecture. Mesopotamia, Egypt, Crete, Greece. N. Y., 1974.
2. *Davaras G.* Guide to Cretan Antiquities: Park Ridge. N. Y., 1976.
3. *Сидорова Н. А.* Искусство Эгейского мира. М.: Искусство, 1972.
4. *Matz Fr.* Crete and Early Greece. L., 1962.
5. *Matz Fr.* The Maturity of Minoan Civilization//CAH. 1973. V. II. P 1.
6. *Warren P. M.* Myrtos. An Early Bronze Age Settlement in Crete. Oxford, 1972.
7. *Branigan K.* The Foundations of Palatial Crete. L., 1970.
8. *Evans A.* The Palace of Minos at Knosos. V II. P. I—II. L., 1928.
9. *Wolley L. A.* Forgotten Kingdom. L., 1953.
10. *Lloyd S., Mellaart J* Beycesultan Excavations//Anatolian Studies. 1956. T. 6.
11. *Palmer L. R.* Mycenaeans and Minoans. L., 1961.
12. *Evans A.* The Palace of Minos at Knossos. V I. L., 1921.
13. *Graham J. W* The Palaces of Crete: Princeton. N. Y., 1972.
14. *Palmer L. R.* A New Guide to the Palace of Knossos. L., 1969.
15. *Levi D.* Festos e la civilta minoica. T. 3. Roma, 1976.
16. *Levi D.* The Recent Excavations at Phaistos. Lund, 1964.
17. *Pelon O.* Epée à l'acrobate et chronologie Malliote//BCH. 1982. T. 106. P. 1.
18. *Pelon O.* Palais et palais à Malia (Crete)//Revue des archeologues et historiens d'art de Louvain. 1982. T. XY.
19. *Poursat M.* Les fouilles récentes de Mallia et la civilisation des premiers palais cretois//Comtes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Letters. 1972.
20. *Hiller St.* Das Minoische Kreta nach den Ausgrabungen des letzten Jahrzenhtes. Wien, 1977.
21. *Platon N.* Zakros. The Discovery of a Lost Palace of Ancient Crete. N. Y., 1971.
22. *Marinatos Sp.* Kreta, Thera und das mykenische Hellas. Wien, 1973.
23. *Hood M. S. F.* The Arts in Prehistoric Greece. Harmondsworth, 1978.
24. *Schachermeyr Fr.* Die minoische Kultur des Alten Kreta. Stuttgart, 1964.
25. *Willets R. F.* The Civilisation of Ancient Crete. Berkeley; Los Angeles, 1977.
26. *Bintliff J. L.* Natural Environment and Human Settlement in Prehistoric Greece. P. I—II. L., 1977.
27. *Rutkowski B.* Cult Places in the Aegean World. W-wa, 1972.
28. *Hood M. S. F.* Minoan Town-Shrines?//Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. Studies pres. to Fr. Schachermeyr. B.; N. Y., 1977.
29. *Willets R. F.* Cretan Cults and Festivals. L., 1962.
30. *Nilsson M. P.* The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in the Greek Religion. Lund, 1950.
31. *Waterhous E.* Priest-Kings?//Bull. Inst. Classical Studies Univer. of London. 1974.
32. *Naumann R.* Architektur Kleinasiens von ihren Anfängen bis zum Ende der hethitischen Zeit. Tübingen, 1971.
33. *Оппенхейм А. Л.* Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М.: 1980.
34. *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983.
35. *Scully V.* The Earth the Temple and the Cods. The Greek sacred architecture. 1962.
36. *Dietrich B. C.* Peak Cults and their place in the Minoan Religion//Historia. 1969.
37. *Rutkowski B.* Minoan Cults an History//Historia. 1971. B. 20. № 4.
38. *Кинжалов Р. В.* Культура древних майя. М.: Наука, 1971.
39. *Ардзинба В. Г* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982.
40. *Van Effenterre H., Effentere M.* Fouilles exécutées a Mallia. Le Le Centre Politique, I. L'Agora (Etudes Cretoises, t. 17). Paris, 1969.
41. *Press L.* Budownictwo Egejskie. Waszawa, 1964.

Y. V. Andreyev

THE PALACE AND THE «TOWN» ON THE CRETE IN THE SECOND MILLENNIUM B. C.

Summary

Judging by the available archaeological data a general layout of a palace complex was first elaborated on the Crete not earlier than the end of the MM III (not long before 1600 B. C.). Despite the fact that the Cretan palaces performed varied public functions (they were economic, administrative and ritual centres) they also remained shrines (in the absence of temples). Accordingly, the central court which inherited the ritual functions of the community's squares of the earlier time was the structural core of the palace complex (the s-called agora in Mallia is an example of this). The exsoteric and the esoteric elements of the Minoan rituals and the accompanying increase in religious professionalism found their reflection in the delineation (typical for all Crete palaces) between the two main zones of religious activity: open to everybody and proceeding at the junction between the palace and the «town» (the western courts of the Knossos and Festos palaces) and open to the chosen few inside the palace complex (the central court).

Т. М. КУЗНЕЦОВА

ЗЕРКАЛА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ САРМАТОВ

Как уже отмечалось в литературе [1, с. 41; 2, с. 152; 3, с. 89], зеркала являются довольно частой находкой в комплексах вещей, обнаруженных в могилах савромато-сарматского времени (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Наличие в составе инвентаря погребений поврежденных зеркал послужило основанием для предположения о магическом, помимо бытового, значении зеркала у сарматов и о существовании у них обычая «умышленного разбивания зеркал для погребения или помещения в могилу обломка зеркала» с целью «привести зеркало (его магические силы) в соответствие с новым положением владельца» [3, с. 91, 94].

Бесспорно, что зеркала со следами повреждения каким-либо орудием или только отдельные их фрагменты свидетельствуют о намеренных действиях, имевших различные цели, среди которых можно выделить стремление испортить предмет или отделить от него какую-то часть. Однако вопрос о том, имели ли эти действия адекватную смысловую направленность и связывались ли они все с существованием у сарматов религиозных верований, требовавших поломки зеркала после смерти владельца, не представляется пока окончательно решенным.

Для того чтобы выяснить, насколько широко распространен обычай помещения в могилу зеркала вообще и разбитого в частности, обратимся к материалам четырех довольно полно раскопанных могильников: Новый Кумак [4, с. 115—125; 5, с. 206—242; 6, с. 27—48; 7, с. 3—51], Мечет-Сай [8, с. 73—149] — в Южном Приуралье, у с. Политотдельское [9, с. 228—302], Калиновский [10, с. 323—523] — в Поволжье.

В таблицах 1—4 приведены данные о наличии зеркал в рассматриваемых могильниках в различные периоды их функционирования.

Из таблицы 1, характеризующей общее количество зеркал в указанных могильниках, видно, что зеркала присутствуют далеко не в каждой могиле и составляют 5—17% от общего количества погребенных в могильнике для определенного периода. Исключением является только могильник Новый Кумак, где для савроматского времени зеркала обнаружены у 30% погребенных. Эти данные свидетельствуют о том, что на протяжении всего рассматриваемого времени зеркала в исследуемых могильниках не являются обязательной принадлежностью погребального набора вещей, сопровождавших умершего. Этому выводу не противоречит и высокий показатель Ново-Кумакского могильника.

Таблицы 2—4 показывают содержание зеркал в могилах мужчин, подростков и детей [1], женщин.

Из таблиц 2 и 3 явствует, что количество зеркал, обнаруженных в мужских и детских могилах, очень невелико, а из таблицы 4 видно, что наибольшее их число приходится на захоронения женщин. Причем в могильнике Новый Кумак, имеющем для савроматского времени самый высокий показатель присутствия зеркал у детей, три из четырех экземпляров принадлежат девочкам [2], у одной из которых два зеркала [7, с. 20].

[1] Дети и подростки не разделены по полу, так как необходимые для этого сведения приведены не во всех публикациях.

[2] К сожалению, только в этом случае указан пол детей.

Таблица 1

Зеркала * в могильниках савромато-сарматского времени

Могильник	Савроматы, VI—IV вв. до н. э.			Сарматы								
				ранние, IV—II вв. до н. э.			средние, I в. до н. э. — I в. н. э.			поздние, II—IV вв. н. э.		
	кол-во погребенных	зеркала		кол-во погребенных	зеркала		кол-во погребенных	зеркала		кол-во погребенных	зеркала	
		кол-во	%		кол-во			кол-во	%		кол-во	%
Новый Кумак	54	17	30,9	47	2	6,3						
Мечет-Сай	13	1	7,7	63	9	14,3						
Политотдельское	7			30	5	16,6	27	3	11,1	16	1	6,2
Калиновский	6	1	16,6	77	12	15,5	65	11	15,4	34	2	5,8
Всего	80	19	23,7	217	28	12,9	92	14	15,2	50	3	6,0

* Проценты даны от общего количества погребенных в каждом могильнике по каждому периоду.

Таблица 2

Зеркала в мужских могилах савромато-сарматского времени

Могильник	Савроматы, VI—IV вв. до н. э.		Сарматы					
			ранние, IV—II вв. до н. э.		средние, I в. до н. э. — I в. н. э.		поздние, II—IV вв. н. э.	
	кол-во мужчин	кол-во зеркал	кол-во мужчин	кол-во зеркал	кол-во мужчин	кол-во зеркал	кол-во мужчин	кол-во зеркал
Новый Кумак	20	1	23		захоронений нет		захоронений нет	
Мечет-Сай	7		12					
Политотдельское	1		9	2	7		11	
Калиновский	1		22	3	17	3	5	
Всего	29	1	66	5	24	3	16	

Таблица 3

Зеркала в могилах детей и подростков савромато-сарматского времени

Могильник	Савроматы, VI—IV вв. до н. э.		Сарматы					
			ранние, IV—II вв. до н. э.		средние, I в. до н. э. — I в. н. э.		поздние, II—IV вв. н. э.	
	кол-во детей	кол-во зеркал	кол-во детей	кол-во зеркал	кол-во детей	кол-во зеркал	кол-во детей	кол-во зеркал
Новый Кумак	10	4	5		захоронений нет		захоронений нет	
Мечет-Сай	1		23					
Политотдельское	2		10		9		1	
Калиновский	1		23	2	21	1	6	
Всего	14	4	61	2	30	1	7	

Таблица 4

Зеркала в женских могилах савромато-сарматского времени

Могильник	Савроматы, VI—IV вв. до н. э.		Сарматы					
			ранние, IV—II вв. до н. э.		средние, I в. до н. э.		поздние, II—IV вв. н. э.	
	кол-во женщин	кол-во зеркал	кол-во женщин	кол-во зеркал	кол-во женщин	кол-во зеркал	кол-во женщин	кол-во зеркал
Новый Кумак	15	9	9	2	захоронений нет		захоронений нет	
Мечет-Сай	2	1	25	9				
Политотдельское			6	3	9	3	4	1
Калиновский	3	1	24	7	20	7	9	2
Всего	20	11	64	21	29	10	13	3

Это свидетельствует о том, что зеркало сопутствовало в основном погребению женщин и не зависело от возраста умерших, но положение его в могилу и для них носило избирательный характер. Видимо, зеркало в погребальном ритуале не являлось обязательным обрядовым предметом и наличие его при погребенных указывает на проявление иных мотивов.

Для объяснения присутствия зеркал при погребенных может быть выдвинуто несколько предположений. Возможно, зеркало, являясь «дорогостоящей вещью», имелось даже не у каждой сарматской женщины и при жизни. Если погребальные обычаи требовали обязательного положения с покойным всех личных вещей, принадлежавших ему при жизни, то в таком случае зеркала в могилах могут свидетельствовать о дифференциации в сарматской среде, особенно для женщин. Если же строгой регламентации для сопутствующего инвентаря не было, то предмет мог быть положен в могилу по желанию покойного. Отсутствие зеркал, возможно, свидетельствует о передаче его кому-нибудь из живых.

Наличие нескольких зеркал при одном погребенном в первом случае указывает на особое его положение в обществе, но во втором, возможно, связано со стремлением живых передать указанный предмет кому-то «на тот свет», причем последнее можно предположить и для мужских захоронений с зеркалами. Подобные «передачи» вещей, не принадлежавших умершему при жизни, отмечены в этнографии [11, с. 44, 45].

Все вышеизложенное относится к наличию зеркал в савроматских и сарматских комплексах без учета состояния зеркала и самих могил.

Перейдем к рассмотрению вопроса о поврежденных экземплярах. Археологическая практика показывает, что погребальные сооружения доходят до нас не всегда в том виде, в каком они находились непосредственно после их сооружения. Нередко мы имеем дело или с разрушенными или частично потревоженными могилами, что очень затрудняет реконструкцию погребальной обрядности вообще, а также установление роли, места и состояния вещей, сопровождавших покойного. Исходя из того, что состояние сопутствующего погребению инвентаря в значительной степени зависит от сохранности погребального сооружения, все могилы рассматриваемых могильников разделены на две группы: нарушенные (ограблением, неоднократными захоронениями, работой грызунов) и непотревоженные.

Зеркала в обеих группах встречаются в следующем состоянии: целые формы; разбитые и разбросанные; целые с поврежденной отражающей стороной (пробито или согнуто); целые со следами повреждения, не затрагивающего отражающую сторону; отдельные фрагменты[3]. Помимо этого, в непотревоженных могилах отмечены находки разбитых зеркал, лежащих in situ.

Количественное распределение зеркал в зависимости от их состояния и сохранности могил для каждого из рассматриваемых могильников представлено в таблице 5, где условными обозначениями показана также принадлежность зеркал. Обобщающие данные приведены в таблице 6.

Из таблицы 5 видно, что разбитые зеркала (8 из 64) обнаружены или в нарушенных могилах (1) или в непотревоженных in situ (6). Вероятно, эти зеркала были повреждены значительно позже погребения: при разрушении могилы или под давлением грунта, т. е. после того, как от воздействия среды разрушился металл, из которого они были изготовлены. На это указывает и характер разлома на этих зеркалах. Поэтому битые зеркала, обнаруженные in situ, следует рассматривать как целые, какими они и были при положении в могилу. Подобные случаи, как правило, фиксируются исследователями в описании, однако на рисунке инвентаря такие зеркала могут быть даны фрагментарно[4] [7, с. 13, рис. 6, 2]. Лишь в одном случае в непотревоженной могиле обнаружено разбитое и

---

[3] Имеются и повреждения иного рода, но они в данных могильниках не встречены.

[4] Рисунки вещей, обнаруженных во время раскопок, делаются, как правило, после их реставрации, в результате которой часть предмета может быть утрачена из-за неравномерности и глубины коррозии.

Таблица 5

Количественное распределение зеркал по их состоянию и сохранности могил

Могильник	Время		Непотревоженные могилы					Нарушенные могилы				Всего
			состояние зеркал									
			целые	разбитые		фрагменты	порча	целые	разбитые	фрагменты	порча	
				разбросанные	in situ							
Новый Кумак	Савроматы		ПЖЖ ЖЖ					ЖЖЖЖЖ рддд		???		17
	Сарматы	ранние			Ж					Ж		2
		средние										—
		поздние										—
Мечет-Сай	Савроматы		Ж									1
	Сарматы	ранние	ЖЖЖ			ЖЖЖ ф	Ж			Ж		9
		средние										—
		поздние										—
Политотдельское	Савроматы											—
	Сарматы	ранние	М		ЖЖ	МЖ						5
		средние	Ж		Ж		Ж					3
		поздние	Ж									1
Калиновский	Савроматы							Ж				1
	Сарматы	ранние		Ж		ММЖ ЖЖЖ				МЖЖ рр		12
		средние	Ж		Ж	ММЖ ЖЖр	Ж	Ж	Ж			11
		поздние			Ж	Ж						2
	Всего		13	1	6	19	3	11	1	10	—	64

Условные обозначения принадлежности зеркал: М — мужчине; П — мужчине в парном захоронении; Ж — женщине (ф — фрагмент с отверстием для подвешивания); р — ребенку; д — девочке; ? — не определено.

разбросанное зеркало, повреждение которого можно связать с поломкой, произведенной до погребения, но к этому мы вернемся позже.

Разбитые и фрагментированные зеркала из нарушенных погребений в дальнейшем исследовании не учитываются из-за отсутствия достоверных сведений о первоначальном состоянии зеркала. Они объединены в сводной части таблицы 6 в графе «неопределенные».

Из таблиц видно, что в савроматских могилах рассматриваемых могильников обнаружены только целые экземпляры (16). Неповрежденные зеркала у сарматов присутствуют в Ново-Кумакском (1—(—)—(—))[5], Мечетсайском (3 — (—) — (—)), у с. Политотдельское (3—2—1), Калиновском (0—3—1) могильниках.

Отдельные фрагменты зеркал обнаружены в сарматских комплексах Мечетсайского (4 — (—) — (—)), у с. Политотдельское (2—0—0) и Калиновского (6—6—1) могильников.

1-я цифра показывает количество зеркал в раннесарматское, 2-я — средне- и 3-я — позднесарматское время. Знаком 0 обозначается отсутствие захоронений.

Таблица 6

Количественное распределение зеркал в могильниках Новый Кумак, Мечет-Сай, Политотдельское, Калиновский (общие данные)

Время		В непотревоженных могилах					В нарушенных могилах				Во всех могилах				Всего
		состояние зеркал													
		целые	разбитые: разбросанные	разбитые: in situ	фрагменты	порча	целые	разбитые	фрагменты	порча	целые + in situ	фрагменты	порча	неопределенные	
Савроматы		6					10		3		16			3	19
Сарматы	ранние	4	1	3	12	1			7		7	12	2	7	28
	средние	2		2	6	2	1	1			5	6	2	1	14
	поздние	1		1	1						2	1			3
	Всего	13	1	6	19	3	11	1	10		30	19	4	11	64

Целые экземпляры со следами повреждения встречены в сарматских могилах Мечетсайского (1 — (—) — (—)), у с. Политотдельское (0—1—0), Калиновского (0—1—0) могильников.

Рассмотренные данные показывают, что появление отдельных фрагментов зеркал в рассматриваемых могильниках приходится на раннесарматское время. Однако в это же время в могилах встречаются и целые формы.

Присутствие отдельных фрагментов зеркал при погребенных связывается исследователями с обычаем преднамеренного разбивания зеркала после смерти владельца с целью освобождения души покойного [3, с. 94]. Однако присутствие в одновременных захоронениях и целых форм заставляет усомниться в правильности подобного вывода.

Наличие фрагментов зеркал в могилах не находит объяснения с точки зрения магического воздействия, т. е. желания сверхъестественным путем воздействовать на объект [12, с. 14]. Пока не удалось найти примеры, объясняющие отделение фрагмента зеркала после смерти владельца, связанные с магией.

Объяснение этого факта с точки зрения анимистических представлений очень затруднительно. Если зеркало отражало душу или являлось «вместилищем души» и требовалось освобождение ее после смерти владельца через поломку зеркала, то, исходя из имеющихся данных (таблицы 1 и 5), наличие души предполагалось только для части сарматского населения, а это вряд ли возможно. Помимо этого разбитое зеркало, если оно приводилось в соответствие с новым состоянием владельца, должно было и сопровождать его, а это могло быть достигнуто только тогда, когда зеркало помещалось в могилу полностью. Но этого не наблюдается для тех захоронений, которые содержат только отдельные фрагменты зеркал. Более того, при погребенных встречаются часто такие фрагменты, пользоваться которыми было практически невозможно. Это или очень небольшой осколок с частью валика, или ручка с незначительным фрагментом диска. Исходя из этого, можно предположить, что погребение подобных фрагментов позволяло живым пользоваться оставшейся частью и в дальнейшем. На то, что разбитое зеркало могло употребляться в обиходе сарматов, указывает находка в могильнике Мечет-Сай фрагмента с отверстием для подвешивания (курган 3, погребение 9) [8, с. 99].

Исследователь китайских бронз А. В. Маракуев отмечал, что употребление фрагментов зеркал чрезвычайно характерно для Сибири и связано в первую очередь с особой ценностью привозных изделий и трудностью замены разбитого зеркала новым [13, с. 171]. В этом случае фрагменты зеркала трактуются как утилитарная принадлежность. Из приводимых автором сведений, что в «Сибири, также как и во всей Азии, ломали зеркала и намеренно: на память друг о друге, при разлуке[6] родственников, любовников и супругов, или чтобы удостоверить личность секретного посланца, который прикладывал данный ему в дорогу фрагмент зеркала к части, имевшейся у адресата» [13, с. 171], также следует, что намеренная поломка зеркала преследовала только практические цели и следствие магических представлений здесь усмотреть трудно.

На мой взгляд, появление отдельных фрагментов зеркал не является проявлением нового обычая или изменения в отношении к зеркалу. Если мы обратимся к материалам приведенных таблиц, то увидим, что и фрагменты зеркал в раннесарматское и в последующее время присутствуют далеко не в каждой могиле и даже не у всех женщин, т. е. обычай погребать зеркало остается на протяжении всего рассматриваемого времени стабильным и носит избирательный характер для каждого периода функционирования могильников. Таблица 5 указывает, что нельзя связать это явление и с половозрастными особенностями погребенных, так как фрагменты, как и целые зеркала, встречены и у мужчин, и у детей, и у женщин, причем в большем количестве у последних.

Зеркала являлись, видимо, дорогостоящей вещью и, как уже отмечалось, заменить разбитое зеркало, даже в более позднее время, было трудно, особенно если зеркало было привозным.

Для савромато-сарматского времени характерно разнообразие форм зеркал [15, с. 59, рис. 1]. Мы не можем достоверно сказать, делались ли зеркала самими сарматами или они их откуда-либо получали. Разнообразие типов зеркал даже в одной могиле Ново-Кумакского могильника (кург. 26, могила 2) [7, с. 38, рис. 16, *1*, *5*, *6*] говорит в пользу последнего, хотя не исключена возможность, что одни из них изготовлялись сарматами, а другие являлись импортом.

Исходя из этого, а также с учетом того, что зеркала в савромато-сарматских могилах встречаются избирательно и даже имеются случаи, когда использовался фрагмент зеркала, можно предположить, что и для савромато-сарматского населения зеркало было предметом «дорогостоящим». Причем в раннесарматское время для населения, оставившего Калиновский могильник, ценность этого предмета возросла настолько, что в число сопроводительного инвентаря стала включаться только часть зеркала. Чем же могли быть обусловлены причины, приведшие к подобному явлению? Возможно, в какое-то время «спрос» на рассматриваемый предмет начал превышать его «производство», что может быть связано со значительным увеличением населения, отмеченное исследователями особенно для районов Поволжья [1, с. 7], удалением от сырьевой базы или производящих центров, а вероятно, и суммой этих причин, т. е. отсутствием возможности положить целый предмет.

Помимо целых и фрагментированных зеркал, как уже отмечалось, в рассматриваемых могильниках имеются зеркала, положенные в могилу полностью, но со следами повреждения на отражающей стороне (Мечет-Сай, кург. 1 [8, с. 76]; Политотдельское, кург. 5, погр. 5 [9,

---

Очень интересным в этой связи представляется предположение Б. А. Литвинского о наличии в могилах половины (а шире можно рассматривать и отдельные фрагменты) зеркала, «другая половина которого оставалась у живого родственника или супруга, дабы после смерти он мог отыскать в загробном мире близкого человека» [14, с. 99]. Эта гипотеза не получила дальнейшего развития. Однако, если подобное явление имело место у сарматов, то выявление фрагментов от одного зеркала в различных могилах или могильниках дало бы возможность выявить не только определенный характер верований сарматского населения и «родственные» связи, но и проследить пути передвижения отдельных групп. Несмотря на то, что я придерживаюсь иной точки зрения по этому вопросу, сказать о возможности такого варианта считаю необходимым.

с. 252]) и на валике (Калиновский могильник, кург. 55, погр. 8 [10, с. 403]). Подобное явление также связывается с обычаем преднамеренного разбивания зеркал после смерти владельца [3, с. 94]. Однако обычай повлек бы за собой многократность повторения, а случаи подобной «порчи» зеркала не только очень редки и разновременны[7], но и имеют различный характер повреждения, а это требует дифференцированного подхода при объяснении его причин.

При объяснении причин повреждения зеркала следует учитывать, что оно в первую очередь являлось принадлежностью живого человека (об этом свидетельствует и реконструкция В. И. Абаевым терминов, обозначающих «зеркало» в иранских и таджикских языках, от древнеиранского «глядеть» [17, с. 41]), отражало того, кто в него смотрелся (чаще других — владельца) и отсюда уже могло быть или не быть «вместилищем души».

Очень интересным и важным в связи с объяснением повреждения отражающей стороны зеркала является суеверие, до сего времени бытующее среди русского населения[8], что разбившееся зеркало влечет за собой смерть владельца. У иранцев существует предсказание по поводу зеркала, присутствовавшего на свадьбе: если разобьется «зеркало счастья невесты, то невеста или жених умрет» [18, с. 285]. Б. А. Литвинский отмечает наличие подобного суеверия и у таджиков [14, с. 99].

Все отмеченные для различных народов предсказания имеют одну общую черту: вред, причиненный зеркалу, влечет за собой гибель владельца, и отражают страх живых перед последствиями, связанными с повреждением принадлежащего им предмета.

Однако происхождение суеверий трактуется как следствие имевшего место в прошлом обычая преднамеренно разбивать зеркало в случае смерти близких [14, с. 99], причем попытка интерпретации всех разбитых зеркал, найденных в погребениях, приводит исследователей к выводу о том, что повреждение производилось с целью оградить сородичей от злонамеренного вторжения души умершего в мир живых людей [3, с. 94; 14, с. 100].

При таком объяснении получается, что вред, причиненный зеркалу, не влечет за собой ничьей гибели и является охранительной мерой со стороны живых в отношении умершего, а это противоречит отмеченным выше общим чертам рассматриваемых суеверий. Трудно представить, что переосмысление предполагаемого исследователями обычая привело различные народы, значительно удаленные друг от друга территориально и развивавшиеся в различных исторических условиях, к идентичным суевериям, по значению совершенно полярным этому обряду.

Вероятно, анализируемые суеверия сохранили и донесли до нас основные черты действительно тождественных магических действий, в которых «умертвление» зеркала предшествовало смерти его владельца, а не следовало за ней.

Исходя из этого можно предположить, что преднамеренное повреждение зеркала было связано не с заупокойным культом, а являлось следствием магического воздействия на живого человека через его заместителя, через предмет, содержавший как отражение самого владельца, так и, возможно, представлявшийся «вместилищем души» последнего. В данном случае речь идет о существовании магии, которая определяется как контагиозная (по Д. Фрэзеру [19, с. 49—60]) или парциальная (по классификации других исследователей [12, с. 22]), в которой действие направлено не непосредственно на объект, а на его заместителя, а уже через последний — на сам объект. Этот тип магии, наряду с положительной, имеет и агрессивную направленность, в результате которой смерть человека была опосредована порчей принадлежащих ему предметов, чело-

---

[7] Известны еще примеры: пос. Черняки, кург. 36 [2, с. 330, рис. 36, 36]; группа Чограй I, кург. 3, погр. 1 [16, с. 102, рис. 1, 3]; ст. Лебяжья [3, с. 92].

[8] Автором опрошены 54 человека старшего поколения (в Москве, Московской, Калининской, Свердловской и Челябинской областях), не знакомых с научной литературой по этому вопросу.

века, как правило, чем-либо запятнавшего себя в глазах общества или неугодного ему (возможно и отдельному лицу). Показателен в этом отношении пример, приведенный Д. Фрэзером и относящийся к началу XIX в. Это случай, произошедший в окрестностях г. Беренда. Человека застигли при попытке украсть мед, он убежал, но не успел захватить свою одежду, а когда узнал, что разгневанный хозяин меда колотит его одежду молотком, пришел в такое смятение, что слег в постель и умер [19, с. 56] «У племени вотжобалук в Виктории колдун медленно подпаливает на огне ковер, сделанный из опоссума, и собственник ковра немедленно заболевает» [19, с. 55]. Для исполнения своих магических действ жрецами и колдунами использовались различные «предметы» — одежда, гребни, еда, питье, след ноги, волосы, куклы — символы и изображения жертвы, на которую направлялись магические силы. Среди таких предметов могли быть и зеркала, как наиболее удобный объект, у тех народов, у которых они были в обиходе, и у сарматов в частности. В этом случае «порчу» зеркала можно объяснить с точки зрения магических действий, так как повреждение отражающей стороны зеркала несло гибель владельцу не только через его заместителя, через предмет ему принадлежавший[9], но и его отражению в зеркале. Примеры, приведенные Д. Фрэзером, показывают, как тщательно оберегалась тень или отражение, повреждение которых угрожало здоровью или жизни их обладателей [19, с. 217—222].

Таким образом, только редкие, но имеющие место в сарматских могилах, находки зеркал с поврежденной отражающей поверхностью, можно объяснить как проявление магических действий, направленных на живого человека и уходящих своими корнями в «первобытное ведовство», психологическая атмосфера которого и порождала «определенные религиозно-магические представления»[10] [21, с. 80—95].

Сюда же можно отнести и разбросанные зеркала в непотревоженных могилах (один случай известен в Калиновском могильнике, кург. 8, погр. 19 [10, с. 346]). Это зеркало, а также целые экземпляры со следами повреждения объединены в сводной части таблицы 6 в графе «Порча».

Однако и повреждение отражающей стороны не всегда было связано с магией, на что указывают зеркала и их фрагменты с отверстием для подвешивания. В этом случае повреждение преследовало практические цели.

Зеркала с повреждениями, не затрагивающими отражающую сторону, в совокупности с другими поломанными предметами, сопровождавшими покойного (пример этого отмечен для Калиновского могильника, кург. 55, погр. 8 [10, с. 402—404]), могут иметь иное объяснение. Такое объяснение предложил исследователь Калиновского могильника В. П. Шилов, опираясь на сведения этнографии, свидетельствующие о том, что по верованиям хакасов вещи умершего также надо убить, чтобы их душа вышла и последовала за душой человека [10, с. 438].

Подводя итог всему изложенному выше, можно сказать, что зеркало не является обязательной принадлежностью в погребальном обряде савромато-сарматского населения. Объяснить их присутствие в могилах очень трудно, так как мы не знаем принципов, которыми руководствовались члены той или иной группы при отборе сопроводительного инвентаря для умерших.

Однако необязательный характер погребения зеркала вместе с покойным не исключает желательность такого погребения, так как в ряде слу-

---

[9] Этим можно объяснить и наличие при одном погребенном сломанного кинжала и целого меча [3, с. 92], если рассматривать сломанное оружие не как имущество покойного, а как оружие убийцы, поломка которого должна была причинить вред последнему. Такого рода вещи не всегда попадали близким убитого, отсюда и редкая их встречаемость в могилах.

[10] Отголоски этого мы встречаем в XVII в. Так, в 1689 г. по челобитью князя Василия Васильевича Голицына («наипросвещеннейшего мужа в России» — по замечанию князя М. Щербатова) «пытан был в земском приказе Иван Бунаков за то, что *вынимал княжой след*» [20, с. 421].

чаев целые экземпляры заменяются отдельными фрагментами, которые скорее являются символами зеркала, а в некоторых случаях используются как обереги или амулеты.

Присутствие в могилах отдельных фрагментов зеркал, предметов дорогостоящих и, возможно, «импортных», свидетельствует о временном возрастании их ценности, обусловливавшем невозможность помещения целых экземпляров в качестве сопроводительного инвентаря для умершего. Причины увеличения ценности зеркала могли быть различными и касаться как большой группы населения, так и отдельных семей. Этим, возможно, и объясняется наличие в одновременных могильниках и целых форм, и отдельных фрагментов зеркал.

Зеркала, видимо, использовались в некоторых случаях, связанных с магией, но еще при жизни человека. Этнографические данные [18, с. 263, 264, 272; 22, с. 106; 23, с. 39—48], свидетельства письменных источников [24, с. 77; 25, с. 71] и надписи на зеркалах [25, с. 66; 26, с. 93—95; 27, с. 39, 43, 52, 78, 98—100 и др.] характеризуют зеркало как оберегающий, освещающий, благодатный символ, поэтому и вред, причиненный зеркалу, является причиной последующих за этим несчастий. Но это не выделяет зеркало из целого ряда других предметов, использовавшихся в качестве посредника в магических действах.

Повреждение зеркала после смерти владельца (отделение фрагмента), не связанное с магией, не порождало губительных последствий и поэтому фрагмент — символ зеркала погребался, а оставшаяся часть могла использоваться наследниками покойного.

Исследование показало, что причины повреждения зеркал не имеют адекватного объяснения и вопрос о существовании у сармат особого обряда, требовавшего поломки зеркал после смерти владельца, нуждается в проверке на большом материале.

В заключение хотелось бы отметить, что преднамеренно поврежденные зеркала встречаются и у скифов, и у других народов, однако характер повреждений различен и также требует дифференцированного подхода при объяснении происхождения подобных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры//САИ. 1963. Вып. Д1-10.
2. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
3. *Хазанов А. М.* Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов//СЭ. 1964. № 3.
4. *Мошкова М. Г.* Сарматские курганы в Оренбургской области//КСИА. 1961. Вып. 83.
5. *Мошкова М. Г* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска//МИА. 1962. № 115.
6. *Мошкова М. Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска//МИА. 1972. № 153.
7. *Смирнов К. Ф.* Орские курганы ранних кочевников//Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
8. *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
9. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области//МИА. 1959. № 60.
10. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник//МИА. 1959. № 60.
11. *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975.
12. *Токарев С. А.* Сущность и происхождение магии//Тр. ИЭ. 1959. Т. 51.
13. *Маракуев А. В.* Китайские бронзы из Басандайки//Басандайка. Томск. 1947.
14. *Литвинский Б. А.* Зеркало в верованиях древних ферганцев//СЭ. 1964. № 3.
15. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал//СА. 1963. № 4.
16. *Кузнецова Т. М.* Зеркала из сарматских погребений Ставрополья//КСИА. 1980. Вып. 162.
17. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
18. *Садек Хедаят.* Нейрангистан//Переднеазиатский этнографический сборник. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
19. *Фрэзер Д.* Золотая ветвь. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
20. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. М.: Современник, 1983.
21. *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964.
22. *Иванов М. С.* Племена Фарса кашкайские, хамсе, кухгилуйе, мамасани//Тр. ИЭ. Нов. сер. 1961. Т. 68.

23. *Лобачева Н. П.* Свадебный обряд Хорезмских узбеков//КСИЭ. 1960. Вып. XXXIV.
24. *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
25. *Стратанович Г Г* Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование//Восточно-азиатский сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
26. *Кызласов И. Л.* Новые материалы по енисейской рунической письменности//СТ. 1981. № 4.
27. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975.

T. M. Kuznetsova

MIRRORS IN THE SARMATIAN BURIAL RITE

Summary

Her careful studies of the mirrors found in burials of the burial grounds Novy Kumak and Mechet Sai in the Urals and Politotdelskoe and Kalinovsky in the Volga area led Kuznetsova to the conclusion that mirrors were not an indispensable component of the Sarmatians' burial rite. Since the principles according to which the Sarmatians selected the grave goods remain unknown to us, the presence of mirrors in some burials is hard to explain. We can surmise that fragments of mirrors found in graves indicate that at certain periods the mirrors had become too valuable both for large groups and for individual families to be buried. People buried part of the mirror and used the rest of it. Whole mirrors damaged on their reflecting side or found in undisturbed graves were probably used for magic purposes during the life-time of the buried. This is supported by the prejudice shared by many peoples (a broken mirror as an evil sign). They testify that the living people were afraid of damage done to their belongings (the partial magic). Some of the damages on the reflecting side were made for practical purposes: for suspending the mirror.

Kuznetsova's studies have established the fact that the damages done to mirrors cannot so far be adequately explained. The surmise that there was a burial rite among the Sarmatians according to which mirrors were broken following the death of their owners requires further clarification.

Г. К. ВАГНЕР

К 1000-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ
(по материалам археологии)

Тысячу лет тому назад (988 г.) Киевской Русью было официально принято христианство. Почти одновременно (в 989 г.) князь Владимир Святославич заложил в Киеве большую церковь Богородицы [1, стб. 121], придав на ее содержание десятину своих доходов, почему эта церковь стала называться Десятинной.

Богородичная церковь была не первым храмом Киева. В летописи под 945 г. упоминается церковь Ильи Пророка, причем как соборная [1, стб. 52]. Значит, можно думать, что наряду с ней существовали и другие (приходские?) храмы [2, с. 367]. Но от построек первой половины X в. ничего не сохранилось; мы даже не знаем, были ли они каменными. Десятинная церковь до нас тоже не дошла. В 1240 г. она была разрушена полчищами Батыя. Однако историческая значимость этого памятника настолько велика, что ряд известных археологов (К. Лохвицкий, Н. Е. Ефимов, Д. В. Милеев, М. К. Каргер) положили немало труда для ее тщательных раскопок, благодаря которым облик храма выявился с достаточной определенностью. От этого памятника тысячелетней давности мы и можем вести начало русской монументальной архитектуры. Оно было весьма примечательным.

Владимиров храм строился греческими мастерами. Казалось бы, им проще простого было взять за образец типичный для X в. византийский храм и воспроизвести его формы в Киеве. В основном так и было сделано. Но только в основном. Имеется в виду трехнефный и трехапсидный план, предполагающий крестовокупольную систему перекрытия. Но храм имел нетипичный для византийской архитектуры двойной экзонартекс (!), сообщивший зданию значительную продольную вытянутость. Не характерны для Византии и боковые галереи, бывшие, как считают, открытыми [3, с. 79]. До сих пор не выяснено, сколько глав увенчивало постройку. Поздние источники (XIV—XV вв.) указывают 25 глав, но это невероятно и скорее всего относится к Софийскому собору (1017—1037 гг. ?) [4, с. 85—89]. Десятинная церковь могла быть пятиглавой [5, с. 25], но и пятиглавие в византийской архитектуре очень редко. Совершенно прав А. Г. Кузьмин, считающий Десятинную церковь «неординарной» [6, с 57].

Неординарность Десятинной церкви естественнее всего объяснить особыми условиями ее сооружения. Привоз князем Владимиром из Херсонеса целого церковного клира во главе с Анастасом Корсунянином, ставшим настоятелем храма, учреждение при храме привезенного (из Константинополя) вместе с княгиней Анной «царицыного» хора [7, с. 20], большие размеры здания с двойным экзонартексом и открытыми галереями — все это говорит о том, что Десятинная церковь была не просто княжеским храмом, но кафедральным, рассчитанным если не на митрополию, то на епископию. Если верить сказанному в Уставе князя Владимира, что первым киевским митрополитом был болгарин Михаил [8, с. 14, 15], то Десятинную церковь и следует считать митрополией, к чему склонялся еще А. Голубцов [9, с. 21, 22, прим. 4], а в последнее время А. Поппэ [10, с. 86].

Митрополичья служба, в которой по константинопольскому обычаю должен был участвовать и князь Владимир [9, с. 94], требовала большого внутреннего пространства [11, с. 439 сл.], но так как византийская традиция диктовала трехнефность, то у Десятинной церкви и были устроены боковые галереи и двойной экзонартекс. Есть основания считать, что все части здания одновременны [12, с. 7]. Как видим, в познании сущности Десятинной церкви археология сыграла ведущую роль.

Архитектура Десятинной церкви была «пробным камнем» в создании большого государственно-митрополичьего жанра. Этот «пробный камень» оказался не совсем удачным. После крещения число молящихся значительно увеличилось. Однако чуть ли не половина присутствующих в храме была изолирована от лицезрения литургии. Ведь боковые галереи были открыты вовне, а не вовнутрь. С растущим переходом «оглашенных» в «верные» функция экзонартексов ослаблялась, а функция наоса, наоборот, увеличивалась. Выход был один: вместо трехнефной митрополии строить пятинефную. Новым митрополичьим кафедралом и стал Софийский собор Киева.

Хотя изучение Софийского собора ведется давно, но и до сих пор в его истории не все ясно. Нет согласия даже в таком вопросе, как дата сооружения главного здания древнего Киева. По одним данным, он возник (точнее, начат) в 1017 г. [13, с. 169—186], по другим — в 1037 г. [14, с. 128—140]. В данном случае нет смысла включаться в этот спор, для нашей темы важно, что на смену трехнефному (с галереями) кафедралу пришел пятинефный кафедрал, увеличенный еще двумя поясами галерей.

Это было очень большим нововведением, византийская традиция здесь не участвовала. Совершенно новаторским было увенчание Софийского собора 13, а может быть, даже 25 главами [4]. Колоссальной громаде собора была придана гармоничная пирамидальная композиция за счет постепенного повышения отдельных объемов от внешних галерей к центральному барабану главы.

Если кафедральное назначение Десятинной церкви еще вызывает некоторое сомнение, то Софийский собор совершенно точно был митрополичьим. В нем была кафедра митрополита Феопемпта (упомянут в 1037 г.).

Пятинефная (с двумя поясами галерей) структура Софийского собора, по-видимому, полностью отвечала его функциональному назначению. В таком пространстве можно было развернуть пышное действо, мало чем уступающее патриаршей службе в Софии Константинопольской. Теперь князь Ярослав действительно мог сравнивать себя с императором Византии, принимавшим, как известно, участие в патриаршем богослужении [9, с. 94]. Не случайно в одной из надписей на стене Киевской Софии Ярослав назван царем [2, с. 416].

Если можно говорить, что христианство было «коррелятом (то есть взаимным соответствием) абсолютистского государства» [15, с. 22], то Софийский собор с его обширной функцией и сложной семантикой допустимо считать «единоличным» воплощением этого коррелята.

По-видимому, это хорошо осознавалось Ярославом Мудрым, митрополитом и их окружением, так как почти одновременно с Софийским собором в Киеве строятся тоже пятинефными Георгиевский, Ирининский храмы и остающийся до сих пор «безымянным» храм на митрополичьем дворе [12, с. 13]. Как и Десятинная церковь, они вошли в историю древнерусской архитектуры благодаря археологии. Остатки первого храма изучались Я. Е. Боровским и М. А. Сагайдаком. Фундаменты второй постройки открыты К. Лохвицким. Наконец, Д. В. Милеев раскопал основание храма на митрополичьей усадьбе.

Этим интерес Ярослава к пятинефным сооружениям не ограничился. В 1045 г. он закладывает вместе с сыном Владимиром громадный пятинефный (с галереями) Софийский собор в Новгороде. В отличие от Киевской Софии его увенчивали шесть глав.

Если пятинефность Киевской Софии хорошо отвечала митрополичьей функции здания, то почему пятинефными строились остальные четыре

храма? Вопрос этот далеко не риторический. С ним связано признание или неприятие за архитектурной образностью определенного содержания.

Независимо от того, какую идейную программу строители Софийского собора (заказчик и мастера) вкладывали в свое произведение, величественный образ здания должен был рождать новый круг ассоциаций. Во-первых, это был своего рода архитектурный ореол вокруг Ярослава. Царственный ореол, поскольку Ярослав величался царем. Во-вторых, конструктивное сходство с митрополичьим кафедралом сообщало и другим пятинефным храмам высочайшую сакральность. Того требовали и посвящения их святому Георгию — патрону Ярослава и святой Ирине — патронессе его жены. Не исключено (и даже весьма вероятно), что все три храма, о которых идет речь, рассчитывались на посещение их митрополитом и митрополичью службу в особые памятные дни. Перефразируя известные слова «где София, там и Новгород», можно предполагать, что Ярослав считал: «Где пятинефный храм, там и великий киевский князь с митрополитом». Это прямым образом относится и к новгородскому Софийскому собору.

Несколько странно, что этой возможностью не воспользовался черниговский князь Мстислав (умер в 1036 г.), брат Ярослава Мудрого, особенно после 1024 г., когда он стал владеть всем левобережьем Днепра. Впрочем, базиликальная вытянутость черниговского Спасо-Преображенского собора, а также его приделы у восточных и башни у западных углов приближают его к митрополичьим кафедралам. То, что сделать собор митрополией входило в намерение Мстислава, доказывается поставлением (позднее) черниговского епископа Неофита в «титулярные митрополиты» [16, с. 55, 56].

В конце X в. «титулярным митрополитом» стал и переяславский епископ Ефрем [17, с. 105 сл.]. И это сразу же повело к строительству им большого пятинефного собора Архангела Михаила [18, с. 30—39].

Таким образом, мы все более и более убеждаемся в том, что с образом пятинефного собора связывалась идея митрополичьего кафедрала. Это доказывается еще двумя примерами, взятыми из архитектуры домонгольской Руси.

К сожалению, у нас нет никаких доказательств того, что полоцкий князь Всеслав, строя около 1060 г. свой пятинефный Софийский собор, предполагал сделать его митрополичьим. Митрополичьей кафедры Полоцкому княжеству не полагалось. Но Всеслав имел все основания видеть полоцкого епископа «титулярным митрополитом». Не исключено также, что полоцкая София создавалась пятинефной просто в силу желания Всеслава не отстать от Киева и Новгорода.

Примерно в той же ситуации начал строить свой Успенский собор во Владимире-на-Клязьме Андрей Боголюбский.

Об активной деятельности Андрея Боголюбского по приданию владимирской церкви статуса автокефалии хорошо известно [19, с. 118 сл.]. Андрею Боголюбскому приписываются слова «хощу бо сей град (т. е. Владимир — *Г. В.*) обновити митрополью, да будеть сей град великое княжение и глава всем» [19, с. 119]. Вызывает, правда, некоторое удивление, что, хорошо зная о пятинефной структуре кафедральных митрополичьих соборов (Киев, Переяславль Южный), владимирский князь заложил Успенский собор трехнефным. Не исключено, что здесь имели место следующие соображения. 1. Вступив в борьбу с «киевско-византийской духовной гегемонией» [19, с. 118], Андрей не хотел подражать формам киевского Софийского собора, находившегося в ведении митрополита-грека. Он предпочел архитектурную традицию, идущую от Десятинной церкви, бывшей центром именно русского идейного движения. Открытые галереи последней, неудобные для северного города, были заменены притворами. 2. Замена пятинефности трехнефностью компенсировалась очень большими размерами (27×18 м) здания, равными Десятинной церкви. Кроме того, здание увеличивалось притворами.

Хотя современники и сравнивали Успенский собор Андрея Боголюбского со строительством Соломона, но все же трехнефность и одноглавие храма, видимо, считались недостаточными для престижности Владимирского княжества. После пожара 1185 г. князь Всеволод III обстраивает собор галереями, наделяет пятиглавием, и Успенский собор приобретает вид митрополичьего кафедрала. Он и стал им почти сто лет спустя, когда митрополит Максим переехал из Киева во Владимир.

Теперь формы пятинефного и пятиглавого Успенского собора во Владимире стали определяющими при сооружении митрополичьих кафедралов в самой Москве.

Иван Калита еще не был настолько силен, чтобы построить такого рода митрополичий собор в Московском Кремле, хотя митрополит Петр переехал из Владимира не в Тверь, а в Москву. Успенский собор, построенный ими в 1326—1327 гг., был трехнефным (с притворами) и одноглавым [20, с. 200—214] [1]. Но как только Москва при Иване III стала общепризнанным центром Руси, так в 1472 г. при митрополите Филиппе было приступлено к сооружению в Кремле (на месте первого) Успенского собора. За образец был взят владимирский Успенский собор, но размеры нового московского кафедрала были увеличены (вдоль и поперек) на одну сажень. Зодчие Мышкин и Кривцов проявили большую смелость, но вместе с тем и техническую неопытность. В 1474 г. почти законченный собор обрушился.

Москва не могла оставаться без митрополичьего кафедрала. Приглашенный из Италии архитектор Аристотель Фиораванти возвел в 1475—1479 гг. (на том же месте) третий Успенский собор, сохранившийся до наших дней. В 1979 г. было отмечено его 500-летие.

Фиораванти построил собор не пятинефным, а трехнефным, что кажется отступлением от древнерусской традиции. Но это только так кажется. Фиораванти приравнял боковые нефы (по ширине) к центральному и устроил в них по две апсиды, так что сохранилась пятинефность, восходящая к Киевской Софии.

Так в течение 500 лет (с 989 по 1475 г.) в русской архитектуре сохранялась традиция митрополичьего кафедрала, свидетельствующая о глубокой функциональности древнерусского монументального зодчества, с начала которого (условно с 989 г.) прошла тысяча лет.

Нередко, задавая себе вопрос, в чем же состоит значение для Руси новой архитектуры, мы видим ответ в способности мышления монументальными образами.

Конечно, это был громадный шаг вперед в смысле овладения пространством. Но суть этого шага состояла не столько в форме (монументализме), сколько в содержании (историзме). Поскольку новое художественное сознание было сугубо личностным [21, с. 447] и личностный характер приобрело все искусство, то теперь архитектура была обращена не во внешний мир, а во внутренний мир личности. Храм считался не жилищем божества, как это было в античности, а домом молитвы, домом размышлений над собой, над своим местом в мире. Отсюда историзм нового искусства, воспоминание о ветхозаветном прошлом и надежды на будущее. Лучше всего историзм выразился в системе росписей, в связи с чем приобретала историзм и архитектура, а также связанная с ней скульптура. Приобретая это новое качество, раннее искусство Киевской Руси стало питательной почвой всего последующего русского искусства [22].

Оставаясь в рамках архитектуры, мы можем сказать, что Десятинная церковь — первый монументальный образ мира — определила формы не только всех последующих построек общерусского значения (так называемых «отних» соборов сыновей и внуков Ярослава Мудрого), но и новых епархиальных кафедралов XI—XII вв., сменивших, однако, пятиглавие

---

[1] Остатки Успенского собора Ивана Калиты впервые были археологически раскрыты Н. С. Шеляпиной (Н. С. Владимирской). Попытки оспорить это открытие необоснованны.

на одноглавие. Дальнейшая трансформация византийского прообраза шла уже по линии централизации плана (путем сокращения по длине) и повышения вертикальных пропорций, что вывело древнерусскую архитектуру на вполне самостоятельный путь.

Оценивая произошедшее 1000 лет тому назад приобщение Киевской Руси к христианству, мы отдаем должное как смелым византийским мастерам, с большими трудностями приезжавшим на Русь, акклиматизировавшимся здесь, так и их смекалистым русским подмастерьям, чрезвычайно быстро усвоившим новую кирпичную технику кладки, мозаику и фресковую живопись, резьбу по камню, а главное с христианством пришло новое человечески-личностное мировоззрение, новая этика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку// ПСРЛ. 1962. Т. 1.
2. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII в. М.: Наука, 1982.
3. *Холостенко Н. В.* З історії зодчества Древній Русі X ст.//Археологія. 1965. Т. XIX.
4. *Логвин Н. Г.* О завершении второго яруса внутренних галерей Софийского собора в Киеве//Архитектура Киева. Киев, 1982.
5. *Комеч А. И.* Спасо-Преображенский собор в Чернигове//Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.: Наука, 1975.
6. *Кузьмин А. Г.* Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI века// Вопросы истории. 1971. № 10.
7. *Успенский Н. Д.* Древнерусское певческое искусство. М.: Музыка, 1965.
8. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв./Сост. Щапов Я. Н. М.: Наука, 1976.
9. *Голубцов А.* Соборные Чиновники и особенности службы по ним. М., 1907.
10. *Поппэ А. В.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии// Византийский временник. 1968. Т. XXVIII.
11. *Брунов Н. И.* Очерки по истории архитектуры. Т. II. М.: Academia, 1935.
12. *Раппопорт Г. Н.* Русская архитектура. X—XIII вв. Л.: Наука, 1982.
13. *Логвин Г Н.* К истории сооружения Софийского собора в Киеве//Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука, 1977.
14. *Асеев Ю. С.* К вопросу о времени основания Киевского Софийского собора//СА. 1980. № 3.
15. *Аверинцев С. С.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью//Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976.
16. Житие святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Изд. Д. А. Абрамович// Памятники древнерусской литературы. Т. II. Пг., 1916.
17. *Поппэ А. В.* Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии// Византийский временник. 1968. Т. XVIII.
18. *Раппопорт П. А.* Церковь Михаила в Переяславле//Зограф. Т. 10. Београд, 1979.
19. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XI—XV веков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
20. *Шеляпина Н. С.* К истории изучения Успенского собора Московского Кремля// СА. 1972. № 1.
21. Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1970.
22. *Алпатов М. В.* Всеобщая история искусств. Т. III. М.: Искусство, 1955.

G. K. Vagner

A MILLENNIUM OF RUSSIAN ARCHITECTURE

Summary

Adoption of Christianity in 988 promoted monumental architecture. From the very beginning it was clearly intended for religious purposes and stemmed from Byzantine architecture. Still it was quite independent in its character. This can be seen in the Tithe (Desyatinnaya) Church, the first monumental church in Kiev. Being built as a metropolitan church, it followed the Byzantine system. Side galleries and several domes made it quite distinct from its Byzantine prototypes. New Russian architecture treated churches as an image of the Christian world which rested on the personal relationship between man and God. As distinct from the pagan open (natural) performance of religious acts (in Slavic shrines) new architecture erected Prayer Houses. They demanded spiritual concentration and this, in its turn, made the temples' inner decoration ever more important. On the whole, this had provided a spiritual impetus to the entire Old Russian art which very soon reached dimensions of world importance.

А. А. МЕДЫНЦЕВА

ОКЛАДЫ «КОРСУНСКИХ» ИКОН ИЗ НОВГОРОДА

В «Корсунской легенде»—сказании о крещении Владимира в Корсуни, вошедшем в летопись, говорится, что необходимые для церковного богослужения книги и утварь были привезены Владимиром на Русь из Корсуни и отданы в Десятинную церковь («вдав туда все, еже бе взял в Корсуни: иконы, и сосуды и кресты» [1, стб. 121, 122]). Популярность «Корсунской легенды», сложившейся, по данным исследователей, в конце XI в. в среде духовенства Десятинной церкви [2, с. 1136], явилась причиной того, что многие предметы церковного культа получили название «корсунских». Между тем о многочисленных предметах, необоснованно названных «корсунскими», писал еще А. И. Соболевский [3, с. 59—66]. Г. Ф. Корзухина доказала русское происхождение большинства памятников медного литья, традиционно связывавшихся с Корсунью [4, с. 128—137]. Она высказала свои соображения относительно причин распространенности «корсунского миража», которым мы, по ее мнению, обязаны духовенству очень давней поры, в основном духовенству Десятинной церкви, пропагандировавшему корсунские святыни и заменявшему их по мере обветшания местными русскими изделиями [5, с. 137]. Таким образом, было установлено истинное происхождение многих «корсунских» древностей.

К числу таких произведений художественного ремесла относятся широко известные оклады «Корсунских икон» из Новгорода. Имеются в виду серебряные с позолотой чеканные оклады на огромных соборных иконах «Петр и Павел» и «Богоматерь» (рис. 1—3) из Новгородского Софийского собора [1]. Иконы впервые стали известны научной общественности в середине прошлого века [5, стб. 376; 6, с. 95—97]. В описях новгородского Софийского собора под названием «корсунских» они упоминаются начиная с XVIII в. [7, с. 85]. Неоднократно они упоминаются и в летописях. Под 1561 г. (лето 7069) записано, что князь Иван Васильевич взял из Новгородского собора Софии три иконы, среди них «Спас, да другой образ Петр и Павел...» [8, с. 93]. О возвращении их и установке на старом месте, «против места владычня», сообщается под 1572 г. [8, с. 117]. В одном из списков летописи серебро на иконе «Петр и Павел» называется «корсунским» [8, с. 347].

В настоящей статье речь пойдет не о самих иконах, а об их серебряных чеканных окладах. Оклады целиком закрывают живопись, оставляя открытыми лишь лица, руки и ноги апостолов и фигуру Богоматери и младенца. Средники окладов сплошь покрыты цветочным орнаментом, на верхнем поле обеих икон помещены в отдельных клеймах фигуры Деисуса, на боковых полях — клейма с изображениями святых, размещенные под арками на колонках. Изображения перемежаются клеймами с восьмилепестковыми розеттами в обрамлении цветочного орнамента.

Обследование, проведенное в ГЦХРИМ им. Грабаря, выявило, что под окладом иконы «Петр и Павел» сохранилась первоначальная живопись, а оклад на иконе «Богоматерь» перенесен в XV в. с древней иконы, вероятно «Спаса», упомянутой в летописи. При этом мастера, подгоняя

[1] Размеры иконы «Петр и Павел», дошедшей до наших дней в первоначальном виде,— 236×147 см.

Рис. 1. Оклад иконы «Корсунская Богоматерь»

оклад к новой иконе, убрали одно из орнаментальных клейм на верхнем поле, нарушив первоначальные пропорции оклада. Но, несмотря на утраты и чинки, в целом оклады дошли до наших дней почти в первоначальном виде [9, с. 81, 82; 10, 254, 255].

Колончатые надписи сопровождают изображения святых. В отличие от новгородских кратиров эти оклады гораздо меньше привлекают внимание современных историков искусства, хотя во всех работах по древнерусскому прикладному искусству упоминаются «корсунские» оклады.

А. В. Банк в работе, вышедшей в 1977 г., отметила, что эти два значительных памятника нуждаются в специальном монографическом исследовании [11, с. 76]. Но такого исследования нет и до сего дня. При этом в большей степени изучен оклад иконы Петра и Павла, чему способствовали реставрационные работы, выполненные в 1946 г. в ГЦХНРМ. Результатом этих работ явилась статья Н. Е. Мневой и В. В. Филатова. Оказалось, что под окладом иконы «Петр и Павел» сохранилась древ-

Рис. 2. Клейма с изображениями святых Меркурия и Никиты оклада иконы «Богоматерь»

Рис. 3. Фрагмент орнамента и клеймо с изображением Феклы оклада иконы «Петр и Павел»

няя живопись. Исследователи пришли к выводу, что икона была написана в середине XI в., оклад же выполнен в 20-е годы XII в., т. е. около 80 лет спустя, одновременно с окладом иконы «Корсунской Богоматери». В этой же работе опубликованы надписи на иконе «Петра и Павла», выделены две почерка — на левом и правом полях, причем отмечено сходство фигур левого поля с фигурами известного новгородского кратира работы мастера Братилы, а правого — с фигурами кратира Косты

[9, с. 88]. Авторы обратили внимание на подбор святых, соименных, по их предположению, заказчикам. Изображение архангелов на окладе иконы «Петра и Павла» в императорских одеждах, в сочетании с именами других святых дало основание исследователям предположить, что заказчиком оклада был Всеволод-Гавриил Мстиславич, бывший новгородским князем в 1117—1136 гг. Архангел Михаил, Пантелеймон, по их мнению,— христианские патроны братьев Всеволода.

Стилистическая близость фигур святых на окладе иконы «Петра и Павла», как и почерка надписей, к новгородским кратирам отмечались и ранее [12, с. 88; 13, с. 194—298], поэтому эта атрибуция стала общепринятой и получила дальнейшие уточнения. Б. А. Рыбаков предположил, что непосредственным событием, послужившим причиной заказа оклада для одной из центральных икон кафедрального собора, была военная трагедия 1135 г., когда новгородцы во главе со Всеволодом потерпели сокрушительное поражение от суздальцев в битве на Ждане Горе. В этой битве погибли и новгородские посадники — бывший посадник Петрила Микульчич и сменивший его Иванко Павлович. Так как всю левую часть оклада занимают изображения святых врачей, а правую — изображения святых воинов и св. Варвары, Б. А. Рыбаков предположил, что после смерти посадника Петрилы его вдова Варвара заказала для патрональной иконы ее мужа новый оклад с изображениями святых воинов и целителей и двух святых жен — Варвары и Феклы, но заметил, что доказательной силы это предположение не имеет. Продолжив наблюдения над почерками надписей оклада, Б. А. Рыбаков указал, что первый почерк близок к почерку Братилы, а второй — Косты [14, с. 25, 26].

Таким образом, оклад иконы «Петра и Павла» и близкий к нему оклад «Корсунской Богоматери» оказались прочно включенными в круг работ новгородской мастерской начала XII в., из которой вышли известные кратиры мастеров Братилы и Косты.

Эту же точку зрения развивает Г Н. Бочаров. Он считает, что над окладами работали несколько мастеров; в частности, об этом, по его мнению, свидетельствуют орнаментальные пластины с восьмилепестковыми розеттами четырех типов. Он полагает, что над окладом иконы «Петра и Павла» работали две группы мастеров: первой принадлежат тонкие стройные, близкие к византийским прототипам фигуры верхнего и левого полей, второй — более приземистые и коренастые, подчеркнуто статичные святые правого поля. Г Н. Бочаров отмечает, что рельефы первой группы во многом близки к изображению Варвары на кратире Братилы и отчасти апостолам нижнего яруса Большого новгородского Сиона. В то же время он высказывает сомнение, что заказчиком оклада мог быть новгородский князь Всеволод-Гавриил, так как изображения архангела Гавриила в императорских одеждах — явление довольно распространенное. Поэтому атрибуция Н. Е. Мневой и В. В. Филатова, с его точки зрения, выглядит не совсем убедительной. Заслуживают внимания приведенные им данные о том, что подбор святых на окладах был довольно близок к распространенным в Византии XI—XII вв. типам икон с избранными святыми [10, с. 259—263]. Г Н. Бочаров также отмечает, что надписи на полях икон обнаруживают с надписями кратиров лишь отдаленное сходство [10, с. 261].

Таким образом, соотнесение исполнения оклада иконы «Петра и Павла» с заказом Всеволода или с разгромом новгородского войска в Суздальской земле в 1135 г. оказывается значительно поколебленным.

Тем не менее Г Н. Бочаров считает возможным приписать оба оклада работе новгородских мастеров первой половины — середины XII в.

Таким образом, все исследователи довольно единодушны если не в атрибуции, то в датировке икон и в отнесении их к деятельности определенной новгородской мастерской[2] Разногласия наблюдаются в опреде-

---

[2] Исключение составляет мнение Э. А. Гордиенко, которая датирует оклад иконы «Корсунская Богоматерь» второй половиной XII в. [15, с. 219].

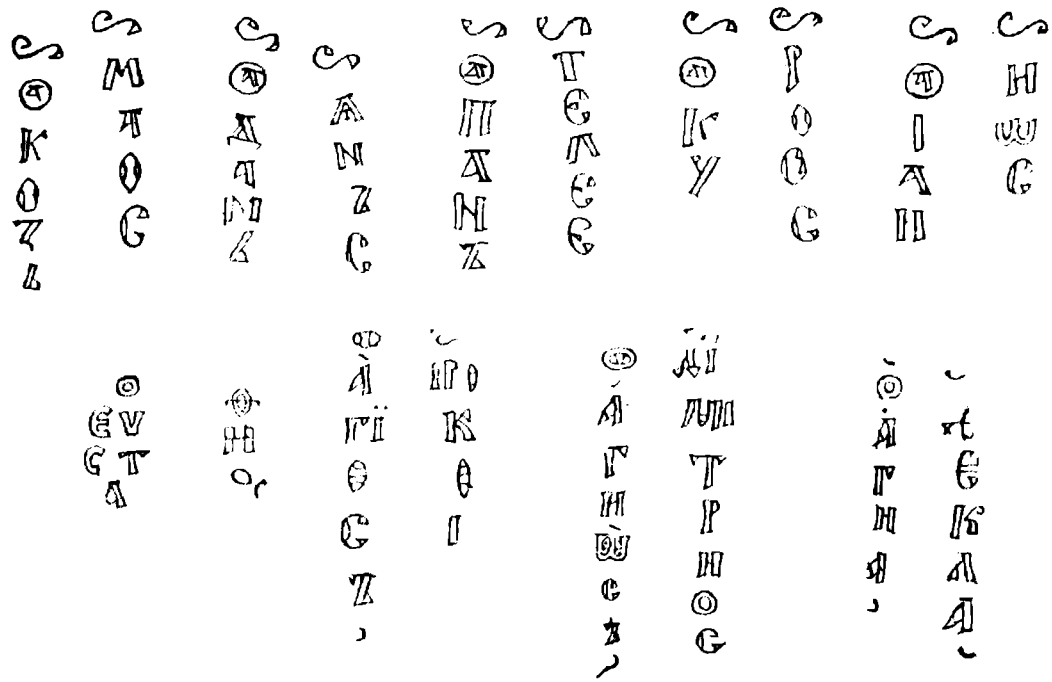


Рис. 4. Прориси надписей на иконе «Петр и Павел»

лении почерков надписей. При этом до сего дня наиболее изученным остается оклад иконы «Петра и Павла», в то время как оклад иконы «Корсунской Богоматери» гораздо меньше привлекает внимание исследователей, хотя оба оклада различаются при несомненном сходстве пропорциями фигур, моделировкой лиц, трактовкой драпировок, орнаментов и т. д.; при этом оклад иконы «Богоматери» обнаруживает бóльшую близость к византийским прототипам [11, с. 76]. Имеются различия и в надписях. Но если надписи оклада иконы «Петра и Павла» были разделены по почерку на две группы и получили хотя бы общую палеографическую характеристику, то надписи на окладе «Корсунской Богоматери» вообще специально не рассматривались, хотя были частично опубликованы вместе с отдельными клеймами в разных работах [16, рис. 33 и вклейка между с. 36—37; 17, с. 74] и вошли в общую азбуку в своде Б. А. Рыбакова [14, табл. XXVIII, рис. 3—6].

Разногласия в оценке почерков оклада иконы «Петра и Павла» недостаточная изученность надписей иконы «Богоматери» требуют их нового детального рассмотрения, учитывая их важность как для датировки, так и для соотнесения с работой определенной мастерской.

Как говорилось выше, надписи при изображениях оклада иконы «Петра и Павла» были сравнительно хорошо изучены и изданы (в прорисях) Н. Е. Мневой и В. В. Филатовым (рис. 4). Исследователи разделили их на две группы. К первому почерку отнесены надписи при изображениях Козьмы, Дамиана, Пантелеймона, Кира и Иоана (на левом поле), ко второму — Евстафия, Прокопия, Дмитрия Солунского, Феклы и Варвары (на правом).

Ссылаясь на консультацию М. В. Щепкиной, авторы статьи отмечают, что все надписи, за исключением греческих на среднике, русские, подражающие греческим. Надписи на среднике с именами Петра и Павла наиболее архаичны, в них ярче выражено греческое влияние, они характерны еще для XI в. Авторы отмечают, что в надписях на полях меньше архаичных черт, но в них они тоже есть: например, широкое округлое *О* в надписях правого поля и омега с высокой серединкой, характерные для XI в. В качестве нововведений отмечается вытянутое остроконечное *О* и *N* с перекладиной, не доходящей до конца стоек. При этом приводится мнение М. В. Щепкиной, что памятники эпиграфики сохраняют архаиче-

ские начертания дольше, чем рукописи, поэтому, по ее мнению, надписи оклада можно сблизить по времени с надписями Юрьевского евангелия (1119—1128 гг.) [9, с. 99]. С общей характеристикой надписей можно согласиться, как и с общим положением, что памятники эпиграфики дольше сохраняют архаические начертания. Однако относительно последнего замечания можно добавить, что эта относительная архаичность надписей проявляется не всегда, в некоторых случаях, напротив, в надписях раньше появляются и нововведения. Но в общей характеристике почерков надписей иконы «Петра и Павла» не нашел отражения ряд особенностей.

Начнем с оклада иконы «Петра и Павла», с первого почерка. Прежде всего необходимо отметить, что **а** — с маленькой треугольной головкой и наклонной к началу строки спинкой. Эта форма типична для древнейших (IX—X, X—XI вв.) южнославянских памятников, как рукописных, так и памятников эпиграфики. Для русских надписей это чрезвычайно редкая форма, в русских же рукописях она не встречается, если не считать подпись Анны Ярославны на латинской грамоте 1063 г. [18, с. 125]. Из русских надписей, где встречена такая форма, можно назвать некоторые древнейшие: надписи на монетах рубежа X—XI вв. [19, с. 59, табл. 2], некоторые граффити из Новгородской Софии [20, с. 181, 182]. В южнославянских памятниках такая форма употребляется иногда и позднее, наряду с другими, но для Руси — это анахронизм уже для памятников второй половины XI в.

Следующая особенность: буква *М* с наклоненными одна к другой мачтами и небольшой остроугольной серединой, высоко поднятой над уровнем строки. Эта очень редкая форма встречается в некоторых древнейших болгарских надписях X в.: надписи из скального монастыря близ с. Крепча [21, рис. на с. 23], некоторых надписях IX—X вв. из монастырского комплекса близ с. Равна (не изданы). Из русских памятников можно назвать некоторые надписи на златниках и серебряниках Владимира типа I [19, с. 61, табл. 2], надпись на одном из новгородских цилиндров конца X в. [22, с. 55]. Таким образом, и эта форма — тоже известный анахронизм для XI в.

Другие особенности этого почерка: правильные треугольные петли *Ъ*, *Ь*, омега с высоко поднятой серединой и сомкнутыми петлями типичны для русских рукописей XI в., встречаются еще и в первой половине XII в. С почерком мастера Братилы эти надписи, действительно, сходства не имеют, за исключением общего впечатления графичности, отличаясь большей архаичностью, иными начертаниями букв. Редкие формы букв, имеющие аналогии в южнославянских памятниках, наводят на мысль, о южнославянском происхождении мастера, но ѧ вместо ꙗ (ДаМѧNъ) написан в соответствии с русским произношением.

Второй почерк более округлый, со стремлением к декоративности, с использованием орнаментальных сигм в конце некоторых надписей в качестве чисто декоративного элемента. Вероятно, эта декоративность и напоминает почерк Косты, других черт сходства нет. **а** — остроугольная, с большей по сравнению с предшествующим почерком головкой (в одном случае **а** — с округлой петлей и наклонной к началу ее строки спинкой, как в греческой надписи на среднике), *М* — с округлой «ленто-образной» серединой. Архаично *О* — широкое, округлое, используется наряду с вытянутым, остроконечным. Широкое *О* — архаическая черта, такая форма встречается в некоторых южнославянских памятниках X в. Из древнерусских можно назвать Гнездовскую надпись (начало X в.), надпись на мече (первая половина XI в.), Тмутараканскую надпись (1068 г.) [23, с. 35].

Таким образом, перед нами два почерка, различающиеся по начертаниям букв **а**, *О*, *М*. Оба автора — не греки, о чем свидетельствуют славянизированные формы имен. Оба используют греческие приемы как декоративный элемент. Первый мастер, употребляя сокращение греческого (ОаГІОС), дополняет его еще и титлом особой волнообразной формы, для симметрии используя его и во второй части слова. Второй мастер пишет «ОаГІОС» развернуто, в том числе и для святых жен (вместо

НаГІа), без сокращений, иногда используя в качестве декоративного элемента титло в виде небольшой запятой; такой же завиток ставит иногда в конце слова, а иногда — орнаментальную сигму, не обозначающую звука (после Ъ), что напоминает уже о новгородской мастерской середины XII в. (см. надписи на Сионе и кратирах). Декоративные приемы первого мастера (волнообразное титло) вызывают в памяти декоративные приемы киевской мастерской начала XIII в. [24, № 20, 30, 31, 33, 36, 38]. Конечно, этих декоративных приемов недостаточно, чтобы судить о происхождении мастеров. Можно лишь утверждать, что это были не греки и не болгары, а русские, по крайней мере первый из них, судя по замене а— ꙗ. Оба почерка в общих чертах соответствуют уставу XI — первой половины XII в., в то время как наличие архаизмов в первом (а, *М*), свойственных древнейшим славянским памятникам, не позволяют выводить их за пределы XI в. Вероятно, первый почерк следует считать старшим, хотя архаизмы встречаются и во втором почерке.

Надписи на окладе иконы «Богоматери» близки по общему впечатлению к надписям оклада иконы «Петра и Павла», хотя имеют свои отличия. При фигурах, входящих в композицию Деисуса на верхнем поле,— обычные монограммы, но по сторонам изображений Евстафия, Меркурия, Никиты на левом поле и Федора, Нестора и Прокопия на правом — развернутые именные надписи. Надписи на верхнем поле дают мало материала для палеографических наблюдений, колончатые надписи при изображениях святых воинов более выразительны. По общему впечатлению они напоминают первый почерк оклада иконы «Петра и Павла»: использованы сокращения, близки формы букв (Н, Ь, а), но вместо орнаментальных сигм и завитков в конце надписей маленькие косые крестики. Надписи тоже русские, но в отличие от мастеров оклада иконы «Петра и Павла» этот мастер (или мастера) осмысленно использует греческие сокращения. Вероятно, и над этим окладом работали два мастера, хотя различия в почерке надписей не так очевидны. Особенностью почерка левого поля оклада «Корсунской Богоматери» является а с остроугольной головкой, но левая и правая части буквы почти равновелики. Эта особенность отличает ее от первого почерка иконы «Петра и Павла», а округлость петель — от второго. Форма *М* аналогична первому почерку оклада иконы апостолов. Наблюдаются и индивидуальные черты: є — широкое, с длинным язычком, выступающим за пределы буквы. Для русских памятников эта форма нехарактерна, но довольно часто встречается в греческих и южнославянских надписях: греческой Партенитской надписи 906 г. [25, с. 28], керамических табличках из Круглой церкви Преслава [26, табл. XVIII].

Для русских письменных памятников эта форма нетипична, но изредка встречается среди других в письме Остромирова евангелия (1056 г.), на новгородском кратире Косты, в надписи на Тмутараканском камне (1068 г.), [23, с. 31, 32]. Очень характерна буква *К* — левая часть ее далеко отстоит от правой, а правая имеет вид, по определению Е. Ф. Карского, «несколько наклонного влево Г». Особенностью ее в данных надписях является то, что изгиб колена правой части находится очень высоко, почти на уровне верхней строки. Такое начертание довольно широко представлено в древнейших южнославянских рукописях и особенно в надписях. Е. Ф. Карский указывает на подобное начертание в «Саввиной книге» (X—XI вв.) [18, с. 194]. В южнославянских рукописях эта форма встречается иногда и позднее, но особенно характерна она для древнейших памятников эпиграфики: есть близкая форма в надписи Самуила (993 г.) [27, с. 122, 140, 141], надписи хартофилакса Павла из Круглой церкви Преслава (X в.) [26, табл. II, *а, б*], на керамических табличках из Преслава (церковь в Селище) и некоторых других. Можно заметить следующую особенность: чем древнее надпись, тем большее расстояние разделяет левую и правую части буквы. Наиболее близка по начертанию к форме, встреченной в надписях на окладе иконы «Корсунской Богоматери», буква *К* из надписей на кресте Манасии-инока из Бол-

гарии — X в. (Силистринский округ, с. Царь Асень) [28, с. 47]. В этой же надписи встречена и буква а с округлой плоской петлей.

Таким образом, несмотря на небольшой материал, в надписях на левом поле оклада иконы «Богоматери» нашли достаточное выражение те же архаические черты, связывающие их с древнейшей болгарской письменной традицией, что и в надписях на окладе иконы «Петра и Павла».

Надписи на правом поле иконы «Богоматери» очень близки к надписям на левом; может быть, и не стоило выделять второй почерк, если бы не форма *К*, отличающаяся от надписей на левом (правда, единственный случай — ПРОКОПЬ ѧ). Здесь *К* обычной формы, правая часть соприкасается с мачтой ровно посередине. Другая особенность — несколько более округлые петли а в сокращении. Это единственные черты, позволяющие заподозрить руку второго мастера. Как и в надписях оклада иконы «Петр и Павел», в этих отразилось не только славянское (в отличие от греческого), но и русское произношение — ПРОКОПЬѧ, где ѧ заменяют собой ꙗ в соответствии с русифицированной формой греческого имени.

Но в надписях на окладе иконы «Богоматери» есть еще одна особенность, отличающая их от надписей оклада первой иконы: использование одного знака *Ь*. Хотя надо отметить, что материала для аргументированных выводов недостаточно и наблюдения затруднены тем обстоятельством, что представлена лишь русская передача греческих имен, но все же формы ЄВЬСТаФІН и особенно ѳЄОДОРЬ, NЄТЬРЬ[3] подтверждают, что эти надписи принадлежат к одноеровой графической школе в отличие от надписей оклада иконы «Петра и Павла», где представлены оба знака *Ъ* и *Ь* (в обоих почерках).

Как известно, одноеровые письменные памятники представлены как у южных славян, так и на Руси. Существует сравнительно большое число старославянских памятников с одноеровым письмом, появление которых можно отнести к X — XI вв. Известны они и на Руси, в том числе среди памятников эпиграфических, что позволяет говорить об использовании одноеровой графической школы в XI — начале XII в. В частности, в Новгороде одноеровые (с одним *Ъ*) памятники известны с конца X в. Встречаются они среди надписей, берестяных грамот; возможно, к ним относятся надписи на некоторых древнейших монетах и подпись Анны Ярославны [22, с. 57—59; 29, с. 21—27]. Использование одного знака *Ь* сближает надписи иконы Богоматери с одной из одноеровых рукописей русской редакции — кириллической частью Реймсского евангелия, написанной, по предположению Л. П. Жуковской, на Руси в первой половине XI в. [30]. Имеют значение и наблюдения над хронологией одноеровых русских памятников. В то время как одноеровые написания в болгарских и сербских памятниках отражают реальные фонетические процессы, на Руси они могут быть квалифицированы как внешние явления, отражающие непосредственные контакты с болгарской письменной традицией. Поэтому они довольно рано исчезают (до начала XII в.), заменяясь всюду на двуеровые написания, и если встречаются в некоторых новгородских азбуках на бересте и некоторых других текстах, то уже как архаическая традиция [29, с. 25].

Это наблюдение важно для датировки надписей на окладах. Одноеровый характер надписей на окладе иконы «Богоматери» подтверждает архаизм надписей и так же, как другие отмеченные особенности, указывает на связь с болгарской письменной традицией, но лишь с традицией, так как особенности использования ѧ. засвидетельствованные в двух почерках, указывают на русское произношение мастеров.

В написаниях ПРОКОПЬѧ, ДаМЬѧNЪ проявляется и другая русская (в сравнении со старославянским) особенность — *Ь* вместо исконного *Н* перед ꙗ (ja). В русских рукописях долго сохраняется традиционное, книжное написание с *Н* (в данном случае должно было быть —

[3] В последнем слове пропущена буква *С*, а к конечному *Ь* добавлен маленький косой штрих, делающий этот знак похожим на *Ъ*.

ПРОКОПНѣ, ДаМНѣNЪ), но уже с конца XI в. встречаются написания с Ѣ [31, с. 124]. Но не исключено, что они появились и раньше, о чем свидетельствуют написания ДЬМЬѦNа, ПОМОРЬѦ, БРаТЬѫ ПРѢСЄЛЄNЬѦ, МаРЬЄѫ в Реймсском евангелии [30, л. 1а—4, 2в—6, 4а—7, 4б—7,8, 5а—6].

Рассмотренные выше особенности надписей ставят вопрос о более ранней датировке окладов новгородских «корсунских» икон. Аналогии с болгарскими надписями X в. и русскими рубежа X — XI вв. конечно, не могут служить основанием для подобной датировки окладов, так как указывают только на время появления подобных начертаний на Руси.

В свое время В. Н. Щепкин, пытаясь восстановить облик кириллицы, использовавшейся на Руси в первой половине XI в., на основании известных в то время памятников — болгарских рукописей и надписей, сравнения с греческим уставом IX — X вв. установил его некоторые особенности, в том числе «малый масштаб» букв а, Р, ц, [32, с. 109, 110]. Время и находки новых надписей, в том числе и русских, показали правомерность такой реконструкции. К особенностям, указанным В. Н. Щепкиным, можно добавить ряд других, в том числе упомянутые выше архаизмы из надписей на «корсунских» окладах. Можно считать, что подобная графика использовалась на Руси на рубеже X — XI вв. — в первой половине XI в. наряду с графикой, получившей развитие в рукописях второй половины XI в. Наличие отдельных черт этой архаической письменной традиции в некоторых надписях второй половины века показывает, что уже в это время черты первоначальной кириллицы встречаются как анахронизм, исчезающий из письма к XII в.

Вероятно, таким анахронизмом они являются в надписях на окладах «корсунских» икон. Среди трех (возможно, четырех) почерков наиболее архаичны первый почерк на окладе иконы «Петра и Павла» и первый почерк на окладе иконы «Богоматери». По-видимому, над окладами действительно работали несколько мастеров. В почерках всех их достаточно ярко проявилась связь с древнейшей болгарской письменной традицией, но достаточно отчетливо видны и индивидуальные различия, даже принадлежность к различным графическим школам письма. Вероятно, это были мастера разного возраста, наиболее старшие из них (по почерку) — мастер левого поля оклада иконы «Петра и Павла» и мастер (или мастера) оклада иконы «Корсунской Богоматери», причем последний обнаруживает большее знакомство с греческим языком. Но, очевидно, датировать оклады нужно по «младшему» почерку, которым является почерк мастера правого поля оклада иконы «Петра и Павла». Как мы видим, в нем достаточно архаизмов, к тому же совместная работа не позволяет значительно отдалять его хронологически от почерка других мастеров. Наиболее оправданной для надписей на окладах представляется дата середина — вторая половина XI в. Во всяком случае, в русском прикладном искусстве неизвестны надписи более архаические по своему облику, поэтому невозможно относить изготовление окладов намного позже, чем написание самих икон, создание которых (вернее, сохранившейся до наших дней первоначальной живописи иконы «Петра и Павла») специалисты относят приблизительно к середине XI в.

Конечно, невозможно датировать столь значительные произведения русского прикладного искусства, как новгородские оклады, лишь на основании надписей. Остается в силе высказанное А. В. Банк предположение о необходимости монографического исследования этих окладов, чтобы обоснованно определить их место в истории древнерусского искусства. Но уже сейчас историками искусства в общих чертах определен круг аналогий и истоки художественной манеры мастеров окладов. А. В. Банк отметила близость окладов, особенно оклада «Богоматери», к византийским образцам, таким, как оклад Евангелия XI в. из Лавры св. Афанасия на Афоне, изображениям на бронзовых вратах XI в. из Константинополя, а также некоторым эмалям и мраморным рельефам XI — XII вв. В качестве аналогии она приводит чеканные оклады двухчастной иконы «Благовещение» из церкви Климента в Охриде, от-

мечая общее для всех них сочетание сплошного цветочного орнамента фона и ростовых изображений святых на полях и совпадение таких деталей, как оформление скосов икон в виде вертикально расположенных листьев. Хотя относительно датировки охридских окладов существуют разногласия, она склонялась к мысли, что исполнение орнамента и изображений указывает скорее на XI в., чем на XII в. [11, с. 74—76]. Охридские оклады датировал XI в. их первый исследователь Н. П. Кондаков, связывая время изготовления окладов с именем охридского епископа Льва (1054—1057 гг.), имя которого, по предположению Н. П. Кондакова, указано на эмалевой пластине около изображения Богоматери [33, с. 262—270]. Как византийские произведения XI в., связанные с деятельностью епископа Льва, определяет оклады из Охрида С. Радойчич [34, с. 231—234].

Г Н. Бочаров расширяет круг аналогий, включая оклады грузинских икон X — XII вв., ставротеку из Эрмитажа XI — XII вв. и некоторые другие произведения византийского прикладного искусства XI — XII вв. Вместе с тем он отмечает сходство изображений на окладах с такими русскими произведениями, как новгородские кратиры и апостолы из нижнего яруса Большого новгородского Сиона. Указывая на особенности художественного исполнения окладов, находящие аналогии в русском искусстве, Г. Н. Бочаров считает, что в основе своей оба оклада восходят к византийской торевтике XI в. [10, с. 256—259].

Таким образом, обилие аналогий с византийскими произведениями XI в. и особенно палеографическая характеристика надписей дают достаточно оснований для более ранней датировки окладов.

Первые исследователи новгородских окладов довольно осторожно высказывались об их происхождении. Н. П. Кондаков на основании подбора святых на полях, особенно популярных в Новгороде, считал возможным их местное изготовление [33, с. 54—56]. Н. В. Покровский высказывал мнение, что подбор святых не определяет место изготовления [7, с. 85]. Последующие исследователи уже не сомневались в новгородском происхождении окладов. Вероятно, из их аргументов мы должны исключить подбор святых на полях и попытки соотнесения заказа окладов с определенными лицами и событиями новгородской истории. Но такие факты, как аналогии с произведениями новгородской мастерской, должны быть приняты во внимание. Особенно важным является отмеченное Г. Н. Бочаровым детальное сходство окладов с фрагментами, найденными на территории усадьбы XII — XIII вв. новгородского художника Олисея Гречина [10, с. 255, 256], что, по его мнению, свидетельствует как о широко налаженном местном производстве подобных окладов, так и длительном их бытовании [10, с. 255, 256]. Действительно, фрагмент бронзового оклада, состоящий из двух квадратных клейм размером 6,7×6,7 см, найденный в слоях 9-го яруса [35, с. 129, 131, рис. 64], в несколько упрощенной форме повторяет сочетание цветочного орнамента с восьмилепестковой розеттой, разделенного на отдельные клейма ложносканными полосками, как на «корсунских» окладах. Хотя он найден в более поздних слоях, но, конечно, связан с мастерской художника XII — XIII вв., куда попал скорее всего как лом с обветшавшего более раннего оклада, и говорит о том, что серебряные «корсунские» оклады были достаточно популярными в Новгороде и их орнаментальные мотивы воспроизводились в более дешевом и, вероятно, массовом материале.

К сожалению, данные надписей, хотя и свидетельствуют о русском происхождении мастеров, не могут помочь определить его более конкретно. Возможно, что «корсунские» оклады изготовлены в самом Новгороде, может быть, пришлыми мастерами с участием местных ремесленников. Более детальные исследования окладов в будущем могут с большей долей вероятности ответить на этот вопрос. Но уже сейчас мы вправе датировать их несколько более ранним временем, чем это было принято. Новая датировка важна не только для правильного определения самих окладов, но и заставляет иначе взглянуть на некоторые про-

цессы сложения новгородского художественного ремесла, так как именно творчество мастеров окладов «корсунских» икон лежит в основе его дальнейшего развития, представляя собой один из первых дошедших до наших дней опытов переработки византийских художественной и болгарской письменной традиций на местной, русской почве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаврентьевская летопись//ПСРЛ. 1962. Т. 1.
2. *Шахматов А. А.* Корсунская легенда о крещении Владимира//Сборник статей, посвященных почитателями В. И. Ламанскому. Ч. II. СПб., 1908.
3. *Соболевский А. И.* Два слова о «корсунских» предметах//Тр. церковно-археологического общества. Новгород, 1914.
4. *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси//Византийский временник. 1958. Т. XIV.
5. Приложения и протоколы//Известия АН по Отделению русского языка и словесности//СПб., 1858.
6. *Арх. Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. II. М., 1860.
7. *Покровский Н. В.* Софийская ризница в Новгороде. М., б. г.
8. Летопись по архивскому сборнику//Новгородские летописи. СПб., 1879.
9. *Мнева Н. Е., Филатов В. В.* Икона «Петра и Павла» новгородского Софийского собора//Из истории русского и западноевропейского искусства. М.: 1960.
10. *Бочаров Г. Н.* Художественный металл Древней Руси. М.: Наука, 1984.
11. *Банк А. В.* Взаимопроникновение мотивов в прикладном искусстве XI—XV вв.// Древнерусское искусство. М.: Наука, 1977.
12. *Лазарев В. Н.* Искусство Новгорода. М.: Изд-во АН СССР, 1947.
13. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
14. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв.//САИ. 1964. Е1-44.
15. *Гордиенко Э. А., Трифонова А. Н.* Каталог серебряных окладов Новгородского музея-заповедника//Музей: Художественные собрания СССР. Вып. 6. М.: 1986.
16. *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М.: Наука, 1969.
17. *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л.: Аврора, 1971.
18. *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979.
19. *Сотникова М. П.* Палеографический обзор легенд древнейших русских монет// Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л., 1982.
20. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1978.
21. *Константинов К.* Два старобългарских надписи от скални манастир при с. Крепча, Търговищко//Археология. 1977. № 3.
22. *Медынцева А. А.* Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси// СА. 1984. № 4.
23. *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень. М.: Наука, 1979.
24. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв.//САИ. 1983. Вып. Е1-60.
25. *Спицын А. А.* Тмутараканский камень//ЗОРСА РАО. Отд. оттиск. Пг., 1915.
26. *Медынцева А. А., Попконстантинов К.* Надписи из Круглой церкви в Преславе. София, 1984—1985.
27. *Станчев Ст., Иванова В., Балан М., Поев П.* Надписът на чъргубиля Мостич. 1955.
28. *Попконстантинов К.* За четенето и тълкуването на надписа от с. Цар Асен, Силистренски окръг//Археология. 1982. № 3—4.
29. *Рождественская Т. В.* Основні етапи розвиту східнослов'янскої писемності та давньоруська епіграфіка//Мовознавство. 1985. № 5.
30. *Жуковская Л. П.* Реймсское евангелие: История его изучения и текст. М., 1978.
31. *Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М.: Высш. школа, 1980.
32. *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М.: Наука, 1967.
33. *Кондаков Н. П.* Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909.
34. *Radojcic Cv.* Zur Geschihte des silbergetriebenen Reliefs in des byzantinischen Kunst «Tortulae», Studien zu altchristlichen und byzantinischen Monumenten//Römische Quartalschrift. 3 Supplementheft. Rom; Freiburg; Wien, 1966.
35. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.

A. A. Medyntseva

THE SETTING OF THE «CHERSONESE» ICONS FROM NOVGOROD

Summary

The author has investigated, on the greater scale than ever, the widely known settings of the «Chersonese» icons from Novgorod. She has established that their dates are much earlier than it was thought before: the middle-second half of the 11th instead of the early-middle of the 12th centuries. This provides a new perspective of the development of the Novgorodian arts, since it was precisely the masters of setting-making who pushed it further.

Публикации

В. Ф. ФИЛАТОВА

МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ОРОВНАВОЛОК XII

Поселение входит в большую группу разновременных объектов, выявленных на п-ове Оровнаволок на северо-восточном побережье Онежского озера Н. Н. Гуриной [1, с. 118—136], Г. А. Панкрушевым и автором (рис. 1). Из них четыре — Оровнаволок IX, XII, XIV, XV — относятся к мезолиту.

Поселение Оровнаволок XII располагается в 0,3 км от северного (ближайшего) берега Оровгубы, на древней озерной террассе — 50,17—49,08 м абс. выс.; 17,17 м над уровнем озера. Площадь его достигает 2,5 тыс. м^2; с запада и юга оно ограничено подножьями каменистых холмов, с севера — неглубокой ложбиной. Восточная граница проходит вблизи бровки террасы, к подножью которой прилеляется болото. Поверхность террасы ровная, с небольшим уклоном к болоту (рис. 2). Исследования проводились в год открытия (1970) и в 1976 г. двумя участниками в центральной (раскоп I, 380 м^2) и западной (раскоп II, 24 м^2) частях поселения. На современной поверхности раскопа I замечены две впадины. Одна находилась в 10 м от древнего берега, имела подовальную форму, размеры 3,52×2,92 м, глубину 20 см; она оказалась остатком древнего жилища. Вторая отстояла от нее на 5 м далее в глубь берега, была занята мощным кострищем.

Окультуренный слой в раскопах залегал под дерново-подзолистым покровом 4—10 см толщины, представлял собой пылевидный песок темно-желтого цвета мощностью до 30 см. В жилище дерн и подзол достигали 10—16 см, а темно-желтый песок, распространившийся под ними, имел примесь золы на глубину 14—26 см. В 40 см от современной поверхности (а по восточной стороне в 30—36 см) зольность исчезла, слой приобрел красноватый оттенок вследствие воздействия огня и примеси охры и в таком виде продолжался на 10 см вглубь. Ниже происходил процесс постепенного утрачивания красноватости, песок становился желтым, затем светло-желтым и на глубине 65—70 см от современной поверхности стал чистым белым; находки на этом уровне уже не встречались. Последние 10 см снятого слоя составляют зону проникновения в стерильный песок органических частиц. Контакт его с желтым песком (уровень 55—60 см) является нижней частью культурного пласта, т. е. полом жилища. Прокаленно-охристый песок характеризует его внутреннюю часть, а перекрывающий его золистый — вероятно, стены и крышу постройки. Каждая из перечисленных прослоек распространялась шире вышележащей и выходила за границы впадины. Края прослоек на контакте с окружающим культурным слоем темно-желтого цвета клиновидно уходили под него; подобное залегание характерно именно для жилищ. По восточной стороне мощность прослоек была незначительной, края их совпадали с контуром стенок (рис. 3). В толще культурного пласта во впадине выявлены линзы зольно-углистого и прокаленно-охристого песка [1].

[1] Слой снимался условными горизонтами по 10 см с фиксацией на специальных планах всех изменений по подошве каждого из горизонтов.

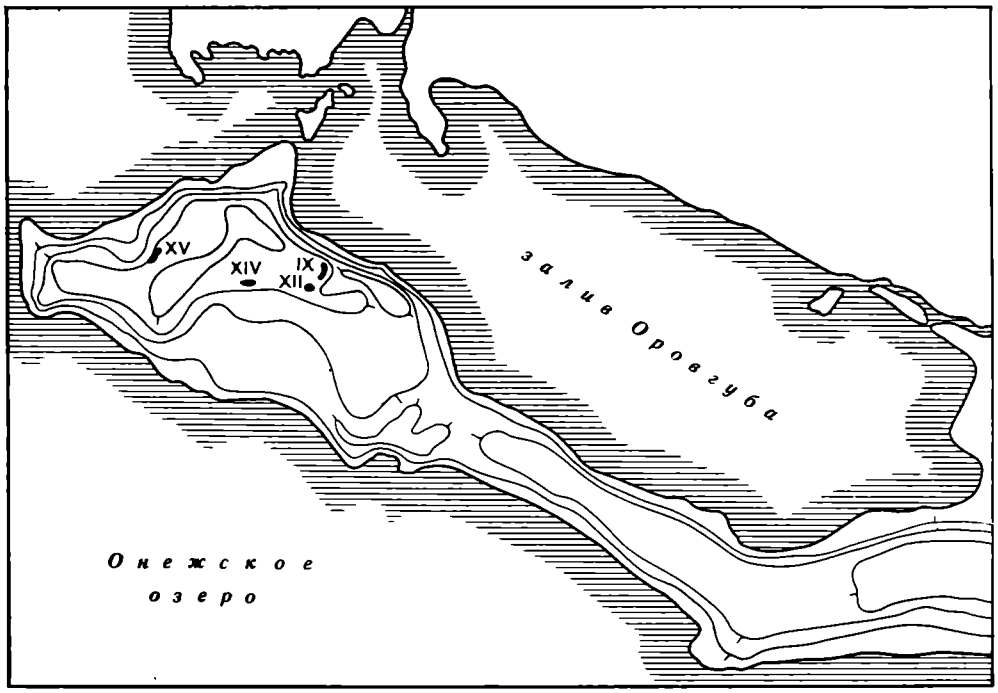


Рис. 1. Схема расположения мезолитических памятников (IX, XII, XIV, XV) на п-ове Оровнаволок

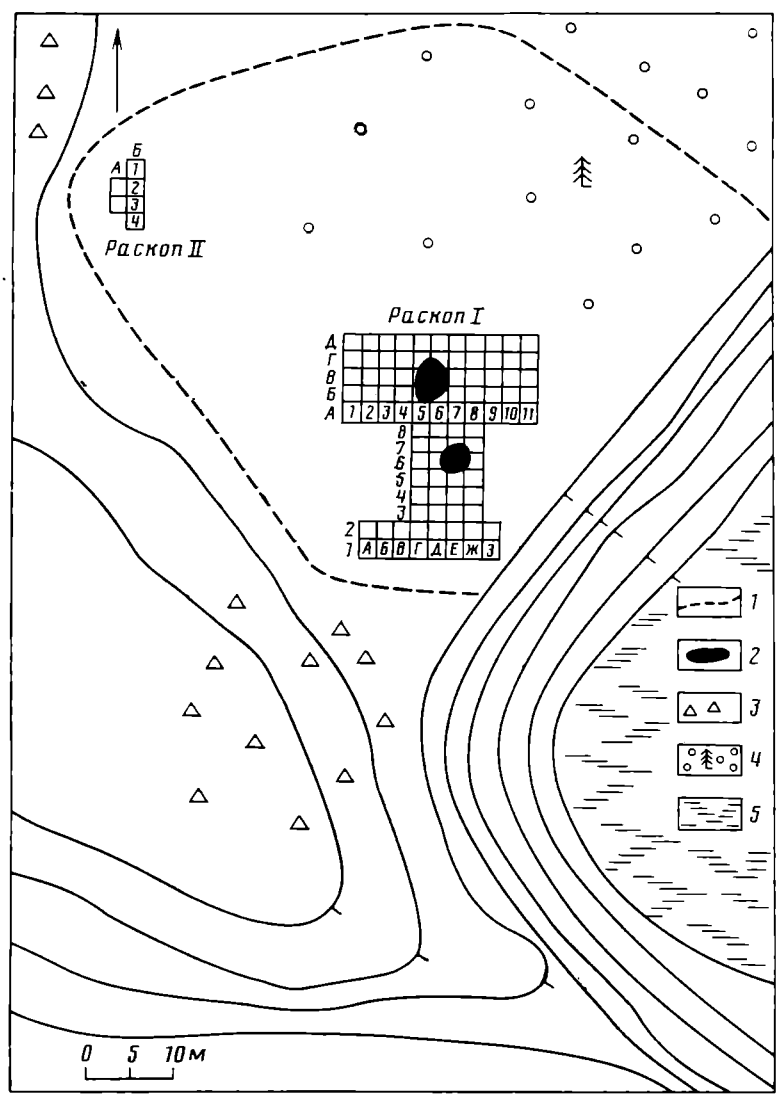


Рис. 2. План поселения Оровнаволок XII. *1* — границы поселения; *2* — границы впадин по современной поверхности; *3* — каменистые холмы; *4* — сосновый лес; *5* — болото

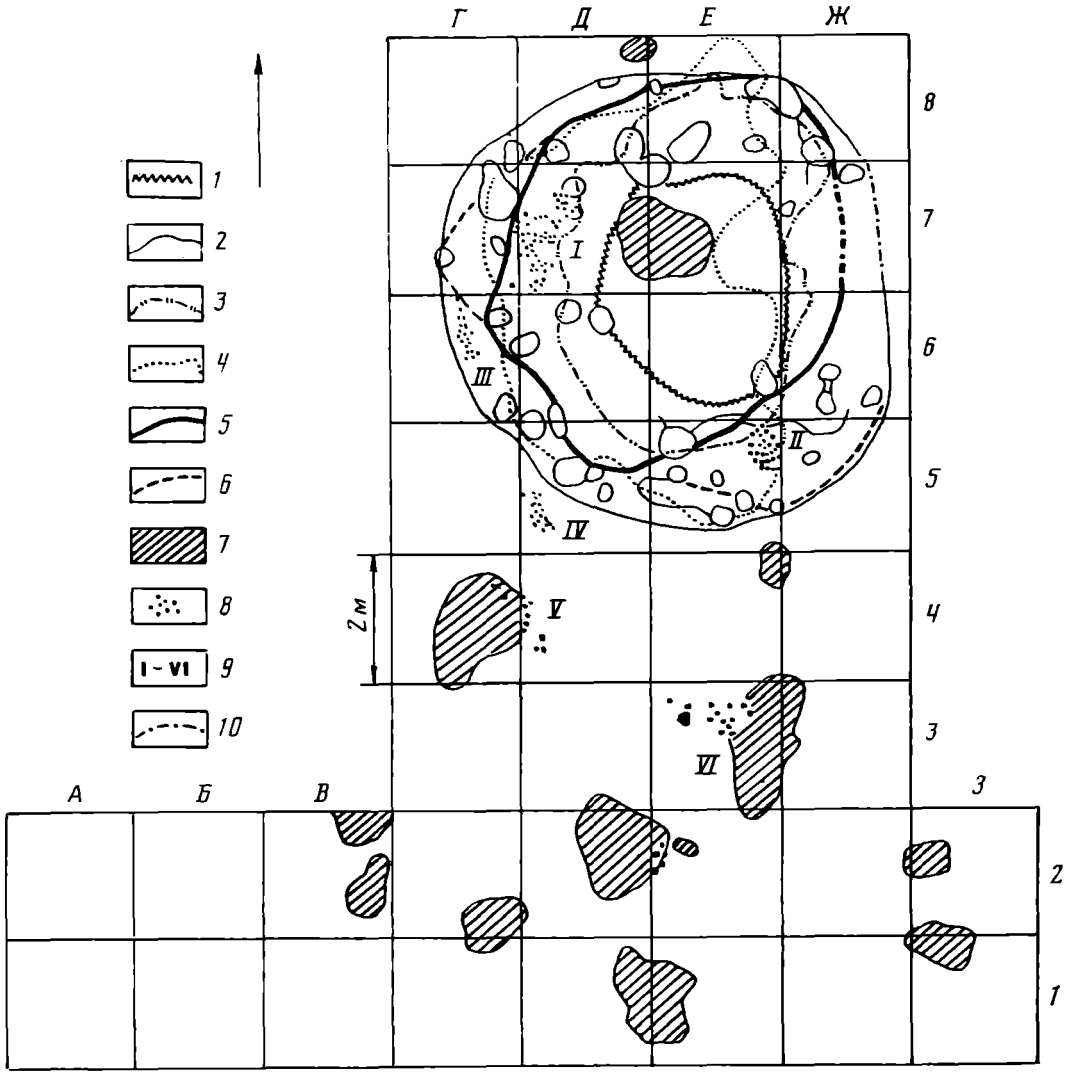


Рис. 3. Поселение Оровнаволок XII. План жилища. *1* — контур впадины по современной поверхности; *2* — контур котлована и ям по материку; *3* — граница зольного слоя; *4* — граница охристого слоя; *5* — контур жилища; *6* — предполагаемый контур стенки; *7* — кострища; *8* — камни; *9* — каменные кладки; *10* — вход в жилище

Расчищенная западина имела подокруглую форму, ровное, углублявшееся к центру дно (рис. 3). Стенки ее представляли собой пологий уступчатый склон. Высота стенок колеблется от 14—22 (южная и западная) до 39 см (северная); восточная сторона имеет вид плавного склона от уровня материка снаружи котлована ко дну его. Площадь впадины по наружной кромке равна 7,4×7,1, по уступу — 5,2×5,2 м, по дну — 20—24 м^2. По стенкам выявлено 17 ям, которые с большей долей уверенности можно считать остатками от столбов, составлявших каркас сооружения. Они прослеживались в нижнем уровне культурного пласта в виде небольших (до 40 см в диаметре) округлых пятен золы или прокаленно-охристого песка, иногда того и другого вместе, углублялись в материк на 11—25, реже до 30—37 см. Одной стороной ямы врезались в стенку, здесь имелись подбои и ниши; противоположные стороны были пологими, иногда сливались с полом и не оконтуривались вовсе. По уступу выявлено 10 древних ям, расположенных через 40 см по южной стороне, по другим несколько реже, но не более чем через 1,4 м; по восточной на расстоянии 4 м ямы отсутствовали. По наружной кромке котлована и по склону до уступа бесспорно древних ям насчитывается шесть или семь, они располагались без определенной системы по всем сторонам, кроме восточной.

Контур постройки очерчивается по уступу (рис. 3). Она была сооружена на ровном участке местности, основание опущено в материк — в

центре на 53—63 см, ближе к стенкам — на 40—44 см [2]. Жилое пространство внутри составляло 20—24 м². Судя по количеству, расположению и форме ям, каркас образовывали 10—14 столбов диаметром не более 30 см, воткнутых в землю по окружности и соединенных вверху. Глубина и форма подбоев в ямах позволяет предположить, что столбы стояли под углом 35—45° Длина их в таком случае достигала 3—3,5—4,5 м, высота жилища в центре внутри — 2—3 м. Каркас, очевидно, был покрыт чем-то легким; дерновое покрытие и засыпка землей, судя по характеру слоя, не применялись. Поверх могли лежать жерди, воткнутые одним концом в землю, о чем свидетельствуют древние ямы вблизи стен снаружи. Пол в сооружении, по всей видимости, был земляным, выстланным какими-то органическими материалами, периодически обновляемыми: соответствующий ему слой не имел никакой специфической окраски или уплотненности. Вход мог располагаться только в восточной стенке. Он имел вид широкого (до 4 м) проема в стене и был обращен на восход в сторону берега. Напротив него в центре жилища размещалось большое кострище (в яме глубиной 10 см), заполненное плотным спекшимся песком; сверху он был красноватым каленым, содержал охру. Охра лежала также кучкой у южного края ямы. За кострищем располагалась каменная кладка (на рис. 3, I). Она занимала участок площадью 1,6×0,15—0,7 м, ориентирована с севера на юг, состояла из некрупных валунов кварцита и песчаника со следами обжига. Камни лежали в один слой в красноватом песке некомпактно, иные в 20 см друг от друга вдоль стенки. Между камнями замечены золистые включения.

Находки в жилище сосредотачивались преимущественно вокруг кладки и кострища. В слое пола найдены три точильных бруска, обломки шлифованных орудий, скребки и ножевидные пластинки (по два). Между кладкой и стеной сооружения лежали нуклеус, пила и скребок. Основная масса вещей собрана в красноватом охристом песке: три пилы, четыре точильных бруска, обломок лезвия тесла, топор, четыре обломка орудий со шлифовкой, восемь ножевидных пластинок, три резца, три нуклеуса, пять скребков, отщепы и осколки с обработкой и следами работы (по 3 экз.). С восточной стороны кострища напротив входа лежала шлифовальная плита, рядом с нею тесло, ножевидная пластинка и осколок со следами работы. Несколько предметов происходят из верхнего уровня золистого слоя: обломок сланцевого орудия, нуклеус, ножевидные пластинки (3 экз.), обломок наконечника стрелы. В месте входа обнаружено два скребка, четыре ножевидных пластинки, два точильных бруска, скобель, обломок сланцевого орудия; снаружи справа около входа в яме лежало крупное землекопное орудие. Инвентарь жилища не имеет отличий от остального, собранного вне его. Значительная мощность и яркая окрашенность слоя в жилище (для условий Карелии), количество и состав находок позволяют считать его местом обитания в течение длительного времени. Два разнотипных источника огня (кострище и кладка) свидетельствуют о приспособленности постройки для проживания в осенне-зимние сезоны. Косвенным доказательством его долговременного характера служит наличие мощного открытого кострища неподалеку, вероятно служившего преимущественно в теплые периоды года. Оно вскрыто во впадине 2 в раскопе 1976 г. (рис. 4). По современной поверхности западина имела подпрямоугольно-подовальную форму, вытянутую с севера на юг с длиной сторон 5,2 и 3,4 м, глубиной 10 см. Под слоем дерна и сероватого подзола толщиной 4—7 см в ней распространился темно-желтый песок с примесью золы. Мощность его достигала 30 см, в западной половине до 50 см, под ним здесь обозначалась группа камней. В центре дна западины песок с самого начала был отчетливого красноватого цвета, зола в нем почти не ощущалась. Под зольным слоем распространился красноватый мощностью 20—30 см; он

[2] Эта глубина вычислена по уровню слоя пола и может быть только наибольшей. Вероятнее всего, основание жилища находилось на глубине 30—35 см, если принять во внимание высоту стенок и уровень залегания кладки I.

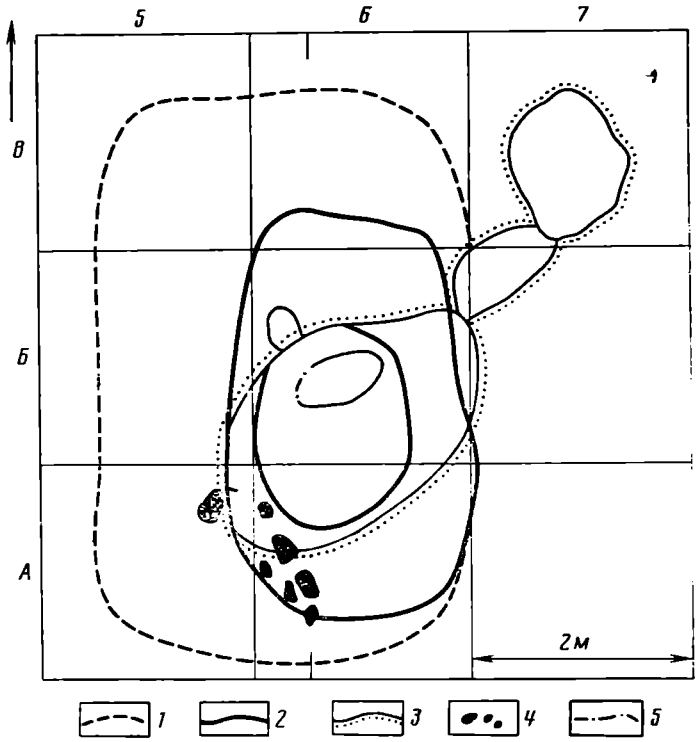


Рис. 4. Поселение Оровнаволок XII. План участка с кострищем. *1* — контур впадины по современной поверхности; *2* — контур впадины по материку; *3* — граница охристого слоя; *4* — камни; *5* — неотчетливый край ямы

подстилался слегка уплотненным светло-желтым песком с коричневыми разводами. Этот последний выклинился на глубине 60—70 см от современной поверхности. Каждая из упомянутых прослоек занимала меньшую площадь, чем вышележащая. Только зольный песок частично заходил на стенки западины, красноватый занимал лишь дно ее. Впадина, таким образом, по мере удаления слоя сужалась ко дну. К восточной стороне ее примыкало слабое понижение (2×4 м), ориентированное в сторону берега и жилища. Слой по нему вверху имел слабую примесь золы, а по мере углубления приобретал красноватый оттенок и исчез на уровне материка. По северной стороне понижения на материке обнаружено два небольших скопления охры. Культурный слой, окружающий впадину и понижение, не имел красноватого оттенка, исчез на глубине 40 см от современной поверхности.

После расчистки впадина оказалась подпрямоугольно-подовальной, с размерами сторон по наружному краю 3,6×2,4 м, с уплощенным дном площадью 1,8×1,2 м. Она ориентирована с севера на юг, имеет глубину от материка до 30 см (от современной поверхности до 70 см), наклонные стенки. Западная стенка почти отвесна, северо-восточная, к которой примыкало понижение, обрисовалась слабо, по юго-западной на материке залегало в один слой 8—10 обожженных камней (диаметром до 30 см). Небольшие размеры впадины, состояние стенок и слоя свидетельствуют о характере ее как большого и мощного долговременного кострища. Основание его было опущено в специально вырытый котлован. Подход к нему осуществлялся с северо-востока (по понижению) со стороны берега и жилой постройки. По нему была подсыпана охра; она лежала также в основании кострища и у камней.

На дне кострищной ямы собраны кварцевые скребки (13 экз.), два долотовидных орудия, два резца, кварцевые и роговиковые ножевидные пластинки, два нуклеуса отщепы со следами работы из кварца (2 экз.) и роговика (1 экз.). В зольном заполнении у камней обнаружены два скребка из роговика, кварцевый резец, поблизости — пила, скребки (10 кварцевых и роговиковый), два резца, долотовидное орудие, кусок

со следами работы и три ножевидные пластинки (все из кварца). Находки того же состава залегали в верхней части слоя: скребки (9 экз., один из кремня), два долотовидных орудия, резец, четыре куска с обработкой, ножевидная пластинка и обломок сланцевого шлифованного орудия. Большинство собранных в кострище предметов — мелкие скребуще — режущие инструменты. Такие же, но в меньшем количестве, находились в жилище. На подходе к кострищу лежало два обломка крупных сланцевых орудий.

На поселении выявлено еще 19 мест, служивших, по-видимому, кратковременными кострищами. Большинство из них располагается вблизи берега к югу от жилища, остальные — около северной и южной его стен и на участке между ним и кострищем во впадине (рис. 3). Все кострища проступили в толще культурного пласта или на материке в виде линз с золой (гл. 5—20 см), иногда с мельчайшими угольками и следами прокаленности. Ямы на их месте имели котлообразную форму, углублялись в материк на 5—7—20 см. У некоторых по краю или на дне лежало по нескольку камней. Мощность зольного слоя в них достигала 10—15 см.

Два кострища отличаются от прочих по характеру залегания слоя. На месте одного (кв. Е/3) в верхней части культурного слоя наблюдалось большое зольное пятно, в нем и вокруг встречалось много мелких камней. На уровне материка от него осталось два небольших скопления золы. В ходе их расчистки выяснилось, что зола частично уходила под материковый песок и распространялась примерно в прежних пределах на участке 2×1 м, на глубину до 9 см; северный угол ямы примыкал к группе камней (рис. 3, VI), которые проступили здесь на уровне от 18 до 38 см от современной поверхности. В яме и вокруг камней отмечалась интенсивная зольность, содержалось много кальцинированных косточек и отщепов кварца. Вероятно, здесь кострище существовало дважды. Первое было устроено на уровне материка и впоследствии было завеяно или засыпано чистым песком. Толщина этой прослойки не более 5 см. Вскоре на ней возникло новое. Таким же по условиям залегания было кострище на кв. Г/4, от которого осталась округлая яма с неровным дном; по восточному краю ее на глубине 34 см от современной поверхности и на 2 см ниже материка лежали камни (кладка V). На дне ямы найден отщеп кварца.

Находки встречались во всех кострищах, состояли из мелких изделий из кварца, осколков, отщепов и кальцинированных косточек. В одном из них (кв. В/8), кроме того, найден точильный брусок, а в другом (кв. Г—8—9) — чешуйки роговика и кварца, кальцинированные кости (на дне ямы); резец, скребок, ножевидная пластинка, три отщепа кварца (во внутренней части); выше у края ямы лежали стамеска, обломок сланцевого орудия, пила, грузило, два долотовидных инструмента, четыре скребка, две ножевидные пластинки, отщепы и осколки кварца (36 экз.) и роговика (22 экз.).

Кроме кострищ вокруг жилища располагались каменные кладки. Одна из них (кв. А/5 в раскопе 1976 г.) залегала в нижнем уровне культурного пласта на глубине 27 см от современной поверхности, состояла из семи небольших валунов, лежащих по одной линии в один слой с запада на восток. Вокруг камней собрано много находок и кальцинированных косточек. Кладка II располагалась у юго-восточной стенки постройки, представляла собой скопление крупных валунов (10—20 см в диаметре), лежащих компактно в один слой на участке 60×80 см. Камни имели следы интенсивного обжига, особенно сильного в центре развала. Они залегали на глубине 36 см от современной поверхности в красноватом песке и были перекрыты культурным слоем с зольной примесью. В пределы зольной линзы, заполняющей впадину вверху, кладка не входила. Находки (две ножевидные пластинки, два скребка, резец, скобель, три обломка шлифованных орудии) отмечены в перекрывающем слое. Кладка III расположена в 1,2 м к юго-западу от кладки I, по стенке впадины между ее наружной кромкой и уступом. Она небольшая, овальной формы, размерами 45×16 см, состоит из таких же кам-

ней, что и предыдущая, лежащих в один слой вплотную друг к другу неровным рядом в направлении СЗ — ЮВ. В 20 см к югу от нее располагалась группа из пяти валунов. Кладка залегала на глубине от 47 до 58 см на материке, в пределы жилищной линзы не входила. Находки в ней состоят из пяти ножевидных пластинок и обломка шлифованного орудия. Кладка IV находится между II и III, снаружи, но вблизи юго-западного угла жилища. Она небольшая (40×28 см), вытянута с северо-запада на юго-восток. Камни лежали на материке в один слой на глубине 32 см и перекрывались культурным слоем. Находок между ними и вблизи не было.

В раскопе II выявлено несколько ям, заполненных зольным или красноватым охристым песком, иногда с примесью угольков. Интересны две из них — овально-округлой формы, с неровным дном, глубиной от края 4 и 8 см, заполненные зольным слоем и засыпанные слоем песка толщиной 20 см с обильным содержанием охры. Находки концентрировались около ям, в нижней части культурного пласта. Обращает внимание присутствие здесь значительного числа абразивов; кроме них найдены скребки, ножевидные пластинки, резцы, отщепы и осколки камня, кальцинированные кости. На участках раскопа вне ям инвентарь залегал преимущественно в верхней части слоя. Здесь найдены топор, стамеска, обломки сланцевых орудий, долотовидный инструмент, скребки, резцы, ножевидные пластинки, точильный брусок.

Каменный инвентарь в раскопах залегал большей частью на глубине от 15 до 30 см, преимущественно в жилище и вокруг кострищ. Коллекция включает 2988 предметов (рис. 5—9); из них 2362 экз. (79%) — отходы производства орудий, среди которых более половины приходится на долю кварцевых отщепов (693 экз.), чешуек (404 экз.) и осколков (172 экз.). Остальное количество распределяется следующим образом: роговик — 16,7% (отщепы — 209 экз., чешуйки — 150 экз., осколки — 36 экз.), сланец — 3,8% (соответственно 56, 28 и 6 экз.), кварцит — 0,8% (9, 1 и 10 экз.) и шифер — 2,6% (11, 1 и 50 экз.). Кремень — единственная импортируемая горная порода — составляет 0,9% (13 отщепов, шесть чешуек, три осколка); а 21,3% всех предметов — мелкие кальцинированные косточки (504 экз.).

Нуклеусов в коллекции всего 20 экз. (1,2% всего каменного инвентаря). Один из них — бессистемно оббитый кусок роговика, остальные — удлиненные кварцевые гальки или небольшие валуны, расколотые пополам одним-двумя ударами или обколотые с одного или обоих противолежащих концов с одной точки вокруг продольной оси (рис. 6, *7*, *8*).

Ножевидных пластинок 114 экз. (4,6% всего каменного инвентаря); изготовлены они из кремня, кварца и роговика. Первых всего семь экз., из них четыре относятся к разряду сечений, два из которых (рис. 9, *6*, *8*) обработаны крутой мелкой ретушью по краю со спинки, третье по краю с брюшка имеет выщербинки (рис. 9, *7*), а последнее не обработано (рис. 9, *5*). Две целые пластинки по краям заломаны и притуплены (рис. 9, *1*, *3*), а одна (рис. 9, *2*) обработана мелкой нерегулярной ретушью по краю. Таким образом, почти половина всех кремневых пластинок и сечений ретушированы, а остальные имеют явные следы использования. Пластинки из роговика (5 экз.) более крупные, вторичной обработке не подвергались, за исключением одной, несущей нерегулярную мелкую ретушь по краю с брюшка (рис. 9, *9*). Среди них отмечено одно сечение с выщербленными краями (рис. 9, *4*).

Ножевидными пластинками из кварца (102 экз.) названы плоские пластины правильной прямоугольной формы с ровными краями без явных признаков отщепа. Менее четкую огранку имеют 53 экз., у них отсутствуют следы работы или обработки. У остальных по краям хорошо заметна притупленность (рис. 9, *10—13*, *15—20*, *22*, *24*) или подправка узкими сколами вдоль по краю или (чаще) с обеих сторон (рис. 9, *14*, *21*). В последнем случае край имеет вид кинжального лезвия. Ретуширование отмечено у 7 экз. (рис. 9, *23*, *25*, *26*, *31—33*). Пластины из квар-

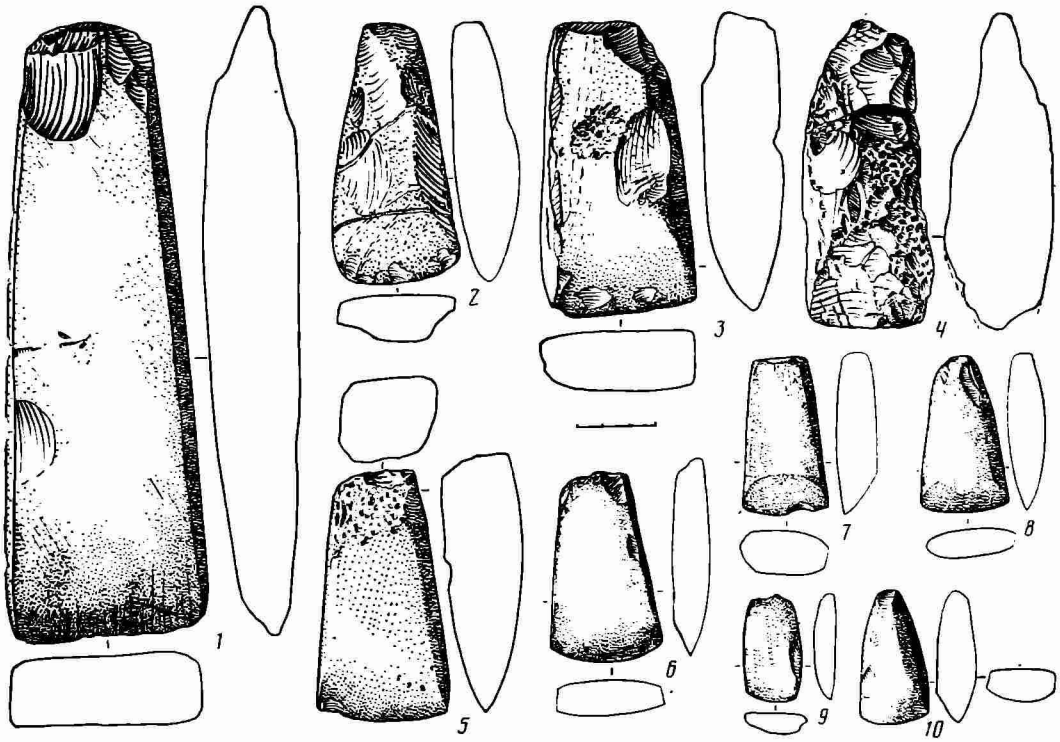


Рис. 5. Сланцевые орудия. *1* — землекопный инструмент; *2—4* — топоры; *5, 6* — тесла; *7—10* — стамески

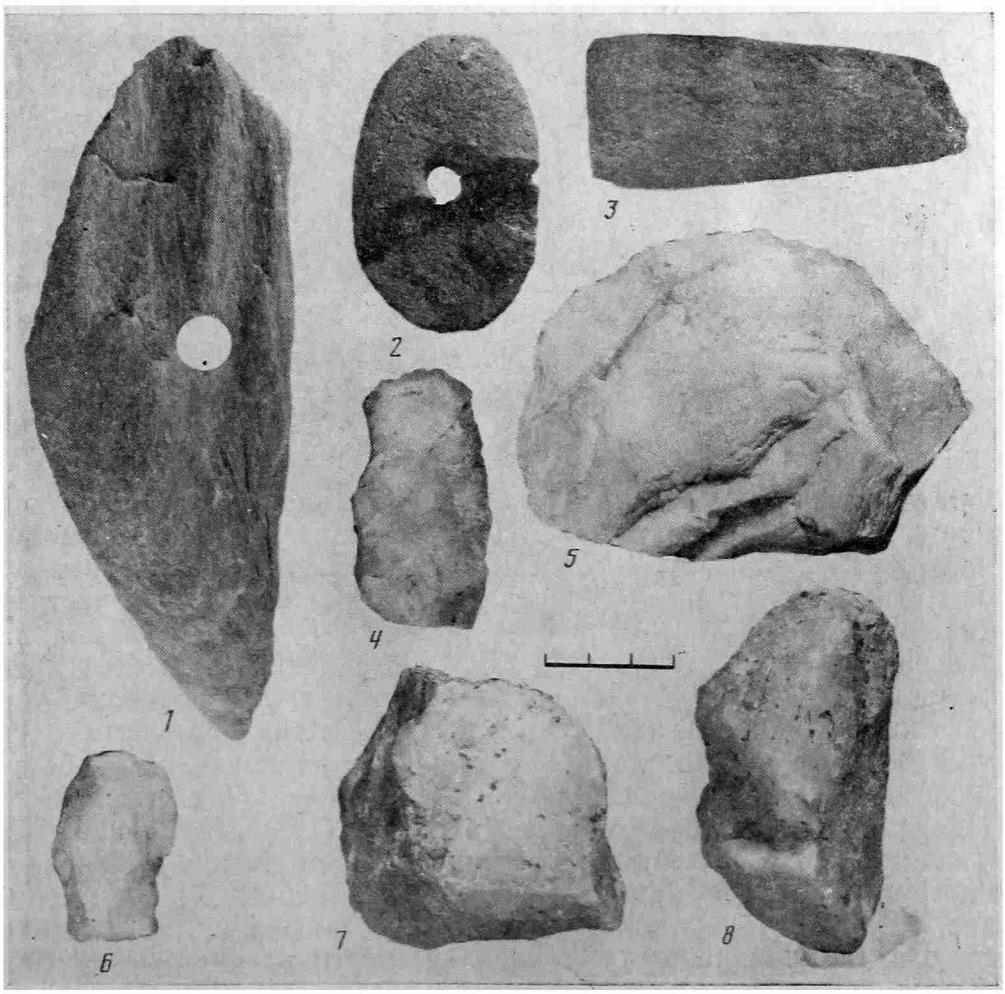


Рис. 6. Каменный инвентарь. *1* — орудие; *2* — грузило; *3* — пила; *4—6* — кварцевые скребла; *7, 8* — кварцевые нуклеусы

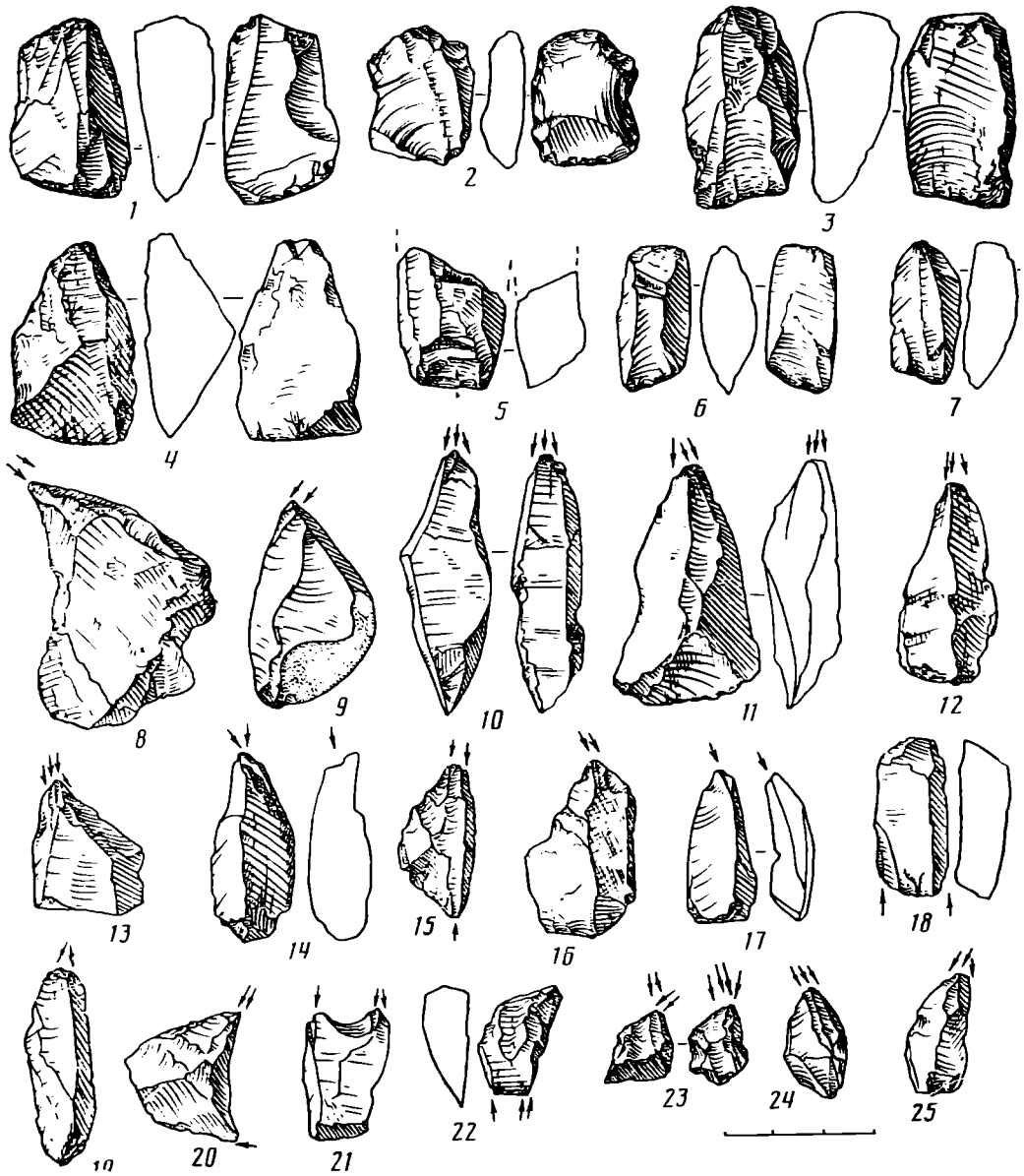


Рис. 7. Каменный инвентарь. *1—7* — долотовидные орудия: *8—25* — резцы, (*1* — роговик; *2* — кремень; *3—25* — кварц)

ца практически не поддаются расчленению на целые и сечения; неясна до конца техника их получения. Но небольшие размеры, правильная форма, прочные, ровные края, явные следы работы, попытки вторичной обработки позволяют предположить использование большей части их в качестве вкладышей.

Непосредственно изделия (483 экз.) составляют 16,1% всех предметов коллекции. Из них 45 экз. сделаны из кости: две подвески, четыре сстрия (возможно, части наконечников стрел) и два фрагмента с орнаментом из прочерченных линий; остальные — неопределимые обломки со следами шлифования, надрезания, надпиливания и сверления.

Изделия из камня представлены 438 экз. (17,9% каменного инвентаря). Для их изготовления использовано шесть видов горных пород; господствующее место занимают местные — кварц (274 экз.), роговик (51 экз.), сланец (45 экз.), кварцит (14 экз.), шифер (29 экз.), песчаник (8 экз.); из кремня найдено 17 изделий. Всего насчитывается 15 различных видов инструментов. Значительное место занимают абразивы (10,5% от числа изделий), в частности сильно изношенные точильные бруски из шифера (26 экз.) и кварцита (3 экз.) и массивные пилы (рис. 6) из кварцита (10 экз.), песчаника (3 экз.), шифера (2 экз.). Шлифовальных плит всего две больших из песчаника; одна найдена в

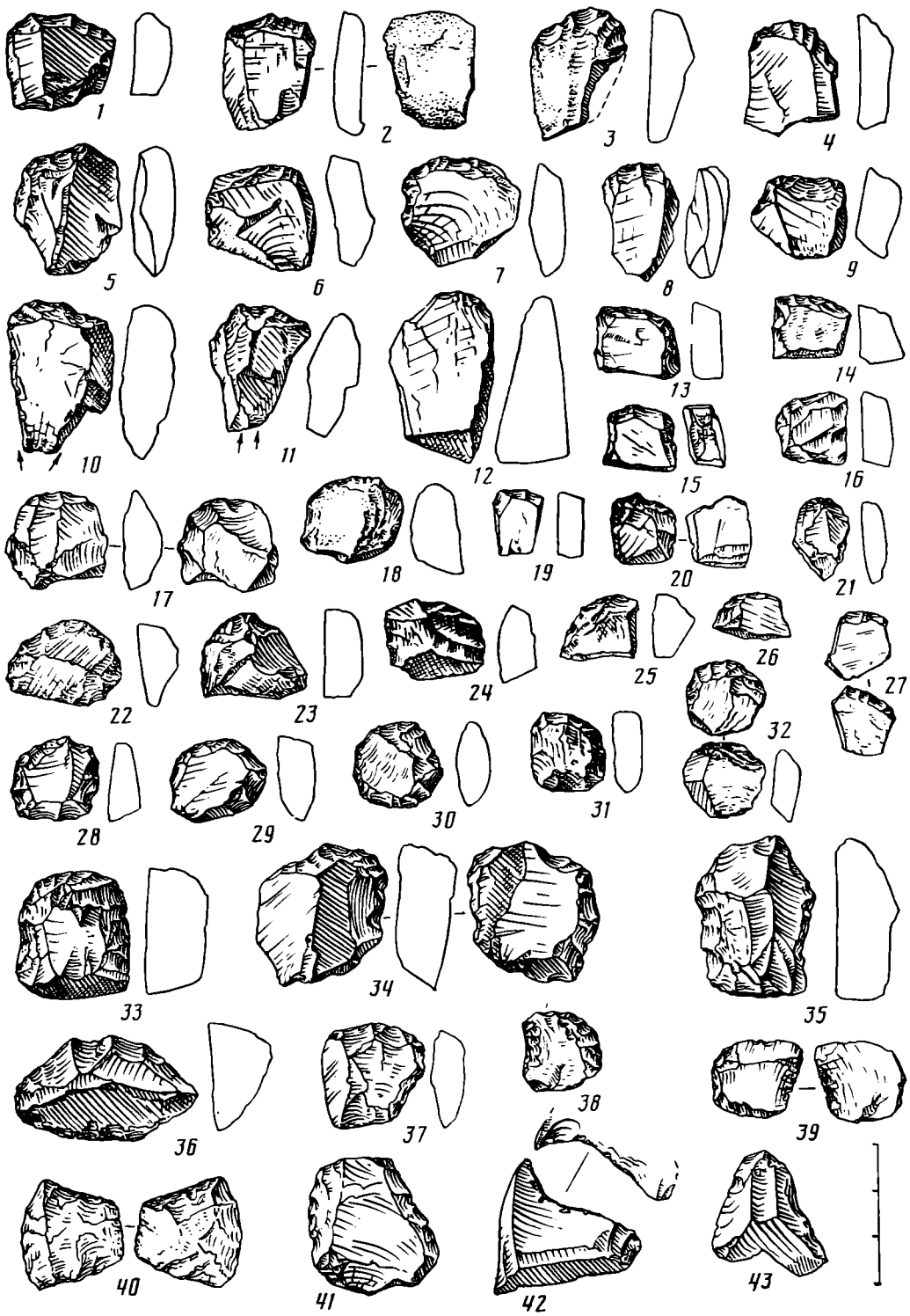


Рис. 8. Каменный инвентарь. *1—39* — скребки; *40—43* — скобели (*1—41* — кварц; *42, 43* — роговик)

жилище у кострища, вторая — за пределами его, но тоже у кострища. Группа абразивов дает наиболее разнообразный набор сырья.

Сланцевые крупные орудия представлены в тех же количествах, что и абразивы (46 экз., или 10,5%), но основная часть их — обломки (33 экз.); целых известно 13 экз. Одно из них (рис. 5, *1*) выделяется крупными размерами, наличием грубых штрихов и царапин по лезвию, направленных перпендикулярно ему, возникших, вероятнее всего, при трении о песчаную почву. Найдено в яме около входа в жилище. Изделие имеет прямоугольное сечение, зауженный и утоньшенный на клин обух, расширенное лезвие, первоначально оформленное сколами, а затем асимметрично заточенное. Поверхность орудия зашлифована грубо и небрежно; в центре одной из широких плоскостей точечными ударами

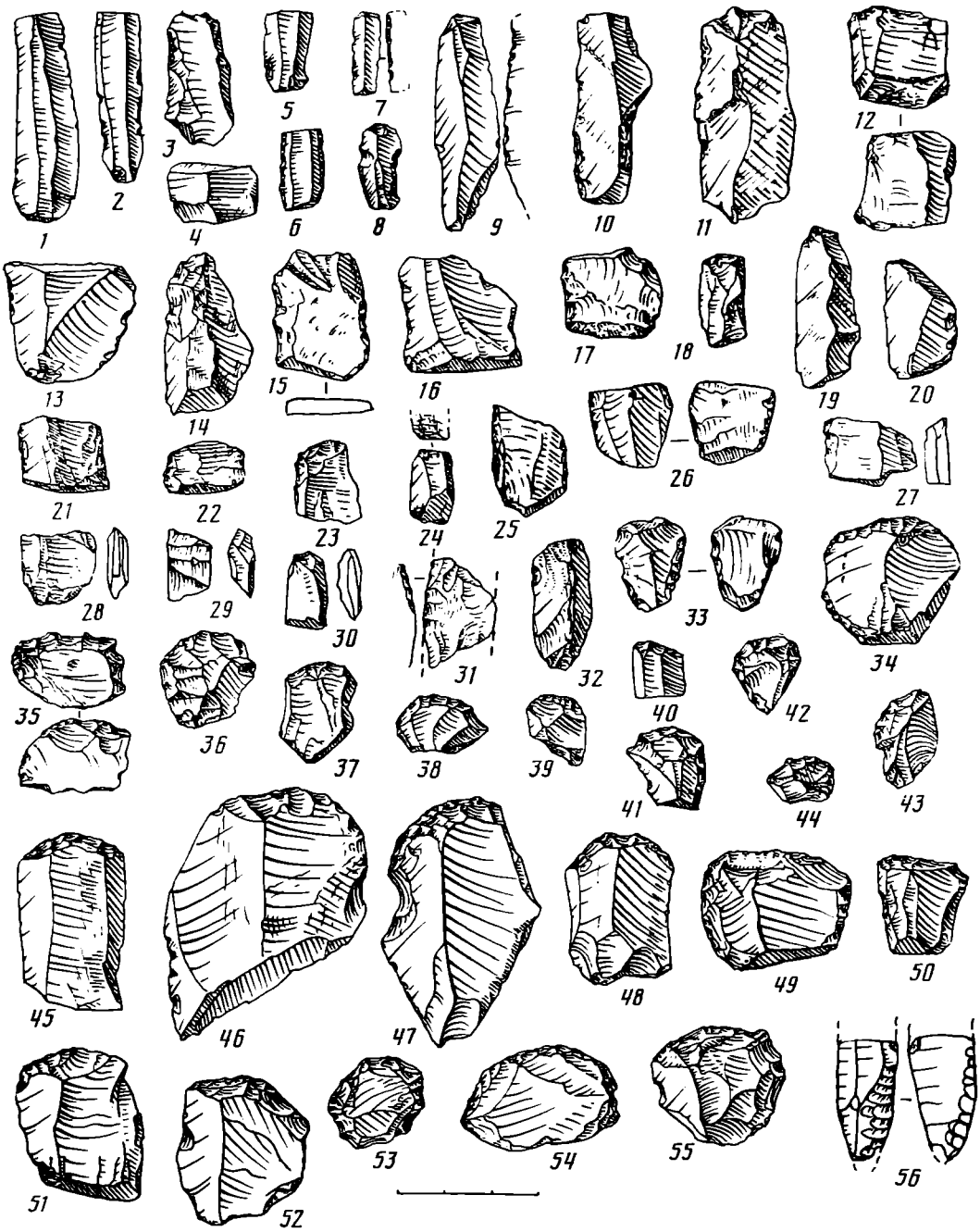


Рис. 9. Каменный инвентарь. *1—33* — ножевидные пластинки, *34—55* — скребки, *56* — наконечник стрелы; (*1—3, 5—8, 34—44, 56* — кремень: *4, 9, 45—55* — роговик; *10—33*— кварц)

выбито небольшое углубление. Три других изделия являются топорами, по форме повторяют вышеупомянутое. Лезвийный конец у одного из них незашлифован, а обит и несет явные следы работы; одна широкая плоскость зашлифована, противоположная обработана пикетажем (рис. 5, *4*). Второй топор имеет грубую шлифовку по всей поверхности, он несколько уплощен и округлен с боков (рис. 5, *2*). Третий экземпляр отличается толстым обушным концом, хотя и зауженным с боков (рис. 5, *3*). Поверхность, кроме обушной части, зашлифована, на обеих широких гранях имеются небольшие углубления, сделанные точечной ретушью. Тесла (3 экз.) своими очертаниями повторяют топоры, отличаясь от них более совершенной зашлифовкой (рис. 5, *5*, *6*). Только одно из них (обломок) имеет дугообразное лезвие; во всех прочих орудиях из сланца подобная форма рабочего конца не наблюдалась. Весьма схожи с теслами стамески (5 экз.), более мелкие по размерам, зашлифованные столь же тщательно (рис. 5, *7—10*). Три из них остробушные, две имеют обух, равный по ширине лезвию; они сделаны не

из плиточек, как первые три, а из обломков (отщепов) крупных орудий.

Сланцевый комплекс дополняется изделием в виде зашлифованной плитки ромбической формы, утоньшенной к краям, по которым наблюдаются поперечные штрихи и вмятины, с круглым отверстием диаметром 1,5 см в центре, просверленным с двух сторон без предварительного пробивания (рис. 6, *1*). Назначение его неясно, отдаленно (по форме и наличию отверстия, сточенным краям) оно напоминает поделки из красного сланца из мезолитических стоянок Пиндуши IV и Оровнаволок IX [2, с. 97, прилож. V, рис. 5, *3*].

Орудия производственного назначения представлены грузилами для сетей (3 экз.) из необработанных небольших песчаниковых галек с отверстием посредине, сверленным с двух сторон с предварительным пробиванием (рис. 6, *2*) и насадом наконечника стрелы иволистной формы из кремневой ножевидной пластинки, обработанным со спинки по одному краю плоской ретушью и такой же с противолежащего края с брюшка (рис. 9, *56*).

Значительную долю в коллекции составляют долотовидные орудия (29 экз., или 6,6%). Поэти все они (26 экз.) изготовлены из кварцевых осколков, имеют подпрямоугольную форму, плоское брюшко и высокую спинку, сформованную продольными сколами, желобчатый рабочий конец, образованный одним поперечным сколом с брюшка (рис. 7, *3—7*). Одно орудие имеет два таких противолежащих конца; у других обух толстый, несет следы ударов. Размеры орудий варьируют от 2×1×0,5 см до 4×2,5×2 см. Один долотовидный инструмент сделан из роговикового трехгранного осколка; лезвие его сформовано мелкими сколами, сильно сработано (рис. 7, *1*); два (рис. 7, *2*) по форме и технике исполнения идентичны кварцевым, но изготовлены из продолговатых осколков кремня без вторичной подправки. Лезвийный конец у них желобчатый, сформован одним сколом.

Самыми многочисленными являются инструменты скребущих функций. Наиболее многочислены скребки (177 экз.). Кремневых скребков всего 11, в том числе 8 микроформ. Размеры остальных средние. Один скребок сделан на конце ножевидной пластинки, имеет почти прямое крутое лезвие (рис. 9, *40*). Заготовками для других послужили аморфные отщепы (4 экз.) и осколки (6 экз.). Среди них различаются концевые из отщепов (рис. 9, *34*, *36—38*) и осколков (рис. 9, *39*, *41—43*) с дугообразным рабочим краем и округлые из осколков с трехсторонним лезвием (рис. 9, *35*, *44*). Скребки из роговика (39 экз.) отличаются значительными размерами, массивностью крутой или (чаще) пологой ретушью по лезвию со спинки. Большинство из них относится к типу концевых (23 экз.), из них 11 изготовлены из укороченных (чаще) или массивных удлиненных пластинок. Лезвия у последних преимущественно дугообразные (рис. 9, *45—50*). Концевые формы из отщепов выделяются пологим, хорошо отретушированным скребущим краем дугообразных очертаний (рис. 9, *51*, *52*). Остальные скребки сделаны из отщепов, имеют округлую (5 экз.) или полуокруглую форму (9 экз.), выпуклую спинку, крутое лезвие по трем сторонам (рис. 9, *53—55*). Два изделия — обломки.

Кварцевые скребки (127 экз.) — самые многочисленные не только в группе скребков, но и среди всех прочих изделий (28,9%). Большинство имеет средние размеры, а 21 экз. очень маленькие. Для их производства использовались ножевидные пластинки (9 экз.), осколки (15 экз.) и отщепы (58 экз.). Скребки из пластинок относятся к микроформам, по типу — к концевым с прямым или слегка дугообразным лезвием, иногда чуть скошенным (рис. 8, *13—16*, *19—21*, *26*), один из них двойной концевой (рис. 8, *27*). Скребки из осколков небольшие (семь из них микролитические), концевые с дугообразным лезвием, грубо и круто сформованным со спинки (рис. 8, *10—12*). Формы из отщепов наиболее выдержаны по очертаниям и разнообразнее типологически. 25 из них концевые с прямым или дугообразным лезвием, сформованным со спинки крутой крупной ретушью (рис. 8, *1—9*). Остальные отличаются

округлой (10 экз.) или полуокруглой (23 экз.) формой, высокой спинкой, совершенной ретушью со спинки по трем сторонам или по всему периметру (рис. 8, *17—18*; *22—25*; *28—32*). Кроме упомянутых форм скребков из кварца следует отметить четыре комбинированных инструмента (со скребковым и скобелевым лезвиями), изготовленных из отщепов (рис. 8, *37*, *38*) и четыре скребка из толстых массивных пластин с крутым лезвием, оформленным со спинки перпендикулярной ретушью по трем сторонам (рис. 8, *33*, *35*) или по всему периметру (рис. 8, *36*). У одного из них лезвие по одной стороне сформовано со спинки, а по трем другим — с брюшка (рис. 8, *34*). Остальные кварцевые скребки классификации не поддаются: 8 из них — обломки, 29 — аморфные из осколков и отщепов.

Прочие скребущие орудия маловыразительны. Скобели (по два из кварца и роговика; рис. 8, *40—43*) сделаны из отщепов и осколков, обработка которых состоит в оформлении широкого пологого выема сколом или грубой ретушью. Скребел обнаружено 4 экз.; одно изготовлено из большого кварцитового отщепа, имеет полуокруглую форму, дугообразное лезвие, ретушированное крупно со спинки. Другие напоминают кварцевые скребки из массивных пластин (рис. 8, *33—36*), имеют тот же характер обработки рабочего края (рис. 6, *4—6*).

Кварцевые орудия, названные резцами (39 экз., или 8,9%), объединяет форма, способ оформления рабочего конца, следы работы. Они, вероятно, имели то же назначение, что и кремневые резцы, но производились обычно из осколков, наиболее прочный конец которых оформлялся одним — тремя сколами с одной точки вдоль, иногда продолженными на тело заготовки. Такой конец имеет вид заточенного карандаша. Следует выделить 5 резцов в виде удлиненных четырехгранных осколков с карандашевидным рабочим концом. Сам кончик у них смят, грани вокруг притуплены. Возможно, эти изделия выполняли функцию сверл (рис. 7, *10—12*, *15—17*). 10 резцов представляют собой необработанные осколки с широким и плоским одним концом, в профиль клиновидным, несущим смятости и заломы. Они напоминают долотовидные орудия, но отличаются от них узким лезвием (рис. 7, *18*, *22*). Четыре других резца из осколков отличаются средними размерами (3,5×1,5×1,3 см), прочным граненым (сформованным тремя — пятью сколами) рабочим концом (рис. 7, *9*). Им близки по облику рабочего конца 11 микроформ (рис. 7, *23—25*). Остальные девять орудий изготовлены из нуклевидных отщепов (рис. 7, *13*, *14*, *19*). У трех из них рабочий конец изогнут наподобие клюва попугая (рис. 7, *8*), у одного наблюдается два таких конца (рис. 7, *20*); еще один резец скомбинирован со скобелем, причем резцовых концов два, а скобелевидный располагается между ними (рис. 7, *21*).

Остальную часть изделий, причем немалую (20,3%), составляют необработанные вторично мелкие отщепы или осколки кварца (77 экз.), роговика (9 экз.) и кремня (3 экз.) с заломами, притупленностью или частичным ретушированием (редко) на одной из сторон.

Вещевой комплекс поселения в сфере производства орудий характеризуется доминированием местных видов сырья. На первом месте изделия из кварца (65,1%): 274 орудия и 49 пластин со следами применения или обработанных. Следует учесть, однако, что подавляющая масса кварцевого инвентаря — скребки. Среди прочих горных пород значительным удельным весом обладают роговик (10,6%) и сланец (9%). Остальные использовались значительно реже. Роль кремня как сырья невелика (4,8%); число видов изделий из него то же, что и из сланца, но меньше, чем из кварца.

Данный комплекс отличает сравнительно высокий уровень специализации сланцевых орудий для работ по дереву. Заготовкой для них служила массивная плитка или плоский кусок, при изготовлении использованы различные методы, главным образом обивка и пикетаж как единственные или завершающие приемы. Шлифование применялось преимущественно по отдельным плоскостям и для заточки лезвия. Степень

его совершенства невысокая. Пиление камня на поселение неизвестно. Техника пиления применялась в производстве орудий из кости, что подтверждается значительным числом поделок из нее (0,9%), а также наличием пил.

В производстве изделий из кварца и кремня в качестве заготовки чаще всего использован осколок (49,8%). Однако набор орудий из них очень ограничен, почти все они кварцевые, это прежде всего резцы и долотовидные инструменты. Скребки составляют лишь 15,9% от общего числа орудий, изготовленных из осколков. Для комплекса более типичной следует признать технику отщепа. Из них произведено 31,3% изделий. Этот вывод подкрепляется количеством отщепов и чешуек в группе отходов (53,3%, а вместе с чешуйками 85%). Отщепы преобладают и в наиболее значимых изделиях, например 68,2% скребков изготовлено из них. Они использованы для скребел и скобелей. Частое применение находили пластинки. Готовые формы из них и пластины со следами применения и обработки составляют 18,9% всех изделий. В большинстве случаев пластины использовались в качестве вкладыша. В группе скребков они составляют лишь 15,9%. Базой для пластинчатой индустрии является местный кварц. Кремень, по всей вероятности, расщеплялся на поселении, о чем свидетельствует сходство приемов его обработки с использованными для кварца. С другой стороны, кремневые нуклеусы в комплексе отсутствуют; не исключено, что ценность кремня как сырья заставляла использовать нуклеус полностью.

Если рассматривать орудия комплекса по количественному признаку, то наиболее массовыми будут скребки (40,4%), пластинки — вкладыши (18,9%), а также резцы (8,9%) и долотовидные инструменты (6,6%). Меньше использовались точильные бруски (5,8%) и пилы (3%). Остальные орудия единичны, в том числе шлифовальные плиты и крупные сланцевые инструменты (от 0,2 до 1%).

Комплекс Оровнаволок XII отличает общая микролитоидность, выраженная в миниатюрности скребков (21,9% микроформ), резцов, долотовидных орудий, вкладышей, незначительных размерах отщепов и т. п. Она сосуществует с массивностью и значительными размерами сланцевого инструментария. Типологический анализ инвентаря показывает его однородность. Все сланцевые орудия, по сути дела, выглядят одинаково: они подпрямоугольны в сечении, плоски, расширены у рабочих концов, заужены у обуха, часто утоньшенного по сравнению со средней частью. Столь же однотипны и другие. Разнообразнее в этом отношении выглядят скребки и резцы. Техника изготовления мелких орудий состояла в основном в оформлении ретушью рабочих концов; тело заготовки обычно оставалось без дополнительной подправки. Ретуширование известно во многих его видах, но чаще использовалась крутая или полукрутая мелкая, лучше всего выраженная на скребках, кремневых изделиях и вкладышах. Кварцевые эквиваленты последних помимо ретуши оформлялись характерным сколом, напоминающим технику оформления рабочего конца у резцов. Применение имел траншевидный скол при формовке лезвия долотовидных инструментов. Несколько напоминает его способ подготовки лезвия к заточке шлифованием у сланцевых орудий.

Инвентарь Оровнаволок XII по основным характеристикам (технике изготовления, форме, составу и количественному распределению, типологическому набору) заметно отличается от комплексов типа Суны XIII, Шелтозера XV, представляющих этап становления местной мезолитической индустрии [3, с. 31—51; 4, с. 52—69]. Отдельные архаичные черты выступают как пережиточный момент. На сланце они проявляются в типологической однородности орудий, применении пикетажа и обивки в качестве единственных методов формовки, использовании нешлифованных лезвий. Среди скребков велика роль концевых из отщепов, встречаются их формы из массивных пластин и с рабочим концом в форме клюва попугая. Весьма заметны различия с индустрией финального мезолита, известной по таким стоянкам, как Оленеостровская [5, с. 132—139], Сулгу IX, Малая Суна V, Кудома I [6, с. 21—57]. Так, пиление

камня на Оровнаволоке XII применялось, по-видимому, не часто, также как шлифование топоровидных орудий по всей поверхности. Отсутствуют здесь и типичные для этого периода кирки, долота из свинца; мало грузил для сетей, скребков с круговой отретушировкой и т. д. В целом вещевой материал Оровнаволока XII обнаруживает наибольшую близость с такими памятниками, как Сулгу IV [6, с. 24—41], Муромское VII [7, с. 120—128], Пегрема VIII [8, с. 39—43], Оровнаволок IX, Пиндуши XIVa (раскопки автора) и др. В техническом отношении сходство проявляется в использовании частичного шлифования поверхности сланцевых орудий, в методах скалывания пластин из кварца и обработки их краев, крутого ретуширования скребковых лезвий, оформлении резцов и долотовидных инструментов и т. д. В Оровнаволоке XII установлены те же типы и формы сланцевых орудий (землекопные, ромбические изделия с отверстием в центре, наконечники стрел), но несколько видоизмененного облика. Близки количественные соотношения видов сырья и состава орудий. Сходство с упомянутыми памятниками проявляется в форме хозяйственно-бытовых сооружений и принципах их возведения. Постройки, подобные вышеописанной (слегка углубленные в землю, округлые в плане), известны в Пегреме VIII, Муромском VII. Они отличаются от подпрямоугольных полуземляночных жилищ более раннего этапа, вскрытых на Оровнаволоке IX, XIV — XV. Все сказанное позволяет считать данный памятник типичным для развитого этапа местного мезолита. Время его существования относится примерно ко второй половине VI тыс. до н. э.

В результате радиоуглеродных определений образца торфа из болота, к берегу которого причленен памятник, получена дата 6740±50 л. н. Жизнь на поселении должна была прекратиться несколько раньше (на 200—300 лет), на рубеже VI—V тыс. до н. э., т. е. примерно в то же время, которое устанавливается типологическим способом.

На полуострове и в окрестностях поселения были произведены Э. И. Девятовой палеогеографические работы. На основе геолого-геоморфологического строения, гипсометрического положения, состава осадков, палинологических определений изучена и продатирована серия древних террас. Реконструирован процесс формирования полуострова, его природной среды, изменения береговой линии, растительность, климат, выявлены связи между заселением отдельных участков и природными процессами [9]. П-ов Оровнаволок представляет собой длинную узкую гряду, выдвинутую в озеро в направлении ЮВ — СЗ, параллельно береговому склону, в геоморфологическом отношении — сложный комплекс, сходный с конечно-моренным. В дальнейшем формировании гряды участвовала водно-ледниковая аккумуляция; в результате на склонах образовалась серия абразионно-аккумулятивных и аккумулятивных озерных террас. Наиболее древняя поверхность полуострова (вершинные части на отметках 66,71—61,35 м абс. выс) сформировалась в позднеледниковье (10,2—10,3 тыс. л. н.) и представляла собой цепочку небольших каменистых островков, непригодных к обитанию. Начавшееся изостатическое поднятие постепенно увеличивало их площадь, но еще в пребореальный период (10,2—9,3 тыс. л. н., терраса 59,18—56,22 м абс. выс.), несмотря на уже созданный почвенный покров, появление травянисто-кустарниковой растительности, островки к заселению человеком не были пригодны. В бореальное время сформировалась терраса высотой 55,15—50,12 м; островки в северо-западной части полуострова были объединены в один массив размерами 3×0,3—1,5 км, вполне удобный к постоянному и длительному обитанию. Остальная часть его представляла собой архипелаг островков. В первой половине бореала в растительности острова преобладали сосна и береза, вересковые и злаки. К концу периода отмечено возрастание ели. В атлантическое время образовалась третья терраса (49,09—44,11 м абс. выс.). Северо-западная часть полуострова по-прежнему оставалась островом, несколько увеличившимся в размерах. Растительность острова создавали в основном травяные березняки с небольшим количеством сосняков и примесью

древесных широколиственных пород (главным образом вяза и орешника). В середине атлантического периода (6,7—6,5 тыс. л. н.) одновременно с подъемом земной коры произошел резкий спад уровня озера. В результате снижения влагообеспеченности доминирующей породой на острове стала сосна. Во второй половине периода, как и в суббореале, уровень озера был нестабильным. В первой половине суббореала в результате подъема земной коры, колебаний уровня озера и аккумуляции озерных отложений впервые закрылся пролив между островом и континентом. Озерные террасы, созданные на полуострове в результате подъема Балтийского щита, прерываемого стабильными состояниями его, колебаний уровня озера, размыва и накопления отложений, были местом обитания людей. Размещение памятников определялось прежде всего формированием бореальной террасы и выходом промежуточных уровней ее из-под уреза воды.

Четыре мезолитических поселения (Оровнаволок IX, XII, XIV, XV) находятся в непосредственной близости друг от друга на небольшом участке, который вплоть до суббореального периода был островом. Памятники, судя по их площади (более 2,5 тыс. м^2), наличию мощного культурного слоя с богатым и разнообразным содержанием культурных остатков, в том числе жилищ, являлись длительными и постоянными местожительствами больших коллективов. Одновременное существование даже двух из них на столь ограниченном пространстве представляется невозможным. Они возникали непосредственно один за другим или после непродолжительного перерыва по мере освобождения от воды поверхностей, обеспечивающих удобное обитание. По определениям Э. И.Девятовой, три поселения (XV, XIV, IX) размещаются на бореальной террасе, сформировавшейся в регрессивную стадию уровня озера. Регрессия развивалась синхронно с подъемом Балтийского щита. Терраса имеет три промежуточных уровня. На верхнем мезолитические объекты не известны, но возможность их существования здесь не исключается. На срединном уровне располагается поселение XV. Благоприятные условия для заселения пологого берегового склона на его месте сложились около 8500—100 (200) л. н. Ранее установлено повышенное стояние воды в озере (не ниже 55 м абс. выс.), участок был затоплен. Поселение XIV находится в 1 км к юго-востоку от предыдущего, размещается на нижнем уровне террасы вдоль ее южной бровки, круто обрывающейся к поверхности атлантической террасы. Освоение данного места произошло позднее; продолжавшееся снижение уровня озера не препятствовало этому благодаря расположению участка с поселением на крутом берегу. Существование поселений Оровнаволок XV и XIV приходится, таким образом, на вторую половину бореального периода. Археологические материалы не противоречат этой датировке. Оба памятника содержат много общего в вещевых комплексах, в формах и типах жилых и хозяйственных сооружений и заметно отличаются по этим показателям от двух других.

Оровнаволок IX находится в 400 м к северо-востоку от поселения XIV,в 1,5 км к востоку от поселения XV и в 80 м на север от Оровнаволока XII (рис. 1), на срединном уровне бореальной террасы вдоль ее северо-восточной и восточной бровки. Поверхность террасы на месте поселения с севера круто обрывается к озеру, к юго-востоку полого понижается и завершается пологосклонным уступом.

С востока этот уступ обрывается к поверхности болота (возникшего на месте залива), а с юга к нему причленена небольшая ложбина, отделяющая это поселение от Оровнаволока XII. Границы Оровнаволока IX с севера, востока и юга оконтурены краем террасы, а с запада одним из береговых валов, прослеженных на ней. Поселение вытянуто в соответствии с простиранием террасы с севера на юго-восток на 160—180 м; ширина в северной части около 60 м, в южной до 30 м. Наиболее высокая северная часть его была пригодна к заселению примерно с того же времени, что и площадь на месте поселения XV. В связи с продолжающейся вплоть до начала атлантического периода регрессией озера

удобнее для заселения становилась более пологая юго-восточная часть террасы, обращенная к заливу. Существование поселения в этой пониженной части было возможным в максимум среднеголоценовой трансгрессии, последовавшей за регрессивной фазой озера второй половины бореала. Уровень его в это время (начало атлантического периода) повысился до 50 м абс. выс. Нижний уровень бореальной террасы местами оказался подтопленным, в результате чего поселения раннеатлантического времени могли занимать площади, освобожденные от воды раньше, в бореале. Одним из них могло быть Оровнаволок IX. Для него имеется дата по ^{14}C, полученная по материалам (углю) среднего участка площади — 7720±100 л. н. Дата подтверждает раннеатлантический возраст этой (пониженной) его части. Таким образом, время, в течение которого было возможно обитание на всей площади памятника, охватывает период от 8500—100 (200) до 7720±100 л. н.— конец бореального и начало атлантического периодов, т. е. более 500 лет. Археологические материалы свидетельствуют в пользу этой датировки. В инвентаре с обеих частей поселения явных различий не наблюдается. Но следует отметить близость жилых и хозяйственных сооружений и отдельных форм орудий его северной части и поселений XV и XIV, раннеатлантический возраст которых, если судить по их топографии и геологии, маловероятен. В юго-восточной части вскрыты идентичные жилища, но там имеются также постройки, аналогичные сооружениям Оровнаволока XII, хотя тип жилищ последнего другой. Факты, полученные в процессе раскопок поселения IX, позволяют уверенно говорить о целостности памятника, о длительном и беспрерывном существовании его. Освоение его огромной площади шло, вероятнее всего, без всякого перерыва (или он не отразился в материальной культуре), но поэтапно, по частям, с севера на юг [10, с. 29—119].

Южная граница поселения IX оконтурена уступом срединного уравня бореальной террасы. К подножью его с юга прилежит небольшое ложбинообразное понижение. Оно открыто на север, в небольшую бухточку древнего залива, теперь болота. Днище последнего находится на срединном уровне атлантической террасы (46,41 м абс. выс.). С юга и запада поверхность понижения ограждена отрогами водно-ледниковой гряды в виде невысоких каменистых холмов. С восточной стороны она оканчивается пологовыпуклым уступом, обрывающимся к болоту. Эта поверхность сформировалась на регрессивной волне среднеголоценовой трансгрессии, но еще при высоком стоянии воды. Если во время максимума трансгрессии уровень ее достигал 50 м абс. выс., эта поверхность могла стать пригодной к заселению не ранее как в интервал 7500—7000 л. н.; благоприятные условия для обитания на ней сохранялись до 6700—6500 л. н., до момента резкого спада уровня озера, в результате чего залив отчленился и постепенно превратился в болото [9].

Именно на этой ложбинообразной поверхности атлантической террасы находится поселение Оровнаволок XII. Условия его расположения свидетельствуют о бесспорно более позднем возрасте по сравнению с остальными, в том числе и с поселением IX. Оно могло возникнуть только после прекращения функционирования последнего. Поселение занимало очень удобную позицию на восточном побережье острова на берегу небольшой бухточки залива, огражденной с севера, со стороны открытого озера, невысоким мысом (рис. 2). Датировка его, установленная на основании палеогеографических реконструкций, согласуется с вышеприведенными датами по ^{14}C. В относительной хронологической периодизации археологическими методами оно занимает положение самого позднего из четырех мезолитических памятников Оровнаволока. Согласованность палеогеографических, археологических и радиоуглеродных данных делает выводы вполне надежными. Сходство во всех сторонах материальной культуры позволяет говорить о принадлежности населения к одной культурной группе, обитавшей на острове в течение

длительного времени, входившей как одна из составных частей в единую культурно-историческую общность, существовавшую на территории Карелии в эпоху мезолита.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гурина Н. Н.* Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. Л.; М.: Наука, 1952.
2. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. Мезолит. Л.: Наука, 1978.
3. *Песонен П. Э.* Мезолитическое поселение Суна XIII//Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.
4. *Филатова В. Ф.* Древнейшие памятники юго-западного побережья Онежского озера//Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.
5. *Филатова В. Ф.* Комплекс орудий Оленеостровской стоянки//КСИА. 1971. Вып. 126.
6. *Филатова В. Ф.* Мезолитические стоянки Сямозера//Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск, 1978.
7. *Косменко М. Г Витенкова И. Ф.* Мезолитический слой поселения Муромское VII// СА. 1980. № 4.
8. *Журавлев А. П.* Мезолитическое поселение Пегрема VIII в Карелии//Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983.
9. *Девятова Э. И.* Природная среда и ее изменения в голоцене (побережье севера и центра Онежского озера). Петрозаводск: Карелия, 1986.
10. *Филатова В. Ф.* Жилые и хозяйственные сооружения мезолитического поселения Оровнаволок IX//Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск, 1986.

V. F. Filatova

THE MESOLITHIC SETTLEMENT OF OROVNAVOLOK XII

Summary

The settlement is found on Orovnavolok Peninsula (the north-eastern coast of Lake Onega) on a lake terrace of the Atlantic. It is divided by 300 metres from today's coast and is 16.08-17.17 above the lake's level (Figs. 1-2). Remains of an ancient dwelling were discovered within the dig. They covered 24 m^2. Its foundation went down into a man-made oval foundation pit (40 by 53 cm). Thick poles around the pit were joined in their upper parts. The walls were covered with light organic materials. Inside the construction there was a fireplace and a masonry. The exit was orientated to the east and the ancient coast. There were four masonries around the dwelling, 19 fireplaces which were used for a short periods of time and one of logn-term use, made in a pit (Figs. 3—4).

The materials range from stone artifacts (581 items), shapeless flakes and fragments (1,858 items) and calcinated animal and fish bones (504 items). The tools were made of local rock, flint brought from elsewhere was not popular.

A comparative-typological analysis of the materials indicates that this is a typically late Mesolithic Karelian site dated to the latter half of tne 6th millennium B. C. This date is supported by radiocarbon and palaeogeographic evidence.

С. И. ТАТАРИНОВ

СЕЗОННОЕ ЖИЛИЩЕ ГОРНЯКОВ-МЕТАЛЛУРГОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ У СЕЛ. ПИЛИПЧАТИНО В ДОНБАССЕ

Изучение рудников эпохи поздней бронзы в Донбассе, начатое нами 10 лет назад, привело к открытию большого числа стоянок и мастерских горняков-металлургов срубной культуры [1]. В 1979 г. впервые найдены остатки двух сезонных жилищ на стоянке Пилипчатино 1.

Площади стоянок Пилипчатино 1, 2 были предварительно обследованы с помощью магнитометра М-24 и так называемым «биомагнитным приспособлением — рамкой» [2], давшим ряд аномалий. Большая аномалия магнитного поля выявилась у восточного края террасы стоянки Пилипчатино 1 [1], здесь же при дешифровке аэрофотоснимка зафиксировано темное подпрямоугольное пятно. Однако визуальный осмотр поверхности показал полное отсутствие культурных остатков, типичных для памятников горного дела Донбасса (печины, фрагментов керамики, костей с медной окисью) обнаружено было лишь несколько камней со следами подтесывания [1—3]. Заложенный на восточной окраине террасы Пилипчатино 1 раскоп площадью 84 м² выявил комплекс из остатков каменного фундамента жилища и маленькой землянки, превращенной в зольник. Остатки сооружений находились на глубине 0,2—0,3 м от дневной поверхности и были несколько нарушены вспашкой.

Жилище 1 (рис. 1) подпрямоугольно-овальной формы, размер 5,5× ×5 м, выход на север. Стенки сложены из рваного и слегка подтесанного камня (рис. 2). При постройке использовались куски рудовмещающего песчаника и глыбы медной руды. Кладка сохранилась хорошо вдоль длинных стен на высоту 0,25—0,45 м в два — четыре ряда. Снаружи удалось зафиксировать участки облицовки стен в виде вертикально и наклонно врытых небольших плит. Ширина кладки колебалась от 0,25 до 0,6 м. Значительно более поврежденной оказалась южная стенка. Дно жилища слегка понижалось к центру и было углублено в материк на 0,2—0,3 м. В центре жилища, ближе к выходу, находилась очажная яма (диаметр 0,4, глубина 0,2 м) с сильно прокаленными стенками и прилегающими участками дна (на глубину 2—5 см). Яма заполнена черно-серой золой и угольками.

На дне жилища под восточной, юго-восточной стенками и в центре выявлено три ямы от столбов, обложенных небольшими камнями. В заполнении жилища прослежены перемежающиеся прослойки оранжевой глины и серо-черного культурного слоя с костями животных, черепками. Нередко культурные остатки были как бы «затянуты» глиной. Такое заполнение могло образоваться в результате разрушения каменно-глинобитных стен жилища. Из этнографических наблюдений известно, что глинобитные украинские мазанки разрушаются довольно быстро, за 30—40 лет, и дают именно такую картину.

Скорее всего жилище 1 имело вид «мазанки» на каменном поколе высотой 0,6—0,8 м, с каменно-глинобитными (сырцовыми) стенами, с хворостово-камышовой крышей. Различных кустарников и камыша

---

[1] В работах принимали участие историки А. В. Шамрай, В. И. Волошко, В. М. Ряполов, А. Г. Копыл, студенты В. А. Федотов, В. А. Дмитриев, Д. П. Кравец, учащиеся школ г. Артемовска. Автор искренне признателен им за труд.

[2] Геофизическое обследование проводил сотрудник ИГФ АН УССР В. С. Стеценко.

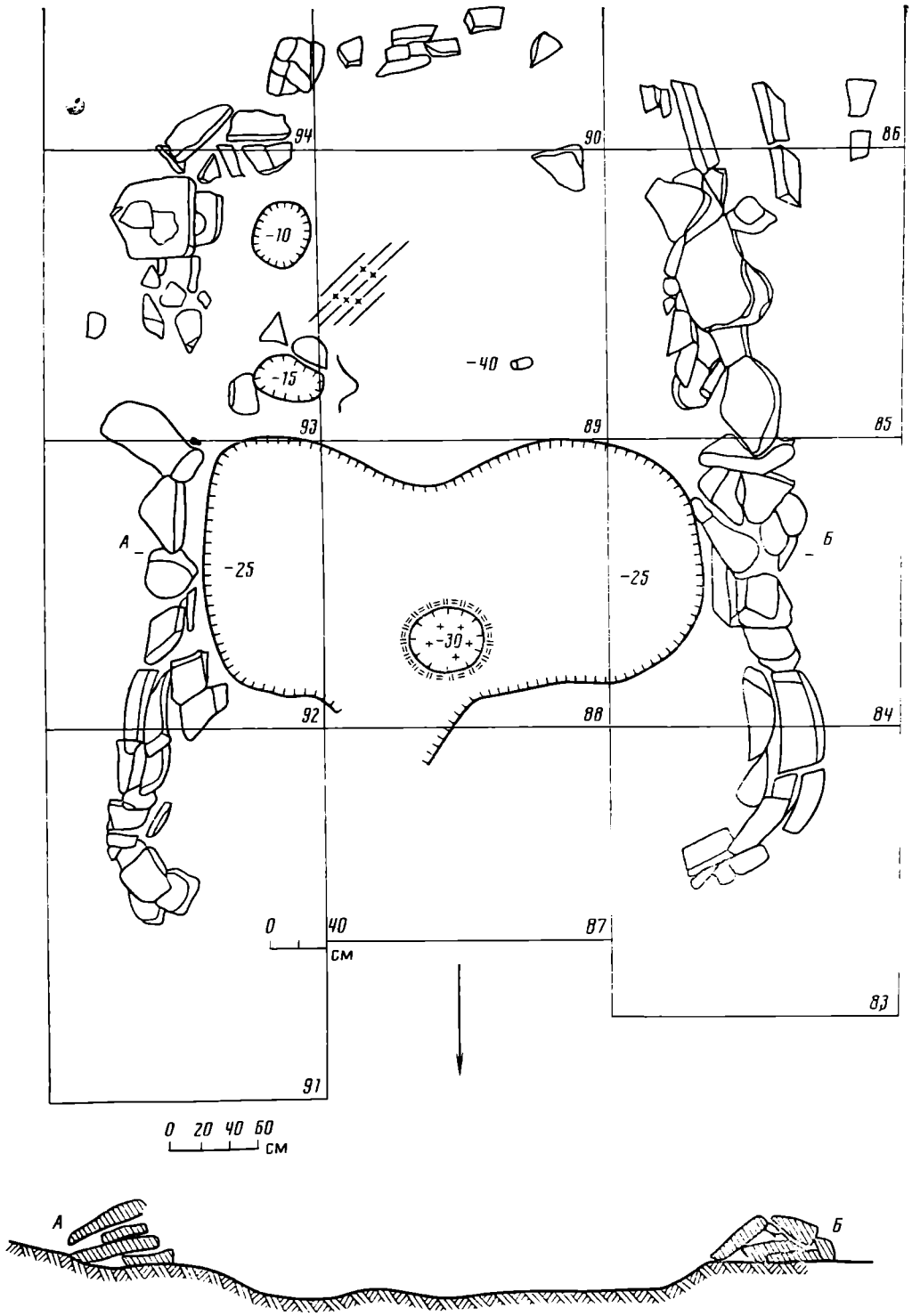


Рис. 1. Пилипчатино 1. План жилища 1 на каменном цоколе.

сейчас довольно много в пойме реки, в 1 км от пилипчатинских рудников.

В заполнении жилища найдено сравнительно мало культурных остатков. По обломкам керамики можно реконструировать 21 горшок, в том числе 13 с валиками и насечками (рис. 3, *4*, *6*, *8*), пальцевыми вмятинами (рис. 3, *5*), защипами (рис. 3, *9*, *11*), гладкими валиками. Неваликовая керамика орнаментирована треугольниками и косыми насечками, прочерченными линиями и зубчатым штампом, глазка́ми. Она не отличается от ранее опубликованной керамики со стоянки Пилипчатино 1 [1, 2]. Высокий процент валиковой керамики указывает на принадлежность комплекса к сабатиновскому времени (в пределах XIII — XI вв. до н. э.).

На принадлежность жилища горнякам-металлургам указывают найденные в нем следы металлургии и металлообработки: полированный

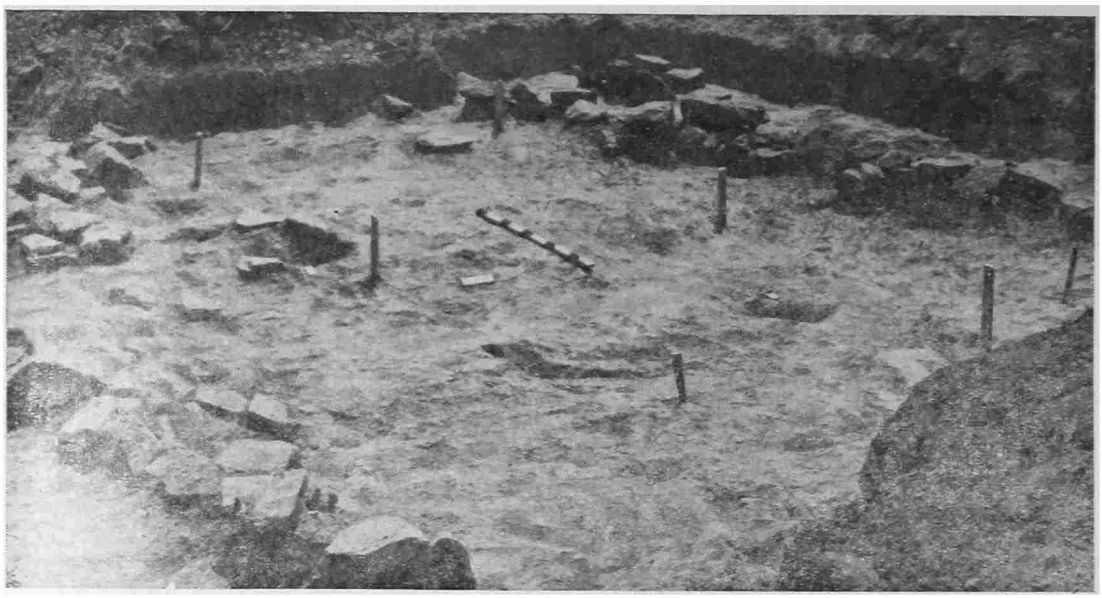


Рис. 2. Общий вид жилища 1 после расчистки.

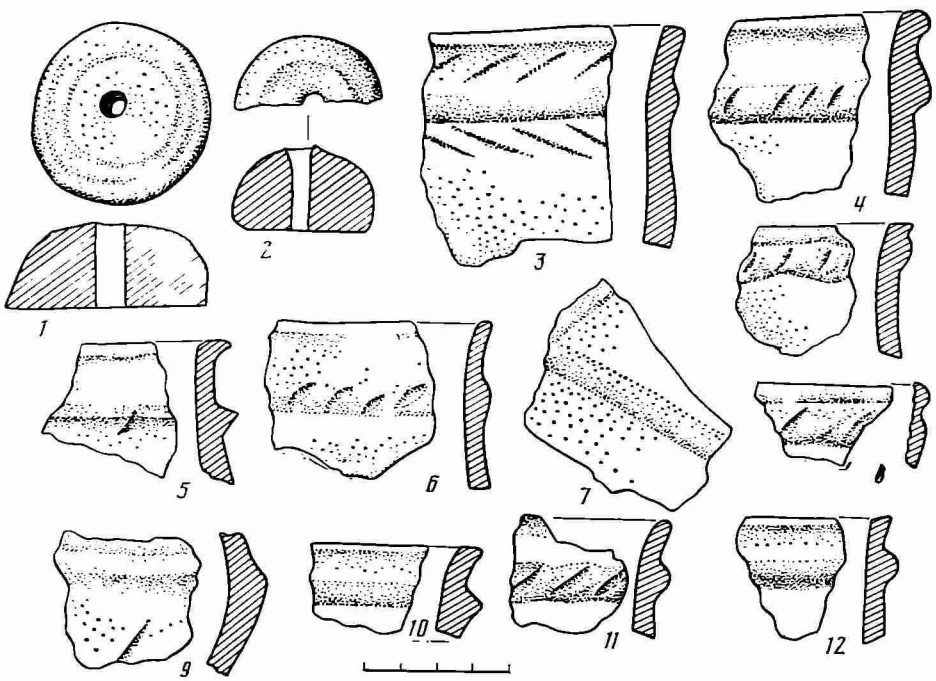


Рис. 3. Пряслица (*1, 2*) и керамика из жилища 1

гранитный пест для растирания руды (рис. 4, *1*), обломок плиты-«ванны» (рис. 4, *2*), шесть обломков абразивов разной формы и плотности для обработки отливок, венчик горшка (рис. 3, *3*), ошлакованный с внутренней стороны комковатый слиток меди весом до 100 г типа «козла». В жилище и вне его найдены большие куски печины с черной коркой и каплями меди — обломки свода медеплавильной печи или обмазки стенок плавильни, много мелких камней с медной ошлакованностью, как в плавильнях Пилипчатино 2 [2].

На расстоянии 7—8 м западнее жилища 1 выявлен «зольник» диаметром до 4, мощностью 30—50 см. Он состоял из огромного количества костей животных (расколотых, обожженных) вперемешку с золой, костным углем, медными шлаками, печиною и фрагментами керамики. Под зольником открыта полуземлянка 2.

Котлован полуземлянки размером 2,8×2,6 м и глубиной 0,3—0,45 м вырыт в материковой глине (от дневной поверхности 0,7—0,8 м), ори-

ентирован длинной осью по линии З — В. Пол утрамбованный, ровный, с ямками конической формы (рис. 5). У восточного края очажная ямка диаметром до 0,2 м. В зольнике, заполнявшем котлован землянки и выходившем далеко за пределы ее границ, найдены медный слиток весом до 150 г (рис. 6, *4*), большое глиняное пряслице (рис. 3, *1*, *2*) и обломок второго пряслица, костяной лощильник, много медных шлаков, печины, ошлакованных камней, обломки абразивных плиток. Представляет интерес находка двух обломков глиняной литейной формочки (рис. 6, *1*) для отливки каких-то медных колец. На большом обломке имеется след отверстия для выпуска газов. Возможно, отливавшиеся в этой форме кольца напоминали кольца племен овамбов и иребу в Африке [4, с. 225, 330], которые служили эквивалентом «денег» (?). Не исключено, что слитки меди в виде массивных колец весом до 0,5 кг, отливавшиеся в пилипчатинской форме, также служили меновым эквивалентом, легко подвергались переделке путем отсечения небольших кусочков (?). Две глиняные цилиндрические пробки размером 6×3 см могли использоваться при отливе небольших проушных топоров и втулок дротиков (рис. 6, *2*, *3*). Литейные формы для отливки дротиков и кельтов найдены ранее на стоянке Пилипчатино 1 [3].

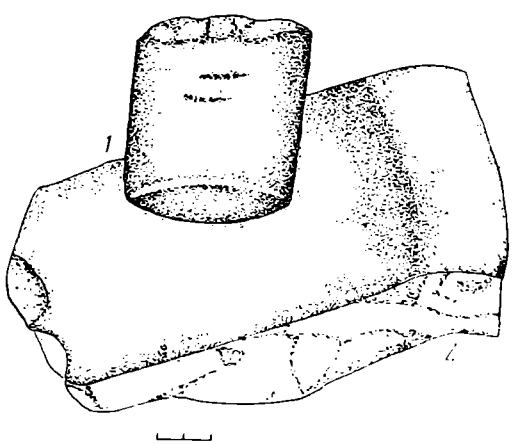


Рис. 4. Пилипчатино 1, жилище 1. Обломок каменной «ванны» и гранитный пест для обогащения руды

Форма котлована полуземлянки 2, небольшие размеры и наличие нескольких столбовых ямок приводят к мысли, что это остатки постройки типа летнего шалаша-чума с конической крышей.

Сравнение жилища 1 и полуземлянки-шалаша 2 указывает на их неодновременность: жилище 2 более простое, относилось к более раннему времени, в период существования жилища 1 оно стало местом свалки. Ранее мы уже отмечали, что керамические комплексы Пилипчатино 1, 2 имеют некоторые общие черты со срубно-андроновской керамикой Заволжья и Приуралья [5, с. 45; 6, с. 104] из районов, прилегающих к медным рудникам Еленовки и Уш-Катты. Указывалось и на то, что в середине третьей четверти II тыс. до н. э. расцвет горно-металлургического дела в Восточной Украине связан с проникновением за Северский Донец групп срубно-андроновского населения, знакомого ранее с поиском и добычей медных руд. Несомненно сходство жилищ с каменными цоколями и «зольниками» Шандаши [6], Уш-Катты [5], с комплексом на стоянке Пилипчатино 1. Примечательно, что, как и в Пилипчатино, жилища Шандаши, как пишет Е. Е. Кузьмина [5, с. 106] характеризовались тем, что «заполнение котлованов почти не содержит находок».

Жилище-полуземлянку 2 мы склонны отнести к началу разработки медных руд на Кислом Бугре (Пилипчатино) в XV— XIV вв. до н. э. Это жилище, оставленное маленькой группой горняков-разведчиков, было сезонным укрытием. Ю. С. Гришин отмечает, что горняки в сезон работ жили у рудников в лагерных условиях, «видимо, в жилищах легкого типа» [7, с. 91].

Рост интереса к металлу, вероятно, вынудил население долговременных поселков срубной культуры по рекам Бахмут и Донец, от которых до рудников от 30 до 70 км, снаряжать специальные «экспедиции». Рудники расположены в довольно жестких климатических условиях — среди сухих степей со скудной растительностью, пересеченных высокими всхолмлениями, с почти полным отсутствием источников воды. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты палинологических анализов

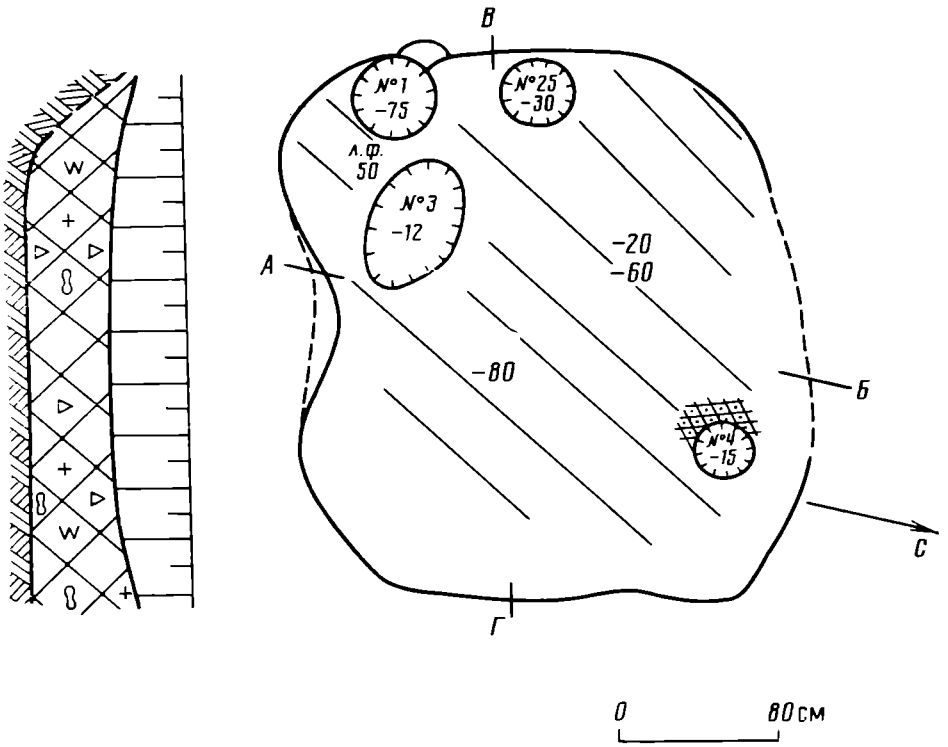


Рис. 5. Пилипчатино 1. План жилища 2.

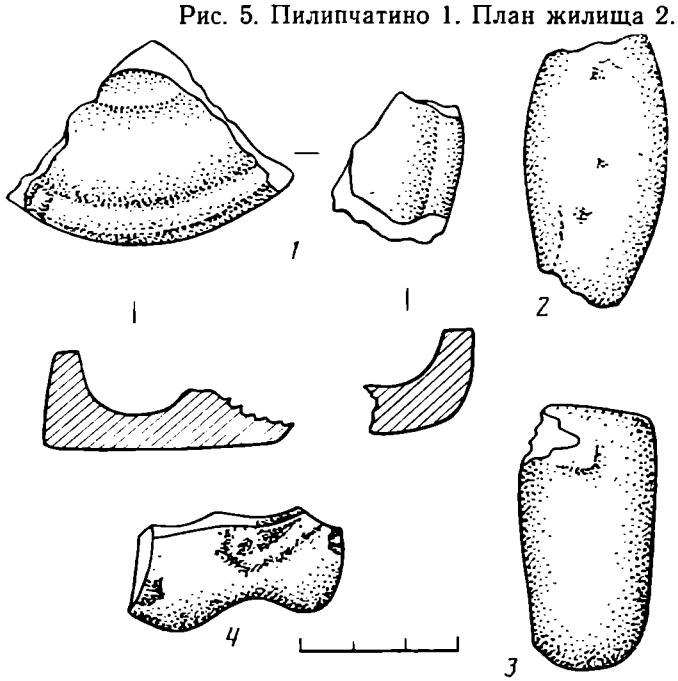


Рис. 6. Предметы металлообработки из «зольника» над жилищем 2: *1* — обломки литейной формы; *2, 3* — глиняные пробки; *4* — медный слиток

проб с Пилипчатино 1 и 2 (пыльца полыней, споры печеночных мхов, маревых, эфедровых растений, губоцветных) [3].

Жилище 1 сооружено одной из групп горняков-металлургов в XIV — XIII вв. до н. э., на что указывает сабатиновская керамика с валиками и глиняные пряслица. В то же время следует учитывать раннее появление валиковой керамики у срубников на Донце [8]. Это жилище могло существовать 100—150 лет при условии периодического ремонта и служило сезонным укрытием. Здесь вполне уместны аргументы, что для

[3] Анализы проб со стоянок Пилипчатино 1, 2, Клиновое 1 выполнены в Лаборатории палинологии и палеонтологии производственного объединения «Донбассгеология» А. А. Михелис.

сезонных стоянок «не имело смысла сооружать большие землянки, обшивать их деревом, строить купольные печи, нары» [9, с. 51]. По своим размерам рудники у Пилипчатино близки к казахстанским. С. С. Черников писал, что выработки больших размеров возникали в результате длительных многолетних работ, за каждой выработкой было закреплено 8—10 человек [10]. Именно столько человек могло вместить жилище 1 в Пилипчатино.

Работать на рудниках горняки могли только в летнее время.

Многолетние наблюдения и раскопки показывают, что весной почвы у Пилипчатино, Клинового, Выскривки и Медной Руды сильно переувлажнены, бурые и красные глины очень вязки, практически земляные работы вести невозможно. После зимы в распадках и оврагах, в углублениях «разносов» некоторых рудников скапливается вода, которая очень медленно оттекает или испаряется к началу лета. Вероятно, в древности любой сильный ливень становился для донецких горняков-металлургов бедствием, так как выработки подтапливались, разносы заплывали глиной, требовалась дополнительная их очистка.

Очень сложно обстоял вопрос водообеспечения стоянок горняков-металлургов. Нынешнее гидрогеологическое состояние района Донецких медных рудников мало отличается от такового эпохи бронзы. Не имеют источников воды Картамышские, Выскривские и Пилипчатинские рудники, на значительном удалении от реки расположены рудники Медной Руды и Покровского, и только в Клиновом они у воды. Однако, как ни парадоксально, это обстоятельство никак не отражалось на размахе и объеме горных и металлургических работ.

Так, огромные разносы и обширные зоны, связанные с металлургическим производством, мы наблюдаем в безводной Выскривке и обводненных Клиновских рудниках. Вероятно, в прошлом здесь существовали какие-то источники воды: ее могли добывать из колодцев заброшенных шахт штольневого типа, рылись колодцы, сооружались небольшие дамбы в оврагах (следы такой работы есть, например, в очень древнем руднике-овраге у Пилипчатино).

Сезон работ приходился скорее всего на лето, в сентябре-октябре начинались дожди, которые препятствовали работам. Отсутствие древесной растительности, по данным палинологии, вблизи рудников в эпоху бронзы исключает возможность заготовки топлива на месте и зимовок. Отсутствие растительности, вероятно, также влияло на производительность труда горняков, так как в жаркие часы негде было укрыться.

«Экспедиции» людей с поселений срубной культуры на рудники прибывали со стадами скота. Нам уже неоднократно приходилось писать об обилии костей на рудниках — в культурном слое, в отвалах и на отвалах. Совершенно уникальны состоявшие из тысяч костей «зольники» стоянки Пилипчатино 1, под одним из которых обнаружены два горна ямного типа [1, с. 195], а под вторым — вышеописанное жилище 2. Общеизвестно, что племена, добывавшие медь, дорожили своей монополией на рудники, не допускали к ним посторонних [11, с. 163; 12]. Вряд ли можно считать приемлемым выдвигаемое С. С. Березанской предположение, объясняющее обилие костей на рудниках тем, что они (рудники) были «местом, где происходил обмен скота на руду или металл» [13, с. 255]. Характер природных условий у рудников позволял выпасать стада овец и коров, мясо которых шло в пищу, кожа — на выделку мешков и сумок для руды, а кости вместе с хворостом использовались для плавки руд. Находки костей лошади указывают на отгонный характер скотоводства и на использование транспортных средств для доставки топлива к рудникам и руды и металла в район Бахмута и Донца, доставки к рудникам разборных жилищ, посуды, инструментов, орудий труда, лестниц и т. д.

Несколько замечаний по поводу упоминаемых выше «зольников». Возможно, они имеют культовый характер [14, с. 92]. По времени они близки к белозерским и белогрудовским зольникам.

Завершая описание жилого комплекса Пилипчатино 1, следует заметить, что исследованные О. Г. Шапошниковой на р. Кальмиус [15], О. Я. Приваловой в Николаевке на юге Донецкой области и автором на р. Бахмут (поселение Отрадовка 3) жилища сабатиновского времени с каменными цоколями совершенно идентичны жилищу 1 в Пилипчатино. Таким образом, в район, который использовал металл донецких рудников непосредственно, следует теперь включать не только среднее лесостепное Придонцовье, но и степное Приазовье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Татаринов С. И.* О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе// СА. 1977. № 4.
2. *Татаринов С. И.* Металлургия бронзы у племен срубной культуры Восточной Украины//СА. 1983. № 4.
3. *Татаринов С. И.* Металлообработка в эпоху поздней бронзы на Среднем Донце// СА. 1979. № 4.
4. *Ратцель Ф.* Народоведение. Т. 2. СПб., 1896.
5. *Кузьмина Е. Е.* Андроновское поселение и могильник Шандаша//КСИА. 1964. Вып. 98.
6. *Кузьмина Е. Е.* Относительная хронология андроновских поселений Еленновского микрорайона//СА. 1965. № 4.
7. *Гришин Ю. С.* Древняя добыча меди и олова. М.: Наука, 1980.
8. *Косарева А. Н.* Керамика поселений срубной культуры в урочище Усово озеро на Северском Донце//Тез. докл. конф. «Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
9. *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев: Наук. думка, 1972.
10. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 1960. № 88.
11. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
12. *Coglan H. H.* Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronse in the Old World. Oxford, 1951.
13. *Березанская С. С.* Первые мастера-металлурги на территории Украины//Первобытная археология. Поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980.
14. *Сальников К. В.* К вопросу о древней металлургии в Зауралье//КСИИМК. 1949. Вып. 29.
15. *Шапошников О. Г.* Многослойное поселение близ с. Роздольное на р. Кальмиус// Археология. 1970. Т. XXIII.

S. I. Tatarinov

SEASON DWELLINGS OF MINERS—METALMAKERS OF THE BRONZE EPOCH IN DONBASS

Summary

The author has turned to the question of seasonal camps of miners in Donbass between the 15th and 12th centuries B. C. He publishes a complex comprising a dwelling on the stone foundation and a semi-underground dwelling discovered in 1979 at the Pilipchatino-I mine. He discusses the seasons during which these dwellings were in use, the manner in which works were organised and supplied with water, the role of cattle and cattlebreeding at the mines. The people who lived there belonged to the timber-grave culture of both the middle forest-steppe Donets region and the steppe regions of the Azov coast.

С. И. БЕЗУГЛОВ

ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО ВОИНА В СТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

В 1979 г. Донским отрядом археологической экспедиции Ростовского университета при раскопках курганного могильника Центральный VI было открыто богатое позднесарматское погребение, представляющее большой интерес для изучения синхронных древностей евразийских кочевников[1]. Могильник Центральный VI расположен на водоразделе рек Дона и Сала, в 10 км к востоку от пос. Центральный Мартыновского р-на Ростовской обл.

Курган, в котором обнаружено рассматриваемое погребение[2], сооружен в эпоху средней бронзы, содержал восемь могил. Высота кургана 1,08, диаметр 32 м.

Погребение 8 составляло южную часть стратиграфической связки трех могил, расположенной в северо-восточном секторе кургана, и было в ней самым поздним. Глубина могилы 2,89 м от вершины кургана. Погребение совершено в подбойную яму усложненного типа, ориентированную по линии юго-запад — северо-восток. Длина входной ямы подбоя 1,65 м; вследствие проседания свода камеры ее ширина в верхней части невосстановима. Под юго-восточной стенкой входной ямы сооружена ступенька шириной 0,21—0,45 и высотой 0,21 м. Погребальная камера вырыта в длинной северо-западной стенке входной ямы. Она имела овальную форму и расширялась в северо-восточной части. Длина камеры 2,49, ширина 0,49—0,68 м. В юго-западной части могилы, по всей ее площади, включая и подбой, сделана ниша протяженностью 0,53 м по длинной оси ямы и шириной 1,12 м. Вдоль северо-западной стенки камеры лежал костяк мужчины 25—30 лет[3], вытянуто на спине, головой на северо-восток. Правая рука погребенного согнута в локте, кисть покоилась на тазе; левая вытянута вдоль туловища, кисть находилась под крылом таза. Ноги погребенного перекрещены в районе щиколоток, на костях стоп найдены обрывки кожи. По всей площади камеры прослежена посыпка мелом (рис. 1).

К югу от черепа погребенного обнаружена группа предметов, включавшая короткий меч, нагайку и оселок. Меч имел прямое перекрестие и кольцевое навершие, на поверхности клинка сохранились следы продольных древесных волокон — остатки ножен (рис. 2, *3*). К рукояти меча привешивалась небольшая халцедоновая бусина (рис. 2, *6*). Вероятно, меч крепился к бедру застегиванием вокруг него двух ремней, один из которых крепился к ножнам в районе устья, а второй — на уровне нижней трети клинка. По обе стороны от меча ножны были украшены крупными серебряными полусферическими бляшками (рис. 2, *14*). Ремни застегивались серебряными пряжками: верхний — большей (рис. 2, *22*), нижний — меньшей (рис. 2, *23*). Под пряжкой нижнего ремня найдена небольшая серебряная обойма (рис. 2, *24*); один из ремней имел серебряный наконечник, найденный под оселком (рис. 2, *16*). Помимо этого, у рукояти меча найдена пара идентичных массивных серебряных пря-

[1] Работами Донского отряда руководил В. П. Копылов. Пользуюсь случаем выразить ему глубокую благодарность за разрешение опубликовать настоящий комплекс.

[2] Полевой номер кургана — 16, позднесарматское погребение получило номер 8.

[3] Определение произведено научным сотрудником археологической лаборатории РГУ Е. Ф. Куркиной.

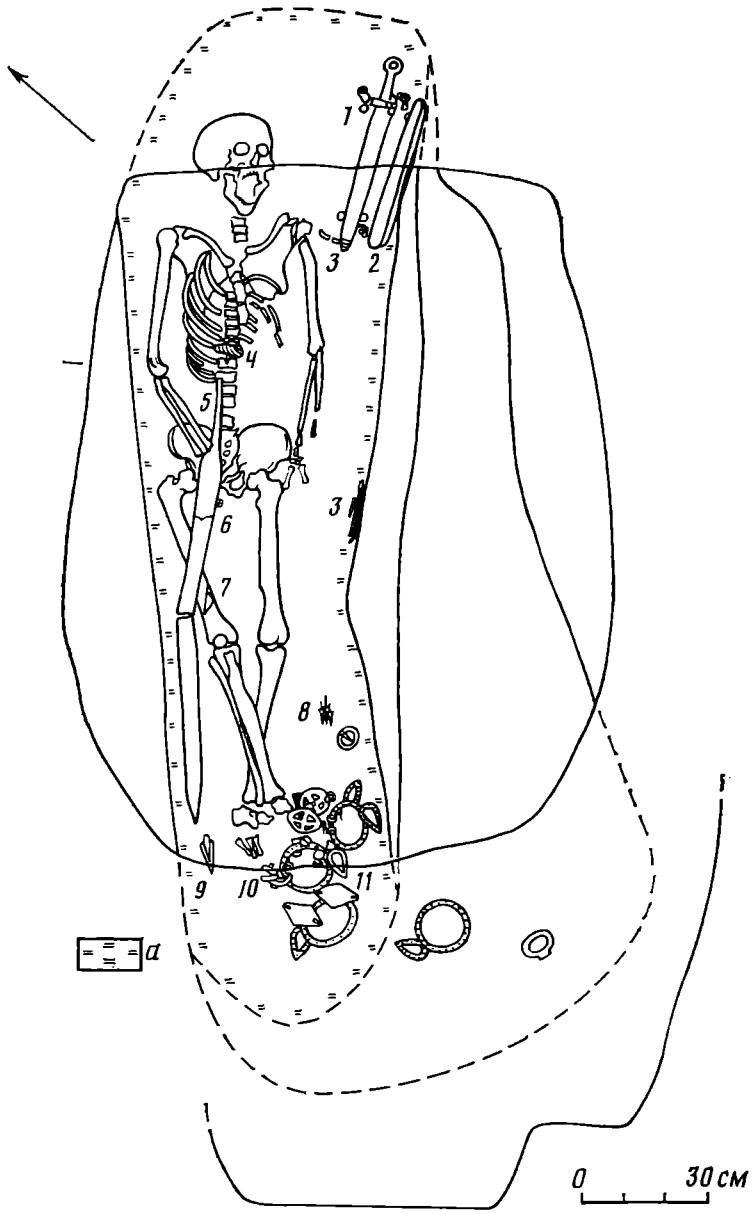


Рис. 1. План могильника Центральный VI, кург. 16, погр. 8. *а* — граница меловой подсыпки; *1* — короткий меч с остатками портупеи и нагайкой; *2* — оселок; *3* — костяные накладки лука; *4* — навершие меча; *5* — длинный меч; *6* — агатовая бусина; *7* — фибула; *8* — наконечник стрел; *9* — железная втулка; *10* — железные кольца; *11* — сбруйный набор

жек, крепивших меч к поясу или портупее (рис. 2, *20—21*). При верховой езде такая двойная система крепления короткого меча максимально удобна для всадника: крепление к бедру не дает мечу свободно болтаться, а крепление к портупее препятствует его скольжению вниз по ноге. Рядом с мечом лежал крупный оселок, изготовленный из мелкозернистого сланца (рис. 2, *2*). Здесь же найдены остатки нагайки — верхняя часть деревянной рукояти с широкой серебряной обоймой, крепившей плеть при помощи серебряного гвоздя, пропущенного через нее (рис. 2, *25*). От самой плети сохранился маленький, прямоугольный в сечении кусочек кожи с прикрепленной к нему серебряной ромбической накладкой на длинной заклепке (рис. 2, *19*).

Частично перекрывая костяк, с правой его стороны лежал длинный двулезвийный меч (1,09 м) со следами дерева на клинке (рис. 2, *1*). Рукоять его крепилась к черенку с помощью двух бронзовых заклепок и была увенчана массивным грибовидным навершием из голубоватого халцедона, украшенным резными «вращающимися лучами» (рис. 2, *4*). К рукояти навершие крепилось бронзовым гвоздем, к головке которого

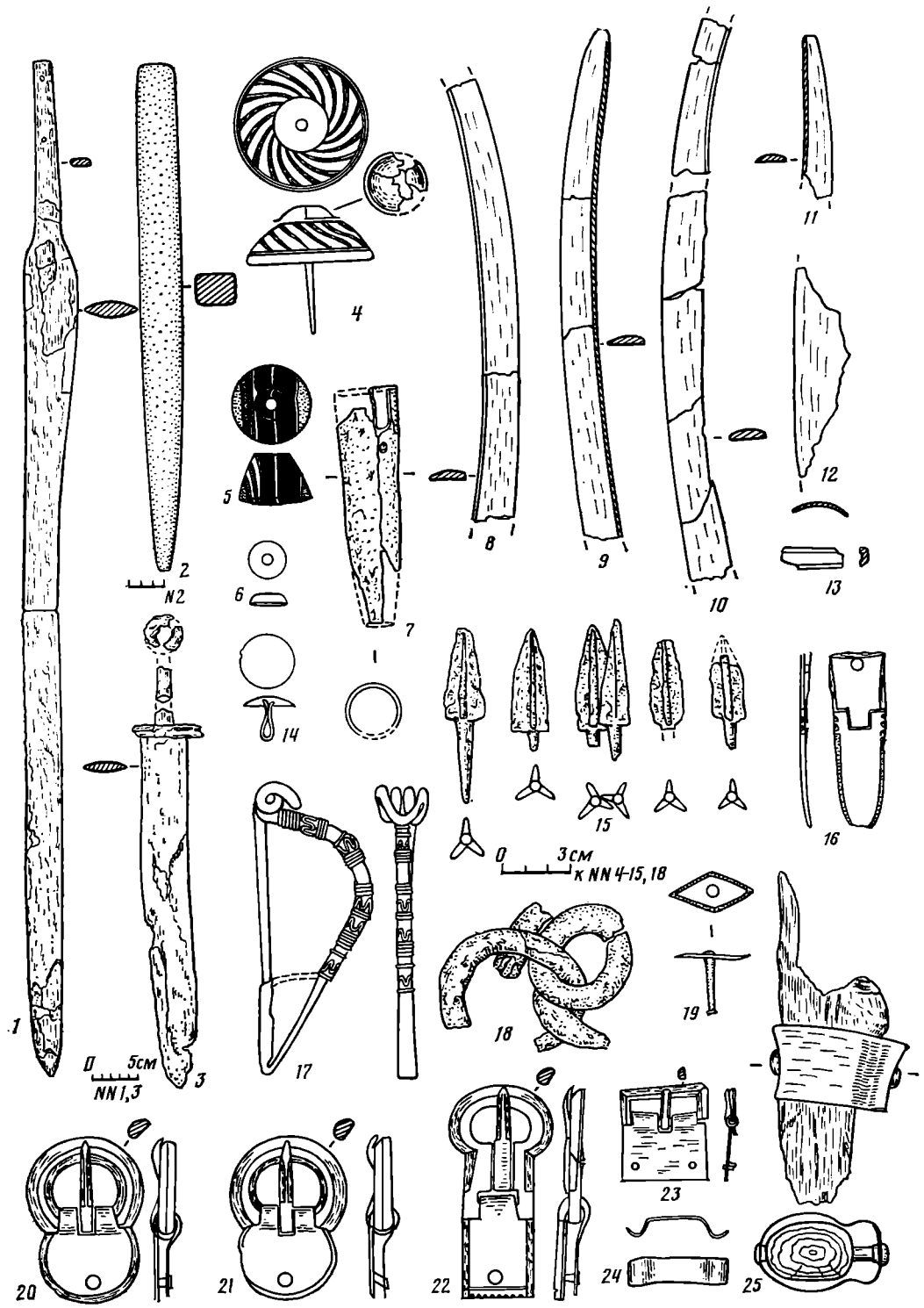


Рис. 2. Могильник Центральный VI, кург. 16, погр. 8. Оружие, портупейная гарнитура и другие вещи.

1, 3, 15, 18 — железо; *2* — сланец; *4* — халцедон, серебро, бронза; *5* — агат; *6* — халцедон; *7* — железо, золото; *8—13* — кость; *14* — серебро, бронза; *16, 19—24* — серебро; *17* — серебро, золото; *25* — дерево, серебро

припаяна полусферическая серебряная бляшка с узким рантиком. Помимо этого, с тыльной стороны навершие приклеено к рукояти смолой. Рядом с мечом (в верхней четверти клинка) лежала крупная усеченно-коническая агатовая бусина-подвеска с остатками ремешка в отверстии (рис. 2, *5*). На левой бедренной кости чуть выше коленного сустава находилась серебряная лучковая подвязная фибула с фигурной обмоткой дужки, выполненной серебряной и золотой проволочкой (рис. 2, *17*). Слева от костяка у ступеньки и у острия короткого меча найдены фрагментированные костяные накладки на лук (рис. 2, *8—13*). Между сту-

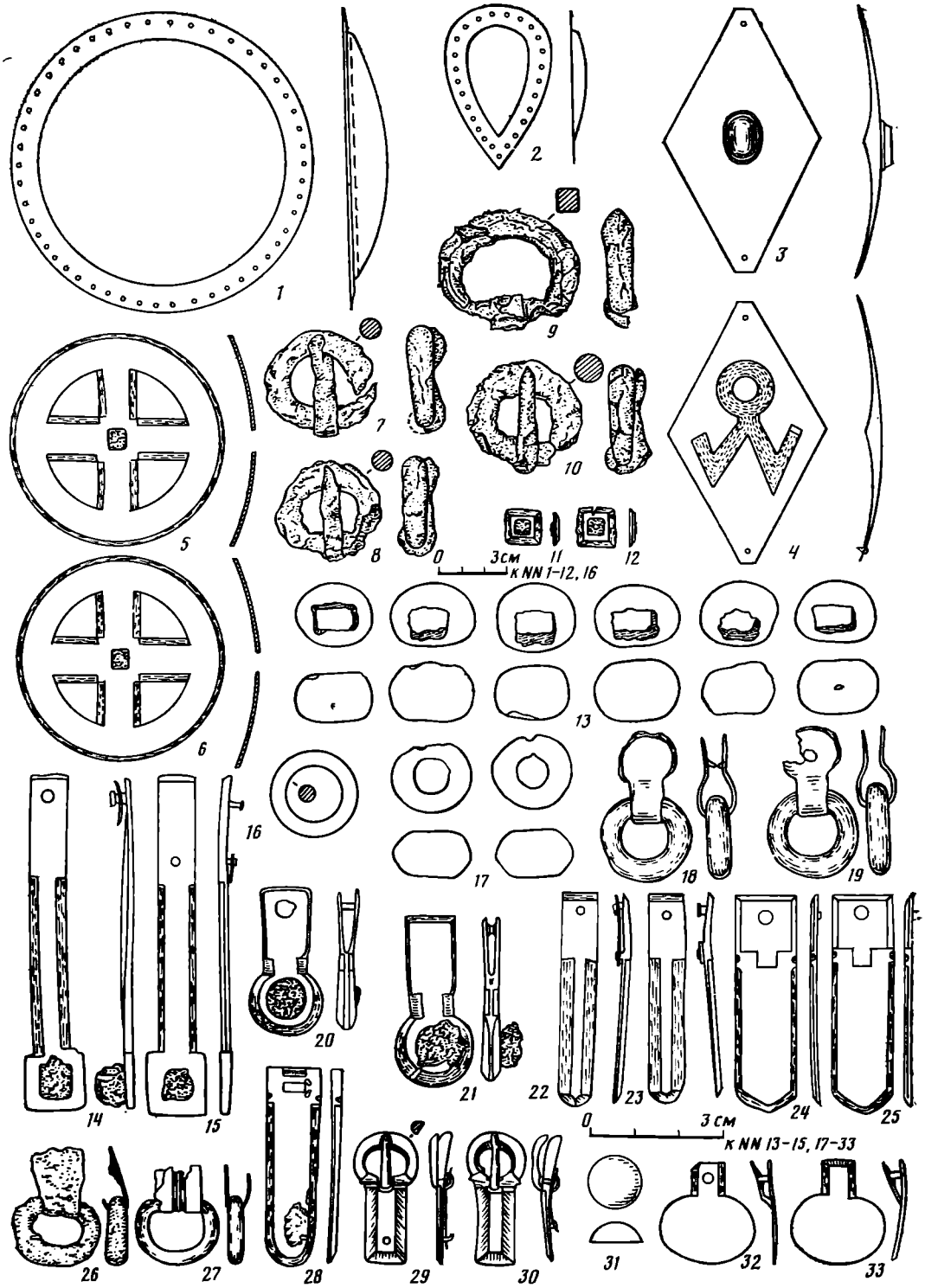


Рис. 3. Могильник Центральный VI, кург. 16, погр. 8. Сбруйный набор.
1, 2 — бронза, золото; *3, 4* — серебро, золото, сердолик; *5, 6, 13, 15—17, 21—25, 28—33* — серебро; *7—10, 26* — железо; *11, 12* — бронза, железо; *14, 18, 19, 20, 27* — бронза

пенькой и левой берцовой костью обнаружены 11 крупных трехлопастных черешковых наконечников стрел, лежавших остриями к юго-западу (рис. 2, *15*). У острия длинного меча лежал втульчатый железный предмет; на его поверхности сохранились кусочки золотой фольги, густо покрытые мелким точечным орнаментом (рис. 2, *7*).

Остальной инвентарь залегал в ногах погребенного и составлял преимущественно парадный сбруйный набор. Здесь найдены железные двусоставные удила с крупными колесовидными серебряными псалиями, украшенными фацетировкой (рис. 3, *5, 6*). Свободные концы грызл были раскованы в квадратный в сечении прут, на который в такие же отвер-

стия и насаживались псалии. После псалиев на прут надевались квадратные бронзовые шайбы (рис. 3, *11, 12*), а поверх них — длинные узкие серебряные зажимы ремней (рис. 3, *14, 15*). Характер крепления зажимов к удилам исключал их подвижность. Видимо, каким-то образом крепилась к удилам и другая пара коротких серебряных ременных зажимов, найденная здесь же (рис. 3, *20, 21*). Способ крепления был здесь иным, так как железный прут, остатки которого сохранились в зажимах, имеет совсем другое сечение и толщину. Скорее всего, они крепились к поводу, в то время как длинные зажимы были связаны с ремнями оголовья.

Для ряда сбруйных деталей сейчас трудно установить конкретное функциональное назначение. Таковы пара бронзовых колец в обоймах (рис. 3, *18, 19*), железное (рис. 3, *26*) и бронзовое (рис. 3, *27*) кольца в пластинчатых обоймах, пара маленьких серебряных пряжек (рис. 3, *29, 30*), у одной из которых утраченный язычок заменен бронзовым (рис. 3, *29*), две пары наконечников ремней (рис. 3, *22—25*) и еще один двусоставной (рис. 3, *28*), пара мелких серебряных полусферических бляшек (рис. 3, *31*), массивное литое бронзовое кольцо (рис. 3, *16*). Видимо, мелкие пряжки и наконечники ремней связаны с застегиванием ремней оголовья.

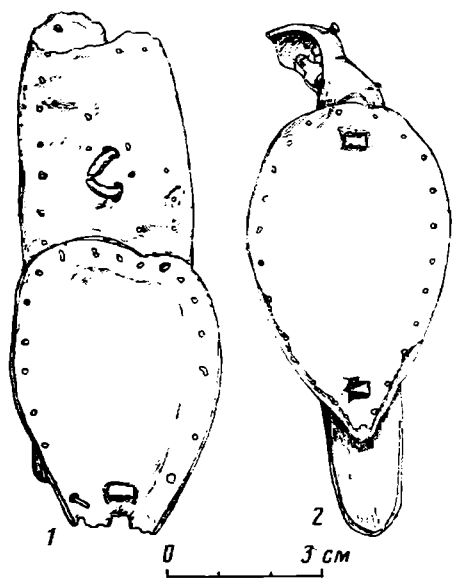


Рис. 4. Фрагменты ремней сбруи

Основу сбруйного набора составляли бронзовые фалары, плакированные золотой фольгой. Всего найдено четыре крупных круглых фалара (рис. 3, *1*) и 14 малых миндалевидной формы (рис. 3, *2*). Все фалары выпуклые, с широким рантом, покрытым густо посаженными отверстиями. Они крепились на кожаных, повторяющих их форму подкладках тонкими витыми веревочками; при помощи тех же веревочек сами кожаные подкладки фаларов скреплялись с матерчатой попоной темно-красного цвета, от которой сохранились небольшие кусочки ткани, приставшие к коже. Фалары, кожа и ткань скреплялись единовременно. Через прорези в кожаных подкладках тонкими ремешками, завязанными на простые узлы, круглые фалары крепились на сбруйные ремни. Последние выполнены из сложенной вдвое полосы кожи, прошитой четырьмя рядами продольных стежков. Ширина ремней сбруи 3,3 см. Круглые фалары располагались на плечах и бедрах коня с обеих сторон; основанием такой реконструкции могут служить раннесасанидские рельефы 60—70-х годов III в. н. э., где именно так размещены крупные круглые (а иногда и гладкие, без дополнительного декора) фалары на сбруе царских коней [1, табл. VII; 2, рис. 84].

Малые фалары по способу крепления к сбруе делятся на две группы: одни из них, как и большие, крепились к основным ремням сбруи (рис. 4, *1*), другие — на узких подвесных ремешках (рис. 4, *2*), соединявшихся не со сбруйными ремнями, а с кожаной основой больших фаларов. В последнем случае они свободно свисали вниз. Прослежен способ соединения круглых и миндалевидных фаларов. К двум из круглых крестовидно крепились четыре малых, причем заостренные их части были направлены от большого фалара. К другой паре больших фаларов крепилось соответственно по три малых.

Между псалиями и круглыми фаларами найдена низка из шести массивных литых серебряных сбруйных бус (рис. 3, *13*), крепившаяся,

скорее всего, на шее или на груди лошади. Не вполне ясно отношение к этой низке пары бронзовых бусин (рис. 3, *17*). Рядом с бусами найдена пара маленьких овальных серебряных подвесок (рис. 3, *32, 33*). Прижимные пластинки на обороте подвесок припаяны к ним, после чего место спайки заполировано. Судя по их положению в погребении, они крепились к узде рядом, на одной линии. Среди сбруйных деталей найдены также две крупные круглорамчатые железные пряжки с прогнутыми язычками (рис. 3, *7, 10*). Еще одна идентичная пряжка найдена в стороне, рядом с наконечниками стрел (рис. 3, *8*). Кроме того, в массе деталей сбруи обнаружены еще две фрагментированные железные пряжки, а в нише вне подбоя — большая железная пряжка с утраченным язычком (рис. 3, *9*). Эти пряжки застегивали сбруйные ремни. У юго-западной стенки подбоя лицевой стороной вниз лежали две крупные выпуклые серебряные ромбические бляхи. По их длинной оси с противолежащих концов расположены серебряные заклепки с квадратными бронзовыми шайбами на обороте. На внешней поверхности одной бляхи выгравирован тамгообразный знак, поверх которого наложена тонкая золотая фольга, крепившаяся к бляхе в технике сплошного точечного чекана (рис. 3, *4*). В центре другой бляхи на двух заклепках укреплен полированный темно-вишневый сердолик овальной формы в золотой оправе. Оправа камня обведена снаружи ободком псевдозерни, имитированной насеченной проволочкой (рис. 3, *3*). Судя по взаиморасположению блях в могиле, они крепились не на одной линии, а с противолежащих сторон, видимо, в качестве нащечников.

Приведенные данные позволяют предложить вариант реконструкции сбруи боевого коня (рис. 5). Судить о ее корректности достаточно сложно, так как нам неизвестны погребения взнузданных коней в степном позднесарматском мире. Привлечение иконографического материала дает довольно скромные результаты для реконструкции описанного типа сбруи; иконографические аналогии зачастую бывают очень удаленными и в территориальном, и в культурном плане. Поэтому в данном случае для нас более важен общий принцип, схема размещения основных сбруйных украшений — фаларов, блях, ременных зажимов.

Следует упомянуть также предмет, найденный у стоп погребенного. Он состоит из массивного железного кольца, на которое нанизаны еще три кольца меньшего диаметра (рис. 2, *18*).

В культурно-типологическом отношении погребение у пос. Центральный принадлежит к развитой позднесарматской культуре по всем определяющим признакам [3, с. 105—106; 4, с. 76—78; 5, с. 80—88]. Круг аналогий рассматриваемому комплексу, однако, без труда можно сузить. На Нижнем Дону в последние годы обнаружено несколько позднесарматских могил, в инвентаре которых центральное место занимают оружие и конская сбруя. Пока нами учтено девять таких комплексов. Донская группа воинских могил, относящаяся ко II — середине III в. н. э., очень однородна. Ее характерные черты — наличие богатых наборов наступательного вооружения и конской сбруи, исключительная скромность личного убора погребенных. Очень сходны погребения по составу и структуре инвентарных наборов. Оружие всегда представлено длинным мечом, чаще всего с каменным навершием и бусиной-подвеской и кинжалом, помещенным обычно в общие ножны с небольшим ножом. Находки наконечников стрел нечасты, очень редки костяные накладки луков. В рассматриваемой группе совершенно неизвестны находки защитного вооружения.

Монолитна группа и в обрядовом отношении: ориентировка погребенных в секторе север-восток; абсолютное большинство в группе составляют узкие подбойные и удлиненно-прямоугольные ямы. Близок донским и ряд синхронных комплексов Поволжья — Приуралья: кург. 1 Жутовского могильника [6, с. 42—45, рис. 52], кург. 26 (погр. 2) и кург. 60 Старицкого могильника [7, с. 74—80, 162—163], кург. Д-14 у Альт-Веймара [8, с. 31—33, рис. 24—25], кург. 2 Котлубанского могиль-

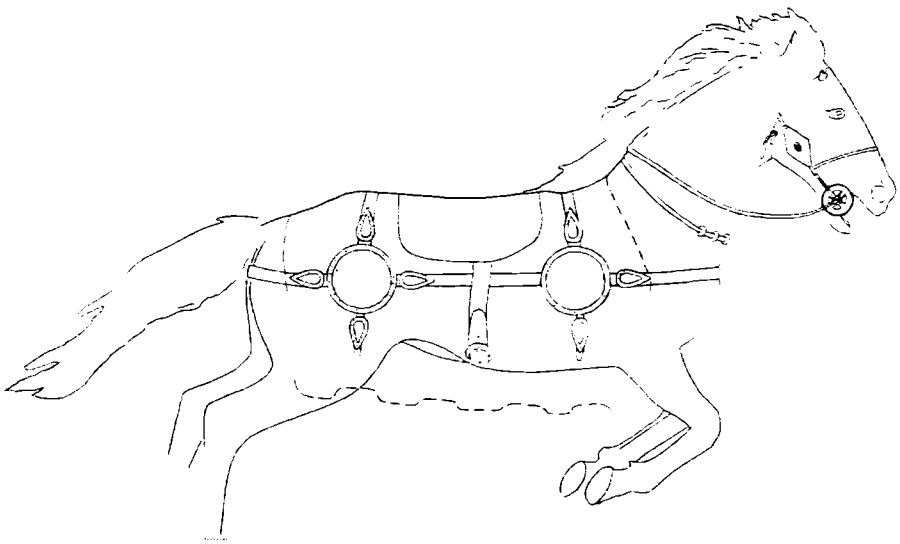


Рис. 5. Реконструкция сбруи боевого коня (вариант)

ника[4], Лебедевские курганы [9, с. 82—85; 10, с. 80—86], кург. 2 II Сибайской группы [11, с. 52—53, табл. XXXIX, *1—8*], несколько более поздний кург. 3 могильника Бис-оба [12, с. 84—85, рис. 30, *1—9*] и др.

Близкие всаднические комплексы известны и к западу от Дона [13, с. 44—49, рис. 14]. Эта группа в отличие от донской представлена более пестро. Наряду с характерными узкими позднесарматскими ямами (Альт-Веймар, Лебедевка) здесь присутствуют и широкие прямоугольные, восходящие к среднесарматской эпохе (Жутово, кург. 1; Старица, кург. 60; Котлубань, кург. 2); известны случаи диагонального положения костяков и южной ориентировки погребенных (Жутово, кург. 1; Старица, кург. 26, погр. 2). Поэтому важнейшим критерием единства группы являются элементы уздечных наборов и предметы вооружения. Именно они объединяют такие комплексы в единый стилистико-хронологический горизонт, протянувшийся от Западного Казахстана до южнорусских степей.

Длинный меч из погребения у пос. Центральный принадлежит к группе оружия, характерными признаками которого являются значительные размеры ($\sim$1 м и более), наличие каменного навершия, часто увенчанного шляпкой или накладной бляшкой, частое присутствие крупной бусины-привески в верхней трети клинка. На Нижнем Дону нами пока учтено 10 комплексов с такими мечами, из них с навершиями — 8 экз., с бусами-привесками — 7 экз. Известны такие мечи и в волго-уральском регионе: в Новоаксайском могильнике [14, рис. 74, 76, 81], Альт-Веймаре [8, с. 36—40, рис. 30, 31], могильнике «Три брата» [15, с. 154, рис. 24], Лебедевке [9, с. 83; 10, с. 84], Комсомольском и Агаповском могильниках [11, с. 73, табл. 53, *4, 12*; 16, с. 119], однако в нижнедонском регионе отмечается их повышенная концентрация. Подавляющее большинство таких мечей происходит из комплексов конца II — первой половины III в. н. э., хотя есть как более ранние, так и более поздние экземпляры.

Очень интересна находка в комплексе короткого меча с кольцевым навершием (рис. 2, *3*). Морфологически он близок среднесарматским мечам и выглядит в комплексе подчеркнуто архаично. На Дону в воинских позднесарматских могилах известны находки еще трех кинжалов с прямыми перекрестиями и кольцевыми навершиями совместно с длинными мечами. Факт архаизации форм зафиксирован и для других позднесарматских кинжалов, найденных в Подонье (прямое перекрестие и

[4] Глубоко признателен А. С. Скрипкину, познакомившему меня с этим комплексом (исследован И. П. Лисицыным в 1973 г.).

серповидное навершие) [5], а также Поволжье [17, с. 285—287; 18, с. 235—238].

Не менее любопытна находка комплекта костяных накладок на лук. Несомненно, мы имеем дело с остатками крупного сложносоставного лука так называемого «гуннского типа», которые редко встречаются в погребениях сарматского времени. Окончания двух пар концевых накладок (рис. 2, *8—11*) не сохранились, срединные представлены фрагментами боковых (рис. 2, *12*) и торцевой накладок (рис. 2, *13*).

По известным ныне комплексам можно указать на основные морфологические особенности концевых накладок ранних восточноевропейских луков II—III вв. в сравнении с широко известными луками V—VII вв. В абсолютном большинстве это длинные узкие, слабо изогнутые накладки, очень незначительно расширяющиеся к округленным концам; вырезы для тетивы расположены близко к концам (Суслы, кург. 51; Нижний Баскунчак, кург. 2; Калиновка, кург. 7 и 36; ст. Тбилисская, кург. 15; Чиковский могильник, кург. 18; Кобяковский могильник, кург. 5[6] и др.) [19, с. 118—119, табл. XVII, *1, 3, 7, 8*; 20, с. 91—92, рис. 8, *16*; 21, с. 26—27, табл. XXV, *3*]. Эти признаки сближают восточноевропейскую группу накладок с их центрально- и среднеазиатскими прототипами.

Луку из погребения у пос. Центральный соответствуют очень крупные наконечники стрел [19, с. 40].

Интересен предмет из четырех железных колец (рис. 2, *18*). Такая же низка была найдена в кург. 3 могильника Бис-оба [12, с. 85, рис. 30]. Возможно, это металлические детали конских пут [22, с. 206].

Заслуживает внимания и состав сбруйного набора из погребения. Колесовидные псалии (рис. 3, *5, 6*) проявляют наибольшее сходство с псалиями из кочевнических комплексов Поволжья (Старица, кург. 26, погр. 2 [7, табл. XXIV, *3*]; Котлубань, кург. 2) и Западного Казахстана (Лебедевка[7]). Во всех случаях псалии изготовлены из серебряных пластин, всюду их сопровождали зажимы ремней типа изображенных на рис. 3, *14, 15, 20, 21*. Это может свидетельствовать о том, что специфичный и довольно непрактичный способ соединения удил с ремнями повода и головья был широко распространен на богатых позднесарматских уздечных наборах.

Интересна редкая находка пары ромбических блях (рис. 3, *3, 4*). Более скромные аналогии им происходят из кург. 60 Старицкого могильника [7, табл. 52, *2*] и из могильника Высочино VII (кург. 12) на Нижнем Дону[8]. Положение блях in situ в донских находках позволяет считать их нащечниками. Серебряные сбруйные бусы (рис. 3, *13*) известны в синхронных донских и поволжских погребениях (Высочино VII, кург. 12; «Четыре брата», кург. 3, погр. 6 [23, с. 26, 27, табл. XV, *9*]; Старица, кург. 26, погр. 2 [7, табл. XXIV, *2*]; Котлубань, кург. 2). Интересно, что в двух последних случаях, как и в погребении у пос. Центральный, найдены наборы из шести бусин.

Как отмечено М. Г. Мошковой, позднесарматские сбруйные наборы ни разу не повторяют друг друга полностью [24, с. 76]. Однако их составляющие элементы, несмотря на громадную территориальную разбросанность комплексов, удивительно однообразны по формам и стилистике. Это относится к псалиям, зажимам и наконечникам ремней, пряжкам, мелким и более крупным секировидным подвескам, пропеллеровидным бляшкам, бронзовым кольцам в обоймах, сбруйным бусам и бляшкам и даже нагайкам. В целом ряде случаев эти элементы с большей или меньшей полнотой совместно встречаются в комплексах, образуя замкнутый круг аналогий. Все эти детали составляют преимущественную особенность степных кочевнических комплексов, и вопрос о ге-

---

[5] Могильник Высочино I, кург. 10. Раскопки С. И. Лукьяшко 1976 г.

[6] Курган исследован В. К. Гугуевым в 1984 г.

[7] Доклад М. Г. Мошковой на V Донской археологической конференции в г. Ростове (октябрь 1983 г.).

[8] Курган исследован В. В. Чалым в 1981 г.

незисе стиля таких уздечек пока решить трудно. Отметим лишь, что отдельные находки таких деталей известны в керченских древностях [25, табл. XVIII, *10, 11*].

Редчайшей можно считать находку комплекта из 18 фаларов. Основная черта их стиля — строгие гладкие поля без декора, чистый золотой фон. Это резко отличает их от фаларов и уздечных блях ранне- и среднесарматского времени, для которых характерны сюжетные сцены, стилизованный растительный декор, полихромные композиции в зверином стиле ([7, с. 128—134; 26, с. 39, 41, рис. 42—49, с. 41, 42, рис. 51—61, с. 48, 49, рис. 74—76, с. 52, рис. 80, 81] и др.). В конце среднесарматской эпохи и на раннем этапе позднесарматского времени широко распространяется стиль аппликации золотой фольги на ажурные железные пластины и декор мелкими начеканенными точками. Влияние этого стиля чувствуется и на вещах из погребения у пос. Центральный (ромбическая бляха с тамгообразным знаком, железная втулка; рис. 2, *7*; рис. 3, *4*). Фалары, однако, являют другое стилистическое направление, другую моду. Ближайшей аналогией формам, технике и стилю фаларов из могилы у пос. Центральный являются фалары из всаднического погребения, исследованного в 1949 г. в Неаполе Скифском [27, с. 170, рис. 56, *2*]. Примечательно, что в обоих случаях совпадает и комплектность фаларов (четыре круглых и 14 миндалевидных). Стилю фаларов соответствует и стиль серебряных уздечных элементов. Для них также характерны строгие чистые плоскости с применением фацетировки краев и скупой гравировки.

Определить хронологические рамки погребения позволяют найденные в нем оружие, фибула, портупейная и уздечная гарнитура. Длинный меч из могилы находит ближайшие аналогии в комплексах, убедительно датированных концом II — первой половиной III в. (Высочино I, кург. 10; «Четыре брата», кург. 3, погр. 6; Альт-Веймар, кург. Д-16; Лебедевка, кург. 1; Новоаксайский, кург. 23, погр. 1).

Фибулы типа показанных на рис. 2, *17* А. К. Амброз включал в вариант 5 одночленных лучковых подвязных и датировал III в. н. э. [28, с. 51, № 44, табл. 9, 12]. А. С. Скрипкиным такие фибулы отнесены к варианту 4 первого типа и датированы второй половиной II — началом III в. [29, с. 102, рис. 2, *20, 21, 23*]. Думается, что принципиальных хронологических различий между вариантами 4 и 5 одночленных лучковых фибул нет; возможное их сосуществование отмечено еще А. К. Амброзом [24, с. 50]. Видимо, вариант 5 вышел из употребления позже варианта 4 (по материалам Подонья и Поволжья — в середине III в.).

Важны в хронологическом отношении и наконечники ремней (рис. 2, *16*; рис. 3, *22—25, 28*). Появление этого типа наконечников, судя по датированным монетами находкам в Армазис-хеви, относится ко второй половине — концу II в. [30, с. 46, табл. I, *4, 5*, табл. XXXVII, *13*; табл. XXXIX, *2в*, табл. LXVI, *37*, табл. LXXVIII]. Полностью сохраняя их формы и пропорции, наконечники первой половины III в. несколько увеличиваются в размерах, украшаются фацетировкой, неизвестной на металлических вещах II в. В пользу полной синхронности наконечников с обоймами и наконечников, изготовленных из одной полоски металла, говорят как совместные их находки в комплексах, так и имитация обойм гравировкой на паре наконечников из погребения у пос. Центральный (рис. 3, *24, 25*). Во второй половине III в. такие наконечники исчезают, а в комплексах конца III—IV в. они имеют совсем другие формы.

В целом комплекс следует датировать самым концом II — первой половиной III в. Подтверждают эту дату и разнотипные пряжки из погребения (рис. 2, *20—23*; рис. 3, *29, 30*), а также наблюдения над относительной хронологией нижнедонских позднесарматских комплексов, где группа могил с наборами наступательного оружия и фацетированными серебряными уздечными наборами представляет особый хронологический этап, отличный по инвентарю и обряду погребения от комплексов II в., а также и от могил второй половины III—IV в.

Нам остается рассмотреть вопрос культурной и социальной интерпретации погребения у пос. Центральный.

Проблему социальной атрибуции комплекса следует рассматривать в трех основных аспектах: оборудование могилы и трудовые затраты на ее сооружение; структура инвентарного набора; концентрация материальных ценностей.

Конструктивно погребение ничем не отличается от обычных позднесарматских подбойных ям; затраты труда на ее сооружение вряд ли превышали необходимые для рядового массива могил II—III вв. Важной отличительной чертой могильной ямы следует считать лишь широкую нишу в юго-западной ее части. Судить о значимости этого признака трудно. Отметим только, что такая же ниша, в которой лежал парадный сбруйный набор, была прослежена в богатой донской позднесарматской могиле II в. н. э.[9]

После совершения погребения 8 курган не досыпался. Кажется примечательным, что одно из богатейших погребений конца II — первой половины III в. в Подонье впущено в курган эпохи бронзы, тогда как в целом для II—IV вв. здесь преобладают основные в курганах могилы.

Наступательное оружие и сбруя представлены в комплексе с исчерпывающей полнотой для группы донских воинских могил II — середины III в. При погребении за покойником строго сохранен статус конного воина; остальной инвентарь не характеризует могилу с точки зрения его социальной функции.

Социальное положение погребенного подчеркнуто и качественным своеобразием инвентаря. Набор фаларов из могилы резко выделяет ее из степной сарматской среды II—III вв. В качестве аналогий этим фаларам как социальному индикатору можно привести находки из богатейших среднесарматских погребений (Садовый курган на Дону; Жутовский могильник, кург. 28 [31, с. 128—130; 32, с. 150], высокий социальный ранг которых несомненен. Исключительная редкость комплекта фаларов из погребения, как и наличие в нем роскошных ромбических нащечников, позволяют видеть в них важнейшее средство социального самовыражения, подчеркивающее особый социальный статус погребенного [33, с. 169]. Для сравнения отметим, что даже сбруя знатных северопонтийских воинов II — начала III в. была весьма скромной, как мы видим это, например, на рельефе Трифона из Танаиса [34, с. 86, рис. 41] и в росписях керченских склепов.

Велика и материальная ценность инвентаря могилы. Помимо значительного количества золота, пошедшего на украшение фаларов, подавляющее большинство уздечных и портупейных деталей, а также предметов личного убора изготовлено из серебра, причем следует отметить, что это не случайно подобранные вещи, а специализированные комплекты, изготовленные в едином стиле, скорее всего на заказ.

С другой стороны, отметим, что различия между погребением у пос. Центральный и группой могил богатых воинов с оружием и уздечными наборами носит «количественный» характер: един погребальный обряд; вещи, найденные в могилах, представлены одними и теми же категориями и формами. Различно лишь их количество и материал. Представляется, что различия в инвентаре этой группы погребений могут отражать социальную градацию в среде конных воинов, а сходство — качественную однородность социальных функций погребенных. Если погребения знатных конных воинов можно считать дружинными, то богатейшие могилы этой группы (типа обнаруженной у пос. Центральный) следует соотнести с верхушкой уже оформившейся военной аристократии. Такие погребения очень редки — на Нижнем Дону до сих пор известна еще одна такая могила, где, как и в Центральном, помимо другого богатого инвентаря обнаружен уникальный объект — золотой полихромный сбруйный убор [35, с. 111, 112]. Появление в донских степях группы воинских погребений, монолитных в обрядовом отношении и по представ-

[9] Могильник Кировский I, кург. 1, погр. 2. Исследован Л. С. Ильюковым в 1981 г

ленному инвентарю, но различающихся представительностью и богатством, можно считать отражением процесса складывания военной иерархии дружинного типа. Среднесарматской культуре Подонья явления такого рода не свойственны. Погребения высшей знати в это время резко обособлены от основного массива могил по всем определяющим характеристикам, связанным с погребальным обрядом и инвентарными наборами. Значительное место в этой группе занимают женские могилы (хут. Алитуб, кург. 26; хут. Сладковский, кург. 14; курган Хохлач и др.) [36, с. 103—107; 37, с. 135—136; 38, с. 132—140].

Очевидно, есть смысл связывать могилы представителей высшего социального ранга среднесарматской эпохи с древней родо-племенной знатью. Принципиальные различия в построении погребального обряда высшей знати в средне- и позднесарматское время предполагают, естественно, и различия в культовой практике социальных верхов. Объяснить их только этнографической разностью рассматриваемых групп знати трудно. В значительно большей степени они обусловлены социальным происхождением, различием социальных функций, уровнем взаимоотношений с военно-иерархической средой.

В культурном плане погребение у пос. Центральный очень близко волго-уральской группе всадниче ских могил, в которой отчетливо отразились важнейшие этнографические черты позднесарматской культуры. На Дону в воинских могилах конца II — первой половины III в. чаще всего находят вещи, отражающие очень далекие восточные связи: нефритовая портупейная скоба и перекрестие меча (Сладковский могильник, кург. 19), халцедоновые навершия мечей, костяные обкладки луков «гуннского» типа (две находки). Ареал этих деталей отделки оружия простирается вплоть до Китая и Кореи. Но в них же встречаются и вещи, фиксирующие северопонтийские или даже провинциально-римские связи (донская и северокавказская керамика, краснолаковая посуда, фибулы, ювелирные изделия, стеклянная и бронзовая посуда и др.). Сочетание восточных и западных импортов характерно и для погребений Поволжья — Приуралья (в особенности Лебедевские курганы). Таким образом, в культурном комплексе восточноевропейских кочевников II—III вв. выделяются две встречных группы импортов, источники которых характеризуются пока довольно расплывчато. Созданию двунаправленного степного коридора способствовал целый ряд факторов: единство кочевнического культурно-хозяйственного типа, относительная однородность этнографической среды, а возможно, и взаимные торговые интересы Рима и Востока [10, с. 86], реализовавшиеся по северной, степной дороге Великого шелкового пути [39, с. 90, 93]. Более ранние связи кочевников с Востоком фиксируются редкими находками ханьских зеркал в донских комплексах I в. до н. э.— II в. н. э. (три случая).

Эти факторы затрудняют определение «местного» или «инородного» характера каждого конкретного комплекса позднесарматской эпохи на Дону, так как они способствовали возникновению целого ряда близких признаков в системе погребальной обрядности на громадных пространствах от Подонья до Зауралья, а инвентарь многих погребений конца II — первой половины III в., как уже указывалось, органически сочетает восточные, западные и местные причерноморские элементы. Поэтому для постановки вопроса о появлении в степях Подонья новых элементов населения с востока особо показательными представляются два факта, получившие отражение в принципиально разнородных видах источников.

Во-первых, присутствие в регионе не известных здесь ранее групп населения фиксируется танаисскими надписями. Анализируя имена, встречающиеся в танаисских надписях, Д. Б. Шелов делает вывод о появлении в городе новых этнических элементов и связывает это событие с локальным передвижением кочевых племен из районов Поволжья — Прикаспия, не коснувшимся Боспора. Приток нового населения в Танаис относится, по мнению Д. Б. Шелова, к 50—80-м годам II в. н. э. [40, с. 90, 92]. Материалы грунтового и курганного некрополей Танаиса также подтверждают этот вывод — не позднее второй половины II в.

здесь появляется группа погребений, связанная с позднесарматскими культурно-обрядовыми традициями [41, с. 150; 42, с. 77—79].

Во-вторых, особо показательным представляется факт смены погребений знати, характерных для I — начала II в. н. э. (Садовый курган; Хохлач; кург. 13 и 14 у хуторов Верхнеянченков и Кудинов [43, с. 93—117; 44, с. 142—151], Новоалександровка I, кург. 11 [45, с. 127]; Высочино VII, кург. 28 [46, с. 163—171] и др.), на могилы принципиально иного облика (Центральный VI, кург. 16, погр. 8; Ростов-на-Дону, кург. 6, погр. 8 [35, с. 111—112]). Он, несомненно, отражает сдвиги культурно-этнического и социального порядка, происшедшие в течение II в. н. э. в среде политически господствующих слоев кочевников степного Подонья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Луконин В. Г* Иран в эпоху первых сасанидов. Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
2. *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972.
3. *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов//ВДИ. 1947. № 3.
4. *Смирнов К. Ф.* Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья//Докл. и сообщ. истор. ф-та МГУ Вып. V. М., 1947.
5. *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
6. *Шилов В. П.* Отчет о работах Астраханской экспедиции за 1964 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3156.
7. *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1961 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2380.
8. *Rau P.* Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927.
9. *Багриков Г И., Сенигова Т. Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.)//Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1968. № 2.
10. *Мошкова М. Г* Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане//КСИА. 1982. Вып. 170.
11. *Пшеничнюк А. Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983.
12. *Смирнов К. Ф.* Сарматские погребения Южного Приуралья//КСИИМК. 1948. Вып. XXII.
13. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1984.
14. *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1975 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6470.
15. *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг.//СА. 1936. № 1.
16. *Сальников К. В.* Сарматские погребения в районе Магнитогорска//КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.
17. *Скрипкин А. С., Мамонтов В. И.* Об одном новом типе позднесарматских кинжалов//СА. 1977. № 4.
18. *Федоров-Давыдов Г. А.* Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника//СА. 1980. № 2.
19. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
20. *Ждановский А. М.* Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры//Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
21. *Шилов В. П.* Отчет о раскопках Волго-Донской археологической экспедиции в 1977 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9530.
22. *Мелюкова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты//СА. 1962. № 1.
23. *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Багаевской экспедиции в 1971 г.//Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М., 1974.
24. *Мошкова М. Г.* Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на Нижнем Дону//Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
25. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. II. СПб., 1914.
26. *Спицын А. А.* Фалары Южной России//ИАК. 1909. Вып. 29.
27. *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя Скифского//КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI.
28. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э.// САИ. 1966. Вып. Д1-30.
29. *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья//СА. 1977. № 2.
30. *Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А.* Мцхета. Археологические памятники Армазис-хеви по раскопкам 1937—1946 гг. Тбилиси. 1958.
31. *Капошина С. И.* Ценные находки археологов в районе Новочеркасска//Вестн. АН СССР. 1963. № 3.
32. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
33. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976.
34. *Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
35. *Волков И. В.* Охранные раскопки в Ростове-на-Дону//АО—1983. М., 1985.

36. *Засецкая И. П.* Отчет о работах Манычского отряда Волго-Донской экспедиции в 1971 г.//Архив РОМК. Ф. 2. Оп. 11. Д. 57.
37. *Максименко В. Е., Косяненко В. М.* Исследование курганного могильника на р. Быстрой//АО—1978. М., 1979.
38. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. Древности времен переселения народов. СПб., 1890.
39. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Великий шелковый путь//ВИ. 1985. № 9.
40. *Шелов Д. Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным Танаисской ономастики//ВДИ. 1974. № 1.
41. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
42. *Гугуев В. К.* Новые подкурганные захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность//Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1983.
43. *Капошина С. И.* Отчет о работах Кобяковской экспедиции в 1960 г.//Архив РОМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 5.
44. *Капошина С. И.* Исследования курганного могильника у хут. Кудинова в 1961 г.// Архив РОМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6.
45. *Лукьяшко С. И., Головкова Н. Н., Обозный В. И., Гамаюнов А. К.* Раскопки курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы//АО—1977. М., 1978.
46. *Беспалый Е. И.* Курган I в. н. э. у г. Азова//СА. 1985. № 4.

S. I. Bezuglov

A LATE SARMATIAN BURIAL OF A NOBLE WARRIOR IN THE STEPPE BELT OF THE DON BASIN

Summary

The author offers the materials obtained from a rich late Sarmatian burial on the left bank of the lower Don. The grave goods date it within the late 2nd and the first half of the 3rd centuries A. D. His comparisons led the author to the conclusion that a noble warrior was buried there. He also emphasises that the burials of this type in the lower Don gave place, in the 1st and the early 2nd centuries, to rich burials. The latter exhibited the traces of intricate rituals at the lower horizon and yielded sumptuous gold, silver and bronze vessels. This rather sudden change in the ethnosocial top levels of the nomad world may well be an evidence of new settlers in the region. This surmise is supported by the materials from Tanais. By their cultural type the Don burial of noble warriors of the late 2nd and the first half of the 3rd centuries stand close to the contemporary nomad burials in the Volga area and western Kazakhstan.

А. И. МИНЖУЛИН

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ ВОИНА-ЛУЧНИКА V—IV ВВ. ДО Н. Э. ИЗ КУРГАНА У СЕЛ. ГЛАДКОВЩИНА

(реставрация и научная реконструкция)

В 1984—1985 гг. специалистами Государственной научно-исследовательской реставрационной мастерской Украинской ССР были проведены работы по исследованию, реставрации и реконструкции защитного вооружения из погребения скифского воина V—IV вв. до н. э. у с. Гладковщина [1, с. 20] (раскопки В. П. Григорьева в 1982 г.).

Плохие погодные условия во время раскопок, плохая сохранность предметов и песчаный грунт не позволили взять погребение монолитом или хотя бы законсервировать находки, поэтому доспехи были сняты блоками, которые в результате длительного хранения рассохлись и частично перемешались (рис. 1, *1*, *2*).

Реставрация была начата с фотофиксации и нумерации всех фрагментов доспехов (более 800 шт.). Затем были взяты несколько наиболее прочных фрагментов каждого доспеха для проведения исследований и разработки методик реставрации.

В результате исследований установлено, что все защитные доспехи изготовлены из железных чешуек и пластин, которые, как и все материалы органического происхождения: кожа, войлок, дерево, кость были полностью минерализованы. Определено также, что доспехи имели кожаную основу, на которую пришивались пластины.

Микроскопическое исследование пришивных стежков дает основание предполагать, что этим материалом были сухожилия.

Для определения истинных форм и размеров пластин и системы крепления их к кожаной основе проведена зондажная расчистка на фрагментах доспехов со стороны основы (рис. 1, *4*).

В дальнейшем фрагменты доспехов были расчищены от почвенных наслоений, разложены на песке и по найденным линиям разломов состыкованы. Рассыпающиеся фрагменты были укреплены полимерными смолами и склеены. Фрагменты и склеенные из них целые доспехи расчищались только с лицевой стороны. Остатки тканей, кожаных кантов и ремней на пластинах не удалялись.

Во время реставрации приходилось отделять прочно соединенные между собой фрагменты и пластины доспехов. Так, например, щит в погребении лежал под панцирной рубахой и был прочно скреплен с ней минерализованными продуктами органического происхождения. Во время разъединения одного из фрагментов щита с вырезом в виде «щели» и фрагмента панцирной рубахи выяснилось, что фрагмент щита жестко прикреплен к фрагменту панциря двумя скобами, изготовленными из круглых железных прутьев диаметром 6 мм (рис. 1, *3*).

В результате проведенной работы выявлены формы, размеры и конструкция рассматриваемого защитного вооружения (рис. 1, *5*; 2). Определены кожаные канты доспехов, месторасположение и устройство крепежных ремней. Обнаружены минерализованные остатки тканей (на шлеме), войлока (на поясничном доспехе), кожи (основа всех доспехов) и сухожилий (шитье пластин). Найдены скобы диаметром 0,6 см, размером 2,5×1,6 см, при помощи которых щит жестко крепился к панцирной рубахе строго по центру на пятом ряду пластин. Достоверно определены форма, размеры, общее количество пластин и рядов для

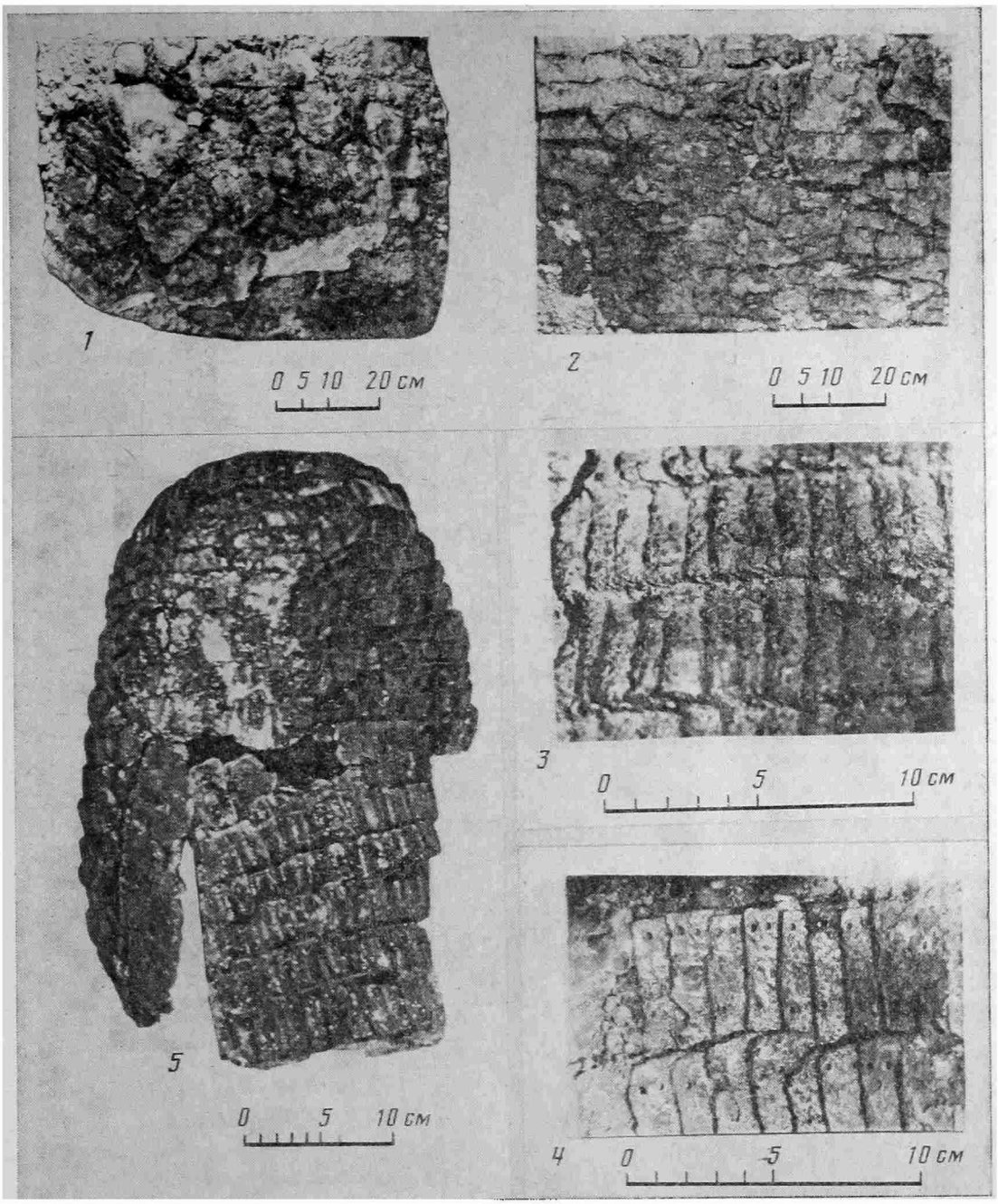


Рис. 1. *1* — состояние шлема до реставрации; *2* — рубаха и щит до реставрации; *3* — места крепления щита к рубахе после расчистки; *4* — зондажная расчистка щита со стороны основы; *5* — шлем после реставрации

каждого доспеха, местонахождение и количество крепежных отверстий на пластинах. На доспехах обнаружены ремонтные заклепки, а также выявлено несколько пластин, деформированных острым предметом, предположительно следы ударов стрел или копий.

Документальный факт жесткого крепления щита к панцирной рубахе на спине воина был определен впервые и требовал доказательств возможности применения его скифскими воинами. Это обстоятельство привлекло внимание многих историков и археологов. Сотрудники Государственного Эрмитажа и Института археологии АН УССР предоставили нам возможность ознакомиться с материалами раскопок скифских курганов и дали существенные рекомендации и консультации по защитному вооружению раннего железного века.

Для сравнения рассмотрим более детально защитные доспехи из Гладковщины и аналогичные находки из раскопок Г. Л. Евдокимова у сел Первомаевка и Зеленое [2]; С. В. Полина у с. Красный Подол [3,

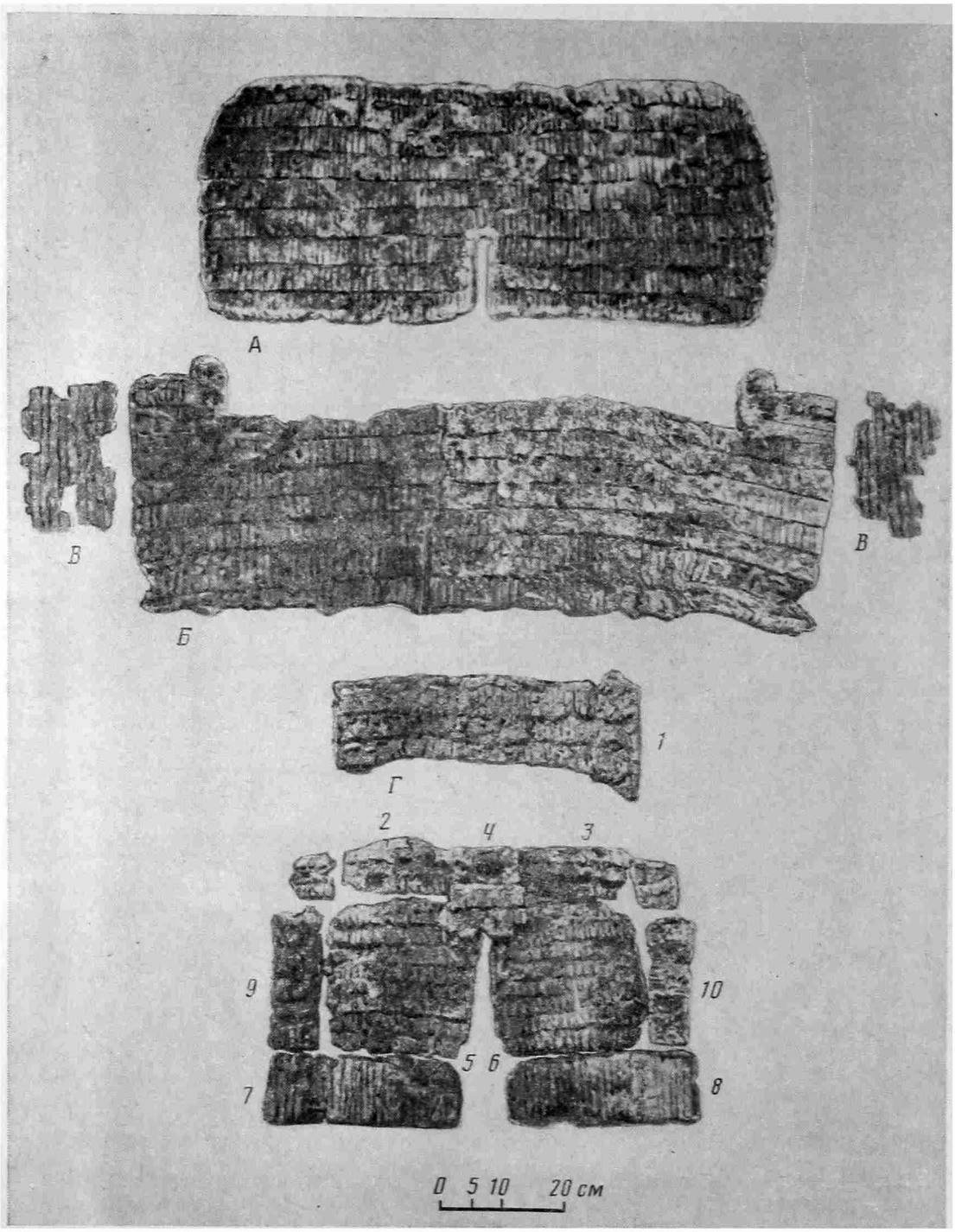


Рис. 2. Склеенные из фрагментов доспехи в процессе реставрации

с. 105—107) на Херсонщине; О. Г. Шапошниковой у с. Новорозановка; [4, с. 208—212]; защитное вооружение всадника, изображенного на Золотом гребне из кургана Солоха (рис. 3, *4*).

1. *Панцирная рубаха* (рис. 2, *Б*; 4, *1*, *2*, *4*; таблица) лежала в погребении пластинами вниз, на щите, строго симметрично прикрывая его на половину высоты. Форму рубахи можно представить как полотно с двумя выступами по краям верхней стороны.

Вопрос о том, как носился этот доспех, заставил обратиться к имеющимся реконструкциям скифских доспехов. В существующих графических реконструкциях панцирные рубахи имеют систему крепления, аналогичную панцирю всадника, изображенного на солохском гребне, т. е. завязываются на боку.

Натурная реконструкция (с помощью выкройки из плотной ткани), проведенная на основании наших материалов, показала, что конструк-

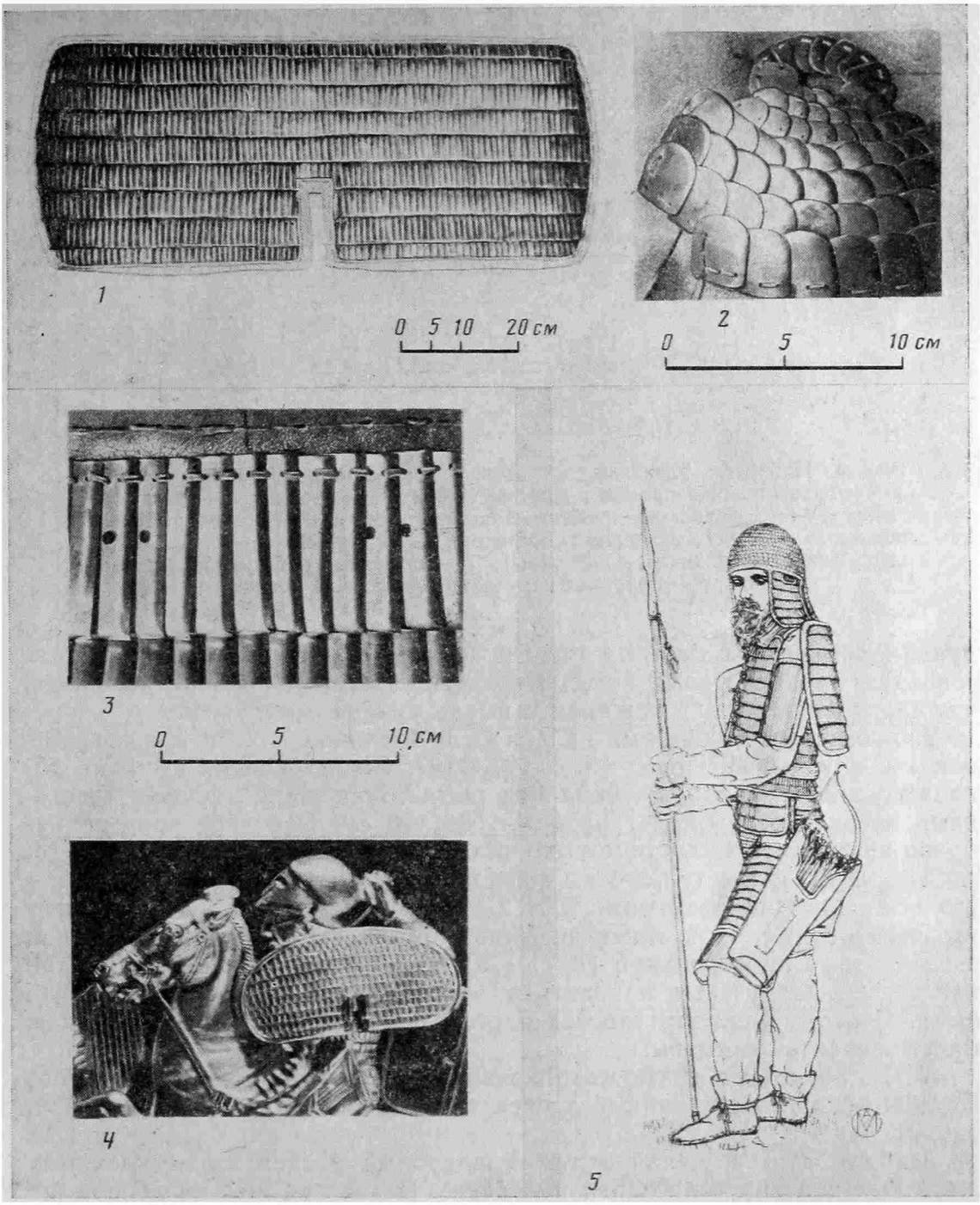


Рис. 3. *1* — натурная реконструкция щита; *2* — натурная реконструкция шлема (фрагмент); *3* — натурная реконструкция рубахи (фрагмент); *4* — гребень из кургана Солоха. Деталь: изображение всадника; *5* — воин из кургана у с. Гладковщина (графическая реконструкция)

ция панцирной рубахи из Гладковщины предусматривает разрез спереди. Учитывая то, что правый выступ рубахи шире на 3—4 см, можно предположить перекрытие правого борта рубахи левым на такую же величину. Такая конструкция гарантирует надежность панциря в этом месте. Аналогичная система крепления имеется на изображении воина в вазовой живописи (краснофигурный килик Дуриса) [5, с. 48].

Панцирная рубаха из Гладковщины защищает полностью перед воина и спину до уровня лопаток. Естественно, что такая конструкция является неполной, и можно предполагать, что сохранилась та часть рубахи, которая была покрыта пластинами. Доказательством этому служит наличие между панцирем и щитом отпечатков складок кожи, похожих на рукава. Также между панцирем и щитом были найдены на-

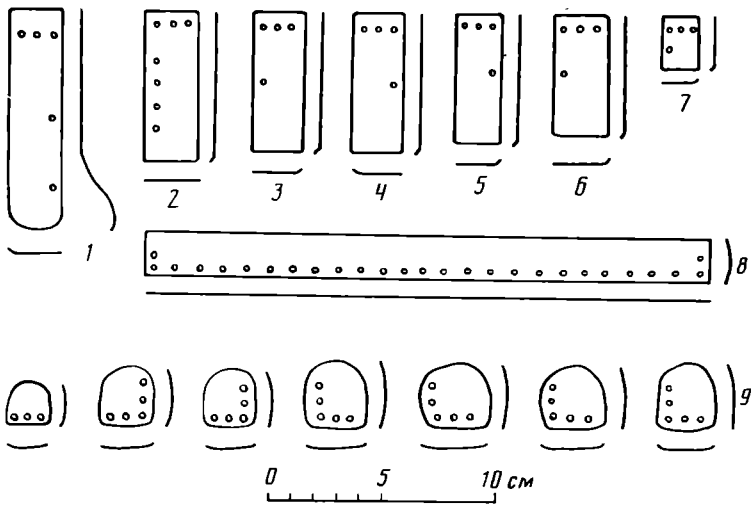


Рис. 4. Наборные пластины доспехов. *1* — рубаха, пластины 2-го ряда; *2* — рубаха, крайние правые пластины (1-й и 3—7-й) ряды; *3* — щит, пластины 1—8-го рядов; *4* — рубаха, пластины 1-го и 3—7-го рядов; *5* — штаны, пластины поясничного доспеха (1—2-й ряды); *6* — штаны, пластины набедренников (1—7-й ряды); *7* — пластины набедренников (9-й ряд); *8* — пластины наручей; *9* — пластины шлема

ручи, набранные из длинных пластин (рис. 2, *В*), расположение которых совпадает с отпечатками кожи. Исходя из этого, можно предположить, что часть рубахи была кожаной и имела рукава с наручами.

Аналогичный доспех был найден С. В. Полиным в 1974 г. в погребении 1 у с. Красный Подол [3, с. 107, 110]. Доспех входил в состав дополнительного набора и лежал под щитом бобовидной формы пластинами вверх. Доспех имеет размеры 50×110 см. Основное полотно набрано из восьми рядов прямоугольных пластин размерами 4×2 см [3, с. 111, рис. 11]. Выступы этого доспеха набраны из семи рядов прямоугольных пластин размерами 3,3×2 см. К сожалению, доспех имеет утраты с обеих сторон. Автор раскопок интерпретирует этот доспех как своеобразные набедренники [3, с. 110]. Такое утверждение спорно, так как ряды пластин были набраны от ровной стороны к стороне с выступами. Поэтому если этот доспех одеть как набедренники, то пластины будут отходить от основы.

М. В. Горелик в графической реконструкции доспехов из Красного Подола представляет данный доспех тоже как набедренники [6, с. 120 рис. 2].

Автором статьи был изготовлен подобный доспех из натуральных железных пластин и проверен на натуре. Оказалось, что он абсолютно непригоден в качестве набедренников, так как в нем невозможно было сесть, и, напротив, очень подходил в качестве панцирной рубахи. В дополнительном наборе из Красного Подола имелся доспех, внешним видом напоминающий фартук, который в реконструкции М. В. Горелика интерпретируется как набрюшник и изображен поверх «набедренников» [6, с. 120, рис. 2]. В приведенной реконструкции оказалась двойная защита бедер и совершенно незащищенное туловище воина, прикрытое лишь щитом спереди. Доказательством того, что доспехи подобной формы являются панцирными рубахами, может служить и то, что доспех в погребении лежал симметрично по отношению к щиту, т. е. так же, как и доспехи из Гладковщины.

2. *Щит* из Гладковщины (рис. 2, *А*) лежал в погребении под панцирной рубахой пластинами вниз (рис. 4, *3*).

Существует большое количество описаний подобных щитов с характеристикой материала, конструкции и характера основы. Однако неясен способ их крепления и ношения, неясно назначения выреза-«щели» в нижней части и двух трубочек, укрепленных на некоторых щитах у краев «щели». Нет данных относительно общего веса щитов. Единственным

№ п/п	Доспех	Составные части доспеха	Размеры частей доспеха, см	Количество рядов *	Количество пластин в ряде и порядок набора **	Размеры пластин по рядам, см	Кол-во пластин в части доспеха	Кол-во пластин в доспехе
		Основное полотно	36×112	7	1—81п; 2—80п; 3—90п; 4—94п; 5—94п; 6—100п; 7—109п	1, 3, 4, 5, 6, 7—6,4×2,1; 2—10×2,4	648	
		Нагрудье правое	13×16,5	6	12л	3×2,6	72	
1	Рубаха	Нагрудье левое	13×14	2	1—13п; 2—12п	6,4×2,1	25	775
		Оплечье правое	4,5×5	1	5п	6,4×2,1	5	
		Оплечье левое	4,5×5	1	5п	6,4×2,1	5	
		Наруч правый	25×13,5	1	10п	25×2	10	
		Наруч левый	25×13,5	1	10п	25×2	10	
2	Щит	Щит	39×94	9	1—81л; 2—82л; 3—82л; 4—88л; 5—93л; 6—92л; 7—91л; 8—86л; 9—83л	6,4×2,1 9—4,5×1,9	778	778
		Набедренный защитный пояс (поясничный доспех)	20×48	3	1—47л; 2—49л; 3—52л	6×1,9	148	
		Набедренный защитный пояс (набрюшник правый)	10×23	3	1—22л; 2—22л; 3—23л	1,2—4,5×1,9 3—3,5×1,9	67	
		Набедренный защитный пояс (набрюшник левый)	10×23	3	1—22п; 2—22л; 3—22л	«	66	
		Клин	18,5×13,5	4	1—10п; 2—10л; 3—11п; 4—12п	1; 3—6,5×1,9; 2; 4—4,5×1,9	43	
3	Штаны	Набедренник правый	27×26	9	1—17л; 2—17л; 3—18л; 4—18л; 5—18л; 6—20л; 7—22л; 8—22п; 9—24п	5×2,3 8—3,5×1,5 9—2,5×1,5	176	905
		Набедренник левый	27×26	9	1—18л; 2—18л; 3—18л; 4—19л; 5—20л; 6—19л; 7—20л; 8—20л; 9—17л	5×2,3	169	

Таблица (окончание)

№ п/п	Доспех	Составные части доспеха	Размеры частей доспеха, см	Количество рядов *	Количество пластин в ряде и порядок набора **	Размеры пластин по рядам, см	Количество пластин в части доспеха	Количество пластин в доспехе
3	Штаны	Наколенник правый	12,5×31	1	26л	12,5×2	26	
		Наколенник левый	12,5×31	1	26л	12,5×2	26	
		Лампас правый	34×8	20	6л	3×2,8	120	
		Лампас левый	34×8	8	8п	6×1,9	64	
		Шлем	высота 18; окружность у основания 66	14	1—14л; 2—24л; 3—34л; 4—34л; 5—32л; 6—38л; 7—40л; 8—42п; 9—44л; 10—44л; 11—48л; 12—48п; 13—44л; 14—44л.	1; 2; 3—1,76×2,1; 4—2,8×2,8; 5—2,5×3,0; 6—2,5×2,8; 7—2,6×3,0; 8—2,6×2,8; 9—2,6×2,6; 10—2,6×2,8; 11—2,5×2,8; 12—2,6×3,2; 13—2,7×3,2; 14—2,7×2,3	530	
4	Шлем с назатыльником и нащечниками	Назатыльник (продолжение шлема)	21×24	7	15—10л; 16—10л; 17—10л; 18—8л; 19—5л; 20—4л; 21 окантовочный—20п	15, 16, 17, 18, 19—26×30; 20, 21—4,5×2,5	67	775
		Нащечник правый	21×16	6	1—12л; 2—14п; 3—17п; 4—17п; 5—17п; 6—12п	1—6×2; 2—5×1,8; 3, 4, 5—4,5×1,8; 6—4×1,8	89	
		Нащечник левый	21×16	6	1—12п; 2—14л; 3—17л; 4—17л; 5—17л; 6—12л.	«	89	

Всего: 3233

* Счет рядов пластин ведется снизу вверх; шлем и назатыльник — сверху вниз.
** п — правый; л — левый.

наглядным изображением подобного щита является вооружение всадника солохского гребня.

О солохском гребне за семь десятилетий, прошедших со дня его находки, издано множество публикаций русских, советских и зарубежных искусствоведов и историков. Многие из них атрибутировали одежду, вооружение и доспехи воинов, изображенных на гребне.

Е. В. Черненко высказывает мысль о том, что щиты типа солохского закреплялись на корпусе воина с помощью крючьев к трубочкам: «Это было продиктовано стремлением освободить руки воина, дать ему возможность управлять конем и действовать оружием» [5, с. 104]. Находки таких трубочек совместно с остатками подобных щитов встречаются довольно часто. Они были обнаружены А. И. Тереножкиным в 1965 г. в кургане у г. Орджоникидзе [5, с. 104], известны в составе инвентаря погребения в кургане Солоха [5, с. 104], в погребении у с. Красный Подол [6, с. 111, рис. 10]. М. В. Горелик в графической реконструкции защитного снаряжения из кургана у с. Красный Подол изобразил воина со щитом «типа солохского» [6, с. 120]. М. И. Ростовцев, а также А. И. Мелюкова предполагали, что щиты типа солохского могли быть плетенными из прутьев лозы или кожи.

3. *Панцирные защитные штаны* (рис. 2, *Г*) представляют собой сложный, набранный из прямоугольных пластин и чешуек комплекс (рис. 4, *5—7*), состоящий из отдельных деталей, обшитых кожаными кантами.

I. Набедренный защитный пояс (из трех частей): поясничный доспех (защита поясницы) (рис. 2, *Г — 1*) и набрюшник двухсоставной (защита нижней части живота) (рис. 2, *Г — 2, 3*).

II. Клин (защита паховой области) (рис. 2, *Г — 4*).

III. Набедренники (защита бедер) (рис. 2, *Г — 5, 6*).

IV. Наколенники (защита коленных суставов) (рис. 2, *Г — 7, 8*).

V. Лампасы (защита бедер с боков) (рис. 2, *Г — 9, 10*).

Большое количество частей, составляющих защитные штаны, по-видимому, не случайно и свидетельствует о том, что этот доспех мог принадлежать только всаднику, так как позволял ему быть подвижным, не стеснял движений.

По краям доспехов, составляющих штаны, заметно большое количество тлена кожи. В погребении доспехи лежали в разостланном виде, штаны были несколько смещены в сторону. Можно предположить, что все части штанов были нашиты на объединяющую кожаную основу в виде фартука-штанов. Крепился этот сложный доспех кожаными ремнями к панцирю и затягивался на бедрах.

Аналогичный поясничный доспех, отличающийся лишь размерами и количеством набора пластин, найден в погребении 3 кургана 2 у с. Зеленое [2]. Доспехи, объединяющие функции набедренников и поножей, найдены в курганах у с. Новорозановка [4, с. 208—212] и у с. Красный Подол. В погребении у Красного Подола в состав дополнительного набора доспехов входил еще один доспех-фартук, также служащий для защиты живота и части бедер.

4. *Чешуйчатый шлем* (рис. 1, *5*; 4, *9*) с назатыльником и пластинчатыми нащечниками лежал в погребении у изголовья. Нащечники шлема одновременно выполняли функции оплечий. Характерно то, что чешуи шлема и назатыльника набраны сверху вниз и имеют левый и правый порядок набора, а ряды набора нащечников идентичны остальным доспехам. По-видимому, такая конструкция более надежно защищает голову воина.

Необходимо также отметить, что в верхней части нащечников имеются специальные отверстия (2×4 см), обшитые кантами. На одном из них обнаружен набранный из пластин и обшитый кантом клапан. Возможно, что эти отверстия служили слуховыми окнами, а клапаны — для их прикрытия. При расчистке и реставрации на оборотной стороне клапана найдена удлиненная пластина, концы которой, выходящие за рамки клапана, имели отверстия, предназначенные, по-видимому, для крепления вместе с клапаном.

Находки подобных шлемов очень редки, одним из них является шлем из Новорозановки. Шлем также имеет назатыльник и нащечники, набранные из мелких чешуек и пластин. Ряды чешуек набирались снизу вверх. Нащечники и назатыльник набраны из длинных пластин. Конструктивно шлем из Гладковщины можно считать по своим защитным функциям более надежным, чем шлем из Новорозановки.

Чтобы наглядно убедиться в достоверности предположений и выводов относительно конструктивных особенностей защитного вооружения воина из кургана у с. Гладковщина, автором была осуществлена их натурная реконструкция.

Для натурной реконструкции щита размерами 40×95 см, было изготовлено из железа 778 пластин размерами 6,4×2,1 см. Правый и нижний край пластин слегка загнут внутрь. Отверстия для крепления располагались — три по короткой стороне и одно по длинной.

Для девятого, верхнего ряда были изготовлены панцирные пластины 4,5×1,9 см. Уменьшенные размеры последних рядов пластин большинства доспехов можно объяснить тем, что набранные ряды пластин перекрывали друг друга примерно на одну треть высоты. По этой причине последний ряд был на такую же величину меньше.

При реконструкции пластины нашивались на кожаные ленты провощенными капроновыми нитками толщиной 1,5 мм, притом каждая пластина прикрывала предыдущую наполовину (рис. 3, *1*, *3*). Шитье проводилось одновременно двумя нитками. Первая нитка скрепляла пластины в верхней части (по короткой стороне), вторая — в средней части (по длинной стороне). Затем ленты с пластинами нашивались на кожаную основу щита толщиной 4 мм так, чтобы каждый последующий ряд перекрывал предыдущий на треть высоты. На завершающей стадии реконструкции щит был обшит кожаным кантом. Нужно отметить, что эта операция, на наш взгляд, является самой трудоемкой, так как требует особой сноровки и опыта. Например, в местах закруглений приходилось прошивать до 4 пластин вместе, при этом строго соблюдая шаг стежков согласно отверстиям в пластинах.

Для реконструкции панцирной рубахи, имеющей общие размеры 49×112 см, было изготовлено 568 пластин размерами 6,4×2,1, 80 пластин по 10×2,4 см, 72 чешуйки размерами 3×2,6. Сложность при изготовлении представляли пластины второго ряда, которые проходили по линии талии и имели изогнутую форму в разрезе. Пластины этого ряда имели 3 отверстия по короткой стороне и 2 по длинной. Пришивались тремя нитками на кожаную ленту.

Правое нагрудье панцирной рубахи было набрано из чешуек, которые имели 3 отверстия по верхней стороне и 2 по боковой. Шитье велось одной ниткой и начиналось с правого верхнего угла чешуйки, доходило до левого угла, опускалось вниз, возвращалось, затем накладывалась следующая чешуйка и т. д. Чешуйки пришивались на основу.

Основная часть пластин рубахи по форме и размерам идентична пластинам щита и нашивалась по аналогичной методике на основу из кожи толщиной 2 мм.

Для наручей были изготовлены пластины набора размерами 24,5× ×2 см. Пластины прямоугольные, овальные в поперечном разрезе. Имеют 2 отверстия по короткой стороне и 23 — по длинной.

Реконструкция шлема и панцирных штанов в настоящее время может быть представлена фрагментами. Наиболее интересна по конструкции верхняя часть шлема.

Фрагмент набран из семи рядов чешуек, по 10 шт. в каждом. Размеры чешуек: 2,1×1,8 см — в первом — третьем рядах, 2,8×2,8 см — в четвертом, 3×2,6 в пятом, 2,8×2,5 см — в шестом, 3×2,6 см — в седьмом рядах. Пластины шлема верхних трех рядов имели по нижней стороне 3 отверстия, а по боковым 1. Все остальные чешуйки имеют 3 отверстия по нижней и 2 по боковой стороне. Нашивались чешуйки аналогично чешуйкам панцирной рубахи.

Натурная реконструкция доспехов всегда начиналась с пробных фрагментов и вариантов. В основном это подборка качества основы, определение системы шитья пластин, способы крепления доспехов и др. Например, решение нашивать пластины на ленты, а последние на основу было принято в результате учета многих факторов. Так, при реставрации под пластинами и между ними в панцирной рубахе и щите обнаружены остатки кожи. Далее, ряды набора в этих доспехах после реставрации в нескольких местах имели дугообразные, как бы повисшие линии.

При реконструкции панциря первоначально были нашиты четыре ряда пластин на основу. Во время испытаний установлено, что при изгибах туловища в сторону пластины своим верхним краем упирались в шов находящего на них ряда и в процессе носки доспеха могли его срезать. Ленточный набор позволял производить ремонт доспеха. Для этого достаточно доспех согнуть в обратную сторону и приподнять ряд для замены пластин. И последнее немаловажное обстоятельство — это разделение труда при массовом производстве. Пластины различных размеров, изготовленные кузнецом, могли нашиваться женщинами и подростками на ленты, из которых мастер мог комбинировать доспехи различного назначения.

При освоении методов шитья пластин большую помощь оказали реконструкции крепления панцирных пластин панциря Аргишти I из раскопок Б. Б. Пиотровского в Кармир-Блуре [7, с. 30—34]. Система крепления пластин скифских доспехов явно уступает системе панциря Аргишти I, однако система и порядок набора пластин имеют много общего.

После изготовления доспехов щит был жестко укреплен на панцирной рубахе. Примерка на натурщике дала возможность определить место крепления щита в боковых точках. Эти точки располагались на средине левого и правого края щита на расстоянии примерно 5 см от кантов (остатки окислов бронзовых накладок имеются в этих же местах на железном панцирном щите из с. Зеленое) [2]. В этих местах с внутренней стороны были пришиты кожаные крепления, которые привязывались к рукавам или наручам.

На панцирной рубахе завязки из кожаных ремней были пришиты спереди и на плечах (определено по месту нахождения ворворок).

В процессе эксперимента установлено, что щит с панцирным покрытием на кожаной основе, укрепленный жестко на спине к панцирной рубахе в двух точках у краев щели и к плечевой части рук с помощью ремней, сохраняет свою форму, обладает достаточной гибкостью и не стесняет движений.

Кожаные канты на краях доспехов придают эстетическую завершенность, а жестко пришитые кантом пластины — дополнительную прочность.

Во время выполнения натурщиком различных движений было замечено, что щель в нижней части щита постоянно находилась в движении: сужалась внизу вплотную или расширялась, что сообщало щиту большую гибкость; по-видимому, в этом и заключается функциональное назначение щели.

При резком прогибе натурщика или метании копья наблюдалась тенденция излома щита у верхней границы щели. В данном случае уместно вспомнить о трубочках, найденных на щите у краев щели в погребении у с. Красный Подол [3, с. 110], а также изображенных на щите всадника солохского гребня. Можно допустить возможность применения трубочек (срезаных на треть диаметра, по-видимому, для более устойчивого прилегания) в качестве ребер жесткости у верхних краев щели; вероятно, трубочки нижним концом крепились скобами к щиту и панцирной рубахе, одновременно скрепляя их, а верхним — только к щиту.

Защитные функции щитов «типа солохского» очень велики. Всадник движением плечевого сустава легко защищает лицо, руки, корпус и в то же время имеет возможность свободно владеть оружием.

Доспех, укрепленный на спине воина жестко, обычно описываемый как щит, требует, по-видимому, для своего определения специального термина. Не исключена возможность существования различных модификаций такого доспеха — типа крыльев или полукрыльев.

Натурная реконструкция доспехов позволяет определить вес каждого в отдельности и полного вооружения скифского воина из погребения. Вес щита составляет 5,4 кг, наручи весят 0,85 кг, шлем — 1,8—2 кг, меч в ножнах весил 0,7 кг. Три копья с древками и подтоками весили 3 кг. Одна стрела весила от 0,6 до 10 г в зависимости от веса наконечника, материала и длины древка.

На примере погребения у с. Гладковщина можно полагать, что набор защитного вооружения скифского воина весил приблизительно 17 кг, а полное боевое снаряжение имело вес около 23 кг.

В Черкасском областном краеведческом музее осуществлена экспозиция захоронения скифского воина из кургана у с. Гладковщина, включающая отреставрированные защитные доспехи, оружие и инвентарь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Минжулин А. И.* Исследование, реставрация и реконструкция комплекса «Погребение скифского воина» V—IV вв. до н. э. у с. Гладковщина//Краткие тезисы докладов Всесоюзного семинара «Новые методы исследования, консервации и реставрации художественных произведений». Л., 1985.
2. *Евдокимов Г. Д.* Работы Краснознаменской экспедиции//АО — 1983. М., 1985.
3. *Полин С. В.* Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине//Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
4. *Шапошникова О. Г.* Погребение скифского воина на реке Ингул//СА. 1970. № 3.
5. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
6. *Горелик М. В.* Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол//Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
7. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. III. Результаты раскопок 1951—1953. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1955.

A. I. Minzhulin

PROTECTIVE ARMOUR OF 5th-6th CENTURY B. C. ARCHER FROM THE VILLAGE OF GLADKOVSHCHINA

Summary

The Research and Restoration Workshop of the Ukrainian SSR studied and restored the materials from a burial of a Scythian warrior of the 5th-6th centuries B. C. (Cherkassy Region).

The material, size and design of the protective armour were established.

The life-size reconstruction has shown that the armour bean-shaped shield on the leather lining which was fixed to the coat of mail offered a reliable protection for the back and permitted freedom of movement.

The slit in the shield's lower part compensated for the lack of freedom of movement. while the tubes which ran along such slits were used to fix the shield to the coat of mail. They were, at the same time, stiffening ribs.

The Cherkassy Local Lore Museum has installed an exposition case showing the burial pit and the restored protective armour, weapons and grave goods arranged in their original order.

А. П. МОШИНСКИЙ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НЕКРОПОЛЯ IV—III ВВ. ДО Н. Э. У ПОСЕЛКА ЗАОЗЕРНОЕ (Крым)

У пос. Заозерное в окрестностях г. Евпатория Крымской археологической экспедицией МГУ под руководством И. В. Яценко с 1967 г. ведутся раскопки курганного некрополя античного времени[1]. За этот период здесь раскопаны 41 из 43 курганных насыпей и значительная часть межкурганного пространства.

Могильник располагается в 1,5 км к северо-востоку от греко-скифского городища «Чайка» и отделен от него лиманом; других древних поселений в окрестностях некрополя не обнаружено. Три самых ранних кургана могильника относятся еще к эпохе бронзы. В каждом из них есть впускные погребения античного времени. В первой половине IV в. до н. э. вокруг курганов эпохи бронзы добывали камень открытым способом. Вскоре после завершения на каменоломне основных работ ее территория начинает использоваться в качестве некрополя. В течение последующих 100 лет — со второй половины IV в. до н. э. и в первой половине III в. до н. э.— здесь совершаются погребения. Умерших хоронят и в курганах, как в уже существующих, так и во вновь возведенных, и в бескурганных погребальных сооружениях в межкурганном пространстве.

Большинство погребений совершено в ямах, которые можно разделить на две основные группы: на простые грунтовые ямы и на ямы со стенками, обложенными камнями. И те и другие встречаются как с перекрытиями, так и без них. Обычно перекрытием является каменный заклад. В одном случае погребение было сооружено из черепицы, что является типично греческой чертой обряда и часто встречается в некрополях греческих городов. Размеры ям, как правило, соответствовали росту погребенного. Камни, которыми обкладывались стенки ям, обычно устанавливались на ребро, в отдельных же погребениях укладывались плашмя, причем в этом случае облицовка доходила до верха ямы (рис. 1), но не всегда доходила до дна. Ямы, облицованные камнями, стоящими на ребре, содержат, как правило, несколько костяков. Вероятно, этими камнями четко фиксировались границы ямы с учетом возможности последующих захоронений. Ямы же, стенки которых состоят из лежащих плашмя камней, содержат только по одному костяку; вероятно, такая обкладка должна была препятствовать проседанию могильного перекрытия. Ямы, облицованные камнями, поставленными на ребро, встречаются как в Северном Причерноморье, так и в некрополях Греции. Погребения такого типа известны у племен кизил-кобинской культуры; в Западном Крыму подобные конструкции обнаружены в некрополе у Песочной бухты у Херсонеса и в некрополе Панское I [1, с. 264; 2, с. 160; 3, с. 109; 4, с. 70].

В кургане 21 центральное погребение было совершено на уровне древней дневной поверхности, на вымостке из небольших плоских камней.

В курганах 12 и 29 захоронения совершены на подсыпке из глины. Возможно, это является пережитком негреческого обряда [5, с. 105].

---

[1] Автор выражает глубокую признательность И. В. Яценко, любезно предоставившей ему материалы раскопок.

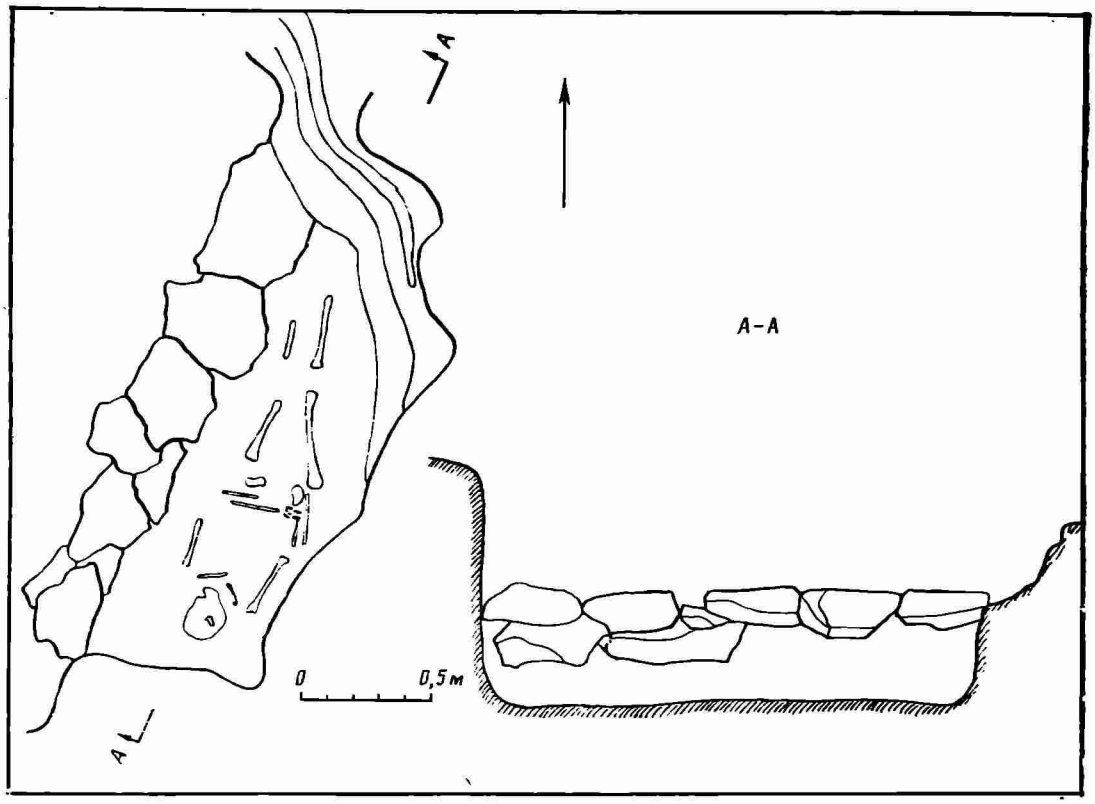


Рис. 1. Курган 39, погребение 2. План и разрез

Рис. 2. Курган 29. Погребение коня

Интересно, что одному из этих погребений сопутствовало погребение коня, также уложенного на глиняную подсыпку. Конь был обезглавлен и лежал на спине без предметов конской упряжи (рис. 2). Исследователи единодушно сходятся во времени, что погребение коня может быть чертой только варварского, но никак не эллинского погребального обряда. Аналогичное погребение коня на подсыпке из глины было обнаружено в Старшем Трехбратнем кургане у Тобечикского озера [6, с. 180].

Среди погребальных сооружений некрополя значительную группу составляют каменные ящики и склепы, основное различие между которыми состоит в наличии или отсутствии входа. Некоторые склепы име-

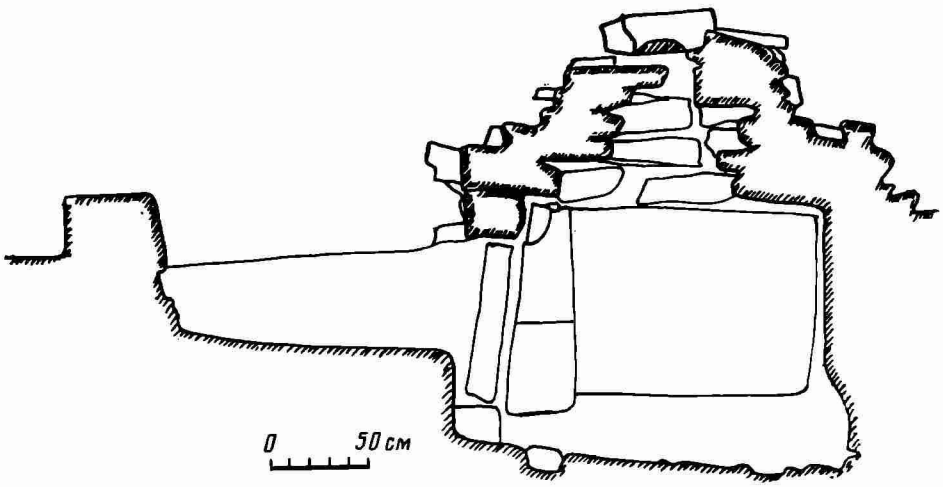


Рис. 3. Курган 30, склеп 1. Разрез по линии север — юг с видом на запад

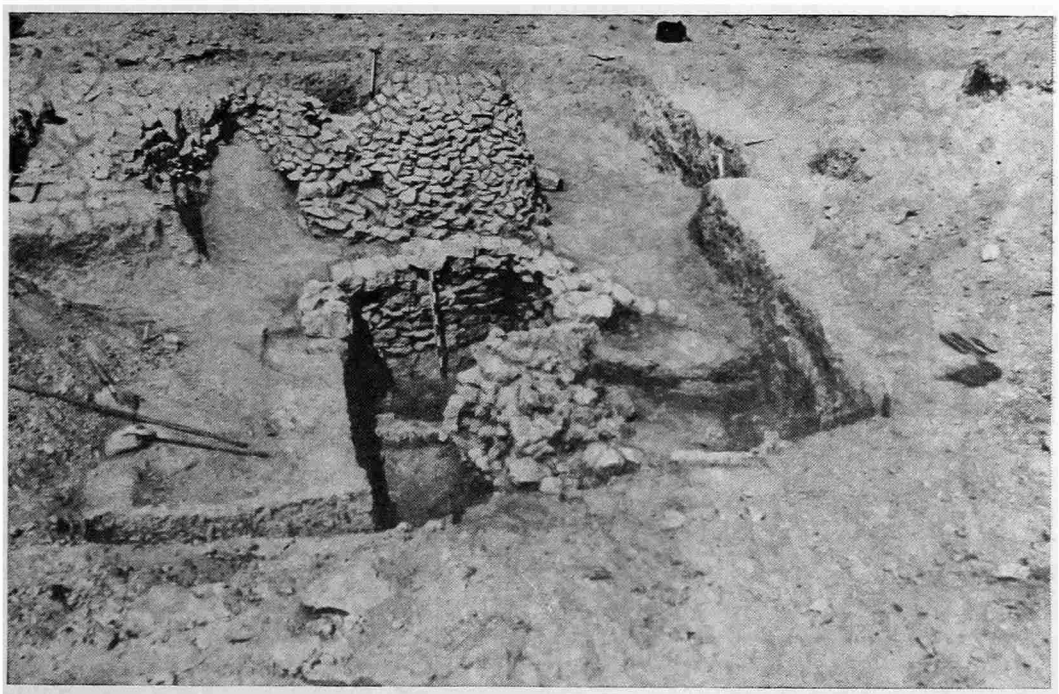


Рис. 4. Курган 30, склеп 1

ют дромос, забитый камнями. Вероятно, дромос заполнялся камнями после каждого очередного погребения, чтобы быть вновь разобранным во время следующих похорон.

У двух склепов (кург. 16 и 30) сохранились перекрытия, построенные по принципу ложного свода, широко распространенного на Боспоре (рис. 3). У этих же склепов сохранился панцирь из бутового камня. Склеп с панцирем производит впечатление монументального сооружения, похожего на небольшую башню (рис. 4). Исходя из этого можно утверждать, что эти склепы были рассчитаны на функционирование в течение определенного времени без курганной насыпи и лишь после прекращения в них захоронений были засыпаны землей. Склепы с уступчатыми перекрытиями, вероятно, были символами богатства семьи, которая могла себе позволить такую роскошь. В связи с этим особенно интересно погребение из кургана 26, совершенное в грунтовой яме, над которой было возведено подобие ложного свода. Вероятно, в данном случае на сооружение склепа не хватило средств, но над могилой в подражание более богатым погребальным сооружениям было сделано уступчатое перекрытие.

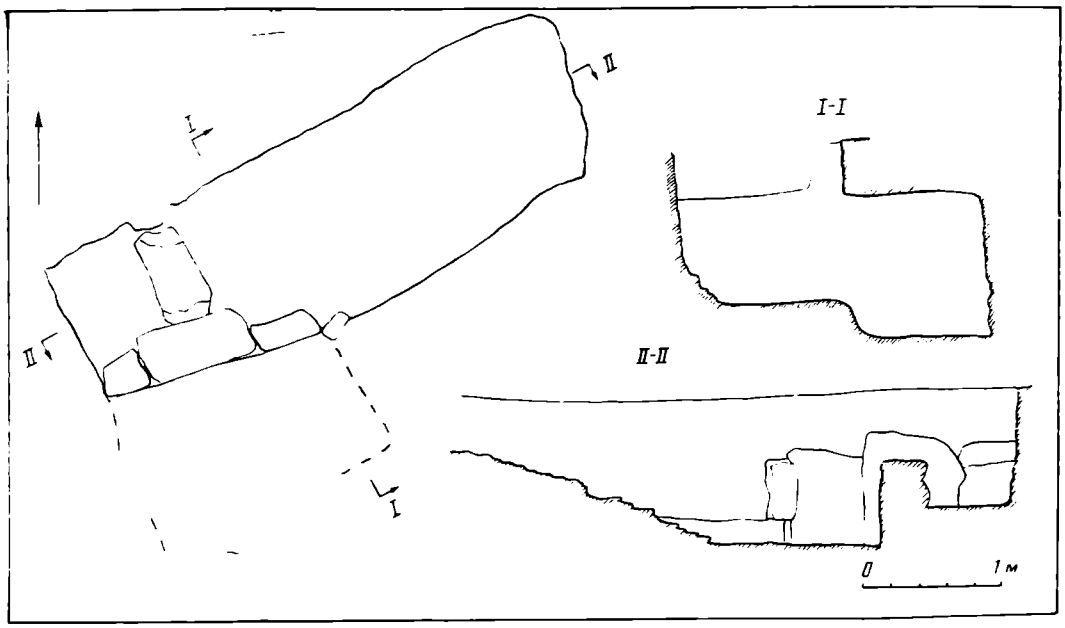


Рис. 5. Курган 16, склеп 2. План и разрезы

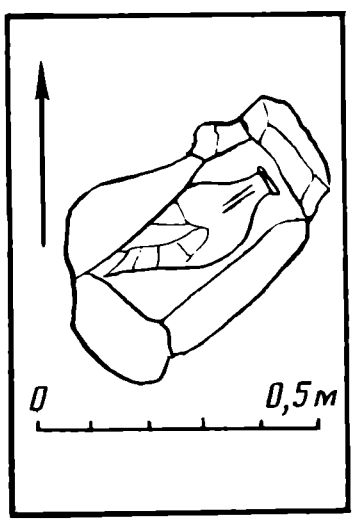


Рис. 6. Курган 8. Детское погребение в амфоре

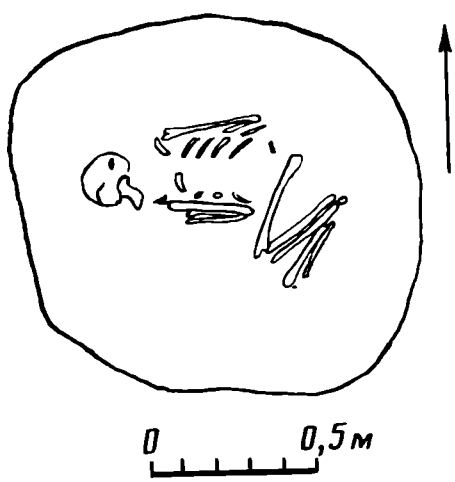


Рис. 7. Курган 3, погребение 2

Кроме склепов, сложенных из камня, обнаружены и склепы, вырубленные в скале. От известных античных склепов они отличаются тем, что длинная ось их камеры расположена не перпендикулярно входному отверстию, но параллельно ему, как у подбойных могил (рис. 5). Склепы, вырубленные в скале, типичны для Боспора; в Северо-Западном Крыму подбойные могилы найдены в некрополе Панское I, Беляусском и Кульчукском некрополях [7, с. 328; 8, с. 288; 9, с. 204].

Небольшую группу составляют погребения, обнаруженные под кольцевыми оградами курганов 3 и 7. В кургане 3 два скорченных костяка находились в диаметрально противоположных частях кургана, а в кургане 7 два костяка лежали ногами друг к другу и были ориентированы головами в противоположные стороны. Можно с уверенностью говорить о том, что погребенные таким образом люди при жизни были в подчиненном положении у лиц, похороненных в центральных погребениях этих курганов.

Детские погребения совершались как в одном погребальном сооружении со взрослыми, так и отдельно — в каменных ящиках и амфорах.

Каменные ящики складывались из плит, поставленных на ребро, и перекрывались плитами, а иногда фрагментами черепицы. В амфоры младенцы помещались через отверстие, выпиленное или выбитое в тулове, через отбитое горло или придонную часть. Отверстие, через кото-

рое был вложен младенец, закрывалось, как правило, камнем. Поверх амфоры сооружался каменный заклад или она помещалась в каменный ящик (рис. 6). Детские погребения в амфорах являются чертой, характерной для греческих некрополей.

Как уже отмечалось, на могильнике совершались как одиночные, так и многократные захоронения. Многократные захоронения присутствуют в большинстве склепов, а также в могильных ямах, обложенных камнями; встречаются они изредка и в погребальных сооружениях других типов. Не обнаружено повторных захоронений только во впускных могильных ямах без каменных закладов. Это и понятно: погребение, ничем не отмеченное на поверхности, вскоре должно было затеряться под курганной насыпью, и, так как его ничем не отмечали, следовательно, не собирались использовать вторично. При совершении повторных захоронений останки ранее погребенных, как правило, отодвигали в сторону. В погребениях с повторными захоронениями обнаружено от 2 до 10 костяков.

В отдельных случаях можно говорить о групповых единовременных захоронениях. В центральном погребении кургана 20а руки двух лежащих рядом костяков перекрещены таким образом, что рука каждого из них лежит на тазовых костях другого. Это говорит об единовременности этих захоронений.

Большинство погребенных на некрополе лежат на спине с вытянутыми руками и ногами. Но есть и погребенные в других позах. В пяти случаях костяки лежат со скрещенными в голени ногами. Сейчас принята точка зрения, что поза погребенных с перекрещенными ногами не является этническим признаком, а отражает определенные обряды местного причерноморского населения [10, с. 19].

Интересно отметить необычную позу, в которой лежали два костяка в курганах 10 и 39. Кисти их левых рук лежали на запястье правой. Один из них лежал в самой поле кургана 39, в неглубокой яме без перекрытия и без вещей (рис. 1). Второй, тоже без сопровождающего инвентаря, лежал также в небольшой яме без перекрытия, у центра кургана 10, головой к центральному погребению — прекрасно сделанному каменному ящику, содержащему погребение ребенка с относительно богатым для данного некрополя инвентарем. Возможно, оба погребенных были похоронены со связанными руками, что, однако, не обязательно означает, что они умерли насильственной смертью.

Интересно отметить в кургане 14 костяк, вытянутый на спине, с лежащими на тазовых костях руками. На груди у него лежал большой камень.

В кургане 9 один из костяков в погребении, содержавшем останки нескольких покойников, лежал на левом боку. Возможно, такая поза объясняется нехваткой места в могильной яме и небрежностью могильщиков.

Семь костяков лежали в скорченном состоянии на левом и на правом боку с разной степенью скорченности (рис. 7). Расположены они были в пяти курганах, в двух из них (3 и 20б) — по два костяка.

Ориентировка погребенных на некрополе необычайно пестра: из 46 погребенных, об ориентировке которых мы можем составить себе представление, 5 лежат головой на север, 11 — на северо-восток, 5 — на восток, 5 — на юго-восток, 7 — на юг, 2 — на юго-запад, 6 — на запад и 1 — на северо-запад. Ориентировка костяков, лежащих под кромлехами, была подчинена направлению кромлеха. Аналогичную картину можно наблюдать в кургане 14, по периметру которого было обнаружено шесть погребений, ориентированных в зависимости от направления участка окружности, в которую впущены эти могилы. Если не принимать во внимание эти погребения, то картина несколько изменится: 2 погребенных лежат головой на север, 11 — на северо-восток, 2 — на восток, 5 — на юг, 2 — на юго-запад, 3 — на запад, 1 — на северо-запад. Ориентировка все равно остается довольно пестрой, но ярче видна роль северо-восточной ориентировки, доходящей до 30%, причем из 11 погребений, отно-

сящихся к этой группе, 5 являются центральными погребениями курганов. Северо-восточная ориентировка в качестве характерной отмечена в некрополях Калос-Лимена, Херсонесского у Песочной бухты и Панского I [11, с. 44, 46, 49].

Инвентарь погребений некрополя относительно небогат. В основном он состоит из амфор, чернолаковой и простой круговой керамики. Из оружия в погребениях присутствуют только стрелы, из орудий труда — зернотерка, нож, шило, пряслица. Украшения представлены бронзовыми серьгами несложных форм, перстнями с выгравированными изображениями, стеклянными бусами и подвесками. Очень интересна находка в том же погребении, где обнаружена и зернотерка (кург. 30, склеп 1), двух глиняных моделей зерна. Аналогичные модели известны из раскопок городища Караван [12, с. 88]. Это говорит о наличии в погребальном обряде элементов земледельческого культа, возможно, уходящего своими корнями в культы автохтонных земледельческих племен.

Необходимо также отметить несколько случаев находок в погребениях остатков жертвенной пищи — костей животных. Это также свидетельствует об обрядах негреческого населения [1, с. 29]. Находка же в разрушенном погребении кургана 8 херсонесской монеты свидетельствует о греческом погребальном обряде.

По прошествии определенного времени над погребальным сооружением возводилась курганная насыпь. Большинство курганов сооружено из материкового грунта с примесью каменной крошки — отходов работ на каменоломне. Некоторые имеют насыпи из бутового камня. Каменные насыпи известны в памятниках очень широкого ареала культур [13, с. 29; 14, с. 88; 15, с. 10].

Ряд курганов имеет кольцевые каменные ограды. Интересно, что иногда кроме кольцевой каменной ограды, опоясывающей курган снаружи, имеется еще одна каменная ограда — значительно меньшего диаметра, окружающая непосредственно могилу. Из этого можно сделать вывод, что над погребальным сооружением первоначально возводилась небольшая насыпь и лишь через некоторое время сооружался собственно курган. Наблюдения над стратиграфией курганов не противоречат этому выводу. Внутренняя и внешняя ограды курганов иногда соединялись проходами, имеющими две каменные стены. Все прочие ограды также имеют разрывы-входы, ведущие к центру насыпи — к могиле. Несомненно, одной из функций кольцевых оград, во всяком случае тех из них, которые были аккуратно сложены и опоясывали весь курган или большую его часть, было выполнение функции крепиды — удерживание насыпи от расползания. Но несомненно и ритуальное значение этих оград. Об этом говорит и фрагментарность некоторых из них, и то, что ряд оградок представляет собой чисто символический наброс по краю насыпи, а также находящиеся в некоторых случаях около них жертвенники и совершенные под двумя из этих оградок человеческие захоронения, имевшие явно подчиненный характер. Ритуальное значение кольцевых оград вокруг могил отмечалось рядом исследователей [16, с. 70; 17, с. 8; 18, с. 87]. Кольцевые ограды вокруг погребений были распространены во всем Северном Причерноморье.

На некрополе было найдено девять антропоморфных надгробий, четыре из них были обнаружены близко от того места, где они могли быть установлены. Три надгробия лежали на древней дневной поверхности (кург. 11 и 25) недалеко от склепов, одно найдено почти у самой поверхности кургана — над дромосом склепа 1 кургана 30. Вероятно, именно это надгробие было обнаружено на том самом месте, где оно было установлено в древности, т. е. перед склепом, отмечая вход в него. Так устанавливались надгробия в ольвийском некрополе. Открытые надгробия значительно отличаются друг от друга по своим размерам и форме, но тем не менее все они, несомненно, относятся к типу херсонесских (рис. 8). Сейчас убедительно доказано греческое происхождение надгробий херсонесского типа [19, с. 37—47; 20, с. 87—99]. Присутствие

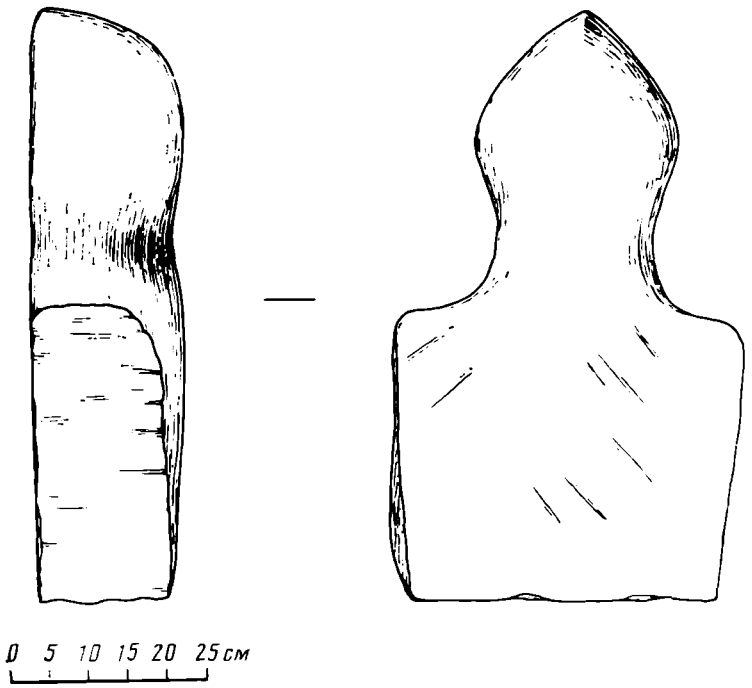


Рис. 8. Курган 30. Антропоморфное надгробие

таких памятников на данном некрополе можно считать чертой, характерной для греческого обряда.

Насыпи всех курганов некрополя содержат следы тризны, обнаруженные также и у погребений в каменоломне — в межкурганном пространстве. В основном это фрагменты керамических сосудов. По богатству тризны курганы значительно различаются. На некоторых из них количество фрагментов керамики исчисляется двумя-тремя десятками, на других же доходит до 2 тыс. Среди сосудов, разбитых во время погребального пира, преобладают амфоры; частой находкой являются фрагменты лутериев, мисок, кувшинов; встречаются фрагменты рыбных блюд, сосудов для питья (канфаров, чаш, иногда киликов). Реже встречаются фрагменты иных гончарных сосудов и лепной керамики. Встречены фрагменты чернолощеных лепных сосудов с врезным орнаментом, сходные с кизил-кобинской керамикой. В большинстве случаев первый поминальный пир совершался на древней дневной поверхности до насыпки кургана, по всей вероятности, над свежей могилой. Совершение тризны до возведения насыпи характерно для курганов Боспора. После возведения насыпи кургана на его поверхности совершалась еще одна или несколько тризн. Их остатки находятся в основном у полы курганов. Часто тризны совершались у специально установленных жертвенников. Последние могут быть разделены на три типа: каменные столики, каменные ящики и вертикально врытые амфоры.

Жертвенники-столики представляли собой плиту размерами до 0,5 м² на каменном фундаменте (кург. 5 и 21) (рис. 9), а в одном случае (кург. 39) плита была положена непосредственно на каменную насыпь кургана. Иногда в центре этих плит проделывалось круглое отверстие. Не вызывает сомнения, что эти жертвенники-столики являются одним из вариантов алтарей-эсхар, широко распространенных в Северном Причерноморье в античное время.

Жертвенники-ящики сложены из необработанных плоских камней. Некоторые из них не имеют перекрытия (кург. 3, 27, 32, 35), другие перекрыты каменными плитами (кург. 25, 26), один ящик (кург. 20б) закрыт обломком пифоса. В центре стенки одного из ящиков (кург. 3), обращенной к центру кургана, имеется круглое отверстие. Все ящики пустые, только один из них (кург. 26) заполнен лежащими плашмя плитами, хорошо подогнанными по размерам ящика, на них лежал большой фрагмент лутерия. Один из этих ящиков (кург. 20б) пристроен к коль-

цевой ограде. Вокруг каждого из них были обнаружены фрагменты керамики, т. е. следы тризны. Для Северо-Западного Крыма наличие таких небрежно сделанных ящиков-жертвенников отмечается как характерная особенность скифских курганных погребений [21, с. 326]. Сооружение подобных жертвенников, возможно, связано с греческим ритуалом — с сырцовыми жертвенниками-ящиками.

В двух курганах (22—24 и 38) обнаружены врытые в насыпь придонной частью амфоры. Обычай врывать амфоры в насыпь горлом вверх или вниз имеет аналогии на Боспоре [22, с. 130].

Иногда жертвенники сооружались на границе двух курганов. В этих случаях остатки тризн встречаются в полах обеих насыпей, что говорит о родственной близости похороненных здесь людей.

Интересно отметить, что многие жертвенники находились рядом с детскими погребениями.

В поле кургана 16 обнаружен уникальный для данного некрополя жертвенник-зольник площадью около 1 м² с мощностью слоя золы до 0,2 м. Поверх зольника находился завал камней. В поле кургана 11 обнаружено зольное пятно такой же площади. В нем и вокруг него были найдены фрагменты керамики и пережженные кости. Следы кострищ замечены в скифских курганах и в херсонесском некрополе у Песочной бухты [3, с. 110].

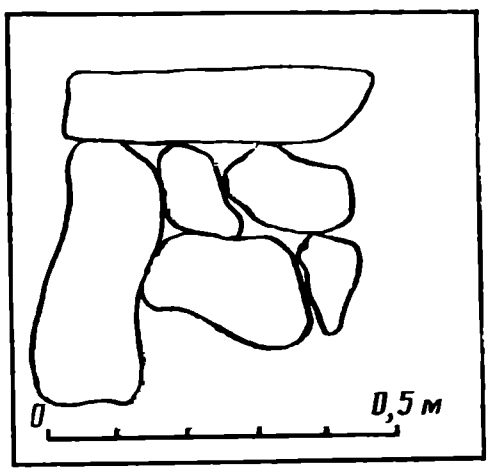


Рис. 9. Курган 5. Жертвенник-столик на фундаменте (вид с запада)

В кургане 39 между центральным погребением и жертвенником на уровне древней дневной поверхности обнаружены лежащие рядом копье и дротик. Вероятно, они были воткнуты или вертикально вкопаны в насыпь и вследствие ее расползания приняли горизонтальное положение. Аналогичный обряд засвидетельствован в лесостепи, в кургане 11 у с. Рыжановка [23, с. 82—84].

Итак, население, которое оставило некрополь у пос. Заозерное, хоронило своих покойников в погребальных сооружениях, рассчитанных на одно или несколько погребений. Разница между погребальными сооружениями объясняется, вероятно, причинами социального характера.

Покойников хоронили по преимуществу в вытянутом на спине положении, но иногда и в скорченном состоянии. В одном случае погребенному в числе прочего инвентаря была оставлена медная монета — «обол Харона». Вскоре после совершения захоронения у могилы совершалась тризна. Через какое-то время погребение засыпалось курганной насыпью (часть погребений оставалась бескурганной). Вокруг насыпей в ряде случаев устанавливались жертвенники, совершались тризны — вероятно, после каждого из очередных захоронений в центральную могилу кургана или впускного погребения в насыпь. Под кромлехом иногда совершались захоронения людей, зависимых от похороненных в центральном погребении. Иногда рядом с насыпью возводилось еще одно или несколько погребальных сооружений, которые, после того как в них совершался ряд захоронений, засыпались грунтом так, что насыпи над ними сливались в одно целое со стоящим рядом курганом. Над входом в погребальное сооружение в ряде случаев устанавливали антропоморфные надгробия. В поле курганов (часто у кромлехов) хоронили маленьких детей.

Каждый курган, вероятно, являлся местом захоронения членов одной семьи, которая использовала его для совершения погребений в течение длительного времени. Возможно, иногда в соседних курганах хоронили членов разных ветвей одной семьи.

В погребальном обряде некрополя можно выделить ряд варварских черт, к числу которых может относиться сам факт насыпки курганов и

возведения вокруг них кольцевых оград, наличие тризны-кострища и жертвенника-зольника, скорченных захоронений, захоронений на подсыпке из глины, присутствие напутственной пищи, а также погребение коня.

К греческим чертам относятся: установка черепичного перекрытия над могилой, детские погребения в амфорах, установка антропоморфных надгробий херсонесского типа, совершение тризны у жертвенника-эсхары и наличие в могиле монеты.

Вероятнее всего, население, оставившее этот могильник, было этнически неоднородным. Смешанный характер некрополя отмечала И. В. Яценко [24, с. 214]. Среди погребенных были и греки, и варвары, а возможно, и микс-эллины — люди, в которых текла кровь и эллинов, и варваров. Изучение антропологического материала некрополя только начато, но уже отмечено присутствие черепов негреческого типа [25, с. 204].

Давно было замечено определенное сходство данного некрополя и Северного некрополя Херсонеса [24, с. 214; 26, с. 105], но отмечалось, что наряду со сходными чертами между ними существует и ряд отличий. Среди сходных черт можно назвать сочетание вытянутых и скорченных погребений и большое количество погребений в амфорах. Различаются же они курганным характером исследуемого некрополя, большим количеством многократных погребений, широким использованием камня в оформлении погребальных сооружений и их многообразием [24, с. 214].

К этому можно добавить и то, что, как выяснилось, количество скорченных погребений не так велико, как это могло показаться после первых сезонов раскопок, в то время как в Северном некрополе Херсонеса количество скорченных погребений достигает 40% [27, с. 277].

Кроме того, на некрополе у пос. Заозерное преобладает северо-восточная ориентировка (при большой пестроте ориентировок), в то время как на Северном некрополе Херсонеса господствует восточная ориентировка [27, с. 276].

Ряд сходных черт можно увидеть и в херсонесском некрополе у Песочной бухты: северо-восточная ориентировка погребенных как преобладающая; ямы, облицованные каменными плитами; зольные пятна — следы тризны [3, с. 109].

Наиболее близок по погребальному обряду некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму.

Интересно, что некоторые черты погребального обряда, характерные для исследуемого могильника (коллективные захоронения, скорченные погребения, ямы с каменной обкладкой стенок, каменные насыпи, погребения на уровне дневной поверхности), типичны для могильников кизил-кобинской культуры [2, с. 160; 13, с. 29; 28, с. 241, 242].

Возможно, именно кизил-кобинцы, вытесненные скифами из предгорных районов, и явились варварским компонентом, входившим в состав населения Западного Крыма в исследуемую эпоху, и населения, оставившего данный могильник в частности. Керамика с врезным орнаментом, встреченная на могильнике, говорит в пользу этой гипотезы.

Существуют и другие мнения об этнической принадлежности населения Западного Крыма в ту эпоху. А. Н. Щеглов предполагает, что здесь жили сатархи [29, с. 157]. О. Д. Дашевская считает, что здесь жили тавры, насильственно вывезенные херсонесцами из Юго-Западного Крыма [30, с. 209]. И. В. Яценко считает не менее вероятным присутствие в составе населения греческих крепостей Северо-Западного Крыма представителей местных племен [24, с. 216]. В рамках данной работы мы не можем детально останавливаться на разборе каждой из этих точек зрения. Однако население, оставившее памятники кизил-кобинской культуры и занимавшееся земледелием и скотоводством [31, с. 56], после гибели собственных поселений вполне могло частично войти в состав населения, занятого обработкой земли на побережье Северо-Западного Крыма, что, впрочем, не исключает присутствия в нем и других этнических компонентов.

Вероятнее всего, поселением, которому принадлежал могильник, была крепость «Чайка», находящаяся за лиманом в 1,5 км от могильника. Этой крепости принадлежала и каменоломня, на территории которой расположился некрополь. В пользу принадлежности могильника этой крепости говорит их синхронное существование. Против этого можно возразить, что некрополи греческих поселений обычно находились у самых стен. Однако надо иметь в виду, что данный некрополь в отличие от обычных для греков грунтовых могильников был курганным и, находясь у самых стен крепости, значительно снижал бы ее обороноспособность.

С гибелью крепости могильник на долгое время забрасывается. Вероятно, произошла смена населения, и жители усадьбы, которая возникла на этом месте, хоронили умерших уже в грунтовых могилах где-то недалеко от стен своего поселения.

Если принять гипотезу о принадлежности некрополя крепости «Чайка», то, основываясь на анализе погребального обряда, можно заключить, что население крепости частично состояло из представителей местных племен, в том числе, возможно, и так называемых кизил-кобинцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кастанаян Е. Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности//МИА. 1959. № 69.
2. *Крис Х. И.* О таврах и кизил-кобинской культуре//ВДИ. 1971. № 4.
3. *Щеглов А. Н.* Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса//КСИА. 1975. Вып. 143.
4. *Щеглов А. Н.* Курган-кенотаф близ Ярлыгачской бухты//КСИА. 1970. Вып. 130.
5. *Марченко И. Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг.//МИА. 1956. № 57.
6. *Кирилин Д. С.* Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера//Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
7. *Рогов Е. Я.* Раскопки могильника Панское I//АО — 1979. М., 1980.
8. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Старченко Е. В.* Раскопки городища и некрополя Беляус//АО — 1976. М., 1977.
9. *Дашевская О. Д.* Первые исследования Кульчукского некрополя//СА. 1978. № 3.
10. *Корпусова В. Н.* Об этнической принадлежности некрополей сельского населения европейского Боспора (по данным некрополей римского времени)//Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л.: Наука, 1973.
11. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
12. *Шрамко Б. А.* Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке//СА. 1957. № 1.
13. *Крис Х. И.* Классификация таврских каменных ящиков//КСИА. 1957. Вып. 112.
14. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным//СА. 1978. № 4.
15. *Троицкая Т. Н.* Скифские погребения в курганах Крыма: Автореф. дис. канд. ист. наук. Симферополь, 1954.
16. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
17. *Мещанинов И. И.* Кромлехи//Изв. ГАИМК. 1930. Т. 6. Вып. 3.
18. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса//МИА. 1961. № 98.
19. *Колесникова Л. Г.* Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса//СА. 1977. № 2.
20. *Колесникова Л. Г.* Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса?// СА. 1973. № 3.
21. *Щепинский А. А.* Исследования в степном Крыму//АО — 1971. М., 1972.
22. *Кастанаян Е. Г.* Обряд тризны в боспорских курганах//СА. 1950. Т. XIV.
23. *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908.
24. *Яценко И. В.* Археологические раскопки в предместье Евпатории//ВИ. 1974. № 4.
25. *Яценко И. В.* Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории/Путешествия в Древность. М.: Изд-во МГУ, 1983.
26. *Щеглов Г. Д.* Полис и хора. Симферополь: Таврия, 1976.
27. *Белов Г Д.* Некрополь Херсонеса классической эпохи//СА. 1950. Т. XIII.
28. *Крис Х. И.* О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира//СА. 1976. № 2.
29. *Щеглов А. Н.* О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху//ВДИ. 1966. № 4.
30. *Дашевская О. Д.* О таврской керамике с гребенчатым орнаментом//СА. 1963. № 4.
31. *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры//САИ. 1981. Вып. Д1-7.

A. P. Moshinsky

THE BURIAL RITE OF THE 4th-3rd-CENTURY B. C. NECROPOLIS AT THE SETTLEMENT OF ZAOZERNOE

Summary

Diggings of an antique necropolis are under way near Evpatoria (the Crimea). The burials differ greatly in the types of burial constructions, the poses and orientations of the dead and other particulars of the burial rite.

These differences can be explained by both social and ethnic reasons. The specific features of the Greek burial rite are: tombs of the Chersonese type, funeral feasts at sacrificial altars, etc. The local traits of the burial rite include, among other things, crouched burials and enterrement of horses.

It seems that the necropolis belonged to the Greek fortress found some 1.5 km from it. An analysis of the burial rite shows that local people formed part of the fortress's population.

Н. В. АНФИМОВ

КЛАД ПАНТИКАПЕЙСКИХ МОНЕТ ИЗ Г. СЛАВЯНСКА-НА-КУБАНИ

В июле 1985 г. на юго-восточной окраине г. Славянска-на-Кубани при строительных работах рабочими найден клад медных пантикапейских монет конца IV — начала III в. до н. э. Монеты находились в небольшом сероглиняном кувшинчике с округлым туловом и желобчатым орнаментом на плечиках (рис. 1). Горло отбито в древности. По словам рабочих, кувшин находился на глубине около 1 м. При работе экскаватора кувшин разбился и монеты рассыпались; часть их собрана рабочими.

Место находки обследовано автором настоящей статьи совместно со ст. научным сотрудником отдела археологии Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника И. Н. Анфимовым. В выбросах земли из котлована и на его дне собрано небольшое количество фрагментов сероглиняной меотской керамики и отдельные обломки амфор (ручки, стенки) конца IV—III в. до н. э. В стенках котлована местами были видны отдельные фрагменты сосудов. Явно выраженного культурного слоя не прослеживалось. По-видимому, мы имеем здесь остатки поселения, находившегося на расстоянии около 1 км на запад от р. Протоки (азовского рукава р. Кубани).

Клад полностью не дошел — сначала 35 монет были переданы в Славянский краеведческий музей, позднее еще 15 монет было собрано бригадиром у рабочих и передано в тот же музей [1]. Таким образом, в настоящее время мы располагаем 50 монетами, остальные разошлись по рукам или были выброшены вместе с грунтом, и найти их не удалось.

Все монеты однотипные, за исключением одной несколько более раннего времени, чем остальные (330—315 гг. до н. э.),— л. ст.: голова бородатого сатира вправо, об. ст.: протома грифона влево и под ней осетр, по сторонам буквы Г-А-N [1, табл. XL, *18*]. Основные монеты клада представлены типом л. с.: голова безбородого сатира в плющевом венке влево, надчеканка 12-лучевой звездой; об. ст.: голова льва влево, под ней осетр, по сторонам буквы Г-А-N; надчеканка горитом с луком [1, табл. XLI, *3*]. Все монеты биты разными штемпелями, за исключением двух — № 7 и 44, у которых обратная сторона бита одним штемпелем. Общая сохранность кружка монет в большинстве хорошая, но изображения на многих монетах (до 50%) носят следы потертости от длительного обращения. Кружок плотный и ровный, с прямым гуртом, без следов литника; только у монеты № 46 с реверсной стороны прослеживаются следы литника. У некоторых монет в связи с тем, что надчеканка 12-лучевой звездой пришлась не на середину монеты, а ближе к краю, кружок слегка деформировался и гурт треснул. Средний вес монет 5—7 г, максимальный — 8,3 г. Клад зарыт, вернее всего, в конце первой или начале второй четверти III в. до н. э. Д. Б. Шелов отмечал, что «зарытие кладов медных монет началось еще в начале III в. до н. э. сразу после прекращения чеканки (и, вероятно, исчезновения из обращения) золотой и серебряной пантикапейской монеты. На денежном рынке в это вре-

[1] Монеты были переданы ст. научному сотруднику Краснодарского историко-археологического музея-заповедника А. З. Аптекареву, который выезжал в Славянск-на-Кубани в связи с поступившими сведениями о находке на том же месте второго клада. Сведения не подтвердились.

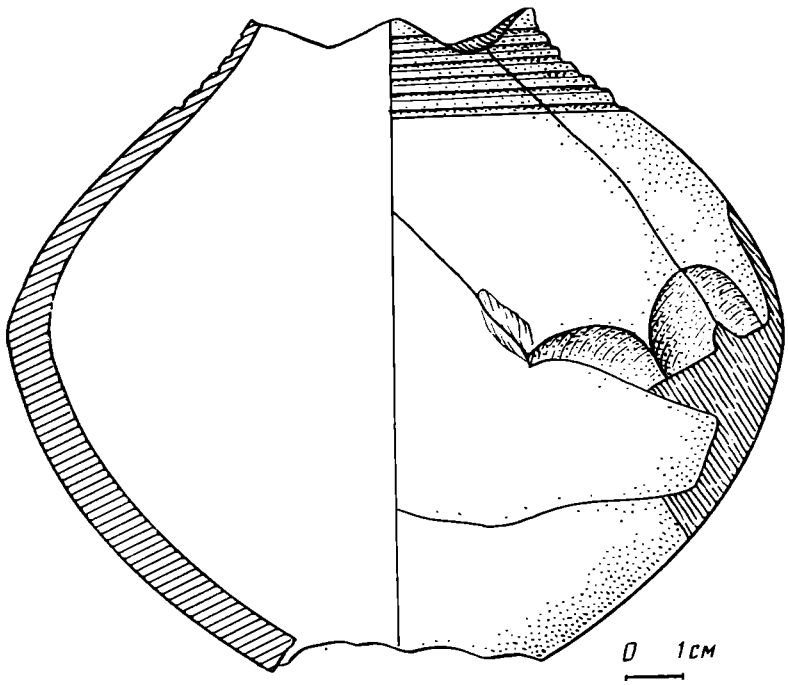


Рис. 1. Сероглиняный кувшин, в котором находились монеты

мя имели хождение в основном монеты с головою льва и осетром на реверсе, надчеканенные двенадцатиконечной звездой и горитом» [2, с. 125].

В Западном Прикубанье к настоящему времени известны три клада медных пантикапейских монет конца IV — начала III в. до н. э. Два из них одновременны и содержали медные пантикапейские монеты с головой безбородого сатира на аверсе и надчеканкой 12-лучевой звездой и с головой льва и осетром и надчеканкой горитом на реверсе, т. е. того же типа, что и в Славянском кладе. Один клад найден в 1941 г. близ ст-цы Старонижестеблиевской [3, с. 64—65], второй — в районе пос. Кубрисостроя, западнее ст-цы Ивановской, на расстоянии 6—7 км от нее. Клад найден при строительстве рисовых чеков и разошелся по рукам. Количество монет в кладе осталось неизвестным. Четыре монеты из него поступили в Краснодарский музей (были переданы учителем местной школы). Все они одного типа — л. ст.: голова безбородого сатира, надчеканка 12-лучевой звездой; об. ст.: голова льва, внизу осетр, по сторонам буквы Г-А-N, надчеканка горитом с луком [1, табл. XLI, *3*]. Все монеты хорошей сохранности, кружок плотный и ровный, биты разными штемпелями. Третий клад найден в 1972 г. в 1,5 км от хут. Беликова при строительстве магистрального оросительного канала (Славянский р-н). Монеты лежали в комке земли. Проведенное обследование показало, что на этом месте находилось небольшое поселение, не имеющее четко выраженных границ. По словам учителя местной школы всего было найдено 20 монет. Все монеты однотипные, с изображением на лицевой стороне головы бородатого сатира вправо, на оборотной — протомы грифона и под ней осетра, по сторонам буквы Г-А-N [4, с. 132—136].

В июле 1986 г. найден еще один клад медных пантикапейских монет близ ст-цы Старонижестеблиевской при реконструкции рисовых чеков. Монеты находились в сероглиняном кувшине, который был разбит при снятии грунта скреперами. Место находки обследовано археологической экспедицией Краснодарского государственного историко-археологического музея под руководством ст. научного сотрудника музея И. Н. Анфимова. Удалось собрать 1203 монеты (по-видимому, клад полностью не дошел). Основная масса монет (1199 экземпляров) представлена типом — л. ст.: голова безбородого сатира в плющевом венке влево, надчеканка 12-лучевой звездой; об. ст.: голова льва влево, под ней осетр, по сторонам буквы Г-А-N, надчеканка горитом с луком [1, табл. XLI, *3*].

Четыре монеты более мелкого номинала типа — л. ст.: голова бородатого сатира влево; об. ст.: голова быка, по сторонам буквы Г-А-N [1, табл. XLI, 7]. Это самый крупный клад этого времени, найденный в Прикубанье. На юго-юго-западной окраине ст-цы Старонижестеблиевской в 1980 г. при строительстве рисовых чеков найдены две медные пантикапейские монеты: одна того же типа, что и в Славянском кладе [1, табл. XLI, *3*]; вторая более крупная (обол), с головой безбородого сатира влево и головой быка на реверсе [1, табл. XLI, *1*] [2]. Такая же монета ранее была найдена в ст-це Анастасиевской (на запад от г. Славянска-на-Кубани). Сохранились сведения о находке еще одного клада медных монет близ ст-цы Староджерелиевской (Красноармейский р-н). При взятии земли с «кургана» здесь были найдены монеты, мисочки, маленькая лепная чашечка на поддоне. Возможно, что это был не курган, а остатки поселения в виде холмообразной насыпи, состоящей из культурного слоя. Такие поселения характерны для данного района. Часть монет из этого клада поступила в местную школу. К сожалению, состав клада остался неизвестным.

Все перечисленные выше клады медных пантикапейских монет конца IV — первой половины III в. до н. э. найдены на сравнительно ограниченной территории Западного Прикубанья (Красноармейского и Славянского районов; рис. 2, 3, 4). В настоящее время здесь зафиксирован целый ряд меотских поселений неукрепленного типа, состоящих из отдельных холмообразных возвышенностей, сложенных из культурного слоя. По своей топографии они отличаются от обычных меотских городищ Среднего Прикубанья и Восточного Приазовья, у которых хорошо выражена цитадель и основная площадь поселения, имеющая земляные укрепления с напольной стороны. Характерной чертой памятников конца V—II вв. до н. э. в Западном Прикубанье (поселений и грунтовых могильников) является довольно значительный процент импортных предметов, в частности амфор (в том числе клейменых) [5, с. 60, 61], что для Среднего Прикубанья не характерно. Судя по обилию кладов и находкам отдельных медных монет, можно предполагать существование на данной территории денежного обращения и развитых среди местного населения товарно-денежных отношений. Медные пантикапейские монеты второй половины IV—III в. до н. э., как отмечал Д. Б. Шелов [2, с. 125, 126], являлись платежным средством для всего населения Боспора и обслуживали внутренний рынок боспорских городов и племен, входивших в состав Боспорского царства. Торговля Боспора с меотскими племенами Среднего Прикубанья, где отсутствовало денежное обращение [3], строилась на отношениях натурального обмена.

Таким образом, рассматриваемая нами территория Западного Прикубанья, на которой существовало денежное обращение медной пантикапейской монеты и прослеживается относительная эллинизация местных племен, не только была в сфере экономического влияния Боспора, но в IV—III вв. до н. э. входила в состав Боспорского государства.

Границы расселения отдельных меотских племен нам неизвестны. Попытки локализации их на современной карте зачастую не выдерживают критики, так как сведения античных авторов крайне лаконичны и в ряде случаев противоречивы. Исходя из сведения о территории, заселенной синдами, которая нам известна, можно в какой-то степени проецировать на современной карте и расселение некоторых других меотских племен. Страбон при перечислении меотских племен за синдами помещает дандариев, впервые упоминаемых еще Гекатеем. Это дало основа-

---

[2] С находкой монет меня познакомил П. В. Сердюков, за что приношу благодарность.

[3] Нам известны только отдельные случайные находки медных пантикапейских монет IV—III вв. до н. э. с территории меотских племен Среднего Прикубанья: 1) из ст-цы Старокорсунской две [1, табл. XLI, *2*] (школьный музей ст-цы Старокорсунской) и [1, табл. XLI, *7*] (Афипский народный музей); 2) Усть-Лабинский второй могильник, погр. № 56, 1938, [1, табл. XLI, *4*] (Краснодарский музей); 3) пос. Ильский [1, табл. XLI, *4*], (Краснодарский музей, инв. № 3794); 4) пос. Энем [1, табл. XL, *18*].

Рис. 2. Пантикапейские монеты из клада

ние ряду авторов считать их соседями синдов. Но поскольку на юго-восток от синдов жили керкеты и тореты, то дандарии должны были быть северными соседями, т. е. занимать территорию на правобережье Кубани, в ее дельте. Само название племени выводится из иранского — «живущие у воды». Многие из современных авторов (В. В. Латышев, В. Ф. Гайдукевич, В. П. Шилов [6, с. 117] и др.) помещают дандариев именно здесь. На побережье Меотиды дандариев помещает и Плутарх.

Рис. 3. Пантикапейские монеты из клада

Косвенные указания о локализации дандариев в указанном районе мы находим у Страбона, а также и у Тацита. Страбон (XI, 2, 11) пишет, что боспорский царь Фарнак, очистив какой-то старый канал и спустив по нему воду р. Гипаниса (Кубани) в страну дандариев, затопил ее [7, с. 213]. Это могло произойти только в дельте Кубани, прорезанной многочисленными рукавами и протоками. Тацит (XII, 15—16) в рассказе о борьбе Котиса с Митридатом VIII из-за боспорского престола пишет, что первоначально Митридат захватывает «царство» дандариев,

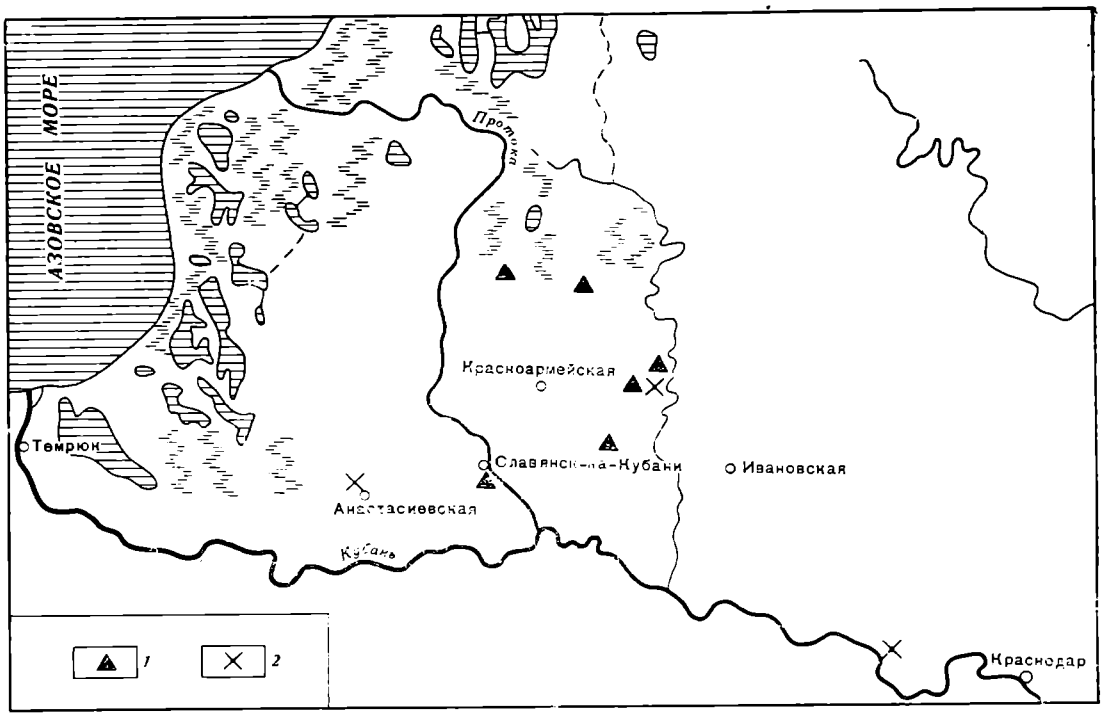


Рис. 4. Находки монет IV—III вв. до н. э. в Западном Прикубанье. *1* — клады монет; *2* — отдельные находки монет

после чего «нападение Митридата на Боспор ожидалось с часу на час» [8, с. 213, 214]. Отсюда следует, что дандарии жили по соседству с Боспором. При наступлении Котиса и римлян, поддержанных аорсами, территория дандариев была ими занята, и отсюда войска двинулись дальше на сираков, которые занимали степи правобережья Кубани. Таким образом, территория дандариев находилась на пути из Боспора в степи.

В посвятительных надписях с именами и титулатурой боспорских правителей после дандариев всегда стоят псессы. В письменных источниках упоминание о псессах имеется у Стефана Византийского в «Географическом словаре» с сылкой на Аполлодора [9, с. 329]. В. В. Латышев совершенно правильно замечает, что из слов последнего можно заключить, что псессы жили «не очень далеко от Боспора» [10, с. 66]. Птоломей помещает псессов в Восточном Приазовье. В основе названия племени «псессы» лежит корень «псы», который выводится из адыгского языка и означает «вода, река, речка» [11, с. 16], что может указывать на то, что псессы жили вблизи воды, реки. Страбон псессов не упоминает, так как на побережье их не было и территория, которую они занимали, находилась в глубине страны.

Все вышеприведенные данные дают основание помещать псессов на правобережье в Западном Прикубанье, живущими близ реки в недалеком сравнительно расстоянии от Боспора. Таким образом, территория их могла простираться на восток от дандариев.

Посвятительные надписи, датированные именами боспорских правителей, дают нам возможность проследить последовательные этапы территориального расширения Боспорского государства в прилегающей к нему азиатской части. Развитие боспорской экспансии в восточном направлении приходится на время правления Левкона I и его преемников. В первой половине IV в. до н. э. к Боспору была присоединена Синдика, как считает большинство исследователей, мирным путем. Включение в состав Боспорского государства Синдики намного укрепило последнее в азиатской части и способствовало дальнейшей территориальной экспансии по отношению к меотским племенам низовий Кубани. До нас дошло надгробие пафлагонца, одного из боспорских наемников, который «сражался в стране меотов» (КБН, № 180), свидетельствующее о военных действиях против меотов, которые привели к завоеванию ряда племен и включению их в состав Боспорского государства в IV в. до н. э.

Это нашло отражение и в эпиграфике — в надписях с именами и титулатурой Спартокидов. В наиболее ранней надписи Левкон I (389/8—348/7) именуется только архонтом Боспора и Феодосии, а в последующих к титулатуре его прибавляется: «базилеос синдов, торетов, дандариев, псессов». Тореты, как известно, жили на юг от синдов по побережью Понта Эвксинского. Дандариев и псессов, на основании вышеизложенных данных, следует помещать в дельте р. Кубани и в ее нижнем течении, т. е. в Западном Прикубанье. Включение этих племен в состав Боспорского государства находит подтверждение и в развитии денежного обращения на данной территории. Столь относительно далекое проникновение Боспора на восток объясняет и возникновение во второй половине IV в. до н. э. на Средней Кубани эмпория Боспора на городище ст-цы Елизаветинской [12, с. 157—165].

Клад из г. Славянска-на-Кубани

№ п.п.	Диаметр, мм	Вес, г	Соотношение осей по циферблату	Сохранность
1	20	6,75	11	Хорошая
2	20	6,6	12	»
3	19	6,3	12	»
4	20	7,3	12	Хорошая, небольшая потертость
5	19	7,4	12	Хорошая, лицевая сторона (голова сатира) потерта
6	20	5,3	12	Хорошая; кружок более тонкий, чем у других монет
7	18	4,7	12	Хорошая
8	18	6,2	12	Хорошая, слегка потерта
9	19	7	7	Хорошая
10	20	6,5	12	»
11	18	5,5	7	Л. ст. хорошей сохранности, об. ст. потерта
12	18	6,8	12	Потерта, кусок края обломан в древности
13	20	6,5	12	Хорошая
14	19	6,7	12	Л. ст. — незначительная потертость; об. ст. сильно стерта (голова льва), горит не прослеживается
15	19	4,75	7	Хорошая
16	20	5,8	7	»
17	20	7,2	7	Хорошая, небольшая потертость
18	20	5	12	Голова сатира почти полностью стерта, надчеканка звездой хорошей сохранности; об. ст. потерта
19	20	6,6	7	Л. ст. потерта, об. ст. хорошей сохранности
20	19	6,1	12	Хорошая, л. ст. слегка потерта
21	18	6	12	Сильно потерта, на об. ст. голова льва стерта, край обломан в древности
22	20	5	12	Потерта, край треснул при надчеканкой звездой
23	19	5,1	12	Хорошая
24	18	6,6	12	Л. ст. хорошей сохранности, об. ст. потерта
25	19	7	7	Потерта
26	19	6,8	7	Л. ст. хорошей сохранности, об. ст. потерта
27	19	6,5	12	Хорошая (незначительная потертость)
28	20	5,8	12	Хорошая, незначительная потертость об. ст.
29	19	5,8	12	Потерта, край треснул при надчеканкой звездой
30	19	7	12	Потерта
31	20	6,7	7	»
32	20	7	12	Хорошая
33	20	7,3	7	»
34	18	6,2	12	Слегка потерта
35	18	6	12	Средняя, край в одном месте обломан в древности
36	18	6	12	Средняя, слегка потерта
37	19	7,2	12	Хорошая
38	19	6,8	12	Хорошая, край треснул у места надчеканки
39	19	7,1	7	Хорошая, л. ст. слегка потерта
40	20	7,5	7	Средняя, голова льва потерта
41	18	6	12	Хорошая
42	19	6,6	12	Средняя
43	19	7,4	7	Хорошая
44	18	5,4	12	Средняя
45	20	6,7	12	Хорошая, слегка стерта морда льва
46	19	7,4	12	Хорошая
47	20	8,3	12	»
48	18	6,6	12	»
49	20	6,8	12	Средняя
50	18	7	12	»

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
2. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VII—II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
3. *Анфимов Н. В.* Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Ниже-Стеблиевской// КСИИМК. 1949. Вып. XXIV.
4. *Анфимов Н. В.* Клад пантикапейских монет IV в. до н. э. из Восточного Приазовья//Античные государства и варварский мир: Межвуз. сб. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1981.
5. *Анфимов Н. В.* Керамические клейма из поселения станицы Красноармейской (Краснодарский край). Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докладов. Баку, 1985.
6. *Шилов В. П.* О расселении меотских племен//СА. 1950. Т. XIV.
7. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе//ВДИ. 1947. № 4.
8. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе//ВДИ. 1949. № 3.
9. ВДИ. 1948. № 3.
10. *Латышев В. В.* Краткий очерк истории Боспорского царства//ПОНТИКА СПб., 1909.
11. *Шагиров А. К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. 2: П — I. М.: Наука, 1977.
12. *Анфимов Н. В.* Денежное обращение на Елизаветинском городище — эмпории Боспора на Средней Кубани//ВДИ. 1966. № 2.

N. V. Anfimov

A HOARD OF PANTICAPAEAN COINS FROM SLAVYANSK ON KUBAN

Summary

In 1985 a hoard of copper Panticapaean coins in a small clay jar was discovered during construction work in Slavyansk on Kuban. Fifty coins from it came to the local museum. All the coins (with a single exception) belonged to one and the same type. They carried the head of a beardless satyr and a stamped-on twelve-pointed star on one side and a lion and a sturgeon head and a stamped-on gorythos, on the other. One of the coins, which belonged to an earlier period (330—315 B. C.), carried a head of a bearded satyr and a protoma of a griffin. Four other hoards of Panticapaean coins of the late 4th and early 3rd centuries came from this region. This fact leads to the surmise that the local tribes used money.

Historian believes that one of the Meotian tribes — the Dandarii — and their neighbours — the Psessy — lived on the Kuban right bank and in the Kuban delta. Epigraphic memorials permit us to trace the consecutive stages through which the Bosporan Kingdom expanded to the east. Under Leucon I (the 4th century B. C.) the Dandarii and Psessy were annexed to Bosporus. This fact is supported by the spread of monetary circulation in their lands.

Т. В. МИРОШИНА, В. Л. ДЕРЖАВИН

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЕСЕЛАЯ РОЩА III

В 1979—1980 гг. Ставропольская экспедиция ИА АН СССР раскапывала самый высокий (высота 3 м) курган 21 в группе Веселая Роща III Александровского района Ставропольского края[1]. Курган был сооружен в эпоху средней бронзы и насчитывал 17 погребений[2]. Три из них (10, 11 и 17) относятся к сарматскому времени.

Погребение 10 находилось в 3,3 м к северу от нулевой отметки, в бровке на глубине 0,95 м (рис. 1, *1*). Контур ямы проследить не удалось.

Скелет мужчины 18—24 лет[3] лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток — восток. Правая рука согнута под углом 115°, кисть ее, ладонью вниз, находится рядом с правым крылом таза. Левая рука вытянута, левая кисть лежит на головке левой бедреной кости. Ноги вытянуты, ниже колен они были снесены скрепером.

На левой бедреной кости лежала железная круглая пряжка с боковым выступом, диаметром 3 см (рис. 1, I, *3*). К востоку от правой кисти найдено 13 железных втульчатых трехлопастных стрел (11 целых и 2 во фрагментах) и 1 железная втульчатая трехгранная стрела (рис. 1, I, *5*). Одна из трехлопастных стрел лежала к северу от правого запястья, острием на северо-восток. Две группы трехлопастных и трехгранная стрела располагались вдоль правой локтевой кости и кисти, острием к фалангам пальцев. Стрелы лежали пачкой друг на друге, высота пачки 0,14 м. Вероятно, они были в колчане. Стрелы вытянутые, с треугольной головкой большей или меньшей величины, длина 2,6—4,2 см. К востоку от правой кисти рядом со стрелами находились железный нож, железный предмет (фрагмент ножа?), железное шило и несколько окислившихся железных стержней. Вероятно, они тоже лежали в колчане. Железный нож с горбатой спинкой, длиной 9 см, наибольшая ширина лезвия 1,5 см (рис. 1, I, *6*). Железное, круглое в сечении шило с заостренным концом было длиной 11,2 см, диаметром 0,7 см (рис. 1, I, *4*). Между ножом и северной группой стрел найдены крупинки оранжево-красной краски, может быть, от окраски колчана.

Железная пряжка относится к типу круглых пряжек с неподвижным боковым выступом, часто встречающимся в прохоровской культуре. Датируются они III—I вв. до н. э. [2, табл. 25, 1—3, 8—14; 3, с. 25, рис. 4, *30, 75*]. В Нижне-Джулатском могильнике и на Центральном Кавказе такие пряжки известны в I в. до н. э.— I в. н. э.[3, с. 25]. Эта пряжка использовалась, видимо, для прикрепления колчана к поясу.

Набор стрел находит аналогии в памятниках Северного Кавказа (бесленеевские курганы из раскопок Н. И. Веселовского; Пашковский, Усть-Лабинский и Нижне-Джулатский могильники, погребения в г. Грозном и из ст. Ново-Титаровской) [3, рис. 3—7; 4, с. 167, рис. 4, *10*, с. 187, рис. 14, *35*, *36*; 5, с. 47; 6, с. 54, рис. 17; 7, с. 77, рис. 4, *2—12*]. Датировать такие стрелы можно IV в. до н. э.— I в. н. э.

По комплексу вещей погребение 10 можно отнести к III—I вв. до н. э.

---

[1] Вел раскопки этого кургана Ю. А. Смирнов.

[2] Часть погребений описана в статье [1].

[3] Антропологические определения сделаны Г. П. Романовой.

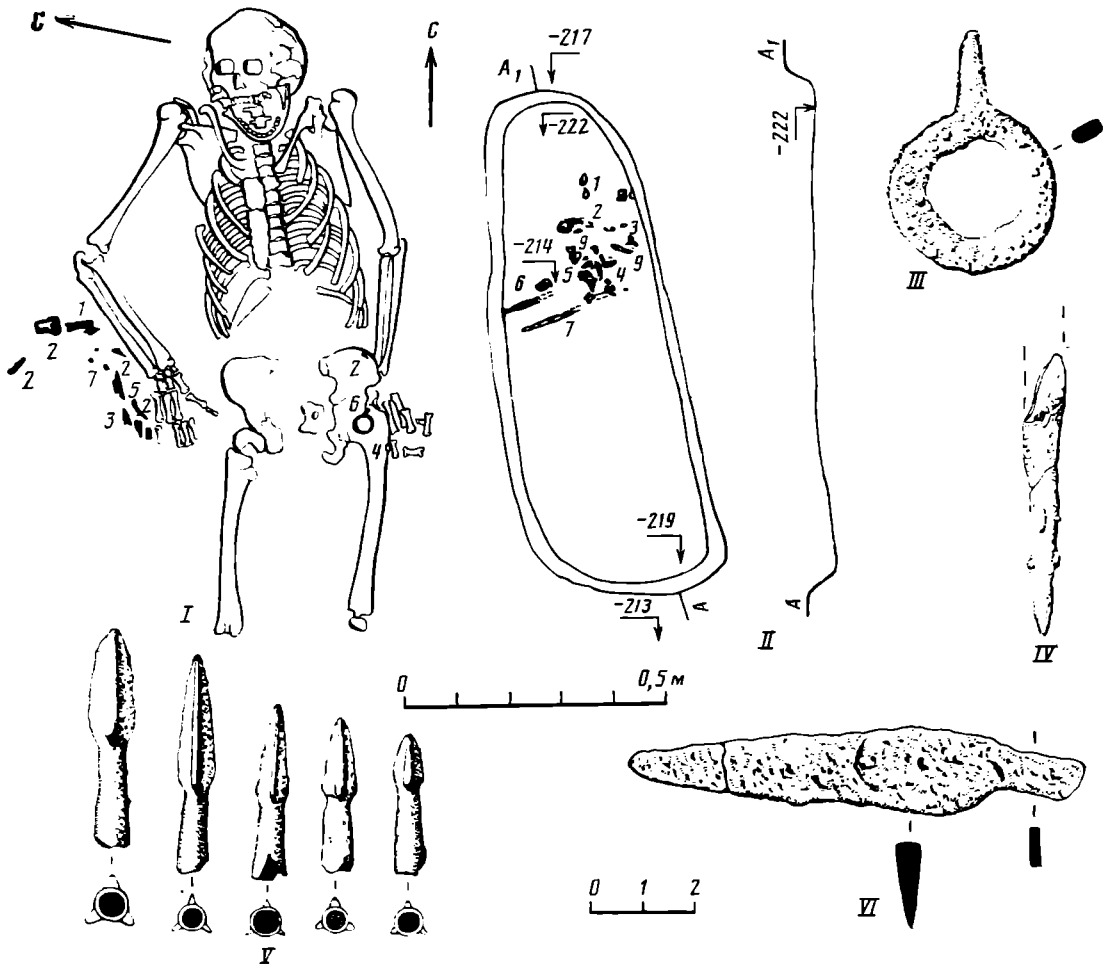


Рис. 1. Планы и инвентарь погребений 10 и 17. I — план погребения 10 (*1* — железный предмет; *2* — наконечники стрел; *3* — шило, *4* — фрагменты стержней; *5* — нож; *6* — пряжка; *7* — красная краска); II — план и разрез погребения 17 (*1, 2, 9* — фрагменты копья; *3, 8* — кости животного; *4* — фрагмент удил; *5* — фрагменты железных предметов; *6, 7* — железные ножи); III — железная пряжка; IV — железное шило; V — бронзовые наконечники стрел; VI — железный нож

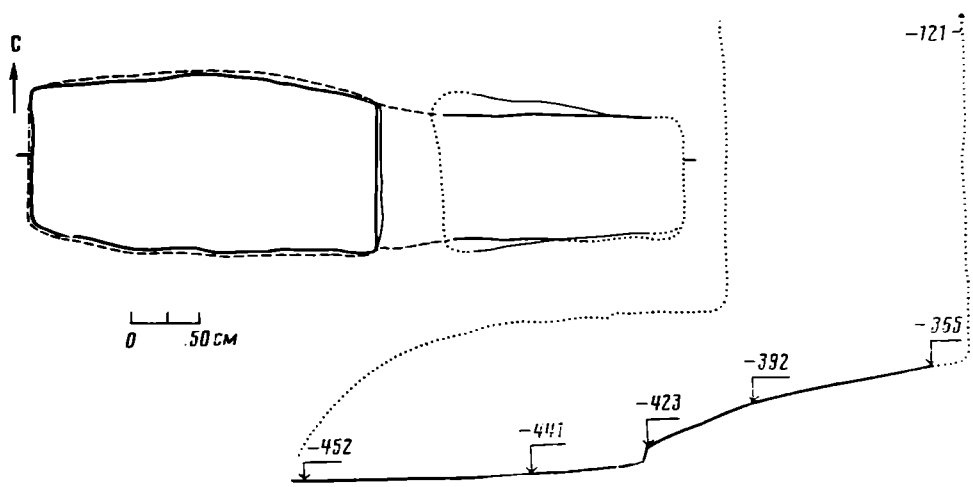


Рис. 2. План и разрез погребения 11

Погребение 11 расположено в северо-западном секторе кургана, в 8 м к северу и в 1,5 м к западу от нулевой отметки. Оно совершено в катакомбе, входная яма которой была видна в центральной бровке (рис. 2). Погребение было впущено с поверхности кургана (прослежено с глубины 1,21 м). Входная яма имеет подпрямоугольную форму, ориентирована с востока на запад. Длина ее 1,7 м, ширина 0,9 м, глубина 3,65—3,92 м. Дно плавно понижается с востока на запад, ко входу в камеру.

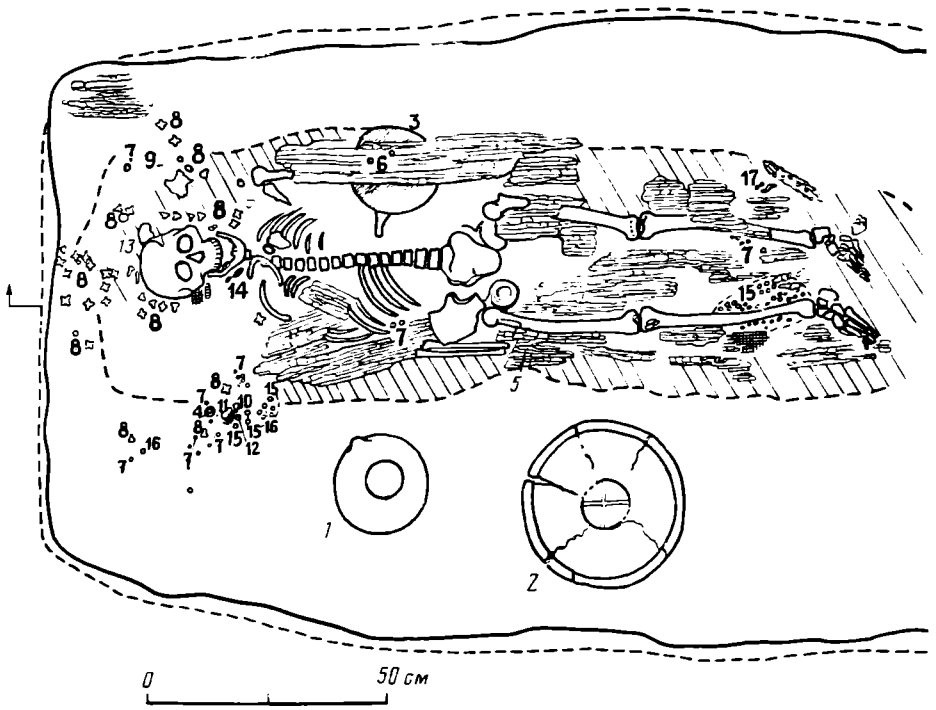


Рис. 3. План погребения 11: *1* — кувшин; *2* — миска; *3* — зеркало; *4* — перстень; *5* — фрагменты ножа; *6* — галька; *7* — стеклянные бусы; *8* — золотые бляшки; *9* — фрагмент грудины; *10* — костяной амулет; *11* — бронзовый амулет; *12* — фрагмент гагатовой бусины; *13* — пятно палевого цвета; *14* — золотые пронизи; *15* — скопление стеклянных бус; *16* — сердоликовые бусы; *17* — бронзовые скобки. *а* — меловая подсыпка; *б* — дерево

В западной стене входной ямы прослежен дромос длиной 0,45 м. Дно дромоса понижается с востока на запад от 3,92 до 4,25 м.

Дромос ведет в камеру, являющуюся продолжением входной ямы. Камера ориентирована с востока на запад. Дно камеры у входа понижается ступенькой, высота которой 0,1, глубина 4,25 м. Камера имеет прямоугольную форму с закругленными углами. Она заглублена в материк на 0,4 м. По дну размеры камеры следующие: длина — 2,6, ширина 1,23 м. Стенки прослежены на высоту 0,15—0,17 м. Высоту и форму свода проследить не удалось. Дно камеры понижается с востока на запад с 4,35 до 4,52 м.

Костяк женщины (?) 45—55 лет лежал ближе к северной стенке камеры. Он вытянут на спине, головой на запад (рис. 3). Руки вытянуты, ладони повернуты к бедру. Ноги вытянуты, коленные суставы повернуты в противоположные стороны. Обе стопы лежат на правом боку. Возможно, первоначально длинные кости были направлены в одну сторону, но развернуты наружу падением свода. Сохранность костей удовлетворительная. Некоторые нарушения связаны с норами грызунов, в результате чего, возможно, смещена часть мелкого инвентаря.

Костяк был заключен в «гробовище», состоящее из двух продольных боковых стенок и одной поперечной. Первоначально стенки стояли вертикально, но потом завалились внутрь и накрыли кости скелета от плечевого сустава вниз. В районе черепа следов дерева не обнаружено. Длина досок 1,35—1,4, ширина 0,25—0,3 м. В северо-западном углу погребения найдены фрагменты дерева от «гробовища» в норе суслика. Под скелетом прослеживалась площадка из прутьев, может быть, из тростника, состоящая из коротких прутиков длиной до 0,5 м и диаметром 3—4 мм. Они лежали вплотную, параллельно друг другу, поперек продольной оси костяка, по линии север — юг. Размеры этой площадки 1,7×0,55 м, вероятно, очерчивает границы «гробовища». Поверх прутьев шла тростниковая подстилка, где тростинки располагались вплотную друг к другу, вдоль длинной оси костяка, по линии запад — восток. Дно

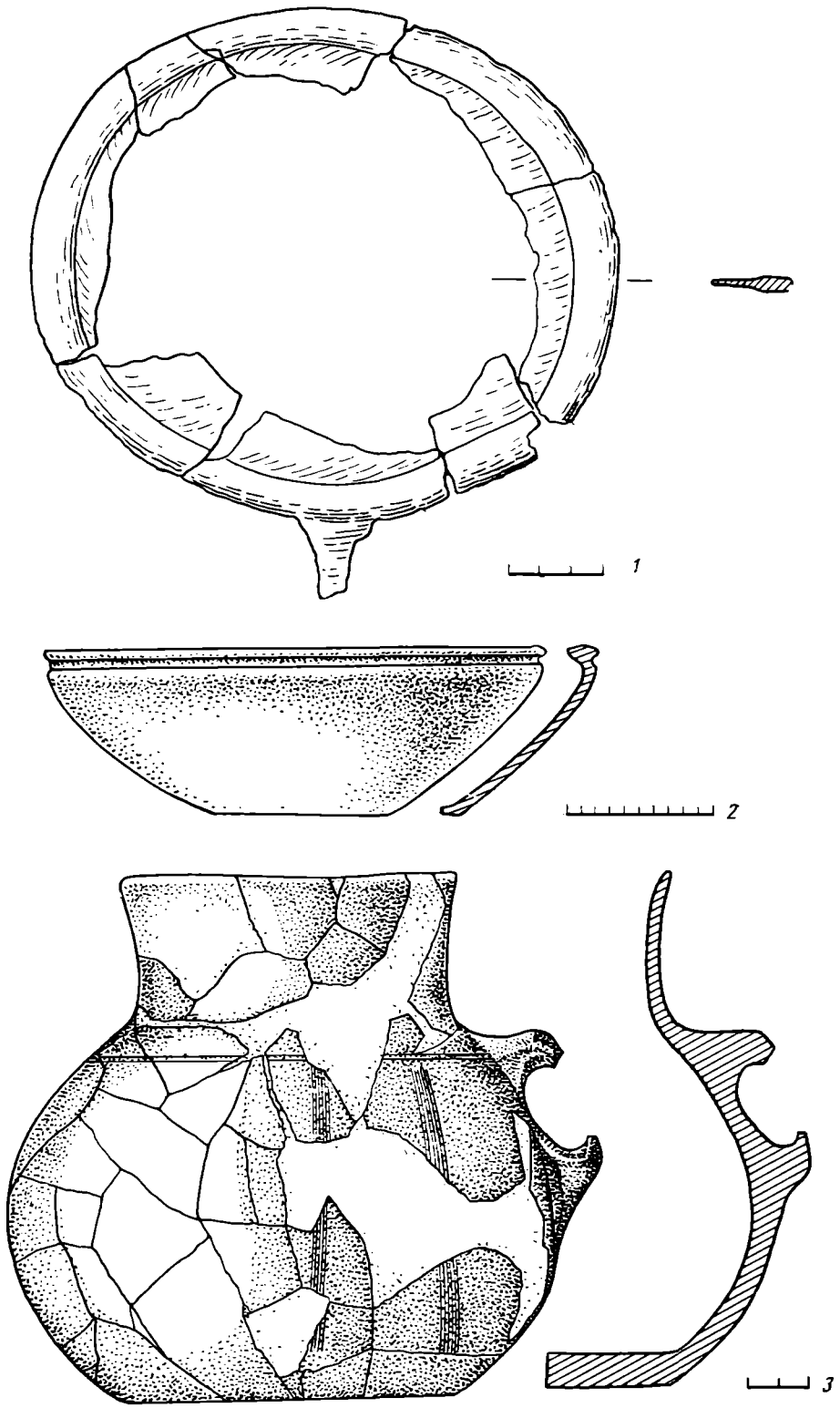


Рис. 4. Инвентарь погребения 11: *1* — бронзовое зеркало; *2* — гончарная миска; *3* — лепной кувшин

камеры под тростниковой площадкой посыпано меловой подсыпкой мощностью до 2 мм.

Непосредственно под костями скелета прослеживался слой темно-коричневого войлоковидного тлена толщиной до 5 мм. Под черепом тлен был светло-коричневый. Видимо, это тлен от одежды и головного убора. В 0,03 м к югу от правой берцовой кости был найден фрагмент органического коричневого тлена (кожи?), может быть, от сапог.

В 0,15 м к югу от правой плечевой кости, за пределами «гробовища», на донышке стоял кувшин, раздавленный скрепером (рис. 4, *3*). Кувшин лепной, сероглиняный, плоскодонный, с шаровидным уплощенным туловом и воронкообразным горлом. К тулову под горлом прикреплена пет-

левидная, овальная в сечении ручка, середина ее не сохранилась. Кувшин покрыт черным лощением плохого качества. Тесто плотное, с примесью песка и раковины. Тулово кувшина украшено пролощенным орнаментом. На плечиках между двумя горизонтальными линиями проходит ряд наколотых точек. От них вниз спускаются строенные линии. Диаметр венчика 10,5, наибольший диаметр 16, диаметр дна — 9,5 см, высота сосуда 15,5 см. Под кувшином на дне камеры пятно мела.

В 0,2 м к востоку от кувшина на дне стояла гончарная сероглиняная чернолощеная миска с плоским горизонтальным краем и вдавленной полосой под венчиком (рис. 4, *2*). Тесто плотное, с включением песка. На дне миски с внутренней стороны пролощенными сдвоенными линиями изображен крестообразный знак (размером 10,1×8 см). Диаметр миски по внешнему краю 33,5, внутренний диаметр 29,5, диаметр дна 11 см, высота 9,3 см. Под миской был зафиксирован светло-коричневый растительный тлен.

Остальные вещи (кроме сумочки с амулетами) найдены в пределах «гробовища». В 0,1 м к северу от левой берцовой кости лежали фрагменты железного ножа с горбатой стенкой, острием к северо-западу. Рядом с ним найдены фрагменты бронзовых скобок (четыре из них целые) на слое древесного тлена, возможно, от ножен ножа. Сохранившаяся длина ножа 9,5, максимальная ширина лезвия 1,8 см.

На левом локтевом суставе лежали фрагменты бронзового зеркала со штырем для ручки и высоким плоским валиком по краю (рис. 4, *1*). Диаметр зеркала 17 см, ширина валика 1,3 см, длина штыря — 5, ширина 0,5—2 см. Зеркало было заключено в деревянный футляр, форму которого установить не удалось. С внутренней стороны футляр был покрыт тканью, отпечатки которой сохранились.

Над зеркалом были найдены две расколотые гальки, возможно, попавшие в погребение случайно, так как их много в насыпи кургана. Всего из этого погребения их известно 13. Не исключена и специальная ритуальная цель помещения галек: так, на Кавказе в Нижне-Джулатском могильнике в I в. до н. э.— I в. н. э. зафиксированы находки галек (обычно в сосудах) [3, с. 19, 20].

В 0,05 м к юго-западу от правого плеча обнаружено скопление стеклянных бус размером 0,1×0,05 м. Отдельные бусины встречаются на расстоянии 0,3 м к юго-западу от правого плеча. Видимо, здесь лежала сумочка из органического материала (кожи), тлен от которой прослеживается, расшитая бусами. В ней находились костяной и бронзовый амулеты, а также бронзовый перстень, гагатовые и сердоликовые бусы.

В 0,1 м к юго-западу от правого плеча обнаружен фрагмент нижней части конусовидного предмета с заостренным концом из рога (рис. 5, *35*). Это, видимо, амулет. Длина его 2,3 см.

К северо-западу к нему примыкает бронзовый грибовидный предмет в кожаном чехольчике с отверстием в «ножке», вероятно амулет (рис. 5, *34*). Рядом найдена гагатовая круглая уплощенная бусина с концентрическими кругами на концах во фрагментах. Длина ее 1, диаметр 1,6 см.

В 0,25 м к югу от черепа, недалеко от бронзового амулета, лежал бронзовый литой перстень-печатка с крупным овальным щитком из расширенной части шинки и широкой, плоской изнутри и выпуклой снаружи шинкой (рис. 5, *32*). На щитке отлито изображение скачущего коня влево. Размеры щитка 3×2,4 см, ширина шинки 1 см.

В юго-западном скоплении бус (сумочка) было обнаружено 13 сердоликовых бусин. Среди них одна цилиндрическая, 2 биконические и 10 круглых. В 5,5 см к северо-западу от черепа в заполнении на 6 см выше дна лежала округло-ребристая хрустальная бусина размером 1,3× ×1,7 см (рис. 5, *33*). В 0,05 м к востоку от нижней челюсти найдена овальная бусина с плоским основанием из молочного цвета агата (?), размеры ее — 2,3×1,6×0,5 см (рис. 5, *31*). Возможно, она служила застежкой для одежды.

Всего в погребении найдено 240 экземпляров бус (из них 161 целая), стеклянных, сердоликовых, хрустальных, гагатовых, из белого камня,

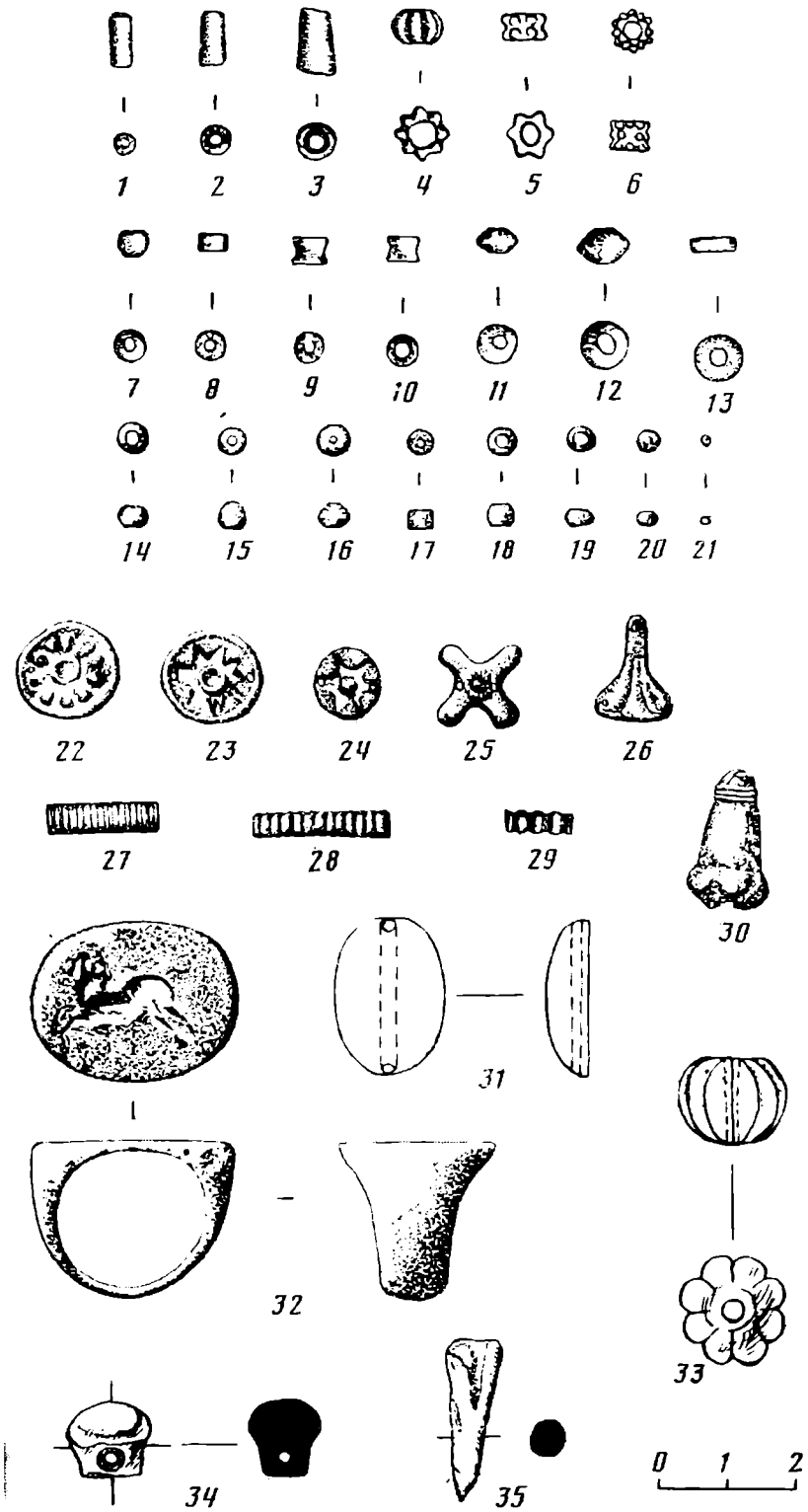


Рис. 5. Инвентарь погребения 11: *1—21* — стеклянные бусы; *22—26* — золотые бляшки; *27—29* — золотые пронизи; *30* — золотой кулон; *31* — агатовая бусина; *32* — бронзовый перстень; *33* — хрустальная бусина; *34* — бронзовый амулет; *35* — костяной амулет

и 80 экземпляров бисера (рис. 5, *1—21*). Бусы в основном встречены в трех местах — к юго-западу от правого плеча, по обеим сторонам правой и левой берцовых костей. Пять пастовых бусин найдено у правого локтевого сустава и три — к западу от черепа. Размеры бус — 0,5×0,6, 0,5×0,7, 0,6×0,9 см и т. д.

Стеклянные и пастовые бусы представлены следующими типами: круглые — белые, зеленые, голубые, с внутренней позолотой — 38 экз.

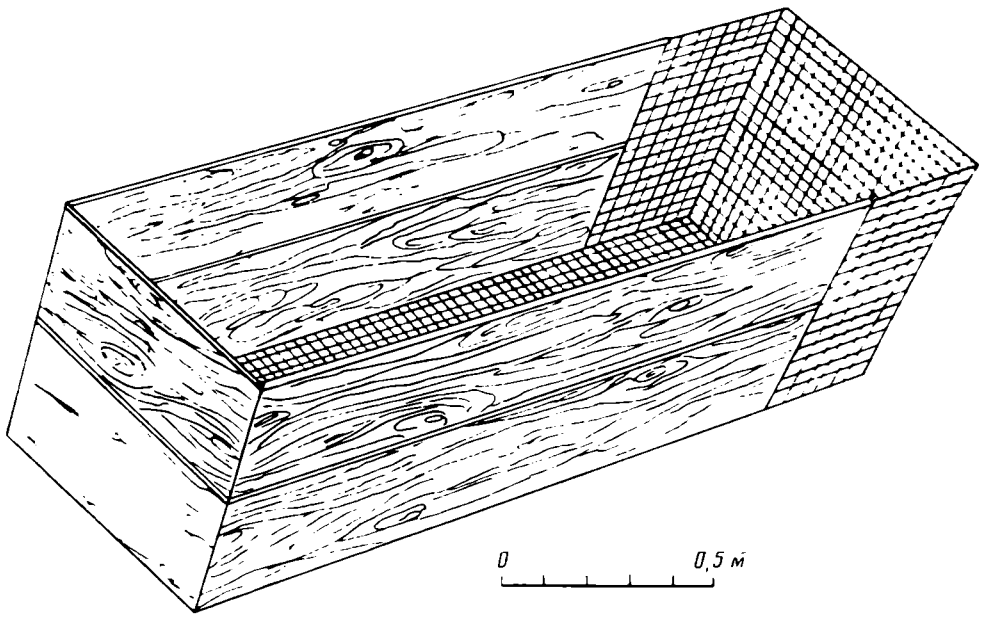


Рис. 6. Реконструкция гробовища

(рис. 5, *14*, *15*, *18*), цилиндрические бугристые с двумя и более рядами бугорков — бесцветные, темно-серые — 26 экз. (рис. 5, *5*, *6*), биконические — золотистые — 14 экз. (рис. 5, *11*, *12*, *16*), колечковидные — светло-зеленые — 14 экз. (рис. 5, *13*, *19*), округло-ребристые — бесцветные, золотистые, с внутренней позолотой — 9 экз. (рис. 5, *4*), цилиндрические — голубые, белые, с внутренней позолотой — 7 экз. (рис. 5, *8*, *17*), катушковидные — белые, голубые — 4 экз. (рис. 5, *9*, *10*), конические — с внутренней позолотой — 3 экз. (рис. 5, *1—3*). Обнаружены также две колечковидные бусины из белого камня (мрамора?) и стеклянная прозрачная грибовидная подвеска (размеры 0,9—1,2×1,1 см). Бисер встречался темно-синий — 21 экз. и золотистый — 59 экз. (рис. 5, *20*, *21*).

Из погребения 11 происходят девять бронзовых цилиндрических пронизей размером 0,3—0,5×0,6—0,9 см. Местонахождение их в погребении не установлено.

В погребении обнаружено 105 золотых бляшек (рис. 5, *22—26*), 93 из них лежало вокруг черепа, 3 — у левой кисти, 4 — у правой кисти, 4 — в скоплении бус к юго-западу от правого плеча и 1 — под левым бедром. Бляшки из тонкого золота, штампованные, с двумя-тремя отверстиями для нашивки. Их можно разделить на пять типов: 1) крестообразные с маленькой 14-лепестковой розеткой в центре, размеры 1,5—1,6 см — 47 экз. (рис. 5, *25*); 2) в виде стилизованного цветка лотоса, размер 1,2×1,4 см — 29 экз. (рис. 5, *26*); 3) круглые, с вдавленной шестилучевой звездой и выпуклым кружком в центре, диаметр 0,9—1 см — 14 экз. (рис. 5, *24*); 4) более крупные, круглые, с вдавленной восьмилучевой звездой с выпуклым кружком в центре и ободком по краю, диаметр 1,4—1,5 см — 14 экз. (рис. 5, *23*); 5) круглая, с 10-лепестковой выпуклой розеткой с выделенным центром и ободком по краю, диаметр 1,5 см — 1 экз. (рис. 5, *22*).

У левой кисти лежали бляшки 4-го и 5-го типа, у правой кисти — 4-го типа, под левым бедром — 4-го типа и в районе «сумочки» — три бляшки 1-го типа и одна бляшка 2-го типа. Бляшки у кистей, видимо, украшали рукава. Три из них на правой кисти лежали вертикально. Определенного порядка в расположении бляшек установить не удалось. Большинство их лежало лицевой стороной вверх на разных уровнях (перепад 4—5 см), а примерно третья их часть лежала вверх тыльной стороной. В основном они составляли украшение головного убора.

Под нижней челюстью обнаружено золотое ожерелье из девяти рубчатых пронизей и кулона конической формы с четырьмя выпуклыми внизу и тройным ободком из проволоки вверх (рис. 5, *27—30*). Тыльная

сторона кулона разомкнута. Размеры пронизей: длина 0,7—2, диаметр 0,2—0,4 см; размер кулона 2×0,5—1,2 см. Пронизи найдены трех типов: короткие с редкой нарезкой (рис. 5, *29*) и длинные со средней (рис. 5, *28*) и частой нарезкой (рис. 5, *27*).

«Гробовище», видимо, можно реконструировать в виде рамы с двумя продольными и одной поперечной (в ногах) стенками из досок и поперечной стенкой у головы и дном, плетенным из тростника (рис. 6). Размер гробовища 1,7×0,55 м. Боковые стенки только частично сделаны из досок, так как длина доски 1,4 м, и начинаются они от плечевого сустава. Выше плеч и вокруг головы шла, вероятно, решетчатая, плетенная в клеточку из перпендикулярно расположенных рядов прутьев часть гроба. Не исключено, что стенки состояли из двух горизонтальных рядов досок, так как дерево прослежено и по центру погребения, особенно в нижней части скелета. Туда могли попасть доски верхнего ряда, которые упали первыми. Тогда высота боковых стенок, судя по ширине досок, могла быть 0,5—0,6 м.

Деревянные гробовища в виде дощатой рамы, иногда с дном из камыша, известны в прохоровское время в Нижнем Поволжье [2, с. 22, 23], но комбинированная конструкция рамы из досок и плетеного тростника больше нигде не зафиксирована. На Северном Кавказе это первый случай находки гробовища в погребениях сарматского времени.

Мел — один из характерных признаков сарматского погребального обряда [2, с. 23], но в погребениях, исследованных Ставропольской экспедицией, он встречается редко — в 10% погребений.

Остатки одежды, головного убора и сапог известны в сарматских погребениях разного времени [8].

Кувшин из погребения 11 находит аналогии по форме тулова среди сарматской керамики III—II вв. до н. э. [2, табл. 8, 24]. Орнамент из горизонтальных и вертикальных полос типичен для прохоровской культуры Поволжья [2, с. 26].

Миска напоминает одну из разновидностей (тип 1, группа 3) из Усть-Лабинского могильника, датируемых III—I вв. до н. э. [4, с. 178, рис. 8, *3*, 9, *4*), но не имеет в отличие от них кольцевого поддона.

Бронзовое зеркало с плоским валиком по краю и выступом для прикрепления ручки характерно для прохоровской культуры III—II вв. до н. э. [2, с. 43]. Это II отдел, тип 3, по М. Г Мошковой [2, табл. 28, *12*, *15*, *17*, *19*]. В. Б. Виноградов относит такие зеркала из погребений Северо-Восточного Кавказа (Моздокский и Пседахский могильники, курган у Червленой) к IV—III — концу I — началу I в. до н. э. [6, с. 59, рис. 15, *8*, 16, *23*, *24*]. В кургане у ст. Ново-Титаровской такое зеркало встречено в погребении конца II — начала I в. до н. э. [7, с. 83, рис. 7, *5*, с. 86].

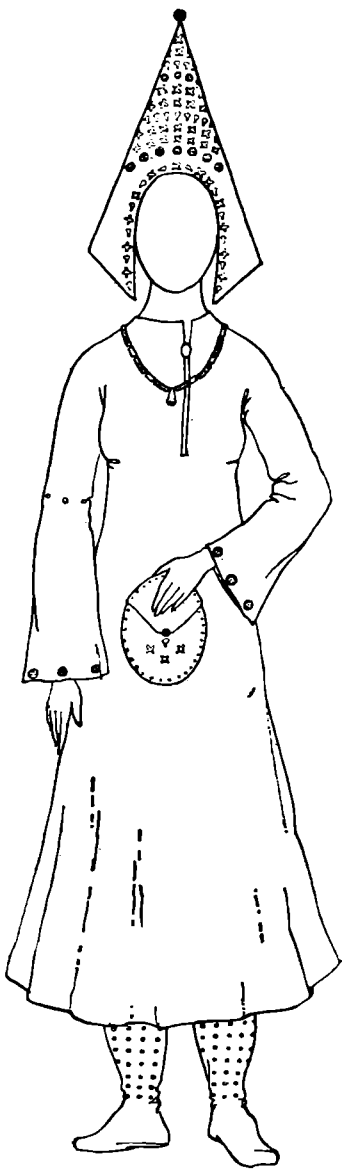


Рис. 7. Реконструкция костюма сарматки

Костяные амулеты, заостряющиеся книзу, встречаются в прохоровское время в Поволжье [2, табл. 32, *1*]. Аналогии бронзовому грибовидному амулету найти не удалось. Комплекс пастовых бус (ребристые,

бугристые, со внутренней позолотой) Е. М. Алексеева датирует серединой III — серединой I в. до н. э.[4]

Наиболее интересная и редкая находка в этом погребении —бронзовый перстень с изображением скачущей лошади. Тип перстней, в котором щиток заменен расширением шинки, довольно распространен в эллинистическое время. Они известны в Херсонесе (погребения, раскопанные К. К. Кощюшко-Валюжиничем в 1890—1902 гг., склеп 1012) [9, с. 13], но особенно много их на Боспоре — в некрополях Горгиппии, Тирамбы, Фанагории [10, рис. 1, *5*, *12*, с. 68, 76]. По форме это перстни «птолемеевского» типа. Всего в Северном Причерноморье их известно 28. В основном на них представлены портретные изображения египетских царей и божества, а животные изображаются очень редко [10, с. 70, 71, 76]. Датируются такие перстни III в. до н. э., привозились они из Египта, возможно из Александрии [10, с. 76]. Аналогию изображению — неоседланный скачущий конь влево — мы видим на геммах [11, рис. 22; 12, табл. 34, *3*], а также на бронзовом перстне из Квода Месхети (Грузия) [13, табл. IV, *15*, с. 97, рис. 18]. На нашем перстне рисунок менее совершенен, чем на экземпляре из Грузии и тем более на геммах, пропорции грубее, торс коня утяжелен. Не исключено, что перстень из погребения 11 сделан на Боспоре, где известно в III в. до н. э. производство перстней, подражающих «птолемеевским» [10, с. 76]. Это единственный случай находки подобного перстня в негреческом, варварском погребении.

Бронзовые бусы и пронизи изредка встречаются в погребениях Поволжья прохоровского времени [2, с. 45].

Золотые бляшки не имеют точных аналогий. Бляшки в виде шестилучевых звезд (тип 3), но вырезанные по контуру, найдены в каменной гробнице Мавзолея Неаполя Скифского (конец II — начало I в. до н. э.) [14, с. 121, рис. 6, *2д*]. Примерно похожие на типы 3 и 5 (шестилучевая звезда и розетка) бляшки из некрополя Херсонеса датируются концом II—I в. до н. э. [9, табл. 1, *16, 18, 23—25*]. Похожим на тип 5 штампом выполнена розетка из погребения XIII Мавзолея Неаполя Скифского (начало I в. до н. э.) [14, с. 148, рис. 23, *3*]. Бляшки с восьмилучевой звездой (подобные типу 4) известны в катакомбе XI Александропольского кургана [15, атлас, табл. IX, *1*, *2*].

Кулон от ожерелья не имеет аналогий. Золотые рубчатые пронизи часто встречаются в скифских погребениях IV—III вв. до н. э. [15, атлас, табл. X, *6* и т. д.; 16, табл. 19, *6—8*; 17, с. 108, рис. 17, *7*]. Пронизь типа 2 (со средней частотой нарезки) найдена в погребении XI Мавзолея Неаполя Скифского (начало I в. до н. э.) [14, рис. 4, *б*]. Пронизи типа 1 (с частой нарезкой) происходят из погребений XII (начало I в. до н. э.) и XXV (середина I в. до н. э.) Мавзолея Неаполя Скифского [14, с. 146, рис. 21, с. 160, рис. 31, *9—12*, рис. 13, *а*, *б*], но в Мавзолее пронизи двойные и тройные.

Таким образом, погребение 11 кургана 21 можно датировать III — началом I в. до н. э.

Реконструировать головной убор и одежду довольно сложно, так как фиксация положения бляшек и бус проведена недостаточно детально. Видимо, головной убор представлял собой конусообразный клобук с лопастями до плеч (рис. 7). Передняя часть его была украшена 93 золотыми бляшками четырех типов. Боковые лопасти вокруг лица также были обшиты бляшками, которые лежали вплоть до нижней челюсти. Крупная ребристая хрустальная бусина могла украшать верх конусовидного убора, она найдена за затылком и на 6 см выше дна. Аналогии клобуку, в том числе с украшенным верхом, есть среди скифских головных уборов [18, с. 58—60, рис. 6]. На кожаную, по-видимому, основу, от которой сохранился светло-коричневый органический тлен, были пришиты через отверстия сухожильными нитками золотые бляшки.

---

[4] Приносим глубокую благодарность Е. М. Алексеевой за определение бус.

Платье, видимо, было нераспашным, свободного кроя, с глубоким разрезом на груди, скалывавшимся на левую сторону овальной агатовой бусиной, найденной на левой стороне груди (рис. 6). Такой покрой платья был наиболее распространен в сарматское время (до II в. н. э.) [8]. Широкие рукава платья доходили до запястий и были понизу обшиты золотыми бляшками с восьмилучевыми звездами и розеткой (4-го и 5-го типа). На каждом рукаве было нашито по четыре бляшки (бляшка, найденная под левым бедром, происходит от обшивки левого рукава)

На уровне локтевого сустава правый рукав был обшит пятью пастовыми бусами. Платье доходило до середины берцовых костей, так как ниже начинались кожаные (судя по органическому тлену) сапоги, расшитые стеклянными бусами. По-видимому, бусы образовывали вертикальные ряды. Судя по правому сапогу, бусы покрывали голенище сапога со всех сторон сверху донизу, кроме носка. Одежда и сапоги у сармат часто украшались бусами [8], встречается такое украшение и на Кавказе (Нижне-Джулатский могильник) [6, с. 29, 30, табл. XIV]. Темно-коричневый войлоковидный тлен, найденный под скелетом, возможно, является остатком верхней одежды типа плаща.

Платье украшалось ожерельем с золотым кулоном в центре. Девять золотых пронизей, возможно, чередуясь с девятью бронзовыми пронизями, составляли это ожерелье.

Дополнением к костюму служила сумочка, видимо кожаная, овальной формы (судя по контуру бус), размером 0,2×0,13 м. В ней лежали самые дорогие для владелицы вещи — перстень, бронзовый и костяной амулеты. Сумочка была расшита стеклянными и сердоликовыми бусами, а также золотыми бляшками. В восточной части сумочки на площади 0,1×0,05 м стеклянные и сердоликовые бусы были сосредоточены особенно густо. Вероятно, в ней лежало одно или несколько ожерелий. Круглая гагатовая бусина могла служить застежкой сумочки. В гамме бус преобладали голубой, белый или зеленый цвета. Сумочка была положена позже остальных вещей, так как лежит вне гроба. На Кавказе, в Нижне-Джулатском могильнике, известны случаи положения бус в стороне от костяка — в 2,9% катакомб I в. до н. э.— I в. н. э. и в 33,3% катакомб II—III вв. н. э., т. е. это поздний обычай [6, с. 30, табл. XIV].

Таким образом, все же удается в целом реконструировать костюм представительницы верхушки среднего слоя населения сарматского времени.

Особенно интересен уникальный для сарматок ритуальный головной убор, расшитый золотыми бляшками. Аналогии ему в сарматских погребениях нам неизвестны. Количество золотых бляшек превышает их число в скифских царских и аристократических головных уборах (в Чертомлыке их 56, в кург. 2 группы Дорт-оба 67 штук, в других уборах бляшек гораздо меньше) [18, с. 59, 60].

Погребение 17 расположено в северо-западной части насыпи, в 2,65 м к северу и в 5,38 м к западу от нулевой отметки, на глубине 2,19—2,22 м (рис. 1, *II*). Яма подовальная узкая (1,05×0,4 м), стенки прослежены на высоту 0,06 м. Ориентация ямы север — северо-запад — юго-юго-восток. В северной части яма суживалась.

Человеческих костей не найдено, поэтому возможен кенотаф или, вероятнее, ограбление вскоре после захоронения, когда ткани еще не распались. Скелет мог быть вытащен грабителями.

Все находки сосредоточены в северной половине ямы. С северной стороны лежало железное копье (по линии север — юг), от которого сохранились фрагменты пера и втулки, диаметр втулки 3 см. С юга к копью примыкают фрагменты железных удил и неопределенные фрагменты железных предметов. В 0,1 м к юго-западу от копья обнаружены фрагменты двух железных ножей. Сохранившаяся длина одного из них, с горбатой спинкой, 6 см. В 0,1 м к востоку от копья фрагменты костей животного от заупокойной пищи.

Датирующих предметов в погребении нет, поэтому дату его установить невозможно. Условно можно его считать синхронным с другими

погребениями сарматского времени этого кургана (тем более что расположены они в северо-западном секторе, недалеко друг от друга) и датировать III—I вв. до н. э.

Судя по погребальному обряду и комплексу вещей, погребения кургана 21 можно отнести к сарматским. По времени они относятся к самой многочисленной группе сарматских погребений Ставропольского края — III—I вв. до н. э. Погребения 10 и 17 принадлежат рядовым воинам. Погребение 11 резко выделяется по инвентарю. В нем найдено большое количество золотых вещей (бляшки, пронизи, кулон), много стеклянных и каменных бус, амулеты и редкий античный перстень. Это самое богатое сарматское погребение Ставропольского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Геннадиев А. Н., Державин В. Л., Иванов В. К., Смирнов Ю. А.* О редкой форме погребального обряда в предкавказской культуре//СА. 1987. № 2.
2. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры//САИ. 1963. Вып. Д1-10.
3. *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972.
4. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской//МИА. 1951. № 23.
5. *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Курганы у станицы Мекенской//Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
7. *Козенкова В. И.* Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровская (Краснодарский край)//Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
8. *Яценко С. А.* К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии//СА, 1987. № 3.
9. *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса//Тр. ГИМ. 1956. Вып. XVIII.
10. *Трейстер М. Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей//ВДИ. 1982. № 3.
11. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.: Аврора, 1976.
12. *Nikulina N.* La glyptique «greque orientale» et «greco-perse»//Antike Kunst. 1971. 14. Heft. 2.
13. *Лордкипанидзе М.* Древнейшие перстни-печати Иберии и Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
14. *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского//МИА. 1961. № 96.
15. Древности Геродотовой Скифии. Вып. 1. СПб., 1866.
16. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.//САИ. 1967. Вып. Д1-4.
17. ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.
18. *Мирошина Т. В.* Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э.//СА. 1981. № 4.

T. V. Miroshina, V. L. Derzhavin

SARMATIAN BURIALS FROM THE VESELAYA ROSHCHA III BURIAL GROUND

Summary

The authors publish three Sarmatian burials from Mound 21, the highest, up to 3 metres, in the Veselaya Roshcha III group of mounds in the Stavropol Area. They are dated between the 3rd and 1st centuries B. C., burials 10 and 17 belonged to rank-and-file warriors.

Burial 11 concealed a rich female burial in a latticed coffin. The burial contained many beads, gold plates and a necklace. The authors provide their reconstruction of the dress, footwear, bag and the headdress. This is the richest Sarmatian burial in the Stavropol Area.

Т. Г. ОБОЛДУЕВА

КУРГАНЫ НА АРЫКЕ ДЖУН

На высоком правом берегу р. Чирчик, к западу и северо-западу от г. Янги-Юль Ташкентской обл. в открытой степи по водоразделу еще в 30-х годах тянулось громадное курганное поле[1]. В 1937—1938 гг. Г В. Григорьев провел раскопки курганов по берегам арыка Джун, прорезавшего могильник[2]. Здесь было свыше 100 курганов, разбросанных небольшими группами; насыпи из серовато-желтого материкового лёсса довольно правильной формы, высотой 0,5—2, диаметром 10—12 м. Было вскрыто 13 курганов с 12 погребениями; кроме того, у сел. Нау, невдалеке от г. Янги-Юль, был раскопан еще один курган.

По ряду обстоятельств результаты работ не были в свое время полностью опубликованы. Основные итоги очень кратко изложены в статьях М. Э. Воронца [1, с. 335—337] и Г. В. Григорьева [2, с. 55 сл.]. Некоторые основные наблюдения и выводы сообщены в тезисах моей диссертации [3]. Позднее к этим материалам обращались А. И. Тереножкин [4, с. 159], О. В. Обельченко [5, с. 224—226], Б. А. Литвинский [6; 7, с. 44; 8, с. 83], Л. М. Левина [9, с. 167, 168]. Все эти публикации были очень краткими или касались отдельных категорий инвентаря, комплексы опубликованы не были. Но поскольку в научную литературу уже вошел термин «джунский этап» или «джунская культура», представляется необходимым изложить имеющиеся основные фактические материалы, тем более что большинство находок и чертежей уже не сохранилось. К сожалению, и дневниковые данные очень неполны.

Курган 1 — высота 1,6, диаметр 13 м. Прямоугольный дромос 3,85×2 м вытянут по линии ЮВ—СЗ. На глубине 1,6 м от уровня материка вдоль северо-восточной и юго-восточной стенок ступенька. На глубине 2,9 м в северо-восточной стенке дромоса вход в камеру 0,9×1 м, заложенный кладкой из сырцовых кирпичей 36×36×8 см на глиняном растворе (рис. 1, *а*). На ступеньке у входа среди мелких угольков лежала часть (венчик и стенка) раздавленного тонкостенного сосуда ручной выделки из черной глины с примесью мелкого блестящего песка и с мелкими известковыми вкраплениями, а также большой широкогорлый кувшин с выраженной шейкой и слегка отогнутым венчиком (в нем отверстие от починки). Поверхность заглажена, блестящая. Могильная камера 3×1,5 м овальная, вытянутая по линии юг—север поперек оси дромоса, дно ее на глубине 3 м. Скелет (мужской) лежал на спине, головой на север, руки вдоль тела. Под ним коричневатые следы подстилки, вещей нет.

Курган 5[3] — высота 1, диаметр 12 м. Прямоугольный дромос 5×1,5—1,9 м вытянут по линии восток—запад. На глубине 1,5 м вдоль стенок ступеньки. В западном конце на глубине 2,4 м вход в камеру, перпендикулярную дромосу (размер камеры 2,5×1,5 м). Скелет на спине, головой на север, руки вдоль тела. Под ним зольная подсыпка. Справа от плеча до колена лежал железный прямой двусторонний меч с косыми плечиками, с заостренным концом (длина 80, ширина 4 см), с узким плоским стержнем рукояти (длина 13 см). За мечом у плеча же-

[1] В 1934 г. их насчитывалось 1100.

[2] В 1937 г. в раскопках принимала участие Т. Г. Оболдуева, в 1938 г.— М. Э. Воронец.

[3] Насыпи курганов 2 и 4 пустые, курган 3 относится к эпохе бронзы.

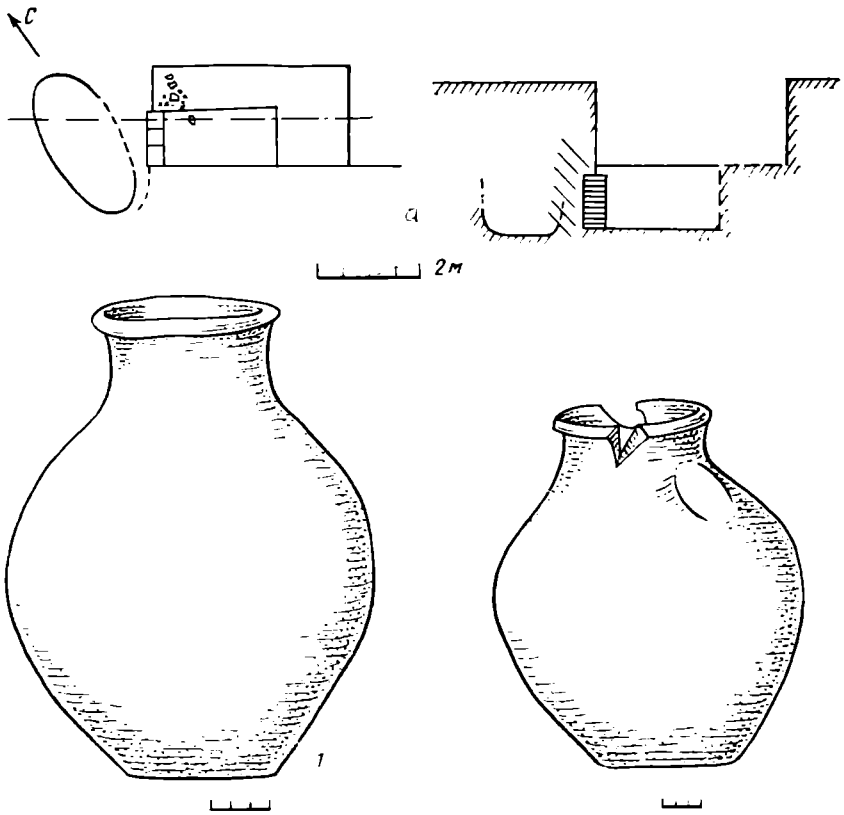


Рис. 1. *а* — кург. 1, план и разрез могилы; *1* — кург. 5; *2* — кург. 6

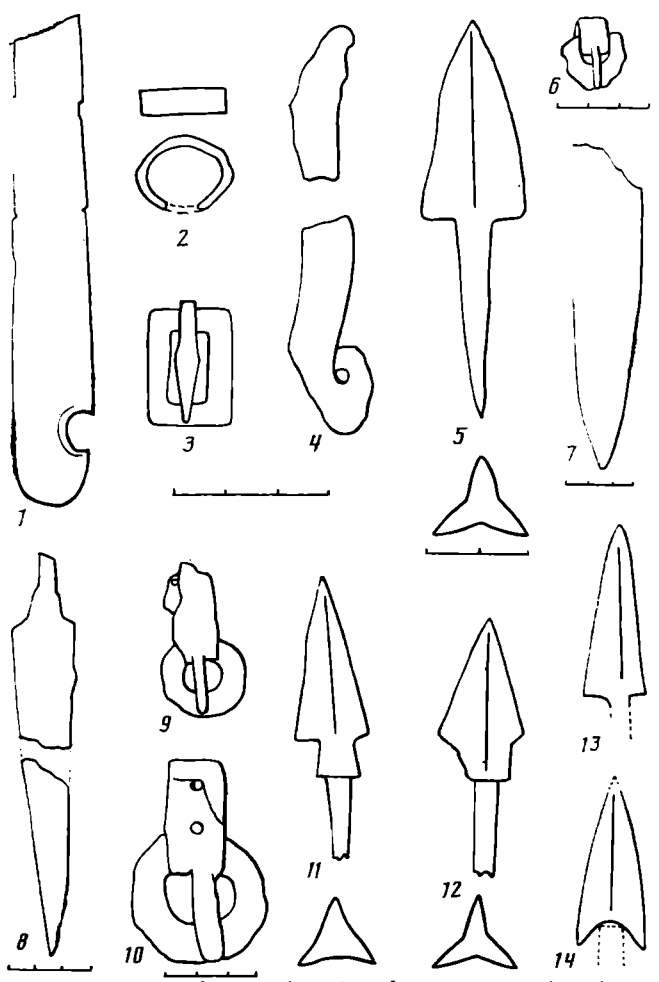


Рис. 2. *1—4* — кург. 8; *5—7* — кург. 10; *8—12* — кург. 1 (Нау); *13, 14* — кург. 5

лезный массивный обоюдоострый кинжал с косыми плечиками, с узким стержнем рукоятки со следами дерева и остатками деревянных ярко-красных ножен (длина лезвия 22, длина рукоятки 8 см). Рядом железная прямоугольная пряжка 4×5 см с закругленными короткими и вогнутыми длинными сторонами, с перекладиной и длинным язычком. Под мечом обломок плоского кружка из белого мягкого камня (диаметр 3,5 см) с отверстием. У бедра железное кольцо (диаметр 2,5 см). У правого колена лежали остриями вниз три спекшихся железных наконечника стрел — трехперых, черешковых (два с опущенным краем лопасти, один с прямым). Длина головки 3,5, черешка — около 2 см. Сохранились остатки (длиной 2—3 см) древка толщиной до 1 см, со следами обмотки его у самых крыльев волокнами или материей (рис. 2, *13, 14*). За головой слева стоял округлый яйцевидный кувшин (без ручки) хороших пропорций, с вытянутой неширокой шейкой и узким дном, высотой 22 см. Изготовлен от руки из черноватой глины с мелкими известковыми вкраплениями, поверхность заглажена (рис. 1, *1*). Рядом железный ножик с прямой массивной спинкой и острым концом, с тонким черенком для ручки. Длина лезвия 9,5 см.

Курган 6 — высота 0,5, диаметр 7 м. Дромос неправильный прямоугольный (2 и 3×1,35 м), вытянут по линии север—юг, у стенок с трех сторон ступенька шириной 0,4 и 0,25 м. На глубине 2,5 м в северном конце вход в камеру, дно которой на глубине 3 м. Скелет сильно потревожен, ориентирован головой на северо-восток, вытянутый. В головах стоял кувшин из розовато-палевой глины хорошего обжига, с широким туловом, крутыми плечиками, неширокой шейкой со слегка отогнутым венчиком, без ручки. Высота его 20 см.

К северу от этого погребения обнаружено примыкавшее к нему второе. Скелет лежал на правом боку со слегка согнутыми ногами, головой на юг, под тазом и спиной зольная подсыпка. За головой стоял кувшин из коричневато-серой лёссовой глины с мелкими известковыми вкраплениями, черепок пережженый, очень плотный, поверхность гладкая. Кувшин широкодонный, с округлым телом и короткой неширокой шейкой, отогнутый край венчика срезан косо вниз. На плечиках и у венчика следы отбитой ручки. Высота сосуда 21 см (рис. 1, *2*).

Курган 7 — высота 1, диаметр 14 м. Прямоугольный дромос (6× ×1,7 м) вытянут по линии ЮЮЗ—ССВ, в северном конце, по-видимому перпендикулярно оси дромоса, была обвалившаяся катакомба. В ней на глубине 3,5 м лежали два скелета головами на восток, вытянутые на спине (рис. 3, *1*). У входа скелет мужчины. У его левого бедра находился железный двусторонний узкий меч с мягко заостренным концом и косыми плечиками, в разрезе чечевицеобразный. На узком плоском черенке сохранился небольшой гвоздик для закрепления рукояти, судя по следам, деревянной. На мече заметны следы деревянных ножен, покрытых материей. Длина клинка 81, ширина 3,5, длина насада 10, ширина 1,5 см (рис. 4, *4*). У эфеса меча крупная круглая железная пряжка (диаметр 5 см) с язычком (рис. 4, *12*), у середины меча — другая, уплощенная, с обломанным язычком, небольшая (рис. 4, *9*). У правого бедра погребенного находился железный кинжал (длина 19—20 см, рис. 4, *5*) с остатками деревянной рукояти и деревянных ножен, оклеенных материей со следами красной краски. У острия кинжала лежало плоское колечко из белого камня, служившее, вероятно, для закрепления ножен (рис. 4, *8*). Близ правого колена найдены железные трехлопастные наконечники стрел с длинным черешком, у левого плеча — плоский гладкий кружок (диаметр 4 см) из белого камня с отверстием (рис. 4, *10*). Рядом и в головах у второго скелета обломки глиняной курильницы округло-кубической формы, с плоским дном и четырьмя вертикальными ребрами по углам; стенки усеяны мелкими отверстиями, дно внутри слегка закопчено (рис. 4, *14*). Ниже левого колена лежала вьючная глиняная фляга с одним плоским и другим выпуклым боком, изготовленная из чистой лёссовой глины на ручном круге, с подсыпкой песка (рис. 4, *17*). Второй скелет женский. Под ним была бурая прослойка, а под

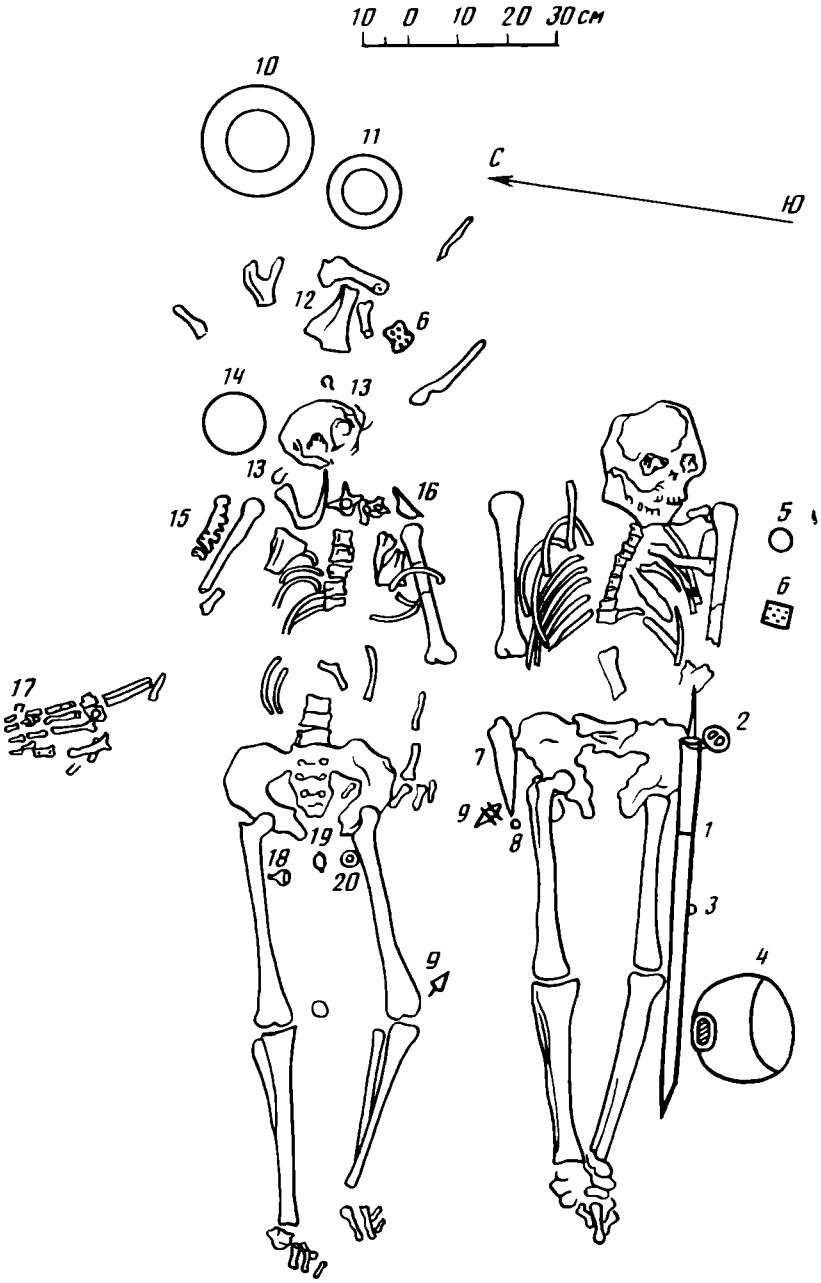


Рис. 3. *1* — кург. 7, план погребения

тазом зольная подсыпка. За головой стояли два сосуда. Один — большой кувшин без ручки, с овально-вытянутым туловом и широким дном, венчик отогнутый, с вертикальным краем; изготовлен из красноватой глины, на ручном круге с подсыпкой песка; венчик и плечики покрыты жидкой красной краской, с потеками и мазками до днища. Высота 29 см (рис. 4, *15*). Второй — горшок ручной выделки из темной глины со следами растительной примеси; яйцевидное тулово, довольно широкое и высокое горло со слегка расширяющимся венчиком с закругленным краем; наружная поверхность гладкая, коричневатая, закопченная. Высота 20, диаметр венчика 9,5 см. У головы справа тонкое бронзовое зеркало диаметром 9 см, с боковой плоской ручкой, с выступами по краям ее. На обратной стороне зеркала по краям заплывший валик, а в середине небольшой круглый бугорок (рис. 4, *6*). У темени и правого виска обломки бронзовых проволочных серег в виде завитка (рис. 4, *2*). У правого плеча резное навершие костяного гребня с лошадиными головками, обращенными в разные стороны, орнаментированное кружками с точкой и резными линиями (рис. 4, *1*). На левом плече бронзовая шарнирная фибула с высокой пластинчатой дужкой, украшенной вдоль гребня

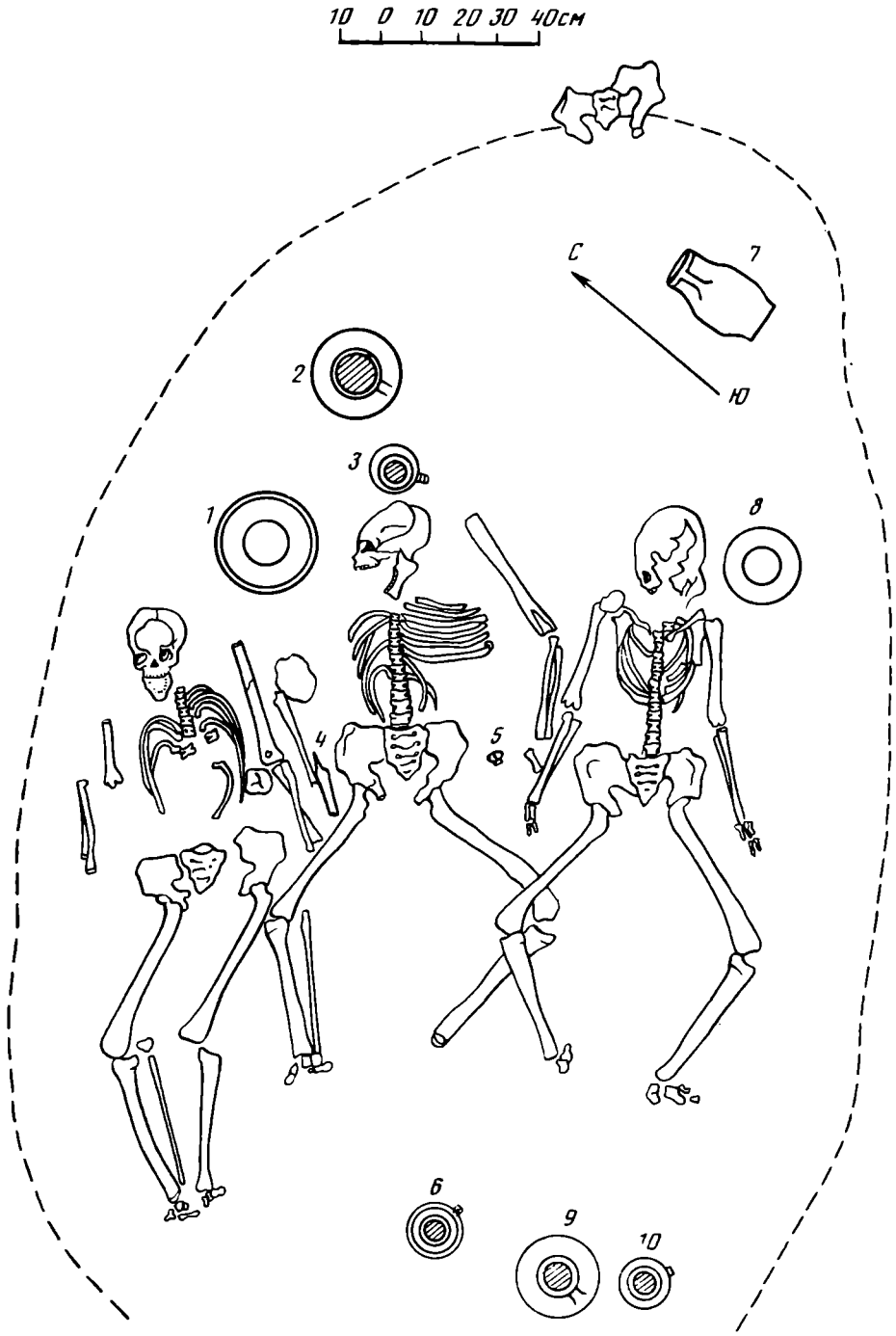


Рис. 3, *2* — кург. 12, план погребения

выступом с поперечными нарезками, и небольшим гладким шариком на конце иглоприемника. Игла вращается свободно на шарнире, пружинка была железная, по краям щитка два отверстия, видимо, для ее закрепления (рис. 4, *11*). На безымянном пальце правой руки, откинутой в сторону, бронзовое тонкое кольцо со вставкой из белой пасты (рис. 4, *3*). Ниже таза лежали обломок пластинчатого железного перстня (рис. 4, *7*), подвеска из зеленоватого камня с просверленным отверстием (рис. 4, *16*), бронзовый колокольчик с плоской верхушкой и двумя отверстиями для подвески (рис. 4, *13*). Там же найдена небольшая круглая бусина синего стекла. За головой лежали лопатки и кости ног барана, и кусок кости со следами среза.

Курган 8 — высота 1,75, диаметр 14 м. Дромос прямоугольный (7× ×3 м), вытянут по линии ЮВ—СЗ, на глубине 2,8 м с трех сторон ступенька. Глубина 4,2 м, пол слегка покатый ко входу в катакомбу, расположенному в северо-западном конце дромоса и, по-видимому, аркооб-

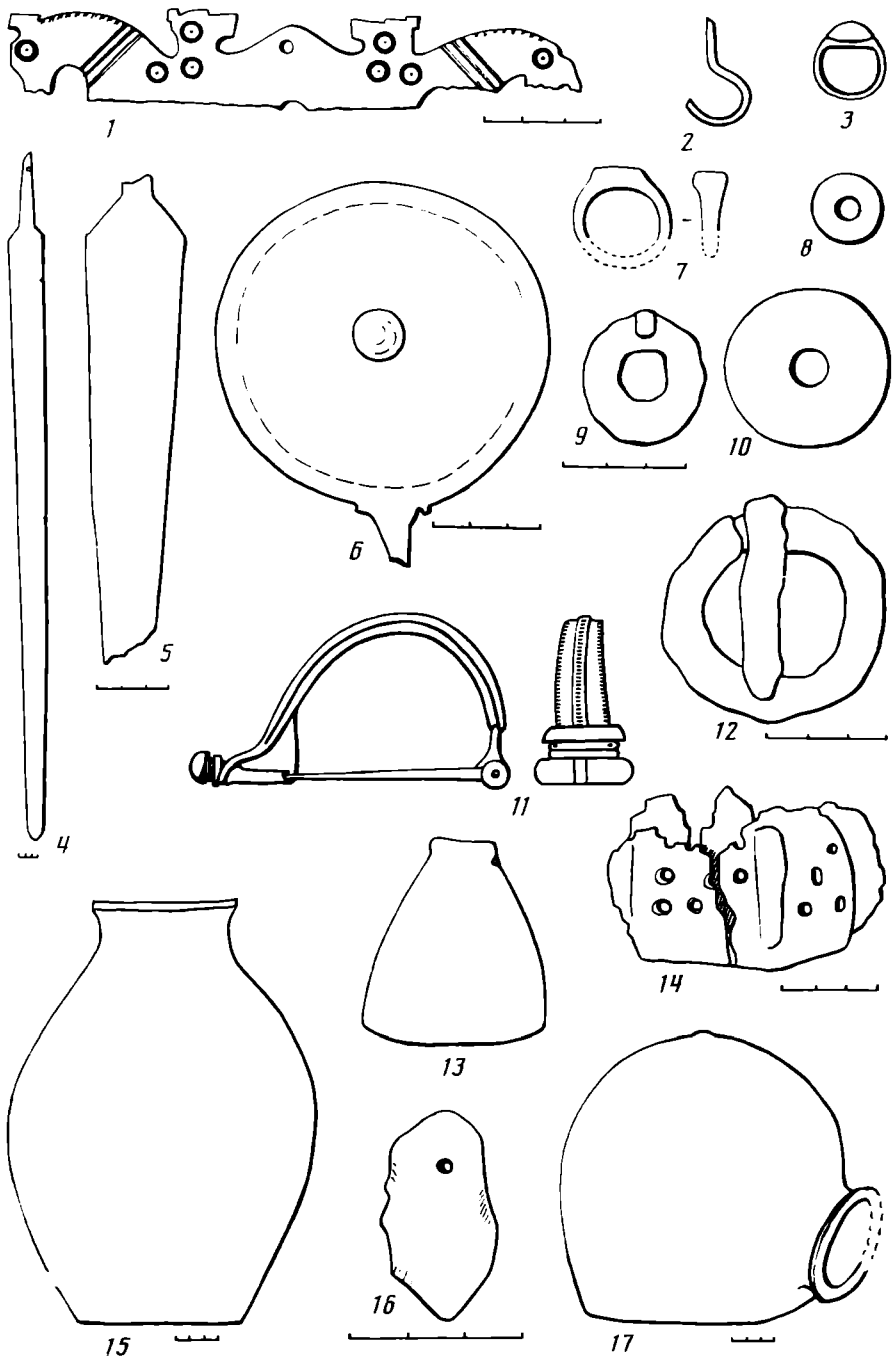


Рис 4. Вещи из кургана 7

разному (1,5×1,3 м, глубина 0,7 м). Камера (3,15×2,20 м, высота 1,7—1,8 м) перпендикулярна оси дромоса. Скелет (мужской), сильно потревоженный грабителями, ориентирован головой на северо-восток. Второй скелет (женский) обнаружен в грабительском ходе, пробитом в юго-юго-западной стенке дромоса. На полу камеры найдены два обломка железного двулезвийного меча (ширина 4 см), черешки от железных наконечников стрел, обломок железных удил (?) (рис. 2, *4*), костяная обкладка лука с выемкой (рис. 2, *1*), обломок такой же пластины, бронзовая прямоугольная плоская пряжечка (рис. 2, *3*), бронзовое пластинчатое колечко (рис. 2, *2*), три бараньих лопатки.

Курган 9 — высота 0,5, диаметр 9 м. Дромос (2×1 м) вытянут по линии ВЮВ—ЗСЗ, у северного конца на глубине 2,7 м перпендикулярная его оси катакомба. Скелет ориентирован головой на северо-восток, вытянутый на правом боку со слегка согнутыми ногами. Под черепом и ногами серая прослойка (зола?). Вещей нет.

Курган 10 — высота 1,5, диаметр 17 м. Под насыпью два захоронения.

Погребение 1. Прямоугольный дромос, вытянутый по линии ЮВ—СЗ, ступеньки по продольным стенкам и две в юго-восточном конце. Камера у северо-западного конца дромоса, поперек его оси. Перед входом в нее найден трехлопастный железный наконечник стрелы (головка 4 см, черешок 4 см, рис. 2, *5*). В камере лежали два скелета, ориентированные головами на северо-восток. У задней стенки мужской скелет на левом боку, лицом вверх. У правого бедра железный кинжал, а у его конца бронзовая пряжка. Вдоль левого бока (от плеча до колена) длинный железный двулезвийный меч такого же типа, что и в кургане 7; у левого колена значительное количество железных трехгранных и трехлопастных наконечников стрел. Слева от головы глиняная вьючная фляга типа найденной в кургане 7. Справа от головы баранья лопатка, у левого плеча кости ног барана. У входа в камеру второй скелет, вытянутый на спине, руки над тазом. Слева от головы глиняная фляга, окрашенная потеками бурой краски. В паху справа железный кинжал, у правого бедра железная круглая пряжка.

Погребение 2. К северо-востоку от первого погребения, выше него, в небольшой катакомбе, расположенной к северу от узкого дромоса, лежал скелет, ориентированный головой на восток, вытянутый на спине. У правого бедра железный кинжал (рис. 2, *7*). У правого колена железная круглая пряжечка (рис. 2, *6*) и железная трубочка. У левого бока железная плоская прямоугольная пряжка с закругленными углами (3×1,8 см). В разных местах разбросаны четыре бараньих астрагала.

Курган 11 — высота 2,8, диаметр 20 м. У центра насыпи грабительский ход. Под западной полой на глубине 4 м дно разрушенной катакомбы. Могила ограблена, кости двух скелетов свалены в кучу. Из вещей сохранились обломки железного ножа, аналогичного найденным в других курганах, бронзовое кольцо и обломок небольшой каменной зернотерки.

Курган 12 — высота 0,4, диаметр 5 м. Размеры и форма могильного сооружения не установлены, так как камера обвалилась. В катакомбе на глубине 4 м три целых скелета и один разрушенный. Сохранившиеся скелеты ориентированы головой на северо-восток, лежали на спине, руки вдоль тела, ноги слегка согнуты в коленях (у двух раскинуты в стороны, у одного повернуты вправо, рис. 3, *2*). В головах западного скелета стояла плоскодонная чашка с намеченным в изгибе стенки ребром, с отогнутым венчиком и подчеркнуто выделенным уступом днища; изготовлена от руки из красноватой лёссовой глины с небольшой примесью песка, поверхность заглажена, по верхнему краю окрашена жидкой буровато-красной краской. Высота 8, диаметр 23 см (рис. 5, *3*). За головой среднего скелета стоял плоскодонный кувшинчик с низким округлым туловом и высоким слегка расширяющимся горлом; на боку уплощенная ручка с головой барана, рога в виде спиральных завитков. Кувшинчик изготовлен от руки из глины с примесью мелких известковых частиц, снаружи покрыт рыжевато-красной краской и залощен; высота 13 см (рис. 5, *4*). Дальше за головой стоял крупный широкодонный кувшин ручной выделки из светлой лёссовой глины, с округлым туловом и нешироким горлом с утолщенным краем венчика; от края к плечикам короткая уплощенная ручка (рис. 5, *9*). У правого бедра лежал железный ножик (длиной 15,5 см) с прямой спинкой и сильно сточенным лезвием; узкий плоский стержень ручки сохранил остатки дерева (рис. 5, *1*) У левого бедра небольшая железная круглая пряжка с узкой накладкой, язычок сломан (рис. 5, *7*). В ногах стояла лепная широкогорлая кружка с ручкой, украшенной головкой барана; изготовлена из красноватой лёссовой глины с мелким песком, снаружи заглажена и покрыта темно-красной краской; высота 14,5 см (рис. 5, *2*). У головы третьего скелета была небольшая лепная плоскодонная чашка из светлой лёссовой глины, поверхность заглажена; высота 6—7, диаметр 17 см (рис. 5, *6*). Дальше за головой лежал узкий овально-вытянутый кувшин с широким дном и низким горлом; у горла небольшая круглая ручка с ямкой сверху. Изготовлен кувшин из светлой лёссовой глины, у дна следы

подрезки, поверхность заглажена; высота 21,5 см (рис. 5, *8*). В ногах стоял кувшин ручной выделки из красноватой лёссовой глины; дно широкое, с приставшим песком подсыпки, тулово округлое, крутые плечики, высокое горло. На плечиках небольшая плоская полукольцевидная ручка; высота кувшина 23 см (рис. 5, *10*). Там же небольшая округлая лепная кружка с широким горлом; на боку уплощенная ручка с головкой животного (барана ?). Поверхность заглажена и покрыта темно-красной краской; высота кружки 9 см (рис. 5, *5*).

Близ сел. Нау на возвышенности находилось около 40 курганов. Г В. Григорьев в 1937 г. раскопал один.

Рис. 5. Вещи из кургана 12

Курган 1 (Нау) — высота 0,6, диаметр около 13 м. Дромос 3,1×1 м вытянут по линии В—З. Вдоль южной стенки на глубине 2 м ступенька шириной 40 см. Погребальная камера вытянута подбоем вдоль северной стенки дромоса и отделена закладом из глиняных комьев. Скелет лежал головой на запад, вытянут на спине. У левого плеча железная круглая пряжка (диаметр 4 см) с язычком и прямоугольной двойной накладкой (рис. 2, *10*). Рядом пластинка костяной обкладки лука. У левого локтя несколько железных трехлопастных наконечников стрел с шейкой и черешком; длина головки 3—4 см (рис. 2, *11, 12*). У левой кисти и правого колена обломки железного ножика с прямой спинкой (рис. 2, *8*). У левого бедра железная круглая пряжка (диаметр 2,7 см) с накладкой и язычком (рис. 2, *9*). У головы бараний астрагал.

Антропологические материалы очень фрагментарны и малочисленны. Черепа из кургана 12 — длинноголовые европеоидные, относятся к средиземноморской расе. Черепа из кургана джунского типа — короткоголовые европеоидные, широко распространенного памиро-ферганского типа [10, с. 207 сл.].

Курган 12 выделяется: основной его инвентарь — керамика ручной выделки очень характерных форм (чашки с изогнутыми стенками, кружки с ручкой в виде животного и высокие кувшины с полукольцевидной ручкой) — идентична керамике городища Каунчи-Тепе. Г В. Григорьевым это погребение было определено как каунчинское, но его слишком раннюю дату (VIII—III вв. до н. э.) исправила Л. М. Левина, отнеся курган 12 к рубежу — первым векам нашей эры — к этапу Каунчи I [9, с. 168, 179].

Остальные курганы объединяет одинаковая конструкция могилы, ритуал захоронения, однотипный инвентарь. Могильное сооружение состояло из довольно узкого длинного прямого дромоса с одним или несколькими уступами вдоль стенок и катакомбы, расположенной поперек оси дромоса, обычно с севера. Дно дромоса и дно погребальной камеры находились на значительной глубине — 3—4 м. Вход в камеру закладывали кирпичами или комьями глины. В могилу клали одного или двух покойников, головой, как правило, на северо-восток, север или восток, вытянуто на спине. Под ними часто была коричневато-бурая (камышевая?) или зольная подстилка, причем последняя обычно лишь под головой и ногами или под тазом. С мужчиной клали оружие (меч, кинжал, стрелы, лук), нож и глиняную посуду; с женщиной — сосуды, украшения или туалетные принадлежности. Часты кости барана. Курган 1 (Нау) по устройству могилы и ориентировке погребенного отличается, но по составу и характеру инвентаря примыкает к общей группе. Керамики немного — это широкодонные кувшины без ручки, изготовленные на ручном круге, иногда покрытые жидкой красной краской; кувшины с более узким дном, округлым туловом и высокой шейкой, есть один с ручкой у венчика; яйцевидные или округлые кувшины без ручки из темной глины; сосуды в виде фляги с плоским боком; небольшая глиняная курильница с отверстиями в стенках. Характерно обилие оружия: железные двулезвийные узкие длинные мечи без перекрестья, со стержнем, в деревянных ножнах; массивные железные кинжалы со стержнем, также в деревянных ножнах; железные трехперые наконечники стрел с черешком, костяные обкладки сложного лука. Обычны небольшие железные ножи с коротким насадом, круглые железные пряжки. Имеются также бронзовые: зеркало с боковой ручкой, шарнирная фибула, колокольчик, кольца, пряжки, серьги; костяное навершие гребня, каменная подвеска.

Курганы на арыке Джун исследователи датировали по-разному. В первой краткой публикации М. Э. Воронец отнес их к III—IV вв. [1, с. 337]. Мною, на основании сравнения этих погребений с материалами из Северной Киргизии, приволжскими, приуральскими и южнорусскими находками, джунские курганы также были отнесены к III—IV вв. и выделены в особый этап, генетически связанный с культурой Каунчи [3, с. 201—202]. А. И. Тереножкин, со ссылкой на мои выводы, отнес «джунскую культуру» к II—IV вв., поставив ее после каунчинской [4, с. 159, рис. 69]. Г. В. Григорьевым курганы на арыке Джун были датированы I—III вв. Ссылаясь на мнение Л. А. Мацулевича, отнесшего их к I—II вв., и в общих чертах указав на сходство джунского инвентаря с керченским и северокавказским, Г В. Григорьев сделал поправку на наличие в кургане 7 фибулы, встречающейся, по его мнению, и в III в. [2, с. 60]. Б. А. Литвинский на основании находки этой фибулы (и учитывая весь комплекс находок в курганах) датировал Джунский могильник II—III вв. [6, с. 32]. Л. М. Левина отнесла группу джунских курганов к этапу «Каунчи А» (с конца III — начала IV в. по V в.) [9, с. 168, 180—181].

Учитывая существующие разногласия, следует вернуться к вопросу о датировке курганов. Для этого представляется необходимым рассмотреть некоторые категории находок — керамику, оружие, зеркало, фибулу.

Керамика отличается от наиболее распространенных в культуре Каунчи сосудов с ручками в виде животных. Близкие аналогии она име-

ет в керамических комплексах Ферганы. Так, широкодонный кувшин с окраской жидким ангобом (из кург. 7) повторяет по форме и технике сосуды, типичные для керамических комплексов первых веков нашей эры Ферганы [11, рис. 113, *1—3*; 12, с. 24, рис. 4]. Фляги с плоским боком, также обычные в этих комплексах, широко известны для этого времени и в Ташкентском базисе, Средней Сырдарье [9, с. 125; 13, с. 210, табл. XII, *4*] и в других районах Средней Азии: Ширин-Сай [14, с. 96, рис. 49, *1*], Согд [15, рис. 5], Кенкол [16, рис. 8, *6*]. Глиняная курильница, аналогичная джунской, встречена в могильнике Акджар II—III вв. [15, рис. 7], а также похожие — в могильниках Кенкольском [16, рис. 13, *7*; 17, табл. XV] и Шаушукум [13, табл. XII, *2*]. Курильницы характерны и для сарматских могил среднего этапа Поволжья и Приуралья [18, рис. 47, *4, 5*; 19, рис. 19, *10*, рис. 36, *10*; 20, рис. 1, *14*].

Узкие длинные двулезвийные мечи со стержнем рукояти без перекрестья и покатыми плечиками известны на широкой территории. Вопреки имеющимся в литературе утверждениям, что джунские мечи были с прямыми плечиками, следует особо подчеркнуть, что все они имели покатые (косые) плечики. Подобные мечи, особенно с насадкой из бусины или каменного кружка, еще М. И. Ростовцев относил (как и подобные им кинжалы) ко времени с конца I до III в. [21, с. 236]. Репликой джунского меча является меч из Фанагории [22, табл. V, *2*]. Н. И. Сокольский, исследовавший мечи разных типов, подобные считал типичными для I—II вв. [22, с. 147]. К этому времени относят их и исследователи сарматского оружия [23, с. 20, 21]. Известны они и в Средней Азии [13, с. 187, табл. IV, *3*, с. 217, 218, табл. XVI, *2—4*; 15, с. 65—66, рис. 4; 24, с. 63, рис. 13]. О. В. Обельченко считает возможным относить их к II—III вв. н. э. [25, с. 119]. Следует отметить, что кинжалы, близкие по форме мечам, часто сопутствуют такому типу меча [18, с. 498, рис. 60, *2*; 26, с. 51, рис. 82].

Железные наконечники стрел с опущенными жальцами из джунских курганов Б. А. Литвинский отнес к I в. до н. э.— III в. н. э., а остальные — ко II—III вв. н. э. [6, с 30; 27, с. 78—84, рис. 6]. По типологии ферганских наконечников стрел наконечники с упором относятся к числу появившихся наиболее поздно, не ранее III—IV вв. [28, с. 32—35].

Зеркало с короткой боковой ручкой, валиком по краю и выпуклиной в центре датируют большей частью в пределах I в. до н. э.— I в. н. э. [18, с. 466, рис. 52, *2*, *12*; 29, с. 155, табл. 84, *1*, с. 170; 30, с. 63, рис. 3], но допускают бытование его как в более раннее (II в. до н. э.) [31, с. 49, рис. 16; 32, с. 160], так и в более позднее время (II—III вв. н. э.) [7, с. 44; 8 с. 83, табл. 19, *5*; 20, с. 65, рис. 2, *2*].

Фибула типа «Авцисса» без надписи, по А. К. Амброзу, относится к раннеримскому времени — I в. н. э. [33, с. 26, табл. 4, *9—16*]. Б. А. Литвинский счел возможным отнести появление такой фибулы в курганах Джуна к концу I — началу III в. [6, с. 32]. Анализировавший фибулы из сарматских погребений Поволжья А. К. Скрипкин отмечает находку подобной фибулы в позднесарматском погребении [34, с. 116].

Особо следует отметить находку костяного гребня, аналогии которому имеются в сарматских погребениях Нижнего Поволжья. И. В. Синицын опубликовал несколько такого рода гребней из курганов I—II вв. [35, с. 58, рис. 32, с. 59, рис. 34, с. 94, рис. 66, табл. II; 2; 36, с. 79; 37, с. 76, рис. 16]. Такого же типа, но более упрощенное навершие гребня из комплекса с зеркалом, имеющим боковую ручку, В. П. Шилов отнес ко II—I вв. до н. э. [18, с. 438, рис. 44, *3*]. Джунский гребень более сложен по орнаментации и тщательнее отделан.

Таким образом, аналогии находкам из джунских курганов имеют в основном даты I—III вв. н. э. Предлагавшиеся ранее датировки курганов в пределах I—IV вв. н. э. в любых вариантах включают III в. н. э. Это является основой даты памятника, но вероятнее это все же II—III вв.

Джунские курганы по погребальному обряду тесно связаны с каунчинскими. Тип катакомбы, называемый в настоящее время «кенколь-

ским» [38; 39, с. 84], известен в районах Таласа, Кетмень-тюбе, Средней Сырдарьи, частично в Фергане и Согде — в ареалах степи и предгорий северо-востока Средней Азии. Погребальный инвентарь в целом тоже характерен для каунчинской культуры. Отличие заключается в некоторых особенностях керамики и наличии оружия. Последнее обычно связывается с увеличением роли скотоводства в хозяйстве. На настоящем этапе наших знаний нет оснований выделять отдельно джунскую культуру. Это, вероятнее всего, один из вариантов каунчинской культуры.

Могилы Ташкентской округи первой половины I тыс. н. э. оставлены местным населением, это хорошо выявляется на всем развитии форм материальной культуры. В то же время сходство погребальных комплексов и некоторых элементов обряда джунских погребений с сарматскими погребениями степей Прикаспия и Поволжья вряд ли следует объяснять только как заимствование, как результат культурных и экономических связей. Могло иметь место и частичное расселение носителей этих культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронец М.* Археологические исследования 1937—1938 гг. в УзССР//ВДИ. 1940. № 3—4.
2. *Григорьев Г. В.* Келесская степь в археологическом отношении//Изв. АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. № 46.
3. *Оболдуева Т. Г.* Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области//КСИИМК. 1948. Вып. XXIII.
4. *Тереножкин А. И.* Согд и Чач//КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII.
5. *Обельченко О. В.* Изучение курганных погребений в Средней Азии//ИМКУз. 1964. Вып. 5.
6. *Литвинский Б. А.* Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы//СА. 1967. № 2.
7. *Литвинский Б. А.* Хронология и классификация среднеазиатских зеркал//Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971.
8. *Литвинский Б. А.* Орудия и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
9. *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э.//ТХАЭЭ. 1971. Вып. VII.
10. *Гинсбург В. В.* Материалы по антропологии гуннов и саков//СЭ. 1946. № 4.
11. *Латынин Б. А.* Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане (Гидроэлектропроект)//Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 110.
12. *Жуков В. Д.* Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала// Изв. УзФАН. 1940. № 10.
13. *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
14. *Гайдукевич В. Ф.* Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.//КСИИМК. 1947. Вып. XIV.
15. *Обельченко О. В.* Могильник Акджар-Тепе.//ИМКУз. 1962. Вып. 3.
16. *Кожембердыев И.* Катакомбные памятники Таласской долины//Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
17. *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник. Л., 1940.
18. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник//МИА. 1959. № 60.
19. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда//МИА. 1959. № 60.
20. *Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э.//СА. 1959. № 1.
21. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
22. *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи//МИА. 1954. № 33.
23. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
24. *Баруздин Ю. Д.* Кара-Булакский могильник//Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. 1961. Т. III. Вып. 3.
25. *Обельченко О. В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда//СА. 1978. № 4.
26. *Rau P.* Die Hügelgtüber der Römischer Zeit an den unteren walga. Pokrowsk, 1927.
27. *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел//СА. 1965. № 2.
28. *Брыкина Г. А., Горбунова Н. Г.* Железные наконечники из Ферганы//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
29. *Дьяконов М. М.* Работы Кафирниганского отряда//МИА. 1950. № 15.
30. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал//СА. 1963. № 4.
31. *Обельченко О. В.* Лявандакский могильник//КСИА. 1962. Вып. 91.
32. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию//МИА. 1966. № 136.
33. *Амброз А. К.* Фибулы европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э.//САИ. 1966. Вып. Д1-30.
34. *Скрипник А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья//СА. 1977. № 2.
35. *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.

36. *Синицын И. В.* Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья//Изв. Нижневолжского института краеведения. Саратов, 1936.
37. *Синицын И. В.* К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья//СА. 1946. Т. VIII.
38. *Заднепровский Ю. А.* Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э.— VI в. н. э.)//Страницы истории материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
39. *Горбунова Н. Г.* О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н. э.//АСГЭ. 1981. Вып. XXII.

T. G. Oboldueva

THE MOUNDS ON THE JUN IRRIGATION CANAL

Summary

The author publishes the results of G. V. Grigoriev's diggings of 1937—1938 near Yangi-Yul (Tashkent Region) known to archaeologists though still awaiting their complete publication.

An analysis of the finds (the most interesting of which are long swords, fibulae and a mirror) dated the complex to the 2nd-3rd centuries A. D.

These materials are also typical for the wide range of sites of the adjacent territories (the Zeravshan oasis, the Talas river valley, etc.) and have much in common with the Sarmatian materials of the Ural and lower Volga areas.

Г. Н. ПРОНИН

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э. В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ НОВГОРОДЧИНЫ

Восточные районы Новгородской земли — ареал плотной концентрации погребальных памятников культуры сопок [1]. Наряду с ними здесь известны также могильники и поселения середины 3-й четверти I тыс. н. э., по характеру материальной культуры и погребальному обряду идентичные культуре псковских длинных курганов. Однако до недавнего времени считалось, что эти памятники (могильники с длинными и круглыми курганами VI—VII/VIII вв. и поселения) в этом регионе немногочисленны и отражают лишь процесс проникновения отдельных, сравнительно небольших групп псковских кривичей в земли словен новгородских. Не совсем ясен вопрос о могильниках, состоящих из круглых плоских курганов с трупосожжениями, датируемых некоторыми исследователями IX—X вв. Предполагается, что эти могильники являются следующим звеном в единой линии развития славянской культуры Северо-Запада, переходящим в погребальные памятники с захоронениями по обряду трупоположений древнерусского времени (XI—XIV вв.). Однако проведенные в 60—70-х годах обширные разведочные работы в восточных районах Новгородской земли (С. Н. Орлов, Г. И. Ивановский, Е. Н. Носов, В. Я. Конецкий, Г. Н. Пронин и др.) показали, что могильники с длинными (или удлиненными) и круглыми курганами VI—VII/VIII вв. составляют здесь довольно мощный пласт раннесредневековых древностей: граница их на востоке доходит до бассейна верхнего и среднего течения р. Мологи, на юго-востоке — до водораздела верховьев Ловати и Западной Двины и бассейна Верхней Волги и Мсты. Концентрация этих памятников в пределах рассматриваемой территории несколько меньше, чем в ареале псковской ветви культуры длинных курганов, но вполне сопоставима с другими районами их распространения (Полоцкая и Смоленская группы).

Но, если памятники культуры длинных курганов других регионов (речь идет в основном о могильниках Псковской, Полоцкой и Смоленской земель) изучены на сегодняшний день довольно полно, то об аналогичных древностях восточных районов Новгородчины этого сказать нельзя. Широких целенаправленных раскопок могильников здесь не производилось. Их исследование ограничивалось эпизодическими раскопками [2—6]. Несколько лучше обстоит дело с поселениями. Часть из них, как установлено по керамическому материалу (вещевой инвентарь беден), относится в основном к культуре сопок, другие — к памятникам культуры псковских длинных курганов. Удалось также установить определенное сходство по ряду признаков материальной культуры между сопками и длинными курганами и синхронными им поселениями [7].

В задачу автора этой статьи не входит рассмотрение глобальных этнокультурных проблем, связанных с ранним пластом погребальных древностей Северо-Запада. Но небольшие исследования могильников с погребениями по обряду трупосожжения и поселений на востоке Новгородской земли, проведенные в конце 70-х годов нашего столетия, представляют, на наш взгляд, определенный интерес, тем более, что они позволили выявить некоторые любопытные конструктивные детали погребальных памятников, обряда погребения и т. д.

В этой связи следует прежде всего упомянуть раскопки Е. Н. Носовым комплекса памятников культуры длинных курганов на оз. Съезжее (Хвойнинский р-н Новгородской обл.): курганный могильник с длинными и круглыми полусферическими насыпями, грунтовой могильник, поселение. Результаты этих раскопок привели автора к выводу, что традиция сооружения длинных курганов в этом районе зародилась на месте, а не была привнесена извне [8, с. 66, 67]. Открытие на поселении наземной постройки, по-видимому, срубной конструкции пополнило наши скудные знания о жилищах населения, оставившего длинные курганы [8, с. 67, 68].

В 1976 и 1980—1981 гг. автором производились небольшие раскопки курганных могильников у с. Левоча-Кабожа (Хвойнинский р-н Новгородской обл.) и у д. Раха (Мошенской р-н Новгородской обл.).

Первый могильник расположен на правобережье р. Кабожи, между пос. Кабожа и с. Левоча. Топография могильника обычна для этих памятников: он располагается вдали от воды и занимает ряд небольших дюнных возвышенностей в сосновом бору. Курганы вытянуты в направлении ССЗ—ЮЮВ вдоль лесной дороги. Общая протяженность могильника достигает 1 км. Какой-либо закономерности в расположении курганов внутри могильника нет: иногда они группируются кучно, иногда 1—2 кургана расположены на довольно значительном расстоянии от других курганов. Всего в могильнике насчитывается 39 курганов и 3 сопки. Большинство насыпей округлые, полусферические. Наряду с ними имеется несколько удлиненных и длинных курганов. Насыпи песчаные, окружены кольцевыми ровиками, которые не всегда четко видны из-за оползания насыпей. Диаметры насыпей колеблются от 5—6 до 16 м при высоте от 0,4 до 1,6 м. Наибольший размер длинных насыпей — 30 м (курган 35), высоты колеблются от 0,5 до 1 м. Одна из трех сопок (1) разрушена кладоискательскими раскопками. Сопка 2 имеет высоту 4,5 м, диаметр 32 м; сопка 3 — высоту 3,6 м, диаметр 17 м. Обе насыпи конические, со слегка уплощенными вершинами, окружены кольцевыми ровиками.

В могильнике было раскопано 12 насыпей, в том числе 2 длинных кургана.

Курган 8 (19,2×6,5×0,6 м). Насыпь ориентирована в направлении ССВ—ЮЮЗ. Насыпь кургана состоит из однородного светло-желтого песка, иногда с включениями темно-серой супеси (погребенный дерн?). В ходе раскопок установлено, что курган был насыпан единовременно, без дополнительных подсыпок. Насыпь сооружена на небольшой естественной возвышенности, искусственно увеличенной при вырывании ровиков. Ровик кольцевой, максимальная ширина его — 1,6 м, глубина — 0,4 м. На глубине 0,5 м от поверхности по всей площади кургана прослеживается прослойка погребенного дерна толщиной до 0,1 м. Курган содержал два погребения по обряду трупосожжения.

Погребение 1 было совершено в западной половине насыпи, на глубине 0,26 м от поверхности. Остатки трупосожжения на стороне, очищенные от следов погребального костра, были помещены в ямку размерами 0,5×0,4×0,11 м. Погребение безынвентарное, но на некоторых костях сохранилась окись бронзы. *Погребение 2* располагалось в 1,7 м к северу от центрального кола. Остатки трупосожжения также помещены в ямку (0,4×0,35×0,3 м). Кальцинированные кости не очищены от следов погребального костра, на некоторых костях окись бронзы. Среди костей найдена сильно оплавленная бесформенная пастовая бусина.

Курган 12 (16,5×8×0,55 м) был ориентирован практически в направлении СЮ. В ходе раскопок установлено, что первоначальные размеры кургана были несколько меньше — около 14 м в длину. Насыпь также была сооружена на небольшой естественной возвышенности, и увеличение ее размеров произошло за счет оползания насыпи по склонам возвышенности. Курган окружен сплошным кольцевым ровиком шириной 0,8—1 м при глубине 0,3—0,4 м. Заполнение ровика — темно-

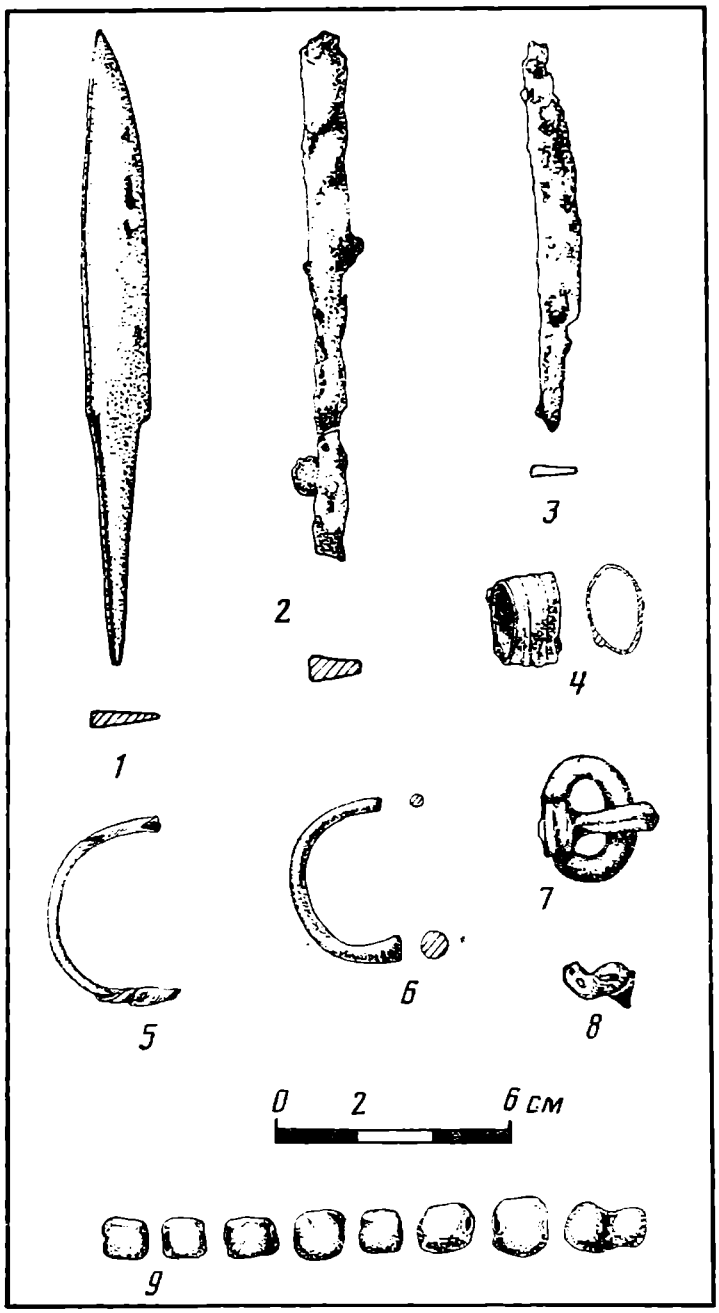


Рис. 1. Инвентарь из погребений курганного могильника у с. Левоча-Кабожа. *1, 5, 6, 8, 9* — вещи из погребений кургана 12 (*1* — погр. 2; *5* — погр. 3; *6* — погр. 1; *8, 9* — погр. 4); *2, 4, 7* — из кургана 25, погр. 3

серый песок с включениями золы и угля. Насыпь сооружена за один раз — следов подсыпок не отмечено. Курган содержал четыре погребения по обряду трупосожжения на стороне. *Погребение 1* находилось в северо-восточной части насыпи, на глубине 0,3 м от поверхности. Остатки кремации помещены в ямку диаметром 0,25 и глубиной 0,15 м. Среди кальцинированных костей, очищенных от следов погребального костра, найдены десять сильно оплавленных синих пастовых бус и обломок бронзового браслета с утолщающимися концами (рис. 1, *6*). *Погребение 2* обнаружено в центре насыпи, на глубине 0,09 м от поверхности. Остатки кремации, очищенные от следов погребального костра, помещены в ямку диаметром 0,4 и глубиной 0,25 м. Среди костей найден железный нож с прямой спинкой (рис. 1, *1*). На краю ямки стоял небольшой лепной сосудик со слабо отогнутым венчиком. *Погребение 3* находилось в центральной бровке в южной части насыпи. Остатки тру-

посожжения на стороне помещены в ямку размерами 0,4×0,3×0,13 м. Среди костей найден обломок тонкой бронзовой проволоки с оплавленным утолщением на конце (рис. 1, *5*). *Погребение 4* — трупосожжение на стороне. Остатки кремации обнаружены в ямке диаметром 0,3, глубиной 0,1 м. Среди костей найдены девять бус темно-синего стекла кубической формы (рис. 1, *9*) и небольшой оплавленный кусочек серебра (рис. 1, *8*). Кроме того, в юго-восточном секторе кургана на уровне материка было обнаружено несколько фрагментов стенок лепного сосуда.

Круглые курганы по форме можно разделить на два типа: уплощенные блинообразные и полусферические крутобокие. Однако подобное визуальное деление в значительной степени условно, так как многие насыпи можно отнести как к той, так и к другой категории, а конструкции насыпей и обряд погребений исследованных курганов не зависят от формы насыпей.

Курган 5 (диаметр 12 м, высота 0,8 м) сложен из однородного желтого песка. В основании насыпи, на глубине 0,7 м от поверхности, прослеживается прослойка погребенного дерна. Насыпь окружена сплошным ровиком шириной до 1,2 м при глубине 0,4 м. Заполнение ровика — темный песок с включениями золы и угля. Погребение по обряду трупосожжения на стороне обнаружено в западной половине кургана, у центра насыпи. Остатки кремации помещены в ямку (диаметр 0,35 м, глубина 0,07 м), впущенную в насыпь кургана. Кости очищены от следов погребального костра. Погребение безынвентарное.

К этому же типу уплощенных блинообразных насыпей относятся раскопанные курганы 25, 33, 38, 39.

Курган 25 (диаметр 13 м, высота 0,85 м) был сложен из однородного желтого песка, в котором изредка встречались включения золы и гумусированной темно-серой супеси. Курган окружен кольцевым ровиком шириной от 0,8 до 1,2 м при глубине 0,3—0,4 м. Заполнение ровика— темно-серый золистый песок. В основании насыпи на материке обнаружен слой кострища толщиной 5—10 см. Кострище представляло собой пятно золистого темно-серого песка с многочисленными включениями мелких углей, диаметром около 9 м. Материковый песок ниже кострища слегка прорезает кострищную прослойку. Погребение содержало большое сожжения на стороне. *Погребение 1* — трупосожжение в ямке размерами 0,8×0,6×0,3 м на глубине 0,24 м от поверхности. Ямка врезана в готовую насыпь, и ее дно приходится на уровень кострища, не прорезая его. Остатки кремации, не очищенные от погребального костра, были захоронены неостывшими — песок по краям ямки и внутри нее прокален докрасна. Погребение безынвентарное. *Погребение 2* — трупосожжение в ямке, впущенной в насыпь (диаметр 0,4 м, глубина 0,4 м). Дно ямки слегка прорезает кострищную прослойку. Погребение содержало большое количество кальцинированных костей, очищенных от следов погребального костра. Среди костей найдены две сильно оплавленные бусины темно-синего стекла. *Погребение 3* — трупосожжение в ямке (0,8×0,4××0,3 м) в насыпи. Заполнение ямки — темно-красный прокаленный песок с включениями мелкого угля и золы. Прокалены также и стенки ямки. Погребение содержало большое (около 2 кг) количество кальцинированных костей человека и животного (?), очищенных от следов погребального костра. Среди костей найдены: бронзовый перстень с тремя продольными выпуклыми ребрами (рис. 1, *4*), бронзовая пряжка с коротким загнутым язычком, у основания которого — прямоугольный щиток с небольшой выемкой посредине (рис. 1, *7*), железный нож с прямой спинкой (рис. 1, *2*). *Погребения 4 и 5* — трупосожжение в урнах. Урны стояли рядом на верхнем горизонте кострища, на глубине 0,45 м от поверхности. Сосуды сильно разрушены корнями деревьев: сохранились лишь придонные части и днища. Сосуды светло-коричневой глины, слабого обжига, в тесте — примесь крупной дресвы. Основная масса кальцинированных костей, очищенных от следов погребального костра, находилась внутри урн, часть разбросана вблизи них. При разборке погре-

бения 5 найдено несколько сильно оплавленных бус темно-синего стекла и обломок бронзового предмета из тонкой, круглого сечения проволоки.

Курган 33 (диаметр 12 м, высота 0,7 м). В основании насыпи — прослойка погребенного дерна. Ровик шириной 0,8, глубиной 0,55 м прослежен только с северной стороны насыпи. Заполнение ровика — темно-серый песок с включениями золы и угля. *Погребение 1* находилось в северо-восточном секторе кургана, практически под дерном. Остатки трупосожжения на стороне — небольшое количество кальцинированных косточек, очищенных от следов погребального костра,— были помещены в ямку размерами 0,3×0,1 м. Погребение безынвентарное. *Погребение 2*— в юго-восточном секторе кургана, на глубине 0,3 м от поверхности. Остатки кремации помещены в ямку овальной формы (размеры — 0,6××0,3×0,5 м). Кости очищены от следов погребального костра. Насколько можно судить, здесь вместе с человеческими костями присутствовали и кости животных. Погребение безынвентарное.

Курган 38 (диаметр 10 м, высота 0,7 м) был испорчен старой кладоискательской ямой, которая прорезает насыпь и врезается в материк на глубину 0,4 м. Курган окружен кольцевым ровиком глубиной до 0,6 м. На материке открыто кострище, занимающее практически всю подкурганную площадку. Кострище представляет собой прослойку темного серого песка с обильными включениями золы и мелкого угля. Материковый песок под слоем кострища в ряде мест прокален докрасна. Единственное погребение обнаружено в юго-восточном секторе кургана, на глубине 0,55 м. Погребение представляло собой пятно темного, сильно насыщенного золой и углем песка в верхнем слое кострища, перемешанного с большим количеством очень мелких сильно кальцинированных костей. Погребение занимало площадь 1,6×1,2 м. Среди костей найдены: обломок бронзовой накладки из тонкой пластины, украшенный штампованным кружковым орнаментом, и две сильно оплавленные темно-синие стеклянные бусины. По-видимому, это погребение можно интерпретировать как трупосожжение на месте. Помимо этого в западной половине насыпи, на краю грабительской ямы, были найдены развал небольшого лепного сосудика из грубого, слабо обожженного теста с примесью крупной дресвы и несколько фрагментов от другого лепного сосуда. Вероятно, поздняя яма разрушила еще одно имевшееся в кургане погребение.

Среди курганов второго типа — полусферических крутобоких (11, 32, 34, 36) наиболее интересен по конструкции курган 11. Насыпь кургана имела неправильную форму — 14,4×16 м при высоте 1,64 м, что объясняется оползанием ее склонов. Курган окружен кольцевым ровиком шириной около 0,6 м при глубине от 0,3 до 0,5 м. Насыпь кургана неоднородна. В центральной ее части, спускаясь по северному склону, прямо под дерном проходит линза белесого песка толщиной до 0,6 м. В целом же курган сложен из коричневато-серого плотного песка с многочисленными включениями кусков погребенного дерна. На глубине 1,3 м от поверхности насыпь прорезает слой кострища, читающийся в плане пятном темно-серого песка с обильными включениями золы, угля, перегоревших плашек и бревен. Толщина кострищного слоя 0,07—0,12 м. Уровень залегания кострища на периферии насыпи понижается — оно оползает по склону в ровик. Песок под кострищем прокален. Ниже кострищного слоя идет прослойка насыпи кургана (коричневато-желтый песок толщиной 0,2—0,3 м), лежащая непосредственно на уровне материка.

Таким образом, можно утверждать, что курган был насыпан в два приема. Сначала на очищенную от дерна и выровненную площадку была произведена подсыпка толщиной около 0,3 м. Этому уровню соответствует нижний горизонт заполнения ровика, состоящий из плотного коричневато-серого песка. Затем на подсыпке был разведен мощный костер, частично сползший в ров; этому этапу сооружения насыпи соответствует верхний горизонт заполнения ровика, состоящий из мешаного сероватого песка с обильными включениями золы и угля. После этого была произведена вторичная подсыпка насыпи, сформировавшая ее окончательный облик. Единственное захоронение было найдено в юго-восточном секторе

кургана, на глубине 0,17 м — практически под дерном. Остатки кремации покоились в ямке (диаметр 0,3 м, глубина 0,1 м), впущенной в насыпь. Погребение содержало довольно значительное количество кальцинированных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Инвентарь отсутствовал.

Курган 34 (диаметр 8 м, высота 0,8 м) сложен из однородного желтого песка. В основании насыпи — прослойка погребенного дерна толщиной 0,1 м. Курган окружен слабо выраженным кольцевым ровиком, в заполнении которого встречаются отдельные мелкие угли. Курган содержал четыре погребения по обряду трупосожжения на стороне. *Погребение 1*, трупосожжение в урне, обнаружено в северо-восточном секторе, прямо под дерном. Урна — довольно крупный лепной сосуд из плохо промешанного и слабообожженного теста с примесью крупной дресвы, по форме близкий к банке. Реконструировать сосуд не удалось; урна раздавлена, и черепки разбросаны вместе с остатками кремации на площади 0,8×0,4 м. Создается впечатление, что погребальная урна была поставлена непосредственно на поверхность кургана и лишь ее дно было слегка заглублено в насыпь кургана. Погребение безынвентарное. *Погребение 2* — трупосожжение в ямке на глубине 0,22 м. Погребение содержало небольшое количество кальцинированных костей, очищенных от следов погребального костра. Инвентарь отсутствовал. *Погребение 3* — трупосожжение в ямке (диаметр 0,3, глубина 0,1 м) — небольшое количество кальцинированных костей, очищенных от следов погребального костра. Вещей не найдено. *Погребение 4* находилось в юго-западном секторе насыпи. Остатки кремации помещены в ямку диаметром 0,35, глубиной 0,1 м. К востоку от погребения прослежено золисто-углистое пятно неправильной формы, в котором также встречались отдельные мелкие кости. Погребение сопровождалось несколькими обломками сильно оплавленного бронзового предмета. *Погребение 5* представляло собой овальное пятно темно-серого золистого песка с обильными включениями мелкого угля, залегавшее на глубине 0,38 м от поверхности, на площади 1×1,2 м. В заполнении пятна в изобилии встречались мелкие кальцинированные косточки.

Курган 36 (диаметр 10 м, высота 1—1,2 м). Насыпь состоит из однородного желтого песка. Уровень погребенного дерна прослеживается на глубине 0,7 м от поверхности. Насыпь окружена кольцевым ровиком (ширина 1,2, глубина 0,5 м); заполнение ровика — темно-серый песок с вкраплениями угля. В насыпи кургана обнаружено два погребения. *Погребение 1* в северо-восточном секторе кургана — трупосожжение на стороне в ямке (0,5×0,3×0,14 м). Ямка овальной формы, ориентирована в направлении ССВ—ЮЮЗ. Среди кальцинированных костей в погребении найден железный нож с прямой спинкой. *Погребение 2* в юго-восточном секторе кургана — трупосожжение в ямке, врезанной в готовую насыпь. Ямка овальной формы, размерами 0,55×0,35×0,24 м, ориентирована в направлении З—В. Погребение содержало небольшое количество кальцинированных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. Захоронение безынвентарное.

Помимо этого в могильнике были также исследованы курганы 12-а (диаметр 6 м, высота — 0,4 м); 32 (диаметр 8 м, высота 0,8 м), и 39 (диаметр 8 м, высота 0,5 м), не содержавшие погребений. Немногочисленный инвентарь позволяет датировать исследованные курганы в пределах VI—VII/VIII вв.

Курганный могильник у д. Раха (Мошенской р-н Новгородской обл.) расположен в 1,1 км к западу — северо-западу от деревни, в сосновом бору у дороги на д. Дубки. Могильник занимает верхнюю площадку большой округлой озовой возвышенности, которыми изобилует эта местность. Резкое падение рельефа местности прослеживается в основном к югу и востоку от памятника, никаких водных источников вблизи могильника нет. Всего в группе насчитывается восемь насыпей: шесть круглых расплывчатых полусферических и два кургана овальной формы. Все на-

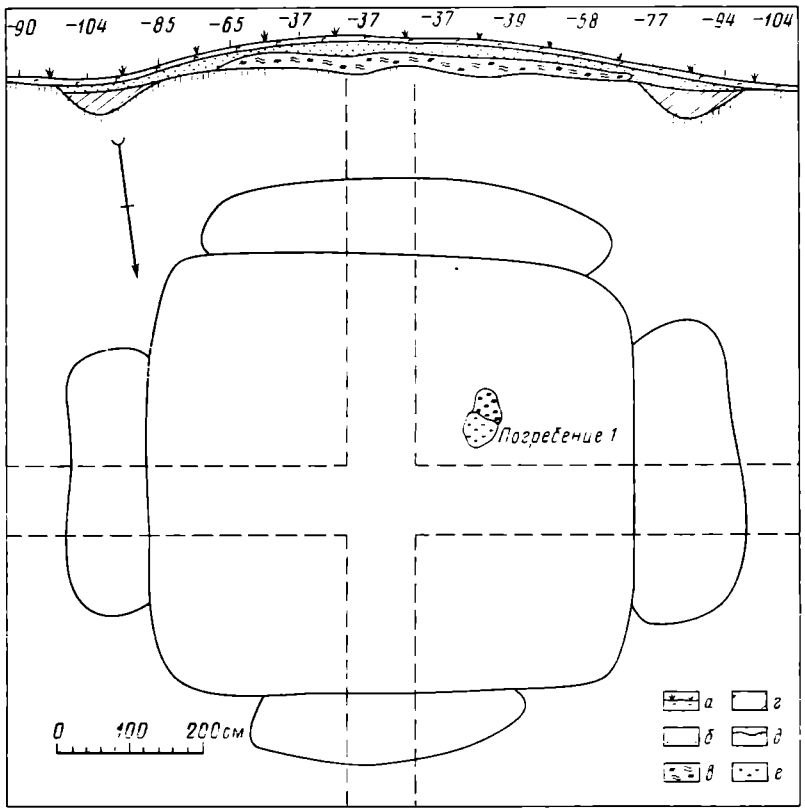


Рис. 2. План и профиль кургана 1 могильника у д. Раха (*а* — дерн; *б* — насыпь (песок); *в* — темно-серый песок с включениями золы и мелких углей; *г* — гумусное заполнение ровиков; *д* — материк; *е* — погребение (кальцинированные кости)

сыпи окружены сильно заплывшими ровиками. В 1980—1981 гг. могильник был исследовал полностью.

Курган 1 — округлая, (6,3×7 м), слегка оплывшая насыпь, высотой 1,04. Насыпь сложена из песка светло-желтого цвета с белесым оттенком, залегающим непосредственно под дерновым покрытием. Ниже идет второй горизонт насыпи — более темный плотный желтый песок с заметными включениями золы и мелкого угля, который, вероятно, фиксирует уровень древней дневной поверхности. Как установлено в ходе раскопок, курган был окружен четырьмя ровиками в форме вытянутых овалов, которые ограничивали четырехугольную площадку, ориентированную практически по странам света (рис. 2). Ширина ровиков 1—1,2 м при глубине в материке 0,4—0,6 м. Заполнение ровиков — темный углистый песок. Единственное погребение по обряду трупосожжения на стороне находилось в юго-западном секторе кургана. Верхний уровень захоронения залегал на глубине 0,2 м от поверхности насыпи; на этой глубине встречены отдельные кальцинированные косточки и мелкие фрагменты лепной керамики. Несколько ниже, на глубине 0,3 м, было расчищено гумусированное углистое пятно со значительными включениями мелкого угля и золы, насыщенное большим количеством мелких кальцинированных костей. В северной части этого пятна располагалась ямка диаметром 0,35 м, содержавшая основные остатки кремации, не очищенные от следов погребального костра. Ямка сверху была перекрыта большим лепным сосудом, перевернутым вверх дном, очень плохой сохранности — сохранились лишь днище горшка и придонная часть. В урне также найдены остатки кремации, представлявшие собой плотно слежавшуюся массу кальцинированных костей, очищенных от остатков погребального костра. Не исключено, что это парное захоронение. Вещей погребение не содержало.

Курган 2 — крутобокая округлая насыпь, диаметр ее до внутренней границы ровика составлял 8—10 м. Современная высота кургана 0,9 м.

Насыпь в верхней части состоит из светло-желтого песка, залегающего под слоем мха и подзола. В южной и восточной части насыпи непосредственно под этим слоем залегает прослойка более темного песка со значительными включениями золы. В северо-западном секторе кургана под верхним горизонтом насыпи прослеживались прослойки серого и темно-желтого песка, залегавшие холмообразно. Непосредственно над материком идет прослойка темно-серого песка мощностью до 0,25 м, особенно интенсивно насыщенная включениями золы и мелкого угля. Курган был окружен сплошным кольцевым ровиком шириной 2—3 м при глубине от поверхности материка 0,7—1 м. Заполнение ровика — черный углистый песок. Погребения в кургане 2 не обнаружено.

Курган 3 — уплощенная полусферическая насыпь. Внешне курган имел слегка вытянутую форму — за счет оплыва в направлении СВ—ЮЗ. Размеры кургана 12,2×13 м, наибольшая высота 0,55—0,6 м. Насыпь сложена из однородного желтого песка, прослойка погребенного дерна мощностью до 0,2 м залегает на глубине 0,5—0,6 м от поверхности. Еще одной конструктивной особенностью является наличие тонкой, едва заметной в плане прослойки темного песка со слабыми золистыми включениями, разделяющей насыпь на глубине 0,2—0,3 м. Курган был окружен ровиками шириной от 0,6 до 1,9 м при глубине до 0,65 м в материке. Заполнение ровиков — темный песок с обильными золисто-углистыми включениями. Тот факт, что ровики соединяются практически под прямым углом, свидетельствует о том, что первоначальная форма насыпи и подкурганной площадки была близка к прямоугольнику. В северо-восточном секторе кургана, у центра, выявлены две круглые ямы, заполненные темным золисто-углистым песком. Никаких находок в них сделано не было, и их назначение остается неясным. Погребения в кургане не обнаружено.

Курган 4 представлял собой овальную насыпь размерами 5,5× ×4,6 м. Высота кургана 0,5 м. Структура насыпи следующая: поверхность насыпи покрыта тонким (0,05 м) слоем мха и подзола, ниже—слой темно-желтого песка толщиной от 0,15 до 0,4 м, затем слой более светлого, белесого песка, который непосредственно над материком переходит в слабо выраженную прослойку погребенного дерна. Насыпь окружена сплошным ровиком шириной от 1 до 1,4 м при глубине в материке 0,2—0,4 м. Отмечу, что ровик, так же как и в других курганах этой группы, ограничивал подкурганную площадку подпрямоугольной формы. Единственное погребение по обряду трупосожжения на стороне находилось в центре насыпи. Остатки кремации занимали площадь 0,3×0,42 м при мощности до 0,24 м. Нижний уровень залегания кальцинированных костей находился на 0,03—0,1 м выше материка. Среди костей найден обломок бронзовой спиральки.

Курган 5 — насыпь слегка вытянутой формы, имеет размеры 6,5× ×6×0,7 м. Структура насыпи аналогична вышеописанным. В основании кургана — прослойка погребенного дерна в виде вкраплений золы и мелкого угля на границе светло-желтого песка насыпи и более плотного материкового песка (рис. 3). Ровики, так же как и в других случаях, ограничивали площадку подпрямоугольной формы. Ровики имели две перемычки — в северо-восточном и юго-западном углах насыпи. Заполнение ровиков — темно-серый углистый песок. Курган содержал два погребения по обряду трупосожжения на стороне. *Погребение 1*, по-видимому впускное в насыпь кургана, находилось непосредственно под дерном, на глубине 2—4 см от поверхности. Оно представляло собой темно-серое углистое пятно диаметром около 0,5 м, в центре которого было обнаружено днище лепного горшка. Остатки кремации, очищенные от следов погребального костра, располагались несколько ниже,— в лепной урне, перевернутой вверх дном. Сохранность сосуда была очень плохой — восстановить его не удалось. По типу урна идентична сосудам из ранних захоронений псковских длинных курганов [5, с. 26—27]. В урне среди костей найдены две оплавленные бронзовые пронизки. *Погребение 2* представляло собой скопление кальцинированных костей и мелких углей,

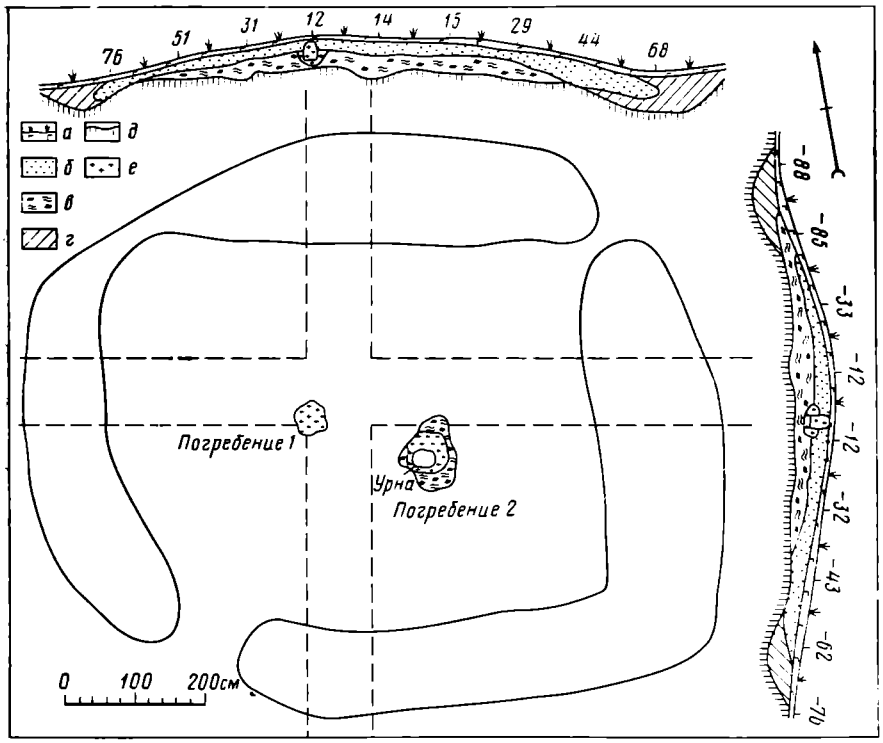


Рис. 3. План и профили кургана 5 могильника у д. Раха. *а* — дерн; *б* — насыпь (песок); *в* — темно-серый песок с включениями золы и мелких углей; *г* — гумусное заполнение ровиков; *д* — материк; *е* — погребение (кальцинированные кости)

занимавшее площадь 1,1×0,85 м толщиной до 0,3 м. Верхний уровень захоронения на 0,15—0,20 м ниже современной поверхности кургана, а нижний — на 0,01—0,03 м выше древней дневной поверхности. На нижнем уровне остатки кремации занимали несколько меньшую площадь. Таким образом, погребение было скорее всего совершено в ямке, вырытой в насыпи кургана в период ее сооружения. При погребении найдены: 17 бляшек-скорлупок, умбоновидная накладка и одна накладка продолговатой вытянутой формы со штырьком для крепления (рис. 4).

Курган 6 — слегка оплывшая полусферическая насыпь диаметром около 10, высотой 0,45—0,53 м. Насыпь сложена из однородного светло-желтого песка; в основании — прослойка погребенного дерна мощностью до 0,1 м — сероватый песок с интенсивными золисто-углистыми включениями. Насыпь с четырех сторон ограничивалась ровиками шириной от 0,4 до 0,8 м, глубиной в материке 0,2—0,4 м. Заполнение ровиков — темно-серый углистый песок. Ровики разорваны четырьмя перемычками шириной до 2 м, которые также ограничивали погребальную площадку подпрямоугольной формы.

Единственное погребение по обряду трупосожжения на стороне нахо дилось в центральной части насыпи, на глубине 0,23—0,35 м. Оно представляло собой пятно гумусированного песка с незначительными золистыми и углистыми включениями, насыщенное мелкими кальцинированными костями. Погребение занимало площадь 0,7×0,65 м. Среди костей найдены оплавленные кусочки стекла, мелкие оплавленные обломки бронзы и обломок литого бронзового браслета (?).

Курган 7 — полусферическая, сильно оплывшая насыпь диаметром 8—10 м, высотой 0,55 м. Насыпь сложена из однородного светло-желтого песка. В основании насыпи — тонкая прослойка погребенного дерна. Как было установлено в ходе раскопок, первоначальные размеры кургана были несколько меньше — погребальная площадка прямоугольной формы занимала площадь 5,7×5,4 м. Она была ограничена ровиком, имевшим узкую перемычку в южной части. Ширина ровика 0,5—0,95 м, глубина в материке 0,3—0,4 м (рис. 5). Погребения и никаких находок в насыпи не обнаружено.

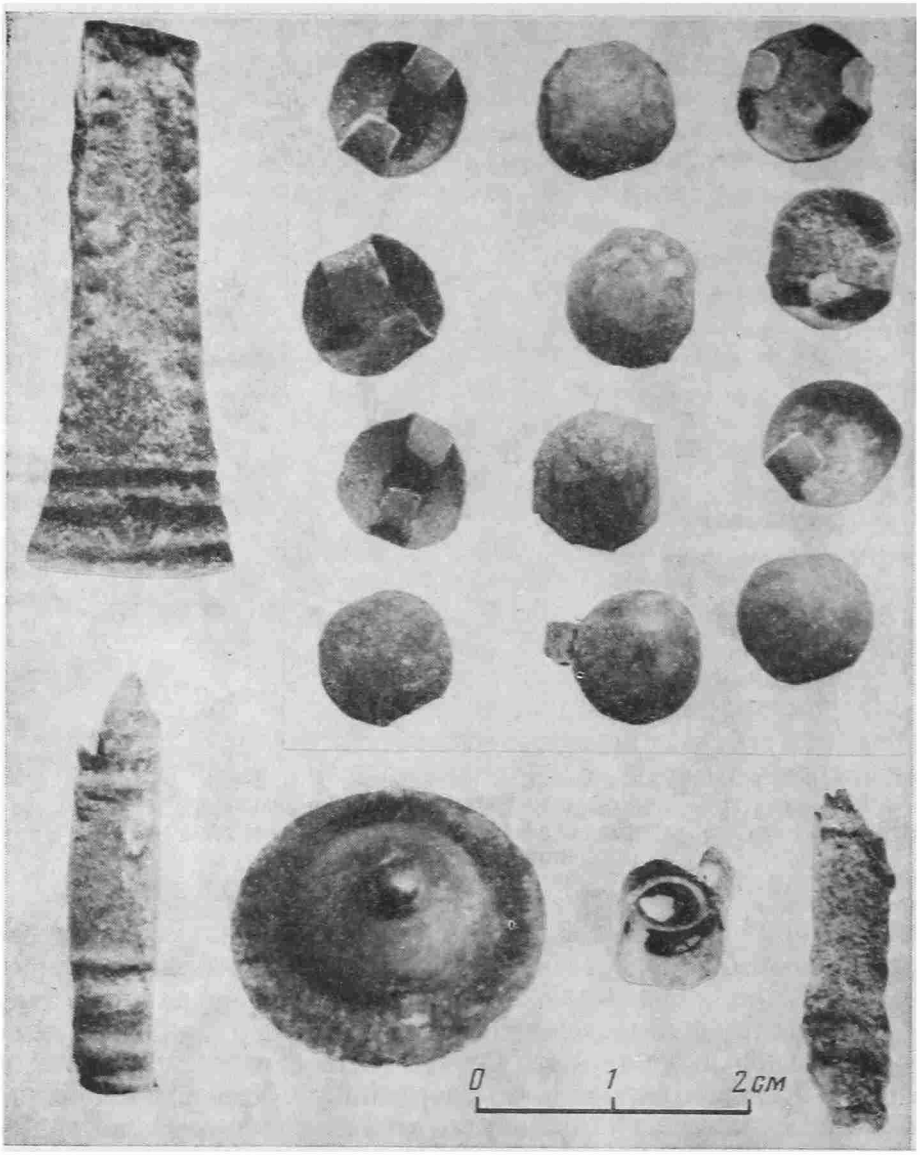


Рис. 4. Курганный могильник у д. Раха. Инвентарь из погребения кургана 5

Курган 8 — оплывшая полусферическая насыпь (диаметр 7—7,3 м, современная высота — около 0,6 м), сложена из светло-желтого песка. В основании насыпи — темно-серая с обильными золисто-углистыми включениями прослойка погребенного дерна толщиной до 0,1 м. Курган со всех сторон окружен ровиками неправильной формы, шириной от 0,4 до 1 м при глубине от 0,17 до 0,4 м в материке. Заполнение ровиков — песок интенсивно-черного цвета с обильными включениями угля. Погребение по обряду трупосожжения на стороне находилось в центре насыпи, непосредственно под дерном. Оно представляло собой линзу темно-серого золисто-углистого песка размерами 0,5×0,4 м, толщиной 0,25 м. В заполнении пятна встречены отдельные мелкие кальцинированные косточки, но основная часть остатков кремации находилась в лепной урне в северной части пятна. Судя по всему, горшок был поставлен прямо на поверхность кургана или же лишь слегка был заглублен днищем в насыпь. Реконструировать его не удалось, но можно говорить о том, что это был довольно высокий сосуд баночной формы, вытянутых пропорций, с низким, округлым, слабо отогнутым наружу венчиком. Среди костей найдены бронзовая круглая подвеска с ушком (сильно оплавлена), украшенная циркульным орнаментом, и многочисленные оплавленные стеклянные бусы.

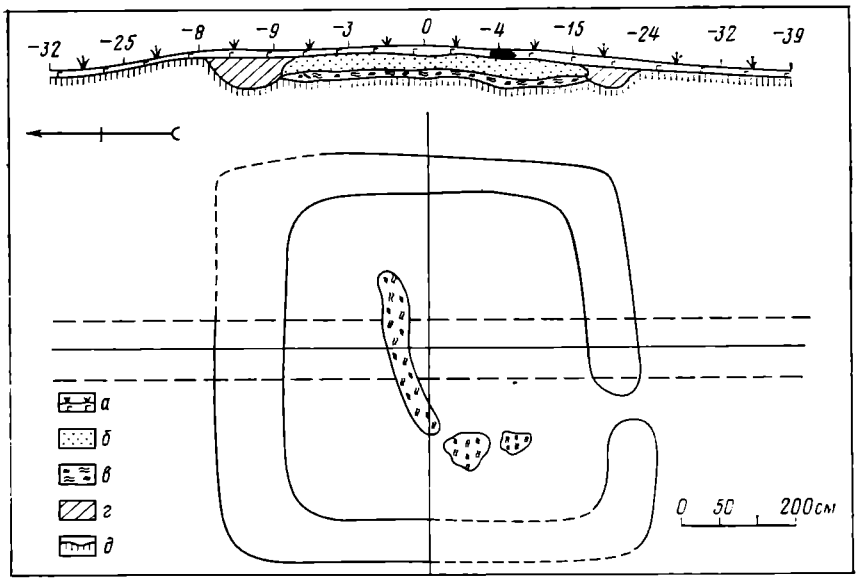


Рис. 5. План и профили кургана 7 могильника у д. Раха. *а* — дерн; *б* — насыпь (песок); *в* — темно-серый песок с включениями золы и мелких углей; *г* — гумусное заполнение ровиков; *д* — материк; *е* — погребение (кальцинированные кости)

Датируется могильник в пределах VI—VII вв. по находкам бляшек-скорлупок, умбоновидной накладки (рис. 4) и по формам керамики, имеющей прямые аналогии в ранних захоронениях длинных и круглых курганов псковской группы.

Скудные на первый взгляд результаты раскопок могильников у д. Раха и с. Левоча позволяют сделать некоторые интересные наблюдения и выводы. Прежде всего напомню, что оба могильника по керамическим материалам и инвентарю достаточно надежно датируются в пределах VI—VII вв. и в этом плане полностью соответствуют наиболее ранним захоронениям псковской группы памятников культуры длинных курганов. Не противоречат этому и конструктивные особенности насыпей, и детали погребальной обрядности. Это позволяет говорить о том, что мы имеем дело с единообразной, несмотря на некоторые неизбежные внутрирегиональные различия, монолитной культурой, занимавшей в середине — третьей четверти I тыс. н. э. обширные пространства Северо-Западного региона, от побережья Псковского и Чудского озер на западе до бассейна среднего течения р. Мологи и верховьев Волги на востоке. Синхронность памятников по всему ареалу этой культуры, тот факт, что за весь более чем трехсотлетний период своего существования она не претерпела (судя по погребальным памятникам) каких-либо существенных изменений, позволяют считать, что культура псковско-новгородских длинных курганов сложилась на местной почве, а не была привнесена извне, и ее памятники оставлены автохтонным населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седов В. В.* Новгородские сопки//САИ. 1970. Вып. Е1-18.
2. *Рерих Н. К.* Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой//ЗОРСА. 1903. Т. V, 1.
3. *Глазов В. Н.* Отчет о поездке в Крестецкий уезд Новгородской губернии//ИАК. 1904. Вып. 6.
4. *Орлов С. Н.* Отчет о раскопках 1964—1965 гг.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3027.
5. *Орлов С. Н.* Археологические исследования в низовьях р. Мсты//СА. 1968. № 3.
6. *Орлов С. Н.* Отчет о раскопках 1971 г. в Новгородской области//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4517.
7. *Лебедев Г. С.* Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье//КСИА. 1978. Вып. 155.
8. *Носов Е. Н.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее// КСИА. 1981. Вып. 166.

G. N. Pronin

STUDIES OF THE SITES OF THE LATTER HALF OF THE FIRST MILLENNIUM A. D. IN THE EASTERN PARTS OF NOVGORODIAN LAND

Summary

The author publishes the recent research results on the long barrows in the eastern parts of Novogorodian lands: different authors have already pointed out that this culture's eastern boundary reaches the Mologa River and the upper Volga, that is, far outstripts the initially defined territory. The diggings of the present author have brought to light certain construction details (nearly rectangular platforms in barrows which looked round to an outside viewer). The materials obtained relate the barrows with their specific constructions, the burial rite and burial goods to the earliest (the 6th and 7th centuries) barrow cremation burials of the Pskov group. These new facts support the surmise that the culture of the Pskov-Novgorod long (and round) barrows appeared locally among the autochthonous population.

Б. Г. ВАСИЛЬЕВ

К ИСТОРИИ ФРЕСОК ЦЕРКВИ ГЕОРГИЯ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Первое упоминание церкви Георгия в Старой Ладоге относится к 1445 г., когда новгородский архиепископ Евфимий II «заложи монастырь святого Георгия в городке в Ладоге, и стену каменую понови, и церковь святого Георгия понови и подписа, идеже отпало и покры ю чешоею» [1, с. 424; 2, с. 123]. Это сообщение обычно рассматривается как единственное письменное свидетельство древности храма. Попытки широкого осмысления масштаба и характера работ Евфимия не предпринимались. Между тем свидетельство новгородского летописца сегодня может иметь несколько толкований. Подробность изложения полного объема ремонтных работ в Ладоге прежде всего представляется оценкой строительной деятельности архиепископа [3, с. 243; 4, с. 97—104]. Не менее важным было упоминание об устройстве мужской обители — единственного монастыря, основанного согласно летописям Евфимием II. Наконец, не исключено, что ветхость ладожской крепости и ц. Георгия была столь значительной, что потребовались крупные капитальные вложения для восстановления важнейших объектов порубежного города новгородской земли. В пользу последнего говорит и грамота 1678 г. новгородского митрополита Корнилия, в которой ц. Георгия считается «строением преосвященного Евфимия архиепископа Великого Новгорода и Пскова» [5, с. 276].

Возможность определить объем и характер работ в 1445 г. по поновлению живописи ц. Георгия представилась сегодня благодаря проведению нового этапа реставрации архитектуры и фресок XII в. Решение этих вопросов позволит уточнить характер первичного разрушения здания, а также раскрыть неизвестные страницы истории фресок XII в. и определить специфику настенной росписи середины XV в.

В 1982—1983 гг. по заданию специализированного научно-реставрационного объединения «Росреставрация» интерьер ц. Георгия был почти полностью освобожден от обмазок и побелок XIX—XX вв. На двух уровнях высоты в опорных столбах открылись пазы от деревянных прямоугольных в сечении связей, охватывавших подкупольное пространство. Остатки сгнивших брусов в пазах заложены кирпичом и обломками камней на известковом растворе светло-серого цвета.

Стенки пазов от связей обмазаны известково-цемяночным раствором XII в., для которого среди основных внешних признаков характерны светло-кремовый цвет и видимая добавка крупной и мелкой кирпичной крошки.

Таким образом, очевидна первичность архитектурной конструкции здания с двумя ярусами деревянных связей, пересекающих боковые ветви крестовокупольного храма. Дополнительно круглыми связями в два яруса на уровне примерно посредине между ярусами связей средокрестья было пересечено полукружие алтарной апсиды.

В пятах подпружных арок, арок одно- или двухъярусных обходных галерей интерьера деревянные связи известны в памятниках домонгольской эпохи [6, с. 550; 7, с. 90]. Возможно, некоторые связи выполняли функции подмостей строительных лесов [6, с. 531]. Не исключено также, что первый ярус прямоугольных брусов, устроенных на высоте 3,8 м, строители приложили, исходя из местных конкретных условий для дополнительного укрепления сооружения. Во всяком случае, первый ярус связей средокрестья в интерьере ц. Георгия — одного из самых компакт-

ных храмов новгородской земли XII в. [8, с. 114] — необычно нарушал целостность восприятия как в целом архитектурной композиции интерьера, так и его живописного ансамбля. Археологическими разведками 1980—1982 гг. Н. К. Стеценко в северо-восточной части крепостного мыса установлено, что по береговому склону мыса, вероятно, при строительстве крепости посадника Павла 1114 г. проведены большие земляные работы по расширению территории крепостного двора, возможно, в соответствии с понижением уровня воды в Волхове [9, с. 14—17]. Ширина насыпной части береговой полосы мыса составляет около 7 м [9, с. 6]. Возможно, осадка насыпного грунта у восточной стены ц. Георгия и послужила причиной как устройства дополнительных связей, так и первичного образования трещин в стенах здания.

Среди других особенностей архитектуры интерьера ц. Георгия можно отметить отсутствие каких-либо следов грунта для фресок на торцовых плоскостях подпружных арок. Здесь из-под позднейших побелок открылась в хорошем состоянии полосатая кладка, без следов цемяночной обмазки поверх кладки. Несколько ранее на примере обломков строительного материала ц. Климента 1153 г. в Старой Ладоге было высказано предположение о применении в ней открытой полосатой кладки [10, с. 189]. На всех сводах интерьера ц. Георгия открылись следы ступенчатых насечек на обмазке кладки для надежного закрепления грунта живописи. Примеры использования насечек для крепления грунта фресок в церквях Климента и Георгия в Старой Ладоге свидетельствуют о стабильности данного технического приема в практике новгородского каменного зодчества XII в.

Раствор светло-серого цвета, как показали наблюдения, применен во всех пазах средокрестья, в круглых пазах алтаря. Иными словами, вычинка этих участков произведена одним раствором, единовременно. Такой же раствор удалось проследить на стенах трансепта, в полукружии алтарной апсиды, в трещине между окнами алтаря, в западной ветви средокрестья, включая свод. Инородный по отношению к известково-цемяночному раствор сохранился преимущественно в углубленных неровностях стен разными по размеру и массе участками. В швах между рядами первоначальной кладки данного раствора не обнаружено.

Грунт фресок XII в. ц. Георгия состоит не менее чем из двух слоев раствора (на отдельных фрагментах из коллекции Староладожского музея — до четырех), в большей части однородного. На определенной части фрагментов фресок XII в. со светло-зеленым и голубым колером раствор слоя интонако значительно светлее и тоньше по помолу второго слоя — арричиато. Однако отличия светло-кремового слоя интонако и светло-серого раствора вычинок не позволяют их отождествить.

В результате обследования стен интерьера перед нами открывается большой по объему работ реставрационный период в истории жизни ц. Георгия с применением характерного для своего времени связующего раствора, радикально отличного по внешним признакам от известково-цемяночного раствора XII в.

При попытке установить время данной реставрации мы встречаемся с общепринятым суждением о варварском уничтожении древних фресок в 1849 г. [11, с. 1, 7, об.; 12, с. 39], т. е. вынуждены вслед за известными историческими событиями относить интересующий нас ремонт ко времени не ранее сбития фресок XII в. Правда, при одном условии: если в 1849 г. сбивали со стен действительно фрески XII в.

Однако светло-серый раствор вычинок обладает рядом признаков, типичных для технологии каменного строительства XV в.

Для идентификации светло-серого раствора в масштабах одного памятника взяты образцы с различных участков стен, закладок пазов и трещины алтарной апсиды. В качестве ближайшего по времени и месту аналога взят образец раствора Раскатной (юго-восточной) башни Староладожской крепости конца XV в. Визуальные наблюдения подкреплены и дополнены данными комплексных лабораторных исследований физико-химического отдела института «Спецпроектреставрация».

Все отобранные образцы раствора светло-серого цвета интерьера ц. Георгия полностью тождественны между собой. Раствор приготовлен на известковом вяжущем. Вяжущее белое сильно перекристаллизовано. При бинокулярном наблюдении заметны стабильные добавки мелких красных и реже серых комочков глины, узелков мела, мельчайших вкраплений древесного угля, хорошо окатанных зерен кварца. Зерен кварца среди добавок больше всего. В качестве органического наполнителя использованы волокнистые стебли, вероятно льна. По данным петрографического и химического анализов, проведенных в 1982—1983 гг., идентичность состава наблюдается в шести образцах, взятых независимо от нас лабораторией «Спецпроектреставрация», в том числе и в растворе из закладки паза восточной грани северо-западного столба, точно совпадающем по месту с одним из образцов, взятых для данного исследования нами. По результатам петрографического анализа в растворе закладки паза кварцевого наполнителя около 60%, глинистых частиц около 1%, волокон около 2%. Соотношение вяжущее/наполнитель примерно 1/1,5. Пористость раствора открытая, около 15%; поры изометрические, размером 0,4 мм. Прочность раствора средняя [13, с. 1, 2]. Химическим анализом установлено, что известь светло-серого раствора магнезиальная, отощена глинистыми примесями, карбонизирована полностью. Гидросиликаты и гидроалюминаты кальция и магния присутствуют в небольшом количестве [13, с. 2]. Наиболее существенными различиями растворов XII в. и рассматриваемого светло-серого раствора вычинок следует признать как практически полное отсутствие в растворе XII в. кварцевого наполнителя, так и наличие в нем же цемянки, отсутствующей в светло-сером растворе [13, с. 3]. Из различных образцов раствора, взятых лабораторией института «Спецпроектреставрация» для определения прочностной характеристики, средней прочностью по отношению к растворам XII и XVII—XIX вв. обладает раствор из зачинки трещины алтаря между окнами, т. е. раствор светло-серого цвета [14, с. 17].

Таким образом, если принять позднюю дату ремонта с заделкой пазов и некоторых щелей стен светло-серым раствором, то это будет противоречить результатам исследования физико-химических и прочностных свойств растворов кладок ц. Георгия. Для датировки светло-серого раствора из ц. Георгия в Старой Ладоге остается реставрация Евфимия II 1445 г.

Образец раствора кладки стен Раскатной башни Староладожской крепости конца XV в. при бинокулярном обследовании качественного состава оказался почти полностью идентичен по своей структуре раствору ц. Георгия середины XV в. Раствор крепости светло-серого цвета, на известковом вяжущем, с вкраплениями комочков красной и серой глины, белых узелков мела. Наполнитель кварцевый, растительные волокна встречаются эпизодически. В отличие от образцов раствора грунта фресок 1445 г. ц. Георгия в составе связующего крепости встречаются мелкие сколы известнякового камня.

Несомненно, что прямые аналоги раствору грунта фресок середины XV в. ц. Георгия в Старой Ладоге в других памятниках новгородской земли найти трудно. Здесь несколько тому причин. Различна методика лабораторных исследований связующих растворов.

Технология производства раствора складывалась в зависимости от местных строительных материалов. Существенно отражаются на конечных результатах лабораторных исследований факторы, влияющие на условия жизни раствора на различных участках сооружения.

Однако отдельные технологические приемы, сложившиеся в практике строительства к этому времени, можно отметить в штукатурке росписи 1450 г. Софии Новгородской [15, с. 197, 198], в растворах крепостей XV в. Ивангорода, Острова [16, с. 89; 17, с. 31—33]. В числе общих признаков технологии приготовления строительного раствора XV в. можно отметить все более увеличивающийся процент добавки кварцевого наполнителя, уменьшение либо полное отсутствие цемянки и соответственно высветление раствора [18, с. 287].

Практика работы с образцами кладочных и штукатурных растворов ладожских церквей XII в. показывает, что даже на протяжении нескольких десятилетий середины — второй половины столетия при использовании одних и тех же исходных материалов можно наблюдать существенные различия в приемах технологии приготовления связующего, что, вероятно, соответствует как квалификации строителей, так и ряду вышеперечисленных конкретных условий [10, с. 1, 2, 13].

На живописном слое XII в. ц. Георгия следов поновлений росписи не обнаружено [19, с. 569], что точно соответствует свидетельству летописца об исполнении фресок в 1445 г. на местах «идеже отпало», т. е. с подготовкой нового грунта и нанесения его встык с остатками фресок XII в. Интересные с точки зрения истории живописи ц. Георгия следы вычинок на фресках XII в. были обнаружены в 1927 г. Н. И. Репниковым. Это сохранившиеся и сегодня вставки без тонировок в левой части апостольского ряда «Страшного суда» и над изображением Феодора Тирона на лопатке диаконника и вставки светлого левкаса с тонировками на правой части фигуры правого святителя в алтаре и правая отгранка фигуры Севастиана на лопатке диаконника [20, с. 186, 191]. Вставка отгранки Севастиана тонирована двумя тонкими красными полосами, т. е. с явной попыткой реконструкции утраченной части фрески. Если считать достоверными в деталях копии фресок XII в., исполненные в 60-х годах XIX в. В. А. Прохоровым, то следует признать, что данная вычинка была сделана до этого времени. По внешним видимым особенностям вычинок логичнее отнести их к двум периодам реставрации интерьера ц. Георгия, причем древнейшими можно считать вычинки с тонировками. Уточнить время этих реставраций возможно после лабораторных исследований образцов связующего и тонировочных пигментов.

Сложными и во многом непонятными кажутся свидетельства митрополита Гавриила 1780 г. о слоях живописи ц. Георгия. На примере многочисленных фрагментов фресок XII в. из коллекции Староладожского музея о поновлениях древней стенописи, отмеченных Гавриилом, можно сказать следующее. Поверх фресок, вероятнее всего, на протяжении XVII в.— перед освящением храма в 1618 г. или при ремонте 1683—1684 гг. [12, с. 134; 21, с. 28] — наносили последовательно несколько слоев известковой побелки с покраской отдельных (?) участков забеленного, а местами и вновь заштукатуренного интерьера локальным желтым или светло-зеленым колером. Все эти верхние побелки и покраски сравнительно легко и практически без ущерба для фресок снимаются. Уточним, что под побелками, которые возникли до известных побелок после 1849 г., открывается живопись XII в., как правило, превосходной сохранности, включая лики персонажей росписи. Качество древних фресок под побелками в свою очередь свидетельствует, что всевозможные поновления фресок XII в. с подкрасками фона никакого отношения к реставрации интерьера 1445 г. не имеют.

В замковой части западного свода средокрестья ц. Георгия несколько фрагментов фресок, освобожденных от позднейших обмазок по торцам грунта и ранее привлекавших внимание необычным для палитры XII в. колером, оказались на грунте светло-серого раствора. По всей толщине грунта (до 2 см) использована однородная масса, тождественная раствору вычинок пазов от связей. По характеру рисунка фрагменты сохранившейся фрески замковой части западного свода можно определить как декоративное звено геометрического по ритму орнамента, объединявшего, вероятно, сюжеты на сводах. Хорошо заметна графья, определяющая ритм широких прямых полос желто-коричневого и черного цвета. Чистого черного цвета в росписи XII в. ни в интерьере, ни на фрагментах коллекции Староладожского музея не обнаружено. Подкладочная рефть под голубой и зеленый цвета фресок XII в. определенного светло-серого цвета и нигде не сгущена до интенсивного черного. В то же время, например, в уже упомянутой росписи 1450 г. Софии Новгородской В. Г. Брюсова перечисляет черные описи на одеждах [15, с. 198].

Таким образом, ряд признаков состава грунта и живописи позволяет отнести фрагмент фрески западного свода над хорами к 1445 г.

К росписи Евфимия можно отнести многочисленные фрагменты фресок из коллекции Государственного Русского музея, Государственного Эрмитажа. По описям данных коллекций, все фрагменты относятся к памятникам Старой Ладоги, но собранные в разное время и происходящие из разных церквей, они представляют собой трудноразличимую массу интереснейших образцов не менее четырех живописных ансамблей древней Ладоги. Здесь оказались смешанными фрагменты фресок, собранные В. А. Прохоровым [22, с. 10], Н. Е. Бранденбургом [1], Н. И. Репниковым [23] [2] из церквей Климента, Спасской, Георгия и Воскресенской (?). Как показали настоящие исследования, из ц. Георгия в коллекциях Государственного Русского музея, Государственного Эрмитажа хранятся фрагменты живописи XII и середины XV в.

По некоторым особенностям рисунка отдельные фрагменты фресок 1445 г. коллекции Русского музея с определенной мерой условности можно атрибутировать. В единой киноварной цветовой гамме решены мелкие по масштабам фигурки херувима на фрагменте 2689 [3] и ангела — символа евангелиста Матфея — с остатками сопроводительной надписи «атфе» на фрагменте 2691, 2717 (фрагменты склеиваются). Оба изображения наиболее характерны для композиции «Спас в силах» — сюжет, неизвестный для монументальной живописи XII в., однако популярный для иконостасов XV в. Необычайно мало́ по масштабам плечо святителя в крестчатой фелони на фрагменте 2699. Мелкий рапорт декоративного пояса-завес на фрагменте 2695 или миниатюрный размер крестчатого нимба с видимыми подпапортками крыльев, вероятно, среднего ангела композиции ветхозаветной «Троицы» на фрагменте 2686, как и вышеназванные фрагменты, свидетельствуют о несомненном иконном характере новой стенописи 1445 г. ц. Георгия в Старой Ладоге. Интересно предположить, что, поскольку среди сохранившихся фресок в интерьере ц. Георгия нет изображения св. Аверкия, скопированного в 1821 г., возможно, этот персонаж входил в систему росписи 1445 г. [24, с. 35]. На растворе, относящемся к середине XV в., из коллекции Государственного Эрмитажа (фонд русской археологии) встречены фрагменты, живописная поверхность которых позолочена. Случаи золочения нимбов в монументальной живописи Новгорода известны [25, с. 308].

Датировка вновь открытого раствора на стенах ц. Георгия в Старой Ладоге позволила определить специфику реставрации живописи в середине XV в., а по площади, занимаемой светло-серым раствором на стенах,— объем поновления с производством нового грунта. Объем этот равен более чем половине всей поверхности стен интерьера. Сюда относится все средокрестье, включая все четыре столба и алтарную апсиду.

По количеству живописи 1445 г. и по значительности места, где она располагалась, можно с уверенностью говорить о предварительной разработке программы стенописи Евфимия. Таким образом, ц. Георгия — памятник монументальной живописи равно как XII, так и середины XV в.

Не исключено, что по причине непрочности соединения грунта фресок 1445 г. с кладкой стен все участки поновления Евфимия обветшали ко времени ремонтов XVII в. и разрушались до времени их сбития в 1849 г. При варварской расчистке стен были уничтожены в основном фрески 1445 г.

Отсюда следует, что в количественном отношении на сегодняшний день мы имеем фрагменты отдельных композиций и изображений, относящихся к XII в. и сохранившихся на стенах ко времени крупнейшей реставрации ц. Георгия, отмеченной новгородским летописцем.

---

[1] ГЭ ОИПК. № 1480/1-101.

[2] ГЭ ОИПК. № 2790/307-330; ГРМ, држ № 2684—2701, 2716, 2717.

[3] ГЭ ЭРА, б/н. Нумерация дается по фонду древнерусской живописи Государственного Русского музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/Ред. Насонов А. Н. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
2. Новгородская четвертая летопись//ПСРЛ. 1948. Т. IV.
3. *Бернадский В. Н.* Новгород и новгородская земля в XV в. М.; Л.: Наука, 1961.
4. *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.: Изд-во МГУ, 1980.
5. *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896.
6. Всеобщая история архитектуры. Т. III. М.; Л.: Наука, 1966.
7. *Пилявский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С.* История русской архитектуры. Л.: Стройиздат, 1984.
8. *Мильчик М. И.* Церковь Георгия в Старой Ладоге//СА. 1979. № 2.
9. *Стеценко Н. К.* Старая Ладога. Крепость. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1983 г.//Архив ЛФИ «Спецпроектреставрация». Л., 1984. № 2739-а.
10. *Васильев Б. Г.* Фрески ц. Климента 1153 г. в Старой Ладоге//СА. 1988. № 1.
11. ЦГИА. Фонд 797. Оп. 20. Д. 45265.
12. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской Епархии. Вып. IX. СПб., 1884.
13. *Климова О. Н., Кулешова И. А., Молчанова В. А.* Отчет по результатам петрографического и химического анализа штукатурных и кладочных растворов в ц. Георгия в Старой Ладоге//Архив «Спецпроектреставрация». № 2994.
14. *Голобородко Э. Н., Зибирева В. П., Коршунова Л. Н., Кулешова И. А., Молчанова В. А., Тихомиров А. В.* Отчет по предварительным исследованиям строительных материалов и конструкций памятника архитектуры ц. Георгия в Старой Ладоге// Архив «Спецпроектреставрация». № 3081.
15. *Брюсова В. Г.* О технике стенописи Софии Новгородской//СА. 1974. № 1.
16. *Медникова Е. Ю.* К вопросу о качестве извести в древнерусских строительных растворах//КСИА. 1982. Вып. 172.
17. *Юнг В. Н.* Основы технологии вяжущих веществ. М., 1951.
18. *Значко-Яворский И. Л.* Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX в. М.; Л., 1963.
19. *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода XV в. М., 1982.
20. *Репников Н. И.* Предварительные сообщения о раскрытии памятников древней живописи в Старой Ладоге//Вопр. реставрации. Вып. 2. М., 1928.
21. Известия церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1883 г. Киев, 1884.
22. *Прохоров В. А.* Христианские древности и археология. Ч. 1. СПб., 1871.
23. *Репников Н. И.* Старая Ладога. Л., 1948.
24. *Кеппен П.* Список русским памятникам. М., 1822.
25. *Ковалева В. М.* К вопросу об изменении первоначальной цветовой гаммы некоторых памятников монументальной живописи XII—XV столетий//Древний Новгород. М.: Наука, 1983.

B. G. Vasiliev

ON THE HISTORY OF THE FRESCOES IN ST. GEORGE'S CHURCH IN STARAYA LADOGA

Summary

The author looks at some specific features of the large-scale restoration of St. George's Church in Staraya Ladoga (the 12th century). According to the Novgorodian chronicle it was undertook by Archbishop Euphimius II in 1445. These investigations became possible at the new stage of the church's reconstruction launched in 1982-3.

The restorers removed the later coatings of clay and whitewash to discover grooves of wooden connections filled in with stone and mortar of the 15th century. The same mortar was used to repair a crack in the altar's apses and in many other parts of the walls. The visual and laboratory research relied on exactly dated samples from 15th-century Novgorodian cites.

The 1445 restoration was caused by the damage done to the church due to shifts in the underlying backfilling of the cape's coastal part. The cracks and the damage done to 12th-century frescoes are, probably, the result of the settling of the church's eastern part.

In 1849 the painting done under Euphimius II was removed. What remained of it and also of 12th-century frescoes from other Ladoga churches are kept in the Russian Museum and the Hermitage. The fragments make it possible to judge about the artistic and other merits of the paintings.

The church belongs to the group of monuments of decorative art of 12th- and mid-15th century Novgorod. We have at our disposal fragments of 12th-century compositions which had been preserved on the walls by the 1445 restoration.

А. В. ФОМИН

РУНИЧЕСКИЕ ЗНАКИ И ТАМГИ НА ПОДРАЖАНИЯХ КУФИЧЕСКИМ МОНЕТАМ X в.

Среди куфических монет, принадлежащих к европейским кладам IX—X вв., встречаются в заметном количестве так называемые подражания дирхемам. Вопрос об их происхождении и местах возможной чеканки остается пока спорным. Отличительным признаком подражательных монет являются искаженные легенды, обязанные своим появлением безграмотности резчиков штемпелей, незнакомых с арабским языком и письмом.

Выдающийся ориенталист-нумизмат Р. Р. Фасмер подробно исследовал одну группу подражаний с искаженными легендами. На них ему удалось прочитать имена правителей Волжской Болгарии и названия местных монетных дворов — Булгара и Сувара [1, с. 29—60]. Затем С. А. Янина собрала новый материал и увеличила серию известных науке булгарских монет. В своем исследовании она реконструировала генеалогическое древо волжских правителей и попыталась воссоздать политическую историю Булгарского каганата в X в. [2, с. 179—204].

В последнее время булгарским монетным чеканом в отечественной науке специально не занимались, хотя интерес к нему со стороны историков оставался прежним. В. В. Кропоткин опубликовал работу, в которой охарактеризовал главные направления волжской торговли, используя материалы топографии находок булгарских монет [3, с. 12—14]. В наиболее обстоятельных изданиях кладов Швеции IX—XI вв. монеты булгарской чеканки фиксируются регулярно [4]. В настоящее время подготовлена, но еще не опубликована работа Г Рисплинга о булгарском монетном чекане [5, с. 148].

Если разобраться в причинах, послуживших толчком для выделения монет булгарского чекана, то надо признать, что отправной точкой для их открытия послужил детальный отчет ибн-Фадлана, секретаря посольства багдадского халифа, о путешествии на Волгу в 922 г. Среди описания событий, местности, обычаев народов, которые наблюдали путешественники, упоминаются также имена местных правителей. Они-то и были прочитаны позднее на подражательных монетах современными исследователями.

Как известно, в Булгарском каганате официальной считалась мусульманская религия. Принятие ислама булгарскими правителями требовало от них соблюдения важнейших установлений мусульманского государственного законодательства. Одним из главных отличительных признаков самостоятельности правителя считалась чеканка монеты с его именем.

Отсутствие сходных условий долгое время не давало возможности выяснить, чеканилась ли собственная монета в Хазарском каганате — государстве, сыгравшем заметную роль в экономических контактах Восточной Европы и стран Востока. Разрешить споры помогла серия монет, отчеканенных в 223 г. х.=837/38 гг. в «Ард ал-Хейре» — так читалось долгое время название монетного двора. Однако Р. Р Фасмер, а вслед за ним Е. А. Пахомов предложили читать название мест чеканки как «Ард ал-Хазар», т. е. «Земля Хазар» [6, с. 79—90; 7, с. 129—132]. В 1974 г. А. А. Быков опубликовал большое исследование о подражаниях Девицкого клада куфических монет 838 г., в котором он весьма убеди-

тельно доказал, что они были отчеканены в Хазарии [8, с. 55, 56]. Попутно он привлек три ард-ал-хазарских дирхема 223 г. х.

Монеты Ард ал-Хазара сближает с подражаниями Девицкого клада неуверенный почерк резчиков штемпелей, их одинаковая манера работы, ошибки и пропуски в написании слов и, наконец, совершенно недопустимое в работе центральных монетных дворов совмещение при чеканки монет новых штемпелей со старыми, давно вышедшими из употребления [8, с. 55, 56].

А. А. Быков обратил внимание на присутствие тамгового знака в виде ветки с небольшим отростком влево на 42 и 86 подражаний Девицкого клада [8, с. 65]. Ближайшей аналогией упомянутому знаку являются знаки на кирпичах Саркела [8, с. 65]. Похожий знак был обнаружен на грубом подражании дирхему в готландском кладе Стора Велинге начала X в. [4, ч. 1—2, № 2658]. Этими данными исчерпывается группа известных хазарских подражаний.

Большинство атрибутированных монет булгарской и хазарской чеканки принадлежит к числу высококачественных подражаний, изготовленных квалифицированными мастерами. В особенности это относится к ард-ал-хазарским монетам и монетам, отчеканенным в Булгаре и Суваре в 330—360 гг. х. Последние, как отметила С. А. Янина, ничем не отличаются от монет, выпущенных в халифате [2, с. 193].

Между тем перечисленные подражания далеко не исчерпывают все обилие и разнообразие подражательных типов монет, а представляют только незначительную их часть. Основная масса подражаний, в большинстве грубых, часто нечитаемых, остаются неисследованными и по сей день. В нумизматических работах подражания куфическим монетам обычно атрибутируются как: «Подражание Саманидам», «подражание Насру б. Ахмаду» и т. д. В редких исследованиях содержится поштемпельный анализ подражаний. Совершенно не изучены их палеографические особенности.

Определение подражаний монетам Саманидов X в. привело нас к выводу о том, что в работе резчиков прослеживаются два направления. Большинство местных монетариев стремились по возможности точнее скопировать надписи на куфических монетах. У некоторых это получалось неплохо в силу высокого уровня мастерства и внимательного отношения к оригиналу. Другие же выполняли свою работу неумело, кустарно, пытаясь передать общую схему расположения монетных легенд и основные графические формы арабского письма. Лучше всего мастерам удавались центральные легенды, наиболее простые и удобные для зрительного восприятия. Эти легенды содержат символ веры и имена халифов и эмиров. Главные свои ошибки — пропуск и перестановка букв и слов — мастера делали в круговых легендах.

До сих пор полагали, что местное монетное дело слепо развивалось по линии варваризации стиля или бездумного копирования. Думается, что в действительности все обстояло не совсем так. Весьма важным моментом в работе резчиков являлось то, что они воспринимали арабские надписи как орнамент или как систему магических знаков, хотя и неясных. Арабская графика допускает много возможностей для фантазии ремесленника, вырезавшего незнакомые ему буквы. Простой, строгий и ритмичный почерк «куфи» хорошо воспринимался при имитации легенд. Обычный набор арабских графем в монетных надписях невелик, и его можно было без труда усвоить и воспроизвести по-своему, придав ему местный колорит. Поэтому иногда при копировании монетных легенд буквы заменялись знаками, не имеющими ничего общего с арабским письмом. Вот на такой группе подражаний нам бы хотелось остановиться и рассмотреть ее подробней.

Группа состоит из девяти подражаний (рис. 1—7) саманидским дирхемам эмира Насра б. Ахмеда (914—943 гг.): 1) подражание дирхему Насра б. Ахмеда, в—2,08, д—25, со—9[1], происходит из клада Хуст (Венг-

[1] Обозначения в, д, со соответствуют весу, диаметру и соотношению осей монеты.

рия), хранится: ВНМ № 12.217 (рис. 1; 8, *1*); 2) то же, в—1,95, д—23, со—9, обрезан в кружок, происходит из клада Хуст, хранится: ВНМ № 12.223 (рис. 2; 8, *2*); 3) то же, в—2,46, д—26, со—8, происходит из клада Хуст, хранится: ВНМ № 12.119 (рис. 3; 8, *3*); 4) того же штемпеля, что и № 3, в—2,56, д—26, со—9, происходит из клада Хуст, хранится: ВНМ № 12.129; 5) подражание Насру б. Ахмеду, в—1,96, д—24, со—1, происходит из клада Хуст, хранится: ВНМ № 12.137 (рис. 4; 8, *4*); 6) того же штемпеля, что и № 5, в—1,62, д—24, со—1: BHMN 12, 138; 7) то же в—2,37, д—26, со—3; происходит из клада Нижниев, хранится: ГИМ-105.885/1—4 (рис. 5, 8, *5, 6*); 8) того же штемпеля, что и № 7, данные о весе, размере не известны, происходит из погребения Хайдудорог (Венгрия) (фото прислано Л. Ковачем); 9) подражание Насру б. Ахмеду, в—3,31, д—28, со—3, происхождение неизвестно, хранится ОН ГИМ, кп-497.101 (рис. 6; 7; 8, *7, 8*).

Развертка круговых легенд лицевых сторон подражаний свидетельствует о воспроизведении их резчиком в качестве орнамента. На прориси и фото подражания 1 (рис. 1; 8, *1*) изображены в строку обе круговые легенды. Внутренняя легенда лицевой стороны (рис. 1, *Б*), которая должна сообщать место и год чекана, представляет собой не вполне регулярное повторение вертикальных стволов, полукружий, кружков: три — три — три — пять — один — один — три — три и т. д. (справа налево).

Развертка внешней круговой легенды дает пример более устойчивого повтора одних и тех же самых элементов—вертикальных стволов и кружков (рис. 1, *В*).

На монете 2 представлен новый вариант повторяющихся буквенных сочетаний. В этом случае мастер компоновал круговой фриз из нескольких сложных элементов. На рисунке они выделены строчными литерами. Характерно, что из разных элементов резчик создал композицию более общую, которую можно разделить на две части: 1 и 2 (рис. 2).

Тот же самый прием использован при изготовлении штемпеля монеты 3. Развертка ее внутренней легенды распадается на две части. Первая представляет собой повторяющееся чередование вертикальных стволов с кружками, вторая — грубое искажение надписи (рис. 3, *Б*; 8, *3*).

На рис. 1—3 изображены также последние, нижние строчки центральной легенды, абсолютно нечитаемые. В середине легенды, на строке или чуть ниже, имеются изображения трех знаков, которые не могут быть истолкованы как искажение букв арабского алфавита. Их появление на монетах объясняется исключительно фантазией мастера.

На примере первых трех типов подражаний представляется достаточно заметным, что резчики штемпелей осмысляли боковые легенды как круговой орнамент, состоящий из повторяющихся частей, собирающихся в более крупные композиции. Вместе с тем мастера стремились изобразить оригинальные знаки.

В отличие от предыдущих монет центральная легенда лицевой стороны двух подражаний одного штемпеля (№ 5, 6) построена по типу симметричной композиции (рис. 4, *Б*; 8, *4*). В верхней строке по краям в виде косого креста изображены лигатуры «лям — алиф» в центре между лигатурами помещен знак в виде прямого угла с отростком, повернутый вправо.

Нижняя строка центральной легенды построена по тому же принципу. По краям расположены два зубца, третий зубец образует солярная эмблема (вынесена под № 3). Круговые легенды хотя и не читаются, зато дают еще один пример сложной композиции орнаментального характера. Верхняя и нижняя строчки распадаются на три части. Нижняя строка делится на две части парными знаками типа № 1 (рис. 4, *В*), верхняя разделена полукружиями. Важно отметить, что промежутки обеих строчек совпадают.

Следующая пара монет одного штемпеля № 7, 8 интересна тем, что содержит в легендах дополнительные знаки (рис. 5, *А—В*; 8, 7). В верхней строчке центральной легенды слева находится тамгообразный знак—

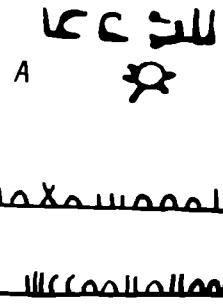


Рис. 1. Монета № 1. *А* — знак под центральной легендой Л. с.; *Б* — внутренняя легенда Л. с.; *В* — внешняя легенда Л. с.

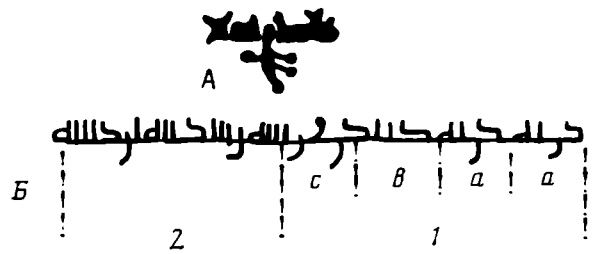


Рис. 2. Монета № 2. *А* — знак под центральной легендой Л. с.; *Б* — внутренняя легенда Л. с.; буквы а—с, цифры *1, 2* обозначают отдельные элементы надписи

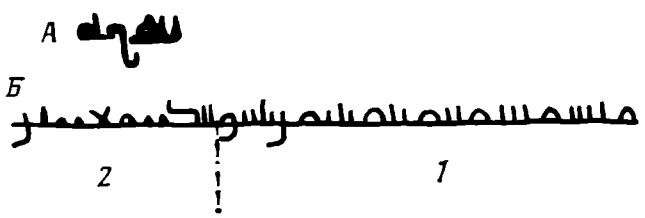
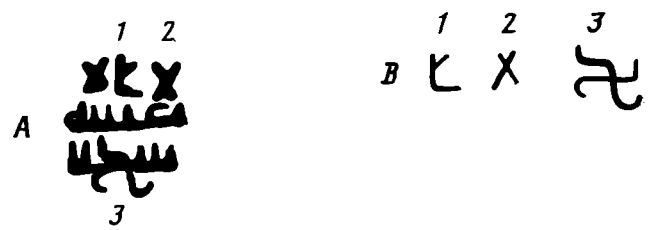


Рис. 3. Монета № 3. *А* — знак под центральной легендой Л. с.; *Б* — внутренняя легенда Л. с.



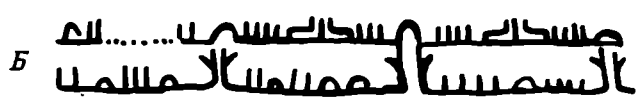


Рис. 4. Монета № 5. *А* — центральная легенда Л. с., цифры *1—3* — знаки в центральной легенде; *Б* — внутренняя и внешняя легенда Л. с.; *В* — знаки в центральной легенде Л. с.

ветка, за ним следует знак, аналогичный знаку 1 на рис. 4, *В*. Лигатуры «лям — алиф» верхней и нижней строчек написаны особо — в виде косого креста, перекрытого снизу крышечкой. В центре последней строчки различается знак, напоминающий солярный — № 4 (рис. 5, *В*). Еще один знак помещен в круговой легенде Л. с. В связи с этим интересно отметить, что мастер допустил ошибку и вырезал на Л. с. легенду, которая помещается на оригинальных монетах на О. с. Что же касается О. с. монет 7 и 8, то она представляет собой довольно хорошее по качеству подражание (рис. 8, *б*).

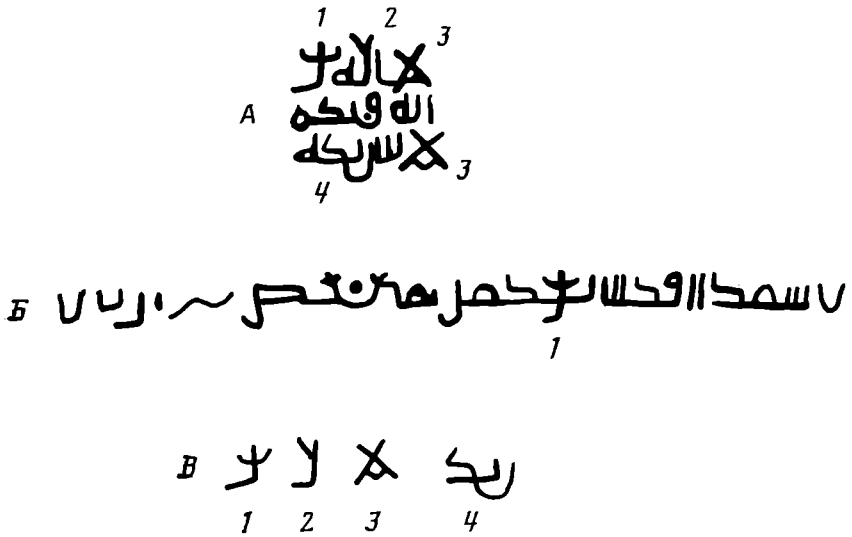


Рис. 5. Монета № 7. *А* — центральная легенда Л. с., цифры *1—4* — знаки в центральной легенде; *Б* — внутренняя круговая легенда Л. с.; *В* — знаки в легендах Л. с.

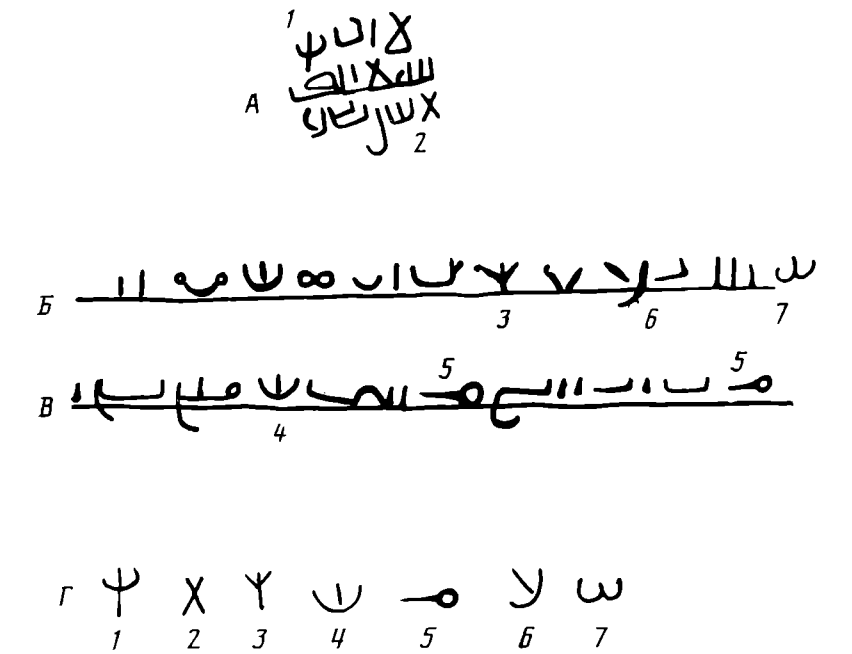


Рис. 6. Монета № 7. *А* — центральная легенда Л. с.; *Б* — внутренняя круговая легенда Л. с.; *В* — внешняя круговая легенда Л. с.; *Г* — знаки в легендах Л. с.

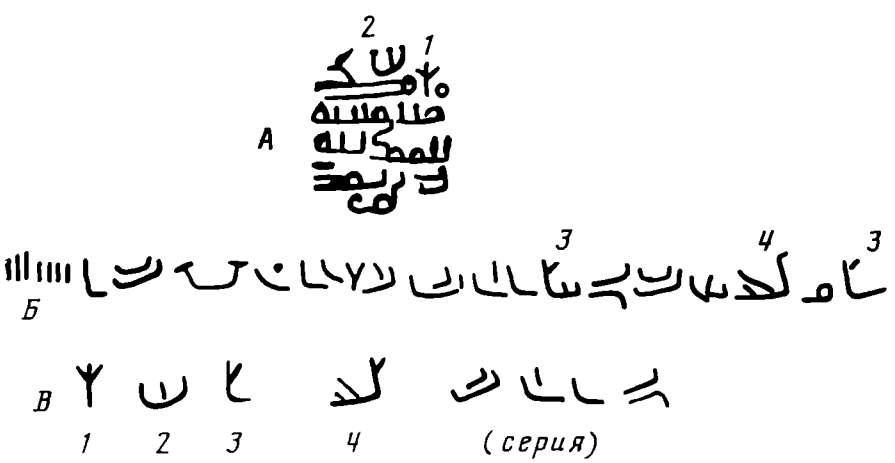


Рис. 7. Монета № 9. *А* — центральная легенда О. с.; *Б* — внутренняя круговая легенда О. с.; *В* — знаки в легендах О. с.

Рис. 8. Монеты с руническими знаками. *1* — монета № 1, Л. с.; *2* — монета № 2, Л. с.; *3* — монета № 3, Л. с.; *4* — монета № 5, Л. с.; *5* — монета № 7, Л. с.; *6* — монета № 7, О. с.; *7* — монета № 9, Л. с.; *8* — монета № 9, О. с.; *9, 10* — монета Боршевского клада, Л. с. и О. с. Масштаб: *1—8* — 2 : 1; *9, 10* — 1 : 1

Подражание дирхему Насра б. Ахмеда, стоящее в списке под № 9, известно пока только в одном экземпляре (рис. 6, 7; 8, *7, 8*). Круговые легенды обеих сторон монеты практически не имеют никакого сходства с куфическими надписями. Фантазия мастера разыгралась в данном случае настолько сильно, что он мало обращал внимания на оригинал и резал совершенно другие по форме знаки. От типа куфических надписей на дирхемах сохранилась общая композиция и несколько отдельных букв, в особенности на Л. с. В остальном резчик штемпеля вырезал знаки другой неарабской графической системы. Мы намеренно отказываемся от словесного описания каждого знака, считая это излишним. 11 знаков прорисованы особо, остальные воспроизведены в том положении, в каком они помещены в легендах (рис. 6, *Г*; 7, *В*).

Не оставляет сомнений, что набор знаков, выделенных нами на девяти подражаниях дирхемам, является представительным и неслучайным. Вся серия имеет многочисленные аналогии среди эпиграфических памятников. На рис. 9 воспроизведены знаки на монетах и аналогичные графемы с указанием места их находки. В географическом отношении эпиграфические памятники встречаются от Енисея, Средней Азии до Болгарии и Венгрии. На наш взгляд, подавляющее большинство знаков представляет собой тамги, хотя многие из них встречаются в рунической письменности (рис. 9).

У нас нет веских оснований связывать чеканку рунических и тамговых знаков с определенной политикой. Слишком разнообразен их набор, и чувствуется сильное влияние индивидуальности мастеров, привносивших в свою работу оформительские мотивы. Видимо, варварские монетарии по личной инициативе вырезали знаки, близкие и понятные им по смыслу, оставляя таким образом свои автографы.

Подражания с руническими знаками X в. отличаются от подражаний Девицкого клада более низким качеством изготовления штемпелей. Однако варваризация подражаний свидетельствует, на наш взгляд, не столько о потере профессиональных навыков, сколько, наоборот, о широком проникновении куфических монет в повседневную жизнь, об их популярности у европейских народов. В X в. в отличие от более раннего времени в производство подражаний втянулось больше мастеров, что объяснялось, видимо, развитием товарно-денежных отношений. Выделенная нами группа монет численно небольшая, имеются десятки и сотни других подражаний высокого качества, удачно повторяющих саманидские монеты. Монеты со знаками интересны в первую очередь тем, что могут прояснить вопрос о месте их изготовления.

Из девяти описанных монет семь происходят из венгерского клада Хуст, зарытого около 940 г., и погребения Хайдудорог — тоже из Венгрии. Одна монета содержалась в кладе Нижниев из Прикарпатья. В нумизматическом собрании ГИМ нам удалось обнаружить пока одну только монету из 300 подражаний дирхемам.

Находки монет со знаками в достаточном количестве (три случая и семь монет) на юго-западной периферии распространения восточного монетного серебра вполне объяснимы.

В результате изучения хронологического состава европейских кладов куфических монет X в. удалось установить, что восточные монеты, поступавшие преимущественно из Средней Азии, разделялись на границе на два монетных потока. Первый направлялся в Волжскую Булгарию, а затем вверх по Волге на северо-запад в страны Балтики. Второй монетный поток распространялся из Хазарии в Поднепровье и частично в Поднестровье и Прикарпатье [18, с. 14, 15]. Именно из западного потока серебра образовались находки с подражаниями Карпатского бассейна. Обращает на себя внимание тот факт, что в Хустском кладе подражания составляют более 30% (таблица), случай сам по себе довольно редкий.

Приемы изучения топографии кладов куфических монет, основанные на закономерностях оседания монетного серебра в зависимости от объема его поступления, позволили установить, что география распространения и оседания дирхемов динамично изменялась. Колебания монетного потока приводили к тому, что клады могли скапливаться преимущественно в конечных или узловых пунктах торговых путей, на их ближайшей периферии или они вообще не выпадали. Как правило, находки транзитного характера оседали в конце торговых магистралей, а их состав отличался чистотой подборки монет [19].

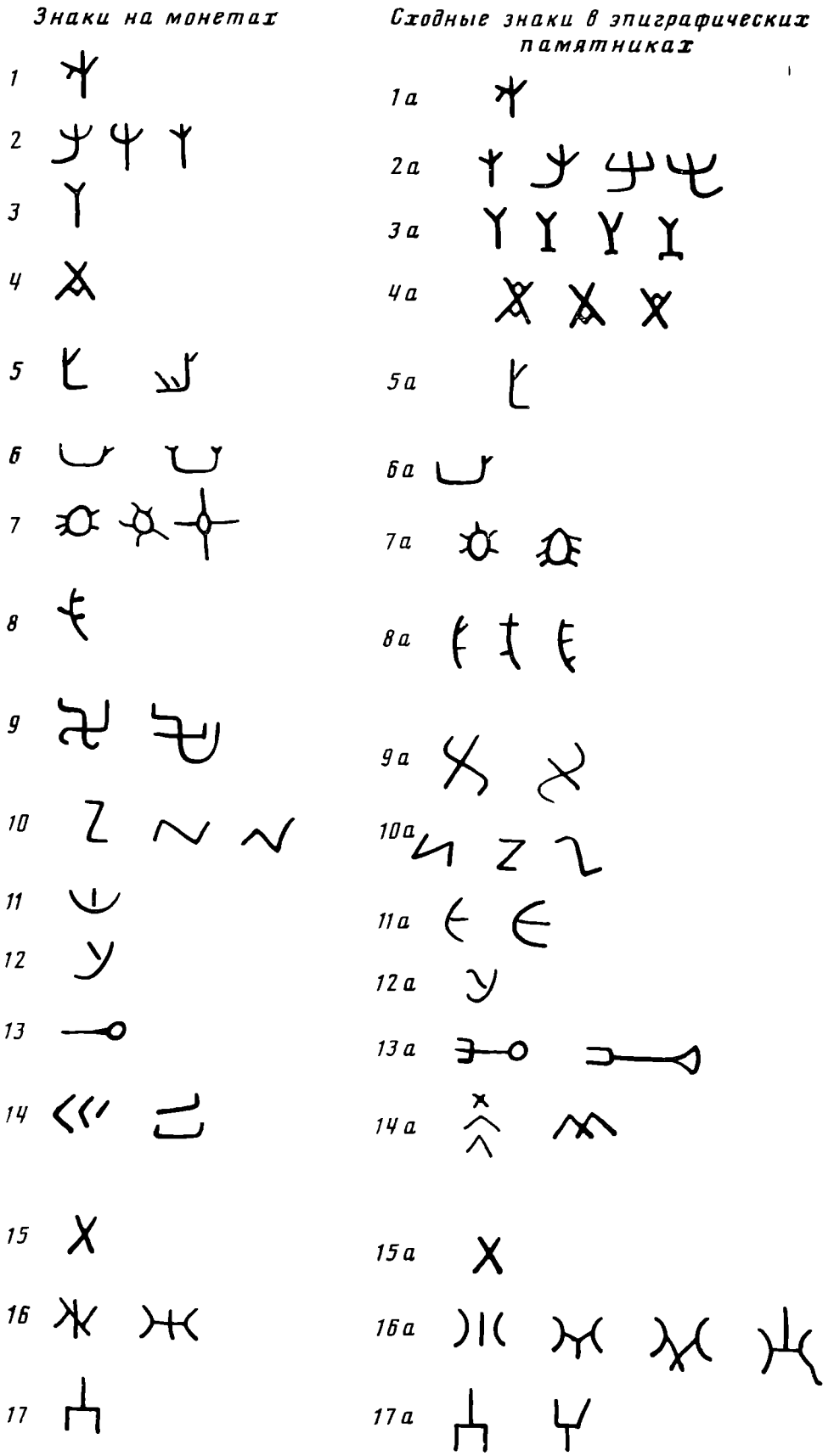
Наибольшее количество подражаний содержится в кладах Безлюдовка, 935 г. (90%); Хуст, около 940 г. (30,4%); Боршево, 923 г. (52,8%). В других кладах, в том числе западноевропейских, численность подражаний редко достигает 10%, а в среднем не подымается выше 5—6% (таблица) [2]. Боршевский и Безлюдовский клады найдены в южных районах (рис. 10). Если мысленно провести линию на запад, в Карпатский бассейн, то находки из Хуста, Хайдудорога и Нижниева поместятся на противоположном конце одного из ответвлений западного монетного потока. Еще один важный участок западного пути распространения (Днепр — Припять — Западный Буг — Висла) отмечен замечательной

---

[2] Мы сознательно использовали клады 910—960 гг., имеющие наибольшее количество подражаний в своем составе.

находкой начала X в. в Клюковичах, в узловом районе, при переходе торговой магистрали с Припяти на Вислу (рис. 10) [20, рис. 6].

Ранее не были рассмотрены подражания Клюковичского, Боршевского кладов (хранятся в ВГУ), а также Второго Звеничевского клада (хра-



Таблица

Содержание подражаний куфическим монетам в европейских кладах 910—960-х годов

Название клада, дата младшей монеты	Количество монет в кладе	Численность подражаний, %	Название клада, дата младшей монеты	Количество монет в кладе	Численность подражаний, %
I. Восточная Европа			*II. Готланд*		
1. Ленциковщина, 912	383	0,1	1. Stora velinge I, 911	2685	1,1
2. Струпово, 912	79	—	2. Broa, 932	95	6,0
3. Сосницкий у., 914	33	—	3. Kisselings, 935	45	—
4. Пальцево, 914	61	0,1	4. Jugenas, 935	80	6,0
5. Богдановское, 920	407	4,0	5. Bata, near 940	208	10,2
6. Титчиха, 923	23	—	6. Utoje, 943	465	4,0
7. Боршево, 923	106	52,8	7. Alva, 946	68	4,1
8. Могилевцы, 926	54	5,6	8. Gostavs, 952	202	8,0
9. Нижниев, 926	36	5,1	9. Kallgards, 952	12	8,0
10. Безлюдовка, 935	1092	90,0	10. Tuer, 953	259	7,0
11. Киев, 936	192	6,0	11. Enges, 953	59	5,0
12. Муром, 939	11 077	7,0	12. Rangsarve, 953	650	2,1
13. Ставропольский у., 940	79	10,1	13. Rondarve, 955	304	0,06
14. Хуст, около 940	368	30,4	14. Stora Velinge II, 956	939	8,1
15. Деснинский у., 944	135	—	15. Tjengvide, 956	956	4,1
16. Бондари, 951	383	5,0	16. Tanglings, 956	956	8,0
17. Береза, 951	1510	0,5	17. Haffinds, 958	1452	6,0
18. Фридрихсгоф, 952	598	10,1	18. Hageby, 959	314	8,0
19. Гнездово, 954	781	0,8+x	19. Kvie, 960	147	9,0
20. Большой Кривец, 955	326	2,1	20. Hammebols, 1961	188	0
21. Гнездово, 961	154	—	21. Prastgarden, 965	44	—
22. Клюковичи, 902 или 937/8	935	10,5			

В настоящей таблице использованы следующие материалы: Архив ЛОИА, ф. 1, ДАК за 1868 г., д. № 43, 1884, д. № 4, 1885, д. № 13, 1888 г., д. № 14, 1894 г., д. № 219, 1909 г., д. № 184, 1911 г., д. № 175; Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1 за 1929 г., д. № 31; ОН ГЭ, книга восточных кладов 1, № 755—815; *Марков А. К.* Топография Восточных монет. СПб., 1910 (Россия), № 5 с. 2, № 298 с. 52; ИРАО, 1859 г., т. 1, с 192—194. Также использованы данные о составе кладов, любезно предоставленные С. А. Яниной. Готландские клады изучены по материалам: CNS, V.I—I, n. 5, 8, 11, 14, 18; 1—2, n. 5, 18, 29, 30, 31, 35, 38, 39; 1—3, n. 13, 33, 37; 1—4, 10, 16, 30: Skarb monet arabskich z Klukowicz, Wroclaw, 1964.

нится в ЧОИМ, № 1667), которые, к сожалению, стали известны мне позднее. Пользуясь случаем, хочу пополнить серию монет с руническими знаками.

В Боршевском и Втором Звеничевском кладах содержится по одному подражанию, чеканенных одной парой штемпелей, на обратной стороне которых отчеканен знак № 10 (средняя позиция) (рис. 8, *10*; 9, *10*). Большая серия знаков представлена на подражаниях Клюковичского

Рис. 9. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам и аналогии им в эпиграфических памятниках. *1а* — Подунавье [9, табл. III]; *2а* — Прибайкалье, [10, с. 136], Енисей [10, с. 140], Алтай [10, с. 136], Северный Кавказ [11, рис. 51], Подонье и Приазовье [12, табл. XXX; *13*, табл. III, VIII, XIX; 14, рис. 67], Крым [15, рис. 39, 63], Подунавье [9, табл. XV, XX, XXII, XXIII], Енисей [16, рис. Е-51, Е-2]; *3а* — Енисей [10, с. 120, 121], Северный Кавказ [11, рис. 51; 12, табл. XXXIV], Подонье и Приазовье [12, табл. XXX, XXXVII; 13, табл. VIII, XXI; 14, рис. 38]; *4а* — Подонье и Приазовье [12, табл. XXX; 14, рис. 38] (Маяцкое городище — сообщение С. А. Плетневой), Подунавье [9, табл. IX]; *5а* — Северный Кавказ [11, рис. 51], Подунавье [9, табл. XIII], Подонье и Приазовье [14, рис. 38, 39], Венгрия [17, с. 35—36]; *6а* — Подонье и Приазовье [14, рис. 39]; *7а* — Енисей [16, с. 7], Казахстан [10, с. 125], Северный Кавказ [12, табл. XXV], Подунавье [9, табл. XXX; 17, рис. 38]; *8а* — Подонье [14, рис. 38, 39]; *9а* — Енисей [16, с. 7], Алтай [10, с. 142], Подунавье [9, табл. IX]; *10а* — Енисей [16, с. 7], Северная Киргизия, Казахстан [10, с. 145], Подонье и Приазовье [14, рис. 39], Подунавье [9, табл. I, VIII, XXVII]; *11а* — Подонье [13, табл. V, XVIII, XXIII, XXV]; *12а* — Енисей [16, с. 7], Алтай [10, с. 121], Северный Кавказ [11, рис. 51], Подонье [13, табл. VIII], Крым, Тамань [12, табл. 38; 15, рис. 61], Подунавье [9, табл. XIII; 17, с. 35—36]; *13а* — Северный Кавказ [11, рис. 51]; *14а* — несколько серий подобного рода зафиксировано на Северном Кавказе, городище Хумара [11, рис. 51]; *15а* — знак «косой крест» представлен практически везде и имеет универсальное значение; *16а* — Енисей [10, с. 108, 109]; *17а* — Северный Кавказ, городище Хумара [11, рис. 51]

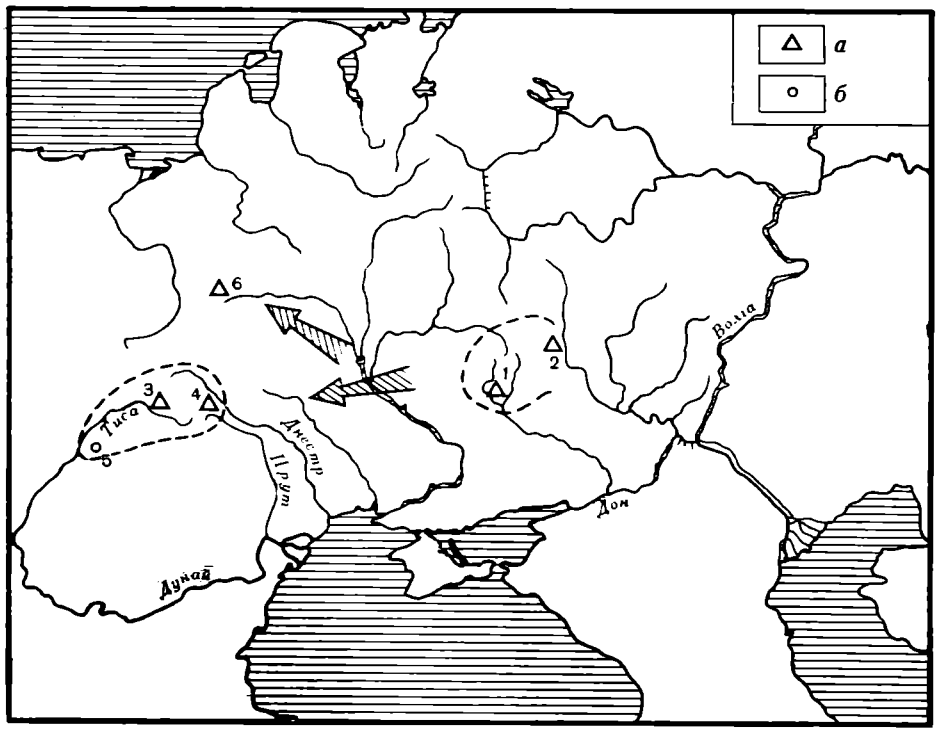


Рис. 10. Районы наибольшей концентрации монет с подражаниями (*а* — клад; *б* — отдельная находка). *1* — Безлюдовский клад; *2* — Боршевский клад; *3* — Хустовский клад; *4* — Нижниевский клад; *5* — дирхем в погребении из Хайдудорога; *6* — Клюковичский клад

клада. Солярный знак типа 7 (центральный и крайний справа) присутствует на четырех монетах, знак типа 10 (крайний справа) имеется также на четырех подражаниях (рис. 9). На семи подражаниях встречены новые разновидности рунических знаков — типы 16—17 (рис. 9). Все перечисленные знаки имеют прямые аналогии среди рунических памятников Евразии. Кроме них в Клюковичском кладе имеются другие монеты со знаками, для которых не удалось пока отыскать сходных графических изображений [20, с. 409].

К числу важных фактов, подтверждающих южное происхождение подражаний со знаками, относится то, что Боршевский, Безлюдовский, Хустский клады содержат высокий процент обрезанных в кружок монет [21, с. 91]. Известно, что основная масса кладов с круглыми обрезками дирхемов сосредоточена на южных границах Древней Руси [22, с. 142, 143].

Дополнительные аргументы в пользу своего происхождения несут сами рунические и тамговые знаки, отчеканенные на подражаниях. Например, знак № 4 (рис. 9) имеет прямую аналогию только среди эпиграфических памятников Маяцкого городища. Солярные символы (рис. 9, *7*, *9*) являлись одними из наиболее распространенных у носителей салтово-маяцкой культуры [23, с. 175—179].

Большая серия рунических и тамговых знаков обнаружена в виде клейм на керамике Билярского городища, или Великого города, бывшего, по мнению ряда исследователей, столицей Волжской Булгарии в X—XIII вв. [24, с. 3]. Всего было выделено 405 экз. различных знаков, которые подразделяются на 57 типов [24, с. 76]. Среди знаков билярской серии имеются аналогичные знакам на подражаниях дирхемам, например типам 2, 3, 5, 7, 10, 17 (рис. 9). Однако все они представлены небольшим количеством экземпляров. Доминирующим в количественном отношении среди билярских знаков является А-образный знак, на долю которого приходится более 50% всех клейм [24, с. 76]. Возможной его модификацией среди монетной серии является знак 4-го типа (рис. 9). Характерно, что А-образный знак, только в перевернутом положении,

помещен на дирхемах булгарского эмира Му'мина б. Ахмада, отчеканенных в Булгаре в 360-х годах х. (970-е гг.) [2, с. 199, 200, № 2, 6]. Безусловно, что обе серии знаков (на керамике и подражаниях) имеют общие графемы, сходные по начертанию, так как восходят к одним и тем же прототипам, однако оба набора сильно различаются по составу и по количественным показателям частоты встречаемости отдельных знаков.

Таким образом, по имеющимся у нас данным, подражания куфическим монетам с руническими знаками были отчеканены в первой половине X в. на юге Восточной Европы, вероятнее всего, на территории салтово-маяцкой культуры. Знаки могли помещаться в качестве знаков собственности, с магическими или другими целями. Выделенная серия еще недостаточно велика для того, чтобы высказывать более определенные соображения о назначении и распространении знаков. Более верное представление по этому вопросу можно будет составить только после введения в научный оборот новых эпиграфических и нумизматических памятников[3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фасмер Р. Р.* О монетах волжских болгар X в.//ИОАИЭ. 1926. Т. XXXIII.
2. *Янина С. А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии в X в.//МИА. 1962. № 111.
3. *Кропоткин В. В.* Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным//Тез. докл. на IV Международном конгрессе славянской археологии. М.: Наука, 1980.
4. Corpus nummorum saeculorum IX—XI. Gotland. Pt 1—4. Stockholm, 1975—1982.
5. *Rispling G.* Die-Lined Tenth-Centuary Islamic Immitations in Sweden//Seaby Coin and Medal Bull. № 778. L., 1983.
6. *Anderson W.* Der Chalifenmunzfund von Kohtel. Mit Beitragen von R. Vasmer. Dorpat, 1926.
7. *Пахомов Е. А.* Монеты Азербайджана. Вып. II. Баку, 1963.
8. *Быков А. А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX в.//Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М.: Наука, 1974.
9. *Дончева-Петкова Л.* Знаци върху археологически паметници от средновековна България. VII—X век. София, 1980.
10. *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М.: Наука, 1983.
11. *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
12. *Турчанинов Г Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971.
13. *Щербак А. М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи//МИА. 1950. № 75.
14. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону//Изв. ГАИМК. 1953. Вып. 131.
15. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
16. *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983.
17. *Nemeth J.* The Runiform Inscriptions from Nagy — Szent-Miklos and the Runiform Script of Eastern Europe//Acta linguistica. V. 21. № 1, 2. Budapest, 1971.
18. *Фомин А. В.* Источниковедение кладов куфических монет IX—X в. (По материалам Восточной Европы): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1982.
19. *Фомин А. В.* Топография кладов куфических монет IX в. как исторический источник//Тез. докл. IV Всес. конф. по источниковедению истории СССР. Днепропетровск. М., 1983.
20. Skarb monet arabskich z Klukowicz. Wroclaw; Warshawa, 1964.
21. *Кропоткин В. В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе//НЭ. 1971. Т. IX.
22. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М.: Изд-во МГУ. 1956.
23. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам//МИА. 1967. № 142.
24. *Кокорина Н. А.* Гончарные клейма Билярского городища//Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983.

---

[3] Считаю своим приятным долгом поблагодарить С. А. Плетневу за возможность пользоваться материалами Маяцкого городища, а В. Е. Нахапетян — за ценные консультации во время работы.

A. V. Fomin

PROPERTY AND RUNIC SIGNS ON 10th-CENTURY IMITATION COINS

Summary

Tenth-century dirkhem hoards found in Europe contain many crude Barbarian imitations (Plate 1). There is a common opinion that they came from Volga Bulgaria since many of them carry the names of Volga rulers. The majority of imitations copy the more general features of Muslim coins. So far these imitations escaped the researchers' attention though they can be systematised as a specific type of archaeological finds. European imitators demonstrated a creative approach to their task: they either diligently copied the inscriptions of used them as ornaments (Figs. 1, 2, 3). Sometimes the Arabic letters were substituted for Runic and *tamga* signs widely used by the Turkic and East European peoples (Fig. 9). The distribution of the hoards with imitations suggests that in the 10th century they appeared in large quantities in the Khazar kaganate (Fig. 10).

Заметки

В. С. ВОЛОШИН

АШЕЛЬСКИЕ БИФАСЫ ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ВИШНЕВКА 3
(Центральный Казахстан)

Представление об ашеле Центрального Казахстана нуждается в дальнейшей конкретизации, и прежде всего с учетом наличия бифасов — наиболее яркого явления в палеолите этого района. Ниже дается описание небольшой выборки бифасов из ашельского местонахождения Вишневка 3.

Памятник находится в 60 км к юго-востоку от Целиноградa, в верховьях р. Ишим. Многочисленные артефакты (954 шт.) здесь собраны на коренном склоне долины Ишима, на уровне среднеплейстоценовой третьей надпойменной террасы. Они испытали перемещение вниз по склону в пределах не более 20—30 м, первоначальное положение орудий надо связывать с денудационной поверхностью эоплейстоцена — нижнего плейстоцена. Исходя из геоморфологической ситуации и датировок террас Ишима [1], можно предположить нижний хронологический рубеж памятника — миндель-рисс (предполагаемое время возникновения долины Верхнего Ишима).

Группа ашельских бифасов Вишневки 3 насчитывает 10 экз. Орудия изготовлены из темно-серого ороговикованного алевролита, значительно выветрены: имеют корку выветривания толщиной 1—3 мм, пористую ячеистую и трещиноватую поверхность, сглаженные ребра, обесцвеченность или густую окраску гидроокислами железа, следы морозного выветривания в виде небольших плоских конусовидных лунок. Среди предметов три целых орудия четкой формы, три целых более грубых орудия и четыре фрагмента.

Рассмотрим их более подробно. Бифас эллипсоидный, переходный в ладьевидный (рис. 1, *1*). Изготовлен из широкого отщепа. Вес — 158 г; размеры: 11,9×5,9×2,9 см, показатели удлиненности — 2,02, сечения — 0,5. Максимальная толщина приходится примерно на середину длины орудия. Сечение, линзовидное в середине, приобретает на конце орудия подтреугольную форму, конец заострен, на верхней стороне наблюдаются ребро и двускатность. Названные признаки позволяют предположить, что заостренный конец служил лезвием орудия. Закругленное и утонченное основание могло быть местом зажима орудия в рукоятке. Изделие оформлено с верхней стороны короткими глубокими фасами, идущими в разных направлениях от краев к середине. С нижней стороны обрабатывались только верхняя половина и боковые края. Бюльб отщепа полностью удален не был, поэтому возникла асимметрия утолщенности боковых краев; последняя не повлияла на форму орудия в плане — правильную удлиненную эллипсоидную, с нарушениями только от позднейших случайных обломов.

Бифас удлиненно-овальный с обработанной пяткой (рис. 1, *2*). Изготовлен из обломка. Вес — 490 г; размеры: 14,7×8,4×4,4 см, показатели удлиненности — 1,75, сечения — 0,52. Максимальная толщина приходится на середину орудия. В сечении орудие двояковыпуклое. Пятка обработана крутыми фасами и закруглена. Наиболее характерная особенность бифаса — дифференцированность лезвий. На конце орудия выде-

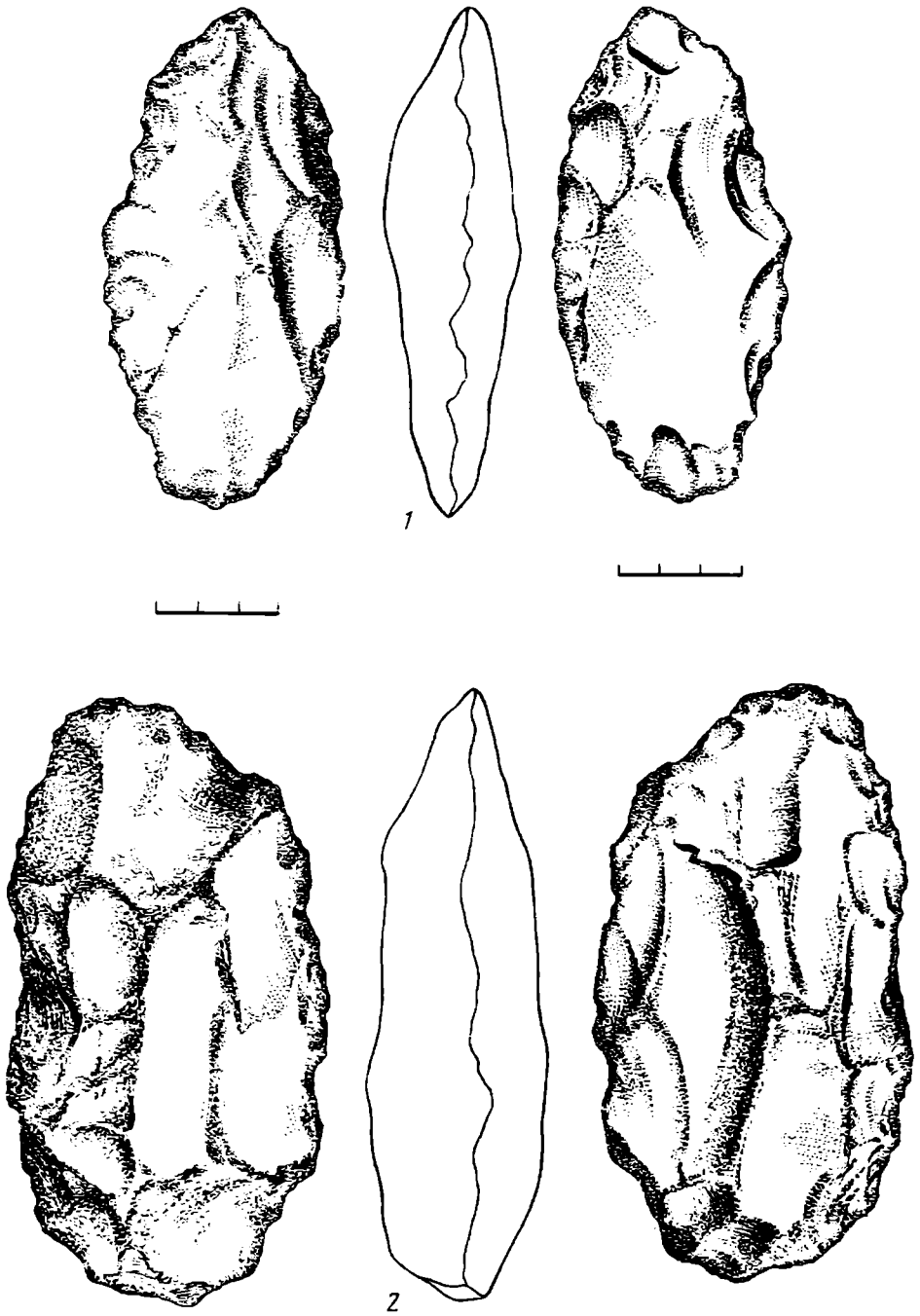


Рис. 1. Ашельские бифасы: *1* — эллипсоидный; *2* — удлиненно-овальный

лено асимметричное выпуклое лезвие скребующего профиля, обработанное небольшими сколами с верхней стороны с углом заострения 35° Боковые лезвия также различны. Правое лезвие отцентрировано в профиль, ровное, тщательно отделано небольшими сколами, угол лезвия 50—60°. Левое лезвие несколько смещено к нижней стороне, отделено от обоих концов глубокими негативами, в сечении более «скребловидное», его отделка заканчивалась нижними сколами, сформировавшими ритмичную извилистость и угол лезвия 50—60°.

Бифас подтреугольный, с выпуклыми краями (рис. 2, *1*). Изготовлен из обломка. Вес — 240 г; размеры: 11,6×7,0×3,2 см, показатели удлиненности — 1,66, сечения — 0,46. Максимальная толщина приходится на верхнюю половину орудия. Оформление орудия включало различные операции: усечение основания широкими и крутыми сколами, уплощение верхней стороны, отделку обушка на левом краю мелкими сколами, за-

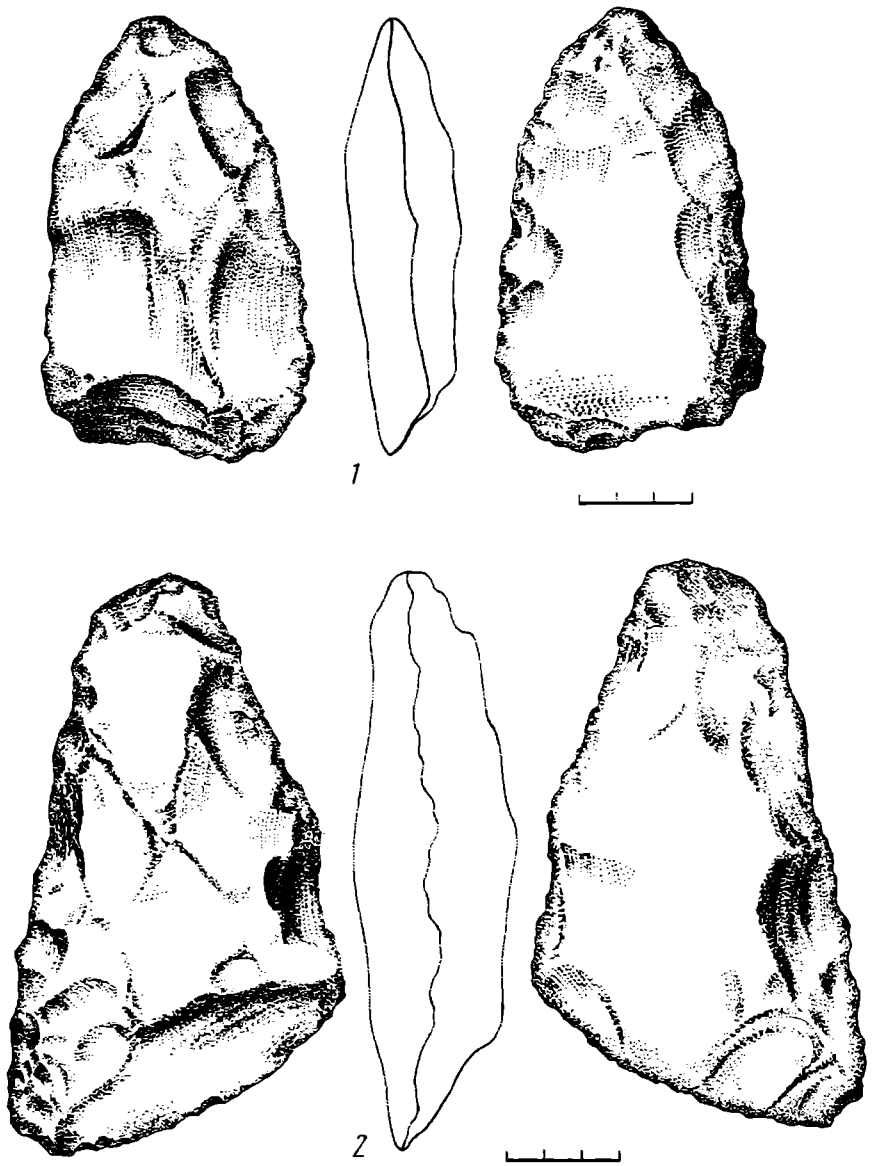


Рис. 2. Ашельские бифасы: *1* — подтреугольный; *2* — с обломанным основанием

острение правого края и верхнего конца, служивших, вероятно, лезвием (40—55°). Важно подчеркнуть, что выполнение указанных операций было строго согласовано с общей симметричной подтреугольной формой бифаса и подчинено ей. Поэтому в данном случае было бы неправильно полагать, что форма явилась частным отклонением от некоторого инварианта «заостренный бифас», постулируемого для ашеля [2, с. 165].

Бифас с обломанным основанием (рис. 2, *2*). Возможно, это был кливер. Орудие изготовлено из обломка. Вес — 430 г; размеры: 14,8×8,6× ×3,9 см, показатели удлиненности — 1,72, сечения — 0,45. Орудие оформлено грубо, сколами в разных направлениях. Нижняя сторона более плоская. Боковые края отцентрированы, слегка извилистые, толстые, угол лезвий 50—60° Верхний конец массивный и тупой. Основание утрачено в древности.

Выборка включает три фрагмента. Среди них — концевая часть бифаса с заостренным верхним концом и нижняя часть орудия с широким закругленным острым основанием. Последний предмет является самостоятельным орудием. Его верхний конец представляет собой плоскость раскола от поперечного удара, остальные края заострены. Как первый, так и второй бифасы превосходно оформлены плоскими пологими фасами и дополнительно отделаны по краям мелкими сколами. В 1—2 см от

кромки лезвий заломы фасеток формируют параллельные ряды уступчиков. Лезвия отцентрированы, ровные, имеют угол заострения 30—55 и 50—60°. Третий фрагмент — нижняя часть грубо оформленного бифаса с обработанной пяткой и плосковыпуклым сечением (пика?).

Остальные три бифаса грубые и частичные. Один из них, изготовленный из массивного отщепа, имеет толстую пятку, обработанную крутыми фасами; орудие относится к группе заостренных бифасов.

Для технологии описанных орудий можно отметить некоторые общие черты. Прежде всего у бифасов отсутствовала отдельная фаза уплощения исходных заготовок (угловатых обломков, плиток, отщепов), отбору последних отводилась немаловажная роль. Оформление бифасов велось сколами в разных направлениях, иногда чередуясь с той или другой стороны. Широкие боковые площадки с систематическими фасами поперек длиной оси орудия не наблюдаются. Они становятся обычными в поздних сериях из вишневских местонахождений, где появляются в результате приспособления технологии к сырью — плитчатым отдельностям-параллелепипедам. В изготовлении ашельских бифасов можно выделить две фазы — грубого оформления и отделки. В первой фазе использовался «тяжелый» отбойник, во второй мастер зачастую прибегал к «мягкому» отбойнику, с помощью которого отделка порой достигала большого совершенства. При отделке наносились широкие стелющиеся фасы, заломы которых в средней части орудия образуют утолщенность, а также мелкие фасетки, от заломов которых в 1—2 см от кромки лезвия формируются ряды уступчиков. Среди наших орудий нет плоских форм — все бифасы толстые (2,9—4,4 см) и массивные (0,45—0,52). Почти у всех орудий боковые лезвия отцентрированы в профиль, слегка извилистые либо совершенно ровные. Среди 12 измеренных лезвий угол заострения составляет у девяти — 40—60°, у двух — 25—35°, у одного лезвия — 70—85° Необходимо отметить полное отсутствие на бифасах каких-либо следов приспособления формы для зажима в руке. В поздних же сериях вишневских местонахождений такие следы бесспорны: это, в частности, прием выгибания крутыми сколами левого края возле пятки для наложения большого пальца кисти, а также своеобразное оформление орудий на манер коленчатых бифасов [3, с. 159]. Натуральные пятки у ашельских бифасов отсутствуют, пятки обычно обработаны крутыми сколами, закруглены или прямые. Среди орудий нет ни одного образца с резкими нарушениями контуров формы и рельефа, т. е. со следами сколько-нибудь значительного формообразования бифасов во время использования и подправки.

Среди бифасов наблюдается значительная вариабельность формы. Наиболее четко выражены подтреугольная (рис. 2, *1*), эллипсоидная (рис. 1, *1*) и удлиненно-овальная (рис. 1, *2*) формы. Возможно, имели место кливеры (рис. 2, *2*). Перечисленные модификации могли быть включены в традицию ашеля Вишневки 3. Аналоги им известны в инвентаре местонахождений Вишневка 4 и 6, Мизар в верховьях р. Ишим, Койтас 4 в Левобережном Прииртышье. Считаем необходимым подчеркнуть отличие описанных нами орудий от бифасов Кудайколя — памятника, возраст которого определяется как среднеплейстоценовый [4]. Нам не кажется правильным представление о закрепленности в ашельской (и мустьерской) традиции ограниченного числа одних и тех же наиболее общих, целесообразных в функциональном и аккомодационном отношении форм бифасов — заостренных, овальных и с поперечным лезвием [2, с. 165]. Такое представление, на наш взгляд, упрощает действительность, недооценивает значение иррациональных моментов и, наоборот, чрезмерно выпячивает целесообразность в производстве и технологии древних орудий. Скорее всего в ашеле в разных условиях могли складываться различные морфофункциональные нормы, при этом ценности знакового, символического порядка могли возобладать над материальными, что свойственно архаичным обществам [5, с. 45]. Например, в ашеле Вишневки 3 наряду с дифференциацией общей формы бифасов могли происходить процессы функциональной и семантической диффе-

ренциации отдельных частей этих орудий, связанные с приданием последним самостоятельной ценности. В этом отношении заслуживает внимание бифас со специально отсеченной верхней половиной (такие случаи не единичны среди бифасов Центрального Казахстана), а также бифас с явной дифференцировкой лезвий (рис. 1, *2*). Наличие в коллекции грубых, частичных бифасов тоже не случайно. Они могут быть нарушениями нормы (дефект) или же орудиями, гипертрофированными в части практической полезности, или же и тем и другим вместе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шанцер Е. В., Микулина Т М., Малиновский В. Ю.* Кайнозой Центральной части Казахского щита. М.: Изд-во МГУ, 1967.
2. *Матюхин А. Е.* Орудия раннего палеолита//Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983.
3. *Brézillon M. N.* La Denomination Des Objets De Pierre Taillée. P., 1968.
4. *Медоев А. Г.* Ареалы палеолитических культур Сары-Арка//По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970.
5. *Байбурин А. К.* Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура//СЭ. 1985. № 2.

Ю. Б. СЕРИКОВ

ГОЛОКАМЕНСКАЯ МАСТЕРСКАЯ И ЕЕ МЕСТО В МЕЗОЛИТЕ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Мастерская открыта в 1954 г. тагильским краеведом И. П. Рикертом [1] на южном склоне горы Голый Камень в черте г. Н. Тагила. Общая площадь памятника составляет не менее 7 тыс. м². В 1954—1955 гг. мастерская исследовалась экспедицией Государственного исторического музея под руководством В. М. Раушенбах [2].

По описанию автора раскопок, «наблюдалась следующая стратиграфия: сверху — от 5 до 6 см дерновый слой, ниже суглинок с включениями сплошного битого камня, залегающий до глубины 50—60 см, иногда мощность слоя увеличивалась до 80 см; еще ниже — слой глины без находок. Мощность слоя увеличивалась с юга на север. Здесь же в слое найдены крупные глыбы камня, от которых откалывались куски для изделий, но ни одного изделия из кости, ни одного обломка костей животных и, наконец, никаких следов керамики здесь обнаружено не было» [2, с. 165].

Анализируя материалы раскопок, В. М. Раушенбах выделяет нуклеусы, скребла, блок-скребки, заготовки рубящих орудий, ретушеры и отбойники. Сравнивая изделия из голокаменской мастерской с материалами верхневолжских мастерских и мезолитических поселений Швеции, автор раскопок высказывает мнение о большом сходстве этих изделий с материалами из Швеции. На этом основании В. М. Раушенбах мастерскую Голый Камень ориентировочно датирует эпохой мезолита [2, с. 169—171]. Этим же временем Н. П. Кипарисова методом исключения продатировала макролиты Гальянской стоянки, расположенной на восточном склоне горы Голый Камень [1, с. 121, 122].

Именно с этого момента и встал вопрос о двухкомпонентности зауральского мезолита. Наиболее четко это положение представлено в работах В. Н. Чернецова. Ранние типы костяных изделий, выделенные В. М. Раушенбах на материалах Шигирского торфяника, он относил к раннему неолиту, хотя и не возражал против возникновения данной костяной индустрии в эпоху мезолита [3, с. 47]. В своей работе, посвященной этнокультурным ареалам в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита, В. Н. Чернецов выделяет урало-сибирский ареал, причем его сложение он относит к мезолитическому времени. По мнению В. Н. Чернецова, наиболее древними являются бескерамические памят-

ники с макролитическим инвентарем (Голокаменская мастерская и Гальянская стоянка), параллели которому он видит в мезолитических культурах Алтая, Енисея, Ангары. К несколько более позднему времени он относит проникновение в Зауралье с юга населения с культурой микролитического типа (памятники Шигирского торфяника) [4, с. 13].

Взгляд на макролитический характер зауральского мезолита кроме В. М. Раушенбах, Н. П. Кипарисовой и В. Н. Чернецова разделяли и другие исследователи. Так, О. Н. Бадер связывал по происхождению палеолит Урала (стоянка Талицкого) с палеолитом Сибири (типа Мальты). Он же выдвинул гипотезу о макролитическом характере орудий эпохи перехода от палеолита к мезолиту в Западной Сибири и на Урале [5, с. 88—96; 6, с. 203, 204]. О макролитическом характере зауральского мезолита (на примере Голого Камня) неоднократно высказывался А. Я. Брюсов. Как и В. М. Раушенбах, он сравнивал материалы Голого Камня с громадной коллекцией изделий со стоянок эпохи мезолита и раннего неолита из раскопок А. Альтина [7, с. 26, 27]. Своеобразная точка зрения на зауральский мезолит у А. П. Окладникова. Развивая взгляды Мовиуса о двух громадных культурно-исторических областях в эпоху палеолита, он доводит их существование до мезолитического времени, утверждая, что в азиатской части в каменном инвентаре продолжали устойчиво удерживаться древние палеолитические традиции. По мнению А. П. Окладникова, «к востоку от Урала до сих пор не обнаружено еще ни одного кремневого изделия геометрических очертаний, нет ни одной трапеции, сегмента или треугольника. ...Вместо мелких изделий основную массу каменных орудий представляют крупные орудия азиатских форм: чопперы, массивные скребла, нуклеусы леваллуазского облика» [8, с. 221, 222].

Взгляд на характер зауральско-западносибирского мезолита изменился только в последнее десятилетие. Именно в эти годы были раскопаны и опубликованы новые палеолитические и мезолитические памятники, которые и позволили по-новому взглянуть на мезолит Урала. Для всех изученных памятников эпохи палеолита характерна развитая пластинчатая техника, среди орудий заметное количество угловых резцов, неретушированных пластинок-вкладышей и пластинок с боковыми и концевыми выемками, то есть таких изделий, которые свое дальнейшее развитие получат уже в мезолитическое время [9—25]. В настоящее время автору на территории Среднего Зауралья известно свыше 70 мезолитических памятников с микролитическим инвентарем [26]. Значительная их часть расположена в районе Тагильского Зауралья недалеко от Голокаменской мастерской (рис. 1).

И вновь возник вопрос о датировке и характере Голокаменской мастерской и макролитов Гальянской стоянки. Значительная часть материалов Голокаменской мастерской просмотрена автором под бинокулярным микроскопом. Из орудий здесь были определены только отбойники и ретушеры. Изучение техники раскалывания и многочисленные эксперименты автора с голокаменским материалом позволили прийти к определенным выводам. Выделенные В. М. Раушенбах блок-скребки, скребки, скребла и заготовки рубящих орудий (рис. 2, *1—5*) на самом деле являются нуклевидными кусками или заготовками нуклеусов, на которых проверялись свойства обрабатываемого материала. Затем эти заготовки нуклеусов уносились на поселения, где и происходила их дальнейшая утилизация. И такие поселения найдены. Изделия из голокаменского материала в значительных количествах присутствуют на стоянках Полуденка I и II, поселении Серый Камень, стоянках III Береговая и Крутяки I и на многих кратковременных стоянках, расположенных в радиусе 25—30 км от мастерской (рис. 1). И если на самой мастерской не найдено ножевидных пластинок и орудий микролитических форм, то на поселениях и стоянках таких изделий обнаружено множество. Например, на поселении Серый Камень пятая часть (22,4%) всех изделий изготовлена из голокаменского материала. Сюда входят 44 нуклеуса (24,2% от общего числа нуклеусов), 12 скребков (11,7%), 913 микропластинок

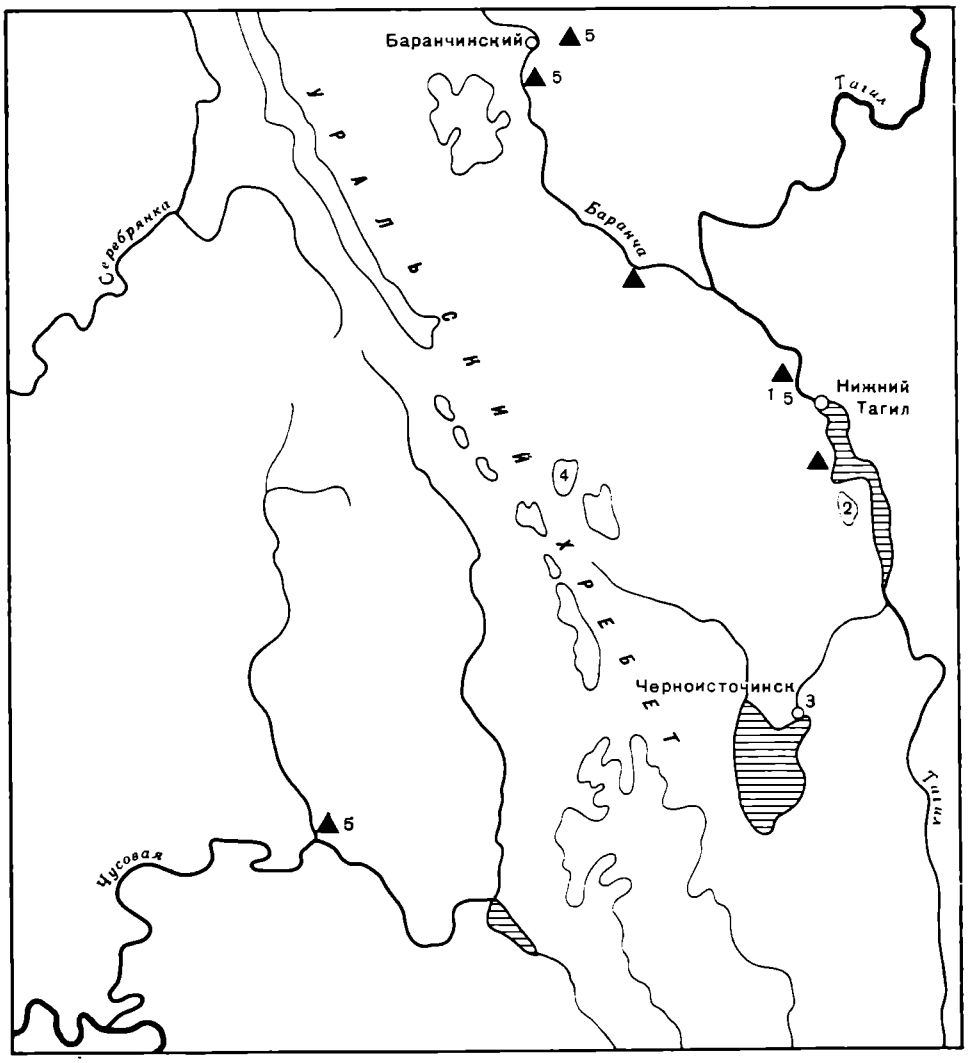


Рис. 1. Распространение голокаменского сырья. *1*—Голокаменская мастерская, *2* — памятники Горбуновского торфяника, *3* — памятники Черноисточинского пруда, *4* — памятники Полуденского болота, *5* — стоянки с голокаменским сырьем

(18,7%), 967 отщепов (27,9%). Из голокаменского сырья на Сером Камне изготовлены резцы, резчики, острия, ретушеры и даже трапеция. Присутствуют здесь и нуклевидные куски и заготовки, имеющие полные аналогии на самой мастерской (рис. 3, *8—11*). Каменные изделия из голокаменского материала с самой мастерской и со стоянок Полуденка I и II, Серый Камень, Крутяки I, Ашка II и Таватуй VI были отданы на петрографический анализ[1]. В результате анализа выяснилось, что все изделия изготовлены из голокаменских алевротуфов порфиритов (полное название: алевротуфы андезитовых, андезито-дацитовых порфиритов кристалло-витрокластические спекшиеся). Из всего вышесказанного вытекает вывод: памятник на южном склоне горы Голый Камень является мастерской для первичного раскалывания камня и действительно датируется эпохой мезолита.

Автором были детально просмотрены все каменные изделия в коллекциях Нижнетагильского историко-революционного музея. В результате выяснилось, что голокаменская мастерская использовалась *только* в мезолите. Изделий из голокаменского сырья ни в коллекциях неолита, ни в коллекциях бронзы, ни в комплексах раннего железа не обнаружено. Ни одно характерное для других эпох изделие не изготовлено из голокаменского материала. Это наблюдение имеет большое значение для дальнейшего исследования среднеуральского мезолита. Голокаменский

[1] Анализы выполнены петрографом Высокогорской геологоразведочной партии И. А. Завалишиной, которой автор приносит свою искреннюю благодарность.

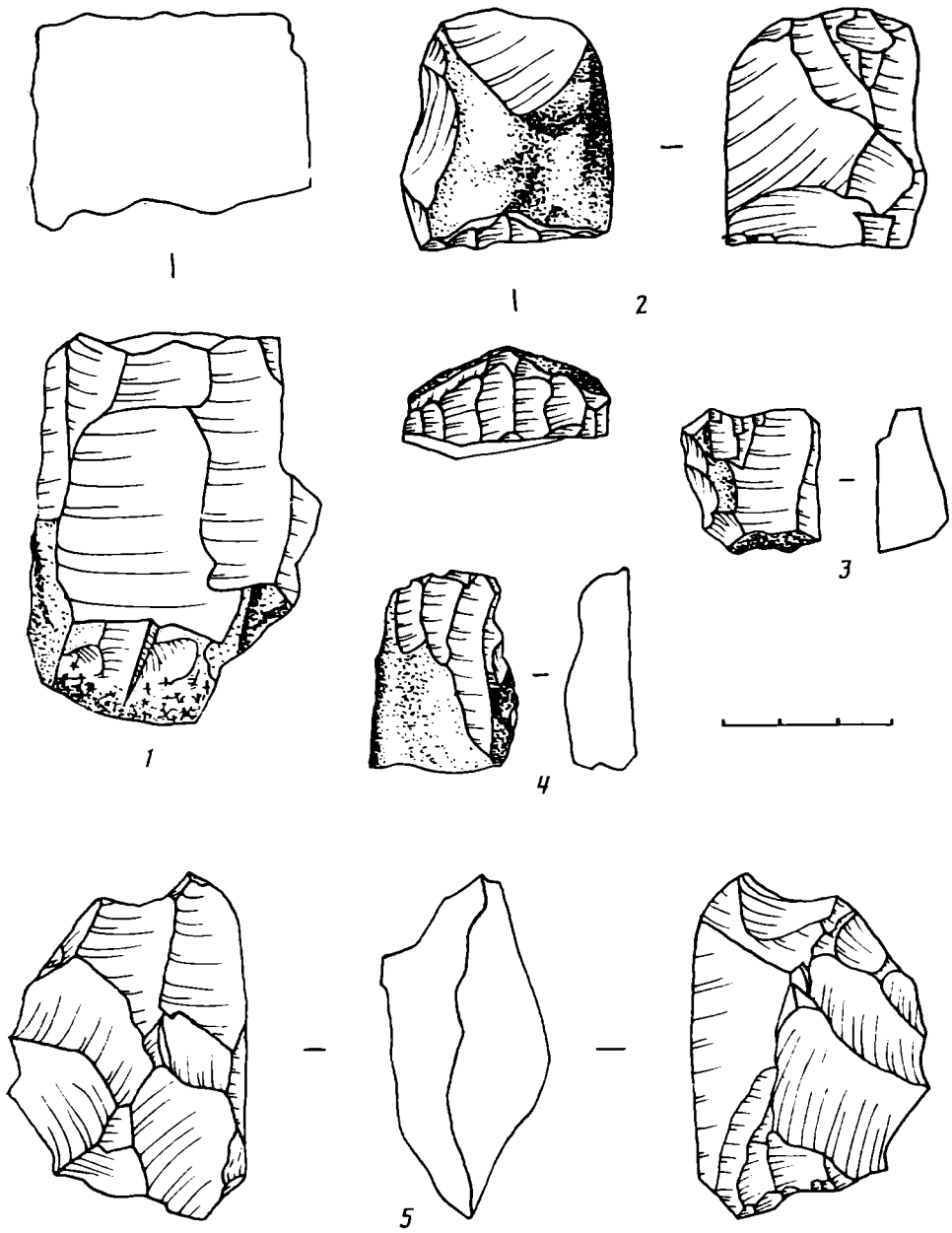


Рис. 2. Голокаменская мастерская. Каменные изделия

материал очень характерен, легко отличается визуально. Поэтому уже сейчас он стал хорошим индикатором мезолита на территории своего распространения.

Кроме этого автором было проведено обследование самой мастерской. В большой яме на краю просеки (видимо, шурф В. М. Раушенбах) была сделана зачистка стенки. На глубине около 60 см обнаружено две микропластинки, изготовленные не из голокаменского материала, а из окремнелого сланца черного и темно-серого цвета (рис. 3, *2*, *3*). Были найдены и пластинки из голокаменского материала (рис. 3, *4*—*7*). Вполне возможно, что отдельные микролитические находки были и в раскопе В. М. Раушенбах, но среди массы отщепов и нуклевидных кусков остались незамеченными.

Все вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что Голокаменская мастерская действительно датируется эпохой мезолита, но в силу своего специфического характера — мастерская по первичному расщеплению камня — не может характеризовать мезолитическую эпоху на территории Среднего Зауралья. В финальном мезолите использование мастерской прекратилось и в более поздние эпохи уже не возобновлялось. Вопрос о ранней дате мастерской пока остается открытым. Здесь обна-

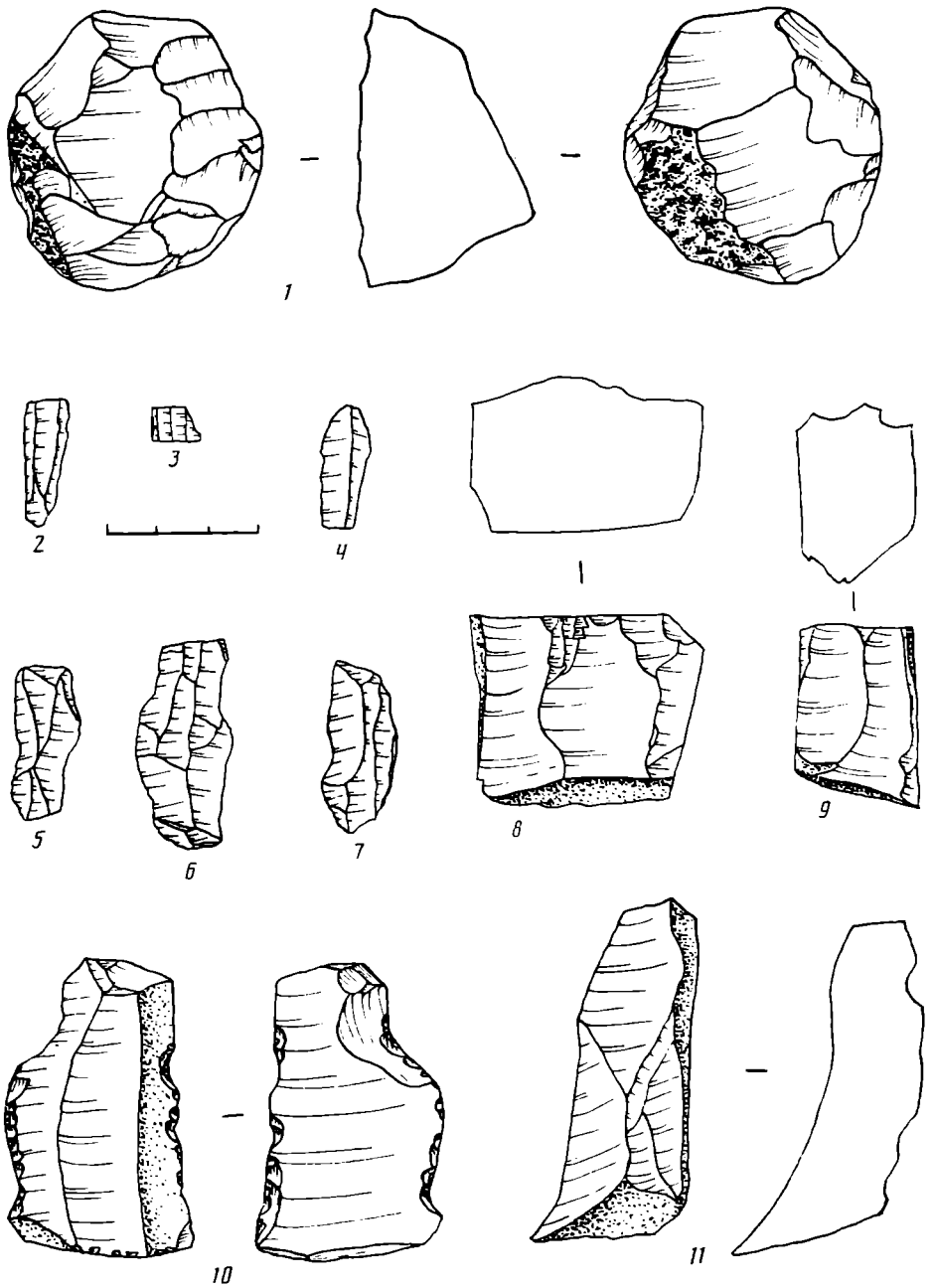


Рис. 3. Каменные изделия: *1—7* — Голокаменская мастерская, *8—11* — поселение Серый Камень

ружены изделия очень архаичных форм: нуклеусы дисковидной и поддисковидной формы (рис. 2, *5*; 3, *1*), скребла мустьерского типа, отщепы с гладкой ударной площадкой, направленной под тупым углом к плоскости скалывания. Являются ли они действительно палеолитическими изделиями, или эта примитивная техника обработки и архаичность форм отражает сущность мастерской для первичного раскалывания камня — еще предстоит выяснить будущим исследователям. Также как и вопрос о датировке макролитов Гальянской стоянки, находящейся недалеко от мастерской на восточном склоне Голого Камня. Пока факты свидетельствуют о том, что макролитам Гальянской стоянки нет места в мезолитических комплексах Среднего Зауралья. Видимо, они имеют еще более древний возраст.

Изучение материалов мастерской и близлежащих мезолитических памятников позволяет подойти к решению одного интересного вопроса.

Вокруг Голого Камня находятся три бывших озера: Горбуновский торфяник — 8 км, Полуденское болото — 16 км, Черноисточинский пруд — 21 км. На каждом из озер есть долговременное мезолитическое поселение: на Горбуновском торфянике — Серый Камень, на Полуденском бо-

лоте — Полуденка II, на Черноисточинском пруду — Крутяки I. На всех этих памятниках найдены изделия из голокаменского сырья. На Сером Камне 22,4% всех изделий изготовлено из голокаменского материала. Кроме того, голокаменское сырье присутствует и на других памятниках Горбуновского торфяника — I, II, III и VI Береговых стоянках. На Полуденке II 20% нуклеусов изготовлено из голокаменского материала (на смешанных памятниках, где выделение чистых мезолитических комплексов затруднительно, сравнение проводится по отдельным типам изделий). Голокаменское сырье встречено на Полуденке III и V; на Крутяках I из голокаменского материала изготовлено 12,6% отщепов, 17,3% пластинок и 24,14% нуклеусов. Изделия из голокаменского материала имеются и на Крутяках II, IX, Ха.

Других долговременных поселений в этом районе больше нет, а на речных кратковременных стоянках (Боровка II, Баранчинская, Баранча II, Мурино, Ашка II) голокаменский материал встречается в небольших количествах.

Отсюда можно сделать вывод, что голокаменская мастерская «обслуживала» три каких-то родственных группы населения, объединенных между собой в рамках более крупного социального подразделения. А находки голокаменского сырья на кратковременных озерных и речных стоянках позволяют очертить границы территориальных владений данного социального подразделения. Если за центр владений принять Голокаменскую мастерскую, получится овал, вытянутый вдоль Уральского хребта на протяжении 50—55 км и шириной до 20 км. Расстояние между базовыми памятниками внутри этой территории 16—23 км.

Известны три памятника с голокаменским сырьем, которые находятся далеко за пределами данной территории. В 43 км к юго-западу от Голокаменской мастерской за Уральским хребтом находится стоянка Ашка II, в 72 км на северо-восток на берегу Юрьинского озера — стоянка Кокшарово XIII и в 98 км к югу на берегу озера Таватуй — стоянка Таватуй VI. По своим качествам голокаменское сырье заметно уступает более распространенным кремнистым сланцам, а тем более — яшме, поэтому трудно представить, что оно могло служить объектом обмена. На наш взгляд, это следы непосредственного проникновения населения Голокаменской группы на территории соседних и, видимо, родственных социальных подразделений.

Возможно, данные факты являются отражением социально-племенной организации мезолитического населения в Среднем Зауралье. На Южном Урале Г Н. Матюшин выделяет три порядка расстояний между группами и предполагает, «что промежутки в 15—30 км отражают расстояние между поселениями родовых общин, 60—70 км — расстояние между поселениями племен, а расстояние в 120—200 км — между группами племен [27, с. 277—278]. Результаты наших исследований в целом соответствуют наблюдениям Г. Н. Матюшина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кипарисова Н. П.* Новые данные об археологических памятниках Тагильского края//Уч. зап. ПГУ. 1956. Т. XI. Вып. 3.
2. *Раушенбах В. М.* Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилом//СА. 1961. № 2.
3. *Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита//История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968.
4. *Чернецов В. Н.* Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита//Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
5. *Бадер О. Н.* Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала// МИА. 1960. № 79.
6. *Бадер О. Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита//МИА. 1966. № 126.
7. *Брюсов А. Я.* Мезолитическая неурядица//Историко-археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1962.
8. *Окладников А. П.* К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия)//МИА. 1966. № 126.
9. *Петрин В. Т., Смирнов Н. Г.* Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола//ВАУ. 1975. Вып. 13.

10. *Петрин В. Т.* Исследования палеолитической стоянки Могочино I на Оби//АО — 1977. М., 1978.
11. *Бадер О. Н., Сериков Ю. Б.* Палеолитическое местонахождение в Гарях//СА. 1981. № 2.
12. *Абрамова З. А., Матюшенко В. И.* Новые данные о Томской палеолитической стоянке//ИИС. 1973. Вып. 5.
13. *Генинг В. Ф., Петрин В. Т., Косинская Л. Л.* Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири//ИИС. 1973. Вып. 5.
14. *Петрин В. Т., Смирнов Н. Г* Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала//ВАУ. 1977. Вып. 14.
15. *Петрин В. Т., Полушкин Н. А., Шевцова Л. Б.* Исследование памятников на озерах Среднего Зауралья//АО — 1976. М., 1977.
16. *Стоянов В. Е., Крижевская Л. Я., Старков В. Ф.* Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети//ВАУ. 1977. Вып. 14.
17. *Дрябина Л. А., Горбунова А. М., Нохрина Т. И., Петрин В. Т., Чемякин Ю. П.* Разведки на Урале и в Западной Сибири//АО — 1974. М., 1975.
18. *Старков В. Ф., Сериков Ю. Б.* Стоянка Полуденка II в Среднем Зауралье//СА. 1975. № 2.
19. *Сериков Ю. Б.* Исследование мезолита в лесном Зауралье//АО — 1975. М., 1976.
20. *Мельничук А. Ф.* Разведки в Соликамском районе Пермской области//АО — 1977. М., 1978.
21. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
22. *Сериков Ю. Б.* Исследования Кокшаровского торфяника//АО — 1980. М., 1981.
23. *Сериков Ю. Б.* Микролитический комплекс стоянки Крутяки I//ВАУ. 1981. Вып. 15.
24. *Сериков Ю. Б.* Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье)//СА. 1983. № 1.
25. *Сериков Ю. Б.* Новые памятники Горбуновского торфяника//СА. 1984. № 2.
26. *Сериков Ю. Б.* Мезолит Среднего Зауралья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 00.07.06. Л., 1984.
27. *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976.

Б. Д. МИХАЙЛОВ

КУРГАН ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ВБЛИЗИ КАМЕННОЙ МОГИЛЫ

В 1983 г. на западной окраине с. Новофилипповка Мелитопольского р-на Запорожской обл., в 700 м к востоку от Каменной Могилы, автором раскопан курган эпохи ранней бронзы.

Курган (высота — 2,3, диаметр — 44×48 м) располагался на первой пойменной террасе левого берега р. Молочной. Насыпь состояла из четырех подсыпок. Первая, основная (диаметр 15×15 м), из смешанного серого грунта и светло-желтого песка сарматского яруса, происходящего с холма Каменной Могилы (рис. 1, *I*), была покрыта слоем чистого песка (мощность 10—14 см). Вторая (24,6×24,6 м) — из смешанного серого грунта и темно-красной скифской глины (рис. 1, *II*), выходы которой имеются на правом берегу долины р. Молочной вблизи Каменной Могилы. Третья (31×31 м) подсыпка совершена из черного ила р. Молочной (рис. 1, *III*). Четвертая (44×48 м) — из темно-серого грунта (чернозем) (рис. 1, *IV*). Во второй подсыпке кургана на погребенном грунте найдена антропоморфная стела миндалевидной формы (рис. 1, *V*; 2). Всего в кургане выявлено четыре погребения древнеямного времени и одно кеми-обинской (?) культуры.

Погребение 1 (древнеямное) находилось в южной части кургана и впущено через все три подсыпки насыпи. Могила ориентирована по линии северо-восток — юго-запад (длина 1,9, ширина 1,05, глубина 0,4 м). Костяк очень плохой сохранности лежал на правом боку, с сильно подогнутыми ногами, головой к северо-востоку, лицом к северу, руки вытянуты вдоль туловища и положены на колени. Вблизи головы с правой стороны лежали два куска охры: первый (10×15 см) фиолетового и второй (8×10 см) ярко-красного цвета (рис. 1, *I*).

Погребение 2 (древнеямное, основное) находилось в центре первичной насыпи (диаметр 15×15 м). Могила ориентирована по линии северо-восток — юго-запад (длина 1,95, ширина 1,48, глубина 0,95 м). На дне могилы на камышовой подстилке лежал на правом боку, с подогнутыми в коленях ногами костяк очень плохой сохранности, головой к се-

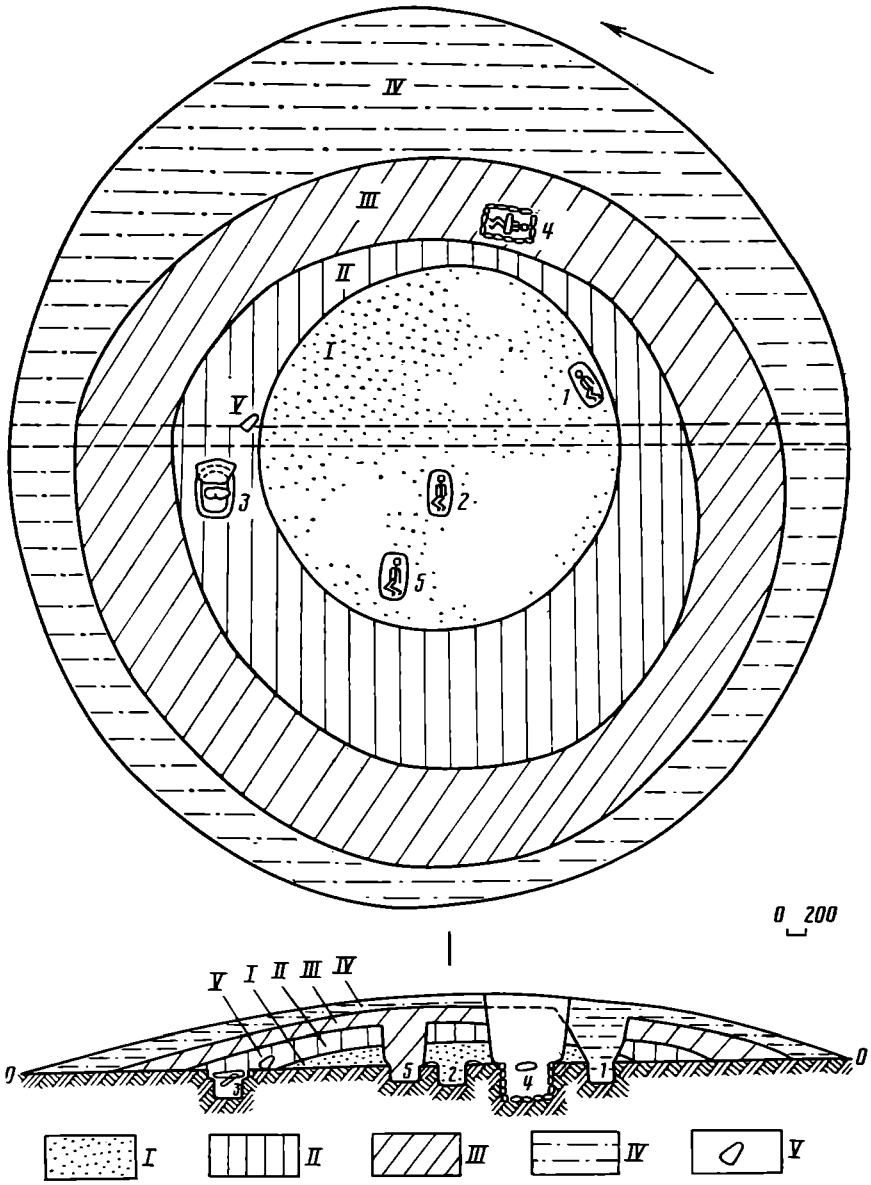


Рис. 1. План кургана эпохи ранней бронзы в с. Новофилипповка на Мелитопольщине. *I* — подсыпка из светло-желтого песка; *II* — подсыпка из красной скифской глины; *III* — подсыпка из речного черного ила; *IV* — подсыпка из темно-серого грунта (чернозема); *V* — антропоморфная стела

веро-востоку, лицом к северу. Вблизи головы с правой стороны находился неопределенный деревянный предмет плохой сохранности (рис. 1, *2*).

Погребение 3 (древнеямное) сооружено в северном секторе у подошвы первичного кургана (рис. 1, *3*). Могила овальных очертаний с круговым выступом (ширина 0,3, глубина 0,35 м), ориентированная по линии северо-восток — юго-запад (длина 1,8, ширина 1,2, глубина 0,3 м), была перекрыта антропоморфной стелой и массивной плитой из каменномогильского песчаника (рис. 3). Антропоморфная стела (высота 0,98, ширина 0,6, толщина 0,16 м) представляет собой плохо обработанную скульптуру (рис. 4), голова которой едва отмечена выступом. На лицевой стороне плиты просматривается рельефное изображение согнутой в локте руки, держащей в ладони асимметричный кинжал. На руке нанесена узкая и неглубокая бороздка (длина 5 см). Песчаниковая плита овальной конфигурации (длина 1,3, ширина 0,8, толщина 0,3 м), на лицевой ее стороне расположены четыре рисунка-бороздки (длина 18—25 см). На восточной стороне выступа могилы прослежены фрагменты черепа, ребер и конечностей, по-видимому, детского костяка, обильно покрытые ярко-красной охрой. Рядом стоял лепной, с ракушкой в тесте сосуд яйцевидной формы, светло-коричневого цвета (высота 13,2 см), с прямым, чуть отогнутым венчиком, покрытый по тулову косым пятиярусным накольчатым орнаментом. В нижней части тулова сосуда нане-

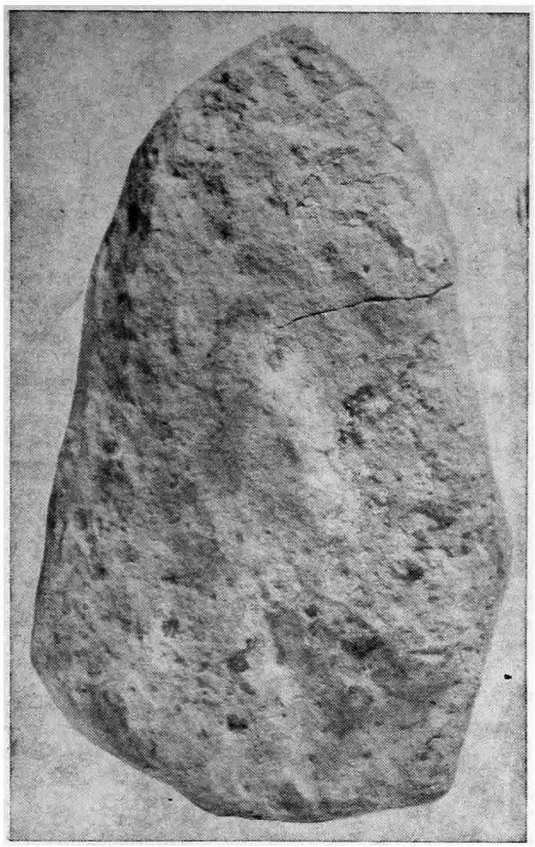


Рис. 2. Антропоморфная стела из насыпи кургана эпохи ранней бронзы в с. Новофилипповка на Мелитопольщине

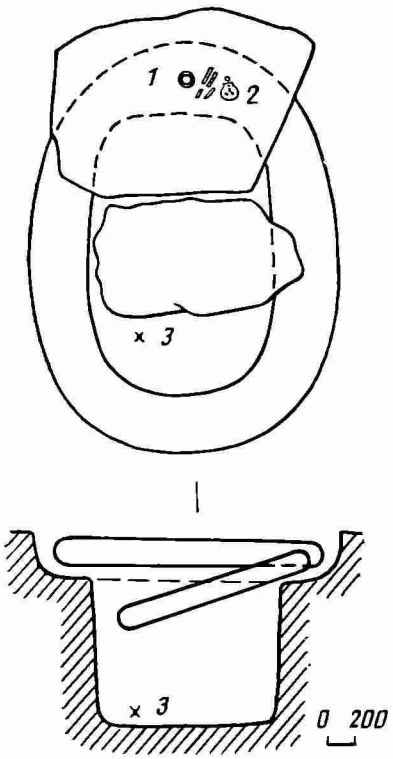


Рис. 3. План древнеямного погребения 3 из кургана эпохи ранней бронзы в с. Новофилипповка на Мелитопольщине. *1* — сосуд; *2* — фрагменты костяка; *3* — кремневая ножевидная пластина

сена опоясывающая ломаная линия, на дне растительный рисунок (рис. 5). На дне могилы лежала короткая и широкая кремневая пластина (длина 5,1, ширина 2,8 см) (рис. 6, *1*) с незначительной патинизацией, со следами изношенности по краям.

Погребение 4 (кеми-обинское?) находилось в восточной части кургана и впущено через все подсыпки насыпи. Могила, ориентированная по линии северо-запад — юго-восток (рис. 1, *4*), представляла собой гробницу (длина 1,8, ширина 0,9, глубина 0,9 м), стенки которой сложены в семь рядов из плитчатого понтического известняка. Отложения этого известняка имеются на противоположном правом берегу долины р. Молочной вблизи с. Терпенье. Для связки известняка была использована желто-зеленая илистая глина лёссового происхождения, выходы которой известны у подножья Каменной Могилы. На стенках гробницы, перекрывая могилу, лежала массивная плита из песчаника Каменной Могилы (длина 1,2, ширина 0,7, толщина 0,3 м), прослежен также заклад из рваного известняка. Погребение было заполнено также многочисленным рваным известняком и темно-серым грунтом, в котором встречались фрагменты расчлененного детского костяка (рук, ног, таза). На дне могилы лежал костяк взрослого человека на правом боку, с сильно скорченными в коленях ногами, головой на юг, руки вытянуты вдоль туловища. Вокруг головы на дне могилы прослежено пятно красной охры (диаметр — до 35 см). На уровне плеча возле восточной стенки могилы лежали череп и четыре ребра от расчлененного детского костяка, а также два обожженных фрагмента локтевой кости[1]. Вещей при погребенном не найдено.

Погребение 5 (древнеямное) находилось в западной части кургана, впущено в первичную и вторичную насыпи (рис. 1, *V*). Могила пря-

[1] Определение проведено С. И. Круц в Институте археологии АН УССР.

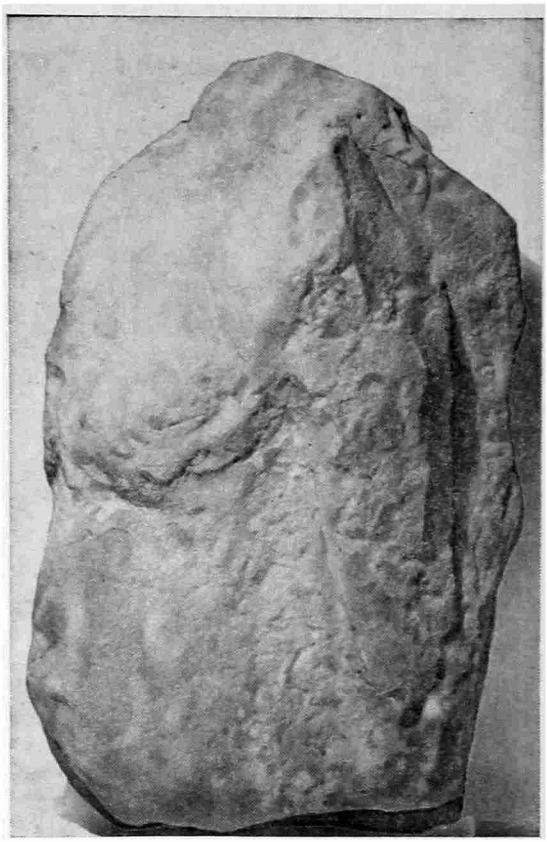


Рис. 4, *1*

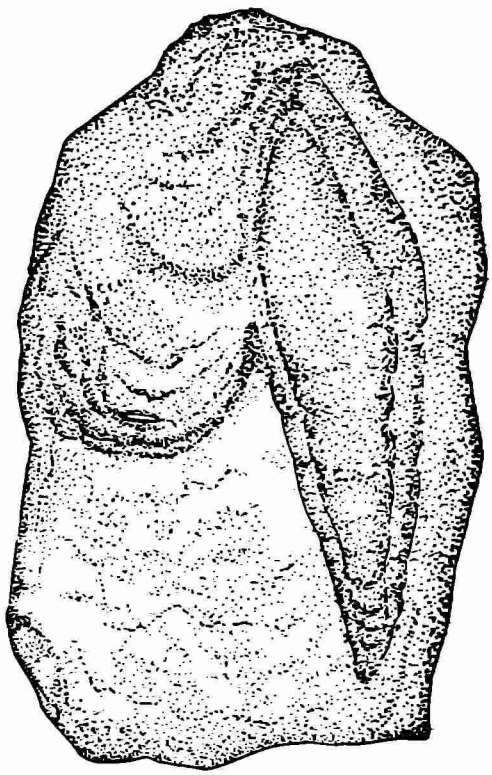


Рис. 4, *2*

Рис. 4. Антропоморфная стела из погр. 3 кургана эпохи ранней бронзы в с. Новофилипповка на Мелитопольщине. *1* — фото; *2* — прорисовка

моугольная, ориентирована по линии северо-восток — юго-запад (длина 1,9, ширина 1,35, глубина 0,65 м). Засыпка могильной ямы, как и курганная подсыпка, состояла из черного ила. На дне могилы находился костяк взрослого человека с сильно подогнутыми в коленях ногами, на правом боку, головой на восток, лицом к северу. Правая рука лежала вдоль туловища, а левая — кистью на бедре. На уровне плеч костяка с левой стороны прослежены красная охра и обломок каменномогильского песчаника (длина 9, ширина 7, толщина 3,3 см). Справа лежала песчаниковая плитка (рис. 6, *2*) со следами оббивки и шлифовки (длина 11, ширина 8,5, толщина 3,8 см), в центре которой нанесена широкая и короткая бороздка (длина 5, ширина 0,8 см).

Исследованные древнеямные погребения конструктивно (прямоугольные и овальные с восточной ориентировкой костяков) типичны для этого времени и известны как в бассейне р. Молочной [1, с. 85, табл. I, *2*], так и за ее пределами [2, с. 291, 292; 3, с. 61—67].

Исключение представляет погребение 4 в виде каменной гробницы, сложенной из плитчатого известняка и конструктивно напоминающей каменный ящик кеми-обинского времени в Крыму [4, с. 333—334].

Значительный интерес представляет песчаниковая антропоморфная стела миндалевидной формы, с намеченными плечами, без головы (рис. 2), относящаяся к первому типу древнейших стел, выделенных А. А. Формозовым [5, с. 179].

Чрезвычайно интересна антропоморфная стела из погр. 3 в виде плохо обработанной плиты из каменномогильского песчаника, голова которой отмечена выступом (второй тип, по А. А. Формозову). На лицевой стороне стелы имеется рельефное изображение согнутой в локте правой руки с бороздкой (рис. 4), известные на аналогичных стелах в бассейне р. Молочной [6, с. 228—232], в многочисленных петроглифах Каменной Могилы [7, с. 34—39, рис. 16, 17]. Изображенный на стеле кинжал асимметричной формы известен в древнеямное время [8, с. 54, рис. 40, *3*].

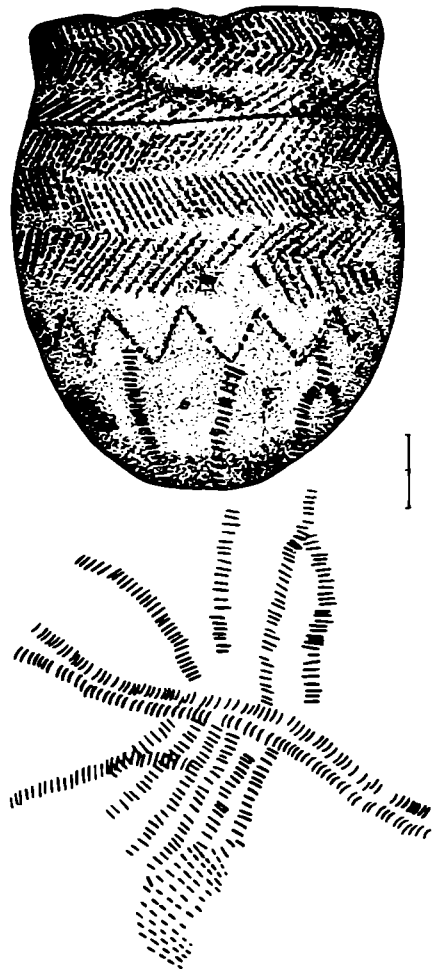


Рис. 5. Сосуд с рисунком из погр. 3 кургана эпохи ранней бронзы в с. Новофилипповка на Мелитопольщине

Рис. 5

Рис. 6. Инвентарь из кургана эпохи ранней бронзы в с. Новофилипповка на Мелитопольщине. *1* — кремневая пластина из погр. 3; *2* — песчаниковая плитка с бороздкой из погр. 5

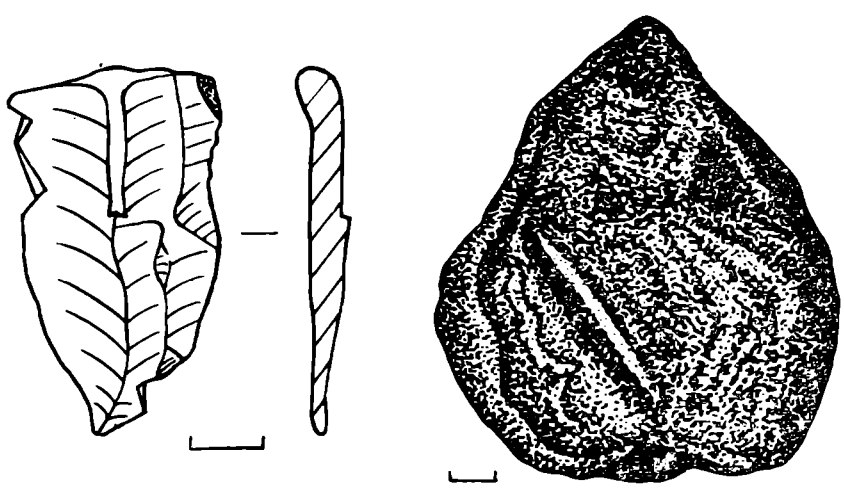


Рис. 6

Сосуд с прямым, незначительно отогнутым венчиком принадлежит к типу сосудов среднего слоя Михайловки II и хут. Репино (рис. 5). Аналогичные сосуды известны в кургане вблизи с. Вольногрушевка Вольнянского р-на Запорожской обл. [9, с. 5, рис. 1, *1*]; в кургане погр. 7 вблизи с. Верхняя Маёвка на Днепропетровщине [10, с. 61, рис. 12, *7*]; в погребении кургана 2 вблизи с. Быково Волгоградской обл. [11, с. 169—268]; в кургане 6, погр. 6—9, в кургане 1, погр. 3—5, 10, около с. Кремневка на Дону [12, с. 61—67, рис. 2, *3*, 3, *2*, 6, *3*] и др.

Ножевидные, короткие и широкие пластины известны в погр. 18 и 40 энеолитического времени Мариупольского могильника [13, с. 84, рис. 52—54].

Учитывая приведенные аналогии, рассмотренные нами древнеямные погребения следует датировать серединой III тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пешанов В. Ф.* Результаты археологічних робіт на р. Чингулі в 1950 р.//АП. 1956. Т. VI.
2. *Бодянский А. В.* Древнеямное погребение с антропоморфной стелой//СА. 1964. № 1.
3. *Константинеску Л. Ф.* Ранньоямні поховання північно-східного Подоння//Археологія. 1984. Вып. 45.
4. Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
5. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969.
6. *Михайлов Б. Д.* Курганы эпохи бронзы в Северном Приазовье//СА. 1985. № 2.
7. *Рудинський М. Я.* Кам'яна Могила. Киев: Вид-во АН УССР, 1961.
8. *Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Е. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Ново-Пилипівка радгоспу «Аккермень»//АП. 1961. Т. VIII.
9. *Телегин Д. Я., Братченко С. Н.* Материалы раннего энеолита, погребения ямной и катакомбной культур//Вильянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
10. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П., Лихачев В. А., Попцов В. А.* Исследования курганных могильников у с. Верхняя Маёвка в Степном междуречье рек Орели и Самары//Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1977.
11. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы//МИА. 1960. № 78.
12. *Константинеску Л. Ф.* Раньоямні поховання північно-східного Подоння//Археологія. 1984. Вып. 45.
13. *Макаренко М.* Мариупольский могильник. Киев, 1933.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА, В. Н. КАМИНСКИЙ

МИХАЙЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КОНЦА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ЗАКУБАНЬЕ

Как недавно установлено, в степном Прикубанье, а также в Нижнем Подонье, включая Нижний Маныч, в эпоху поздней бронзы на белозерском, финальном этапе обитало население позднесрубной культуры. Существование позднесрубной культуры на этом этапе определено по погребальным комплексам, содержащим бронзовые ножи белозерского типа. По обряду эти погребения типично срубные. На Нижнем Дону известны пять таких комплексов. На Кубани, где позднесрубных погребений обнаружено примерно в 9—10 раз меньше, чем в Нижнем Подонье, открыты два таких комплекса. Но на Кубани одно из двух погребений с белозерскими ножами принадлежит позднесрубной культуре (Пролетарский могильник, Кореновский р-н Краснодарского края). Второе кубанское погребение происходит из Михайловского курганного могильника в Закубанье (Курганинский р-н Краснодарского края) и связано с другой культурной группой. Погребениям поздней бронзы из этого могильника и посвящается настоящая статья.

Михайловский могильник, исследованный в 1985 г. [1], входит в курганную группу из 23 курганов (16 раскопано), располагающихся на краю коренной террасы р. Чамлык, впадающей в Лабу, левый приток Кубани. Высота коренного берега достигает здесь 2,5—3 м. В 5 км к востоку от курганной группы местность, плавно повышаясь, переходит в возвышенность, разделяющую долины Лабы и Кубани. Очевидно, местность, где располагалась данная курганная группа, являясь типичной предгорной равниной с речками (Синюха, Чамлык, Лаба), в древности могла быть лесостепью.

В могильнике выявлено 13 погребений интересующего нас периода. Эти погребения впущены в курганы эпохи ранней и средней бронзы (основные погребения принадлежат северокавказской культуре): в четырех курганах по три захоронения и в одном кургане одно захоронение. Контуры могильных ям прослежены лишь у одного захоронения (кург. 7, погр. 11).

Курган 7 — высота 1,5, диаметр 50 м; содержал три погребения эпохи поздней бронзы (№ 6, 10, 11), располагавшихся в разных частях насыпи.

Рис. 1. *1* — кург. 7, погр. 6; *2* — — кург. 7, погр. 10; *3* — кург. 9, погр. 9; *4* — кург. 8, погр. 8; *5* — кург. 9, погр. 19; *6* — кург. 12, погр. 17; *7* — кург. 12, погр. 16; *8* — кург. 9, погр. 20; *9* — кург. 7, погр. 11 (*а* — подстилка коричневого и белого цвета; *б* — подстилка коричневого цвета; *в* — охра; *г* — костный тлен; *д* — материк)

Погребение 6 обнаружено вблизи центра кургана, в 2,1 м к северо-западу от него, на глубине 1,7 м от поверхности насыпи. Детский костяк плохой сохранности. Умерший сильно скорчен на правом боку, ориентирован на юго-запад; руки сильно согнуты в локтях и направлены к лицу (рис. 1, *1*). Инвентарь отсутствует.

Погребение 10 обнаружено в 4 м к юго-западу от центра кургана, на глубине 2,13 м от поверхности насыпи. Детский (?) костяк скорчен, положен на спину, ориентирован на юго-восток (рис. 1, *2*); руки, чуть со-

гнутые в локтях, протянуты вдоль тела. Ноги, сильно согнутые в коленях, подтянуты стопами к тазу и лежат на правой стороне. Инвентарь отсутствует.

Погребение 11 обнаружено в 9 м к юго-востоку от центра кургана, на глубине 2,45 м от него и 2 м от поверхности насыпи. Контуры могильной ямы выявлены на материке частично у ее дна. Могила прямоугольных очертаний: длина ее 1,4, ширина 1,15 м; ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток. На дне могилы находился костяк взрослого плохой сохранности (рис. 1, *9*). Умерший скорчен на спине (?), ориентирован на северо-восток; руки вытянуты вдоль тела. Согнутые в коленях ноги лежат на правой стороне, стопы подтянуты к тазу. Под костяком прослежены две прослойки органической подстилки коричневого и белого цвета. На дне могилы вокруг стоп видна посыпка охрой. Инвентарь отсутствует.

Курган 8 — высота 0,4, диаметр 40 м; под ним найдено одно погребение (№ 8) эпохи поздней бронзы. *Погребение* обнаружено в 6,4 м к юго-западу от центра кургана, на глубине 1,03 м от него и 0,96 м от поверхности насыпи. Обнаруженный костяк взрослого плохой сохранности сильно скорчен на правом боку, ориентирован на северо-восток; положение рук неопределимо (рис. 1, *4*). В 0,15 м к юго-востоку от бедренных костей лежал обломок стенки сосуда (3,2×2,2×0,9 см); в глиняном тесте серого цвета содержалась примесь дресвы.

Курган 9 — высота 1,08, диаметр 45 м; содержал три погребения эпохи поздней бронзы (№ 9, 19, 20), находившихся в его юго-западной полé. *Погребение 9* обнаружено в 11 м к западу от вершины кургана, на глубине 1,47 м от него и 1,17 м от поверхности насыпи. Костяк взрослого средней сохранности покоился на спине, ориентирован на юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела; ноги, согнутые в тазобедренном и коленном суставах под прямым углом, лежали на правой стороне (рис. 1, *3*). Инвентарь отсутствует.

Погребение 19 обнаружено в 10 м к юго-западу от центра кургана, на глубине 2,17 м от него и 1,87 м от поверхности насыпи. Костяк подростка (?) скорчен на левом боку (рис. 1, *5*). Судя по положению костей, ориентирован на восток (череп и кости рук, кроме одной плечевой кости, не сохранились). Ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, в коленных — под острым. Инвентарь отсутствует.

Погребение 20 обнаружено в 20 м к западу от центра кургана, на глубине 1,94 м от него и 1,65 м от поверхности насыпи. Костяк взрослого скорчен на левом боку, ориентирован на юг (рис. 1, *8*). Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута под прямым углом и лежит предплечьем вдоль тела, кистью на локте левой. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, в коленных — под острым, стопы подтянуты в тазу. Инвентарь отсутствует.

Курган 11 — высота 2,5 м с юга и 2,80 м с севера, диаметр 56 м; содержал три погребения эпохи поздней бронзы (№ 7, 8, 11), располагавшиеся в юго-восточной полé кургана.

Погребение 7 обнаружено в 24 м к юго-востоку от центра кургана, на глубине 4,94—5,04 м от него и 2,76 м от поверхности насыпи. Костяк взрослого скорчен на левом боку, ориентирован на северо-восток (рис. 2, *2*). Кисти согнутых в локтях рук покоились перед лицом. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, в коленных — под острым, стопы поджаты к тазу. Под черепом с левой стороны найдена бронзовая височная подвеска в 1,5 оборота, изготовленная из узкой полоски (рис. 2, *1*). Размеры подвески 1,1×0,9 см. В 6 см от левого колена лежала темная плоская галька неправильной формы, размерами 5,4×2,4×1,1 см.

Погребение 8 обнаружено в 20 м к юго-востоку от центра кургана, на глубине 3,98 м от него и 2,23 м от поверхности насыпи. Костяк плохой сохранности ориентирован на северо-запад (сохранились только кости черепа и тлен от костей рук) (рис. 2, *3*). В 8 см к югу от черепа стоял грубоватый горшочек серого цвета: короткий и прямой венчик переходил

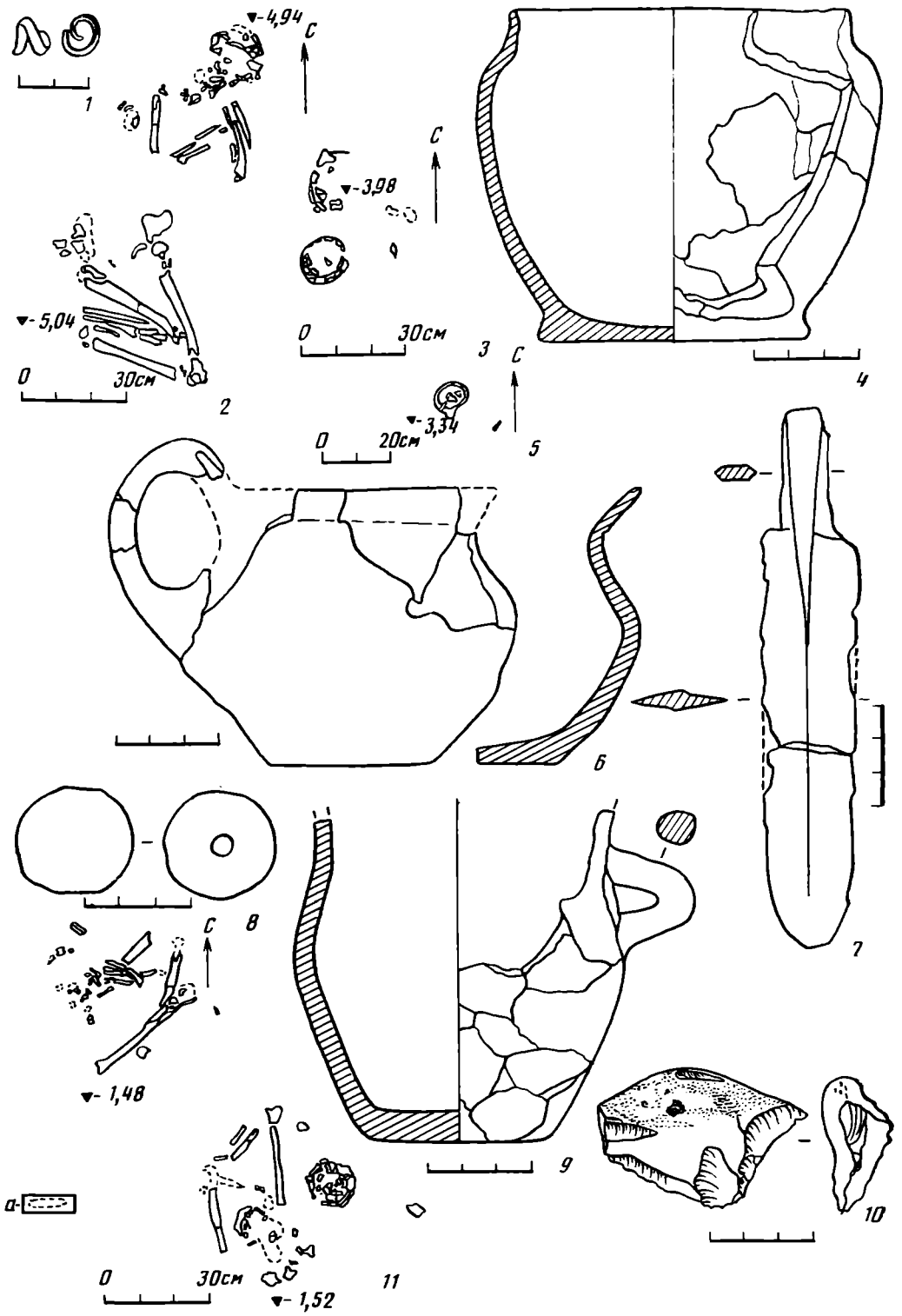


Рис. 2. *1, 2* — кург. 11, погр. 7; *3, 4* — кург. 11, погр. 8; *5—7* — кург. 11, погр. 10; *8—11* — кург. 12, погр. 21; *а* — костный тлен (*1, 7* — бронза; *4, 6, 8, 9* — глина, *10* — кремень)

в четкие, сравнительно крутые плечики; у дна закраина (рис. 2, *4*). Глиняное тесто содержит примесь шамота, черепок в изломе темный, обжиг неравномерный. Высота сосуда 10 см.

Погребение 10 открыто в 21,4 м к юго-востоку от центра кургана, на глубине 3,34 м от него и 1,36 м от поверхности насыпи. От костяка взрослого сохранились лишь фрагменты костей ног, положение и ориентировка костяка неопределимы. В погребении сохранился in situ черпак и бронзовый нож (рис. 2, *5—7*). Черпак резко профилирован: отогнутая наружу шейка переходит в довольно крутые бока. Ручка, овальная в сечении, возвышается над венчиком (рис. 2, *6*). Поверхность черпака

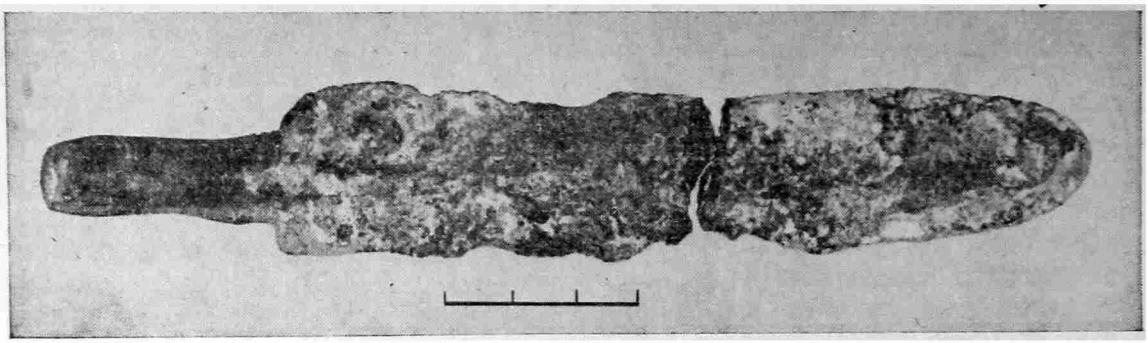


Рис. 3. Бронзовый нож из погр. 10, кург. 11

серого цвета, шершавая (черепок в изломе черный), но местами под серой поверхностью просматривается желтовато-оранжевый цвет. В глиняном тесте примесь шамота, обжиг неравномерный. Высота черпака 8,2, диаметр венчика 7,6, диаметр самой широкой части тулова около 10, диаметр дна 5 см.

Бронзовый нож с параллельными краями лезвия и подромбическим сечением имел трещину поперек лезвия (рис. 3). Вдоль лезвия идет широкая грань, сужающаяся к его середине и переходящая в ребро. Длина ножа 16,2, ширина 2,7, длина черенка 3,5, ширина его 1,3 см.

Курган 12 — высота 0,3, диаметр 34 м; в нем открыто три погребения поздней бронзы (№ 16, 17, 21).

Погребение 16 обнаружено в 4 м к востоку от центра кургана, на глубине 1,1 м от него и 1,05 м от поверхности насыпи. Костяк взрослого плохой сохранности лежал на спине, ориентирован на юго-восток (от черепа уцелела in situ нижняя челюсть) (рис. 1, 7). Сильно согнутые в локтях руки кистями покоились на груди. Ноги, согнутые в тазобедренных суставах почти под острым углом, лежали на правой стороне. Инвентарь отсутствует.

Погребение 17 обнаружено в 7 м к северо-востоку от центра кургана, на глубине 1,32 м от него и 1,24 м от поверхности насыпи. Костяк взрослого сильно скорчен и лежал ничком, завалившись на левый бок, ориентирован на северо-запад (рис. 1, *6*). По положению костяка можно предположить, что умерший был туго связан: согнутые в локтях руки и в коленях ноги были плотно прижаты к телу. Инвентарь отсутствует.

Погребение 21 открыто в 10,4 м к востоку от центра кургана, на глубине 1,52 м от него и 1,42 м от поверхности насыпи. Погребение принадлежит взрослому человеку. Костяк средней сохранности лежал на правом боку, ориентирован на юго-восток (череп покоился на затылочной кости) (рис. 2, *11*). Предплечье левой, согнутой в локте руки лежало на груди; плечевая кость правой руки вытянута вдоль тела (правое предплечье не сохранилось). Ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, в коленных — под острым. В 30 см к востоку от черепа лежал кремневый скребок (рис. 2, *10*) серого цвета и с притупляющей ретушью (размеры скребка 6×4×2 см). В 8 см к востоку от плечевой кости находился сосуд с небольшой ручкой, почти округлой в сечении и расположенной ниже края венчика (рис. 2, *9*). Сосуд слабо профилирован: край относительно высокого и слегка отогнутого венчика обломан, бока покатые. В глиняном тесте примесь дресвы, обжиг неравномерный. Высота сосуда 9,7, диаметр венчика 8,7, диаметр дна 5,2 см. В 6 см к востоку от нижнего конца плечевой кости найдено глиняное пряслице округлой формы (рис. 2, *8*). Изделие сформовано грубо, размеры его 3,3×3 см, диаметр отверстия 0,6—0,7 см.

Описанным погребениям, сохранность которых в целом средняя, свойствен обряд скорченного трупоположения. Однако строгий порядок в характере трупоположения, а также в ориентировке отсутствует. Вполне вероятно, что это обстоятельство является характерной чертой погребального обряда культуры данного населения.

Скорченные погребенные лежат на левом либо на правом боку или на спине, но так, что согнутые ноги лежат справа. Степень скорченности умерших тоже различна — от сильной до слабой.

Ориентировка погребенных различна, без преобладания какого-либо направления: в двух случаях на восток и северо-запад, в трех — на юго-восток и северо-восток; по одному — на юг и юго-запад. Какой-либо закономерности в сочетании ориентировки и характера трупоположения не наблюдается. Подстилка и слабые пятна охры встречены лишь в одной могиле (№ 7/11). Кости животных отсутствуют.

Погребения довольно бедны инвентарем, который обнаружен лишь в пяти могилах. Причем в одной из них находились бронзовая подвесочка и галька.

Бронзовая подвеска в 1,5 оборота (рис. 2, *1*) находит аналогии среди изделий этой категории в кобанской культуре, бытовавших на ее I и II этапах [2 рис. 114, *1—4*; 3, с. 36, 38, табл. XIII, *21*].

Бронзовый нож с узкими плечиками и параллельными краями лезвия на погр. 10 кург. 11 (рис. 3) принадлежит к характерному типу ножей белозерской культуры Северного Причерноморья. Ножи данного типа распространены по всему ареалу белозерской культуры, от Поднепровья [4, с. 139, 140, рис. 42, *2—4*] до междуречья Днестра и Дуная [5, рис. 38, 34], а также за его пределами (помимо Кубани): Нижнее Подонье с Нижним Манычем и дельта Дона с кобяковскими поселениями [6, с. 62, табл. XXXIII, *16*, *20*], лесостепная Донетчина [7, рис. 6, *2*], степное Поволжье [8, рис. 37, *2*], Волго-Камье [9, табл. 18, 53, *5*, *11*] и бассейн Суры [10, рис. 2, *1*].

Находка белозерских ножей к востоку от Северного Причерноморья свидетельствуют о контактах населения различных культур. Среди металлических изделий степных типов эпохи поздней бронзы (кельты, ножи с ромбическим или круглым упором, копья с прорезями на пере), известных в немалом числе в составе случайных находок, кладов и реже в могилах на Северном Кавказе, включая Северо-Западное Предкавказье, ножи белозерского типа лишь недавно обнаружены в 2 экз. (один из них из рассматриваемого могильника). Эти ножи, как и указанные нами металлические изделия срубной и белозерской культур на Северо-Западном Кавказе, говорят об импорте и влияниях, идущих в данный регион с севера.

В нашем же михайловском комплексе вместе с ножом найден черпак (рис. 2, *6*). По форме он напоминает резко профилированные кру́жки второго типа с поселения Сержень-Юрт кобанской культуры [5, с. 80, табл. LIV, *7*]. Большинство кружек этого типа В. И. Козенкова относит к первому этапу кобанской культуры (рубеж II—I тыс. — первой половины VII в. до н. э.) [5, с. 80, 84, 85]. Второй сосуд из Михайловского могильника, находившийся в одном комплексе с глиняным пряслицем и кремневым скребком (рис. 2, *8—10*), представляет собой очень слабо профилированную кружку с небольшой ручкой; форму эту можно сближать с кру́жками первого типа из того же Сержень-Юрта [5, с. 79, табл. LIV, *8*]. Кру́жки первого типа были распространены, как считают, на I и II этапах кобанской культуры; генетически этот тип связывают с более древними формами, бытовавшими во второй половине II тыс. до н. э. на Северо-Восточном Кавказе [3, с. 80]. Третий сосуд из Михайловского могильника — плавно профилированный горшочек с коротким венчиком (рис. 2, *4*). Форма этого сосуда в целом характерна для сосудов конца бронзового века на юге Восточной Европы. На ближайшей территории михайловскому горшку близки в определенной мере некоторые формы из поселения Кобяково в дельте Дона [6, табл. I, *4*, V, *1*] и горшок из погребения конца бронзового века в степном Прикубанье (Батуринский I), в котором находился также и черпак.

Такие черты в обряде михайловских погребений, как разнообразие скорченных трупоположений, неустойчивая ориентировка, свойственны и захоронениям кобанской культуры. Но сходство в обряде только этим и ограничивается. В отличие от кобанских могил михайловские захоро-

нения скромнее, в них отсутствуют угольки и кости животных, столь характерные для кобанских погребений [11, с. 21—27]. То же касается и инвентаря (для кобанских погребений характерно большое число разнообразных сосудов и других категорий изделий). Вместе с тем, как было показано, весьма немногочисленный инвентарь михайловских захоронений обнаруживает определенное сходство с раннекобанскими изделиями (височная подвесочка, черпаки-кружки), а также содержит изделие белозерской культуры Северного Причерноморья (нож).

Сочетание в комплексах степных, позднесрубных — сабатиновских, а также белозерских изделий с прикубанскими и кобанскими типами хорошо известно и очень показательно для синхронизации и хронологии раннего этапа кобанской культуры. К таким комплексам, содержащим, в частности, белозерские типы, относятся клады Северо-Западного Предкавказья и Северного Кавказа[1]: Ольгенфельд на Ее, Бекешевский [12, с. 83, 86, рис. 5, *5*, рис. 21; 13, табл. 7, *37*, *40*, *41*] и Упорненский [14, с. 121—135, рис. 1—4], а также клад Мындрешты в Молдавии [13, табл. 9, *69—71, 82*; 15, рис. 3, *13—22*].

Все изложенное позволяет следующим образом рассматривать культурную атрибуцию погребений позднебронзового века Михайловского могильника. Прежде всего ясно, что эти погребения резко отличны от срубных, южная граница распространения которых доходит до Кубани с севера, охватывая степное Прикубанье. Необходимо сразу же отметить, что ножи белозерского типа, известные в позднесрубных захоронениях Нижнего Дона и в одном захоронении Прикубанья (т. е. вне ареала белозерской культуры), никогда не сочетаются в комплексе с сосудами. Это, может быть, один из признаков позднесрубного обряда на белозерском этапе в указанных двух степных регионах. Такое обстоятельство еще раз указывает на несрубный характер михайловского комплекса из Закубанья, содержащего белозерский нож совместно с черпаком кобанского типа. Михайловский позднебронзовый могильник, судя по специфике его обряда (разнобой в ориентировке и позах скорченных погребенных, в простые могилы которых довольно редко помещается лишь скромный инвентарь), может, видимо, принадлежать местной лесостепной культуре конца бронзового века — XI — начала IX в. до н. э. Эта местная культура подвержена определенному влиянию с юго-востока, со стороны кобанской культуры на ее западных границах, и с севера, со стороны позднесрубной культуры (импорт металла или подражание его формам). Не исключено, что указанная местная культура окажется кобяковской или близкой к ней. Во всяком случае, в кобяковской и позднесрубной культурах Нижнего Дона и Кубани известны, как указывалось, ножи белозерского типа; кобяковские же поселения Закубанья — Красногвардейское I и II — находятся в 85 км к западу от Михайловского могильника.

Предположительно можно допустить также, что михайловские погребения связаны с раннекобанской культурой рубежа II—I тыс. до н. э. (что не исключает воздействия кобяковской культуры), являясь, таким образом, раннекобанским могильником, расположенным в 120 км к северо-западу от самых западных кобанских памятников (пос. Заслонка и др.) [16]. Таким образом, только дальнейшее накопление материала должно позволить более точно атрибутировать михайловские захоронения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каминский В. Н.* Отчет о раскопках курганов у станицы Михайловской в 1985 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10116. 10116*а* — *ж*.
2. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XV—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
3. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант//САИ. 1982. Вып. В2-5.

[1] Доклад В. С. Бочкарева «Связи культур эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа (по металлическим изделиям)», прочитанный в секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИА СССР в 1981 г.

4. *Отрощенко В. В.* Белозерская культура//Культура эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
5. *Черняков И. Т.* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наук. думка, 1985.
6. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура)//САИ. 1980. Вып. В1-11.
7. *Ильинская В. А.* Бондарихинская культура бронзового века//СА. 1961. № 1.
8. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник//МИА. 1959. № 60.
9. *Халиков А. Х.* Приказанская культура//САИ. 1980. Вып. В1-24.
10. *Мерперт Н. Я.* Сабанчеевский клад//МИА. 1965. № 130.
11. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант//САИ. 1977. Вып. В2-5.
12. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века//МИА. 1951. № 3.
13. *Leskov A. M.* Yung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Scharzemeergebiet I (Depots mit einheimischen Formeh)//Prächistorische Bronzefunde. Abb. XX. B. 5. Mühchen, 1981.
14. *Аптекарев А. З., Козенкова В. И.* Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край)//СА. 1986. № 3.
15. *Дергачев В. А.* Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1975.
16. *Козенкова В. И.* О границах западного варианта кобанской культуры//СА. 1981. № 3.

М. А. ОЧИР-ГОРЯЕВА

КЛЫК КАБАНА С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАХАНАТА КАЛМЫЦКОЙ АССР

В археологической коллекции Калмыцкого республиканского музея хранится своеобразный предмет савроматского звериного стиля — клык кабана с зооморфными изображениями (рис. 1, *1*, *2*). Найден он в 1976 г., при раскопках Сарпинской археологической экспедиции могильника За-

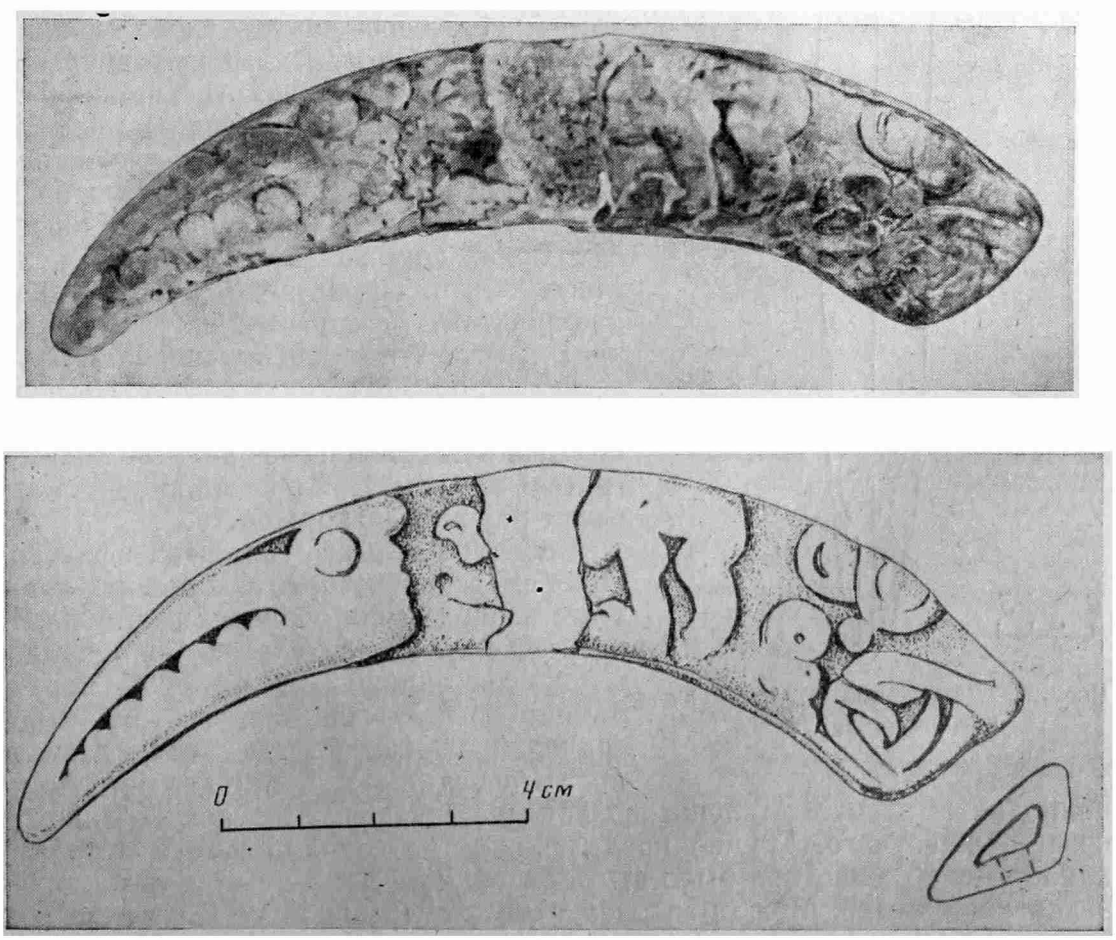


Рис. 1. Клык кабана из погр. 22, кург. 5. *1* — фотография; *2* — прорисовка

ханата, расположенного близ с. Ханата Малодербетовского р-на Калмыцкой АССР [1, с. 80, рис. 7, 11, 12]. Клык обнаружен во впускном погребении 22 кургана 5, нарушенном грабительской ямой. Судя по сохранившейся части костяка зрелого мужчины, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток-юго-восток.

При погребенном найдены короткий двулезвийный меч-акинак, обломок железного ножа, клык с отверстием для подвешивания и небольшой камень. Клык находился с внешней стороны левой бедренной кости. Акинак с почковидным перекрестием и прямым брусковидным навершием лежал между ног погребенного. Длина меча 42 см, из которых 12 см составляет рукоять с перекрестием и навершием. Лезвия клинка от его основания идут параллельно друг другу и суживаются к острию лишь в нижней трети клинка, ромбовидного в сечении (рис. 2). Меч позволяет датировать погребение VI в. до н. э. Не противоречит этой дате и находка клыка. Все подобного рода находки клыков с резными изображениями из Поволжья происходят из комплексов VI — первой половины V в. до н. э.

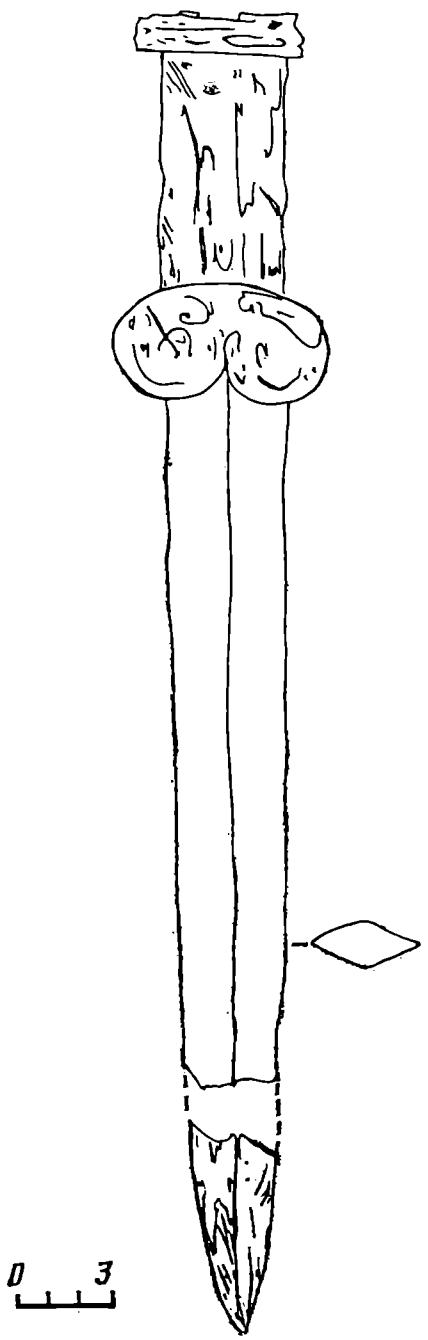


Рис. 2. Двулезвийный меч из погр. 22, кург. 5

Рассмотрим подробно находку из могильника Заханата. Клык длиной 13 см с одной стороны украшен тремя резными изображениями (рис. 1, *1*, *2*). Узкий его конец оформлен в виде головы птицы с мощным, слегка изогнутым клювом. Клюв птицы сомкнут неплотно, внутри него изображены зубы в виде семи полукружий. Глаз птицы выделен кружком. За глазом — небольшое полукруглое торчащее ухо. Широкий конец клыка заканчивается головой фантастического хищника кошачьей породы, изображенной в профиль. Пасть хищника оскалена, уши плотно прижаты к голове. Внутри раскрытой пасти хищника видны верхний и нижний клыки, заходящие друг за друга. Плавная рельефная лента, обрамляющая пасть, передает растянутые в рычании губы хищника. В центре эти линии заканчиваются отростками, обозначающими язык. На щеке хищника расположено стилизованное изображение головки грифона с сильноизогнутым клювом. Ниже глаза хищника вырезан рельефный кружок.

Середина клыка украшена фигурой стоящего животного. К сожалению, часть этого изображения утрачена в результате повреждения поверхности. Сохранились только две задние ноги и кончик морды. Задние ноги слегка согнуты, на одной подчеркнута когтистость лапы. Кончик морды передан так, как будто она слегка приподнята вверх. Маленькое каплевидное углубление обозначает ноздрю животного. Трудно предположить по сохранившимся деталям, какое именно животное было выгравировано в центральной части заханатинского клыка. Между головой птицы, отделенной четкой волнистой линией от остальной части клыка, и кончиком морды центрального изображения имеется небольшая вмятина. На оборотной, гладкой стороне

в широкой части клыка просверлено круглое отверстие для подвешивания диаметром 0,7 см.

География распространения подобных клыков с разными изображениями в скифское время обширна: Приднепровье, Крым, Чечено-Ингушетия, Северная Осетия [2, с. 201, рис. 1; 3, с. 132, рис. 8, *1*; 4, с. 259, рис. 4, *5*; 5, с. 372, рис. 8, *1*, *11*]. Наиболее своеобразной и многочисленной серией орнаментированных клыков выделяется Нижнее Поволжье [6, с. 18, табл. I].

Образы животных, за исключением центрального, плохо сохранившегося на заханатинском клыке, не выходят за рамки известных ранее. Хищник кошачьей породы является наиболее распространенным образом зооморфных изображений на клыках Нижнего Поволжья. Как справедливо заметила Е. Ф. Чежина, общая схема изображений широкого конца клыка — тупая морда хищника с оскаленной пастью, прижатыми ушами и плавной линией перехода от лба к носу — полностью совпадает на всех поволжских клыках [6, с. 17]. Особенностью заханатинского хищника является отсутствие выступающей нижней челюсти, а также наличие широкой кольцевой ленты, обрамляющей глаз.

Мотив хищной птицы известен на клыках из Новопривольного и Блюменфельда (стилизованное изображение) в Поволжье [5, с. 305, рис. 11в, *28*; 7, с. 211, рис. 1, *1*], из Роменского уезда и Гуляй-города в Приднепровье [2, с. 201, рис. 1], а также на новогрозненском клыке и бронзовой его имитации из святилища Реком на Северном Кавказе [8, с. 149, рис. 1, 9, 13]. Птица на узком конце заханатинского клыка отличается от своих аналогов маленьким торчащим ухом и изогнутым массивным клювом.

Манера изображения когтистой лапы стоящего животного в центральной части клыка перекликается с золотушинской и сусловскими бляшками [5, с. 370, рис. 78, *1*, *2*].

Что касается функционального назначения, то клык из могильника Заханата найден подле меча и, очевидно, был амулетом, подвешенным к портупее. Кабаньи клыки, как известно, были предметом культа в системе религиозных представлений савроматских племен Нижнего Поволжья.

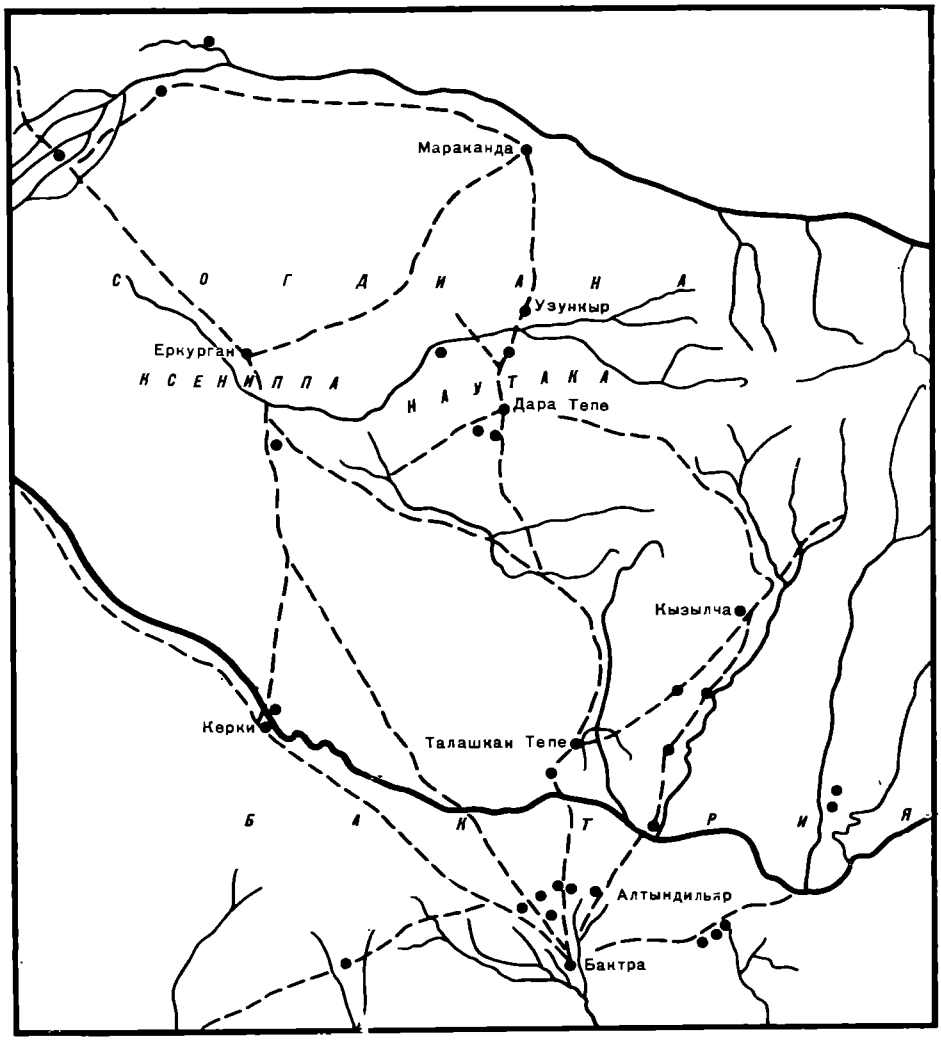
ЛИТЕРАТУРА

1. *Шнайдштейн Е. В.* Раскопки курганной группы Заханата//Древности Калмыкии. Элиста, 1985.
2. *Яковенко Э. В.* Клыки с зооморфными изображениями//СА. 1969. № 4.
3. *Яковенко Э. В.* Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма// Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
4. *Виноградов В. Б.* Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии//СА. 1974. № 4.
5. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
6. *Чежина Е. Ф.* Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху//АСГЭ. 1982. Вып. 23.
7. *Максимов Е. К.* Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
8. *Виноградов В. Б.* К характеристике кабанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.

А. С. САГДУЛЛАЕВ

К ВОПРОСУ О ВТОРОЙ СТОЛИЦЕ СОГДИАНЫ

Археологические материалы, полученные на землях древней Бактрии и Согдианы, дали возможность исследователям охарактеризовать ряд проблем, весьма скудно освещенных в письменных источниках. Это позволило, анализируя некоторые вопросы, связанные с походом Александра Македонского в Согдиану, проследить возможные пути движения греко-македонской армии в Среднеазиатское междуречье, локализацию отдельных мест, событий, древней переправы через Окс и др. [1—3].



Древние пути из Бактрии в Согдиану (пунктиром показаны древние дороги; Талашкан Тепе, Дара Тепе и др. древние населенные пункты)

Раскопки памятников в Приамударьинском бассейне еще раз убедительно продемонстрировали значение археологических материалов для успешного изучения исторического процесса раннеэлинистического времени [4, 5]. Вместе с тем некоторые вопросы данного времени остаются дискуссионными и решенными недостаточно полно.

Древнегреческий историк Арриан, описывая осаду Мараканды восставшими согдийцами, утверждал, что Спитамен, узнав о приближении к городу вспомогательного отряда греко-македонцев во главе с Фарнухом и Караном, снимает осаду Мараканды и удаляется в столицу Согдианы [6, кн. IV, *5, 2*]. Из этого следует, что либо в Согдиане было два столичных города, либо Арриан допустил здесь ошибку [1].

На основе этого сообщения начиная с прошлого века разрабатывалась теория о «царском городе» — «басилейи», или «второй столице» Согдианы. Уже В. В. Григорьев, И. Г. Дройзен и В. В. Бартольд помещали «вторую столицу» Согдианы в низовья Заравшана, в район Бухары [8, с. 65; 9, с. 252, примеч. 42, с. 74; 10, с. 2]. К этой же точке зрения склонялась К. В. Тревер, считавшая, что название «басилейа» является переводом на греческий язык местного древнего термина — «Ката — стольный город» [11, с. 116, примеч. 32].

История вопроса и мнения исследователей были подытожены в специальной статье Е. А. Мончадской, которая выдвинула принципиально новую гипотезу. Она предположила, что «второй столицы» и «царского города» Согдианы не было вообще и в тексте Арриана следует вместо

[1] Варианты перевода текста Арриана (IV, *5, 2*) различными исследователями приведены И. В. Пьянковым [7, с. 14, 23, 24].

«басилейа» читать «басиста», так как первые четыре и последняя буквы этих слов совпадают [12, с. 121]. Басиста — название местности, где был охотничий заповедник, о котором сообщает Диодор, описывая охоту македонцев в районе Мараканды, и уже В. Томашек ориентировочно связывал Басисту с районом Пенджикента или Ургута [13, с. 80]. Е. А. Мончадская помещала этот заповедник в округе Мараканды [12, с. 120], где, по Арриану, Спитамен устроил засаду отряду Карана и Фарнуха [14, IV, *5*, *6*, *8*].

Все это позволило Е. А. Мончадской предположить, что если Спитамен мог устроить засаду македонцам в местности Басиста недалеко от Мараканды, то зачем, отходя от города, он должен был «обязательно удаляться в некий город — Басилейю». «Почему он не мог пойти в местность, лесистую и гористую, обильную водой, где так удобно было прятаться?» [12, с. 120]. Исходя из предложенной поправки в чтении слов «басилейа» и «Басиста» Е. А. Мончадская заключила, что Спитамен отправился не в столицу, а в Басисту Согдианы — район охотничьего заповедника [12, с. 121]. В таком случае вопрос о «второй столице» Согдианы явно отпадал и не имел оснований для дальнейшей разработки.

Для времени более раннего, чем IV в. до н. э., специальные охотничьи парки были известны на территории Западного Ирана [15, кн. VIII, *1*, *38*]. По поводу того, был ли создан ахеменидской администрацией охотничий парк в Согдиане или в источниках речь идет о природном заповеднике, вопрос остается открытым, так же как и гипотеза о том, что Спитамен, сняв осаду Мараканды, должен был уйти именно в этот заповедник — Басисту.

Основные работы, где затрагивался вопрос о «второй столице» Согдианы, были написаны в конце прошлого и начале нынешнего столетия. Авторы исходили исключительно из анализа отрывочных письменных сведений и историко-географических данных. Далеко не случайно «басилейа», или «вторая столица», Согдианы помещалась в районе Бухары. Такой подход был обусловлен тем, что главными городами бассейна Заравшана оставались Самарканд и Бухара. На разных этапах исторического процесса, в зависимости от общественно-политической ситуации эти города, как правило, служили столичными центрами отдельных государств (Бухара эпохи Саманидов, Самарканд караханидского времени и при Тимуридах, позднесредневековая Бухара). В данном случае важная роль Бухары, проявившаяся в средневековый период, механически переносилась и на более древнее время, хотя не было никаких конкретных свидетельств о существовании крупного столичного центра на местах или в районе Бухары периода походов Александра Македонского.

Археологические источники не были использованы и в работе Е. А. Мончадской, так как на территории древней Согдианы поселения V—IV вв. до н. э. (за исключением Афрасиаба-Мараканды) оставались неизученными. Однако детальная характеристика вопроса о «басилейи» Согдианы, данная Е. А. Мончадской, остается в исторической литературе наиболее полной. В последующие годы исследователи фактически не обращались к данной теме. По мнению Б. А. Литвинского со ссылкой на специалистов, при переписке текста Арриана было допущено искажение и вместо Спитамен удалился в «басилейю» надо читать — «к границам» или «в пустыню» Согдианы [16, с. 260]. В трудах историков, посвященных походам Александра Македонского, нет достаточно убедительных данных о том, что Спитамен, сняв осаду Мараканды, должен был уйти именно в лесистую и гористую местность Басисту. Арриан, описывая район, где согдийцы устроили засаду вспомогательному отряду македонцев, говорит о наличии зарослей и леса в пойме и на острове Заравшана, о крутых, возвышенных берегах реки, но все это связывается с районом, близким к пустыне. Неслучайно историк заявляет, что после поражения подразделений Фарнуха и Карана Александр Македонский преследовал Спитамена «вплоть до самой пустыни» и прошел «по всей стране, которую орошает река Политимет» [14, IV, *6*, *5*].

Отряды восставших согдийцев состояли главным образом из конницы [14, III, *28*, *10*, IV, *5*, *4*]. Действия последней были бы значительно затруднены в условиях парадиса — охотничьего заповедника. Окруженный оградой парадис становился ловушкой не только для македонцев, но при неудачных обстоятельствах и для согдийских повстанцев. На всех этапах борьбы Спитамена в 329—328 гг. до н. э. против греко-македонцев в долине Заравшана восставшие избегали военных действий, укрывшись за крепостными стенами либо в труднодоступных горах. Лишь после гибели Спитамена Александр Македонский встретил сопротивление согдийцев в горных крепостях—скалах, когда восстание в Согдийской равнине было жестоко подавлено [14, IV, *18*, *4*; IV, *19*, *1—6*; 17, кн. VIII, *2*, *1*].

Локализация Басисты — охотничьего заповедника остается дискуссионной, но более конкретное продолжение может получить вопрос о столичных центрах Согдианы. Были ли здесь населенные пункты, подобные Мараканде, имевшие оборонительные стены, обширную жилую часть и сельскохозяйственную округу, города или крепости, которые греко-македонцы могли бы назвать, как и Мараканду, столицей?

Обратимся к археологическим материалам, полученным в последнее десятилетие на территории древнего Согда. Кроме Мараканды-Африсиаба крупнейшим поселением Согда является Еркурган, расположенный в 10 км к западу от Карши. В VI—IV вв. до н. э. это городище, достигавшее площади около 40 га, было окружено крепостной стеной [18, 19]. Однако изучение архитектурно-планировочной структуры Еркургана периода походов Александра Македонского затруднено наличием здесь мощных поздних культурных слоев.

Более грандиозная крепость VI—IV вв. до н. э. Узункыр, площадью 68 га, обнаружена недавно в восточной части долины Кашкадарьи (рисунок). По предварительным данным, толщина оборонительной стены Узункыра достигает 8 м и в планировке этой крепости отмечаются большие незастроенные участки [20]. Видимо, Узункыр выполнял функцию военного убежища для населения сельскохозяйственной округи, хотя до начала широких раскопок памятника этот вопрос остается открытым.

Греко-македонцы на своем пути от Гиндукуша до Мараканды встретили сравнительно немного укрепленных городов с цитаделями (Аорн, Бактра, Мараканда) или крупных крепостей типа Узункыра и Еркургана[2]. Все это, видимо, позволяло относить аналогичные пункты в разряд «царских», или столичных, центров. Достаточно отметить, что такие крупные городища не обнаружены в Бухарском оазисе и в долине Заравшана до Афрасиаба. Нет их и в районе от Келифа и Керки до низовий Кашкадарьи, а крупнейший центр долины Сурхана — Кызыл Тепе в IV в. до н. э. находился в запустении. И лишь в бассейне Балхаба крупнейшим городом с цитаделью являлась столица Бактрии — Бактра.

Вместе с тем в междуречье Амударьи и Сырдарьи выявлены и другие типы поселений V—IV вв. до н. э.— небольшие крепости, дома-усадьбы и рассредоточенные сельские поселения. Мелкие населенные пункты составляли сельскохозяйственную округу таких крупных центров, как Бактра и Мараканда, либо концентрировались в речных долинах, образуя изолированные культурно-хозяйственные районы — оазисы. На фоне многочисленных небольших селений города типа Мараканды уже по внешним признакам (оборонительные стены, обширная жилая часть, различные типы строений, цитадели — резиденции правителей) могли выступать как «царские» — столичные [21].

Таким образом, по археологическим данным, в Согде кроме Мараканды были еще два пункта — Еркурган и Узункыр, представлявшие собой,

---

[2] По опубликованным данным, в Северном Афганистане, долине Сурхана, бассейне Кашкадарьи и долине Заравшана известны два поселения площадью 5 га, четыре памятника — от 10 до 14 га и шесть городищ площадью более 20 га. Однако некоторые из них пришли в упадок до начала походов Александра Македонского, другие известные памятники — гораздо меньших размеров. Подробный анализ этих данных готовится автором к публикации.

возможно, экономические, культурные и административные центры отдельных подобластей расселения в долине Кашкадарьи.

Возвращаясь к сообщению Арриана о том, что Спитамен, сняв осаду Мараканды, удаляется в столицу Согдианы, следует проследить путь, совершенный подразделениями Александра от Амударьи к Сырдарье, до восстания согдийцев и обратный маршрут — от Сырдарьи в Согдиану с целью подавления этого восстания [7, с. 12 сл].

На первом этапе, весной 329 г. до н. э., согласно Арриану, войска Александра Македонского совершали переход от Окса в «согдийскую землю» Наутаку и город Мараканду [14, III, *29*, *7*, III, *30*, *6*]. Вопрос о локализации области Наутака является дискуссионным. С привлечением новых археологических источников он специально рассмотрен Э. В. Ртвеладзе, согласно которому, эта область располагалась в районе Чимкургана — Яккабага, заходя на юго-западную часть Гиссарского хребта [2, с. 98]. В отличие от близких гипотез, высказанных ранее (В. В. Григорьев, В. Томашек, Ф. Шварц), приведенная точка зрения аргументируется достаточно обоснованно. В целом Наутакой, видимо, надо считать обширную область расселения согдийцев от Урадарьи (Гузардарьи) до Заравшанского хребта, ориентировочные границы которой намечаются по районированию древних поселений (рисунок) [22, с. 35, 38].

Квинт Курций Руф пишет, что армия Александра, перейдя Окс и захватив некий городок Бранхидов, направилась к Танаису, т. е. Сырдарье [17, кн. VII, V, *19*, *28*, *36*]. На этом пути, в одном из районов до Мараканды, дорога проходила по предгорной местности и, как сообщает Курций Руф, на македонцев, «выступивших из строя для сбора фуража, напали варвары, спустившиеся с соседних гор» [17, VII, VI, *1*], и якобы от этого места на четвертый день македонцы дошли до Мараканды [17, кн. VII, VI, *10*].

Если считать, что дневной переход составлял около 30 км, то за три дня и начало четвертого можно пройти около 100 км. Это, например, равно пути от современного селения Яккабаг до Самарканда через перевал Тахтакарача. Учитывая, что только эта дорога проходит до перевала по предгорной местности, то видимо, именно по ней и шла армия Александра Македонского в Мараканду[3].

Другой путь в Мараканду расположен значительно западнее Яккабага и пролегает по безводной степной местности, через перевал Джам. Однако в этом районе оседлые поселения V—IV вв. до н. э. не обнаружены, тогда как в восточной части бассейна Кашкадарьи уже известно 20 поселений рассматриваемого времени, 18 из которых расположены в округе современных Яккабага, Шахрисабза и Китаба[4], т. е. на землях древней области Наутака (см. рисунок).

Таким образом, в начале Согдийского похода область низовий Кашкадарьи оставалась не завоеванной греко-македонцами, так как маршрут армии Александра Македонского проходил в одностороннем направлении: Окс — Наутака — Мараканда — Яксарт.

Последовательность дальнейших событий известна достаточно хорошо. Спитамен осадил македонский гарнизон в цитадели Мараканды; Александр Македонский, занятый борьбой с заяксартскими саками, срочно направляет на помощь осажденным передовой отряд и затем с основными силами спешит в Мараканду сам [14, IV, *5*, *4*, IV, *6*, *4*]. Согдийцы отступают от Мараканды и уничтожают отряд Фарнуха.

По Квинту Курцию Руфу, на втором этапе военной кампании греко-македонцев Александр Македонский прибыл в Мараканду, затем двинулся в Ксениппу — область, граничившую со степными и пустынными районами [17, VIII, *2*, *14—19*]. Ксениппа оставалась не покоренной греко-македонцами и как густонаселенная область могла служить убежищем для отряда Спитамена, хотя об этом источники ничего не сообщают.

---

[3] О другом маршруте похода греко-македонцев из Бактры в Мараканду см. в работе И. В. Пьянкова [21, с. 36].

[4] Поселения V—IV вв. до н. э. здесь открыты экспедицией кафедры археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета [20, 23].

Локализация области Ксениппа в низовьях Кашкадарьи, согласно новым археологическим данным, представляется убедительной [2, с. 97, 98]. Тогда Еркурган, располагавшийся здесь, возможно, и есть «басилейа», о которой писал Арриан, так как другие пункты, претендующие на роль «царского города», или «второй столицы» Согдианы, в бассейне Заравшана пока неизвестны. Другой крупный центр долины Кашкадарьи, Узункыр, видимо, был захвачен македонцами до начала восстания Спитамена, так как располагался в Наутаке, на пути первого похода Александра из Бактры в Мараканду.

Приведенные соображения позволяют считать, что Спитамен, сняв осаду Мараканды, направился не в район Пенджикента или Ургута, а отошел к Заравшану, западней Мараканды. Этот эпизод нашел достаточно полное описание в литературе [16, с. 260]. После сражения с передовым отрядом греко-македонцев во главе с Фарнухом и повторной осады Мараканды, узнав о выступлении к городу Александра Македонского, согдийские повстанцы укрылись, видимо, в области Ксениппа, где располагался один из центров Согда. Однако с приближением к Мараканде основных сил македонцев войска Спитамена ушли в пустынные районы низовий Заравшана. Все это подтверждается тем, что Александр Македонский провел карательную военную кампанию в районах к западу от Мараканды, «вплоть до самой пустыни» [14, IV, *6*, *5*], где скрылся Спитамен и откуда исходила наибольшая опасность греко-македонцам. Тем самым Александр лишил Спитамена основных опорных пунктов согдийского восстания и уже весной 328 г. до н. э. срочно занял Ксениппу.

Действия Спитамена до зимы 329/328 г. до н. э. можно представить в такой последовательности: осада Мараканды — отступление в степные районы бассейна Заравшана — разгром подразделений Фарнуха — осада Мараканды —отход к Ксениппе в низовьях Кашкадарьи — отступление в пустыню низовий Заравшана. Все это еще раз свидетельствует о том, что борьба восставших согдийцев под руководством Спитамена протекала в наиболее густонаселенных районах Согда, граничавших с территориями расселения кочевных племен.

Горные районы в это время были населены весьма слабо. В верховьях Заравшана, Кашкадарьи либо в горных ущельях других рек, обращенных к равнине Кашкадарьи и Сурхана, еще не удалось обнаружить стационарных поселений V—IV вв. до н. э., хотя здесь, по данным античных авторов, находились убежища-скалы, покоренные Александром Македонским в 327 г. до н. э.

Таким образом, если принять в рассмотренном тексте Арриана термин «царский город» Согдианы, то по последовательности событий, связанных с восстанием Спитамена, с этим городом можно сопоставить Еркурган. Но и независимо от вариантов интерпретации указанного абзаца Арриана, по археологическим данным на территории Согда выделяются три крупных центра: Афрасиаб, Узункыр и Еркурган. Вопрос о «второй столице» Согдианы, поднятый исследователями еще в прошлом веке, не отпадает, а, напротив, в свете новейших археологических открытий имеет конкретно-историческую основу для дальнейшего изучения.

Заключение Арриана о двух столичных городах Согдианы периода походов Александра Македонского не лишено интереса уже потому, что аналогичная ситуация повторяется в средневековое время. В раннесредневековый период центром Согда становится город Кеш (на месте Китаба), а затем вновь Самарканд [24]. В последующее время, как уже отмечалось, роль столичных городов играли Бухара и Самарканд.

Процесс «перемещения» столичных центров на территории Согда имеет весьма древние истоки. При этом два столичных города находились в долине Кашкадарьи (Еркурган и Кеш) [5], а два — в бассейне Заравшана (Самарканд и Бухара).

[5] В античное время центром восточной части долины Кашкадарьи становится городище Китаба, позже получившее название Кеш. Его освоение было связано с прямым переселением сюда населения из оазиса Узункыра.

В Бухарском оазисе выявлено несколько небольших поселений V—IV вв. до н. э. [25], в том числе и на месте Бухары [26]. Не исключено, что именно здесь располагалось согдийское укрепление Баги (а возможно, это название и всей области), охарактеризованное Аррианом как «неприступное место на границе между согдийской землей и скифами-массагетами» [14, IV, *17*, *4*]. Географические условия низовий Зарафшана, окруженных пустыней и служивших в древности зоной расселения кочевых племен, во многом совпадают с приведенными данными Арриана. И если во время походов Александра Македонского на месте или в районе Бухары располагалось «согдийское укрепление» Баги, то опять-таки отождествление «басилейи» с Еркурганом становится более предпочтительным.

Информация греко-римских авторов широко используется для освещения актуальных разделов исторической географии юга Средней Азии [1, 3, 23, 27, 28]. В последние годы анализ сведений античных источников и географов о Средней Азии поднят на качественно новый уровень [27]. Однако даже глубокое источниковедческое исследование в отрыве от археологических материалов едва ли может достаточно полно осветить некоторые важные аспекты исторического процесса Средней Азии, и обобщение письменных данных становится хрестоматийным и часто не документированным новыми археологическими открытиями[6].

Все это еще раз свидетельствует о необходимости изучения конкретных исторических проблем средней Азии V—IV вв. до н. э. на основе синтеза письменных и археологических источников, особенно учитывая ограниченность первых и субъективные представления их авторов, возможность искажения первоначальной информации в поздних текстах и необходимость подтверждения достоверности письменных сведений вообще.

Применительно к теме данной статьи весьма важным является факт открытия археологами на территории Согда новых крупных центров, которые на примере «басилейи» Арриана, хотя и недостаточно ясно, могли быть упомянуты в письменных источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гафуров Б. Г Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М.: Наука, 1980.
2. *Ртвеладзе Э. В.* К локализации «греческой» переправы на Оксе//ВДИ. 1977. № 4.
3. *Ртвеладзе Э. В.* Ксениппа — Паретака//Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
4. *Пичикян И. Р.* Тахти — Сангин. Открытие культовых закладок//АО — 1980. М., 1981.
5. *Bernard P* An Ancient Greek City in Central Asia//Scient. Amer. 1982. V. 246. № 1.
6. *Арриан.* Анабасис Александра/Пер. Коренькова Н. Ташкент, 1912.
7. *Пьянков И. В.* Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе: Дониш, 1972.
8. *Григорьев В. В.* Поход Александра Великого в Западный Туркестан//ЖМНП. 1881. Ч. CCLXVII.
9. *Дройзен И. Г.* История эллинизма. Т. I. М., 1890.
10. *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана//Соч. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963.
11. *Тревер К. В.* Александр Македонский в Согде//Вопр. истории. 1947. № 5.

[6] Вот уже более 100 лет местом переправы греко-македонцев через Окс — Амударью считается Келиф, хотя никаких археологических обоснований этому нет и возможны новые варианты решения вопроса [2]; основные пути передвижения из Бактры в Мараканду приводятся на исторических картосхемах в обход гор, однако многие крупные поселения и крепости V—IV вв. до н. э. расположены именно на дорогах, проходивших через горные перевалы Гиссара — Байсуна и Заравшанского хребта [22].

Анализ письменных источников в отрыве от археологических фактов приводит порой к совершенно неожиданным, но не всегда достаточно аргументированным выводам. В частности, «согдийская область» Наутака отождествляется с селением Наувах — Навидах в районе Шерабада как некий город Наутака [23, с. 152], город Зариасп — с Келифом, а Маргиана ахеменидского времени помещается в верховья Мургаба [23, с. 103, 157], хотя у Келифа или в верховьях Мургаба поселения V и IV вв. до н. э. не обнаружены, а Наутака, как было отмечено выше, находилась далеко к северо-востоку от Окса.

12. *Мончадская Е. А.* О «царском городе», или «второй столице», Согдианы//ВДИ. 1959. № 2.
13. *Tomaschek W.* Centralisatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1877.
14. *Арриан.* Поход Александра/Пер. Сергеенко М. Е. М.; Л.: Наука, 1962.
15. *Ксенофонт.* Киропедия//Изд. подгот. Борухович В. Г.. Фролов Э. Д. М.: Наука, 1976.
16. *Литвинский Б. А.* Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков//История таджикского народа. Т. I. М.: Наука, 1963.
17. *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. М.: Изд-во МГУ, 1963.
18. *Сулейманов Р.* Результаты изучения городища Еркурган — древней столицы Южного Согда//Новейшие открытия советских археологов (тез. докл.). Ч. II. Киев: Наук. думка, 1975.
19. *Сулейманов Р.* Основные этапы развития городища Еркурган//Античная культура Средней Азии и Казахстана (тез. докл.). Ташкент: Фан, 1979.
20. *Крашенинникова Н. И.* Работы в Китабском и Шахрисабзском районах//АО — 1981. М., 1983.
21. *Пьянков И. В.* Мараканды//ВДИ. 1970. № 1.
22. *Сагдуллаев А. С.* Древние пути на юге Узбекистана//ОНУз. 1981. № 7.
23. *Хлопин И. Н.* Историческая география южных областей Средней Азии (античность и раннее средневековье). Ашхабад: Ылым, 1983.
24. *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970.
25. *Мухамеджанов А. Р., Васильев П. С.* О работах Бухарского отряда//АО—1976. М., 1977.
26. *Ахраров И., Усманова З. И.* Новые данные к истории Бухары//История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978.
27. *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции (источниковедческий анализ): Автореф. дис... докт. ист. наук. Л., 1984.
28. *Bernard P., Francfort H.-P.* Études de géographie historique sur la plaine d'Ai Khanoum (Afghanistan). P., 1978.

А. В. ДАВЫДОВА, С. С. МИНЯЕВ

ПОЯС С БРОНЗОВЫМИ БЛЯШКАМИ ИЗ ДЫРЕСТУЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

Дырестуйский могильник находится на юге Западного Забайкалья (Джидинский р-н Бурятской АССР), на левом берегу р. Джида, в 8 км выше по течению от с. Дырестуй. Он известен специалистам прежде всего по замечательным бронзовым пластинам-пряжкам, найденным еще в 1900 г. первооткрывателем памятника Ю. Д. Талько-Гринцевичем [1, 2].

Десятки пластин подобного типа из случайных находок сосредоточены в музейных и частных коллекциях различных стран [3, табл. XXVII, *1*]. Открытие парных пластин-пряжек в нерабленых могилах Иволгинского могильника и у д. Кэшэнчжуан [4, с. 130—140] определило их точное функциональное назначение. Было выяснено, что они являлись важной составной частью украшений пояса, на который нашивались и подвешивались как украшения, так и различные предметы (орудия труда и оружие). Таким образом, было положено начало изучению состава поясных наборов, имеющих важное значение для исследования социальной структуры общества сюнну.

В 1984 г. Забайкальским отрядом ЛО ИА АН СССР на Дырестуйском могильнике было исследовано нерабленое погребение 38, где сохранился пояс с набором украшений из бус и бронзовых бляшек. Не имевшее внешних признаков погребение обнаружено в юго-восточной, наиболее разрушенной ветровой эрозией части могильника, поэтому о первоначальной глубине могильной ямы судить затруднительно.

На глубине 5 см от современной дневной поверхности обнаружен гроб, северо-восточный угол которого был разрушен осыпью террасы р. Джиды. Гроб (размером 1,65×0,65 м) сооружен из тонких бревен (диаметром 10—15 см), составлявших его длинные стороны, а короткие стенки, крышка и дно состояли из досок (толщиной 3—4 см). Гроб покрывался, видимо, кожаным покрывалом (от него сохранился черный липкий тлен), прижатым сверху пятью длинными тонкими жердями. На дне гроба в вытянутом положении головой на север лежал скелет женщины старше 60 лет (по определению И. И. Гохмана) (рис. 1).

Инвентарь погр. 38 состоял в основном из украшений, нашитых на головной убор и главным образом на кожаный пояс. Кроме того, у правой кисти найдены зерна проса, а у фаланг левой руки — несколько кедровых орехов.

Особый интерес представляют украшения пояса. Они состояли из двух бронзовых ажурных колец (рис. 2), двух бляшек с изображением кошачьего хищника (рис. 2, *5*, *6*) и трех с изображением двух лошадок (рис. 2, *2*—*4*), девяти бронзовых колокольчиков (рис. 2, *7*, *8*), двух простых бронзовых колец с остатками кожаных ремешков. В состав пояса входили и железные кольца, а также сердоликовые и стеклянные бусы, которыми вероятнее всего, были обшиты мешочки типа кошельков.

Расположение бронзовых украшений на передней части пояса почти симметрично (рис. 2, *9*): по обеим сторонам ажурные и простые кольца, между ними бляшки с изображением кошачьего хищника и лошадок. Две такие бляшки найдены в перевернутом состоянии — лицевой стороной вниз. На этом основании можно предположить, что они были прикреплены к задней части пояса. Симметрия нарушается бронзовыми колокольчиками, восемь из которых сосредоточены с левой стороны и лишь один — с правой. Кроме того, на пояс была подвешена плетка, от которой сохранилась только цилиндрической формы рукоятка, у ее конца лежали плоская бусина из белого камня и две монеты «у-шу». Таким образом, в погр. 38 Дырестуйского могильника обнаружен новый тип хуннского пояса, отличающегося от ранее известных, в центре которых располагались большие пластины-пряжки [5, с. 101, рис. 7].

С найденными ранее его сближает наличие ажурных колец, колокольчиков с прорезями на боковых гранях, монет «у-шу», а также обилие различных бус.

Следует отметить то обстоятельство, что пояса с богатым набором бронзовых украшений находят в погребениях женщин пожилого возраста (мог. 100 Иволгинского и мог. 38 Дырестуйского могильника). Возможно, обладательницы таких поясов имели особый статус в обществе.

Отличительной чертой пояса нового типа является прежде всего отсутствие больших пластин-

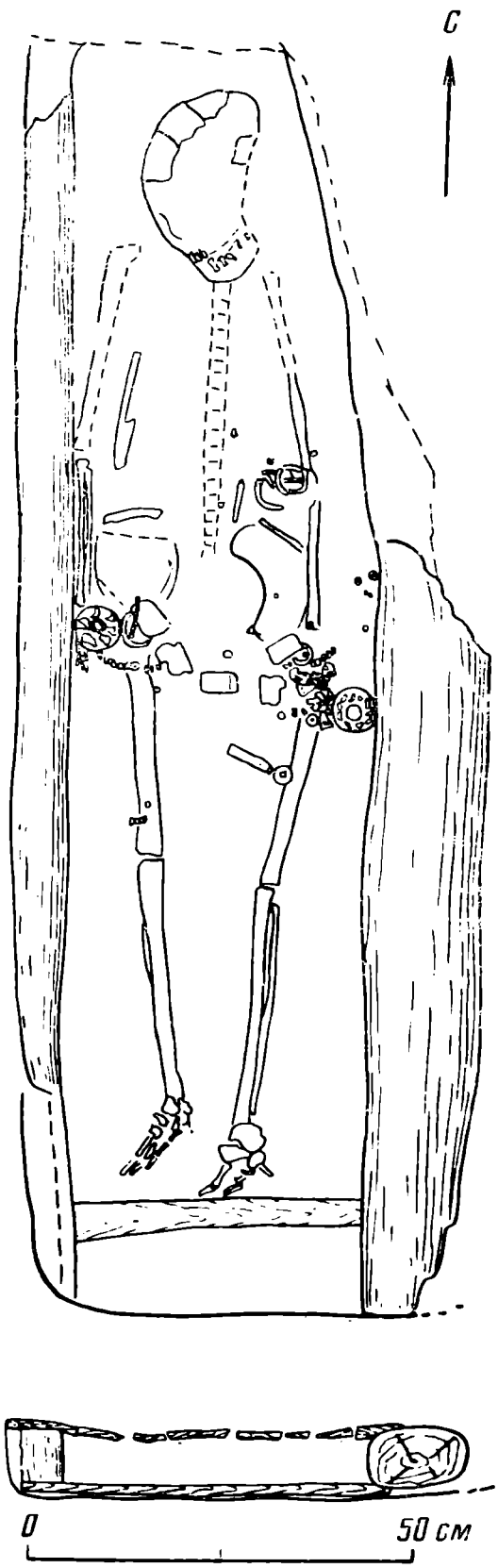


Рис. 1. План и профиль погр. 38 Дырестуйского могильника

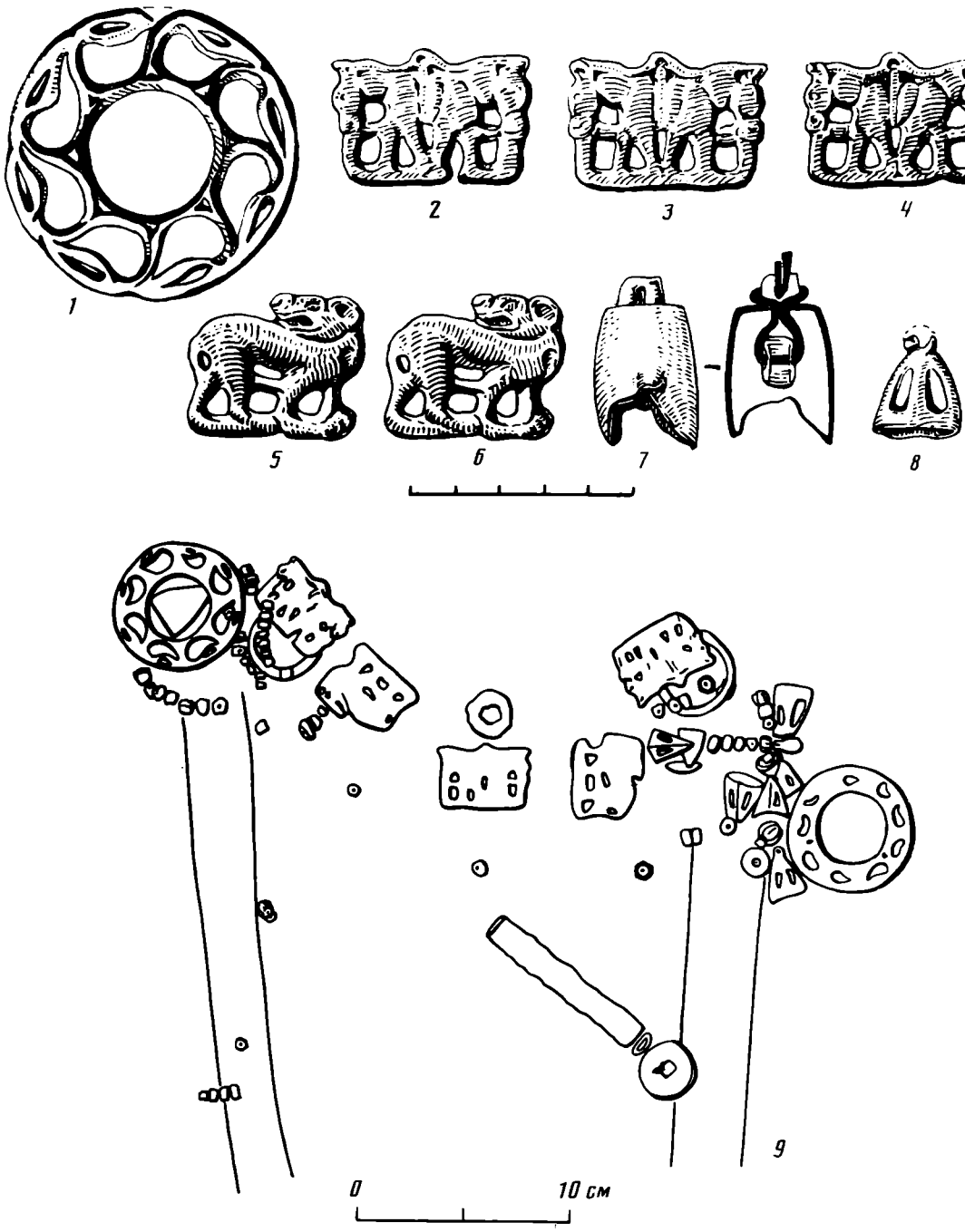


Рис. 2. Инвентарь погр. 38: *1* — ажурное кольцо; *2—4* — бляшки с изображением лошадей; *5, 6* — бляшки с изображением хищника; *7, 8* — колокольчики; *9* — расположение деталей пояса на погребенной

пряжек, пара которых составляла композиционный центр ранее найденных поясов (мог. 100 Иволгинского могильника и мог. 140 у д. Кэшэнчжуан) [4, 5]. Вместо них по периметру пояса из мог. 38 располагались пять небольших бронзовых бляшек (4×3 см). Новой деталью является и плетка с железной рукоятью, подвешенная к поясу (рис. 2).

Следует отметить, что украшение пояса мелкими бронзовыми бляшками наблюдается уже в скифское время. Такие пояса, составленные из небольших бляшек с растительным орнаментом, найдены в Ордосе [6, с. 7—24] и Юго-Западной Маньчжурии [7, с. 21—27], небольшие бляшки с изображением птицы были также на поясе погребенного в мог. 1 у с. Дворцы в бассейне Верхнего Амура [8, с. 136—139].

Небольшие бронзовые бляшки встречались в памятниках сюнну и ранее [9, с. 14—22, рис. 3], известны они и по случайным находкам в Ордосе [1, табл. IX, *15*]. Бляшки из Дырестуйского могильника относятся к тому же типу, но с новым, неизвестным ранее сюжетом: парное

изображение голов и передних ног лошадей, зеркально повторяющее друг друга, и кошачий хищник с повернутой назад головой. Первый сюжет можно рассматривать, видимо, как вариант профильного изображения лошади на отмеченных выше находках из памятников сюнну [9]. Второму сюжету прямых аналогий в памятниках сюнну нет, стилистически аналогичное изображение известно в савроматских памятниках Приуралья [10, рис. 33].

Находка в рассматриваемом погребении ажурных колец с прорезями в виде запятых (рис. 2) позволяет окончательно атрибутировать их как детали поясного украшения. Аналогичные кольца были найдены Ю. Д. Талько-Гринцевичем в мог. 10 Дырестуйского могильника, где они «были прибиты с наружных сторон гроба на местах, соответствующих середине голеней». Это обстоятельство стало основанием для автора раскопок интерпретировать их как украшения гроба [1, т. III, с. 27]. Однако находки аналогичного кольца сначала в мог. 140 у дер. Кэшэнчжуан [4], а теперь и в мог. 38 Дырестуйского могильника позволяют считать такую интерпретацию ошибочной. Возможно, кольца из мог. 10 были прикреплены к деревянной основе, что и ввело в заблуждение Ю. Д. Талько-Гринцевича.

По находкам монет «у-шу» погребение 38 Дырестуйского могильника может быть датировано не ранее 118 г. до н. э., наиболее вероятной датой представляется I в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Материалы к палеоэтнологии Забайкалья//Тр. ТКО ПОРГО. 1902. Т. III. Ч. 2, 3; Т. IV. Ч. 2.
2. *Сосновский Г. П.* Дырестуйский могильник//ПИДО. 1935. № 1—2.
3. *Salmony A.* Sino-Siberian Art. P., 1933.
4. Раскопки в Фунси. Пекин, 1962. (на кит. яз.).
5. *Давыдова А. В.* К вопросу о хуннских художественных бронзах//СА. 1971. № 1.
6. *Тянь Гуаньцзинь.* Археология сюнну во Внутренней Монголии за последние годы// Каогу. 1983. № 1. (на кит. яз.).
7. Отчет о раскопках могил у Чжоуздяди. Аохань, Внутренняя Монголия//Каогу. 1984. № 5. (на кит. яз.).
8. *Кириллов И. И.* Образ птицы в искусстве племен дворцовской культуры бронзового века Восточного Забайкалья//Тез. докл. Всесоюз. археолог. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979.
9. *Сосновский Г. П.* О поселении гуннской эпохи на р. Чикое//КСИИМК. 1947. Вып. XIV.
10. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.

В. Н. ЗАЛЕССКАЯ

ДВА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГЛИНЯНЫХ СВЕТИЛЬНИКА ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Глиняные светильники IV—VI вв. из Северного Причерноморья известны в основном по публикациям в кратких археологических отчетах [1, с. 77—87], специально посвященные им работы единичны [2, с. 43—46]. Этот пробел призвана восполнить созданная при Херсонесском музее группа научных сотрудников во главе с В. И. Кадеевым, которая готовит издание каталога хранящихся там светильников [3, с. 83]. В связи с этой работой нам представляется важным обратить внимание археологов на два ставшие уже традиционными определения. Одно из них — «светильники с магическим изображением египетского узла жизни» [4, с. 120], второе — «светильники работы мастера Хриса» [5, с. 45—51].

В первом случае речь идет о лампах грушевидной формы с толстой петлеобразной ручкой и слабо выделенным рожком (рис. 1). На щитке — опирающаяся на две колонки арка, окруженная выпуклыми точками и

косыми штрихами; под аркой — заполненный точками треугольник; на плечиках — зигзагообразный орнамент. Подобные светильники неоднократно находили в Северном Причерноморье: в Херсонесе [6, с. 53], Ольвии [4, с. 135, 136, табл. 27, 28], на Тамани[1], отдельные разновидности этого типа дал Милет [7, с. 99, рис. 72, *3*], известны они также в собрании Бенаки в Александрии [8, с. 187, 188, рис. 56] и в польском собрании В. Семирау-Семеновского [8, с. 337, 338, № 356]. Иного доказательства египетского происхождения описанной композиции, кроме наличия одного памятника в частном собрании в Александрии, в книге М. М. Кобылиной не приводится.

Опирающаяся на колонны арка, как можно заключить по изображениям на эвлогиях, привозимых паломниками из Сирии и Палестины [9, с. 229—246, рис. 1, 2, табл. 29, *1—4*, 30, *1—3*], была условным изображением храмика-усыпальницы, прежде всего гроба Господня. В последнем случае арка воспринималась в космическом плане как свод вселенной [10, с. 1—27].

Подобные архитектурные конструкции были приняты для изображения языческих тихейонов и героонов, так же как и для генетически связанных с ними христианских мартириев [11, с. 96, 97] и имели двоякую символику: с одной стороны, свидетельствовали с мученической смерти, с другой — арка как знак триумфа указывала на посмертное торжество [11, с. 91, 92]. При наличии под сенью конструкции, сходной с бассейном, арка обозначала крещальню. Такой случай как раз имеет место на рассматриваемом изображении. Помещенный под аркой треугольник являлся знаком водного пространства, причем количество углов (треугольник) ассоциировалось с тремя отроками в печи Навуходоносора, в каковой, по словам греческой Минеи, огонь чудесным образом «превратился в воды Иордана» [12, с. 36]. Перед ними — одна из широкораспространенных в ранневизантийском искусстве сцен, представленная и на мозаичных полах [12, с. 47—56, рис. 1, *13*], и на саркофагах [13, с. 29—43], и в миниатюрах рукописей [14, с. 43—45], и на памятниках прикладного искусства [15, с. 81, 82]. Сочетая иконографические признаки мартирия и баптистерия, эта композиция являлась символом Возрождения. Письменные источники и данные эпиграфики указывают на прямую смысловую связь между баптистерием и райским «фонтаном жизни». Так в Книге Понтификов купель, поднесенная Константином Великим в Латеранский Баптистерий, названа Fons Vitae, а на крещальне в Сан-Джованни ин Фонте имеется надпись, гласящая: Fons hic est vitae, qui totem diliut orbem — это фонтан жизни, который очищает весь мир [16, с. 11, 12]. Изображение крещальни-мавзолея на ранневизантийских памятниках должно было свидетельствовать о связи трех таинств: крещения, смерти и воскресения. При крещении язычник как бы уходит из жизни, одновременно появляясь на свет как христианин. Блаженный Августин так формулирует эту идею: «В крещении мы умираем вместе с Христом и воскресаем вместе с ним к новой жизни» [16, с. 21].

Изображение крещальни-мартирия получило с утверждением христианства общеимперское распространение. Нет никаких оснований связывать появление этого образа только с Египтом. Формальные особенности (цвет глины в изломе, структура) этой группы светильников сближают их с образцами, локализуемыми в припонтийских районах Нижней Мезии и Фракии [17, с. 47, рис. 8, *2*]. Эту локализацию подтверждают и некоторые декоративные элементы: выпуклые точки, характерные для аттического орнамента, распространившегося с IV в. на изделия западнопричерноморских центров, и зигзагообразный орнамент, отличающий многие светильники IV в. из придунайского района [18, с. 14]. Вероятно, такие лампы производились в районе Понта.

---

[1] Доклад Э. Я. Николаевой «К вопросу о византийском лимесе» на XI Всесоюзной сессии по проблемам византиноведения и средневековой истории Крыма (Севастополь, 1983 г.).

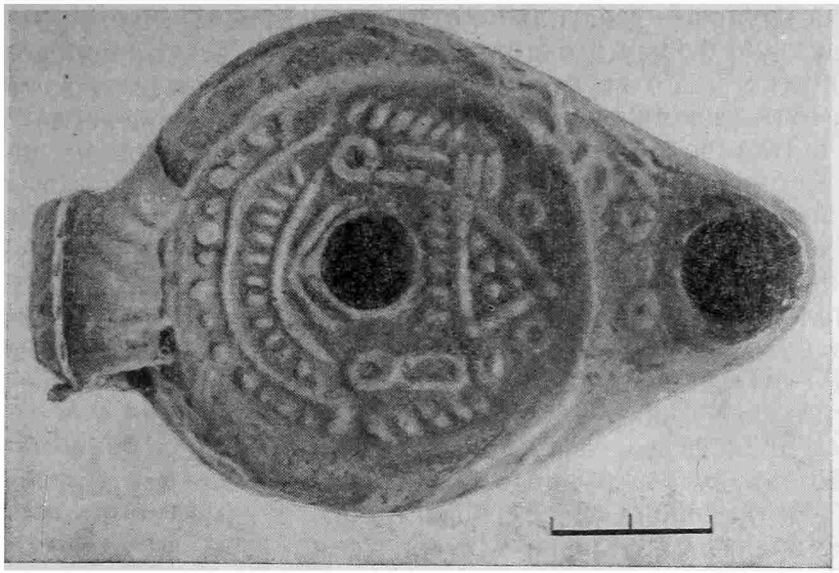


Рис. 1. Светильник с изображением мартирия-крещальни. Государственный Эрмитаж

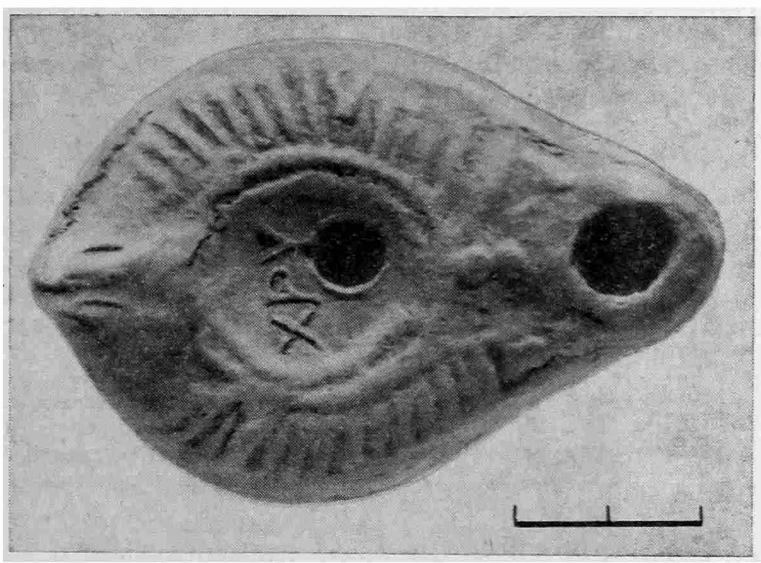


Рис. 2. Светильник с монограммой Христа. Лицевая сторона. Государственный Эрмитаж

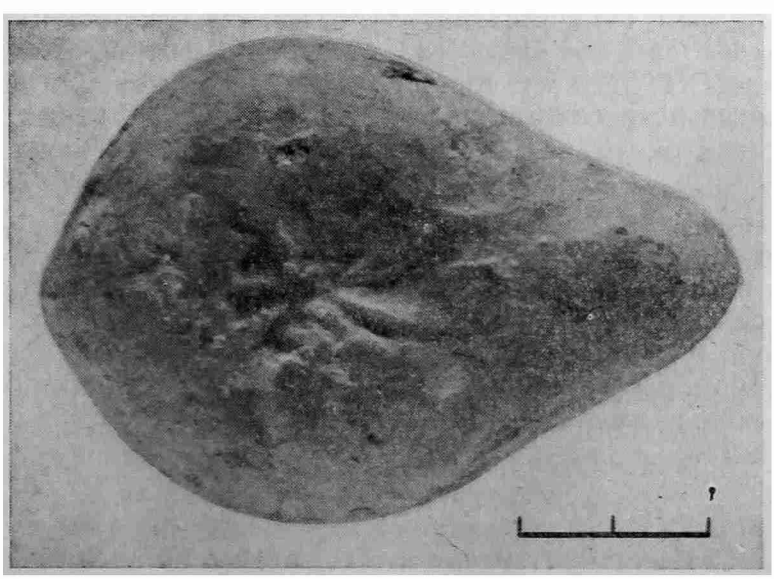


Рис. 3. Светильник с монограммой Христа. Оборотная сторона. Государственный Эрмитаж

Вторая группа — «светильники мастера Хриса» (рис. 2, 3). Они имеют яйцевидную форму и снабжены маленькой, часто непроколотой ручкой. На щитке, над отверстием для масла, три рельефные греческие буквы ХРҮ, оттискивавшиеся то в прямой, то в обратной последовательности. От щитка веером расходятся рубчики, переходящие на рожке в выпуклые точки. На приплюснутых донышках светильников часто имеются клейма в виде многолучевых «звезд», с которыми иногда соседствуют греческие литеры СОҮ. Находки таких светильников вне Херсонеса неизвестны. По археологическим признакам А. Н. Щеглов датировал их второй половиной IV в., считал выполненными в местной мастерской и, соединив буквы на обеих сторонах светильника, толковал полученное слово ХРҮСОҮ, как данное в родительном падеже имя мастера-коропласта или владельца мастерской [5, с. 50]. Датировка и локализация этих ламп представляется убедительной, с интерпретацией же надписи как имени «χρυσοῦς» трудно согласиться. Клейма мастеров никогда не ставились на лицевой, «фасадной» стороне предметов, щиток отводился для более значимых образов или изречений. Едва ли возможно предполагать, что в небольшом провинциальном городе, каким был Херсонес, местные мастера принебрегали бы этим правилом. Общеизвестно, что с IV в. на щитках светильников различного происхождения — аттических, римских, североафриканских — появляются монограммы Христа (хризмы), занимающие как раз место, на котором на херсонесских лампах стоят литеры ХРҮ. Сопоставление же с палестинскими лампами с греческими надписями — Φῶς Χρ[ιστο]ῦ φαίνει πᾶσι (Свет Христов сияет для всех), где «Христов» передано как ХРҮ [19, с. 296—300], дает иное объяснение этим буквам. На херсонесских лампах в своеобразной форме воспроизведена та же формула, что и на образцах из Палестины: сияние божественного света дано пиктографически (рельефные рубчики-лучи), а имя Христа — в виде монограммы. «Лучи» — свет, исходящий от горячей лампы,— типичный вид декора как античных, так и раннесредневековых образцов. Последние известны почти по всему Средиземноморью: в Нижней Мезии и Фракии [20, с. 15, рис. 2, *2*—*7*], в городах Калатис (Мангалия) [21, с. 164, рис. 100], Тира [22, с. 589, рис. 109—113] и Ятрус [23, табл. 69, № 569, 573, 574]; отдельные находки были сделаны на месте Большого дворца в Константинополе [24, табл. 27, рис. 8]; известны такие лампы в Сирии [25, с. 138, рис. 2, *4*, *12*] и Карфагене [26, табл. С11, № 1126, 1127, 1140]. Херсонесские «рубчатые» светильники [27, с. 68—78, рис. 6, № *2*—*9*] типологически ближе всего образцам, найденным в Болгарии и Румынии. Что касается оформления донца на этих лампах, то следует отметить, что соседствующие рядом с многолучевой звездой — клеймом эллинистического типа [28, с. 59—62, табл. VII, № 1380, 1845, 1853, 3277а], распространенным в придунайских провинциях и в римское время [29, рис. 5—7],— буквы далеко не всегда читаются как СОҮ. Оттиск первой буквы часто бывает нечетким, встречаются и иные буквосочетания [30, с. 34, 129, 130]. Таким образом далеко не всегда оказывается возможным сложить имеющиеся на обеих частях светильников буквы в имя χρυσοῦς. Как это обычно для ламп первых веков н.э., литеры на их донышках — это начальные буквы имен мастеров, и они не связаны с монограммами на щитках.

Итак, в противоположность существующей традиции на первой группе ламп следует видеть изображение мартирия-крещальни — символа Возрождения, а на второй — своеобразную, созданную именно в Северном Причерноморье реплику известной формулы о сиянии божественного света, каковую имели лампы — эвлогии, привозившиеся паломниками из Иерусалима.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зубар В. М., Рижов С. Г* Разкопки західного некрополя Херсонеса//Археологія. 1982. № 39.
2. *Сорочан С. Б.* Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса//Археологія. 1982. № 38.

3. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1982.
4. *Кобылина М. М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М.: Наука, 1978.
5. *Щеглов А. Н.* Светильники с клеймом ΧΡΥCOΥ//Сообщ. Херсонесского музея. 1961. Вып. 2.
6. ОАК за 1904. СПб., 1907.
7. *Menzel H.* Antike Lampen im Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz, 1956.
8. *Bernhard M.* Lampki starozytne. W-wa, 1955.
9. *Kötzsche-Breitenbruch L.* Pilgerandenken aus dem Heiligen Land//Jahrbuch für Antike und Christentum. B. 11. Münster, 1984.
10. *Lehmann K.* The Dome of Heaven//The Art Bulletin. T. 27. № 1. L., 1945.
11. *Grabar A.* Martyrium. V. I. P., 1946.
12. *Cvetković-Tomašević G.* Trois interprétations des mosaiques paléobyzantines de pavement//XVI Internationaler Byzantinisten kongress. Akten. B. II. 5. Wien, 1982.
13. *Velmans T.* Quelques versions rares du thème de la fontaine de vie dans l'art paléochrétien//Cahiers archéologiques. T. XIX. P., 1969.
14. *Underwood P.* The Fountain of Life in Manuscripts of the Gospels//Dumbarton Oaks Papers. V. V. Wash., 1950.
15. *Ross M. G.* Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. B. I. Wash., 1962.
16. *Nordström F.* Mediaeval Baptismal Fonts. An iconographical Study. Stockholm, 1984.
17. *Младенова Я.* Надгробна могила при Ивановград//Археология. 1971. Кн. 4.
18. *Ivanyi D.* Die pannonischen Lampen. Bp., 1935.
19. *Bauer M.* Inschriften auf frühchristlichen Tonlampen unter besonderer Berücksichtigung der Inschrift: das Licht Christi scheint allen//Byzantinisch-Neugriechische Jahrbuch. 1923. B. IV. Heft 3—4.
20. *Кузманов Г.* За производството на глинени лампи в Долна Мизия и Тракия (I—IV в.). (По данни от Националния археологически музей, София)//Археология. 1981. Кн. 1, 2.
21. *Saucius-Saveanu Th.* Callatis I//Dacia. 1924. T. I.
22. *Nicorescu P.* Fouilles de Tyros//Dacia. 1927—1932. T. III, IV.
23. *Gomolka-Fuchs G.* Die Kleinfunde vom 4 bis 6 Jh. aus Iatrus. Ergebnisse der Ausgrabungen 1966—1973. B., 1982.
24. *Stevenson R. B. K.* The Great Palace of the Byzantine Emperors. The Pottery. L., 1947.
25. *Modrzewska-Marciniak I.* Lampes d'Anab Safina (Syrie). L étude typologique et chronologique//Archeologia. T. XXVIII. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1978.
26. *Deneauve J.* Lampes de Carthage. P., 1969.
27. *Золотарьов М. Й., Рижов С. Г.* Новий склеп західного некрополя Херсонесу//Археологія. 1984. № 48.
28. *Waage F. C.* Lamps, Pottery, Metal and Glass Ware//Antioch on—the—Orontes I. The Excavations of 1932. Princeton, 1934.
29. *Dragomir I. T.* Resente marturii archeologice referitoare la coabitarea dacoromana descoperti la Tirighina-Barbosi//Traco-Dacia. T. III. Bucurest, 1982.
30. ОАК за 1890. СПб., 1893.

Р. Ф. ВОРОНИНА

МОРДОВСКАЯ ВИСОЧНАЯ ПРИВЕСКА С ГРУЗИКОМ И СПИРАЛЬЮ

Одним из характерных украшений и составных частей мордовского женского головного убора IV—XI вв. являлись височные привески, сделанные из меди или плохого серебра, представляющие собой спиральки, один конец которых вытянут в виде стержня, обмотанного проволокой и заканчивающегося бипирамидальным грузиком. Обычно их находят по одной с обеих сторон черепа у височных костей. Привески либо закреплялись концами в мочке уха [1, с. 180], либо подвешивались на ухо кожаным ремешком [1, с. 90]. Последний способ крепления подтверждается частыми находками височных привесок с остатками ремешка в спирали [1, с. 175]. Как правило, височные привески находили в погребениях старых женщин или в мужских погребениях вместе с другими женскими украшениями, положенными вдовами в могилы мужей. Эти факты, по-видимому, свидетельствуют о том, что височные привески входили в состав головного убора замужних женщин. Об этнической принадлежности привесок с грузиком нет единого мнения. Некоторые

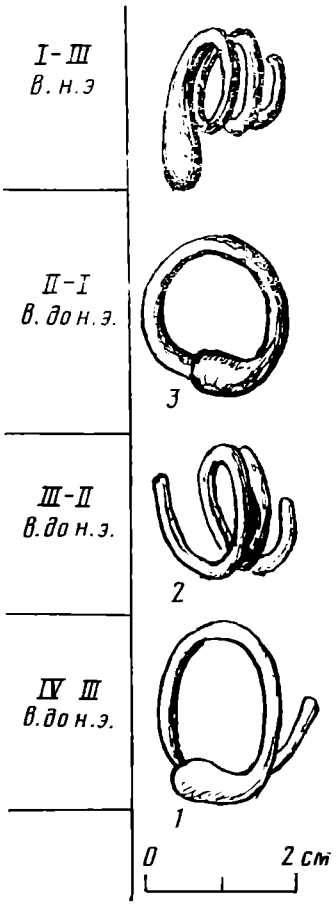


Рис. 1. Височные кольца: *1* — прохоровская культура; *2* — кург. 7 у с. Политотдельское; *3* — могильник у с. Тарки; *4* — Андреевский курган

археологи, например М. Р. Полесских [2, с. 207], Н. В. Трубникова, полагают, что они типичны только для древней мордвы-мокши. Другие — в частности А. Е. Алихова [3, с. 68], М. Ф. Жиганов [4, с. 54], а также автор настоящей заметки, считают эти подвески общими для мордовских племен. Нет единства и в вопросе происхождения привесок с грузиками, поскольку он теснейшим образом связан с весьма дискуссионной проблемой этногенеза древнемордовских памятников.

Вслед за А. П. Смирновым [5, с. 111—138], Н. В. Трубниковой [6, с. 21—25] и В. И. Вихляевым [7, с. 144, 145] я полагаю, что в этногенезе местных угро-финских народов большую роль сыграли сарматы. Отдельные сарматские племена еще в первые века нашей эры, продвигаясь вверх по Дону и Волге, оседали на территории, занятой племенами городецкой культуры [8, с. 89]. В результате возникавших контактов в культуре появляются новые черты. Это, как нам представляется, хорошо прослеживается на материалах исследуемых в данной работе височных привесок. Прообразом их, очевидно, были сарматские височные кольца в виде спирали в полтора-два оборота (рис. 1). Концы колец тупые, чаще чуть заостренные, в редких случаях утолщенные. Эти височные привески или кольца появляются в IV в. до н. э. в прохоровской культуре и широко распространяются в III—II вв. до н. э. [9, с. 44]. В позднесарматское время размеры этих височных колец несколько уменьшаются [10, с. 255, рис. 19, *2*; 11, с. 262, рис. 18, 19]. Во II—III вв. н. э. утолщенный конец привески-кольца немного оттягивается вниз (рис. 1, *4*). Дальнейшую эволюцию спиральной привески мы можем проследить уже на мордовских материалах из 37 ранних и поздних могильников (рис. 2). Такая же привеска случайно найдена в Шатрищенском могильнике, который не относится к этой культуре.

В основу выделения типа височной привески было положено сечение проволоки обмотки, а вариантным признаком явилась форма грузика. В результате все височные привески были разделены нами на два типа.

1 тип. Стержень обмотан толстой, треугольной в сечении кованой проволокой. Тип имеет пять вариантов.

Вариант 1 — с маленьким биконическим грузиком (со сглаженными гранями). Размер такой привески не превышает 2,5—2,9 см. Этот вариант проявляется в IV—V вв. н. э. Таковы височные привески из Селиксенского могильника [2, с. 205, рис. 3, *1*]. В Ражкинском могильнике грузик подвески приобретает более четкие грани [12, с. 205, рис. 3, *2*]. Аналогичны височные привески из Абрамовского могильника [4, табл. 10, *1—23*]. Дальнейшей эволюцией этого варианта является вариант 2 (рис. 3, *2*).

Вариант 2 характеризуется большей массивностью грузика. Височная привеска небольшая, грузик короткий, имеет биконическую форму, в которой верхние и нижние конусы равны. Таковы височные привески из Армиевского могильника, датированного М. Р. Полесским VI—VII вв. [13, с. 20, рис. 12, *1*]. Дальнейшей эволюцией двух первых вариантов явился вариант 3 (рис. 3, *3*).

Вариант 3. Характеризуется массивным широким бипирамидальным грузиком; верхняя его пирамида меньше нижней. По границе верхней и

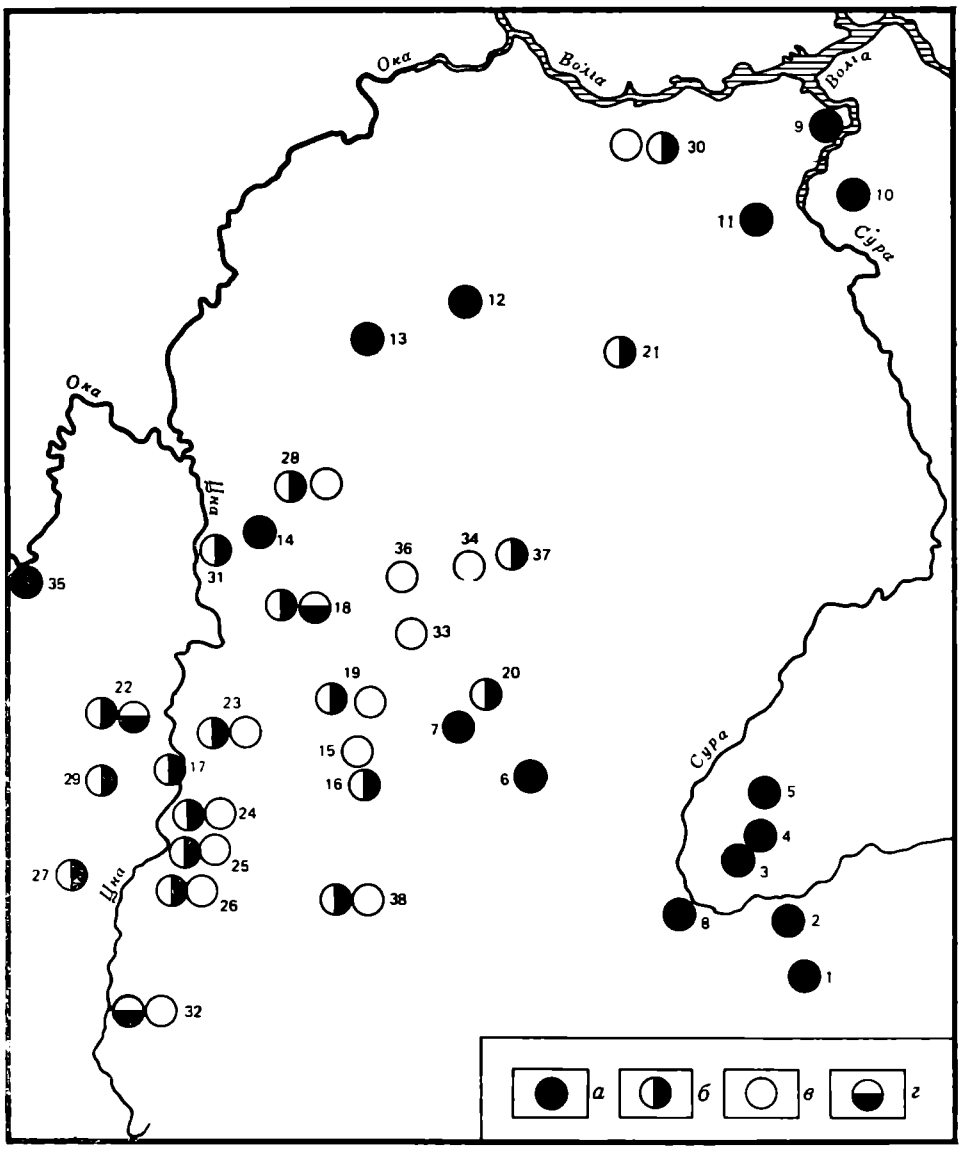


Рис. 2. Находки височных привесок с грузиком: *а* — височные привески с грузиком IV—VI вв. н. э.; *б* — височные привески VII—IX вв. н. э.; *в* — височные привески IX—X вв. н. э.; *г* — височные привески X—XI вв. н. э. *1* — Армиево, *2* — Шемышейка, *3* — Малый Селиксенский, *4* — Селикса-Трофимовский, *5* — Степановский, *6* — Ражкинский могильник, *7* — Тезиково, *8* — Алферьевский, *9* — Иваньково, *10* — Таутово, *11* — Сергач, *12* — Абрамовский могильник, *13* — Старший Кужендевский могильник, *14* — Старо-Кадомский могильник, *15* — Старобадиковский I, *16* — Старобадиковский II, *17* — Серповский, *18* — Заря, *19* — Журавкино, *20* — Красный Восток, *21* — Перемчалки, *22* — Томниковский, *23* — Елизавет-Михайловский могильник, *24* — Крюково-Кужновский, *25* — Кершин-Вьюкский, *26* — Кашминский, *27* — Кулеватово, *28* — Шокшинский, *29* — Давыдовский, *30* — Волчиха, *31* — Кошибеевский (подъемный), *32* — Лядинский, *33* — Кельгининский, *34* — Ефаевский, *35* — Шатрищенский, *36* — Куликовский, *37* — Теняшевский, *38* — Пановский

нижней пирамидки идет бороздка. Это уже вполне сложившаяся мордовская височная привеска с бипирамидальным грузиком. Таковы височные привески Серповского могильника. Находка 3 варианта височной привески в погр. 16 Серповского могильника вместе с семью византийскими монетами дала основание датировать погребение второй половиной VII—VIII в. [14, с. 130]. Аналогии этой привеске есть в ранних комплексах II Старобадиковского могильника [15, с. 78, рис. 4, *4*]. Распространен этот вариант и в погребениях VII в. Крюково-Кужновского и Елизавет-Михайловского могильников [16, с. 137, табл. 31, *8*]. Этот вариант явился исходным для дальнейшей эволюции привески в VIII—IX вв.

Вариант 4 имеет вытянутый бипирамидальный грузик. Верхняя пирамидка меньше нижней, грузик менее массивен, бороздка по основанию пирамидок отсутствует. Такова височная привеска из погр. 205

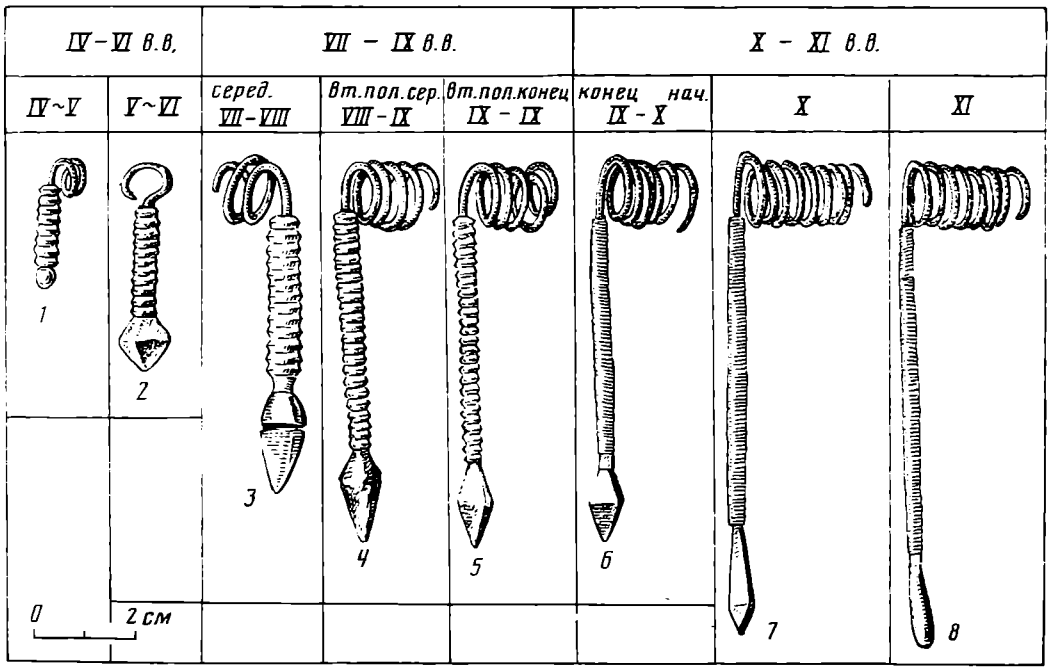


Рис. 3. Типы височных привесок со спиралью и грузиком из мордовских могильников: *1* — Селиксенский; *2* — Ражкинский; *3* — Серповской; *4* — Крюково-Кужновский; *5, 6* — Елизавет-Михайловский; *7* — Лядинский; *8* — Пановский

Крюково-Кужновского могильника (рис. 3, *4*), найденная в одном комплексе с арабским дирхемом 756 г. н. э., чеканенным в г. Куфа близ Багдада в царствование халифа ал-Мансура [1, с. 71]. Аналогичная височная привеска была найдена и в погр. 349 Крюково-Кужновского могильника вместе с четырьмя аббасидскими дирхемами (ал-Аббасия, 80-е годы VII в. н. э. и ал-Ифрикия, 793—794 гг. н. э.). По этим дирхемам данное погребение можно датировать не позже середины IX в.[1]

Заключительным этапом развития привесок I типа может служить вариант 5. Он характеризуется бипирамидальным грузиком вытянутых пропорций, у которого верхняя и нижняя пирамидки равны (рис. 3, *5*). Это переходный, промежуточный вариант, связанный по форме грузика со вторым типом височной привески.

Тип II. Этот тип височной привески имеет более длинный стержень, обмотанный тонкой, круглой в сечении волоченой проволокой. Он делится на три варианта.

Вариант 1 имеет грузик, аналогичный грузику варианта 5 первого типа. Он узкий, вытянутых пропорций, верхняя и нижняя его пирамидки равны (рис. 3, *6*).

Вариант 2 также генетически связан с 5-м вариантом I типа. Бипирамидальный грузик имеет вытянутые пропорции. Он узкий, верхняя пирамидка его длиннее, нижняя короче (рис. 3, *7*). Подобные височные привески встречаются в погребальных комплексах Крюково-Кужновского могильника вместе с крестовидными и монетовидными привесками ожерелий, усатыми перстнями, грушевидными бубенчиками с крестовидной прорезью и небольшими кольцевидными застежками с раскованными усами. Их узкие раскованные лопасти — прообраз будущих сюльгам, широко распространенных у мордвы с X в. и далее во II тыс. н. э. Аналогичные находки известны в Лядинском [17, с. 3] и Кельгининском могильниках и датируются X—XI вв. [18, с. 199].

Последним, отмирающим вариантом мордовской височной привески с бипирамидальным грузиком является 3-й вариант.

Вариант 3. Грузик имеет каплевидную форму. Верхняя и нижняя его пирамидки утратили грани (рис. 3, *8*). Такие привески встречены в Пановском могильнике, погребальном комплексе с шиферным пряслицем

[1] Благодарю А. В. Фомина за определение монет.

[17, с. 81, табл. 31, *8*]. Есть ему аналогии и в погребениях XI в. Лядинского могильника [18, табл. V, *5*].

Такова эволюция древнемордовской височной привески. Появившись в IV—V вв. под влиянием поздних сарматских прототипов и постепенно видоизменяясь, эта привеска, как мы видели, доживает до XI в. По мнению А. Е. Алиховой, в качестве пережитка она иногда встречается и в комплексах XII в. [3, с. 60].

Типологический анализ подвески позволил нам выделить еще один «хронологический индикатор» для работы над созданием хронологической шкалы мордовских древностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952.
2. *Полесских М. Р.* Пензенские могильники мордвы IV—V вв.//СА. 1962. № 4.
3. *Алихова А. Е.* Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца первого — начала второго тысячелетия новой эры//СА. 1958. № 2.
4. *Жиганов М. Ф.* Память веков. Саранск, 1976.
5. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья//МИА. 1952. № 28.
6. *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура//САИ. 1965. Вып. Д1-14.
7. *Вихляев В. И.* О генезисе культуры южно-мордовских племен//Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск, 1979.
8. *Воронина Р. Ф.* Сарматский могильник у с. Ново-Никольское//КСИА. 1982. Вып. 170.
9. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры//САИ. 1963. Вып. Д1-10.
10. *Смирнов К. Ф.* Курганы у с. Иловатка и Политотдельское//МИА. 1951. № 23.
11. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе селения Тарки//МИА. 1951. № 23.
12. *Полесских М. Р.* Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области//СА. 1959. № 4.
13. *Полесских М. Р.* Армиевский могильник//Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск, 1979.
14. *Алихова А. Е.* Серповский могильник//Из истории мордвы I — начала II тыс. н. э.// Тр. МНИИЯЛИ. 1952. Вып. 2.
15. *Петербургский И. М.* Отчет о раскопках II Старобадиковского могильника Зубово-Полянского р-на Мордовской АССР в 1978 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7065.
16. Средне-Цнинская мордва VIII—XI вв. Саранск, 1969.
17. Древности мордовского народа. Саранск, 1941.
18. *Алихова А. Е., Воронина Р. Ф.* Кельгининский могильник//Тр. МНИИЯЛИ, 1965. Вып. 27.

Т. П. ТИМОФЕЕВА

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕГО КАРНИЗА ПРИТВОРА ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА XIII В.

В декоративном богатстве Георгиевского собора XIII в. в г. Юрьеве-Польском значительная доля принадлежит орнаменту. Особенное разнообразие являют схемы бесконечного орнамента, акцентирующего конструктивные узлы. Бесконечный орнамент располагается горизонтальными, вертикальными и криволинейными поясами. К последним относится декор архивольтов порталов и килевидных фронтонов южного и северного притворов. Декоративное обрамление притворов складывалось, вероятно, из двух поясов: внутреннего узкого полувалика, орнаментированного парами завитков «восьмерок», и широкого прямоугольного облома, служащего карнизом. Этот карнизный пояс сохранился очень фрагментарно на обоих притворах. На северном сохранилось пять верхних камней, но их положение кажется произвольным; даже те два камня на западном склоне, которые составляют единый фрагмент орнамента, вряд ли находятся in situ. В замке́ вставлен арочный блок с рельефом отрока. На месте недостающих широких карнизных блоков оказались узкие полувалики. Все это результат поздних перекладок. На южном

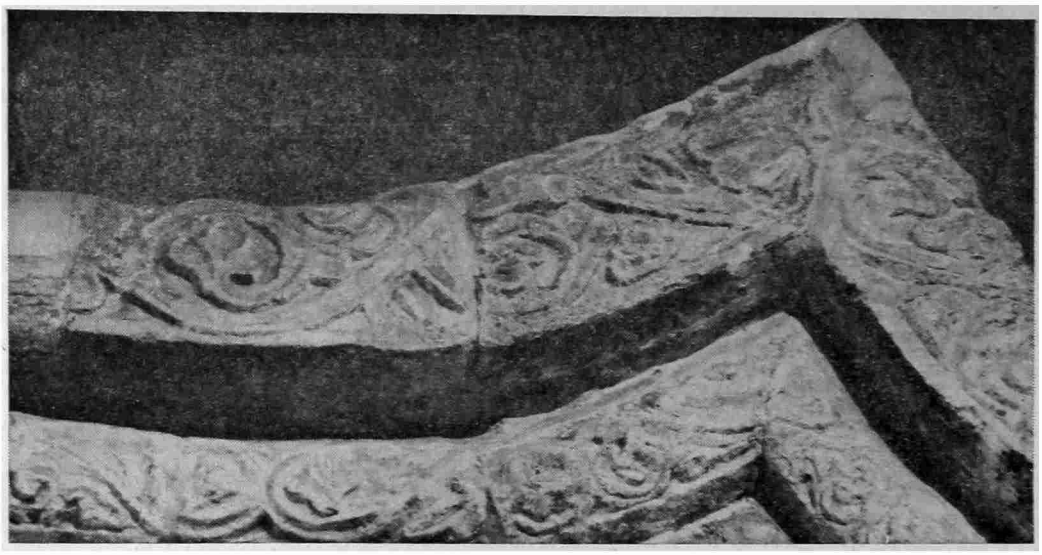


Рис. 1. Западная часть карниза южного притвора Георгиевского собора XIII в., сохранившаяся in situ

притворе in situ находится пять камней замковой части: два камня, образующие острый угол килевидного фронтона, и соседние с ним блоки — один слева и два справа. По ним можно судить об истинных размерах и рельефах недостающих карнизных блоков (рис. 1).

Подобные по рельефу камни находились до недавнего времени под свесами кровли на боковых (западных) стенах южного и северного притворов. Их положение здесь явно произвольно. Поэтому во время реставрационных работ ВСЭНРПМ летом 1984 г. при замене кровли 25 камней были вынуты и переданы во Владимиро-Суздальский музей-заповедник. При изучении их особое внимание привлекли 16 камней как возможный материал для реконструкции орнаментированного карниза фронтонов притворов, поскольку однородный орнамент заставил предположить их принадлежность к одному декоративному поясу, а сходство с рельефом замка́ притвора конкретизировало их функцию (рис. 2).

Все эти камни представляют собой крупные белокаменные прямоугольные блоки. При ближайшем рассмотрении и обмерах оказалось, что форма их не совсем прямоугольна: две грани имеют легкую кривизну, т. е. блоки слегка дугообразны[1]. Все эти блоки имеют одну резную грань, очерченную по продольным ребрам рамками; между ними размещается рельеф небольшой высоты (до 1 см) с рисунком в виде вариантов изогнутого стебля с трилистником, ввернутым в отросток. Живой, стремительный рисунок рельефа, виртуозно исполненного, характерная манера выделения планов, мягкость и округлость форм, неизменная продольная борозда́ка на стеблях не оставляют никаких сомнений в том, что перед нами подлинная работа древних резчиков Георгиевского собора (следует иметь в виду, что в лапидарии музея-заповедника есть и камни поздней работы). Обработка других граней также представляет отличные образцы древней тески — молотками с прямым и профильным лезвием и топором (возможно, есть следы тесла). Лицевые грани блоков примерно одинаковы по высоте (около 23 см). Продольные размеры лицевых граней колеблются от 23 до 49 см (считая по длинному ребру). Одинаковый масштаб и сходство рельефов тоже заставляют предполагать их взаимную связь. Заметим, что среди переданных реставраторами камней есть и другие дугообразные блоки тех же размеров, с рамками и растительным орнаментом, но по рисунку рельефов и масштабу пришлось исключить их из числа карнизных. На одном из рассматриваемых камней первоначально почти не было заметно резьбы: лицевая его по-

[1] Исследователю Георгиевского собора А. В. Столетову эти камни, безусловно, были известны. Однако он не обратил внимания на их арочную форму и отнес к карнизу боковых стен притворов [1].

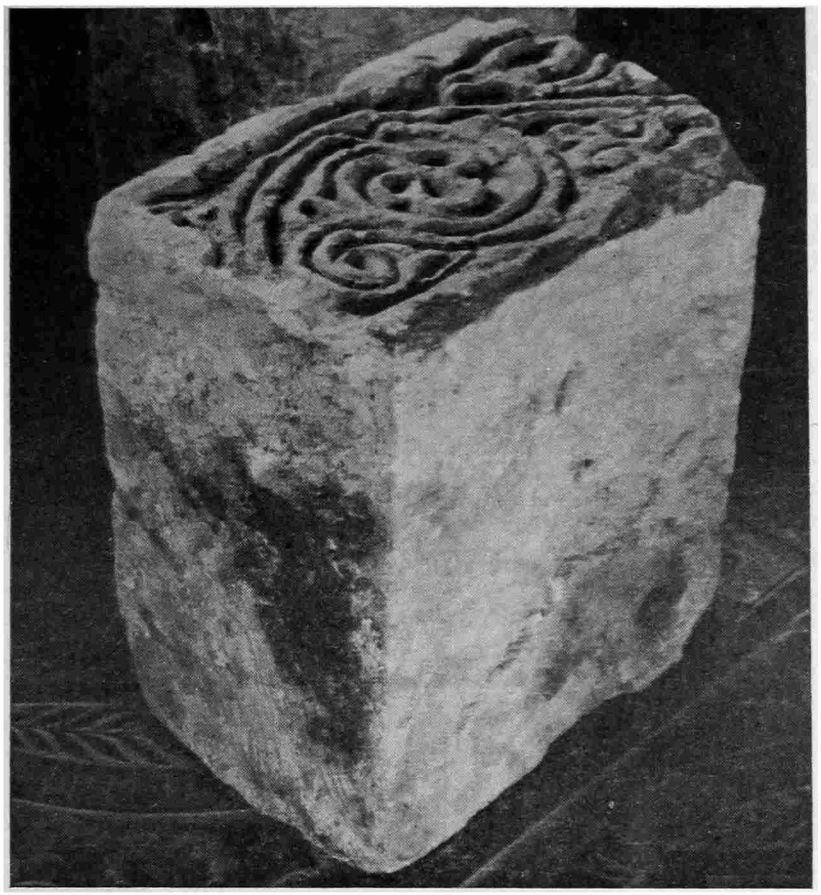


Рис. 2, (*1*)

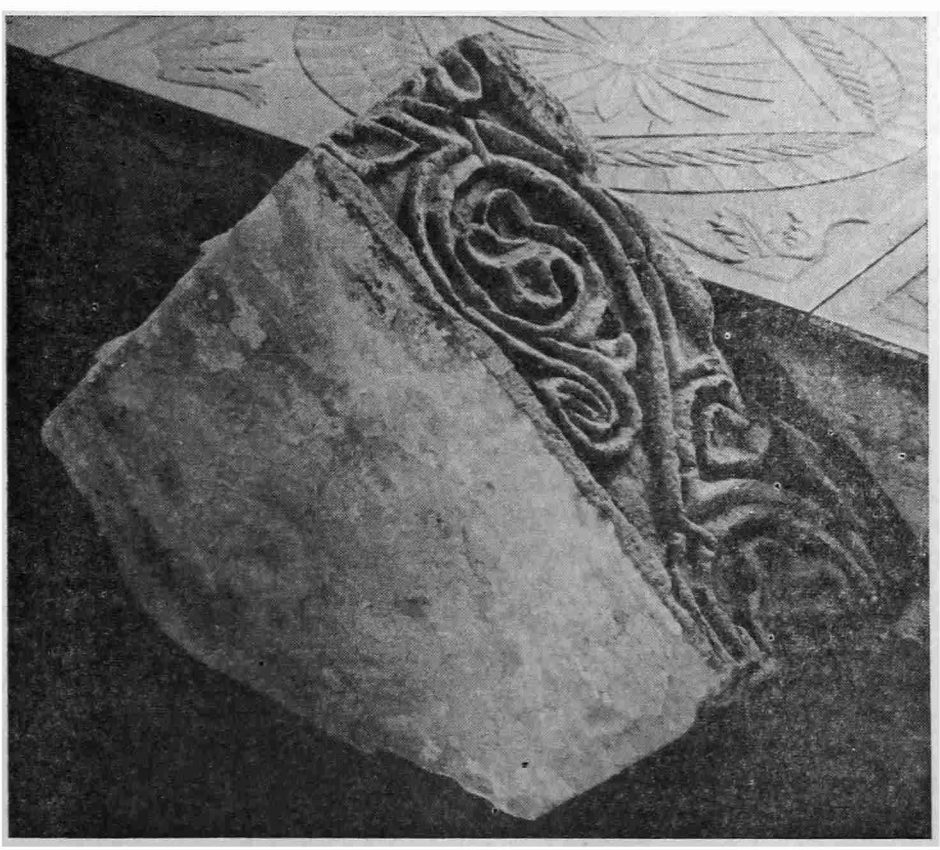


Рис. 2, (*2*)

Рис. 2. Карнизные камни притворов Георгиевского собора XIII в. (*1, 2*)

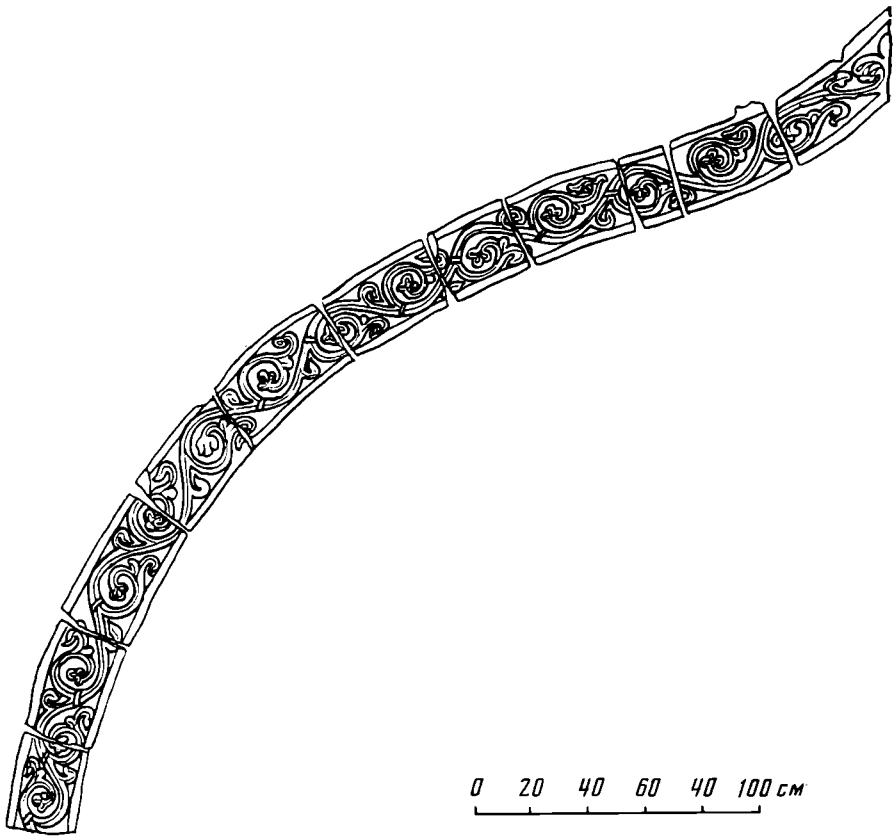


Рис. 3. Реконструкция западного карниза южного притвора Георгиевского собора XIII в.

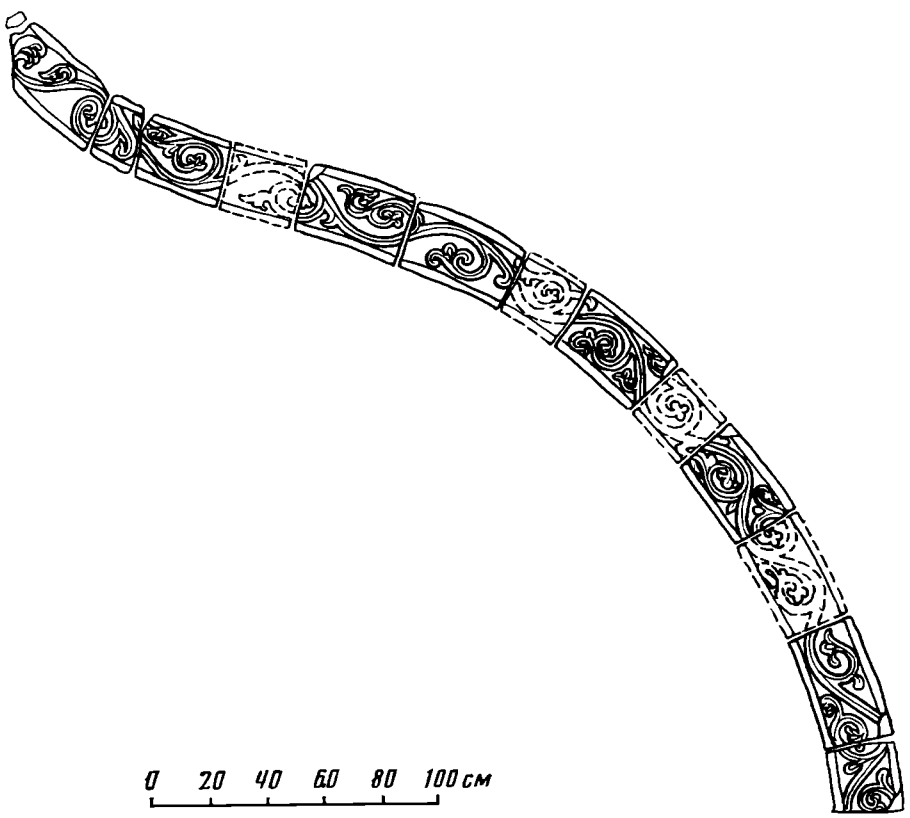


Рис. 4. Гипотетическая реконструкция восточного карниза южного притвора Георгиевского собора XIII в. (пунктиром даны недостающие камни)

верхность, так же как и прочие, была плотно замазана известковым раствором, цементом и грязью. После расчистки выявился прекрасный рельеф, такой же как на других камнях. Этот камень оказался чрезвычайно важен впоследствии, при сборке блоков в связную ленту орнамента.

Натурное обследование и существующие обмерные чертежи притворов [2] показали, что карнизные пояса притворов практически утрачены. Однако замковая часть южного притвора, сохранившаяся in situ, послужила отправной точкой в попытке реконструировать карниз. Сохранившаяся часть пояса очень мала и не дает бесспорной схемы орнамента. Эти фрагменты могут равно принадлежать как схеме типа «побег», так и «завитку-восьмерке», возможны и другие варианты. Поэтому реконструкция карниза не только вернула бы камни на свои места, но и пополнила бы арсенал орнаментальных схем Георгиевского собора.

Методикой работы стало оперирование контактными оттисками с рельефов на бумагу, прорисованными карандашом. Этот метод позволил очень точно по соответствию орнамента подобрать соседние камни. Сохранившиеся in situ камни замкóвой части карниза южного притвора задали направление орнамента: ввернутые в изгибы отростки побега обращены к центру. Исключая килевидную вершину, блоки карниза должны располагаться выпуклой стороной наружу. Дугообразный изгиб блоков в сочетании с определенным направлением завитков-отростков позволил разделить камни на «правые» и «левые» (т. е. принадлежащие к правому и левому склонам фронтона). К левым было отнесено 10 камней (инв. № В-34432/19, 1, 2, 16, 17, 4, 5, 7, 9, 6). Их последовательность, установленная по контактным оттискам-рисункам, была затем проверена сборкой самих блоков. Рисунок составленной из них орнаментальной ленты соответствовал резьбе замкóвой части южного притвора. Камень, рельеф которого был расчищен от раствора (В-34432/19), связал сохранившуюся часть западного карниза южного притвора и вновь составленную ленту. Расчет по размерам камней и обмерному чертежу южного притвора показал, что этих блоков достаточно по количеству и составленная из них лента достигает пяты килевидной арки фронтона притвора[2]. Результатом этой работы является чертеж-реконструкция западной части карниза фронтона южного притвора[3] (рис. 3). Орнамент карниза представляет собой волнообразный побег, начинающийся от килевидного замкá. В вершине на двух соседних камнях (западный и восточный) симметрично распространяется пальметта, от которой вправо и влево отходят стебли; они-то и составляют побег — основу орнамента. В изгибы побега круто ввернуты отростки с трилистниками; в свободные пространства вкомпонованы лепестки и полупальметки, отходящие от стебля-побега или стебля-отростка. Группа камней (6 штук) отнесена нами к «правым», т. е. это камни либо от восточного карниза южного притвора, либо от западного карниза северного притвора. Количество их недостаточно для реконструкции. Два из них сочетаются по орнаменту, остальные разрознены. Однако с их участием возможна гипотетическая реконструкция восточного карниза южного притвора (рис. 4). В реконструкции отведены определенные места шести интересующим нас камням. В ней определен рисунок рельефа недостающих камней и примерный их размер, что должно облегчить их поиск.

Таким образом, камни, в результате разрушений и перестроек Георгиевского собора утратившие свою функцию, вновь возвращены на свои места, а южный притвор получил орнаментированный карниз. Это позволяет уточнить общие реконструкции Георгиевского собора XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Столетов А. В.* Георгиевский собор. Проект реставрации притворов. Кн. 5. 1962//Научный архив ВСЭНРПМ, шифр ю-1/4, № 3589.
2. Обмерные чертежи Георгиевского собора//Научный архив ВСМЗ.

[2] Камень В-34432/6 не входит в это число.

[3] Реконструкции карнизов А. В. Столетовым достаточно условны, в них не использованы принадлежащие фронтонам камни [1].

Таблица орнаментальных схем фризовых колонок владимиро-суздальских белокаменных памятников

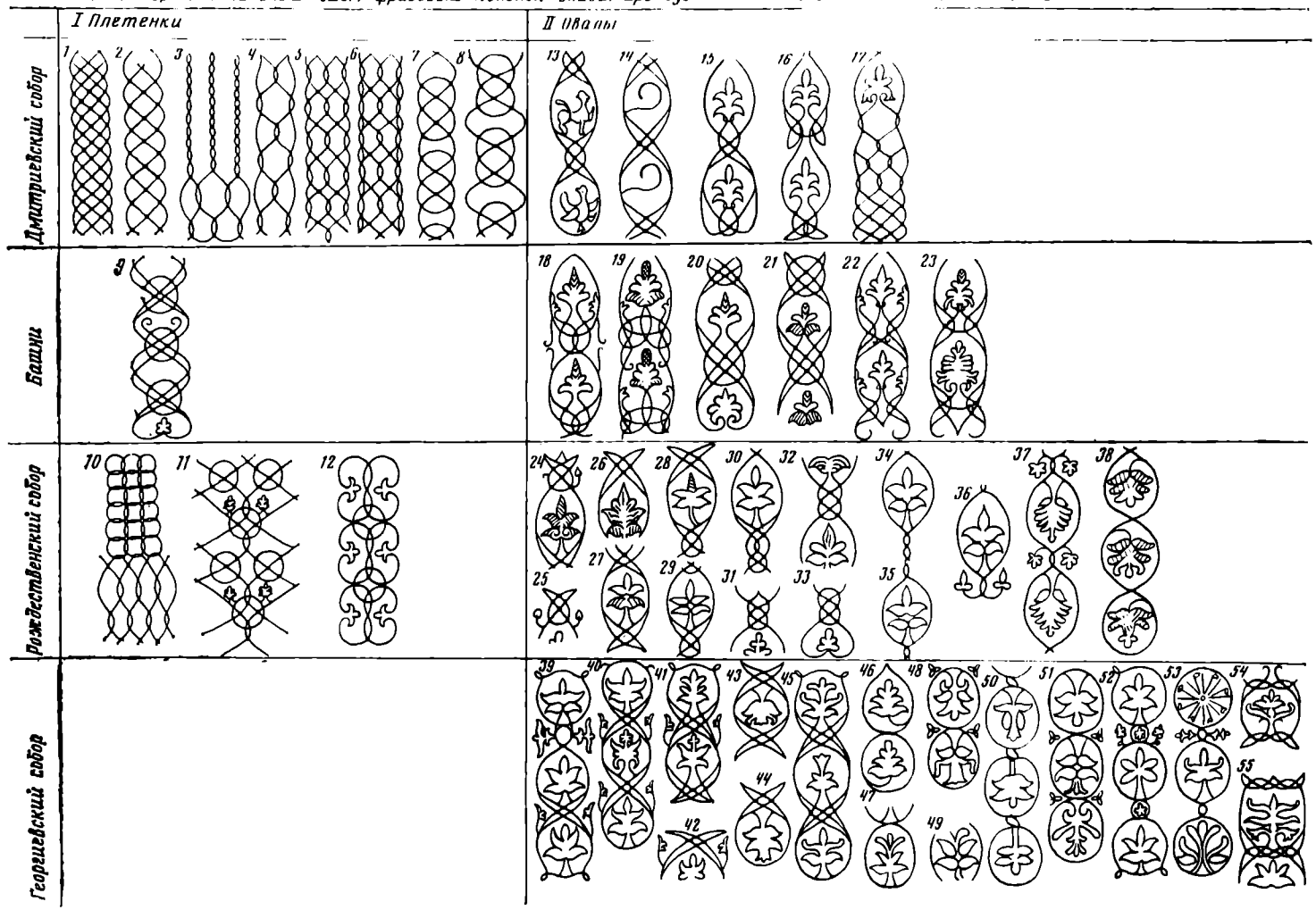


Рис. 5, (1)

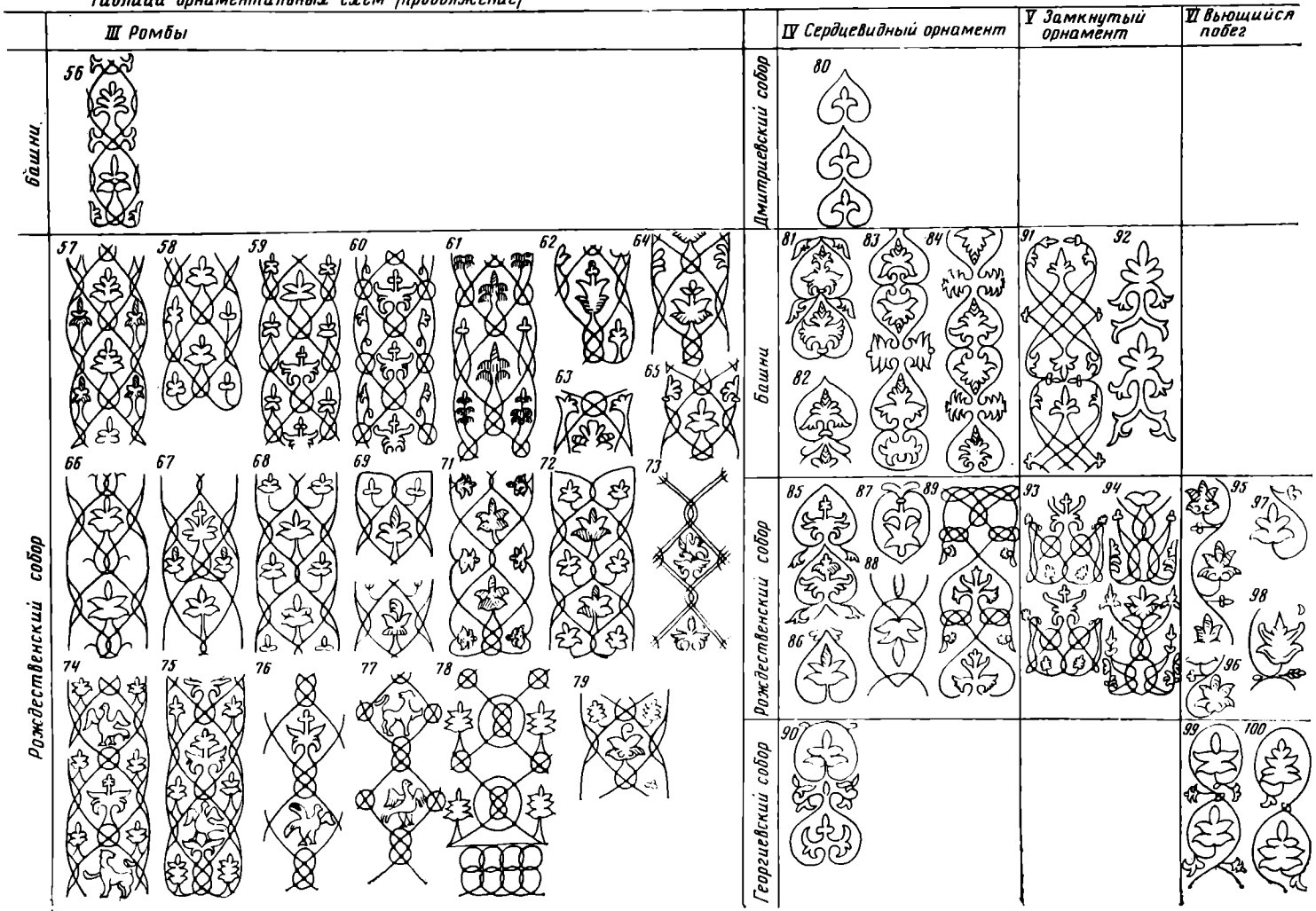


Рис. 5. *1, 2.* Таблица орнаментальных схем фризовых колонок владимиро-суздальских белокаменных памятников XII—XIII вв. (см. «СА», № 1—1988, с. 203)

Вл. В. СЕДОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПСКОВСКИХ ХРАМОВ XIV—XV ВВ. С ПРЯМОУГОЛЬНЫМИ БОКОВЫМИ АБСИДАМИ

Среди памятников псковской архитектуры XIV—XV вв. выделяется отдельная группа из пяти храмов с характерным решением алтарной части (рис. 1). У этих храмов к полукруглой главной абсиде примыкают прямоугольные боковые с внутренним пространством в виде сужающейся каморы, заканчивающейся световым проемом.

Это храм № 1 в Довмонтовом городе в Пскове, открытый Г. П. Гроздиловым и В. Д. Белецким в 1959—1963 гг. (рис. 1, *г*) и определенный последним как храм Николы «над Греблею» [1, с. 141, 152]. Эта церковь может быть отождествлена с известными по летописям двумя храмами: церковью Николы «за стеной» 1383 г. и церковью Николы «на Звозе» 1404—1405 гг. [2, с. 174]. В. Д. Белецкий связывает раскрытый храм с постройкой 1383 г. [2, с. 175]. И. К. Лабутина локализует летописный храм Николы «на Звозе» в районе церкви Георгия «со Взвоза» — вне стен Довмонтова города [3, с. 174]. Относительно церкви Николы «с Гребли» ее мнение также расходится с В. Д. Белецким: наиболее соответствующим церкви Николы признается храм № 10, открытый в Довмонтовом городе [3, с. 215]. Думается, с отождествлением В. Д. Белецким храма № 1 с летописной церковью Николы «с Гребли» следует согласиться, однако необходимо принять и замечание И. К. Лабутиной о невозможности приурочить первоначальную постройку этого храма к 1384 г. [3, с. 215].

На территории Довмонтова города раскрыты еще два храма с характерными прямоугольными боковыми абсидами: № 2 (рис. 1, *в*) и № 4 (рис. 1, *б*), которые, по мнению их исследователя — В. Д. Белецкого, также «не выходят за пределы второй половины XIV в.» [2, с. 175]. Ближайшей аналогией храмам Довмонтова города и в особенности храму № 1 является церковь Успения 1462—1463 гг. в Мелетове (рис. 1, *д*), что было отмечено уже В. Д. Белецким [1, с. 145]. К этой же группе относится церковь Козьмы и Дамиана с Примостья 1461—1462 гг. (рис. 1, *е*). Оба названных храма хорошо изучены: церкви Успения в Мелетове посвящена работа К. К. Романова [4, с. 143—149], церкви Козьмы и Дамиана — статья Ю. П. Спегальского [5, с. 31—41]. Н. Н. Воронин оба названных храма определил как боярские постройки со стилевой ориентацией на Троицкий собор Пскова 1365—1367 гг. [6, с. 313—315]. Таким образом, храмы с прямоугольными боковыми абсидами выделяются в группу, существовавшую со второй половины XIV по вторую половину XV в.

Храмы характеризуемой группы, открытые в Довмонтовом городе, обнаруживают существенные отличия в решении плана, размерах, формах столбов от современных им храмов Кирилла 1374 г. [7, с. 103], Рождества 1388 г. и Сошествия Святого Духа 1383 г. (соответственно храмы № 3, 8, 10). В. Д. Белецкий справедливо видит в них особый тип, выработанный во второй половине XIV в. [2, с. 175, 176].

Возникновение характерных архитектурных приемов исследуемой группы памятников (прямоугольные боковые абсиды, различное скругление столбов) до сих пор остается невыясненным. До недавнего времени памятники с подобным решением алтарной части в других землях Руси были неизвестны. В 1979 г. Л. Е. Красноречьевым в церкви Троицы на Редятине улице в Новгороде (1365 г.) при архитектурно-археологическом обследовании были обнаружены прямоугольные боковые абсиды, примыкающие к основной полукруглой[1]. Размеры этого памятника близки к храмам № 1, 2 и 4 в Довмонтовом городе (примерно 12×10 м). При архитектурном обследовании церкви были открыты основания че-

[1] Автор выражает благодарность Л. Е. Красноречьеву за предоставление возможности работать с материалами исследования церкви Троицы в Новгороде.

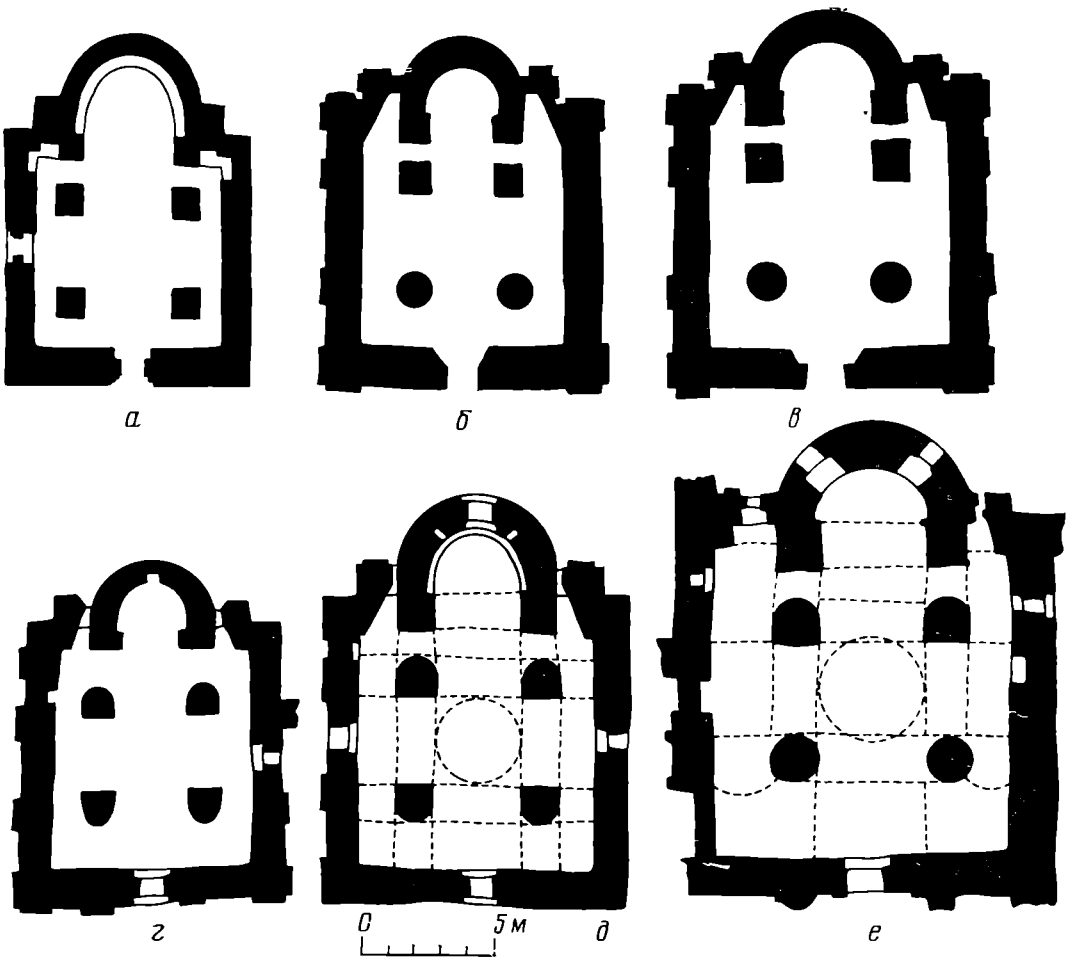


Рис. 1. Храмы XIV—XV вв. с прямоугольными боковыми абсидами. *а* — церковь Троицы на Редятине улице (1365 г.) (по Л. Е. Красноречьеву); *б* — храм № 4 (церковь Тимофея 1374 г.) в Довмонтовом городе в Пскове (по В. Д. Белецкому); *в* — храм № 2 в Довмонтовом городе в Пскове (по В. Д. Белецкому); *г* — храм № 1 (церковь «Николы с Гребли» 1383 г.) (по В. Д. Белецкому); *д* — церковь Успения в Мелетове 1462—1463 гг.); *е* — церковь Козьмы и Дамиана с Примостья в Пскове 1461—1462 гг.)

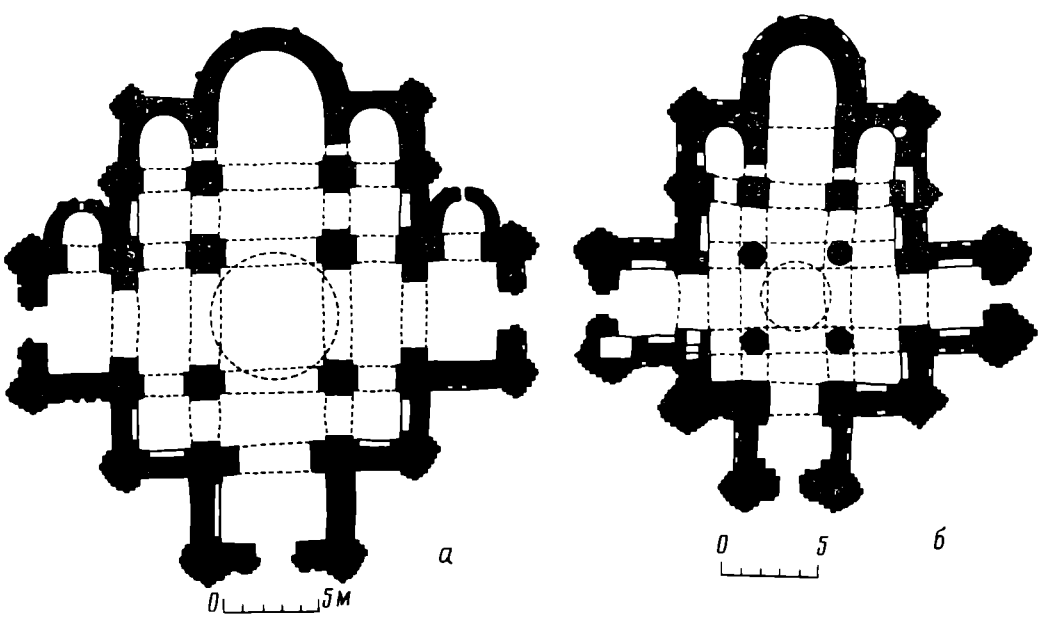


Рис. 2. *а* — церковь Михаила архангела (Свирская) в Смоленске (1180—1197 гг.) (по Н. Н. Воронину и П. А. Раппопорту); *б* — церковь Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде (1207 г.) (по Г М. Штендеру)

тырех квадратных в плане столбов (рис. 1, *а*). Техника кладки в церкви Троицы — новгородская, с применением кирпича. Вероятно, церковь Троицы не являлась единичным памятником, а входила в целый ряд храмов, пока археологически не обнаруженных. Эти памятники непосредственно повлияли на появление храмов подобного типа в Пскове.

Это предположение подтверждается непрерывным каменным строительством в Пскове, позволяющим говорить о местной артели, сложении местных кадров начиная с 1365 г., с закладки Троицкого собора. До этого времени каменные постройки в Пскове появлялись редко. В XIV в. до 1365 г. их известно всего четыре: собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря 1310—1311 гг. и группа храмов середины XIV в. (церковь Михаила и Гавриила Архангелов 1339 г., Никольский собор в Изборске 1341—1349 гг. и церковь Покрова в Довмонтовом городе 1352 г.), обнаруживающая новгородские черты и связанная, видимо, с приходом новгородских мастеров [8, с. 17, 18]. Начиная с закладки Троицкого собора, в Пскове ведется интенсивное каменное строительство, иногда закладываются три храма в год. Такой подъем может быть объяснен привлечением мастеров к строительству собора («псковичи наяша мастеров»). В числе тех мастеров, которые были наняты для постройки собора, были, вероятно, и новгородские мастера. Памятники последней четверти XIV в., выявленные на территории Довмонтова города (как трехабсидные, так и в большой степени храмы с одной полуциркульной и двумя прямоугольными боковыми абсидами), обнаруживают новгородские черты в характере членения стен лопатками, наличии угловых палаток, форме наличников дверей и оконных проемов, технике фундаментов. Для этих памятников связь с новгородской архитектурой выявляется еще достаточно ясно. Церковь Троицы на Редятине 1365 г., предшествующая храмам № 1, 3, 4 Довмонтова города, может являться звеном, передавшим в Псков традиции прямоугольных боковых абсид.

Однако возникновение прямоугольных абсид в церкви Троицы в Новгороде в свою очередь требует объяснения. Ведь появление в XIII в. композиции алтарной части новгородского храма с одной полукруглой абсидой и жертвенником и дьяконником в оконных нишах восточной стены связывается исследователями с ориентацией на памятники смоленского зодчества, и прежде всего на церковь Параскевы Пятницы на Торгу 1207 г. в Новгороде [9, с. 102; 10, с. 85]. Г. М. Штендером, исследовавшим последнюю, решение ее алтарной части реконструировано как пониженный объем с закомарным покрытием, примыкающий к основной части храма [11, с. 203, 207] (рис. 2, *2*). В памятниках Смоленска конца XII — начала XIII в. пониженная алтарная часть решена как объем, состоящий из полукруглой центральной и прямоугольных, пониженных по отношению к центральной боковых абсид (церковь Архангела Михаила — рис. 2, *1*; Троицкий собор «на Кловке», Спасский собор и др.) [12, с. 185, 201, 255, 392]. Углы пониженных прямоугольных абсид выделялись пучковыми пилястрами. Возникновение подобного приема в Смоленске Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт связывают с перенесением к западу купола в шестистолпных храмах Полоцка и последующим влиянием полоцкой архитектуры на смоленскую [12, с. 390, 391]. Деятельность смоленских зодчих в Новгороде, как выясняется, породила не только характерную композицию с одной абсидой в новгородских храмах XIII—XIV вв., но и более сложную — с прямоугольными пониженными абсидами. В период сложения псковской архитектурной школы во второй половине XIV в. композиция новгородского храма Троицы была использована в храмах № 2 и 4, наиболее близких по размеру и плану (рис. 1, *б*, *в*). В этих храмах восточные столбы еще остаются квадратными, а западные скруглены (подобные композиции встречаем в Новгороде в церкви Успения на Волотовом поле 1352 г., церкви Михаила в Сковородском монастыре 1355 г., церкви Благовещения на Городище 1342—1343 гг.). Надо отметить, что храм № 4 отождествляется В. Д. Белецким с храмом Тимофея 1374 г. [2, с. 164] (рис. 1, *б*). Храм № 1 Николы «над Греблею» (рис. 1, *г*) имеет более вытянутый план и скруглe-

ние столбов, соответствующее Мелетову. Композиция храма выдает более развитый тип, что, как нам кажется, дает возможность отождествить эту постройку скорее с храмом Николы «на Звозе» 1404—1405 гг., чем с Николой «за стеною» 1383 г.

Учитывая локализацию И. К. Лабутиной церкви Николы «на Взвозе» вне стен Довмонтова города, можно указать другую возможную дату строительства храма № 1. В 1416 г. в церкви Николы «с Гребли» был устроен третий собор по челобитью «невкупных попов»; собор упоминается в послании митрополита Симона в 1504 г. [3, с. 216]. Может быть, строительство каменного храма относится ко времени устройства собора. По крайней мере, начало XV в.— наиболее приемлемая дата храма № 1.

Отсутствие сведений о псковских храмах первой половины XV в. не дает возможности проследить развитие исследуемой группы памятников. Но для середины XV в. по материалам церквей в Мелетове и Козьмы и Дамиана в Пскове можно судить о том, что для этого типа характерны многоскатное покрытие с постаментом под барабаном, повышенные подпружные арки. Центральная абсида украшалась валиковыми разводами, боковые — поясами бегунка и поребрика. Судя по остаткам лопаток в храмах Довмонтова города, все храмы, принадлежащие к этой группе, имели трехчастное членение фасада и, возможно, пофронтонное покрытие (может быть, многоскатное). После двух построек начала 60-х годов XV в. в псковской архитектуре подобные храмы не встречаются. Возможно, композиция алтарной части этих церквей повлияла на композицию алтаря таких памятников Пскова конца XV в., как церкви Ильи в Выбутах, Рождества Богородицы в Новой Уситве, Георгия в Камно и Рождества Богородицы в Старой Уситве. У всех этих храмов одна полукруглая абсида, что в целом нехарактерно для архитектуры Пскова.

В целом группа памятников с прямоугольными абсидами, которые можно назвать храмами типа Мелетова, представляет достаточно цельный ряд, сосуществовавший с храмами собственно «псковского» плана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белецкий В. Д.* Некоторые данные к атрибуции храма № 1 из раскопок в Пскове в 1959—1963 гг.//АСГЭ. 1974. Вып. 16.
2. *Белецкий В. Д.* «Храм 1» и некоторые вопросы атрибуции церквей Довмонтова города//Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
3. *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV вв. М.: Наука, 1985.
4. *Романов К. К.* Мелетово как источник истории Псковской земли//ПИДО. 1934. Вып. 9, 10.
5. *Спегальский Ю. П.* Происхождение пониженных подпружных арок церкви Козьмы и Дамиана с Примостья//Памятники культуры. Вып. 2. М., 1960.
6. *Воронин Н. Н.* У истоков русского национального зодчества//Ежегодник Института истории искусств. 1952. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
7. *Белецкий В. Д.* Церковь Кирилла 1374 г. в Пскове. (По материалам археологических раскопок)//Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974.
8. *Седов Вл. В.* Псковская архитектура первой половины XIV в.//Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985.
9. *Максимов П. Н.* Церковь Николы на Липне близ Новгорода//Архитектурное наследство. 2. М.: Госстройиздат, 1952.
10. *Кацнельсон Р. А.* Церковь Рождества в Перынском скиту//Архитектурное наследство. 2. М.: Госстройиздат, 1952.
11. *Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований//Новгород. К 1100-летию города. М.: Наука, 1964.
12. *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л.: Наука, 1979.

Критика и библиография

Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1984. 118 с.

История Юго-Восточной Европы первой половины I тыс. н. э. изучена еще недостаточно. В связи с этим каждое новое исследование по указанной проблеме воспринимается с неослабевающим интересом. Монография А. В. Гудковой, М. М. Фокеева суммирует и систематизирует археологические материалы первой половины I тыс. н. э. на территории Буджакских степей. Такое обобщающее исследование стало возможным благодаря интенсивному накоплению и систематизации материалов археологических исследований последних лет, когда были предприняты широкие стационарные раскопки и проведены разведки памятников римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье [1].

Авторы поставили перед собой задачу привести в систему материалы исследований Измаильской археологической экспедиции АН УССР. При этом они использовали данные раскопок новостроечных экспедиций Института археологии АН УССР, изучавших в основном курганы в зоне строительства оросительных систем, а также материалы экспедиций Одесского госуниверситета и Одесского археологического общества, которые провели исследования поселений и сплошные разведки. Все это в комплексе с углубленным, специальным полевым и кабинетным изучением памятников I—IV вв., которое провели авторы книги, позволило им создать определенную, базирующуюся на опорных археологических комплексах, систему знаний о древностях земледельческого и кочевнического населения в низовьях Дуная I—IV вв. н. э.

Систематизированные авторами материалы древностей первой половины I тыс. н. э. в степной зоне юго-запада Украины дали возможность углубить изучение этнических процессов в этом регионе. А. В. Гудкова и М. М. Фокеев четко выделяют группу сарматских памятников. Это сарматские могильники и отдельные погребения: Холмское, Алияга, Дзинилор, Нагорное, Дракуля, Каланчак и др. Опубликованные в книге сарматские погребальные памятники свидетельствуют о нескольких последовательных этапах проникновения сарматов на северо-запад. Самые древние их группы относятся к I в. н. э. и связаны с первым кратковременным появлением здесь сарматского населения. Дальнейшее заселение сарматами Буджакских степей, уже как зоны сравнительно длительного обитания, происходит в последующие века новой эры. Авторы анализируют материалы впускных погребений I—II вв. н. э. и определяют их как памятники, которые оставило в социальном плане рядовое сарматское население. Вместе с тем в книге выделена группа сарматских подкурганных захоронений, несомненно принадлежавших сарматской знати (курганы у сел Шаболат, Катаржа, Семеновка, Белолесье, Нагорное, Каланчак, Корпач, станции Дзинилор и на р. Дракуля). В подкурганных погребениях зафиксированы типичные черты сарматского погребального обряда, характерного для сарматов Приуралья, Поволжья и Северного Кавказа.

Важным является вопрос о постепенном переходе части сарматов от кочевнического быта к оседлости. А. В. Гудкова и М. М. Фокеев обращают внимание на параллельное использование подкурганных и грунто-

вых могил, усматривая в этом постепенный процесс оседания части сарматского населения и перехода его к оседлому земледельческо-скотоводческому быту. Интересны в этом отношении и материалы некоторых поселений, связываемых с сарматами, и имеющих вполне черняховский облик. На это обстоятельство обращали внимание и другие исследователи [2, 3]. Вместе с тем сложным и пока не решенным остается вопрос о возможности связей сарматских могильников и расположенных рядом с ними поселений первых веков н. э. (Холмское, Главаны, Криничное и др.).

Пока недостаточно материалов для выяснения хронологического соотношения указанных древностей в пределах II—III вв. н. э. Все же, как утверждают авторы монографии, определенное различие лепной керамики могильников и поселений не позволяет утверждать их прямую связь. Это, однако, не означает, что авторы отрицают самую возможность наличия в Буджакских степях поселений оседлых или оседавших на землю в первые века новой эры сарматов.

Большой научный интерес представляет изучение и сопоставление в Буджаке сарматских и черняховских памятников. Речь идет о хронологическом и генетическом взаимоотношениях носителей этих древностей. А. В. Гудкова и М. М. Фокеев полагают, что между основной массой сарматских и черняховских древностей в низовьях Дуная существует хронологический разрыв в несколько десятилетий. Даже наиболее поздние сарматские памятники, по мнению исследователей, оказываются более ранними, чем черняховские. Авторы отмечают в связи с этим, что, судя по имеющимся материалам, сарматские и черняховские памятники в Буджакских степях хронологически последовательны, что говорит, по их мнению, о смене одного населения другим.

Вместе с тем А. В. Гудкова и М. М. Фокеев не отрицают определенной роли сарматов в формировании черняховской культуры в Северо-Западном Причерноморье, в частности в сложении погребального обряда черняховских племен. Они отмечают интересную деталь: в целом типы могильных ям черняховских захоронений могут рассматриваться как позднейшие модификации сарматских прототипов. Фиксируя разнообразие погребальных памятников в степях между Днестром и Дунаем исследователи объясняют его этнокультурной пестротой субстрата черняховских древностей в Причерноморье.

К основному исследованию в книге имеются приложения: С. П. Сегеда, В. Д. Дяченко — «Антропологический материал из черняховского могильника у с. Холмское», Е. С. Столярик — «Новые находки монет первой половины I тысячелетия н. э. в западных районах Одесской области». Эти приложения в известной мере дополняют монографию, конкретизируя и уточняя ее отдельные положения антропологическим исследованием древнего населения, а также его торгово-экономических и культурных связей.

Таким образом, книга А. В. Гудковой, М. М. Фокеева вводит в научный оборот новые, хорошо систематизированные археологические комплексы I—IV вв. н. э. из низовий Дуная. В этом основное значение исследования. Авторы попытались в какой-то мере способствовать и исторической интерпретации этих материалов. Суть этой интерпретации состоит в попытке выяснить соотношение земледельческого и кочевнического населения Буджакских степей, определить его место в истории Юго-Восточной Европы первой половины I тыс. н. э.

Вместе с тем выскажем и некоторые замечания, которые, как нам представляется, могут оказаться полезными при дальнейшей работе над проблемой, особенно в связи с исторической интерпретацией древностей I—IV вв. н. э. в низовьях Дуная.

Проблема взаимоотношения земледельческого и кочевнического населения Северо-Западного Причерноморья первой половины I тыс. н. э. не может быть решена только на базе археологических источников. Она должна изучаться в комплексе со свидетельствами письменных исторических источников. Между тем в рецензируемой монографии анализ пись-

менных свидетельств древних авторов практически отсутствует. Это в известной мере обедняет работу и, главное, не дает возможности выяснить конкретную историческую ситуацию взаимоотношения земледельцев и кочевников во всей жизненной динамике этого процесса.

Чрезмерно увлекаясь деталями при сопоставлении погребального обряда земледельцев и кочевников, а также при выяснении хронологического соотношения сарматских и черняховских памятников, авторы недостаточно учитывают сложность историко-этнографической ситуации, которая сложилась в низовьях Дуная под воздействием не только имманентных, но и внешних факторов. В частности, недостаточно четко определено историческое значение провинциальной римской культуры по отношению к местному и пришлому населению I—IV вв. н. э.

Говоря о черняховских древностях Северо-Западного Причерноморья, было бы целесообразно выяснить соотношение их с основными лесостепными памятниками черняховской культуры II—V вв. н. э. Без этого невозможно правильно осмыслить этногенетический процесс, происходивший в Буджакских степях и на сопредельных территориях, в первой половине I тыс. н. э.

Говоря об отдельных деталях исследования, отметим, что каменная антропоморфная стела из погр. 42 черняховского могильника возле с. Холмское, по нашему мнению, напрасно интерпретируется авторами монографии как сомнительная, якобы не связанная с данным захоронением (с. 77). Даже учитывая то обстоятельство, что стела найдена, как отмечают авторы, в яме ограбленного в древности погребения (с. 69), нельзя исключать ее из этого интересного комплекса. Это, несомненно, важная деталь, характеризующая историко-этнографические особенности населения, оставившего черняховский могильник у с. Холмское.

Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку монографии А. В. Гудковой, М. М. Фокеева. Книга, несомненно, способствует дальнейшей работе над исторической интерпретацией древностей земледельцев и кочевников Буджакских степей и сопредельных территорий Юго-Восточной Европы первой половины I тыс. н. э.

И. С. Винокур

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье: Сб. научных трудов. Киев: Наук. думка, 1982.
2. *Федоров Г Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.// МИА. 1960. № 89.
3. *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975.

Проблематика срубной культурно-исторической общности в сборниках Куйбышевского педагогического института («Культуры бронзового века Восточной Европы». Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1983. 165 с., «Срубная культурно-историческая общность». Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1985. 184 с.)

В последние годы Куйбышевским государственным педагогическим институтом подготовлены два сборника научных работ, посвященные проблематике срубной культурно-исторической общности. Это свидетельствует о наличии в Куйбышеве исследовательского коллектива, ведущего плодотворный поиск преимущественно по изучению энеолита—бронзы Поволжья и, прежде всего, лесостепного Поволжья.

Становление этого исследовательского коллектива произошло за последние 10—15 лет и связано с деятельностью ведущего советского специалиста по проблематике энеолита — бронзы, заведующего отделом

энеолита и бронзы Института археологии АН СССР, доктора исторических наук Н. Я. Мерперта. Не будет преувеличением сказать, что в советской археологии сложилась школа Н. Я. Мерперта, ныне объединяющая большой отряд его учеников, работающих в Москве и Куйбышеве, Уфе и Саратове, других городах страны, в научных интересах которых значительное место занимает оценка срубной культурно-исторической общности. И не случайно, что многие из его учеников являются авторами статей рецензируемых сборников: И. Б. Васильев, О. В. Кузьмина, А. П. Семенова (Куйбышев), В. С. Горбунов и Ю. А. Морозов (Уфа), Г. Г. Пятых (Москва) и другие.

Вполне закономерно, что первый из сборников открывается вводной статьей Н. К. Качаловой и И. Б. Васильева, в которой рассмотрены основные вехи пути в науке Н. Я. Мерперта, в то время отметившего шестидесятилетие. Не останавливаясь на содержании статьи, отмечу, что с именем этого ученого было связано проведение в 1950-е гг. в рамках работ Куйбышевской новостроечной экспедиции (тогда Института истории материальной культуры АН СССР), изучение целого ряда памятников срубной культуры Среднего Поволжья и публикация имеющих этапное значение обобщающих исследований, в которых проблематике срубной культуры уделялось первостепенное значение, включая разработку ее периодизации [1—3]. Напомню также, что именно Н. Я. Мерперт был инициатором и организатором проведения на базе Куйбышевских университета и педагогического института в 1978 и 1982 гг. двух всесоюзных совещаний по проблемам срубной культурно-исторической общности. Опубликованы краткие изложения докладов первого из них [4]. Материалы второго совещания в известной степени нашли отражение в рецензируемых сборниках.

Непосредственный анализ содержания сборников целесообразно начать с открывающей один из них статьи Н. Я. Мерперта «Срубная культурно-историческая область», в которой вычленяются и оцениваются основные вехи осмысления срубных древностей. Автор напоминает, что еще в начале века В. А. Городцов, основываясь на результатах раскопок курганов в северо-восточных районах Украины, выделил и «погребения в срубах». Естественно, что по мере развития науки данное понятие претерпевает серьезное переосмысление и ныне, по Н. Я. Мерперту, выступает как соответствующая культурно-историческая область, куда включаются как близкие по происхождению культуры и их варианты, так и культуры сблизившиеся в процессе образования данной культурно-исторической области [5, с. 8]. Этническая же близость групп населения, памятники которых ныне включаются в это понятие, как об этом пишет Н. Я. Мерперт, требует специального доказательства. Полностью поддерживая такого рода подход, хочу в то же время подчеркнуть, что применительно к районам доно-волжско-уральской степи и лесостепи, о которых преимущественно идет речь в помещенных в сборниках статьях, такого рода их этническая близость предпочтительна. Тем самым применительно к ним оправдано и употребление термина «культурно-историческая общность», что и нашло отражение в названии одного из рецензируемых сборников.

На сегодняшнем этапе развития науки принципиальную значимость приобретает решение вопроса о происхождении срубников. Н. Я. Мерперт этой проблемы касается в уже названной статье, где он совершенно справедливо пишет о том, что в настоящее время нет сколько-нибудь обоснованной альтернативы тезису, согласно которому ядро срубников сложилось в Волжско-Уральском районе. Далее он пишет: «Но одно дело формирование на ограниченной территории такого рода ядра (т. е. создание собственно срубной культуры), другое — отмеченная культурная интеграция на огромных пространствах Каспийско-Черноморских степей и лесостепи. Последний процесс чрезвычайно сложен и отнюдь не сводится к простому расширению границ первоначального ядра» [5, с. 7]. Такой подход к решению проблемы происхождения срубной культуры и тем более становления затем срубной культурно-исторической

общности знаменует сущность сегодняшнего этапа в осмыслении этой проблемы. Именно такой подход диктует необходимость специального рассмотрения проблемы происхождения отдельных срубных культур, которые еще в должной степени не вычленены.

Естественно, что принципиально важно специальное обращение к вопросу о формировании срубных племен Поволжья (статьи Н. Я. Мерперта, Н. К. Качаловой, И. Б. Васильева и Г. Г. Пятых). В статье Н. Я. Мерперта, Н. К. Качаловой и И. Б. Васильева проводится мысль о том, что формирование первоначального ядра срубников происходило как в степной, так и лесостепной зонах Поволжья и Волго-Уральского междуречья, а основной массив ранних памятников срубной культуры локализуется в Поволжско-Уральском междуречье [6, с. 24]. Причем, как это убедительно показано авторами, в данном процессе определенную роль играли различные культурные субстраты. Решающая же роль отводится линии развития ямники — полтавкинцы — срубники. Иными словами, предпочтение отдается полтавкинской подоснове (в статье широко применяется понятие «полтавкинская культурно-историческая общность»). В формирование поволжской срубной культуры, по мнению авторов статьи, значительный вклад внесли и абашевские племена. Что же касается катакомбного компонента, то ему отводится меньшая роль.

Иные акценты сделаны в статье Г. Г. Пятых, который фактически выступает против приведенной выше точки зрения на происхождение срубников Поволжья. Замечу, что недавно В. И. Мельник даже попытался аргументировать тезис, согласно которому вообще отрицается генетическая связь полтавкинцев и срубников [7, с. 18, 19]. Однако Г. Г. Пятых не столь категоричен. Он отмечает, что в настоящее время трудно определить размер участия в формировании поволжских срубников полтавкинского, абашевского и посткатакомбного (имеются в виду памятники с многоваликовой керамикой) компонентов. При этом он отмечает, что более значительное число параллелей по погребальному обряду и ряду категорий инвентаря прослеживается между раннесрубными памятниками Заволжья, с одной стороны, и памятниками многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской культуры, с другой. Этот процесс, по мнению автора, имел место как в степном Поволжье, так и в смежных районах лесостепи [8, с. 88, 89]. Причем хотелось бы отметить, что выявлению своего рода «многоваликового» компонента в становлении поволжских срубников мешает расплывчатость имеющегося представления об этой культуре. Что же касается участия доно-волжских абашевцев в этом процессе, то данный тезис получает подтверждение в свете быстро растущего числа известных срубно-абашевских комплексов на территории доно-волжской абашевской культуры, интерпретировать которые только как отражение процесса ассимиляции абашевцев распространившимися на эту территорию срубниками сейчас уже нельзя. Все более крепнет убеждение, что это был не только ассимиляционный процесс, но и процесс перерастания одного культурно-исторического явления в другое.

Касаясь вопроса о срубной экспансии в западном направлении, Г. Г. Пятых фактически отрицает ее, не считая, что это было чуть ли не единственной причиной появления срубных памятников на территориях Подонья и Украины. Он совершенно справедливо отмечает, что база сложения срубной культуры на разных территориях была разнокомпонентной [8, с. 91]. В этой связи показательно, что археологи, занимающиеся изучением этой проблемы применительно к территории Украинской ССР, утверждают, что имеющиеся сведения не укладываются в представление об упрощенно-миграционной схеме происхождения срубной культуры на данной территории. Хотя при этом и не исключается возможность продвижения отдельных групп населения с более восточных территорий [9, с. 472, 473; 10, с. 185—187], а также участие в становлении здешних срубников населения, оставившего памятники с многоваликовой керамикой [11, с. 6; 12, с. 22].

Иными словами, сейчас все более выявляется новый подход к проблеме становления срубной культурно-исторической общности, включая представление как о формировании ее ядра, так и о становлении соответствующей общности эпохи поздней бронзы на огромной территории степной и лесостепной зон Восточной Европы. И этот подход нашел свое выражение в помещенных в сборниках статьях.

Другая проблема, которая получила широкое осмысление в рецензируемых сборниках,— это вопрос о периодизации срубных древностей разных территорий их распространения. Вполне оправдано, что серию статей по этой теме открывает исследование Н. К. Качаловой, посвященное периодизации памятников Нижнего Поволжья, поскольку именно эта территория имеет самое непосредственное отношение к формированию первоначального ядра срубной культуры. В основу анализа автором положены памятники степной зоны волжского левобережья. В статье систематизированы и изложены исследования автора по проблематике срубной культуры в Поволжье, с которыми она ранее уже неоднократно выступала в печати. В развитии срубной культуры Нижнего Поволжья Н. К. Качалова выделяет четыре периода, хронологически укладывающихся во время от XVI до X вв. до н. э. Каждый из этих периодов описан кратко, тем не менее сделано это достаточно емко, с четким изложением тех признаков, которые характерны для каждого из этапов. В основу анализа положены подкурганные захоронения, в то же время привлекаются данные безкурганных могильников и поселений. Правда, увязка отдельных поселений с каждым из периодов проведена лишь в общем плане, не всегда с должной степенью аргументации. Это наиболее рельефно видно, когда речь идет о поселениях первого периода, к которому Н. К. Качаловой отнесены чаще всего выборочные серии керамики с отдельных памятников.

Естественно, что исследователей более всего интересует выделенный ею еще ранее бережновский горизонт памятников [13, 14], которые в данной статье именуются памятниками первого периода, хронологически укладывающимися в XVI—XV вв. до н. э. [15, с. 43]. Именно эти памятники ныне превратились в своего рода отправную точку в формировании представления о том, что же представляют собой ранние срубники на их прародине.

В статье приведены важные наблюдения по хронологической привязке памятников каждого из характеризуемых ею периодов с одновременными культурами других территорий. По нашему представлению, требует дальнейшей аргументации отстаиваемое в статье суждение о синхронности памятников срубной культуры первого периода с памятниками новокумакско-петровского круга более восточных районов и с многоваликовыми и постшнуровыми на территории Украинской ССР. По мнению Н. К. Качаловой, на этом этапе развития срубной культуры степного Поволжья еще только начинают устанавливаться контакты населения, оставившего эти памятники, с абашевцами. Наибольшее развитие, как пишет Н. К. Качалова, они получают во втором периоде срубной культуры Нижнего Поволжья. Причем к этому этапу срубной культуры ею отнесены и комплексы с абашевской керамикой Покровских курганов [15, с. 44], в том числе и включающие находки бронзовых наконечников копий. Последнее явно не согласуется с сегодняшним уровнем представления о памятниках конца досейминского и сейминского хронологических горизонтов степной и лесостепной зон Восточной Европы. И не случайно авторы следующей статьи, посвященной периодизации срубной культуры лесостепного Поволжья, констатировали, что стратиграфических данных о предшествовании чистых срубных комплексов в Поволжье «покровским» нет [16, с. 71].

В статье Н. К. Качаловой высказаны имеющие принципиальную важность мысли о характере хозяйства степных поволжских срубников. Ею высказано соображение, что, занимаясь преимущественно скотоводческим хозяйством, жители стационарных поселков северных районов степей Поволжья передвигались на зимний период к побережью Каспий-

ского моря, где был незначительный снежный покров и тем самым не требовалась специальная заготовка значительных запасов кормов. Автор полагает, что сезонный характер обитания срубников на этой более южной территории нашел свое отражение в наличии там сезонных стоянок [15, с. 39]. Характером хозяйства Н. К. Качалова объясняет факт почти полного отсутствия даже на поселениях северных районов степного Поволжья находок значительных свидетельств металлообработки. Ею высказано предположение, что к собственной металлообработке это население прибегало в случае особой нужды, получая основную часть металлических изделий в порядке обмена [15, с. 46]. Подтверждением такого рода выводов является распространение именно на лесостепной территории обитания населения срубной культурно-исторической общности поселений, на которых в значительном количестве представлены свидетельства металлообработки, включая и целый поселок металлургов-литейщиков у с. Мосоловка в бассейне Дона.

В данной статье, как, впрочем, и в других помещенных в рецензируемых сборниках статьях, в общем мало анализируется проблема развития общественных отношений у населения срубной культурно-исторической общности. Не обошлось и без ошибочных, по сути дела, высказываний. Так, в статье можно найти утверждение, что срубные курганы являлись, вероятно, родовыми кладбищами [15, с. 32]. Во-первых, таковым курган чаще всего вообще быть не мог. Во-вторых, надо учитывать, что речь идет о заключительном этапе первобытной формации, и тем самым острие оценки должно быть смещено на выявление социальной стратификации общества, на выявление тех структур общественной организации, которые отражают тенденции развития на будущее.

Хотелось бы обратить внимание и на такую характерную черту статьи Н. К. Качаловой, как стремление высказать суждения по существу тех процессов, которые происходили в рассматриваемое время в Поволжье в целом. Весьма важным представляется ее мысль о том, что степной компонент не имел решающего значения для формирования срубников лесостепного Поволжья и само становление и развитие последних протекало параллельно, по сути дела самостоятельно.

Именно такого рода подход характерен для статьи И. Б. Васильева, О. В. Кузьминой и А. П. Семеновой по периодизации памятников срубной культуры лесостепного Поволжья. Эта статья в известной степени перекликается с помещенной в первом из рецензируемых сборников обобщающей статьей по срубной культуре лесостепного Поволжья, автором которой наряду с И. Б. Васильевым, О. В. Кузьминой и А. П. Семеновой является и С. А. Агапов [17]. Обоснованность высказываемых суждений определяется, прежде всего, анализом большого материала, происходящего почти из 200 курганов, около 50 поселений, нескольких безкурганных могильников и кладов, полученного в значительной степени в результате работ куйбышевских археологов. Очень важно, что и в этих статьях в основном рассматриваются материалы, происходящие с памятников Заволжья. Дело в том, что пока не ясна граница между двумя соседними лесостепными срубными культурами, а именно поволжской, надо думать в основном занимающей заволжский район и донской лесостепной.

В статье охарактеризован каждый из трех выделяемых периодов. При этом первостепенное внимание авторы уделяют инокультурным проявлениям, происходящим с данной территории. Для первого этапа — наличие на этой территории новокумакских комплексов [16, с. 92, рис. 7; 17, с. 42, рис. 10], для второго — появление керамики с чертами развитой алакульской культуры [16, с. 77, с. 92, рис. 7]; для третьего — федоровско-алакульские проявления [16, с. 81, с. 92, рис. 7]. В более ранней из рассматриваемых статей к третьему периоду отнесено появление на этой территории памятников с керамикой, близкой бишкульско-черкаскульской, и продвижение сюда скорее всего именно в данное время групп федоровского населения [17, с. 26, 27].

Наибольшее внимание уделяется оценке памятников первого этапа, особенно оценке так называемых срубно-абашевских или абашевско-срубных памятников, которые авторы считают более правильным именовать как памятники покровского типа [16, с. 71]. Последние, по их представлению, синхронизируются с поздними петровскими более восточных районов и с памятниками многоваликовой керамики более западных территорий [16, с. 72, 73]. Авторы считают возможным датировать этот период концом XVII—XVI вв. до н. э. [16, с. 75]. Нетрудно заметить, что предлагаемые хронологические позиции этого этапа не совпадают с датировкой ранних памятников степного Поволжья, данной Н. К. Качаловой. И это несмотря на то, что подчеркивается синхронность данных памятников [16, с. 73; 17, с. 17]. Разнобой в датах сохраняется и применительно к другим периодам развития срубной культуры в степном и лесостепном Поволжье. Тем более ощутимыми оказываются разночтения в датировках памятников срубной культурно-исторической общности других территорий. Приведение их в единую систему облегчается проделанной Е. Н. Черных, а затем его учениками работой по изучению металла евразийской металлургической провинции, важнейшим составным компонентом которой является металлургия и металлообработка массивов населения срубной культурно-исторической общности. Особенно важна возможность подразделить выделяемый Е. Н. Черных сейминский хронологический горизонт на раннюю и позднюю фазы [18, с. 40].

Но вернемся к оценке срубной культуры лесостепного Поволжья. Ее расцвет здесь относится ко второму периоду. В памятниках этого периода, по мысли авторов, уже отсутствуют какие-либо черты полтавкинской и абашевской культур. Именно в этот период качественно меняется состав инвентаря захоронений: почти нет оружия и деталей конской упряжи, зато представлены орудия труда и украшения [16, с. 77]. Но такого рода далеко идущее заключение по существу не аргументируется. Оценке же третьего периода (вторая половина XIV—XIII вв. до н. э.) уделяется меньше внимания.

Что же касается более поздних памятников, то они уже не включаются в рамки собственно срубной культуры лесостепного Поволжья. По представлению авторов статьи, взаимодействие между позднесрубными и федоровско-алакульскими племенами на позднем этапе их развития привело к возникновению новых культурно-исторических образований: ивановско-саргарьинского и межовско-позднеприказанского типов [16, с. 81], анализ которых по своей сути уже выходит за рамки исследования собственно срубной культурно-исторической общности. Замечу, что такого рода подход получает обоснование в свете выделения Е. Н. Черных общности культур валиковой керамики степной и частично лесостепной зон Евразии периода финальной бронзы [19].

В оценке срубной культурно-исторической общности важен анализ памятников более восточных районов, чему и посвящена статья В. С. Горбунова и Ю. А. Морозова по срубной культуре в Приуралье. Речь в ней идет преимущественно о срубных памятниках лесостепной зоны Приуралья. Учтены 340 захоронений, большое число поселений, значительная часть которых изучалась раскопками, и клады. Авторы в целом следуют за уже наметившейся общей периодизацией развития срубных древностей, в то же время не затушевывая возникающие при этом трудности и сомнения. Существенно, что предлагаемые ими построения опираются на стратиграфические наблюдения, причем преимущественно по поселениям этой территории. Представляется убедительным высказанное в статье суждение, согласно которому распространение срубных племен в лесостепные районы Южного Урала, занятые до того абашевскими племенами, происходило из Куйбышевского Поволжья. Как пишут В. С. Горбунов и Ю. А. Морозов, на данной территории срубники являются самым крупным этническим образованием вплоть до конца третьей четверти II тыс. до н. э. [20, с. 100]. Авторы подчеркивают, что активные связи средневолжского и приуральского срубного населения

обусловили нивелировку их этнографического облика [20, с. 109]. На последнем же этапе обитания данного населения на территории Приуралья, как и на других территориях лесостепи, также отмечается резкое уменьшение численности срубного населения. В это время здесь прослеживается появление межовских племен. При этом В. С. Горбунов и Ю. А. Морозов ссылаются на наблюдение М. Ф. Обыденнова, отметившего, что на раннем, такталачукском, этапе межовской культуры (XII—XI вв. до н. э.) наряду с черкаскульскими чертами еще отмечается наличие и срубных элементов, в то время как на ахмеровском этапе (XI—IX вв. до н. э.) они уже не фиксируются.

Авторы безусловно правы, рассматривая хозяйство срубников Приуралья как земледельческо-скотоводческое при четко прослеженном развитии собственной металлургии и металлообработки. Одним из важных аспектов анализа в статье В. С. Горбунова и Ю. А. Морозова является стремление вскрыть проблему взаимоотношения срубной и алакульской культур применительно к территории Приуралья. При этом они подчеркивают факт проникновения сюда групп алакульцев из более восточных районов [20, с. 110]. Для сравнения напомним, что авторы предыдущей статьи говорят об опосредствованном характере взаимоотношения этих двух массивов населения в Поволжье через срубно-алакульские племена Приуралья [17, с. 24].

Собственно анализу взаимоотношения срубников и алакульцев посвящена и статья С. В. Кузьминых, в которой на примере богатого женского захоронения в Ново-Ябалаклинском могильнике в Приуралье, изученном в 1973 г. под руководством В. С. Горбунова [21, с. 155—160], рассматривается проблема импортов андроновского (алакульского) металла на срубную территорию. Развивая известный подход Е. Н. Черных в оценке андроновских импортов в Восточную Европу, автор статьи подчеркивает несомненную типологическую и химико-металлургическую связь изучаемой серии с производством очагов андроновской культурно-исторической общности, что отражает факт наличия внешнего товарного обмена в форме импорта готовых изделий в инокультурную среду [22, с. 135].

Две статьи посвящены проблеме периодизации срубных памятников Подонья: Э. С. Шарафутдинова рассматривает проблему периодизации памятников срубной культуры Нижнего, а А. Т. Синюк и В. И. Погорелов — Среднего Подонья. К сожалению, в статье Э. С. Шарафутдиновой речь идет только о части памятников степного Подонья. В статье А. Т. Синюка и В. И. Погорелова привлекаются материалы памятников как степной, так и лесостепной зон.

Э. С. Шарафутдинова, касаясь периодизации срубной культуры Нижнего Подонья, пишет, что стратиграфические данные по этому району незначительны. Заметим, что многочисленные не используемые ею стратиграфические данные есть по северным пределам степного Подонья. Автор предлагает периодизацию, опирающуюся на данные типологического анализа и на сопоставление материалов Нижнего Подонья с имеющимися схемами развития для Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья. По ее представлениям, на этой территории нет памятников бережновского хронологического горизонта. В то же время отмечается факт первоначального враждебного противостояния здесь племен культуры многоваликовой керамики и срубного населения. Гибель Ливенцовской крепости-поселения культуры многоваликовой керамики связывается с нападением срубников раннего этапа [23, с. 166]. Проводится мысль, что изделия раннего для Нижнего Подонья этапа срубных древностей типологически более связаны с восточными районами, а позднего этапа — преимущественно с западными. Автор приводит таблицу металлических предметов из случайных сборов и кладов [23, с. 175, рис. 7], подавляющая часть которых, по нашему мнению, не может быть признана срубными. Да и само выделяемое на этой территории позднесрубное время (XI—IX вв. до н. э.) строго говоря «срубным» уже не является.

Статья А. Т. Синюка и В. И. Погорелова основана на анализе серии погребений, полученных преимущественно экспедицией Воронежского педагогического института. Учтено, как пишут авторы, 127 захоронений из могильников как лесостепной, так и степной зон Среднего Подонья. К сожалению, вне анализа остались материалы поселений. И это при том, что именно здесь лучше всего изучены поселения донской лесостепной срубной культуры, в том числе и раскопанное почти полностью Мосоловское поселение на р. Битюг.

Сказанное естественно не исключает значимости проделанной авторами статьи работы. Наиболее примечательной является предпринятая попытка выделения обрядовых групп (по позе умерших) и подгрупп внутри них (по ориентировке костяков). При этом обрядовые группы, не говоря уже о выделяемых внутри них подгруппах, оказываются неравнозначными: первая группа — 73 погребения, вторая — 12 погребений, а третья — 2 погребения. Причем, первую обрядовую группу (положение умерших скорченно на левом боку, с руками у лица или протянутыми вперед) авторы предлагают интерпретировать как развитие шестой обрядовой группы с вещевыми комплексами среднедонской катакомбной культуры [24, с. 125]. По их представлению, и вторая обрядовая группа (положение умерших скорченно на правом боку, с руками у лица или протянутыми вперед) также имеет аналогии в местной катакомбной культуре. И только третья обрядовая группа (положение умерших скорченно на спине) соответствует обрядности древнеямных захоронений.

Предлагается и классификация происходящих из рассматриваемых захоронений сосудов. Учтено 195 сосудов, которые подразделены на три группы (по орнаментации), на типы (по особенностям общего профиля сосудов), подтипы (по различиям в деталях формы) и разновидности (по различиям в пропорциях сосудов). Нам кажется, что изученная серия сосудов недостаточно представительна, и поэтому сделанные авторами выводы носят предварительный характер. К тому же вряд ли оправданно брать за основу типологии срубной керамики ее орнаментацию, как это, скажем, делается применительно к неолитической керамике рассматриваемой территории.

Авторы статьи стремятся обосновать выделение двух этапов в развитии донской лесостепной срубной культуры: первый этап с XV—XIV вв. до XIII в. до н. э. и второй, продолжающийся до IX в. до н. э. Само же своеобразие донской лесостепной срубной культуры они видят в органическом сочетании компонентов трех культур: катакомбной, доно-волжской абашевской и волжской срубной [24, с. 138]. Однако выдвижение на первый план катакомбного компонента в формировании этой культуры не является в должной мере оправданным. В настоящее время еще недостаточно достоверных аргументов в пользу их сколько-нибудь значительного хронологического смыкания на территории лесостепного Подонья.

Хотелось бы отметить, что в статье проводится важная мысль о возможности сосуществования в лесостепной зоне, в том числе и в рассматриваемое время, нескольких типов хозяйства, как можно догадываться, у разнокультурных групп населения [24, с. 121]. Думается, что такой, в принципе перспективный, подход вряд ли оправдан применительно к развитому этапу срубной культурно-исторической общности, когда на территории лесостепного Подонья существовал (при тех моделях эксплуатации природной среды) фактически предельный по численности массив срубного населения. И не случайно, что на основной территории лесостепного Подонья нет сколько-нибудь безусловных данных об одновременном существовании здесь срубного населения как со среднедонскими катакомбниками, так и с населением воронежской культуры средней бронзы.

Хотелось бы отметить и такую характерную черту предлагаемых схем, как ориентация их авторов на преимущественный анализ данных погребальных памятников. Причем за основу анализа как правило бе-

рется отдельное захоронение. И в то же время ощущается невнимание к изучению организации курганных могильников. Именно последним обстоятельством может быть объяснено широко бытующее суждение, согласно которому преобладает кучная планировка могильников срубной культурно-исторической общности, без определенной системы взаиморасположения курганов.

В хронологических построениях подчиненная роль отводится анализу поселенческих материалов. Не уделяется должного внимания и анализу металла — этому важнейшему индикатору уровня развития обществ эпохи бронзы и правильности выделения единых хронологических пластов памятников, особенно в рамках единой культурно-исторической общности.

Вполне понятно, что в рецензируемых сборниках преимущественное внимание уделяется оценке памятников срубной культуры лесостепного Поволжья, поскольку именно в этом районе прежде всего работают куйбышевские археологи. Кроме двух уже отмеченных статей, посвященных общей оценке срубной культуры этой территории, в первом из сборников помещены статья А. П. Семеновой, в которой анализируется погребальный обряд срубных племен этой территории [25], и статья Ю. Э. Петрова, посвященная оценке происходящих из срубных комплексов данной территории костяных пряжек [26]. Вполне естественно, что в сборниках есть и статьи по сути дела публикационного характера (В. И. Мамонтова, Е. П. Мыськова и др.), но их немного.

Из рассматриваемой проблематики несколько выпадает статья П. Ф. Кузнецова, посвященная оценке абашевской культурно-исторической общности. Мы не будем останавливаться на ней подробно, поскольку целый ряд высказанных, по сути дела важных суждений изложен тезисно и требует дополнительной аргументации. Нет необходимости сколько-нибудь подробно останавливаться и на анализе статьи С. Н. Кореневского [27], в которой рассматривается общая проблема наследования в металлообработке эпохи поздней бронзы уральской горно-металлургической области традиций предшествующего катакомбного периода.

Завершая анализ сборников, следует отметить, что далеко не все проблемы, связанные с оценкой срубной культурно-исторической общности, нашли в них достаточно полное освещение. На втором плане остались такие вопросы, как обоснование уровня развития общественных отношений и идеологии рассматриваемого населения. С разной степенью обстоятельности охарактеризованы отдельные районы распространения памятников срубной культурно-исторической общности, причем даже в пределах доно-волжско-уральской территории. Особенно ощущается отсутствие статей по памятникам территории Украинской ССР. Преимущественно в общем плане излагается вопрос о дальнейшей судьбе рассматриваемых группировок населения.

Но в любом случае рецензируемые сборники — безусловный успех их авторских коллективов, они представляют значительный вклад в изучение и осмысление срубной проблематики.

Проведенный анализ рецензируемых сборников позволяет утверждать, что в настоящее время мы находимся на качественно новом этапе осмысления срубной культурно-исторической общности, места ее населения в развитии исторического процесса на территории Евразийской степи и лесостепи в середине — второй половине II тыс. до н. э. Важность ставящихся в процессе изучения срубной культурно-исторической общности проблем диктует необходимость объединения и координации усилий в ее изучении отдельных исследовательских коллективов. В этом плане важно отметить, что в настоящее время под эгидой отдела неолита и бронзы Института археологии АН СССР идет становление исследовательских центров по изучению проблематики энеолита — бронзы на местах. Один из них куйбышевский.

А. Д. Пряхин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мерперт Н. Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья//МИА. 1954. № 42.
2. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья//МИА. 1958. № 61.
3. *Мерперт Н. Я.* Срубная культура южной Чувашии//МИА. 1962. № 111.
4. Древние культуры Поволжья и Приуралья: Научные труды. Т. 224. Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1978.
5. *Мерперт Н. Я.* Срубная культурно-историческая область (к постановке вопроса)// Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1985.
6. *Мерперт Н. Я., Качалова Н. К., Васильев И. Б.* О формировании срубных племен Поволжья//Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1985.
7. *Мельник В. И.* Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1985.
8. *Пятых Г. Г.* К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье//Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Куйб. пед. ин-т, 1983.
9. *Березанская С. С., Чередниченко Н. Н.* Срубная культура//Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
10. *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья//Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
11. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики//Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. 3—6 декабря 1979 г. Донецк: Донецк. ун-т, 1979.
12. *Ковалева И. Ф.* Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда): Учебное пособие. Днепропетровск, 1981.
13. *Качалова Н. К.* Стратиграфические горизонты Бережновских могильников//АСГЭ, 1979. Вып. 20.
14. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья//СА. 1978. № 3.
15. *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья//Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
16. *Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья//Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
17. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневолжской археологической экспедиции)//Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
18. *Черных Е. Н.* Волго-Уралье в системе металлургических провинций III—II тысячелетий до н. э.//Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
19. *Черных Е. Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии// Бронзовый век степной полосы Уралоиртышского междуречья. Челябинск, 1983.
20. *Горбунов В. С., Морозов Ю. А.* Периодизация срубной культуры Приуралья//Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
21. *Горбунов В. С.* Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы (Башкирия)//СА. 1977. № 1.
22. *Кузьминых С. В.* Андроновские импорты в Приуралье (на примере женского захоронения из Ново-Ябалаклинского могильника)//Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
23. *Шарафутдинова Э. С.* Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья//Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
24. *Синюк А. Т., Погорелов В. И.* Периодизация срубной культуры Среднего Дона (по материалам погребальных памятников)//Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
25. *Семенова А. П.* Погребальный обряд срубных племен лесостепного Заволжья// Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
26. *Петров Ю. Э.* Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья//Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
27. *Кореневский С. Н.* Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области//Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.

Olga Soffer. The Upper Palaeolithic of the Central Russian Plain. Orlando, San Diego, New York; Toronto: Academic Press. Inc., 1985. 539 p., 186 ill., 134 tables.

Совсем недавно в нашей литературе были обобщены материалы по палеолиту СССР (Палеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1984). Это серьезное исследование подвело итог многолетним работам советских палеолитоведов. Была дана всесторонняя характеристика основных палеолитических памятников Советского Союза, изложена древнейшая история нашей страны.

Рецензируемая же книга американской исследовательницы Ольги

Соффер — как бы взгляд со стороны, взгляд свежего человека на часть тех же проблем. Она посвящена позднему палеолиту смежной части территорий РСФСР, Украины и Белоруссии, давно исследуемому региону, палеолитические материалы которого, тем не менее, очень плохо известны зарубежным специалистам из-за языковых барьеров и плохого знания советской археологической литературы на Западе. В данном случае у автора книги неоспоримое преимущество перед многими другими зарубежными специалистами: она знает русский язык и в течение длительного времени была в нашей стране, имея возможность не только познакомиться с коллекциями, публикациями и архивными материалами, но и побывать на раскопках ряда памятников.

Одной из своих задач О. Соффер как раз и считает знакомство западных специалистов по палеолиту с материалами исследований советских археологов, о чем и пишет в главе 1 («Вступление»), формулируя эти задачи. Второй своей задачей автор книги считает выяснение отношений человека со средой и социальных взаимосвязей в палеолите региона и представление моделей охотничье-собирательской позднеплейстоценовой адаптации. Третьей задачей автор книги ставит себе исследование изменений стратегии адаптации в течение 14 000 лет позднего палеолита. Она указывает, что будет рассматривать материалы 29 стоянок этого времени. О. Соффер объясняет, почему именно этот район и эти стоянки она хочет исследовать: причины она видит в важности памятников и, по ее мнению, эти памятники особенно интересны, так как находятся между двумя относительно хорошо изученными регионами — долинами Дона и Днестра. Интерес к изучаемому региону видится ей и в том, что сейчас трудно отнести позднепалеолитические поселения, известные здесь, к какой-либо определенной археологической культуре. Район выбран автором также потому, что он очень важен для позднего палеолита в целом и может много дать науке в смысле изучения систем охотничье-собирательной адаптации в позднем палеолите вообще.

Два следующих раздела этой главы посвящены истории исследования и анализа палеолитических материалов региона. В первом из них упоминаются работы на английском языке. Среди англоязычных авторов, писавших об изучаемом регионе, названы Р. Клейн, К. Макберни, Э. Шимкин, Д. Бхаттачарья, Э. Голомшток. Автор книги указывает, что этот список крайне невелик, что связано с незнанием русского языка зарубежными археологами.

Дальше О. Соффер останавливается на прошлом советского палеолитоведения. Она подчеркивает, что советская археология, безусловно, занимается историческими вопросами на очень серьезном уровне, но этот историзм, считает автор книги, начался с 20-х гг. нашего столетия. Основателем нашей науки о палеолите она считает Ф. К. Волкова и отмечает, что первые исследования палеолитических памятников проводились не профессионалами-археологами, а представителями естественных наук. Первый период нашего палеолитоведения О. Соффер называет периодом формирования и считает, что он длился до 1928 г. Она приписывает русским археологам в это время полное следование положениям французской палеолитической школы. Второй период советского палеолитоведения (1928—1950-е гг.) О. Соффер называет периодом развития. Она подчеркивает, что в это время советские специалисты по палеолиту полностью становятся на марксистские позиции. Автор книги считает, что, овладев марксистской теорией, советские ученые строят свои исследования именно на положениях марксизма. В то же время сама О. Соффер явно отрицательно относится к положениям марксизма применительно к изучению первобытного общества. Вместе с тем она вынуждена признать, что именно в это время советские палеолитоведы разработали высокую методику полевых исследований, что позволило им впервые выявить жилища на открытых, не пещерных стоянках. По нашему мнению, эти замечательные находки были бы совершенно невозможны без овладения марксистской методологией. О. Соффер упрекает советских археологов в том, что они не занимались

в это время типологией. Но это неверно. Хотя и не было специальных исследований по типологии инвентаря палеолитических памятников, но типологические изыскания велись. И вот тут-то обнаруживается противоречие в высказываниях самой О. Соффер. Она говорит, что в советской науке было построено несколько схем периодизации палеолита, основанных не на стратиграфии, а на типологии. Как же тогда понять ее мысль о том, что советские археологи не занимались типологией?

Третий период, выделяемый О. Соффер в истории советского палеолитоведения — 1950—1980-х гг., она называет периодом кризиса. Она считает, что этот «кризис» начался с открытий А. Н. Рогачева в Костенковско-Боршевском р-не, которые показали несостоятельность схем развития палеолита, основанных на французской шкале. Советские палеолитоведы начали выделять различные археологические культуры, отказались от стадиальных построений. Остается неясным, в чем же О. Соффер видит кризис? С нашей точки зрения, никакого кризиса здесь нет: отказавшись от тормозивших ее стадиальных построений, советская наука вышла на новый качественный уровень, приближаясь к конкретным историческим исследованиям. Затем автор останавливается на современном состоянии палеолитических исследований в СССР и признает, что они мало отличаются от аналогичных исследований в остальных частях Европы. Приводятся ею и различные мнения советских археологов о данных, полученных в результате изучения интересующего ее региона.

Следующий раздел носит название «Методология и предположения». Автор считает, что археологический материал может быть понят при сопоставлении с этнографическими аналогиями. О. Соффер справедливо подчеркивает, что этими аналогиями нужно пользоваться с достаточной осторожностью. Она считает, что археологическую культуру надо рассматривать как продукт адаптации человека к среде и результат социальных отношений. Автор поясняет, что ее выводы основаны на архивных данных, знакомстве с литературой, осмотре археологических и палеонтологических коллекций, участии в раскопках ряда памятников. О. Соффер называет основной метод своей работы — «описательное моделирование» (стр. 16) с учетом сопоставления археологических данных и этнографических параллелей, а также геологических и палеонтологических сведений.

Глава 2 посвящена собственно источникам — позднепалеолитическим памятникам изучаемого региона. Ее первый раздел касается особенностей расположения, геологии и геоморфологии региона. Особое внимание уделяется речным террасам и балкам, к которым приурочены стоянки. В следующем разделе, «Плейстоценовая стратиграфия и хронология», автор дает обзор советской литературы по проблемам Валдайского оледенения, с которым связываются изучаемые ею памятники.

В обзор О. Соффер включены стоянки Бердыж, Чулатово I и II, Добраничевка, Елисеевичи, Фастов, Гонцы, Хотылево II, Кирилловская, Клюсы, Коршево I и II, Косица, Курово, Межирич, Мезин, Новгород-Северская, Новобобовичи, Бугорок, Погон, Пушкари I и II, Радомышль, Супонево, Тимоновка I и II, Юдиново, Журавка. Описания стоянок короткие, сжатые, что компенсируется большим количеством таблиц, приведенных в этой главе, в которые сведены основные сведения о поселениях.

Глава 3, посвященная палеогеографии, начинается с обзора современных географических условий региона, куда включаются сведения о климате, флоре и фауне. Затем автор переходит к оценке географии района в поздневалдайское время. О. Соффер, основываясь на имеющихся в настоящее время данных по палеогеографии, подчеркивает особенности природных условий на Русской равнине во время позднего валдайского оледенения. Она говорит о суровости климата в эту эпоху, о характере растительности, которая не делилась на широтные зоны, как сейчас, а была довольно однородной на большом протяжении из-за влияния ледника. Автор приводит данные о фаунистических остатках,

высказывая при этом важную мысль, что фауна в плейстоцене не всегда отражает климатические колебания. Глава иллюстрирована значительным числом текстовых таблиц.

Отдельно рассматриваются материалы Брянского интерстадиала (27 000—24 000 лет назад), времени между 24 000 и 20 000 лет назад, максимума Валдая (20 000—18 000 лет назад), конца Валдайского оледенения (18 000—12 000 лет назад). Затем автор делает попытку восстановить ландшафт региона в поздневалдайское время, обращая при этом внимание на особенности климата. Его нестабильность, как считает О. Соффер, определяла возможности многократных колебаний, не связанных с подвижками ледникового щита. Отмечается нестабильность и биологических факторов, которая была связана, вероятно, с миграциями представителей флоры и фауны. О. Соффер подробно разбирает биологические особенности животных, служивших основными объектами охоты первобытному человеку: мамонта (подчеркивая при этом его возможные сезонные миграции), дикой лошади, северного оленя, сурка, зайца, песца, волка. Особо она останавливается на проблеме появления домашней собаки в позднем палеолите, отрицая эту возможность. Подчеркиваются автором различия в фаунистических комплексах разных стоянок. Два раздела посвящены примерным подсчетам численности разных видов животных.

Глава 4 касается хронологии и расположения памятников в регионе. В первом разделе, разбирая попытки типологических датировок стоянок, автор приходит к выводу, что по археологическому материалу датировать памятники невозможно. Второй раздел посвящен хронологии биологической и геологической. О. Соффер говорит о существовании разных схем геологической датировки, подчеркивая при этом, что существующие схемы не являются общими для всего региона. Палеонтологические материалы (О. Соффер называет их биологическими), по ее мнению, более пригодны для датировки, но в значительной мере противоречат геологическим.

О. Соффер приводит список дат по C_{14}, полученных для стоянок региона. Однако она считает, что этот метод датировки тоже не всегда оправдывает себя, особенно если иметь в виду природу отбираемого образца. Иногда радиокарбоновые даты не совпадают со стратиграфическими. Тем не менее у автора книги нет сомнений, что все изучаемые стоянки относятся к позднему Валдаю. Используя все имеющиеся данные по хронологии, она предлагает свою схему деления памятников: древнéе 20 000 лет (Бердыж, Хотылево II, Радомышль, Юровичи) и стоянки, датирующиеся временем 18 000—12 000 лет (все остальные). О. Соффер считает, что в период максимума Валдайского оледенения регион был практически не заселен.

Следующий большой раздел снова поднимает вопрос о размещении поселений. Автор отмечает, что памятники в основном располагаются в речных долинах. Закономерности расположения поселений выясняются в их размещении на одном берегу реки, по преимуществу на мысах, в большинстве случаев с южной экспозицией, что автор объясняет выбором места для поселения на более сухих и более инсолированных участках речных долин. Кроме того, такое расположение поселений О. Соффер связывает с особенностями охоты на мамонта. Она указывает и еще на один интересный факт: три из четырех стоянок, определенных ею как ранние, не имели южной экспозиции. О. Соффер высказывает предположение, что они относятся ко времени более мягкого климата, чем наступившего после максимума Валдая. На это же как будто указывает и само расположение ранних стоянок в регионе. Три из четырех ранних памятников лежат в его северной половине, в то время как более поздние поселения располагаются в виде двух скоплений в северо-восточной и юго-западной частях ареала, вдоль речных долин, что, по мнению О. Соффер, связано со скоплением основных видов животных, являвшихся добычей палеолитического человека, в лесах вдоль этих долин.

Глава 5 посвящена попытке восстановления экономики эпохи позднего палеолита и продолжительности заселения региона в позднем Валдае. В первом разделе, «Методология», повторяется утверждение автора, что основным ее методом является описательное моделирование древнейшей истории с использованием имеющихся археологических коллекций. Второй раздел касается возможностей выявления использования растительных ресурсов в пище человека в позднем палеолите. Из-за отсутствия серьезных данных по этому вопросу, автор книги приходит к заключению, что растительная пища не играла существенной роли в диете палеолитического человека. С этим, вероятно, можно согласиться. Однако в своих выкладках автор совершенно не использует данных пыльцевых спектров. При оценке этих данных вполне можно было бы установить наличие ряда растений, которые при учете всестороннего знания древним человеком природных ресурсов могли бы учитываться в возможном пищевом балансе.

Следующий раздел О. Соффер посвящает находкам ям-хранилищ на поселениях. Она придает этому очень серьезное значение, считая, что сооружение таких ям отражает стратегию хранения пищевых ресурсов на стоянках. Автор показывает, что со временем число ям на поселениях возрастает, что, по ее мнению, отражает в конечном итоге возможный рост населения в конце позднего палеолита в регионе.

Особый раздел посвящается оценке роли фаунистических ресурсов в существовании первобытного человека. Эта оценка производится по отдельным видам животных, как имевших значение пищевых, так и не игравших такой роли. О. Соффер возражает против утверждений советских археологов о главенствующей роли мамонта как объекта охоты в позднем палеолите. Этот вывод не нов, он проскальзывал в литературе и раньше. Однако с этим трудно согласиться. Первобытный человек прекрасно знал образ жизни окружавших его животных, знал, какие из них способны дать значительное количество пищевых ресурсов. Думается, что в позднем палеолите были выработаны и приемы охоты на мамонта. Не следует забывать и утверждение некоторых биологов о том, что одной из причин исчезновения мамонта могла быть и интенсивная охота на него.

О. Соффер считает, что на шерстистого носорога охотились во всем регионе, но чаще он встречается в северной части (кстати, число особей этого вида, найденных на стоянках региона, значительно уступает числу особей мамонта), в то время как на бизона больше охотились в южной части. Первобытный бык найден только в двух стоянках (Бердыж и Журавка). Поэтому О. Соффер справедливо говорит, что об охоте на него говорить трудно, во всех подсчетах объединяя его с бизоном. Охоту на мускусного овцебыка автор считает случайным явлением, поскольку его остатки найдены только в трех стоянках. Относительно дикой лошади она высказывает предположение, что охотились на нее только на юге региона, в северные же поселения ее кости поступали, возможно, путем обмена (!? — *Л. К.*). Почти то же самое автор говорит о северном олене с той только разницей, что охотились на него на севере, и на юг его рога и кости поступали в результате обмена. Как тут не вспомнить особенности биологии северного оленя, его сезонные перекочевки на расстояние почти в две тысячи километров? Может быть, тогда не пришлось бы говорить об обмене применительно к этому виду?

Другие представители рода оленей не играли существенной роли в экономике позднего палеолита. Кабан представлен в фаунистических остатках в основном зубами, поэтому О. Соффер считает, что, хотя на него и охотились на юге региона, он важной роли не играл. Добывали и сурка, судя по количеству находок главным образом в южных стоянках. Остатки бобра найдены только в Юдинове. Заяц представлен довольно широко, автор справедливо предполагает, что он — существенный объект охоты. Относительно птиц она говорит, что на них охотились во всем регионе, в то же время они важной роли не играли, и охота на них проводилась случайно. Рыболовство было только эпизодическим.

Основой экономики в позднем палеолите региона автор книги считает охоту на стадных травоядных животных. Подсчитывая энергоемкость этих видов, она, однако, оставляет в стороне размер потребной для первобытного человека энергоемкости в тех суровых природных условиях, что на наш взгляд является ошибкой. Если бы такой подсчет был произведен, вероятно, не пришлось бы исключать мамонта из энергобаланса хотя бы на половину, как это делает автор.

Небольшой раздел посвящен охотничьей стратегии и технике охоты. О. Соффер утверждает, что методы охоты и охотничье вооружение остаются неизвестными. Вместе с тем, она не отрицает возможности использования копий, лука и стрел, различных ловушек. Особо она останавливается на охоте на мамонта, признавая все же ее существование и тем самым противореча самой себе. Не высказывая никаких соображений о способах охоты, автор книги предполагает, что при такой охоте мамонты могли уничтожаться целыми стадами. Такое утверждение не может считаться доказанным, с нашей точки зрения.

О. Соффер излагает некоторые соображения о составе охотничьих коллективов. При этом она достаточно широко оперирует данными этнографии, и опираясь на них, считает, что оптимальный размер группы охотников — 5—7 человек. Такая группа могла выделяться из состава общины в 30—35 человек при учете, что один охотник обслуживал, включая его самого, 5 человек. Однако, как раньше справедливо указывала сама О. Соффер, этнографические параллели в данном случае не вполне надежны. Об этом, кстати, она сама пишет несколько ниже.

Большое внимание автор уделяет пушным животным, остатки которых найдены в фаунистических комплексах стоянок. Так, песец встречен в большинстве памятников региона, на таких же зверей, как волк, медведь, россомаха, охотились от случая к случаю, в зависимости от их географического распространения. Другие хищники — лев, гиена, рысь, ласка тоже попадали в состав охотничьей добычи случайно, так как их остатки найдены в незначительном числе памятников. Заканчивая этот раздел, О. Соффер говорит, что специальная охота велась только на песца и, может быть, на волка.

Автор книги останавливается на изменениях в характере охоты с течением времени, которые выражаются в интенсификации со временем эксплуатации некоторых видов, особенно стадных травоядных и отборе эксплуатируемых видов. Это, по мнению автора, указывает на возрастание роли индивидуальной охоты или охоты более мелкими группами с дифференциацией охотничьих приемов. На это же, с ее точки зрения, указывает возрастание объема хозяйственных ям на поселениях. Что касается охоты на пушных животных, О. Соффер предполагает, что со временем возрастает роль случайности в охоте на них, но иногда снова проявляется и специализированная охота на песца, а возможно, волка и зайца. Обнаруживается с течением времени и дифференциация в охоте на пушные виды.

Большой раздел посвящен сезону заселения тех или иных стоянок. О. Соффер подходит к определению сезона с самых разных позиций. Сложные статистические подсчеты приводят ее к выводу, что можно говорить только о поселениях, существовавших в холодное или теплое время года, без детального уточнения, в какие месяцы это происходило. При определении сезона бытования стоянки автор в первую очередь использует находки на стоянках долговременных жилищ с каркасом из костей мамонта и считает их относящимися к холодному времени года. Затем она разбирает отдельно пищевые виды животных и пушных. При этом считается, что пищевые виды не могут дать указания на сезон бытования поселения, а вот пушные, несомненно, указывают на холодный сезон. По ее мнению, находки остатков рыб могут свидетельствовать о теплом сезоне, поскольку рыбу ловили, как она считает, в палеолите только в сезоны нереста. Находки костей птиц (белой куропатки и тетерева) О. Соффер рассматривает следующим образом: на белую куропатку охотились зимой, в стрессовых пищевых ситуациях, а на тетере-

ва — в теплое время года, потому что она считает его перелетной птицей. Нам кажется ошибочным это заключение, поскольку тетерев — оседлая, а не перелетная птица, поэтому на него можно было охотиться и зимой, а следовательно, кости птиц, указанных О. Соффер, не могут быть маркером при определении сезона существования поселения. Использование данных о расположении стоянки над древним уровнем воды приводит автора книги к заключению, что стоянки, расположенные по урезу, относятся к холодному времени года, а удаленные от него — к теплому (такое заключение она делает, ссылаясь на тот факт, что летом у воды скапливаются кровососущие насекомые). Однако можно, с нашей точки зрения, сделать и другое заключение: наоборот, летом люди селились у воды, потому что она была им нужна, а зимой могли обойтись и снегом. Поэтому представляется, что и этот последний вывод О. Соффер не совсем убедителен. Вывод из обработки данных о характере очагов и месте их расположения (внутри жилищ или снаружи) заставляет автора книги признать, что наличие мощных очагов в жилищах и их количественное преобладание над очагами вне жилищ свидетельствует о холодном сезоне. Исходя из совокупности всех сведений она считает, что стоянки Бердыж, Добраничевка, Елисеевичи, Гонцы, Кирилловская, Межирич, Юдиново, возможно Пушкари I, Тимоновка I и II, Юровичи относятся к холодному сезону, Чулатово I и II, Фастов, Новгород-Северская, Бугорок, Погон, Пушкари II, Журавка, возможно Курово, Ново-Бобовичи — к теплому. Хотылево II, Мезин, возможно Радомышль и Супонево заселялись и в теплое и холодное время года. Для остальных памятников сезон бытования остается не ясным.

О. Соффер приходит к важным общим выводам: она считает, что все изучаемые ею стоянки были сезонными и что на изучаемой территории жила не одна группа населения. Моделируя изменения в экономической деятельности палеолитического человека во времени, автор книги заключает, что технические приемы остаются в течение всего позднего палеолита неизменными, модификация же сводится к расположению вдоль долин рек, интенсификации охотничьей деятельности и более широкой практике сооружения хозяйственных ям — хранилищ запасов.

Глава 6 называется «Типы поселений и система заселения». О. Соффер считает, что все поселения могут делиться на две большие группы: базовые лагеря и временные стоянки, предназначенные для какой-то определенной цели (производство каменных орудий, охотничья или собирательская деятельность и т. д.). Временные стоянки заселялись небольшой группой людей, лишены долговременных жилищ, хозяйственных ям и крупных очагов. Их фаунистические комплексы могут быть различными, но в охотничьих лагерях должны преобладать один или два вида животных. Комплексы изделий должны быть достаточно однообразны. Орудий будет больше в охотничьих лагерях, чем в кратковременных поселениях другого типа.

Базовые же лагеря должны иметь долговременные жилища, хозяйственные ямы, многочисленные очаги. Комплексы изделий должны содержать широкий ассортимент орудий, украшения, произведения искусства. Фауна предполагается разнообразной, в том числе должны быть и не пищевые виды. Таковы теоретические предпосылки классификации поселений, которые ложатся в основу построений О. Соффер.

Для определения типа памятника автор делит все сведения о нем на три больших группы: комплекс находок, основные характеристики самого поселения (топография, стратиграфия, размер стоянки, мощность культурного слоя), конструкции. Разбор комплекса находок начинается с характеристики отдельных черт каменного инвентаря. Автор считает, что наибольшее количество изделий из камня должно сопутствовать специализированным мастерским по обработке камня. Большой процент орудий также встречается на поселениях-мастерских. То же можно сказать и о нуклеусах. Однако число пластин и изделий из них выше в базовых лагерях. Находки концевых скребков и резцов чаще в базовых лагерях, как и терочников. То же самое можно сказать об об-

работанной кости, а также о каменных изделиях из неместных пород, охре, произведениях искусства, морских ископаемых раковинах, украшениях. Фауна базовых лагерей, как уже сказано, должна быть более разнообразна, а вот остатки пушных животных могут быть одинаково широко представлены и в базовых лагерях и на временных стоянках.

Характеристики самих поселений, по мнению О. Соффер, мало дают для определения их долговременности. Конструкции же, наоборот,— едва ли не решающий признак в этом направлении. Наличие жилищ с каркасом из костей мамонта присуще только базовым лагерям, как и наличие больших хозяйственных ям и мелких ямок. Костный уголь может встречаться как в базовых лагерях, так и на кратковременных стоянках. Мощность очагов выше в базовых лагерях, а в мастерских по изготовлению каменных орудий их может не быть совсем.

Пользуясь суммой указанных признаков, О. Соффер приступает к классификации стоянок. Она считает Бугорок, Клюсы, Коршево I и II мастерскими по обработке камня, Курово — временной стоянкой охотников летнего времени, Ново-Бобовичи — стоянкой по добыче (! — *Л. К.*) костей из скопления погибших мамонтов в летнее время. Чулатово II, Журавка, вероятно Чулатово I, Косица, Новгород-Северская, Пушкари II — простые базовые лагеря теплого сезона (возможно, Пушкари II была заселена неоднократно, а иногда служила мастерской по обработке камня). Бердыж, Добраничевка, Гонцы, Кирилловская, Пушкари I, Радомышль, Юровичи — простые базовые лагеря холодного сезона. Фастов, как и Курово — охотничий лагерь теплого сезона. Тимоновка I и II — базовые охотничьи лагеря, возможно, полисезонные. Елисеевичи, Межирич, Мезин, Супонево, Юдиново — сложные, возможно полисезонные, базовые лагеря. Хотылево II — базовый лагерь, несколько отличный от других.

Интересует автора книги вопрос и о продолжительности заселения тех или других стоянок, о количестве населения, занимавшего их. При оценке этих факторов она использует разные методики. Обработка всех данных приводит О. Соффер к выводу, что все исследуемые стоянки были сезонными, с продолжительностью заселения не больше шести месяцев.

Разбирая различия между отдельными базовыми лагерями в следующем разделе, О. Соффер высказывает предположение, что в ряде их, наряду с обычной хозяйственной деятельностью, осуществлялись ритуальные церемонии. Примером таких поселений, по ее мнению, могут считаться Мезин, Межирич, Добраничевка, возможно Елисеевичи и Юдиново. Оценивая характер заселения южной и северной частей региона, автор книги рассматривает в общем его как одинаковый для обеих частей, отмечая только существование, с ее точки зрения, большей подвижности в северной части. Это проявляется, как думает О. Соффер, в большем числе поселений, наличии специальных охотничьих лагерей (базовых), существовании специализированных мастерских по обработке камня и неоднократном заселении отдельных стоянок. Эти факты, по ее мнению, объясняются, вероятно, большей густотой населения, коротким периодом доступности пищевых ресурсов, близостью ледникового щита и, по-видимому, большей привязанностью к долинам рек.

Прослеживая изменения в системе заселения региона во времени, О. Соффер отмечает большую подвижность в более позднее время, отсутствие сложных базовых лагерей в холодное время года в раннем периоде. Но никакие коренные изменения в системе поселений, по мнению автора, не прослеживаются.

Очень важна глава 7, которая касается социальных взаимоотношений изучаемого населения. Картину социальных отношений автор начинает с обмена. Первым пунктом здесь стоят неместные породы камня, в частности горный хрусталь. О. Соффер считает, что эти породы имели назначение, отличное от местных каменных пород. Однако факты противоречат этому утверждению: из неместных пород камня изготов-

лялись те же типы орудий, что и из местных. Тем не менее с ней можно согласиться в том, что эти породы добывались отчасти самими палеолитическими людьми в процессе их передвижения, поскольку основные залежи «экзотических» пород находились на небольшом удалении от стоянок и были вполне доступны. Что касается янтаря из днепровских месторождений, он, как верно отмечает О. Соффер, поступал в отдельные общины путем обмена. Автор книги предполагает, что морские раковины добывались на побережье Черного моря во время специальных экспедиций за ними. В это, как нам кажется, трудно поверить. Вряд ли в условиях достаточно тяжелого существования в позднем палеолите могли организовываться такие экспедиции. И этнографические параллели из Австралии, приводимые автором книги, тут мало убедительны. Думается, что раковины поступали в данный регион путем обмена, может быть через ряд этапов. Во всяком случае, никаких фактов, подтверждающих существование таких экспедиций за раковинами, у О. Соффер нет.

Следующий раздел автор книги называет «Стилистические вариации», подразумевая под этим различия в инвентаре поселений, мелкой пластике, деталях строительных конструкций. По этим параметрам автор выделяет из ранних стоянок Хотылево II, которую она, вслед за рядом советских археологов, относит к костенковско-авдеевской культуре.

Говоря о социальных отношениях внутри отдельных групп населения, О. Соффер высказывает мысль, что даже на уровне первобытного общества можно говорить об иерархии. Далее, она допускает возможность специализированной добычи пушных животных и неизвестных в данном районе обитания минералов. С этим трудно согласиться. Исследуемый регион, по нашему мнению, не дает оснований для такого предположения, как и для положения автора книги о специализации ряда стоянок на изготовлении ножевидных пластин. Вряд ли можно говорить и о существовании контроля над распределением количества затраченного труда со стороны отдельных членов общины на основании наличия на стоянках хозяйственных ям и сложных по конструктивным особенностям жилищ. О. Соффер приводит данные в том, что сложные жилища, окруженные хозяйственными ямами, как правило, больше других в размерах и, следовательно, населены бóльшим количеством людей. Отсюда и их больший размер, и хозяйственные ямы вокруг них. По нашему мнению, ни о чем не говорит и неравномерное распределение хозяйственных ям по площади поселения.

Следует согласиться с выводами автора о количественном возрастании со временем основной производственно-социальной единицы. Однако иерархию между поселениями по их расположению и составу инвентаря, с нашей точки зрения, пока утверждать нельзя, хотя бы потому, что нет оснований для их синхронизации. Видимо, все эти рассуждения О. Соффер в значительной мере требуют более серьезного подтверждения.

Раздел, посвященный ритуальным обрядам, касается в основном погребений. Автор выдвигает предположение о существовании специальной категории жрецов в верхнем палеолите. С этим предположением можно соглашаться или не соглашаться. Пока что оно тоже трудно доказуемо.

Глава 8 представляет собой, собственно говоря, итоги всей работы. Здесь снова повторяются основные выводы, высказанные в тексте, подчеркивается еще раз особенность целей работы. Небольшой раздел посвящен месту палеолита Русской равнины в системе палеолита Европы.

При рассмотрении содержания книги мы уже отметили ее недочеты. Можно было бы указать еще ряд недостатков, но мы ограничимся только одним. На наш взгляд, автором не сделано настоящего анализа рассматриваемых поселений. В результате для подтверждения своих выводов О. Соффер, ограничиваясь лишь очень коротким описанием памятников, извлекает из археологического контекста те или иные нужные ей признаки. Порой это делает выводы автора не слишком убедительными.

Вместе с тем мы считаем книгу О. Соффер важным и полезным явлением в литературе о палеолите СССР. Она ставит ряд новых проблем,

не получивших отражения в советской литературе, а уже рассматривавшиеся советскими археологами вопросы ставит иногда по-новому.

Л. В. Кольцов

Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986. С. 184.

Читая книгу И. М. Мизиева «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа», невольно вспоминаешь небольшую статью И. Е. Саратова в популярном издании — альманахе «Памятники Отечества». В этой статье автор пытается найти предков русских в Восточной Европе [1, с. 33—43]. Являясь дилетантом в исторических исследованиях, И. Е. Саратов стремится «с наскока» решить проблему, над которой трудятся многие ученые в течение десятков лет. Без достаточно объективной оценки каждого исторического факта, позволяющего по крупицам восстановить историю народов, нельзя прийти к правильной оценке происходивших событий. Незнание исторических источников и субъективный подход привели И. Е. Саратова к тому, что он объявил предками русских все сарматские, аланские, часть тюркских и кавказских народов и племен эпохи раннего железа и средневековья.

Если в статье И. Е. Саратова все племена юго-востока Европы объявляются предками русских, то в книге И. М. Мизиева мы видим только одних тюрок, тесно связанных с балкарцами и карачаевцами. Правда, между этими двумя авторами есть существенная разница. Если И. Е. Саратов дилетант в истории, то И. М. Мизиев историк, археолог, обязанный ответственно подходить к освещению исторического прошлого народов нашей страны.

В этом отношении книга И. М. Мизиева поставила целый ряд вопросов и естественно вызовет жаркие споры среди ученых по многим положениям, выдвинутым в ней автором. К сожалению, рецензируемая книга И. М. Мизиева имеет явно тенденциозный характер и направлена на принижение роли ираноязычных племен (скифов, сарматов и аланов) в этногенезе кавказских народов (осетин, карачаевцев и балкарцев).

Такой подход в исторических исследованиях, связанных с этногенезом, не имеет ничего общего с марксистско-ленинской методологией исследований, хотя автор для подкрепления своих выводов в критике языковеда В. И. Абаева ссылается (с. 132) и на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Однако в этой части своей работы И. М. Мизиев делает грубейшую ошибку в понимании таких философских категорий, как общественно-экономическая формация и племенные союзы. Классики марксизма-ленинизма никогда не ставили знака равенства между общественно-экономической формацией и племенным союзом, как это делает И. М. Мизиев. Вот что он пишет: «*Племенные союзы — это реально существовавшая, объективно складывавшаяся историческая общественно-экономическая формация* (курсив наш.— *В К.*), предвестница государственных образований, которую в своем развитии прошли все народы от ирокезов до германцев и греков, от кельтов до американцев и римлян на стадии своей героической эпохи военной демократии. Эти положения — краеугольный камень марксистско-ленинского учения, с которыми следует считаться» (с. 132). К сожалению, перед нами вульгарная трактовка одного из важнейших положений исторического материализма, разработанного К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитого далее в трудах В. И. Ленина. Общественно-экономическая формация отражает определенную ступень в развитии общества. Именно такой смысл в категорию «общественно-экономическая формация» вкладывал К. Маркс. Характеризуя общественно-экономическую формацию, он отмечал, что она представляет «общество, находящееся

на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером» [2, с. 442]. Именно такой смысл в категорию «общественно-экономическая формация» вкладывал В. И. Ленин [3, с. 137].

Создается впечатление, что эти работы К. Маркса и В. И. Ленина остались вне поля зрения автора книги «Шаги к истокам...». Хочется посоветовать ему хотя бы заглянуть в вузовский учебник по «Основам марксистско-ленинской философии», где дано и определение племенного союза как объединения нескольких племен, материальной базой и основой которого была первобытная форма производства. Следовательно, племенные союзы никак не являются синонимом общественно-экономической формации, как это понимает И. М. Мизиев.

Позиция И. М. Мизиева, высказанная в рецензируемой книге в связи с этногенезом кавказских народов, носит явно националистический характер, что противоречит ленинскому пониманию национального вопроса [4, с. 113—150]. Через всю книгу И. М. Мизиева проходит идея ведущей роли в истории народов Кавказа тюркских народов в лице балкарцев и карачаевцев. При этом часто без критического анализа отвергаются исследования русских, советских и зарубежных ученых в области истории и археологии Кавказа и Восточной Европы.

Книга И. М. Мизиева является своеобразным антиподом успехам, достигнутым в изучении ираноязычных народов, обитавших в древности в Восточной Европе и на Северном Кавказе. Автор, вероятно, считает, что роль тюркских народов в истории Северного Кавказа принижена или искусственно принижается всеми, кто занимается иранской проблемой. Однако проблема тюркских племен в кавказской историографии сейчас разрабатывается достаточно хорошо. Для этого надо хотя бы вспомнить работы А. В. Гадло, Я. А. и Г. С. Федоровых и др. [5, 6]. И. М. Мизиев почему-то практически не обращается к этим работам, хотя именно в них объективно решаются многие вопросы этнической истории тюркских племен Предкавказья, сыгравших значительную роль в этногенезе кавказских народов.

Чтобы как-то поднять приоритет тюрок, И. М. Мизиев доходит до абсурда, объявляя тюрками часть скифов, сарматов, всех асов и даже представителей древнего Шумера в Междуречье и майкопской культуры на Северном Кавказе (с. 29—31, 55 и др.). Однако ираноязычность скифов, сарматов и аланов доказана давно [7, с. 11], и вряд ли аргументы И. М. Мизиева смогут опровергнуть этот установившийся факт, ставший уже аксиомой в исторических исследованиях. Свои построения и аргументацию тюркоязычности части скифов, сарматов и аланов И. М. Мизиев строит на сравнительном анализе языка. Не будучи лингвистом и языковедом, как, впрочем, и автор книги, я не берусь судить о правильности приводимых в книге многочисленных сравнений и разборов слов. Этимология с иранских языков таких топонимов, как Пантикапей, Донгат, Мысты-кам, Кардан и др., переведенные с натяжками с балкаро-карачаевского языка, не убеждают меня в правильности таких переводов. Особенно если учесть тот факт, что аланы приняли участие в формировании карачаевцев и балкарцев и безусловно внесли свою лепту в язык этих народов [8, с. 11—16]. Не является аргументом тюркоязычности средневековых аланов верховьев Кубани и тюркский перевод известной Зеленчукской надписи (с. 111—116). Эта надпись уже переводилась с аланского и осетинского [9, с. 110—118; 10, с. 260—270; 11, с. 230; 12, с. 48—51; 13, с. 184], кабардинского [14, с. 13], карачаево-балкарского и чеченского [15, с. 4] языков. Многочисленные переводы надписи с различных языков лишний раз показывают несовершенство работы историков и лингвистов над этим памятником. По И. М. Мизиеву, «имена, встречающиеся на плите, и сам текст, вопреки удивлению Миллера, легко читаются на тюркском языке даже не специалистами, а просто знающими греческий алфавит и тюркскую речь» (с. 90). Оказывается, зря в течение почти ста лет ученые ломали копья при переводах этой надписи, достаточно было И. М. Мизиеву взглянуть на этот единственный в своем роде

эпиграфический памятник, как проблема сразу же разрешилась. Ссылаясь на Е. Ф. Миллера, И. М. Мизиев относит Зеленчукскую надпись к VII в. и связывает ее с болгарским родом Дуло (с. 116), от которого, по Мизиеву, собственно и произошли балкарцы. Здесь следует отметить, что В. Ф. Миллер датировал Зеленчукскую плиту с надписью XI—XII вв. [9, с. 118], а не VII в., как пишет Мизиев. У В. Ф. Миллера нет даже намеков на связь этой надписи с родом Дуло, и откуда это взял И. М. Мизиев, ссылаясь на Миллера, остается непонятным.

В подкрепление своей этимологии тюркских слов И. М. Мизиев регулярно привлекает различные исторические справки. На некоторых из них мы остановимся, чтобы показать читателю их значимость в аргументации автора книги. Например, доказывая принадлежность части скифов тюркам, он обращает внимание на тот факт, что скифы употребляли в пищу кумыс, сыр, конину, которые, по И. М. Мизиеву, «считаются *специфическими тюркскими* (курсив наш.— *В. К.*) традиционными элементами пищи» (с. 36, 41, 51). Не правда ли, весомый аргумент? Но позвольте, ведь любой кочевник, разводящий лошадей, независимо от этнической принадлежности употреблял в пищу аналогичные продукты. Не меньшую значимость в построениях И. М. Мизиева отводится тотемному животному — волку, сохранившемуся в верованиях карачаевцев и балкарцев, от которого произошли все тюрки (с. 38, 39). Выходит, если у племен встречается тотем «волк», то они связаны с тюрками. В таком случае можно считать предрешенной судьбу ираноязычных савроматов, у которых изображения волка встречаются повсеместно [16]. Но ведь легенды о происхождении отдельных родов и племен от волка существовали в разных местах и в различные исторические периоды независимо друг от друга. Вспомним хотя бы Рим, где основателя этого города вырастила волчица.

Не менее любопытный вывод о принадлежности скифов тюркам звучит в следующих словах: «Наличие среди геродотовских скифов тюркских племен доказывают слова автора V в. н. э. Зозима, сказанные им в адрес гуннов: „Некоторые называют этот народ Уннами, другие говорят, что его следует называть царственными скифами или тот народ, про который говорит Геродот, что он живет у Истра с **сплюснутыми носами, маленького роста**“ (выделено *И. М. Мизиевым*). Речь, как мы видим, идет о представителях тюрко-монгольской расы» (с. 40). Оказывается, И. М. Мизиев принимает письменные источники буквально, без критического анализа. Но ведь при работе с письменными источниками необходим тщательный анализ и критический разбор при использовании их как материала для исторических построений. Здесь достаточно вспомнить о многочисленных анахронизмах с этнонимом «скифы» в византийской историографии [17, с. 94 и др.]. Если обратиться к цитируемому И. М. Мизиевым источнику, то здесь речь идет именно о гуннах эпохи Великого переселения народов, а не о скифах геродотовских времен. В связи с этим хотелось бы обратить внимание читателей на тот факт, что автор книги приводит в большинстве случаев источники из «вторых рук», в то время как использование оригиналов средневековых авторов было бы необходимо, так как в своей книге И. М. Мизиев делает далеко идущие выводы, затрагивающие многие аспекты средневековой истории Северного Кавказа.

Ссылаясь на Феофана Исповедника, автор книги «забывает» обратить внимание на новейший перевод этого источника, выполненный недавно И. С. Чичуровым [18]. Существует наряду со старым и новое издание сочинения Константина Багрянородного «De administrando imperio» [19, с. 300—302; 20, гл. 42], которое вульгаризаторски используется в работе И. М. Мизиева. Работая с «Армянской географией» VII в., следует упомянуть и венецианский перевод этого источника, выполненный Арсеном Сукри, в котором на Северо-Западном Кавказе перед народом аш-тигор помещаются ал(б)аны [21, с. 36]. Тщательная работа с первоисточниками предостерегла бы И. М. Мизиева от суждений о тюркоязычности алан на основании древнерусского перевода Иосифа Фла-

вия, ибо в оригинале ничего о тюркоязычности аланов не сказано. Для автора древнерусского перевода, в связи с политической обстановкой X—XI вв., ясы(аланы) могли выступать в одном союзе с печенегами против Руси. Здесь можно было обратить внимание на то обстоятельство, что в древнерусском переводе речь идет о ясах, а у Иосифа Флавия об аланах, т. е. переводчик видел в этих этнонимах один и тот же народ. Но именно на это И. М. Мизиев не обращает никакого внимания, так как такая позиция противоречит его идее о различной этнической принадлежности аланов и асов (с. 74—77, 134, 152 и др.). Для обоснования тюркоязычности асов он использует древнерусское сообщение о жене Андрея Боголюбского, которая была Ясыня «бе бо болгарка родом» (с. 75). В этом случае, кроме ссылок на П. Буткова и Е. Г Пчелину, делается ссылка на редактора рецензируемой книги В. Б. Виноградова с произвольной трактовкой сообщения, что сын Ясыни Георгий после изгнания бежал «к своим родичам (по матери.— *И. М.*) кипчакам и хазарам на Дон и Кавказ» (с. 75). Однако, как отмечает В. Б. Виноградов, Георгий бежал к родственникам матери на реку Сунжу к аланам [22, с. 184]. По мнению В. Б. Виноградова, жена Андрея Боголюбского была аланкой, но родилась в Волжской Булгарии, что нашло отражение в формулировке: Ясыня «бе бо болгарка родом» [22, с. 183]. Указаний на тюркоязычность этой аланки, как то полагает И. М. Мизиев, в источниках не имеется.

Приведем еще два примера аргументации тюркской принадлежности ираноязычных кочевников Восточной Европы и Северного Кавказа. Так, И. М. Мизиев пишет: «Широко известно, что большое место в материальной культуре скифов занимал войлок... Столь же широкое применение имел войлок у всех тюркоязычных племен — у древних тюрок Алтая, у гунов и др.» и т. д. Опять же весьма неудачный критерий для определения этнокультурной принадлежности. Если исходить из подобной посылки И. М. Мизиева, то придется связать с тюрками ямные погребения середины III тыс. до н. э. с войлочными подстилками из Тимашевского кургана, открытые нами в 1984 г. [23, с. 166].

Не может являться свидетельством связей между скифо-сармато-аланами и тюрками и солярный культ Тенгри, как об этом пишет И. М. Мизиев (с. 22, 144). Культ солнца был развит у многих народов, в том числе и у ираноязычных и тюркоязычных племен эпохи средневековья. Поэтому нет оснований делать его специфической чертой тюрок, а следовательно, и считать всех, кто поклонялся солнцу и имел солярные амулеты, тюрками. Привлекать солярные амулеты в виде колесика со спицами из аланских катакомб в качестве доказательства их тюркской принадлежности и связывать их с божеством Тенгри мне представляется не совсем уместным. Это амулеты ираноязычных племен, особенно когда они происходят из катакомбных погребений аланов. Даже на территории Закарпатья среди аварских древностей признается их аланская принадлежность [24, с. 179]. К тому же их нет в Южной Сибири, на Алтае и в Монголии, где сосредоточена основная масса тюркских древностей и где практически не было контактов с восточноевропейскими иранцами.

Нет оснований говорить о монголоидности скифов, опираясь при этом на слова Гиппократа. Все известные нам изображения скифов несут в себе европеоидные черты. Достаточно вспомнить хотя бы металлопластику из курганов Солоха, Чертомлык, Куль-Оба, Толстая Могила и др. [25].

Подобные примеры можно продолжать, но, я думаю, достаточно и приведенного, чтобы увидеть, сколь несерьезные и необоснованные аргументы приводятся И. М. Мизиевым для доказательства своей тюркской теории и опровержения выводов Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева.

Большое место в книге И. М. Мизиева отводится разбору этнонимов «аланы» и «асы», причем последние без какой-либо серьезной аргумен-

тации считаются тюрками. Чтобы обосновать тюркоязычность части аланов, в книге приводится следующая интерпретация этнонима «аланы». Опираясь на Аммиана Марцеллина, автор пишет, что «свое имя аланы берут от названия горы на Алтае» (с. 84), хотя подобного высказывания в отношении Алтая у Марцеллина не имеется [26, с. 303]. Здесь же И. М. Мизиевым дается перевод слова «алан» с тюркского языка как «долина», «поляна», «прогалина» и пр. И таким образом в этноним «алан» было вложено географическое определение. А далее от этого перевода идут многочисленные рассуждения о тюркоязычности племен, входящих в этноним «аланы». «Этнонимом это географическое понятие стало, по-видимому, позднее, таким же образом, как от термина *ас* появился этноним *асы*, от термина *тау* — «гора» — этноним *таулу*, от «поле» — половцы и т. п. Следовательно, этнонимы *алан* и *асы* определяют два народа — степняков и горцев» (с. 85). Не правда ли, оригинальная трактовка этнонимов, особенно там, где термин «горцы» является этнонимом, а не показателем обитания этнических групп в горах. В приведенной цитате в первой фразе перевод этнонима «асы» не дается, зато во второй он уже обозначает «горцы» вместо только что приведенного самим же автором термина «таулу». В результате указанный отрывок является набором терминов, противоречащих друг другу по смыслу и значению.

Этноним «алан», действительно, еще не имеет убедительного разъяснения. Сам же И. М. Мизиев говорит о том, что иноязычный этноним не обязательно отражает языковую принадлежность племен (с. 124). Однако когда речь идет об отнесении того или иного племени к тюркам, у И. М. Мизиева появляется «провал в памяти» и ему трудно следить даже за тем, о чем он сам писал выше.

Некоторые исследователи возводят этноним «алан» к осетинскому «аллон», «арриан» «авесты» и индоевропейскому «олень» [9, с. 246; 27, с. 47; 28, с. 82]. Недавно в печати появилась небольшая статья А. О. Наглера и Л. А. Чипировой о развитии хозяйственных типов в древних обществах, где авторы предлагают следующую интерпретацию этнонима «аланы». «Они (аланы) были той частью сарматского населения, хозяйственной деятельностью которой становится война, а в развитии — социальный слой сарматского общества, из которого формировалась военная знать. Социальный термин закрепился как этноним за различными народами, населявшими „Сарматию"» [29, с. 90]. А ведь аналогичную интерпретацию мы уже имеем в научной литературе при объяснении этнонима «тюрок» [30, с. 76—81]. Но подобное решение вопроса, вероятно, мало интересует И. М. Мизиева, и поэтому указанная статья остается им не замеченной.

Далее И. М. Мизиев ведет свои рассуждения об отличии асов и аланов как различных народов не только по языку, но и по материальной культуре. Для подтверждения своих выводов он весьма оригинально использует письменные источники (восточные и европейские). Вот что пишет И. М. Мизиев: «Вопреки сведениям многих восточных авторов и документов XIII—XIV вв.: Хамдаллаха Казвини, Бедреддина Элайна, Бейбарса, Эннувейри, Эль-Омари, Шериф ад-Дина Йезиди, Низам ад-Дина Шами, Абульфеды, Аль-Бируни и др., четко различавших алан и асов, есть два сообщения европейских путешественников XIII в.— монахов Г. Рубрука и П. Карпини и автора XV в. Иосафата Барбаро». Затем говорится о том, что Рубрук приводит сведения о неких Аланах, «которые именуются там Аас» (с. 86). Далее идут обвинения в адрес Ю. Клапрота, якобы неправильно разобравшего источники и не заметившего, что аланы и асы это разные народы, чем в дальнейшем он и внес путаницу в исследования аланской проблемы. Не будем слишком строго судить автора книги, а зададим ему вполне законный вопрос. Был ли кто-нибудь из восточных авторов, упомянутых выше и сообщавших сведения об аланах и асах, на Северном Кавказе и в особенности на Западном Кавказе, где, по единодушному мнению исследователей, локализуются асы? Вряд ли ответ на этот вопрос у И. М. Мизиева будет

положительным. А вот Г. Рубрук, П. Карпини и И. Барбаро побывали в областях расселения северокавказских аланов, и пренебрежение сообщениями именно этих авторов (как это делает И. М. Мизиев) вряд ли на пользу истине. Почему-то И. М. Мизиев совершенно упускает также, что И. Барбаро при возвращении из Менгрелии по побережью Черного моря «перешел реку (Кубань.— *В. К.*), где раньше была Алания» [31, с. 154], а не Асия, как это хотелось бы видеть Мизиеву.

Столь же произвольно и невнимательно И. М. Мизиев обращается с сообщениями Константина Багрянородного. «Коль скоро был упомянут Константин Порфирородный, надо бы сказать и о том, что он отдельно называет земли алан и асов: „асы южнее алан, которые граничат с Хазарией"...» (с. 89). Ссылка на работы В. А. Кузнецова и М. И. Артамонова показывает формальное отношение автора к источникам, по принципу «никто не проверит». Но когда речь идет о сложных вопросах этногенеза народов, такой подход в исследовании неприемлем. К тому же у Константина Багрянородного упоминаний об асах нет [19, 32]. Упомянутое в одной из глав «De administrando imperio» племя «узы» не может быть сопоставлено с аланами-асами, так как речь там идет о тюрках-огузах.

Значительное место в работе И. М. Мизиева отводится роли тюрок в формировании осетин-дигорцев. По его мнению, в III—V вв. в горы проникают сарматы вместе с тюрками, а они то и положили начало дигорцам (с. 91). Чтобы подтвердить свои выводы, автор объявляет могильники Комунта и Галиат тюркскими, хотя известно, что эти могильники оставлены аланами [33, с. 120]. При этом элементами тюркской погребальной обрядности по И. М. Мизиеву будут: «сопровождение покойного тушей коня, деревянная утварь, деревянные седла, совершенно повторяющие подобные изделия из тюркских погребений Алтая VI—VIII вв. ...» (с. 91). Сопровождение умерших конем встречается у многих народов древности, присутствовал этот обычай и у аланов. Сохранился он и у осетин — как пережиток в виде посвящения коня умершему [34]. Однако подобного рода суждения могут привести к тому, что нам придется объявить половину меотских погребений тюркскими, так как там встречается обычай сопровождения умершего конем [35, с. 95]. Так же обстоит дело и с деревянной посудой в погребениях. Ведь нельзя же считать, что если в Новгороде находят большое количество деревянной посуды [36], кстати по формам очень похожей на кавказскую, то там жили тюрки. Можно согласиться, что отдельные категории деревянной утвари могут быть специфическими для тюрок, но на этом надо подробно остановиться, а не упоминать об этом мельком. Для примера обратим внимание читателей на наличие в склепе из Галиата, который И. М. Мизиевым связывается с тюрками, столика на четырех ножках [33, с. 113—121, 37, рис. 35]. Аналогичный столик был найден в могильнике Мощевая Балка. Такие столики (фынг) сохранились в обиходе осетин до настоящего времени [38, с. 35], и их нет у тюрок вне Кавказа. Если уж мы коснулись деревянной утвари, остановлюсь еще на одной категории, довольно часто встречающейся в скальных могильниках Западной Алании (Мощевая и Каменистая Балки, Нижний Архыз и др.). Это очень существенно, так как скальные могильники И. М. Мизиев объявляет тюркскими, хотя этому противоречат и материальная культура, и погребальный обряд, и антропологические данные. Обратим внимание на деревянные пеналы, которые А. А. Иерусалимская весьма убедительно сопоставила с осетинскими бинатхицау, связанными с культом покровителя домашнего очага [39, с. 182—184; 40, с. 106—109]. Пеналы-бинатхицау, совершенно такие же, как их древние прототипы из скальных могильников, сохранились у осетин Юго-Осетии до 30-х годов нашего столетия [38, с. 40, 51].

Эти примеры можно умножить, но, я думаю, и этого достаточно, чтобы судить о необоснованности выводов И. М. Мизиева, которые имеют априорный характер и не могут быть приняты как объективная,

строго научная теория в разработке вопросов, связанных с этногенезом народов Северного Кавказа.

Собственно археологическая часть книги И. М. Мизиева представлена только последней главой, в которой без особых доказательств опровергаются все достижения алановедения на Кавказе.

В качестве одного из аргументов тюркской принадлежности скальных могильников используется руническая письменность, открытая в верховьях Кубани. Не вдаваясь в полемику, отмечу, что руническая письменность открыта на развалинах стен Хумаринского городища [41, с. 298—305; 42]. А вот памятники рунической эпиграфики, открытые в скальных могильниках, у меня вызывают сомнения. Знаки Токмак-Кая № 2, обнаруженные Т. М. Минаевой и названные ею позднейшими тамгами [43, с. 79, рис. 14, *2, 3*] ничего общего не имеют с прорисовками М. А. Хабичева [44, с. 65—69].

«Надписи», открытые Я. С. Байчоровым и опубликованные им недавно, более похожи на карачаевские и кабардинские тамги, нежели на рунические письмена [45, с. 87—129]. Такие же «надписи» в огромном количестве нанесены в том же стиле на центральной абсиде Шоанинского храма X в. на штукатурке XIX в. Любопытно, что опубликованные надписи либо уничтожены, либо близки к уничтожению различными природными явлениями. Это, естественно, заставляет меня усомниться в их подлинности [46, с. 20]. Поэтому привлекать эти материалы для этнической интерпретации скальных могильников без дополнительных материалов преждевременно. Говорить о тюркской принадлежности скальных могильников рано, так как для этого еще недостаточно материалов. Зато имеющиеся материалы уводят нас в алано-осетинский мир. Достаточно вспомнить пеналы-бинатхицау, столики-фынг, некоторые типы деревянной посуды, аналогичные посуде из позднесредневековых осетинских склепов, покрой одежды, обуви и т. д. Вот в этих деталях погребального обряда, костюма и культов тюркских влияний нет, за исключением общераспространенных культов (культ деревьев, животных, различные обереги и т. д.).

Подводя итоги, И. М. Мизиев делает следующие выводы: «Историко-археологические исследования свидетельствуют о том, что аланы — это одно из сарматских племен; в I—III вв. н. э. отдельными группами появляются в предкавказских равнинах; в IV—VII вв., теснимые гуннами, заселяют предгорья Западного Предкавказья; в VII—IX вв., теснимые болгарами, теряют Прикубанье и широко осваивают бассейн Терека и оказываются зажатыми между отмеченными объединениями тюркских племен» (с. 136). Однако, как справедливо отмечали Я. А. Федоров и У Ю. Эльканов, болгары занимали в Предкавказье не сплошную территорию, а были вкраплениями в аланской среде [47, с. 104]. Предлагаемая И. М. Мизиевым локализация и периодизация аланской истории никак не согласуется ни с письменными источниками, ни с археологическими материалами. Делать упор на то, что в Западной Алании нет земляных аланских катакомб, ошибочно. Сейчас известно 11 таких могильников, часть которых, я думаю, И. М. Мизиеву хорошо известна [42, с. 56—59; 48, с. 11—27; 49, с. 205—238; 50, с. 47]. Пребывание аланов в верховьях Кубани и Зеленчуков до XIII в. фиксируется письменными источниками, особенно связанными с христианизацией Алании. В частности, свои письма константинопольский патриарх Николай Мистик (первая четверть X в.) направлял к аланам через правителя Абхазии [51, с. 254]. Если бы речь шла о территории Северной Осетии (где, по Мизиеву, только и были аланы), то для этой цели вряд ли можно было использовать Абхазию, так как на востоке свое влияние распространяла Грузия. То, что Западная Алания была сильно христианизирована, сейчас признается большинством исследователей, и центр Аланской епархии локализуется на Нижнем Архызе [52, с. 120]. Заметим, речь идет именно об Аланской епархии, а не Асской, как представляет себе И. М. Мизиев.

Считаю также неправомерной критику работ А. В. Кузнецова, который на археологических материалах обосновал этническое единство

аланской культуры, а не «вогнал в прокрустово ложе и снивелировал все этническое многообразие Северного Кавказа вездесущими аланами, будто бы безраздельно занимавшими эту территорию на протяжении более чем тысячелетия» (с. 146).

В стремлении принизить значение работ В. И. Абаева в изучении аланской проблемы И. М. Мизиев обвиняет его в использовании работ иностранных ученых для построения своих выводов. «Нам кажется, что в такой работе, как разбираемая, была прямая необходимость учитывать как можно больше работ, касающихся темы, как можно шире разбирать все „за" и „против", а не ограничиваться лишь весьма сомнительными популярными справками из немецких, шведских энциклопедических словарей, т. е. учитывать то, что созвучно своим построениям» (с. 134). Подобного рода упрек явно несостоятелен, ибо любое ограничение в привлечении исследований зарубежных коллег обедняет работу.

Характер ошибок библиографического аппарата рецензируемой книги находится в полном соответствии с ее содержанием. Вместо термина «позднеаварский» — «позднесарматский», вместо «ранневенгерский» — «раннеаварский» и др., что также указывает на субъективный характер суждений автора.

Разбор книги «Шаги к истокам...» можно продолжать еще долго. По сути дела, тогда у нас получится книга-рецензия на книгу И. М. Мизиева, так как там практически нет объективно рассмотренных материалов и основанных на них выводов, которые действительно явились бы шагами к познанию этнической истории кавказских народов.

Читая рецензируемую книгу И. М. Мизиева, я постоянно мысленно возвращался к предисловию, написанному известным археологом-кавказоведом профессором В. Б. Виноградовым. Давая положительную оценку работе И. М. Мизиева, В. Б. Виноградов пишет: «И. М. Мизиев написал работу намеренно дискуссионную, наполненную новыми версиями толкования фактов, спорами со многими учеными, в том числе и признанными авторитетами в своей области» (с. 8). Действительно, всегда с удовольствием работаешь с исследованиями, насыщенными фактическим материалом, в которых изложены объективные оценки всех имеющихся на данный момент гипотез и всесторонне охватывающих изученные проблемы в целом. Именно такое впечатление о работе создается после ознакомления с предисловием. Однако это далеко не так. Читатель может убедиться в противоположном, внимательно изучив всю книгу. Мне во многом остается непонятным, как можно опровергать гипотезы и спорить с «учеными, в том числе и признанными авторитетами», если многие их работы не были изучены автором книги, а большая их часть известна автору, судя по содержанию книги, поверхностно.

Не находят оправдания в исторических исследованиях, особенно на современном этапе, и очевидные элементы «тюркского этноцентризма», являющиеся, по мнению В. Б. Виноградова, «естественной реакцией конкретного автора на устоявшиеся и получающие развитие тенденции „ираноязычного" или автохтонного этноцентризма в толковании исторического прошлого Северного Кавказа» (с. 8). В создавшейся ситуации нужно вести речь не о тюркском этноцентризме как естественной реакции И. М. Мизиева, а о действительно научном, критическом подходе к изучению важнейшей проблемы этногенеза кавказских народов. Именно научный редактор книги должен был указать автору на эти методические ошибки, а не пытаться их сгладить или затушевать. Более того, при освещении такой сложной проблемы необходимо было включить в содержание книги хотя бы небольшой историографический обзор с изложением существующих точек зрения на проблему этногенеза кавказских народов, чтобы ввести в курс дела читателей, а не обрушивать на них обилие тюркских теорий, призванных возвеличить в истории роль балкарцев и карачаевцев. По моему мнению, это большой недостаток рецензируемой книги. И здесь вряд ли можно говорить о новаторском и полезном ее потенциале (с. 9), особенно в русле освещения национального вопроса. И. М. Мизиев в данном случае не является новатором, как об этом пишет

В. Б. Виноградов. Он как раз относится к тем специалистам, которые пытаются «искать тюрок в Передней Азии уже в глубокой древности и приписывать им ведущую роль в создании древнейших передневосточных цивилизаций», а также местных кавказских культур [53, с. 10], что далеко не согласуется с имеющимися историческими и археологическими реалиями.

Остается только сожалеть, что данная книга вышла в свет как научно-популярная, для широкого круга читателей, так как она не может внести вклада в укрепление интернациональной дружбы кавказских народов.

В. Н. Каминский

ЛИТЕРАТУРА

1. *Саратов И. Е.* Следы наших предков//Памятники Отечества. 1985. № 2 (12).
2. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 6.
3. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1.
4. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24.
5. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
6. *Федоров Я. А., Федоров Г С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 1978.
7. *Абаев В. И.* Этногенез осетин по данным языка//Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1967.
8. *Алексеева Е. П.* Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1963.
9. *Миллер В. Ф.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области//МАК. 1893. Вып. III.
10. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
11. *Алборов Б. А.* Новое чтение надписи на Зеленчукской надгробной плите//Уч. зап. СОГПИ. 1956. Т. XXI, вып. 2.
12. *Турчанинов Г Ф.* Еще раз о древнеосетинской Зеленчукской надписи//Эпиграфика Востока. 1958. Вып. XII.
13. *Турчанинов Г Ф.* Зеленчукская надпись — памятник ясского диалекта средневекового осетинского языка//Проблемы фонетики, диалектологии и истории языка. М.: Наука, 1978.
14. *Кафоев А. Ж.* Адыгские памятники: Автореф. дис. канд. ист. наук. Нальчик, 1964.
15. *Кудаев М.* Зеленчукская надпись//Коммунизмге жол. 1965. 14 февр.
16. Культура Византии. IV — первая половина VII в. М.: Наука, 1984.
17. Nicetae Choniatae. Historia. Rec. I. A. Van Dieten Pars prior praefationem et textum continens. Berolini; Novi Eboraci, 1975.
18. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.: Наука, 1980.
19. Константин Багрянородный. Об управлении империей//Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982.
20. Constantine Porphyrogenetus. De administrando imperio/Ed. Moravcsik Gy. 1949.
21. Géographie de Moise de Chorène, d'apres Prolemée/Texte armenien trad. par le P. Arsene Soukry. Venise, 1881.
22. *Виноградов В. Б., Голованова С. А.* Страница русско-кавказских отношений XII века//ВИ. 1982. № 7.
23. *Каминский В. Н.* Раскопки кургана эпохи бронзы в г. Тимашевске на Кубани//Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку, 1985.
24. *Garam E. Sz.* Spätawarenzeitliche Durchbrochene Bronzescheiben//Acta archaeologica. 1980. T. XXXII. F. 1—4.
25. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия в VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
26. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе//ВДИ. 1949. № 3.
27. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
28. *Vernadsky G.* Sur lorigine des Alains//Bysantion. 1944. T. XVI. Fasc. 1.
29. *Наглер А. О., Чипирова Л. А.* К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах//Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
30. *Толстов С. П.* К истории древнетюркской социальной терминологии//ВДИ. 1938. № 1.
31. Барбаро и Контарини о России/Пер. и комент. Е. Ч. Скрижинской. Л.: Наука, 1971.
32. Constantini Porhyrogeneti. De administrando imperio. Bonn, 1840.
33. *Крупнов Е. И.* Галиатский могильник как источник по истории алан ассов//ВДИ. 1938. № 2—3.
34. *Калоев Б. А.* Обряд посвящения коня у осетин//Доклады VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964.
35. *Аптекарев А. З.* Раскопки могильника городища II у хутора им. Ленина//АО — 1980. М., 1981

36. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия//САИ. 1968. Вып. Е1-55.
37. *Erdélyi I.* Az avarság és kelet a régészeti források. Tükrében. Budapest, 1982.
38. *Пчелина Е.* Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии//Уч. зап. Института этнических и национальных культур Востока РАНИОН. М., Изд-во АН СССР, 1930.
39. *Иерусалимская А. А.* Погребальный культ и некоторые верования раннесредневековых племен Северного Кавказа (по материалам могильника Мощевая балка, VIII—IX вв.)//Extrait d'Iranica Antiqua. V. XVIII. Leiden, 1983.
40. *Иерусалимская А. А.* Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа (по материалам могильника Мощевая балка)//СЭ. 1983. № 1.
41. *Кузнецов В. А.* Надписи Хумаринского городища//СА. 1963. № 1.
42. *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во. 1983.
43. *Минаева Т. М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1971.
44. *Хабичев М. А.* О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах//СТ. 1970. № 2.
45. *Байчоров С. Я.* Протобулгарские эпиграфические памятники наскальных могильников Кубано-Терского междуречья//Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкессии. Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1983.
46. *Биджиев Х. Х.* Отчет археологической экспедиции Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института за 1978 год//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7121.
47. *Федоров Я. А., Эльканов У. Ю.* Об этнологической ситуации на Верхней Кубани в эпоху раннего средневековья//Социальные отношения народов Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1978.
48. *Каминский В. Н.* Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани// Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984.
49. *Минаева Т. М.* Могильник Байтал-Чапкан//МИСК. 1950. Вып. 2, 3.
50. *Текеев Г Х.-У.* Археологические разведки в Карачаево-Черкессии//IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Орджоникидзе, 1974.
51. Николай Мистик — патриарх Константинопольский//ЧОИДР. 1847. № 6.
52. *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977.
53. *Тихвинский С. Л.* Состояние и задачи координации исторических исследований//ВИ. 1986. № 9.

Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки (Сост.: Гороховский Е. Л., Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Моргунов Ю. Ю., Супруненко А. Б.). Полтава, 1985. 56 с., илл. Памятники древнеегипетского искусства в собрании Полтавского краеведческого музея: Каталог выставки (Сост. Супруненко А. Б.). Полтава, 1986. 64 с., илл.

Коллекция памятников материальной культуры, хранящаяся в Полтавском краеведческом музее — одном из старейших на Украине, создавалась на протяжении всей его истории. В последние годы сотрудниками музея, Институтов археологии АН СССР и АН УССР были организованы две выставки и выпущены краткие каталоги.

Первый из них — «Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины» знакомит с археологическими находками (260 предметов), хранящимися в Полтавском краеведческом музее и фондах некоторых других музеев области. Подавляющее большинство опубликованных в каталоге вещей найдено на территории Полтавщины в последние годы в ходе археологических исследований экспедициями музея и академических учреждений. Каталог состоит из предисловия, списка сокращений, шести разделов, приложения и списка литературы. Каждый из разделов предваряет небольшое вступление, характеризующее культурно-хронологический диапазон издаваемых памятников. Наиболее яркими предметами, представленными в каталоге, являются роговые мотыги энеолитического времени, антропоморфная песчаниковая стела с богатой иконографией, найденная у с. Федоровка Карловского р-на, коллекция фибул III — начала V в. н. э. и деталей поясных наборов геральдического стиля VII в. из окрестностей Градижска, клад серебряных и билоновых монет (2164 шт.) XVI—XVII вв. из с. Запселья.

Второй каталог — «Памятники древнеегипетского искусства в собрании Полтавского краеведческого музея» посвящен небольшой коллекции древностей, поступившей в 1894—1913 гг. В годы Великой Отечественной войны часть предметов была уничтожена при пожаре музейного здания. Большинство сохранившихся вещей представлено в каталоге (123 пр.). Каталог состоит из предисловия, повествующего об истории создания коллекции и ее составе, 11 разделов, приложения и списка литературы. Каждый из разделов начинается с характеристики предметов (скульптура, надписи, ушебти, канопы, сосуды, светильник, амулеты, скарабеи, ювелирные украшения, керамические изделия, изделия из камня и фаянса). Экспонаты снабжены краткой информацией об иконографии и культурной принадлежности; подробно описаны материал, размеры, техника изготовления и особенности каждого вида изделий. Приложение к каталогу знакомит с фигурными подвесками из так называемого египетского фаянса, обнаруженными на территории Северного Причерноморья (7 экз.).

Говоря о каталогах в целом, прежде всего необходимо отметить их высокий научный уровень. Описание находок, атрибутация и датировки не вызывают возражений. Жаль лишь, что объем изданий не позволил включить в текст аналогии вещам — ссылки на литературу авторы приводят только в случае, когда предмет был воспроизведен или упомянут в печати. Составители ограничились инвентарным номером вещей (ПКМ, инв. №), что, очевидно, достаточно для их поиска в фондах музея. Хочется отметить воспроизведение экспонатов в виде фотографий или рисунков довольно высокого качества. О значении выпуска этих изданий много говорить не приходится — они уже заинтересовали археологов и искусствоведов, занимающихся проблемами древней и средневековой истории Северного Причерноморья, культурой Древнего Египта. Замеченные недостатки в основном касаются технической стороны дела и никоим образом не могут умалить достоинства рецензируемых книг. Так, в каталоге «Памятники материальной культуры...» на фотографиях отсутствует линейный масштаб; при публикации граффити на стенке амфоры

надпись воспроизведена полностью: «Корчага Прокопова», хотя последние буквы двух строк приходятся на недостающий фрагмент и их следовало бы дать как восстановление (с. 40); неясно сокращение «вр.» (временный?) в инвентарных номерах экспонатов № 231, 232, 240—242, 246—253. Во втором каталоге — «Памятники древнеегипетского искусства...» есть ряд опечаток и украинизмов: «уродженцу», «ровестницей» (с. 3), «цифра» (с. 62). Очевидно, более правильно написание «Гарпократ», а не «Харпократ» (с. 10). Под фотографиями находок № 44—46 (с. 33) и 106—107 (с. 55) перепутаны подписи.

Несмотря на небольшой объем и краткость каталогов, начинание, предпринятое в Полтавском краеведческом музее, требует безусловной поддержки. Не секрет, что многие областные музеи обладают интереснейшими коллекциями древностей, ознакомиться с которыми удается далеко на каждому исследователю; кроме того, фонды их ежегодно пополняются предметами материальной культуры, полученными в ходе археологических исследований. Первая публикация многих из этих находок в подобных каталогах позволит расширить наши представления о собраниях и новых поступлениях музеев страны.

А. Е. Пуздровский

Хроника

СИМПОЗИУМ ПО ПОЛИВНОЙ ПОЛИХРОМНОЙ КЕРАМИКЕ
(Тбилиси, 1985 г.)

По инициативе Отделения общественных наук АН Грузинской ССР и Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР был созван I симпозиум по средневековой керамике на тему «Полихромная поливная керамика Закавказья — истоки и пути распространения», состоявшийся в Тбилиси 21—25 октября 1985 г.

В работе симпозиума приняли участие представители научных учреждений Москвы, Ленинграда, Одессы, Свердловска, Севастополя, Симферополя, Грозного, Баку, Еревана и Тбилиси. Было заслушано и обсуждено 19 докладов. К началу симпозиума были изданы аннотации докладов в виде сборника «Материалы I симпозиума по проблеме „Полихромная поливная керамика Закавказья — истоки и пути распространения"» (Тбилиси, 1985).

Симпозиум открыл академик-секретарь Отделения общественных наук АН ГССР А. М. Апакидзе, который остановился на открытых в последнее время археологических памятниках Грузии и особое внимание обратил на изучение памятников средневековья, отметив большую роль И. А. Джавахишвили, Л. В. Мусхелишвили и Г. А. Ломтатидзе в становлении грузинской средневековой археологии. Участников симпозиума приветствовал руководитель центра археологических исследований проф. О. Д. Лордкипанидзе.

Основным на симпозиуме был доклад М. Н. Мицишвили (Тбилиси) «Полихромная поливная керамика как источник установления культурных связей XII—XIV вв.». Эта керамика была распространена в Грузии и в странах Ближнего Востока в XII—XIII вв. Аналогичная керамика находит также широкое распространение в XIII—XIV вв. в Западном и Северном Причерноморье. По мнению докладчицы, восточная идея полихромности распространялась в Причерноморье и в другие регионы из Западной Грузии морским путем, но не исключена возможность ее распространения по суши — через Предкавказье. Тем самым Западная Грузия XII—XIII вв. представляется важнейшим перекрестком на пути распространения восточной культуры.

В. А. Джорбенадзе, М. Г. Маргвелашвили, Г. М. Рчеулишвили (Тбилиси) в докладе «Полихромная керамика из Арагвского ущелья» рассматривают богатые археологические материалы, выявленные в основном на городище Жинвали, а также на селищах. На полихромной керамике XII—XIII вв. представлены изображения людей, животных, птиц, геометрические и растительно-ветвистые орнаменты, стилизованный крест и др. Своеобразие жинвальской керамики, наличие керамических печей, производственный брак свидетельствуют о производстве полихромной керамики в Арагвском ущелье.

Ф. С. Бабаян (Ереван) в докладе «Развитие поливной полихромной керамики в Армении IX—XIII вв.» отмечает, что на заре становления производства средневековой поливной керамики наряду с монохромной окраской формируется полихромный декор. В XII—XIII вв. в Армении продолжается развитие поливной керамики с многогранной технологией. Изучение местной поливной керамики показывает, что ее создателям не были чужды культурные инновации, отмечаемые в искусстве Закавказья, Ближнего Востока и Малой Азии того времени.

В докладе С. Б. Гусейновой (Баку) «К вопросу о преемственности клеймения глазурованных сосудов XI—XV вв.» представлены результаты изучения гончарных клейм Азербайджана, оттиснутых на днищах моно- и полихромных чаш и носящих религиозно-мистический характер.

Как отметил А. И. Новрузов (Баку) в докладе «Формирование средневековой глазурованной керамики Нахичевани как самостоятельной отрасли ремесла», при рас-

копках в Начихевани обнаружены керамические мастерские, позволяющие судить о межотраслевой специализации внутри производства. Это дало импульс для дальнейшего интенсивного развития высококачественной глазурованной керамики в XI — начале XIII в.

В докладе «О находках золотоордынской поливной керамики в Предкавказье» В. Б. Виноградов и Е. И. Нарожный (Грозный) представили известные находки поливной керамики золотоордынского времени из различных районов Предкавказья, дополнительно освещающие отдельные вопросы истории Золотой Орды на Северном Кавказе.

В докладе М. И. Синауридзе (Тбилиси) «Полихромная поливная керамика Кция-Машаверского ущелья (по материалам Болнисского района)» рассматривалась керамика с городища в с. Арахло, крепости Чапала и поселений, где по находкам полуфабрикатов, керамического шлака, стержней и пр. можно судить о местном ремесленно-гончарном производстве.

Р. М. Рамишвили и В. А. Джорбенадзе (Тбилиси) в докладе «Полихромная керамика из раскопок в Кветера и Хорнабуджи (Восточная Грузия)» рассмотрели материалы, выявленные при раскопках этих двух городов-крепостей. На полихромной керамике встречаются изображения женского лица, птиц, креста, геометрические и растительно-ветвистые орнаменты и т. д., характерные для XII—XIII вв. Раскопками подтверждается наличие керамического производства на указанных памятниках. В докладе Р. М. Рамишвили и В. А. Джорбенадзе «Полихромная керамика из региона верховьев р. Иори» представлены находки из Жалетского городища и крепости с зооморфными, геометрическими и растительно-ветвистыми орнаментами.

В докладе «Полихромная поливная керамика из Уплисцихе» Д. В. Миндорашвили (Тбилиси) рассмотрел фрагменты чаш с геометрическими и растительными орнаментами, изображениями птиц и человека. Обнаруженные полуфабрикаты полихромной керамики дают возможность предположить в Уплисцихе в XII—XIII вв. местное керамическое производство.

М. Н. Мицишвили (Тбилиси) посвятила доклад «Полихромная поливная керамика (XII—XIII вв.) из Тбилиси и Рустави» изучению двух важных центров производства поливной керамики в Восточной Грузии, продукция которых отличалась разнообразием и высоким качеством.

Л. Г. Колесникова (Севастополь) в докладе «Поливная керамика средневекового Херсона (X—XIV вв.)» затронула следующие вопросы: хронологические и стилистические группы поливной керамики, проблемы местного производства, синтез художественных традиций в изобразительных сюжетах херсонской поливы, место поливной керамики в художественной жизни Херсона.

В докладе «Глазурованная керамика поздневизантийского Херсонеса» А. И. Романчук (Свердловск) выделила следующие основные виды керамики: белоглиняные сосуды, украшенные акварельной росписью, и красноглиняные. Последние представлены сосудами с гравированным рисунком (изображения всадников, львов, грифонов, птиц и пр.); полихромными с геометрическим и растительным орнаментом с изображениями птиц, сиринов; монохромными с геометрическими элементами; сосудами с росписью ангобом. В производстве художественной керамики гончарами Херсонеса освоены новые тенденции, которые не характерны для византийской керамики. В данном случае чувствуется влияние художественного ремесла Закавказья и Малой Азии.

В докладе В. Н. Залесской (Ленинград) «Белоглиняная расписная керамика Малой Азии XI—XIII вв.» выделены два центра ее производства: Трапезунд и район Никеи — Никомидии, которые славились своими мастерами-керамистами.

В. Л. Мыц (Симферополь) в докладе «Поливная керамика с монограммами из раскопок Мангупа и Фулы» внес ясность в чтение и датировку некоторых монограмм, принадлежавших владельцам-заказчикам.

Изучению богатого материала, добытого за время многолетних раскопок города Белгорода, возникшего на рубеже XIII и XIV вв., был посвящен доклад А. А. Кравченко (Одесса) «Полихромная поливная керамика из Белгорода-Днестровского (конец XIII—XIV в.)». Многочисленная поливная керамика Белгорода отличается разнообразием форм и декора. В ее облике ощущается влияние керамических центров византийского круга, Крыма, Закавказья и Средней Азии.

Доклад М. Г. Крамаровского (Ленинград) «Художественная керамика Солхата: две традиции в керамическом комплексе XIII—XIV вв.» был посвящен характеристике местных групп поливной керамики из раскопок последних лет в Восточном

Крыму. Керамика Солхата, не отражая конфессиональных различий многонациональной городской среды, по мнению автора, чутко реагировала на изменения культурно исторической обстановки, в которой шло становление и развитие новой керамической школы. В этой связи представляют большой интерес пять групп поливной керамики, которые по характеру сграффито, а отчасти по формам ближе к сельджукидской традиции анатолийских центров и традициям византийских городов западного побережья Малой Азии, нежели традиции Херсона.

Т. В. Скоробогатова (Москва) в докладе «Классификация орнаментов на кашинной керамике с подглазурной росписью (по материалам Селитренного городища)» выделяет три большие группы: с подглазурной полихромной росписью, с росписью черным под бирюзовой поливой, с росписью типа «кобальт», которые в свою очередь разделяются на типы.

Был также заслушан доклад В. П. Гугушвили и Ю. М. Гагошидзе (Тбилиси) «О фактографической автоматизированной информационно-поисковой системе по археологии». Докладчики, изучив международный опыт в данной области, пришли к выводу, что данная система (АИПС) должна быть основана на традиционной научной археологической терминологии. В соответствии с этим разработан рабочий лист для описания археологических предметов, в частности сосудов. В настоящее время система реализована на ЭВМ и началось накопление банка данных, что даст возможность не только поиска археологического материала, но и научно-исследовательской работы.

Вокруг докладов развернулась весьма интересная и содержательная дискуссия, в которой приняли участие Ф. С. Бабаян, С. Б. Гусейнова, И. Л. Джалагания, В. В. Джапаридзе, В. М. Джапаридзе, В. А. Джорбенадзе, В. Н. Залесская, А. А. Иванов, Л. Г. Колесникова, М. Г. Крамаровский, М. Н. Мицишвили, А. И. Новрузов, Р. М. Рамишвили, А. И. Романчук, М. И. Синауридзе, Н. Н. Угрелидзе и др. Была отмечена актуальность изучения данной проблемы и высказано предложение продолжить ее исследование. Участники симпозиума отметили его хорошую организацию.

Во время симпозиума его участники ознакомились с Государственным музеем Грузии им. С. Н. Джанашиа, Государственным музеем искусств Грузии, Историко-этнографическим музеем города Тбилиси им. И. Г. Гришашвили, Музеем грузинской народной архитектуры и быта под открытым небом, а также с архитектурными и археологическими памятниками Тбилиси и Мцхета.

В. А. Джорбенадзе

КОНФЕРЕНЦИЯ «ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА ДОКЛАССОВЫХ И РАННЕКЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ»

21—23 марта 1986 г. в Институте археологии АН СССР (Москва) проходила конференция «Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ», организованная Советом молодых ученых ИА АН СССР. В ее работе участвовало более 100 молодых специалистов и аспирантов из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Кишинева, Брянска, Воронежа, Владивостока, Красноярска, Львова, Могилева, Николаева, Йошкар-Олы, Ижевска, Херсона, представлявших 26 учреждений и вузов. К началу работы конференции были опубликованы тезисы: «Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ». Сборник тезисов докладов III конференции молодых ученых Института археологии АН СССР. М., 1986.

Конференцию открыл В. П. Шилов, отметивший, что в последние годы значительно возрос уровень профессиональной подготовки молодых археологов, с их стороны усилилось стремление решать сложные и актуальные проблемы археологической науки.

На пленарном и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено 87 докладов. Ю. В. Павленко в докладе «Пути становления раннеклассовых обществ и вопросы классообразования на территории украинской лесостепи» отметил, что один из путей становления раннеклассовых обществ связан с непосредственным перерастанием позднепервобытных социально-экономических структур в раннеклассовые при централизованном перераспределении общественного продукта; исходным условием второго пути является наличие соседской общины при децентрализованном перераспределении основной массы прибавочного продукта. Докладчик выделил три этапа классообразования на территории лесостепной Украины: а) становление раннеклассовых

отношений в предскифское и скифское время; б) становление обществ зарубинецкой и черняховской культур (перерастание военно-демократических институтов в раннефеодальные, однако этот процесс был прерван); в) преддревнерусское время (повторный процесс становления раннефеодальных отношений). В прениях по докладу был отмечен некоторый схематизм и обобщенность предложенной схемы классообразования.

В. С. Ольховский в докладе «Об алгоритме источниковедческого анализа антропоморфных изваяний» предложил унифицированную методику изучения монофигурных изваяний, включающую ряд информационных блоков и позволяющую по единой программе обрабатывать материалы эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. А. А. Егорейченко в докладе «Очковидные подвески на территории СССР» выделил пять этапов бытования этих украшений — от второй половины III тыс. до н. э. до начала II тыс. н. э. Докладчик установил, что на производство и распространение очковидных подвесок оказали серьезное влияние два центра — центральноевропейский и кавказский. С большой долей вероятности местное изготовление этих украшений устанавливается для носителей абашевской и антской культур.

На секции археологии каменного века заслушано девять докладов. Основное внимание в работе секции было уделено эпохе мезолита, в частности, мезолитической кремневой индустрии. В. Е. Кудряшов в докладе «Технология изготовления рубящих орудий (по материалам красносельских кремнедобывающих шахт)» выделил четыре приема изготовления рубящих орудий. Общим для выделяемых им групп признаком послужила стандартность пропорций. В. П. Ксензов в докладе «Наконечники стрел позднего мезолита Восточной Белоруссии» выделил в рассматриваемом регионе три разнокультурные группы позднемезолитического населения с присущим каждой из них специфическим набором наконечников стрел. Доклад М. Г. Жилина «Технология обработки камня в бутовской культуре» посвящен исследованию технологических приемов каменной индустрии. Анализ техники расщепления и вторичной обработки камня в бутовской культуре позволил автору говорить о прогрессивном развитии технологии этого производства и в то же время о большой устойчивости традиционных приемов. В выступлении Д. Ю. Нужного подробно рассмотрена типология вкладышей охотничьего вооружения с мезолитических стоянок Северной Украины. Н. В. Шаблюк в докладе «Основные типы позднемезолитических трапеций Белоруссии» определил ряд признаков, по которым выделяются типы микролитических орудий. В результате проделанного анализа автор приходит к выводу, что на территории Белоруссии трапеции появились в позднемезолитическую эпоху. А. Н. Сорокин выступил с докладом «Рессетинская культура», в котором обосновал выделение новой археологической культуры эпохи раннего мезолита на Русской равнине. Докладчик дал общую характеристику инвентаря выделяемой им общности. Доклад А. С. Фролова «Иеневская культура» посвящен некоторым спорным вопросам происхождения, периодизации и хронологии данной культуры. Выделены три этапа ее существования: середина VII — рубеж VII—VI тыс. до н. э., VI тыс. до н. э., конец VI — начало V тыс. до н. э. С последним докладом тесно связано выступление А. Е. Кравцова «Мезолитические памятники с асимметричными наконечниками стрел и геометрическими микролитами в Мещере». Автором подробно рассмотрено соотношение микролитического инвентаря на стоянках иеневской и бутовской культур. Проведенная работа позволила утверждать, что трапеции, треугольники, асимметричные наконечники стрел не являются специфическими иеневскими формами и, не образуя больших серий, встречаются и на памятниках бутовской культуры.

На секции археологии бронзового века было заслушано 15 докладов. В своем докладе «Древнейшая металлургия лесной полосы Восточной Европы» С. В. Кузьминых остановился на находках медных изделий энеолитических культур. Автор отметил, что аборигенные культуры с зачаточной металлообработкой синхронизируются с культурами ранней и средней бронзы Циркумпонтийской металлургической провинции, однако непосредственно в нее они не входили. В итоге работы предложено определение наиболее ранних этапов металлургии меди в таежной зоне.

Доклад К. В. Кременецкого и А. Н. Гея «Хозяйство и природное окружение Самсоновского поселения» посвящен анализу палинологических и фаунистических остатков. Проведенное исследование позволяет утверждать факт доминирования степной растительности и животного мира в период от позднего неолита до эпохи бронзы. В докладе В. И. Мельника «Локальные культуры и проблема соотношения катакомбных групп памятников» основное внимание уделено выделению критериев для понятий: археологическая культура, вариант, общность, круг культур. Применительно

к катакомбным памятникам обосновано употребление терминов «катакомбная общность» и более широкое — «круг культур».

В докладе Т. О. Тенейшвили «Алазано-беденская культура» проведен сравнительный анализ археологических материалов алазано-беденских памятников и памятников среднебронзовой культуры Грузии. Докладчик приходит к выводу, что алазано-беденская культура является ранним этапом среднебронзовой культуры Закавказья. Н. А. Чмыхов в докладе «Об общей схеме орнамента эпохи бронзы степей Украины» рассмотрел элементы и системы орнаментов на керамике срубной, ямной и катакомбной культур. Особое внимание уделено развитию и преемственности орнаментов при смене культур. В докладе А. Н. Филимонова «К вопросу о типологической характеристике древних поселений» предложен вариант выделения критериев для классификации поселений, в том числе для определения понятий «город — деревня».

Доклад Е. Н. Саввы «К вопросу о взаимоотношении культуры монтеору и культуры многоваликовой керамики» посвящен ряду находок, которые могут быть связаны только с культурой многоваликовой керамики и свидетельствуют о проникновении ее носителей в среду племен культуры монтеору. Л. И. Авилова в докладе «О социологической интерпретации погребальных памятников позднего Триполья» на материалах погребальных памятников южного региона культуры проводит тщательный анализ социальной стратификации позднетрипольского общества и предлагает определение социальных групп носителей трипольской культуры.

В докладе Л. Ф. Константинеску «Металлическое оружие эпохи энеолита — ранней бронзы из бассейна Северского Донца» делает вывод о возникновении в данном районе металлургии в IV тыс. до н. э.— на базе местных медистых песчаников под влиянием металлургии Балкано-Карпатского региона.

В выступлении Н. И. Шишлиной приведен очень подробный анализ луков и стрел различных конструкций и других принадлежностей для стрельбы из лука срубной культуры. Предполагается распространение в ее среде лука сложной конструкции. Г. Г. Пятых и Н. И. Сударев в докладе «К вопросу о происхождении каменных полированных топоров в культурах сейминского хронологического горизонта» обосновывают как одну из наиболее вероятных точку зрения о происхождении традиций изготовления топоров в среде катакомбных культур степной полосы.

В докладе А. Г Колесникова «О социальной стратификации в среде позднетрипольского населения Среднего Поднепровья» на основе подробного анализа инвентаря предпринята попытка выделения социальных и половозрастных групп по набору инвентаря. Доклад В. И. Балабиной «Оценка встречаемости мелкой фигурной пластики на поселениях трипольской культуры» посвящен изменению функций мелкой пластики во времени. Отмечается увеличение числа находок зооморфной пластики на позднем этапе культуры. В то же время происходит увеличение числа неорнаментированных скульптур.

Сделав доклад на тему «Типологическое исследование северокавказских погребений эпохи средней бронзы», А. А. Ковалев предложил отказаться от понятий «тип» и «археологическая культура». Предпринята попытка замены их понятием «мон», отражающим совокупность традиционных представлений древнего населения о форме предмета. На этой основе выделен ряд стратиграфических горизонтов погребений внутри северокавказской культуры.

В докладе М. Ю. Видейко «Структура крупных трипольских поселений» рассмотрены планировка поселений, архитектура, системы укреплений периода среднего Триполья. Проводится расчет численности населения, разбираются вопросы структуры и функционирования поселений.

На секции археологии раннего железного века было заслушано 12 докладов. Н. П. Шевченко в докладе «Северная граница чернолесской культуры в левобережной лесостепи» пришла к выводу о двух этапах переселения чернолесцев в указанный регион в период с начала X по начало VIII в. до н. э., что нашло выражение в синтезе чернолесских, бондарихинских и киммерийских элементов культуры. Два доклада были посвящены скифской посуде. Т. М. Кузнецова («О двух типах скифских сосудов (название и форма)») сопоставила упоминаемые Геродотом ангосы с круглотелыми кубками, а потеры — с чашами, напоминающими свод человеческого черепа. Е. Е. Фиалко («Новый тип деревянных чаш скифского времени») убедительно интерпретировала «головной убор» из Ситняжки как деревянный сосуд баночной формы, приведя аналогии из материалов раскопок последних лет. В ходе обсуждения основные положения докладов были поддержаны. В. В. Назаров («О функ-

циональных особенностях оружия „скифского типа“») подчеркнул необходимость учитывать при классификации мечей и стрел их назначение, определяемое пропорциональностью, аэродинамикой и другими параметрами. В. П. Былкова в докладе «Скифское поселение у с. Первомаевка» информировала об открытии поселения V—IV вв. до н. э. на Днепре. С. А. Яценко в докладе «Сарматские жрицы (I в. до н. э.— II в. н. э.)» рассмотрел шесть выразительных погребальных комплексов и пришел к выводу о принадлежности трех из них профессиональным жрицам, а остальных — шаманкам или гадательницам. В прениях по докладу отмечалась перспективность предложенного комплексного критерия выделения жреческих погребений. З. С. Галиева в докладе «Аэрометоды в археологических исследованиях бассейна Сырдарьи» сообщила об установлении трех этапов создания ирригационной системы в урочище Джетысасар, об открытии при дешифровке аэрофотоснимков 180 курганов, следов древнего и средневекового орошения в Ташкентском оазисе.

С. Е. Рассадин в докладе «Милоградская культура и известия Геродота» предпринял попытку доказать, что территория милоградской культуры соответствует зоне расселения невров и «борисфенитов», включая и «пустыню». Г. М. Залашко и В. Е. Еременко («К вопросу о датировке кладов браслетов латенского времени в Поднепровье»), предполагая три этапа проникновения кельтского импорта, отнесли время зарытия трех кладов ювелиров ко второй половине IV в. до н. э. В докладе М. И. Лошенкова «О хозяйственной деятельности населения городищ милоградской культуры белорусского Полесья» дана характеристика производящего хозяйства (животноводства, земледелия), а также охоты, рыболовства и собирательства милоградцев. А. А. Седин в докладе «Топография городищ и хозяйственная деятельность их населения (на примере памятников Восточной Белоруссии)» дал общий обзор 15 городищ раннего железного века и предложил реконструкцию системы хозяйства их обитателей. М. С. Зорич в своем докладе предпринял попытку анализа экономических, политических и культовых аспектов жизни населения Днепро-Дунайского междуречья в период формирования черняховской культуры.

На заседании секции античной археологии было заслушано 26 докладов; в 4 из них рассмотрены вопросы возникновения Ольвии и освоения ее хоры. В. И. Назарчук («К топографии ранней Ольвии») предположил существование на начальном этапе истории города двух изолированных поселений со своими некрополями. Предложенная гипотеза вызвала большой интерес. М. М. Иевлев в докладе «Роль географической среды в хозяйственной деятельности населения Днепро-Бугского междуречья в VII—VI вв. до н. э.» выделил три типа эллинских поселений по их географическому положению, площади и структуре застройки, хозяйственной деятельности населения. С. Б. Буйских («Первичный жилищно-хозяйственный модуль раннеантичных поселений ольвийской хоры») установил, что основой типологического разнообразия населенных пунктов округи Ольвии являлся тот или иной вариант компоновки самостоятельных жилищно-хозяйственных ячеек — модулей, включавших жилое ядро и бытовые постройки. И. А. Снытко в докладе «Грунтовый некрополь IV—III вв. до н. э. в урочище Дидова Хата» объяснил разнообразие погребальных сооружений этого некрополя принадлежностью их различным социальным группам.

Ряд докладов был посвящен истории и археологии Боспора. Получила поддержку высказанная в докладе Д. И. Даньшина «К вопросу об изменении в этническом составе населения Пантикапея в третьей четверти III в. н. э. и об уточнении датировки надписи КБН 947 из Феодосии» мысль о появлении в Пантикапее в указанное время населения из разрушенного Танаиса. Вызвал серьезную критику доклад В. А. Астахова «К вопросу об обожествлении боспорских царей». А. В. Сазанов в докладе «Боспор в ранневизантийское время» пришел к выводу, что Боспор в IV в. н. э. избежал гуннского нашествия. М. В. Калашников («Новый тип поселений Азиатского Боспора») выделил в планировке Боспора комплексы типа «таверн».

Большое внимание в докладах уделялось анализу наиболее массового керамического материала — амфорной тары. А. А. Завойкин в докладе «Комплекс амфор из Фанагории 1985 года» обратил внимание на сочетание в закрытом комплексе амфор разных типов — Солохи II, самосского и т. д.; хронологический аспект доклада вызвал дискуссию. Встретило поддержку высказанное в докладе А. А. Малышева «Позднеархаические амфоры из Горгиппии» мнение о том, что на месте раскопа «Океан» в начале V в. до н. э. возникло греческое поселение, возможно Синдская Гавань. С интересом был выслушан доклад Д. Ю. Иващенко «Современные методы в изучении керамики Боспора», посвященный использованию физико-химических методов при

идентификации керамики местного производства. А. Г. Авдеев в докладе «О периодизации истории керамического клеймения в античном мире» определил этапы клеймения на основе выделения в структуре клейм основных информационных элементов и их эволюции. Некоторые замечания по математическому аппарату исследования вызвал доклад А. П. Абрамова «Метод количественной оценки импорта товаров в античную эпоху».

Теме религиозного мировоззрения было посвящено 4 доклада. И. В. Максимова («Эпитеты Юноны по Арнобию и Лактанцию») проследила функциональную и локальную консолидацию образа великой богини римского пантеона. М. М. Казаков в докладе «Амвросий и император Феодосий (торжество идеологии папизма)» констатировал выход в конце IV в. церкви на историческую арену как серьезной политической силы, использовавшей в борьбе за власть народные массы. С интересом был выслушан доклад Ю. А. Согомонова «Ремесло и святилище в Греции на исходе „темных веков"», показавший наличие разнообразных (и не только экономических) связей ремесла и храма. Вызвал дискуссию доклад Н. И. Соловьянова «О культах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I—III вв.», в котором докладчик отметил зависимость популярности культов от религиозной политики Рима, этнического состава армии и религиозной ситуации в провинциях. И. М. Безрученко в докладе «Этапы торгового и хозяйственного освоения греками Киренаики (VII—VI вв. до н. э.)» подчеркнул демографический, политический и экономический аспекты греческой экспансии в Ливию.

Вопросы античной торговли поднимались в 3 докладах. Ю. В. Горлов в докладе «Родос — центр международной торговли эллинистического мира» пришел к выводу, что каждый из подобных центров «обслуживал» свой регион в условиях отсутствия конкуренции. Е. Ю. Лебедева («Римские монеты в Индии: к проблеме торговых связей в эпоху империи») выделила пять этапов поступления римских монет на Индийский субконтинент, что, по ее мнению, свидетельствует о постепенном изменении характера римско-индийской торговли. В. К. Голенко («Весовые системы в монетном деле Селевка I») установил, что в ряде восточных центров Селевкидского государства монеты чеканились по восточным (вавилонской, персидской) системам наряду с аттической, что обусловливалось экономическими и политическими факторами.

С большим интересом был выслушан доклад Г. Ф. Арзаманова «О методике исследования античного ордера», в котором была предложена тектоническая модель ордера, представляющая его как сложную многоуровневую и противоречивую композиционную иерархию. И. А. Крюкова в докладе «Функционально-типологическая характеристика античной архитектуры Средней Азии» предприняла попытку создания типологии архитектурных сооружений; в прениях была отмечена неправомерность привлечения некоторых аналогий. А. Ш. Гамкрелидзе («Социальные основы внешнеполитического курса Парфии») охарактеризовал социальные группы и слои, оказывавшие наибольшее воздействие на внешнюю политику парфянского государства. С. М. Рубцов («Роль ветеранов римской армии в процессе романизации римской провинции Мезия в I—III вв. н. э.») охарактеризовал типы поселений ветеранов, постепенное изменение их этнического состава (рост числа фракийцев, кельтов, иллирийцев), их роль в общественной и экономической жизни провинций как проводников римского влияния. В. Н. Дряхлов в докладе «Сельское хозяйство германцев в I—III—IV вв. н. э.» дал характеристику основной отрасли экономики германских племен.

На секции средневековой археологии было заслушано 22 доклада. Сообщение П. С. Пеняка «Ремесленные объединения Древней Руси» посвящено активно обсуждающейся в последнее время проблеме существования цехов в Древнерусском государстве. Автор выделяет два типа древнерусских цеховых объединений: кооперации — артели, дружины, братства и цеховые объединения-корпорации — сотни, улицы, ряды, складство. В докладе М. М. Толмачевой «Кузнечная техника лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры» подводятся итоги металлографического изучения предметов из черного металла ряда аланских памятников. Выявлена одна из особенностей кузнечного ремесла алан, оставивших эти памятники — использование пакетных заготовок. Проведен сравнительный анализ кузнечного ремесла алан с материалами синхронных культур Восточной Европы.

В доклде «О некоторых особенностях социально-экономического устройства Псковской феодально-вечевой республики» А. Р. Артемьев предпринял попытку объяснить отсутствие в пределах Псковской республики XIV—XV вв. городских центров, сравнимых с Псковом, и их малого количества вообще. Подобная ситуация, по мнению

докладчика, сложилась по той причине, что члены городских общин являлись нетягловым населением и не были заинтересованы в образовании новых городов. Н. В. Жилина в докладе «Материальная культура Твери (по раскопкам 1979—1984 гг.)» показывает ряд ремесел, существовавших в домонгольское время,— металлообработку, кожевенное, гончарное. В докладе С. В. Тарасова «Сапожное ремесло древнего Минска (XI—XIV вв.)» на основании всестороннего изучения археологических, письменных и изобразительных источников восстанавливается древний прием изготовления обуви — шитье со шпандырем. Проведена также реконструкция форм обуви и орнаментальных мотивов. В докладе М. В. Цыбина «Юго-восточная окраина Руси во второй половине XIII—XIV вв.» рассмотрены памятники Среднего Подонья. Большинство памятников этого времени на данной территории возникло на новых местах и не имеет домонгольского слоя. Рассматриваемая территория является, по мнению автора, контактной между Древней Русью и кочевниками. В. И. Завьялов в докладе «Роль черной металлообработки в хозяйстве ванвиздинских племен» остановился на значении кузнечного ремесла для социально-экономического развития общества. Металлографический анализ предметов с Лозымского поселения позволил ему сделать вывод об отсутствии здесь развитой обработки черного металла. Докладчик высказал предположение, что железные изделия поступали сюда из Новгородских земель и Прикамья.

Большой интерес вызвал доклад В. Л. Носевича «Опыт демографической оценки для периода славянских княжеств и Древней Руси». Предложенный автором метод дает возможность, правда с большими допусками, дать оценку количества населения на исследуемой территории. В докладе Е. А. Шинакова «Брянский участок пути „большого полюдья" X в.» дана характеристика памятников, расположенных на участке пути «большого полюдья» от Вщижа до Седнева. В выступлении А. Н. Гудим-Левковича «Процесс колонизации черняховским населением лесостепного Побужья» отражены материалы раскопок двух поселений III—IV вв. н. э. Сделан вывод о последовательном существовании поселений. Материалы, приведенные в докладе, позволяют поддержать гипотезу о залежно-переложной системе земледелия у черняховцев.

Доклад Н. И. Дубицкой «К вопросу о технологии изготовления зарубинецкой керамики в Верхнем Поднепровье» посвящен анализу глиняной посуды на основании петрографических исследований. Выделяется устойчивая традиция производства керамики в раннем железном веке на данной территории. Данные о происхождении Галича приведены в докладе Е. В. Джеджора «О возникновении и развитии древнего Галича». Анализ материальной культуры города позволил высказать предположение о его формировании на основе городского эмбриона VIII—IX вв. Уточнению датировки керамических остатков Городеска посвящен доклад Б. А. Звиздецкого «О датировке керамики летописного Городеска».

Основное внимание в докладе Н. В. Лопатина «К соотношению керамики верхних слоев городищ Тушемля, Демидовка, Колочин» уделено сравнительной характеристике посуды. Обнаружено значительное сходство керамики Демидовки и Колочина и отличие от них комплекса Тушемли. На основании исследования автор делает вывод о разноэтничности памятников. В докладе А. М. Медведева «К вопросу о происхождении восточно-литовских курганов» дается обзор всех точек зрения по данному вопросу. Характеризуя погребальный обряд и инвентарь курганов, автор указывает на большое сходство восточно-литовских и ятвяжских курганов.

Доклад Н. И. Шутовой «Удмуртские погребальные памятники XVI—XIX вв.» посвящен анализу погребального обряда групп ватка и кальмез. Выделены отличительные черты удмуртских погребений от русских и татарских. Анализу статей «Саллической правды» посвящено выступление М. Д. Соломатина «Общинное землевладение в раннем Меровингском государстве». Подкрепляя текстологический анализ документа данными археологии, автор приходит к выводу, что во времена древнейшей редакции «Саллической правды» общинной собственности на землю не существовало. Наблюдается снижение роли общины в раннефранкском государстве, что создало предпосылки для складывания в дальнейшем феодальных отношений.

Вопросов социально-экономического развития древнерусских городов коснулась в своем докладе А. Н. Ваганова («Оружие из раскопок древнерусских феодальных замков»). Л. В. Колединский в докладе «Торговые связи Витебска в X — начале XIII вв. (по археологическим данным)» детально проанализировал находки (арабские дирхемы, бронзовые гирьки, свинцовые пломбы), свидетельствующие о хорошо налаженной торговле в Витебске этого времени. Внешнеторговые связи Витебска опреде-

лены им как транзитные. Доклад И. В. Титарь «О ремесленном производстве летописного Звенигорода» посвящен не только выделению основных ремесел древнего Звенигорода, но и попытке дать их социальную интерпретацию. Так, автор считает, что материалы раскопок позволяют предположить существование в городе таких секторов древнерусского ремесла, как государственный, вотчинный и свободный посадский. В докладе О. М. Корчинского «К вопросу о социальном содержании древнерусских городищ Украинского Прикарпатья» сделан вывод, что большинство феодальных замков при наличии благоприятных условий в XII—XIII вв. перерастает в древнерусские города с типичной для них сложной социально-топографической структурой. Выявлению различий в погребальном обряде и выделению на их основе хронологических групп погребений посвящен доклад В. О. Гупало «Изучение особенностей погребального обряда на Волыни».

Большинство прочитанных докладов вызвало интерес и широкое обсуждение со стороны участников конференции. Особое внимание уделялось выступлениям, в которых авторы от анализа конкретного археологического материала переходили на уровень исторических обобщений. При подведении итогов работы было подчеркнуто большое значение подобных конференций, их важный вклад в активизацию научной деятельности молодых специалистов. Участники приветствовали практическое воплощение договоров о сотрудничестве, заключенных Советами молодых ученых Института археологии АН СССР, Института археологии АН УССР и Института истории БССР. В резолюции отмечается необходимость проведения подобных конференций и в дальнейшем.

В. С. Ольховский, В. И. Завьялов

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПОВОЛЖЬЕ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВОСТОКА И ЗАПАДА В XII—XIV ВВ.»

Давно чувствуется, что исторически значимая и важная археолого-историческая тематика, связанная со средневековой эпохой регионов Юга и Юго-Востока европейской части СССР, не находит на наших семинарах и конференциях должного места. Ее невозможно прямо включить ни в секцию Древней Руси, ни Средней Азии, ни Сибири, хотя в руках исследователей имеются свидетельства исторической связи между этими областями и государствами. Средневековые древности и письменные источники Северного Причерноморья и Поволжья образуют самостоятельный цикл научных интересов. Сейчас нарастает движение, которое стремится объединить эту тематику рядом специальных семинаров и симпозиумов. Так, в 1984 г. в Старом Крыму по инициативе Гос. Эрмитажа, в частности руководителя археологических раскопок в Старом Крыму М. Г Крамаровского, состоялся научно-практический семинар, на котором были подняты проблемы археологии и истории городов Золотой Орды и средневековых кочевников и проблемы, связанные с изучением связей Востока и Запада на территории Северного Причерноморья. Второй научно-практический семинар, который назывался «Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада», проходил с 12 по 16 мая 1986 г. в Азове — древнем городе, ведущем свое начало от золотоордынского города Азака, пережившем периоды и турецкой власти, и вхождения в Российскую империю. Всего было прослушано 44 доклада и сообщения, были осмотрены развалины древностей Азова и совершены экскурсии в Новочеркасск, Таганрог и Танаис.

Г А. Федоров-Давыдов (МГУ) сделал доклад «Археологическое изучение золотоордынских городов на Нижней Волге», в котором обобщил результаты более чем 25-летних исследований на Селитренном (Сарай), Водянском и Царевском (Новый Сарай) городищах в Астраханской и Волгоградской областях. Докладчик показал возможности социологических построений на материалах широких вскрытий культурного слоя на этих городищах.

М. Г. Крамаровский (Гос. Эрмитаж) сделал доклад на тему «Бухарский клад и золотоордынская филигрань», в котором он вновь обратился к вопросу о сложении стиля филиграни в Золотой Орде и Средней Азии в XIV в. и выделении некоторых школ филиграни. М. Г. Крамаровский показал роль Крыма в этих процессах.

С. П. Карпов (МГУ) посвятил свой доклад «Навигация венецианских галей линии в Тану и Трапезунд» изучению торговли Венеции с городами Черного моря в XIV—XV вв. Он проследил ассортимент товаров, подъем и упадок торговли в разные периоды, систему торговой навигации Венеции на этих путях мировой торговли.

М. Д. Полубояринова (Институт археологии АН СССР) в докладе «Связи Руси и Волжской Болгарии по археологическим данным» привела периодизацию этого исторического явления, установив следующие периоды: I—X — начало XI в., II — конец XI — начало XIII в., III — конец XIII середина XV в.

М. В. Горелик (Институт востоковедения АН СССР) сделал доклад «Кипчаки и монголы, перспективы изучения проблемы в свете новых открытий», в котором предпринял попытку выделения монгольских признаков в обряде погребения и инвентаре богатых половецких комплексов.

В совместном докладе М. В. Горелика и Н. М. Фомичева (Азовский крае-

ведческий музей) «Панцирь XIV в. из раскопок в Азове» была представлена интереснейшая находка комплекса рыцарского доспеха середины XIV в.

Х. А. Хизриев (Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии) прочитал доклад на тему «Политические последствия первых походов Чингизидов на Восточную Европу», в котором он сделал существенные выводы о ранних этапах завоевания монголами Восточной Европы.

Серия докладов была посвящена Крыму эпохи средневековья. Так, А. И. Романчук (Уральский университет) сделала доклад «Поздневизантийский Херсонес», А. Г. Герцен (Симферопольский университет) — «Оборонительная система столицы княжества Феодора», В. П. Степаненко (Уральский университет) — «К датировке портала цитадели Мангупа», В. П. Кирилко (Крымское отделение ИА АН УССР) — «Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна», С. Б. Адаксина (Гос. Эрмитаж) — «Мавзолей XV — начала XVI в. в Солхате».

Несколько докладов было посвящено торговле городов Причерноморья: Н. М. Богдановой (МГУ) — «Итальянская колонизация Крыма и Херсонес». А. Г. Еманова (ЛГУ) — «Торговые связи Каффы как система». Эта тематика вызвала большой интерес и широкое обсуждение.

С. А. Голованова (Чечено-Ингушский университет) прочла доклад «Русские нательные кресты в Предкавказье как источник о связях с Восточной Европой». Эти находки автор объясняет формированием русского казачества на Тереке, так называемых «бродников».

Значительный интерес вызвали доклады об археологических работах в Азове и ближайшей его округе: доклад Л. М. Казаковой (Ростовский университет) — «Курганные могильники XIII—XIV вв. в зонах работ археологической лаборатории РГУ», Ю. Я. Кожевниковой (Ростовский пединститут) — «Фауна из раскопок археологических памятников г. Азова», И. В. Волкова (Азовский краеведческий музей) — «Тарная керамика Азака в XIII—XV вв.», В. И. Перевозчикова (Азовский краеведческий музей) — «Кашинная керамика XIV в. из Азова», И. В. Белинского (Азовский краеведческий музей) — «Раскопки землянки XIV в. в г. Азове», И. В. Гудименко (Азовский краеведческий музей) — «Костяные изделия XIV в. из раскопок в г. Азове», В. А. Ларенка (Азовский краеведческий музей) — «Археологические памятники левобережья Дона», П. А. Ларенка (Азовский краеведческий музей) — «Бронзовая фигурка всадника из Морозовского карьера».

Ряд докладов был посвящен средневековым кочевническим древностям: доклад М. Л. Швецова и Э. Е. Кравченко (Донецк) — «Памятники золотоордынской эпохи Донбасса», В. И. Павленкова (Евпаторийский краеведческий музей) — «Половецкие изваяния из Евпаторийского краеведческого музея», А. В. Пьянкова и Е. А. Хачатуровой (Краснодарский историко-археологический музей-заповедник) — «Женское погребение половецкого времени у ст. Новотитаревской Краснодарского края».

Существенно ценную информацию внесли нумизматические доклады семинара. М. Б. Северова (Гос. Эрмитаж) в докладе «Характеристика нумизматического материала, полученного в ходе работ археологической экспедиции на Шареном бугре (1966 г.)» сообщила интересные сведения о чеканке и денежном обращении Хиджи-Тархана в XIV в. Интерес вызвали доклады Н. М. Фомичева (Азовский краеведческий музей) и А. А. Молчанова (Мособлстройреставрация) — «Новые данные нумизматики о денежном обращении и международных связях Азова в XIII—XIV вв.», В. П. Лебедева (Дзержинск) — «Обзор раннеджучидского чекана Крыма», А. Л. Пономарева (Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы) — «К вопросу о целях и принципах монетной политики Золотой Орды в XIV в.».

На семинаре было заслушано два эпиграфических доклада. А. А. Иванов (Гос. Эрмитаж) в докладе «Надписи из Эски-Юрта» дал чтение, комментарий и общую характеристику надписей из этого крымского памятника, хранящихся в Бахчисарайском музее и на ханском кладбище в Бахчисарае. Д. Г. Мухаметшин (Болгарский историко-архитектурный заповедник) сделал доклад «О региональных вариантах булгарских эпиграфических памятников XIII—XIV вв.».

Большое внимание на семинаре было уделено общеисторической тематике позднесредневекового времени. Ей были посвящены доклады В. В. Гудакова (Ростовский пединститут) — «Северное Причерноморье и Поволжье XII—XVI вв. в освещении западных исторических журналов», В. Н. Королева (Ростовский пединститут) — «К во-

просу о славяно-русском населении на Дону в XIII—XVI вв.», О. Б. Демина (Одесский университет) — «Походы казаков в Северное Причерноморье и турецко-польский конфликт 1589—1590 гг.», С. И. Ищенко (Симферопольский университет) — «Роль войны и военного дела у Крымских татар в XVI — XVII в. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов)», Б. В. Чеботарева (Ростовский университет) — «Начальный период турецкой агрессии в Приазовье и на Дону», В. А. Тарабанова (Краснодарский историко-археологический музей-заповедник) — «Влияние христианских государств на религиозные верования средневековых адыгов», Е. И. Нарожного (Грозный, средняя школа) — «К вопросу о роли христианства в системе хулагуидско-джучидских противоречий в Предкавказской зоне».

На заключительном заседании было принято решение продолжить работу научно-практического семинара по средневековой археологии и истории народов и государств юга и юго-востока европейской части СССР.

Г. А. Федоров-Давыдов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1988 ГОД

Анарбаев А. А. Аксихент в древности и средневековье (итоги и перспективы исследования) 1 171
Андреев Ю. В. Дворец и «город» на Крите во II тыс. до н. э. 4 37
Андрух С. И. Погребение раннескифского воина в Присивашье 1 159
Аникович М. В. «Три уровня археологического исследования» или три ступени исторического познания? 1 218
Анфимов Н. В. Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани 4 138
Артемьева Н. Г. Жилища Лазовского городища 3 215

Балабина В. И. Зооморфная пластика трипольского поселения Друцы I 2 58
Безуглов С. И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье . 4 103
Беленькая Д. А. Находки из Московского посада 1 263
Белецкий С. В. Загадки печатей Геннадия Гонозова 2 174
Белоцерковская И. В. Керамика Огубского городища . 3 225
Бокий Н. М., Плетнева С. А. Захоронение семьи воина-кочевника X века в бассейне Ингула 2 99
Большаков А. О. О методе «структурной археологии» Патрика О'Мары 2 272
Бонгард-Левин Г. М., Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М. Матхура: 150 лет археологических исследований . . . 2 5
Борисковский П. И. Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985 . . 2 281
Борисова В. В. Пленум Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР «Методические основы охраны и использования памятников археологии» . . . 2 295
Боряз В. Н. О правомерности выделения «реконструктивного» уровня исследования в археологии . . 1 208
Брайчевская Е. А. О содержании изображений на браслете из клада у с. Городище Хмельницкой области . 2 185
Булава Л. А. Биметаллический браслет из Прикубанья . 2 243
Буров Г. М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе 3 145

Вагнер Г. К. К 1000-летию начала русской архитектуры (по материалам археологии) 4 62
Васильев В. Г. К вопросу истории фресок церкви Георгия в Старой Ладоге 4 181
Васильев В. Г. Фрески церкви Климента 1153 г. в Старой Ладоге (по материалам раскопок) 1 188
Винокур И. С. Гудкова А. В., Фокеев М. М., Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев, 1984 . . . . . 4 252
Вишняцкий Л. Б. Mousterian Legacy. Human Biocultural Change in the Upper Pleistacene. BAR. Int. Ser. 164. Oxford, 1983 . . . . . 1 269
Внуков С. Ю. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма 3 198
Волошин В. С. Ашельские бифасы из месторождения Вишневка 3 (Центральный Казахстан) 4 199
Воронина Р. Ф. Мордовская височная привеска с грузиком и спиралью 4 237

Габяшев Р. С., Марков А. Н., Халиков А. Х. Археология и этнография Марийского края. Вып. 1—9. Йошкар-Ола, 1976—1985. Серийное издание Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории 3 276
Гоняный М. И., Кренке Н. А. Структура расселения дьяковцев в бассейне р. Пахры 3 54
Горелик А. Ф. Телегін Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України (IX—VI тисячоліття до н. э.). Київ, 1982. Телегин Д. Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. (Карта местонахождений). Киев, 1985 3 257
Горский А. А. О переходном периоде от доклассового общества к феодальному у восточных славян 2 116
Гуревич Ф. Д. Западная Русь и Византия в XII—XIII вв. 3 130

Давыдова А. В., Миняев С. С. Пояс с бронзовыми бляшками из Дыреструйского могильника . 4 230
Денисова В. И. Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии . 1 251
Джорбенадзе В. А. Симпозиум по поливной керамике (Тбилиси, 1985) . 4 283
Динков А. Б. Катакомбное погребение из Тимашевского кургана в Прикубанье 1 237
Долуханов П. М. Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 11—15 мая 1981 г. Л., 1984 . . . . . 1 293

Журавлев А. П. Два поселения с асбестовой керамикой в Пегреме 2 143

Залесская В. Н. Две заметки о раннесредневековых глиняных светильниках из Северного Причерноморья 4 233

Игнатов В. Н., Скрипкин А. С. Комплексы сарматского времени из Прикубанья 3 175

Калиева С. С. Клад Аксу в степном Притоболье 3 240
Каменецкая Е. В. О некоторых типах керамики Гнездова 1 258
Каминская И. В. Сарматские погребения на Урупе 1 245
Каминский В. Н. Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986 . . . . . 4 272
Карпушкина И. А., Арзаманов Г. Ф. Специфика ордерной композиции в архитектуре первых веков нашей эры (на примере находок из Горгиппии) 2 84
Каспарова К. В. Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда 1 53
Клюшинцев В. Н. Новые погребения многоваликовой керамики в Побужье . 2 223
Кобылина М. М. Сидорова Н. А., Тугушева О. В., Забелина В. С. Античная расписная керамика. Из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1985 . . . . . 2 282
Коваленко С. А. К вопросу о развитии орнаментации античной рельефной керамики 2 237
Ковпаненко Г. Т., Скорый С. А. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье 2 73
Кольцов Л. В. Couraud Claude. L'Art Azilien. Origine-Survivance. XX-e supplément a «Gallia Prehistoire». P., 1985 . . . . . 3 271
Кольцов Л. В. O. Soffer. The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. New York, Toront, 1985 . . . . . 4 263
Кравцов А. Е. Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере 1 113
Кузнецова Т. М. Зеркала в погребальном обряде сарматов . . . 4 52
Кулаков В. И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX—XI вв. 3 106

Логвин В. Н. Энеолитические находки у села Ливановки 1 232
Лопатин В. А., Малов Н. М. Срубные погребения в подбоях на Еруслане 1 130
Лухтан А. Б. Клад из Кярнаве 2 251

Макаров Н. А., Чернецов А. В. К изучению культовых камней 3 79
Макарова Т. И. Плешанова И. И., Лихачева Л. Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985 . . . . . 3 288
Марченко К. К., Житников В. Г., Яковенко Э. В. Елизаветовское городище греко-варварское торжище в дельте Дона 3 63
Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Бронзовый котел из Савиновского могильника (Среднее Притоболье) 1 241
Матюхин А. Е. Макроорудия из палеолитических мастерских 2 23
Матюшин Г. Н. Телегин Д. Я. Мезолітичні пам'ятники України (IX—VI тисячоліття до н. э.). Київ, 1982; Телегин Д. Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. (Карта местонахождений). Киев, 1985 . . . . . 3 266
Матющенко В. И. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981; Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984 1 277
Медынцева А. А. Оклады «корсунских» икон из Новгорода . . 4 67
Мерперт Н. Я. Korfmann M. Demircihuyuk. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—78. B. I. Rhein, 1983 . . . . . 2 264
Минжулин А. И. Защитное вооружение воина-лучника V—IV вв. до н. э. из кургана у с. Гладковщина (реставрация и научная реконструкция) 4 116
Миняев С. С. Дурёны II — многослойное поселение в Забайкалье . 2 228
Мирошина Т. В., Державин В. Л. Сарматские погребения из могильника Веселая Роша III 4 146
Михайлов Б. Д. Курган эпохи ранней бронзы вблизи Каменной могилы 4 209
Мишина Т. Н. Энеолитический комплекс телля «Плоская могила» у с. Юнаците (НРБ) 3 244
Могильников В. А. Конференция «Скифская эпоха Алтая» 3 303
Молчанов А. А. Chernetsov A. V. Types of Russian Coins of the XIV and XV Centuries; An iconographic study. BAR, Int. Ser. 167, Oxford, 1983 . 1 282
Моргунов Ю. Ю. Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы 2 194

Моруженко А. А. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы 1 33
Мошинский А. П. Погребальный обряд некрополя IV—III вв. до н. э. у поселка Заозерное (Крым) 4 127
Мунчаев Р. М., Гуляев В. И. Третий советско-американский археологический симпозиум (Вашингтон, 1986) 3 299
Мурзин В. Ю., Симоненко А. В. Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983 1 273

Нахапетян В. Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища 3 91
Нестеров В. С. Об одной находке с Огубского городища 3 254
Новицкий Е. Ю. Плита-жертвенник эпохи энеолита — ранней бронзы из Красноселки 1 235

Оболдуева Т. Г. Курганы на арыке Джун . 4 157
Ольховский В. С., Завьялов В. И. Конференция «Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ» (Москва, 1985) . . 4 285
Отклики на статью В. А. Башилова и Э. Н. Лооне «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии» (Викторова В. Д., Бочкарев В. С., Григорьев Г. П., Пряхин А. Д., Васильевский Р. С., Симанов А. Л.) 1 224
Очир-Горяева М. А. Клык кабана с зооморфными изображениями из могильника «Заханата» Калмыцкой АССР 4 221

Павленков В. И. Фрагмент портретной эмблемы с Южно-Донузлавского городища 1 256
Панова Т. Д. Ювелирные изделия из раскопок в Московском Кремле 2 207
Полегайлов А. Г., Осадчий Е. И. Свинцовая гирька из Изяслава на р. Горыни 3 253
Потехина И. Д. Антропологические материалы из могильника Ясиноватка 4 18
Пронин Г. Н. Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины 4 169
Пряхин А. Д. Проблематика срубной культурно-исторической общности в сборниках Куйбышевского педагогического института (Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983; Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985) 4 254
Пряхин А. Д., Беседин В. И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы 3 21
Пуздровский А. Е. Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки, 1985; Памятники древнеегипетского искусства в собрании Полтавского краеведческого музея: Каталог выставки, 1986 . . . . . 4 281
Пхакадзе Г. Г. К изучению памятников Рион-Квирильского бассейна (IV—середина III тыс. до н. э.) 2 43

Раппопорт П. А. О методике изучения древнерусского зодчества . 3 118
Русанова И. П., Тимощук Б. А. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1987 . . . . . 2 260
Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований 1 72
Рябцев А. Н., Семенов В. А. Ананьинская «парадная» секира из-под Сыктывкара 1 244

Сагдуллаев А. С. К вопросу о «второй столице» Согдианы 4 223
Санжаров С. Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями 1 140
Седов В. В. Международный симпозиум по славянскому язычеству в Югославии 2 286
Седов В. В. X Всесоюзная конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии 3 295
Седов Вл. В. Псковские храмы XIV—XV вв. с прямоугольными боковыми апсидами 4 248
Семенов В. А. Памяти Глеба Алексеевича Максименкова . . 3 304
Сергацков И. В. Новые находки скифского времени в Волгоградской области 3 249
Сергин В. Я. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР 3 3
Сериков Ю. Б. Выйка II — опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье 1 17
Сериков Ю. Б. Голокаменская мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья 4 203
Симонов Р. А., Хромов О. Р. Пластина из Саркела . . 2 248
Сингх Р. Н. Техника изготовления стеклянных бус и колец в Райхате 3 251
Смирнов К. А. Всесоюзная конференция «Задачи советской археологии в свете

решений XXVII съезда КПСС» 2 290
Смирнов К. А. Костяной псалий со Старшего Каширского городища . 2 242
Согомонов А. Ю. Субпротогеометрическая керамика на Востоке: типология, хронология, дисперсия 3 37
Ставиский Б. Я. 25 лет регулярных исследований буддийского культового центра в Старом Термезе 3 291
Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. Поселение бронзового века на р. Конде 3 161

Татаринов С. И. Сезонное жилище горняков-металлургов эпохи бронзы у сел. Пилипчатино в Донбассе 4 96
Телегин Д. Я. Раскопки в Ясиноватке и вопрос о периодизации могильников мариупольского типа 4 5
Терехова Н. Н., Мехтиев Т. С. Технология изготовления кузнечных изделий из памятников Кавказской Албании на территории Азербайджана 2 167
Тимофеева Т. П. К вопросу об орнаменте фризовых колонок владимиро-суздальских белокаменных памятников XII—XIII веков . . 1 198
Тимофеева Т. П. Реконструкция древнего карниза притвора Георгиевского собора XIII в. 4 241

Устинова Ю. Б. Конференция «Проблемы античной и скифосарматской археологии», посвященная памяти П. Н. Шульца 27—29 января 1986 г. 1 295

Филатова В. Ф. Мезолитическое поселение Оровна-волок . . 4 78
Финкельштейн М. И., Богатырев Е. Ф., Плаунов Н. А., Эрдманис Г. Э. Применение радиолокационного подповерхностного зондирования в археологии 2 138
Флёров В. С. Вторая Международная конференция «Праболгары в Восточной и Центральной Европе в VI—X вв.» Шумен, 1986 . . . . . 2 300
Фомин А. В. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. 4 187
Формозов А. А. О двух документах 1860-х годов, касающихся древнерусской архитектуры 2 132
Фролов А. С. Первая калужская историко-археологическая конференция, февраль 1986 г. 1 297
Федоров-Давыдов Г. А. (Москва). Научно-практический семинар «Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XIV вв.» 4 291

Халилов Дж. А., Мусаев Д. Л., Мехтиев Т. С. Находки китайского фарфора на городище средневековой Гянджи 2 256

Цетлин Ю. Б. О реконструкции археологической стратиграфии памятников эпохи неолита 1 5

Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана 2 149
Черняков И. Т., Никитин В. И. Металлические украшения ямной и катакомбной культур с пуансонным орнаментом 4 26

Шарафутдинова Э. С., Калинский В. Н. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье . . . 4 214
Шевелев В. В. Стоянка Наволок в Каргополье 2 219
Шрайбман В. И., Серкеров С. А., Сидельникова Т. А., Флеров В. С. Новое в применении магниторазведки и электроразведки при исследовании грунтовых погребений на Северном Кавказе . 1 101
Шрамко Б. А. Детали оленьей упряжи в Скифии 2 233

Щапова Ю. Л. Teresa Stawiarska. Szkla z okresu wplywów rzymskich z Pólnocnej Polski. Studium technologiczne. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Lódz, 1984 . . . . . 3 283
Щукин М. Б. Керамика киевского типа с поселения Лепесовка 3 207

Указатель составлен П. Г. Гайдуковым

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск; Ижевск
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИ — Вопросы истории. Москва
ВСМЗ — Гос. объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВСЭНРПМ — Владимирские специальные экспериментально-научные реставрационные производственные мастерские
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Москва; Ленинград
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. СПБ.; Пг.
ИАК — Известия Гос. Российской Археологической комиссии. СПб.
ИИС — Из истории Сибири. Томск
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии (при Казанском университете). Казань
ИРАО — Известия Русского Археологического общества. СПб.
ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Муклухо-Маклая АН СССР
КБН — Корпус боспорских надписей/Под ред. акад. Струве В. В. М.; Л.: Наука, 1965
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения института этнографии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МГУ — Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва — Ленинград
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОНУз — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПГУ — Пермский гос. университет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Ленинград
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СОГПИ — Северо-Осетинский гос. педагогический институт им. К. Л. Хетагурова

СОГУ — Северо-Осетинский гос. университет им. К. Л. Хетагурова
СТ — Советская тюркология
СЭ — Советская этнография
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Москва
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Paris
CAH — Cambridge Ancient History. Cambridge
CNS — Corpus nummorum saeculorum. Stockholm

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписаны, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» и «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц, напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации.

5. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: [1, 2] ...

6. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1—84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА, МИА, Тр. ГИМ),— фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Ссылки на русские летописи даются в списке литературы с указанием наименования летописи. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Порядок оформления ссылок следующий:

Книги

Смирнов К. Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964.

Шитов В. Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье//Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976.

Журналы и продолжающиеся издания

Шелов-Коведяев Ф. В. Новый декрет из Херсонеса//ВДИ. 1982. № 2.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1-4.

Ежегодники

Колесник А. В., Привалов А. И. Мустьерская стоянка Звановка//АО—1978. М., 1979.

ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Рецензии

Кызласов Л. Р. По поводу одного ответа//СА. 1965. № 4.— Рец. на кн.: Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

Вагнер Г. К., Воронин Н. Н.//Византийский временник. 1968. Т. 28.— Рец. на кн.: Шмерлинг Р. О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.

Авторефераты

Шеляпина Н. С. Археологическое изучение Московского Кремля (древняя топография и стратиграфия): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974.

Архивные материалы

Рябинин Е. А. Отчет об археологических исследованиях Четвертого отряда Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР в 973 г./Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5227.

Артеменко И. И. Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы: Дис. докт. ист. наук. 07.00.06. М., 1977//Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2222.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются на русском языке: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5, *1, 2*].

7. Ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма и оригинальные работы древних авторов (Herod., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

8. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов,

культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

9. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

10. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 15.07.88 Подписано к печати 21.09.88 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 96,9 тыс. Уч.-изд. л. 29,5 Бум. л. 9,5
Тираж 3618 экз. Зак. 4649

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6